

Энциклопедический
СЛОВАРЬ

7^e Издание
Русского Библиографического
Института "Гранат"

Пастернак



Энциклопедический
СЛОВАРЬ

7^e Издание
Русского Библиографического
Института "Транат"

Пастернак



из книг
сергея и елены
москалевых

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ^{7^e} переработан. издание

ПОД РЕДАК: (до 33 тома) ПРОФ. ВЯ. ЖЕЛЕЗНОВА,
М. М. КОВАЛЕВСКОГО, С. А. МУРОМЦЕВА, К. А. ТИМИРЯЗЕВА.



ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. ГАМБАРОВА, проф. В. Я. ЖЕЛЕЗНОВА, проф. М. М. КОВА-
ЛЕВСКОГО, проф. С. А. МУРОМЦЕВА и проф. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

ТОМ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ — ЧАСТЬ IV

РОССИЯ
(продолжение)

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скализер).

Главлит № В-80.762.

Заказ № 7789. 241/2 поч. л.

Тираж 7.500

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата. Москва,
Краснопролетарский, 16.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА

Столб

РОССИЯ—история (продолжение)		1
IV. Войны Р. (до начала XIX в.)—Е. И. Мартынова		1
V. Экономическое развитие Р. в XIX и в начале XX в. в.—проф. П. И. Лященко		58
1. Крепостная экономика в конце XVIII в.		58
2. Разложение крепостного хозяйства и зарождение новой экономики		76
3. Эпоха промышленного капитализма. Общие предпосылки		92
4. Эпоха империализма и финансово-монополистического капитализма		161
VI. Аграрный вопрос в Р. к концу XIX в.—В. И. Ленина		178
VII. История рабочего класса в Р.—проф. М. С. Балабанова		267
1. Предыстория рабочего класса		267
2. Первые этапы рабочего движения (1861—1883)		272
3. На пути к с.-д. движению (1883—1894)		284
4. Рабочий класс в годы промышленного подъема и первый период с.-д. рабочего движения		294
5. Рабочий класс в годы промышленного кризиса и кануна революции 1905 г.		306
6. Рабочий класс в годы революции (1905—1907)		317
7. Рабочий класс в годы реакции		351
8. Рабочий класс в годы предвоенного подъема и процесс его большевизации		359
9. Рабочий класс в годы Мировой войны		390
VIII. Распадение крепостного строя и переход к буржуазному государству (1801—1881)—проф. Б. И. Сыромятникова		418
1. На грани двух веков. Кризис дворянско-крепостнической империи конца XVIII в.		418
2. Дворянско-крепостническая империя «на распутье»		443
3. Эпоха промышленного переворота и николаевская реакция		482
4. «Эпоха реформ»		553

К стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта-схема административного деления Европ. России перед Мировой войной	651/52
Карта-схема административного деления Азиатской России перед Мировой войной	651/52
Статистический обзор развития народного хозяйства в дореволюционной России (58 таблиц) — составил Б. В. Авилов	651/52

ОПЕЧАТКИ

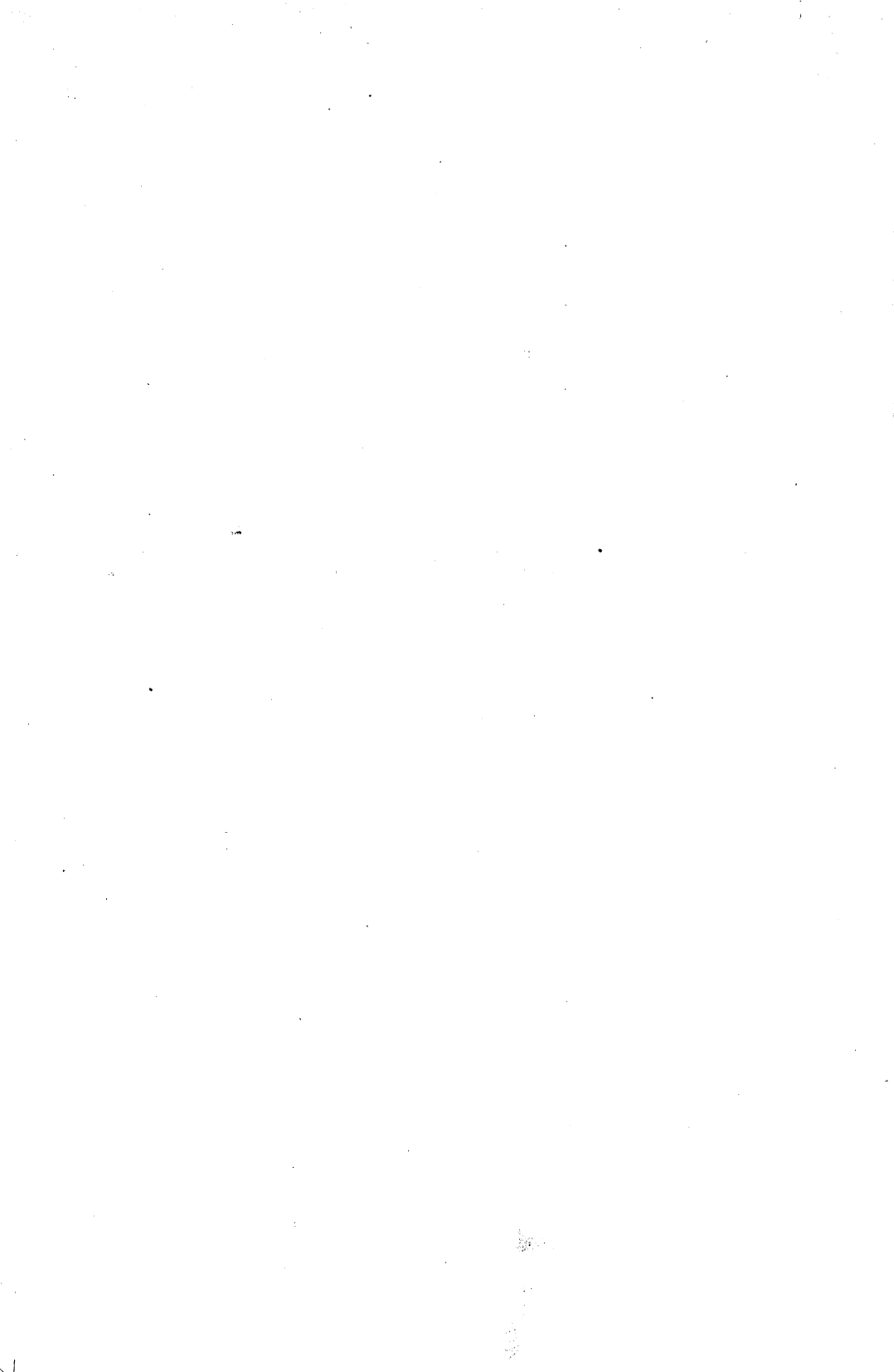
(просят исправить в тексте)

В т. XXXVI, ч. 2, в статье «Важнейшая литература по рабочему вопросу»

<i>Столб.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
1	1 стр.	1920	1928
18	44 стр.	Кенсингтоне	Кеннингтоне

ТОМ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ—ЧАСТЬ IV.

РОССИЯ
(продолжение)



РОССИЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

IV. Войны Р. (до начала XIX века).

Военная деятельность первых русских князей носила ярко выраженный норманнский характер. Князь имел дружину из родичей и боевых товарищей-норманнов (варягов). Если для какого-либо военного предприятия силы дружины оказывались недостаточными, то князь нанимал воинов (обыкновенно из доли добычи) среди свободных варягов, стекавшихся в Новгород, или же приглашал их из-за моря. Варяги были вооружены копьями и мечами, иногда секирами, и имели полное предохранительное вооружение; они вели исключительно пеший бой, при чем первый удар производился копьями в сомкнутой массе, а затем «секлись» мечами. Свои походы варяги совершали преимущественно по водным путям, на особых ладьях с парусами и веслами. Там, где на реке встречались пороги (напр., на Днепре), суда вытаскивались на берег и передвигались волоком, на катках. Такой способ применялся и для перехода из одной реки в другую, протекавшую поблизости. По морю варяги плыли вдоль берега; в ожидании бури останавливались, вытаскивали ладью на сушу и, переждав непогоду, продолжали путь. Иногда для усиления своих войск князь нанимал вспомогательные, преимущественно конные, отряды печенегов, половцев, венгров и других кочевников. Местных славян в войсках первых русских князей почти не было. Из своих городов князья предпринимали экспедиции для сбора дани с подвластных племен. Войны были такими же набегами викингов, как и на Западе. Для норманнских князей, утвердившихся в Киеве, наиболее привлекательным объектом набегов сделался Царьград (Олег, в 907 г.; Игорь, в 941 г.). Самым типичным викингом среди русских князей был Святослав (см.). В течение первых десяти лет своего княжения он совершил удачные походы против народов, живших на Дону, Волге, Кубани и при Каспийском море. Затем он воевал на Балканском полуострове (967—972). Утвердившись в сев. Болгарии, Святослав собрал войско, в состав которого, кроме

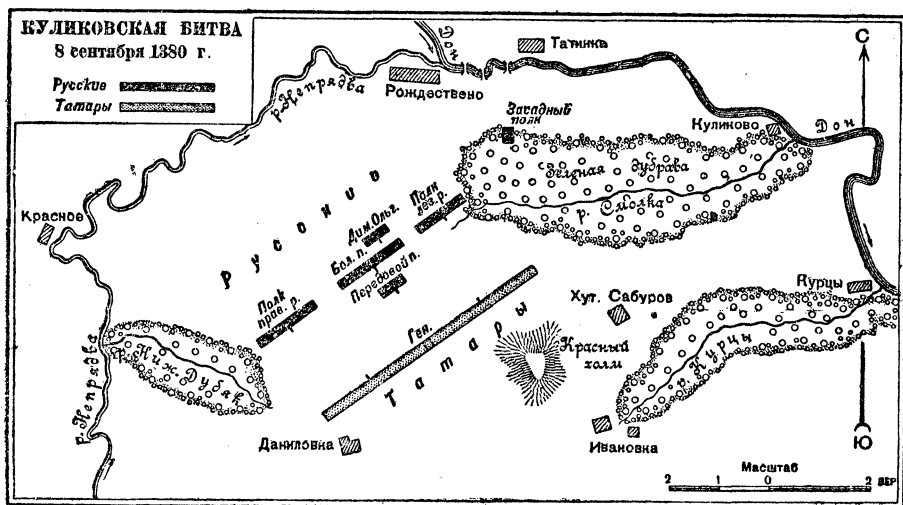
его дружины и пришлых варягов, входили еще наемные конные отряды печенегов и венгров, а также вспомогательные войска болгар. С этими силами в несколько десятков тысяч человек он двинулся в 970 г. на Константинополь, угрожая самому существованию Византийской империи в Европе. О том, насколько серьезна была эта угроза, говорит не только одновременные завоевания норманнских викингов на Западе, но и самые размеры столетней армии, двинутой против Святослава визант. императором Иоанном Цимисхием (см. XII, 636), заставившим в конце концов русского князя покинуть Балканский полуостров.

Во времена Владимира Св. и Ярослава Мудрого потомки дружинников-варягов успели уже в значительной степени ославяниться; такая же перемена произошла и в самих князьях. Для пополнения своих дружин, численность которых сильно возросла, князья стали все чаще набирать воинов из местных славянских племен; на ряду с этим постепенно сокращался и, наконец, совсем прекратился вызов варягов из-за моря. Русская рать того времени попрежнему состояла из пехоты, хотя князья, военачальники и некоторые выдающиеся воины выезжали в поле на конях. При особо трудных обстоятельствах князья прибегали к созыву ополчения, составленного из городских, а иногда и сельских жителей, для чего требовалось постановление веча. Войны Владимира и особенно Ярослава преследовали более крупные цели, чем войны их предшественников. При Ярославе (см.) была покорена Чудь в Прибалтийском крае, и в 1030 г. основан там г. Юрьев (Дерпт). В 1031 г. у Польши была отнята Червонная Русь (Галиция). В 1036 г., по смерти Мстислава Тмутараканского, Ярослав получил его земли, выходящие к Черному морю. В 1042 г. сын Ярослава, Владимир, совершил последний морской набег на Византию, окончившийся полной неудачей.

К середине XIII в. происходит монгольское (татарское) нашествие (1237—1240). Вооруженные силы монголов состояли лишь из

конницы, тяжелой и легкой. Их организация, тактика и стратегия были определены знаменитым Уложением Чингис-хана (см.). Благодаря своей удивительной сплоченности, железной дисциплине и военной технике (см. XXXVI, ч. 3, 398), татары легко победили разрозненные войска русских удельных князей (см. *Батый*). Несмотря на потерю своей самостоятельности, русские князья продолжали вести междуусобные войны, иногда призывая на помощь татар. В то же время на севере и западе шла почти непрерывная оборонительная война со шведами, ливонскими рыцарями (см. *Александр Невский*), Литвой и поляками, при чем были потеряны некоторые пограничные земли. Под влиянием татар, главным родом войск

большое войско, в состав которого, кроме татар и половцев, вошли еще наемные отряды закаспийских мусульман, алан, черкесов и крымских генуэзцев (пехота). Кроме того, татары заключили союз с великим князем литовским Ягелло и рязанским князем Олегом. Впрочем, последний фактически остался нейтральным. На стороне Москвы собрались удельные князья сев. Руси, в том числе и два брата Ягелло, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. В конце авг. 1380 г. Мамай перешел Дон у Задонска и двинулся на север, по направлению к Москве. Дмитрий, сосредоточив свое войско у Коломны, выступил навстречу татарам и 5 сент. подошел к лев. берегу Дона, между устьем р. Непрядвы и



Черт. 1.

в русских армиях сделалась конница, и тактика приняла монголо-азиатский характер. Кроме того, князья стали все чаще прибегать к призыву народного ополчения.

Усиление Московского княжества открывает новую главу русской военной истории. Окрепнув при поддержке татар, великие князья московские перестали выражать ханам Золотой Орды прежнюю покорность. Для того чтобы наказать московского князя Дмитрия Ивановича (см. XVIII, 369/72), хан Мамай послал в 1378 г. войско под начальством мурзы Бегича, но Дмитрий 11 авг. разбил его на берегах р. Вожи (в Рязанском уезде); это была первая значительная победа русских над татарами. В ответ Мамай в сентябре того же года опустошил Рязанское княжество до р. Оки и, не довольствуясь этим, решил окончательно смирить московского князя. С этой целью, в 1380 г., он собрал

дер. Татиника (в б. Елифанском у. Тульской губ.). В это время прибыли сведения, что наступающие главные силы Мамай находятся на прав. берегу Дона, в трех переходах к югу, а войска Ягелло в Одоеве — в 130 км к западу; Олег оставался около Рязани, не обнаруживая никакой деятельности. На собрании Дмитрием военным совете решено было наступать, построив для пехоты мосты через Дон и отыскав броды для конницы. Последствием этого и явилась *Куликовская битва 8 сент. 1380 г.* В этом сражении русское войско заняло узкий, пятиверстный проход между двумя поросшими частым лесом оврагами, окаймленными к тому же реками Непрядвой и Доном (черт. 1). Так как реки и лесистые овраги, создавая серьезные препятствия для маневрирования больших масс татарской конницы, обеспечивали фланги русской армии и лишали татар воз-

возможности использовать свое двойное численное превосходство (200—300 тыс. против 100—150 тыс. русских) и применить обычную тактику охватов, то Мамаю следовало уклониться от сражения, тем более, что литовские войска, находившиеся всего в одном переходе к зап., должны были подойти на следующий день. Однако, татары решили наступать. Первоначально русские полки не могли выдержать стремительного натиска неприятеля, и был момент, когда татары, отгеснив полк левой руки (русское левое крыло), угрожали выйти в тыл всему русскому войску и захватить переправы через Дон. В этот критический момент скрывавшийся в лесу засадный полк кн. Владимира Андреевича и боярина Боброка (см.) неожиданно атаковал противника во фланг. Татары стали в беспорядке отступать, Мамай пытался восстановить боевой порядок у Красного холма, но это ему не удалось, и все татарское войско обратилось в бегство. Русские преследовали неприятеля до р. Красной Мечи, на протяжении ок. 50 км. Большая часть татар погибла в бою и особенно при преследовании; русские также понесли огромные потери. Ягелло, узнав о поражении Мамай, повернул обратно к Одоеву и быстро ушел в Литву.

Победа на Куликовом поле не избавила Москвы от подчинения татарам. В 1382 г. новый хан Золотой Орды Тохтамыш (см.) посетил к Москве, взял Кремль, опустошил Московское и Владимирское княжества и ушел обратно, раньше чем Дмитрий Донской успел собрать свою рать. Московский князь вынужден был снова признать себя данником Орды. Уничтожить эту зависимость Москве удалось лишь сто лет спустя, при Иване III, а в 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей положил конец самому существованию Золотой Орды.

В XV и нач. XVI в. к Москве были присоединены Новгород, Тверское великое княжество и несколько мелких удельных княжеств, затем Псков и последние уделы. Образование централизованного государства сопровождалось коренными реформами и в организации вооруженных сил. Поместная система, при которой служилые люди, получая поместья, были обязаны, в случае войны, являться на сборные пункты «конны, людины и оружны», с нужным для похода запасом продовольствия, дава в распоряжение правительства, при сравнительно небольших денежных расходах, многочисленное ополчение дворянской конницы (см. *армия*, III, 506). Считают, что общее число поместной конницы в XVI в. доходило до 80—100 тыс. ратников, а с вооруженными слугами — до 300 тыс. Это были очень большие для того времени силы, какими не располагали соседи Москвы. Слабой стороной тогдашних русских армий являлась малочис-

ленность в них пехоты, которая была при том весьма плохого качества. Вследствие этого для атаки и обороны городов, укреплений и вообще местных предметов приходилось часть конницы спешивать. В середине XVI столетия в составе русских войск появляются *стрельцы* (см.), постоянная поселенная пехота, по их было мало (в конце XVI в. московских стрельцов ок. 12 тыс.), и они преимущественно несли караульную службу в городах, принимая участие в полевой войне лишь в составе небольших отрядов. В летописи имеется точное указание, что с последнего года княжения Дмитрия Донского (1389) на Руси «уразумели стрельбу огненную». В первое время артиллерийские орудия получались из-за границы, но при Иване III архитектор Аристотель Флорванти, который был и «пушечник нарочит», основал в Москве первый «пушечный двор» для литья медных орудий. При Грозном русская артиллерия насчитывала до 2.000 орудий и, по свидетельству иностранных писателей, не уступала артиллерии сильнейших государств Зап. Европы. Ручное огнестрельное оружие, появившееся позднее, частью изготовлялось на Руси, частью привозилось из-за границы; на ряду с ним не выходил из употребления и лук со стрелами, о чем говорит в XVII в. принятое выражение «огненный и лучной бой».

Войны XV и XVI вв. Военная политика Московского государства в XV и XVI вв., до самого Смутного времени, отличалась необычайным упорством, последовательностью и цельностью, вследствие чего удобнее рассматривать войны этой эпохи по фронтам: а) Восточный фронт, против татар; б) Южный фронт, против крымских татар; в) Западный фронт, против Литвы, Польши и Ливонского ордена, и г) Северный фронт, против Швеции. В стратегическом отношении на втором фронте (против Крыма) военные действия имели оборонительный характер, а на остальных трех — наступательный.

а) *Восточный фронт.* В XV в. образовалось независимое от Золотой Орды Казанское царство, откуда производились постоянные набеги на русские земли. Борьба с Казанью продолжалась около 100 лет, пока Казань не была окончательно покорена при Грозном, после трех походов в 1547, 1550 и 1552 гг. (см. *Казанское царство*, XXIII, 131/34). Неудача первых двух походов объяснялась, главным образом, отсутствием ближней базы, необходимой для осады большой крепости. В виду этого в 1550 г. было решено построить на р. Свияге, недалеко от впадения ее в Волгу, в 35 км от Казани, город Свияжск. Стены и башни для этого нового города были заготовлены дьяком Выродковым (рус. военным инженером) в Углицком уезде, откуда весной 1551 г. сплавлены к Свияжску в разо-

бранном виде. Для прикрытия постройки от нападения со стороны Казани, в апреле того же года было отправлено, под начальством бывшего казанского царя Шиг-Алея, большое войско. Закладка города была произведена 24 мая, а через 4 недели он уже был готов, при чем стены сделаны были из бревенчатых срубов, наполненных землей и приставленных один к другому.

Войско, назначенное для похода против Казани, состояло из 150.000 ч. при 150 осадных орудиях, не считая легких полевых пушек, приданных полкам. Во главе его стал сам Иван, которому тогда исполнилось 22 года и при котором в качестве советника находился Алексей Адашев (см.). В числе начальников были лучшие воеводы того времени: Воротынский, Мстиславский, Микулинский, Горбатый-Шуйский, Курбский, Шереметев и Морозов. Войско разделялось на 7 полков: 1) Большой, 2) Передовой, 3) полк Правой руки, 4) полк левой руки, 5) сторожевой, 6) Царский и 7) полк кн. Владимира Андреевича. Сверх того был сформирован отборный отряд из 7.000 всадников, названный ертоулом. В походе приняли также участие касимовские князья и мурзы под начальством Шиг-Алея. Войско состояло, гл. обр., из конницы; пехотными были: небольшой отряд только что учрежденных стрельцов, с огненным боем, казаки и даточные люди, выставляемые городами, преимущественно с лучным боем. В числе последних были и «посошные», снабженные топорами, лопатами и др. инструментом и исполнявшие обязанности инженерных войск.

Ручное огнестрельное оружие состояло из ручных, или «завесных» пищалей (ручниц): у стрельцов — со «змойкой и прутником», т. е. с курком и спуском, а у остальных — с фитилем. Дальность стрельбы, вследствие дурного качества тогдашнего пороха, не превышала 200 шагов. В состав «наряда» из 150 осадных орудий входили: 1) большие пищали, длиною в 2 и 3 м, малого калибра, стрелявшие железными ядрами; этот вид орудий отличался сравнительно большою меткостью и употреблялся, гл. обр., для уничтожения артиллерии обороняющегося, стоявшей на стенах и башнях; 2) стенобитные пушки, действовавшие каменными ядрами, диаметром около 10 дюймов, назначались для образования проломов (брешей) в городских стенах и для разрушения башен; 3) «верховые пушки» (мортиры), стрелявшие навесно «огненными ядрами», каменными, облепленными зажигательным свечением составом; они разрушали здания, стоявшие за городской стеной, и производили в городе пожары. Определить точно дальность стрельбы артиллерии той эпохи невозможно, так как регламентированных систем орудий тогда не было, а каждый мастер изготовлял их по своему усмотрению. Кроме того,

металл был различный, сорта пороха разные и прицельные приспособления неодинаковые. Во всяком случае, орудия стреляли не далее 1 км, при чем на такой дистанции обладали весьма малой меткостью.

При осаде Казани решено было впервые применить минное искусство, неизвестное татарам. Для этого был выписан из-за границы «немчин-размысл» (инженер), который, по выражению летописи, был «хитро навывчен по градскому разоренью». Согласно преданию, сохранившемуся в Казани, это был англичанин, по фамилии Бутлер.

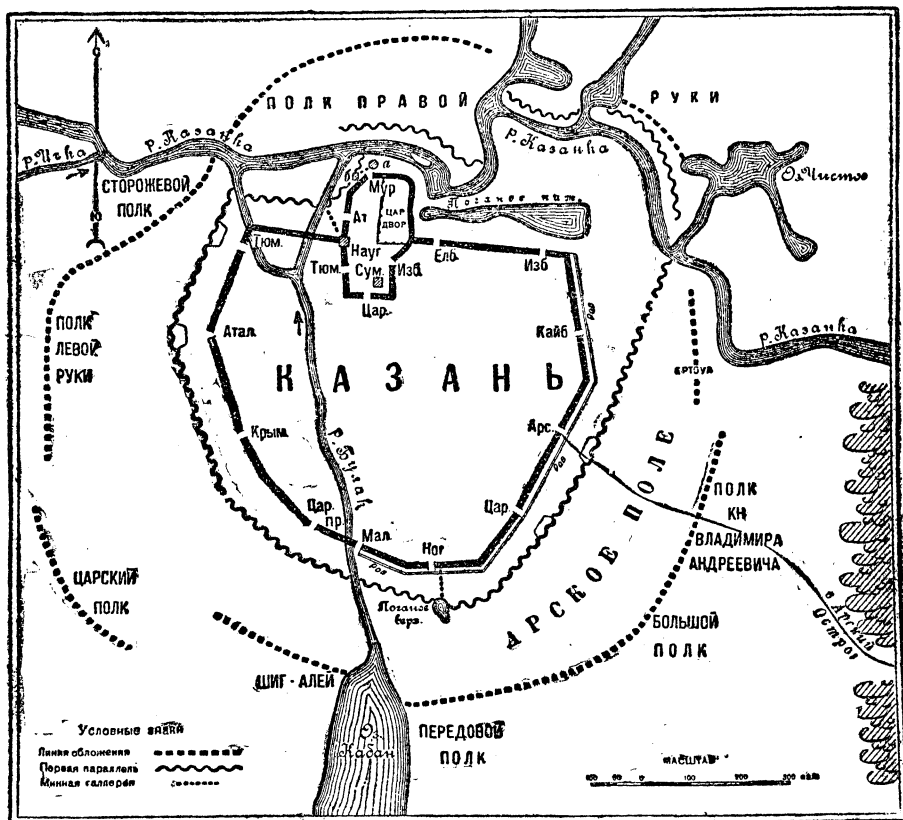
Выступление в поход было задержано происшедшим в июне 1552 г. нашествием крымского хана Девлет-Гирея, желавшего отвлечь внимание русских от Казани. С многочисленным войском, в котором были и турецкие янычары, хан подошел к Туле, но был разбит и принужден к поспешному отступлению. После этого все русское войско собралось у Коломны, откуда 1 июля выступило на Свияжск, где была заблаговременно устроена база с большими складами боевых и продовольственных припасов. Осадный артиллерийский парк, бревенчатые срубы (тарасы) и большая осадная деревянная башня, в разобранном виде, были направлены в Свияжск на судах по Волге. В Свияжске войску был дан трехдневный отдых, во время которого приказано заготовить на каждых 10 чел. по одному большому туру (цилиндрическая корзина, высотой ок. 3 м при поперечнике 2 м) и на каждого человека по одному заостренному бревну с прорезью для бойницы. 20 авг. все войско было уже на левом берегу Волги и двигалось к Казани.

Казань (см. *черт.* 2) лежит на лев. берегу р. Казанки, в 6 км от впадения ее в Волгу, на всхолмленной, изрезанной оврагами местности. Через город, в западной его части, протекала речка Булак, вытекающая из оз. Кабан и впадающая в р. Казанку. Весь город был обнесен дубовой бревенчатой стеной (с 11-ю воротами), протяжением около 5 км, состоявшей из отдельных срубов, приставленных один к другому и наполненных хрящем, камнями и глиной. Передняя сторона срубов была выше задней, образуя закрытия, «обламы», с вырезанными в них бойницами (стрельницами) для ручного оружия и амбразурами (бой, дыры) для орудий. Высота стен от подошвы до обламов — 7 м, толщина 6 м. Стены были покрыты кровлями. Оборона стен усиливалась 14-ю бревенчатыми башнями, помещавшимися преимущественно в исходящих углах ограды. Они являлись опорными пунктами и давали продольную оборону стенам. Южный и восточный фронты города от р. Булак до Нижнего Поганого озера были усилены наружным рвом, имевшим 15 м глубины и 6 м ширины по дну. С внутренней стороны из-за стен в ров выходили многочисленные потеры (норы).

В сев. части города на командующей высоте был расположен кремль, обнесенный стеной такого же устройства, как городская, с 5-ю воротами. Внутри кремля помещались: каменный царский дворец и высокая Сумбокина башня, главный наблюдательный пункт. К с. от кремля, на крутом скате к р. Казанке, был тайник (а), обширный резервуар с родниковой водой, к которому шел подземный ход.

ству, так и по качеству орудий, далеко уступала русской; в ней имелись даже деревянные пушки, окованные железом. Ручного огнестрельного оружия у татар было мало, и они больше пользовались луками. Продовольствием город был снабжен в изобилии.

Русское войско подступило к Казани 23 авг. и в тот же день произвело обложение, при чем полки заняли места, показанные на чертеже.



Черт. 2.

Этот тайник снабжал водою кремль; кроме того, в городе имелись колодцы; вода из р. Булак, хотя и употреблялась, но была плохого качества.

Гарнизон Казани состоял из 30.000 отборных воинов под начальством царя Едигера. Кроме того, вне города, к ю.-в., за лесами, находилось 30.000 конницы под нач. князя Епанчи. Опорным пунктом для нее служил Арский острог, расположенный в 20 км от Казани, на высокой горе между болот, и усиленный засеками. Стены Казани были вооружены артиллерией, которая, как по количе-

После этого в темную ночь с 25 на 26 авг. приступили к заложению первой параллели, т.-е. к устройству широкой поперечной траншеи, являющейся основанием для дальнейших действий осаждающего. Эта работа производилась по способу, впоследствии получившему название «летучей сапы». Большие туры одновременно подкатывались на избранный участок, там их ставили рядом, укрепляли забитыми внутрь кольями и наполняли землей, взятой из ровиков, вырытых с внутренней стороны; на крутых скатах устраивали тын. Заложение первой параллели, составив-

шей кольцо длиной ок. 7 м, было окончено в ночь с 29 на 30 авг., т.-е. отняло ок. 5 суток. На большей части своего протяжения она отстояла от городской стены лишь на 100 м. Утром 30 авг. большие пищали и «верховые пушки» открыли с этой дистанции огонь, которому слабая артиллерия обороняющихся почти не могла противодействовать.

Для защиты от конницы Епанчи были выдвинуты сторожевые отряды, местами выкопаны рвы и устроены засеки; самые же станы войск были прикрыты «гуляй-городом», т.-е. специально оборудованными для обороны повозками с деревянными щитами, из которых строились укрепления. Затем для наступления против Епанчи был образован отряд из 30.000 конницы и 15.000 пехоты. 31 авг., когда Епанча напал на русские сторожевые отряды, они, по предварительному приказанию, отступили за гуляй-город; в то же время татары были неожиданно атакованы русской конницей, до тех пор скрывавшейся за высотами, а пехота, двигаясь по Арскому лесу, зашла им в тыл. Войска Епанчи обратилось в бегство, укрывшись в Арском остроге, который был взят 6 сентября, при чем татары почти целиком были перебиты.

Тем временем Размыслу было приказано взорвать упомянутый выше тайник с водой (а). Минная галерея была начата от Дауровой бани (б) и ведена на протяжении 50—60 м. Взрывом (4 сент.) был разрушен не только тайник, но и часть кремлевской стены. Пользуясь смягчением, происшедшим у неприятеля, части сторожевого полка ворвались в кремль, но не могли там удержаться и отступили. Между тем осадная артиллерия своим подавляющим огнем почти совершенно уничтожила слабую артиллерию Казани и согнала со стен большинство стрелков. Этот момент был признан благоприятным для сооружения перед Царевыми воротами на Арском поле большой осадной башни, доставленной под Казань в разобранном виде. Башня была трехэтажная, вышиной в 12 м; она превышала стены Казани на 5 м. На ней помещались 10 больших полудюймовых пищалей и стрелцы с ручными пищальми. Безыказанный огонь с этой башни наносил большие потери татарам. Под прикрытием его русские повели постепенную атаку на участок стены близ Царевых ворот. Она состояла в последовательной установке одного ряда малых туров за другим; т. обр. была образована вторая параллель в расстоянии нескольких десятков шагов от городской стены. Затем такое же продвижение произошло и на всем остальном протяжении кольца обложения, за исключением северного фронта. В ночь на 1 окт. стенобитные пушки были придвинуты ко второй параллели и с утра открыли огонь по стене с самой близкой дистанции. За день 1 окт. стена на востоком, южном и западном

фронтах была во многих местах сбита почти до основания. Вместе с тем на Арском поле было приступлено к устройству переходов через наружный ров путем заваливания его фашинами и землей. На северном фронте, где 2-й параллели устроено не было и стена менее пострадала, были заготовлены штурмовые лестницы. Размыслу было приказано сделать два больших подкопа: 1) под Наугольную башню, находившуюся на высоте в зап. стороне кремля, где к нему примыкала городская стена, и 2) под городскую стену у Ногайских ворот, ведя минную галерею от Верхнего Поганого озера *под дном рва*. Заложенные в них огромные мины (по 24 бочки = 240 пудов пороха) были взорваны утром 2 окт., что послужило сигналом для общего штурма, решившего судьбу крепости. Осада Казани продолжалась с 23 авг. по 2 окт., т.-е. 40 дней. При этом татары оказали самое упорное сопротивление, защищая каждый шаг и производя частые вылазки. Успеху русских под Казанью немало способствовала тщательная подготовка осады и техническое превосходство осаждающих над противником.

После взятия Казани борьба для покорения всех частей Казанского царства продолжалась еще около пяти лет, до 1557 г. Тем временем в 1554—1556 гг. было завоевано Астраханское царство (см. IV, 186), и т. обр. Волга на всем своем протяжении, от истоков до устья, вошла в состав Московского государства. Но распространение Москвы на восток на этом не остановилось. В 1581 г. Строгановы (см.) снарядили за Урал экспедицию из донских казаков и своих ратных людей, под начальством Ермака Тимофеева (см. XX, 83/85). Последний завоевал татарское царство Кучума, расположенное в бассейне р. Иртыша, и занял его столицу г. Сибирь, в 15 км от нынешнего Тобольска. При Федоре Ивановиче (1584—1598) завоеванная территория была расширена, и для укрепления ее построены города: Тюмень (на р. Туре); Тобольск и Тара (на Иртыше); Березов, Сургут, Нарым (на Обь), и др.

б) *Южный фронт*. С 1478 г. Крымское ханство (см. XLV, ч. 2, 116/17) находилось в вассальной зависимости от Турции. Хан Менгли-Гирей был союзником Ивана III при его войнах с Золотой Ордой и Литвой, но с Василием III Московское государство начинает уже страдать от крымцев (см. Гирей). Кроме опустошительных нашествий крымских ханов, с огромными конными массами проникавших до самой Москвы, пограничные московские области постоянно подвергались набегам отдельных татарских отрядов, силою в несколько сот, а иногда и тысяч всадников. Целью этих набегов был грабеж мирного населения и захват пленных, которые считались главной добычей. Татары появлялись в разное время,

но преимущественно в период жатвы, когда легче было ловить людей, работавших на полях. Кроме крымцев, подобные же набеги производили и ногайские татары.

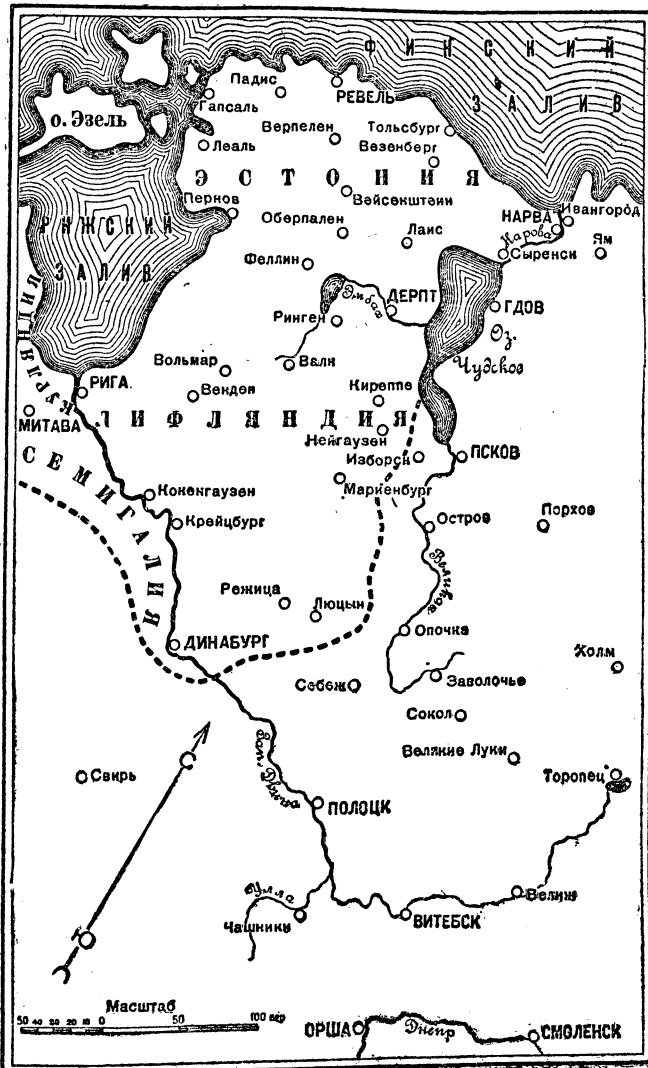
В XVI и XVII вв. для защиты Московского государства с южной стороны была создана оборонительная линия, известная под именем «Черты». Отдаленные участки ее существовали и раньше, но только в середине XVI в. они сомкнулись в связную и сплошную систему. На крымском фронте Черта начиналась от Оки (севернее Переяслава Рязанского, т.-е. Рязани) и шла через Венев, Тулу, Крапивну, Одоев, к ю.-в. от Козельска, удвоившись и даже угрожаясь в наиболее опасных местах. Она прерывалась обычными путями набегов крымцев, так наз. шляхи: Муравкиев, Изюмский, Кальмиусский и Бакаев (см. *шлях*). На Ногайском фронте Черта была вынесена к ю. от Рязани, уступом вперед, на линию Шадк — Саможок — Ряжск — Скопини. Главным основанием обороны являлись засеки, или лесные завалы (см. XX, 629), шириной от 20 до 60 м. Затем широко пользовались реками, озерами и болотами; речные броды (перелазы) портились погружением в воду дубовых колод с забитыми кольями. На открытых участках местности насыпали высокие валы, усиленные тыном. Для пропуска через Черту собственных войск и населения во многих местах были оставлены проходы (ворота), защищенные бревенчатыми городками, острогами и башнями. Длина всей Черты составляла приблизительно 1.000 км. В XVII в. на несколько сот километров южнее Черты уже возникли новые оборонительные сооружения на р. Быстрой Осене и на широте Тамбова и Белгорода. Для непосредственной обороны Черты была назначена засечная стража, состоявшая в ведении особых засечных воевод и представлявшая военное поселение, расположенное вдоль линии. Сторожевая служба лежала на обязанности городских войск, от которых выдвигалась вперед целая сеть сторожевых застав с их подержками (см. *сторожки*). Для встречи татар (по исследованию Масловского) всегда были в готовности две рати — «украинская» и «береговая», силою обе до 20.000 человек; первая занимала пункты в районе Новосиль, Мценск, Дедилов, Пронск, Тула, а вторая — по Оке. При больших нашествиях призывались соответствующие силы, и даже объявлялась общая мобилизация. После покорения Казани и Астрахани, Адашев и другие советники Ивана IV предлагали ему покончить с Крымским ханством. Однако, царь не последовал этому совету, потому что для покорения Крыма нужно было совершить поход с большими силами на протяжении около 1.000 км по так наз. «дикому полю», не говоря уже о том, что все это привело бы к войне с могущественной тогда Турцией. Кроме того, в это время политика Москов-

ского государства уже поставила себе на западном фронте другую, еще более важную и, казалось, легче достижимую цель — завоевание побережья Балтийского моря. Весною 1556 г. Иван IV, получив известие о намерении хана Девлет-Гирея совершить нашествие на Москву, приказал дьяку Ржевскому сделать разведку. Построив в Путивле легкие суда, Ржевский спустился по рекам Сейму, Десне и Днепру в Днепровский лиман и взял Очаков, защищаемый турками и татарами. После этого, собрав нужные сведения, он поплыл обратно и, несмотря на преследование, благополучно вернулся в русские пределы. В 1559 г. был произведен более крупный «поиск». Окольный чин Даниил Адашев, с отрядом в 8.000 ч., спустился на судах к устью Днепра, взял два турецких корабля, высадился на западном берегу Крыма и разорил крымские улусы. Крымцы, достигнутые врасплох, не успели оказать Адашеву сопротивление в Крыму, и хан только преследовал его по Днепру до порогов, но и тут не решился на него напасть. В дальнейшем Грозный держался в отношении Крыма оборонительного способа действий; так же поступали и его преемники до конца XVII в.

в) *Западный фронт*. После свержения власти татар (1480) главное внимание Московского государства обратилось на Литву, которая (с XIV в.) владела Смоленском, Северским и Полодским княжествами, Киевской и Волынской Русью. В 1492 г., после смерти Казимира IV, на престол Польши вступил его старший сын Альбрехт, литовцы же объявили своим великим князем его младшего сына Александра (см. XXXII, 579/80). Считая этот момент благоприятным, Иван III в союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем начал войну против Литвы. Русские отряды взяли Мценск, Серпейск, Вязьму, Рогачев и др. города, а татары напали на Подолью и Волынь. В 1494 г. был подписан мирный договор, но в 1499 г. началась вторая война. Московское войско (40 тыс.), под начальством кн. Даниила Щеняти, разбил (1500) близ Дорогобужа литовское войско такой же численности, под командой гетмана Константина Острожского. Литовцы потеряли всю артиллерию и много пленных, в числе которых был и сам гетман (впоследствии бежавший из Москвы). На помощь Литве пришел Ливонский орден, магистр которого Вальтер ф. Плоттенберг в 1501 г. объявил войну и разбил русских под Изборком, к в. от Пскова. В 1503 г. было заключено перемирие с Литвой на 6 лет, по которому Москва удержала за собою все Северское княжество, и с Ливонским орденом, также на 6 лет, без каких-либо территориальных уступок. Еще в 1492 году Иван велел заложить на самой границе Ливонии, против Нарвы, на правом берегу Наровы, каменную крепость Ивангород, чем намечался в будущем захват

южного побережья Финского залива. Преемник Ивана, Василий III (см.), начиная с 1507 г. находился в войне с Польшей. В 1513 г. он совершил два похода под Смоленск, но не мог его взять вследствие неудовлетворитель-

на, и Смоленск сдался. В следующем 1515 г. русская армия в составе 80.000 ч. под нач. воевод Михаила Годицы и Челяднина была наголову разбита, с огромными потерями при Орше, гетманом Константином Острож-



Черт. 3.

ного действия своей артиллерии. Тогда были выписаны артиллеристы из Германии и Чехии; 20 июля 1514 г. Смоленск был в третий раз обложен большим войском и подвергся усиленной бомбардировке; уже через 9 дней большая часть городских стен была разру-

ским, имевшим в своем распоряжении не более 35.000 чел. поляков и литовцев. Война окончилась в 1522 г. перемирием на 5 лет, продолженным впоследствии еще на 6 лет. По этому договору Москва получила Смоленск с его областью.

Ливонская война (1558—1583). 1) Война с Ливонским орденом (1558—1561). Владения Ливонского ордена состояли из Эстонии, Лифляндии, Курляндии и Семигалии (см. черт. 3). С с. на ю. они простирались на 350 км; с в. на в. от 150 до 200 км (см. *Ливонский орден*, XXVII, 126/29). Как указывалось выше, Ярослав Мудрый задолго до прибытия рыцарей основал к в. от Чудского оз. г. Юрьев (Дерпт) и обложил окрестные чудские племена данью. Основываясь на этом, московские государи считали Ливонию своей вотчиной. В XVI в. земли Ливонии были хорошо возделаны трудом порабощенного крестьянства и давали значительный избыток продовольствия; ливонские города, населенные преимущественно немцами, процветали, так как являлись посредниками в торговле между западом и сев.-востоком Европы. Малочисленные вооруженные силы ордена состояли из рыцарей-меченосцев, немецких наемных отрядов и городских милиций. Масса крепостного крестьянства не была заинтересована в защите государства; крестьяне ненавидели немецких рыцарей-помещиков. Ливония была усеяна укрепленными городками и рыцарскими замками, что делало ее неудобным театром войны для русской армии, состоявшей, гл. обр., из конницы; но в своей многочисленной артиллерии русские имели средство для разрушения этих укрепленных пунктов. После покорения Казанского и Астраханского царств, Грозный поставил себе целью овладеть Ливонским побережьем Балтийского моря, для того чтобы установить непосредственные сношения с Зап. Европой. 22 янв. 1558 г. сорокатысячное московское войско, в состав которого, кроме русских, входили татары, черемисы, мордва и пятигорские черкесы, под начальством Шиг-Алей вторглось в Ливонию со стороны Пскова, направился мимо Дерпта на север к Финскому заливу и у Ивангорода в конце февраля вышло обратно из Ливонии. Во время этого похода не было встречено почти никакого сопротивления. Результат заключался в варварском опустошении пограничной полосы, шириной около 100 км и в захвате огромной добычи и множества пленных. Московские войска совершали беспримырные зверства над мирным населением, при том только над немцами, эсты же отделались лишь материальным ущербом от сплошных пожаров. Иван Грозный желал, с одной стороны, неслыханным террором заставить Орден подчиниться своей воле, а с другой — привлечь симпатии крестьян. По возвращении из Ливонии Шиг-Алей получил приказ приостановить военные действия. По совету Шиг-Алея, Ревель, Рига и Дерпт собрали 60.000 талеров, которые были отправлены в дань Москве.

Между тем, на театре войны произошло событие, изменившее положение дела. Гарни-

зон Нарвы продолжал перестреливаться с Ивангородом, а 11 мая, когда в Нарве произошел пожар, русские приступом захватили город. На другой день, 12 мая, сдался гарнизон нарвской крепости — Вышгород, выговорив себе право беспрепятственного выхода с оружием. Вместе с гарнизоном покинули Нарву «лучшие люди», а «черный люд» присягнув Грозному. Весть о взятии Нарвы, имевшей для Ивана IV большое значение (порт на Финском заливе), пришла в Москву раньше прибытия туда ливонского посольства. Вследствие этого царь не принял привезенных денег, и военные действия возобновились (занятия Сыренска, Гольсбурга, Везенберга и др.). В конце мая 1558 г. закончилось сосредоточение в Пскове сорокатысячной армии кн. Петра Шуйского. В начале июня она осадила городок Нейгаузен и 30 июня взяла его приступом. Престарелый магистр Фюрстенберг на собрании рыцарей в Валке заменен был Готгардом Кетлером (см.). На рассвете 11 июля войско Шуйского подступило к Дерпту и обложило его. Город не выдержал огня русской артиллерии и 18 июля сдался (взято 552 орудия и много боевых припасов). Сдача Дерпта произвела панику во всей Ливонии. Бюргеры бежали в западные области и за границу. «Черные люди» — эсты и ливы — охотно переходили в русское подданство. Осенью, когда русское войско большей части разошлось (только в некоторых пунктах были оставлены небольшие гарнизоны), Кетлер, наняв на занятые деньги ландскнехтов в Германии и собрав ливонские войска, с отрядом в 10.000 чел. перешел в наступление. Овладев замком Ринген, он, однако, не решился идти на Дерпт, а ограничился тем, что выслал отряды для опустошения Псковской области. В последний числа октября Кетлер вернулся в Ригу. Между тем, в конце 1558 г. в районе Пскова собирались многочисленные русские силы для нового похода в Ливонию. 15 янв. 1559 г. московское войско, с которым шли казанские и касимовские татары, а также черкесские князья, под главным начальством кн. Миклулинского, вторглось в Лифляндию. Оно наступало по обоим берегам Двины до Риги, опустошив полосу земли шириной около 150 км и совершая повсюду обычные зверства. На пути было занято 11 замков, оставленных ливонцами; отдельные отряды вышли на побережье Рижского залива, разорили там 7 городков и сожгли корабли под самой Ригой. Этот поход продолжался до 17 февр., почти без всякого сопротивления орденских войск. Окончив разгром, Миклулинский вернулся к русской границе, не назначив никаких гарнизонов в захваченные укрепленные пункты. По ходатайству датского короля Фридриха II, ордену было дано перемирие на 6 месяцев, с мая до ноября 1559 г. Кетлер использовал полученную отсрочку для пере-

говоров с Сигизмундом II Августом. В результате, 15 сент. в Вильне был подписан договор, на основании которого король обязался защищать Ливонию от Москвы, за что получил в залог обширную территорию по Двине близ литовской границы. В ноябре, по истечении срока перемирия, Кетлер, успевший добыть денег и нанять немецких ландскнехтов, перешел в наступление против русских и разбил под Рингеном их разведывательный отряд, затем подошел к Дерпту, но, простояв под городом 50 дней и не решившись на приступ, двинулся к укрепленному городку Лайсу. Небольшой гарнизон этого пункта отбил двухдневный штурм. Кетлеру пришлось отступить в Оберпален, где его наемные войска, раздосадованные неудачей и неполучением жалования, взбунтовались и с трудом были размещены на зимние квартиры, орудия же — отправлены в Фелли. В январе 1560 г. П. Шуйский взял крепкий замок Маршенбург и произвел с большими силами опустошительное нашествие по обеим сторонам Двины в пределах Рижского архиепископства и Курляндии.

В мае 1560 г. близ Дерпта начала собираться новая русская армия под начальством Курбского. Получив сведения, что Кетлер формирует войска в Ревеле, Курбский пошел против него. Близ Вейсенштейна он узнал, что магистр, с 4 пешими и 5 конными полками, выдвинулся из Ревеля к Верпелену. Курбский атаковал неприятеля и обратил его в бегство. Под впечатлением этого успеха крестьяне в окрестном районе восстали против помещиков. Сам Курбский вернулся в Дерпт, где в июле окончилось сосредоточение сорокатысячной армии. Вместе с тем пришел приказ царя — взять Фелли, один из самых сильных укрепленных пунктов Ливонии. С 1 авг. началась осада Феллина, в котором находился бывший магистр Фюрстенберг. На помощь осажденным выступил отряд ливонцев и поляков. Курбский с частью сил пошел навстречу союзникам и разбил их у Вольмара. 21 авг., после трехнедельной обороны, гарнизон Феллина сдался на капитуляцию, выговорив себе свободный выход. В крепости было захвачено 468 орудий. После взятия Феллина войско разделилось на 3 отряда: два из них совершили опустошительные походы к Вендену и Ревелю, а третий под начальством кн. Мстиславского в течение 6 недель безуспешно осаждал Вейсенштейн. К зиме главные силы снова сосредоточились у Дерпта, и военные действия прекратились. В 1561 г. произошло разпадение Ливонского ордена (см. XXVII, 130); восточные части Эстонии и Лифляндии с городами Нарвой, Везенбергом, Дерптом, Феллином и Маршенбургом остались в руках русских.

Встретив в своей трехлетней борьбе с Ливонским орденом очень слабое сопротивление, Грозный, однако, не сумел достигнуть поста-

вленной цели: он не завладел Ливонией с ее главными портовыми городами Ревелем и Ригой, а овладел лишь пограничной полосой, длиною около 200 и шириной до 100 км, с второстепенным портом Нарвой. Незначительность достигнутых результатов, несмотря на введенные в дело огромные силы, объяснялась, гл. обр., неадекватным, с точки зрения стратегии, способом действий. Вместо того чтобы завоевывать Ливонию систематически, район за районом, постепенно утверждаясь в ее многочисленных укрепленных городах и рыцарских замках, московское войско, по справедливому выражению Костомарова, «гуляло по всей стране», подвергая ее дикому опустошению и заливая кровью. Расчет Грозного на то, что таким террором он заставит Ливонский орден и господствующий класс немцев покориться себе, не оправдался: запуганная Грозным Ливония предпочла подчиниться другим, более близким себе и более культурным соседям.

2) Война за Ливонию с Польшей и Швецией (1561—1582). Приняв большую часть Ливонии с ее главным городом Ригой в свое подданство, Сигизмунд II Август обещал ливонцам вернуть области, отторгнутые русскими. Вследствие этого королю пришлось осенью 1561 г. объявить войну Москве, но он не имел ни средств, ни желания для энергичного ведения ее, а потому военные действия в конце 1561 г. и в 1562 г. ограничивались мелкими предприятиями, сопровождаемыми переговорами. Для того чтобы склонить Сигизмунда к уступчивости, Грозный, продолжавший считать всю Ливонию своей вотчиной, решил нанести удар соседней Литве в чувствительном для нее пункте. В дек. 1562 г. под Можайском была сосредоточена 80-тысячная армия, с которой царь быстро и скрытно двинулся к Полоцку, имевшему важное стратегическое значение в качестве базы при действиях поляков в Ливонии. Город, защищенный бревенчатой стеной, был обложен 31 янв. 1563 г. и, не выдержав огня многочисленной московской артиллерии, 15 февр. уже сдался. Защитники Полоцка были пощажены, а наемные солдаты (в числе 500) даже одарены шубами, и им было разрешено вернуться к королю или выехать в другие страны; зато все молодки еврей были утоплены в Двине. Приказав усилить укрепления Полоцка, а войску наступать на Вильно, Иван выехал в Москву. Между тем королевская рада, через Боярскую думу, просила его приостановить военные действия, так как к нему будут посланы литовские послы. Иван согласился. Начались бесконечные переговоры. Потеряв ровно год, Грозный в нач. 1564 г. приказал возобновить наступление, для чего кн. П. Шуйский, выступив из Полоцка, и кн. Серебряный, двигаясь от Вязьмы, должны были соединиться

у Орши и наступать на Минск. Но раньше, чем это соединение произошло, троцкий воевода Радзивилл 23 янв. 1564 г. неожиданно атаковал войска Шуйского близ Орши и нанес им полное поражение, при чем сам Шуйский был убит. В апр. 1564 г. Курбский (см.), командовавший войсками в Дерпте, бежал в Вольмар и передался польскому королю. Этот «отъезд» одного из лучших московских воевод произвел чрезвычайно сильное впечатление на Грозного, и без того подозрительно относившегося к высшему боярству. В 1564 г. была учреждена опричина (см.), и начались массовые казни. Тем временем переговоры с Польшей о перемирии продолжались на ряду с незначительными военными действиями; так прошли 1564 и 1565 годы. Наконец, польско-литовское правительство предложило уступить Москве занятую русскими войсками часть Ливонии и город Полоцк с прилегающей территорией на правом берегу Двины. Управлявший тогда посольским приказом дьяк Висковатый (см.), выдающийся московский дипломат, учитывая общее политическое положение и внутреннее состояние государства, советовал принять это предложение, внося в него некоторые поправки; дело в том, что торговое значение взятой русскими Нарвы оказалось гораздо большим, чем это раньше предполагали в Москве (см. XXXVI, ч. 3, 450/51). Но Грозный требовал всю Лифляндию с Ригой, уступая полякам только Курляндию и несколько городов на правом берегу Двины. Летом 1566 г. созван был земский собор, который постановил, что «мириться с королем непригоже», а нужно «за ливонские города государю стоять крепко». Висковатый «мысль свою сказал особо», т. е. подал отдельное мнение (в 1570 г. он был казнен). Казалось бы, что после такого заключения земского собора война примет решительный оборот, но военные действия и в дальнейшие годы велись без общего плана, какими-то вспышками, вызывая лишь напрасное кровопролитие и разорение страны. Вообще Грозный, при всех своих способностях, не обладал свойствами ума и характера, нужными для полководца. У него не было способности холодного расчета, систематичности в действиях, твердости и спокойствия в опасности. Чрезмерно увлекавшийся, неустойчивый, неуравновешенный, ни в чем не соблюдавший меры, болезненно подозрительный, он убивал инициативу и самостоятельность в начальниках своей армии. Лучшие воеводы были отправлены в ссылку или на плаху. В области внешней политики Грозному сильно вредило чрезмерное представление о своей царской власти. Вместо того чтобы улаживать возникшие конфликты, Грозный, как «словесной мудрости ритор», вступал со своими противниками в полемику, стараясь их узавить своим остроумием. С го-

дами, по мере того как распатывалась первая система царя, все эти стороны выступали все сильнее, и в конце своего царствования он был уже душевнобольным (см. Иван IV).

В 1569 г. была провозглашена Люблинская уния (см. XXXII, 585). В 1570 г. Иван IV заключил с Речью Посполитой перемирие на 3 года, что дало возможность, отсрочив на время спор о Лифляндии, сосредоточить все внимание на Эстонии, находившейся в руках шведов. Однако, обстановка тут изменилась в неблагоприятную для Москвы сторону: в 1570 г. окончилась ожесточенная семилетняя война Швеции с Данией (см. XLIX, 297). Сам Грозный был отвлечен внутренними делами: он, будто бы, открыл «изменников», которые подготавливали передачу Новгорода и Пскова Литве. Последствием был разгром Новгорода в янв. и февр. 1570 г. (см. XXXVI, ч. 3, 551/52). Весной того же года Грозный выступил с новым проектом овладения Ливонией. Предполагалось образовать из нее вассальное королевство с датским принцем Магнусом во главе. С этим подставным королем (до тогошнему — «годовником»), которого для большей прочности женили на царской племяннице, был заключен договор, определявший его права и обязанности по отношению к Москве. После этого Грозный послал Магнуса и князей Лыкова и Кропоткина с войском в 25.000 ч. и с большим отрядом немецких наемников добывать Ревель от шведов. Город был обложен с суши 21 авг. 1570 г. На море продолжал господствовать шведский флот, который подвозил гарнизону подкрепления и все необходимое, вследствие чего нельзя было установить блокаду. Простояв под Ревелем почти семь месяцев, русское командование вынуждено было, 16 марта 1571 г., снять осаду; Лыков и Кропоткин с московскими войсками отошли к Нарве, а Магнус с немцами — в Оберпален.

Весной 1571 г. крымский хан Девлет-Герей совершил нашествие на Москву и в конце мая сжег все части города вокруг Кремля. По этому поводу были также найдены «изменники», которые, якобы, помогли крымцам подойти незаметно; начались новые массовые казни. Кроме того, Грозный занялся расширением и преобразованием опричнины, как военной системы, которая с 1572 г. получила название «двор».

В конце 1572 г. 80-тысячная московская армия от г. Яма вступила в Эстонию, но потерпела поражение от шведского генерала Клауса Тотта. Тем временем в Польше со смертью Сигизмунда II Августа (1572) прекратилась династия Ягеллонов. Польский престол сделался избирательным, при чем в числе кандидатов выступил и московский царь. Он имел много сторонников среди низших классов населения, но против него была аристо-

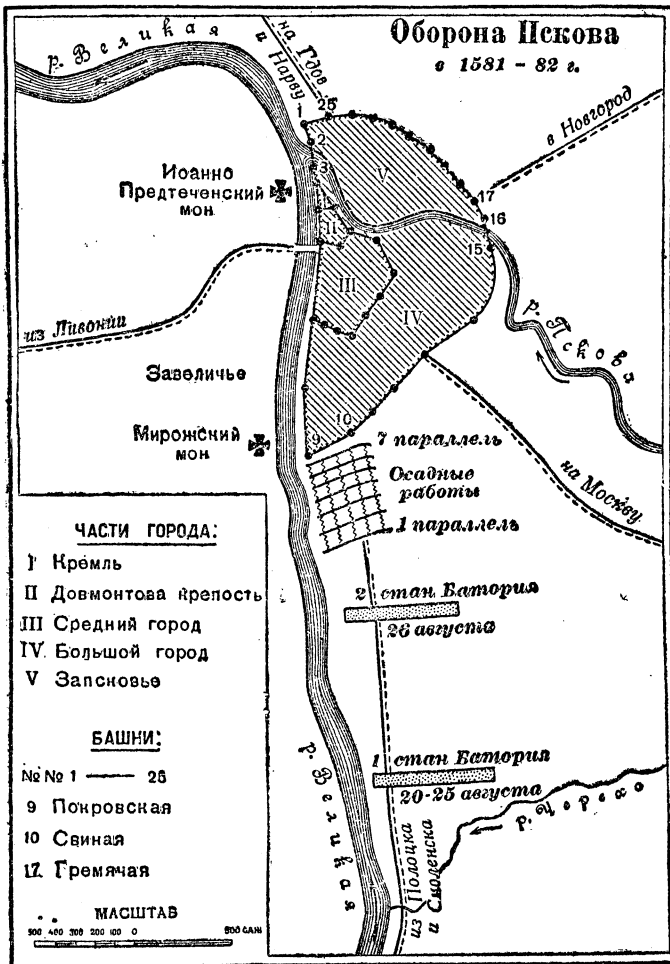
кратия. В 1573 г. польским королем был избран Генрих Анжуйский, через 5 месяцев бежавший во Францию: в Польше наступило бескорольевье, продолжавшееся около 3 лет (см. ХХХII, 585/87). В апр. 1576 г. на престол Польши и Литвы вступил трансильванский воевода Стефан Баторий (см. V, 81/84). Избегая разрыва с Москвой, он в июле 1576 г. предложил Ивану IV не нарушать заключенного в 1570 г. перемирия и вступить через послов в переговоры о мире. Между тем, военные действия против шведов продолжались. В янв. 1577 г. московское войско, в числе 50.000, подступило к Ревелю и начало бомбардировку, но через 6 недель ему пришлось снять осаду. В июле 1577 г., после обширных приготовлений в Новгороде и Пскове, сам Грозный со стотысячной армией вторгся в Ливонию, но не в шведскую Эстонию, где его ожидали, а в Лифляндию, занятую поляками, с которыми существовало перемирие. Правитель ее Ходкевич, имея всего 4.000 ч., отступал, не оказывая никакого сопротивления. В течение месяца вся страна, почти до самой Риги, на осаду которой Иван не решился, была занята московскими войсками. Одновременно крымский хан произвел набег на Подолию и Вольны. Это нашествие под личным начальством царя отличалось еще большей жестокостью, чем предыдущие: истреблению подвергались не одни лишь немцы, а все жители вообще. Закончив разгром Лифляндии, Грозный выслал конные отряды для опустошения Эстонии, а сам вернулся в Александровскую слободу. С уходом главных сил русской армии из Лифляндии, поляки оправившись и снова заняли некоторые города, а Магнус перешел на их сторону. В янв. 1578 г. Баторий прислал в Москву послов вести переговоры о мире. Грозный, однако, предъявлял чрезмерные требования, и стороны согласились лишь продлить перемирие с 25 марта 1578 г. на три года. Но в грамоте, написанной от имени царя, внесено было дополнительное условие: «тебе, соседу (а не «брату») нашему Стефану королю, в нашей вотчине, Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие уголья не вступайся...». Баторий не согласился с такой неожиданной оговоркой, и в февр. 1578 г. на созванном в Варшаве сейме было решено, вследствие вызывающих действий Ивана, вести против Москвы наступательную войну. Армия Речи Посполитой состояла, гл. обр., из дворянского конного ополчения; пехоты было очень мало, и она была плохого качества; артиллерия тоже недостаточна. При помощи канцлера Замойского, Баторий добыл необходимые деньги, при чем часть их пожертвовал сам, пригласил на службу отряды наемной пехоты из венгров, немцев и др. иноземцев и сформировал сильную артиллерию.

В июле 1579 г. Баторий объявил Ивану IV войну. Целью ее было поставлено овладение Псковом, самой сильной московской крепостью, после падения которой русским войскам было бы трудно удерживаться в Ливонии. Операционная линия была избрана через Полоцк, отстоявший от Пскова на 250 км. и удобный для устройства в нем промежуточной базы. В начале августа Баторий неожиданно подошел к Полоцку, в котором находился значительный гарнизон. Полоцк состоял почти исключительно из деревянных, скудно расположенных построек, и для обстреливания его Баторий применил каленные ядра, — снаряды, малоизвестные на востоке. Они появились в Европе в нач. XVI в. и первоначально употреблялись для стрельбы по деревянным судам. Ядра раскаливались в особых печах и помещались в канал орудия, отделяясь от заряда двумя пыжами (сухим и мокрым); при попадании в цель они производили пожары, которые, по свидетельству современников, было трудно потушить. В результате трехнедельной бомбардировки почти все строения города сгорели; в конце августа удалось поджечь в нескольких местах бревенчатую городскую стену, после чего был произведен штурм. Город сдался на условии свободного выхода всего гарнизона. Затем Баторий осадил находившийся в 100 км к с.-в. от Полоцка небольшой город Сокол, который 25 сент. был зажжен и взят приступом. Тем временем оршинский староста Кмит разорил Смоленскую область, а кн. Константин Острожский — Северскую до Стародуба и Почепа. На севере шведы вторглись в Карелию и Ижорскую землю и подступили к Нарве, но были от нее отбиты.

В начале лета 1580 г. польская армия, силой в 50.000 человек, в том числе 20.000 человек пехоты, сосредоточилась у м. Чашники на р. Удле, откуда шли пути: на с. к Пскову и на в., через Смоленск, к Москве. Такое исходное положение неприятельской армии, отвечавшее двум операционным направлениям, побудило Грозного разбросать свои силы. Он настолько растерялся, что даже изменил своей обычной системе управления армиями, основанной на чрезмерной централизации, и впал в другую крайность, дав воеводам, действовавшим против поляков, лишь одно указание: поступать, «как их бог вразумит». Продолжая держать русских в неизвестности относительно своих дальнейших намерений, Баторий перешел в наступление в промежуток между двумя указанными операционными направлениями, на Великие Луки, а Кмиту приказал с 9.000 чел. двгаться к Смоленску с целью демонстрации. Город Великие Луки, занятый гарнизоном в несколько тысяч человек, вследствие бомбардировки калеными ядрами загорелся. Гарнизон изъявил готовность сдаться, но венгерская

пехота, не желая упустить добычу, ворвалась в город и произвела в нем страшное кровопролитие. Другие городки в районе Великих Лук были выжжены или сдались до сожжения. Князь Хилков, отправленный на помощь Великим Лукам, потерпел поражение

взял Кексгольм, а в янв. 1581 г., перейдя по льду Финский залив, внезапно явился в Эстонии под Везенбергом, который, после сильного обстреливания, сдался в марте; его примеру последовал и замок Тольсбург. 20 авг. 1581 г. стотысячная армия Бато-



Черт. 4.

под Торопцом от кавалерии Батория. Зато Кмит, демонстрировавший против Смоленска, по своей неосторожности был разбит Бугурлиным. В Лифляндии польские войска, вместе с бывшим московским «годовником» (васалом) Магнусом, разорили Дерптскую область до русской границы. В Эстонии шведы в конце 1580 г. овладели Падисом (близ Ревеля) после 13-ти недельной обороны его. В Карелии шведский генерал Делагарди

прия подошла к Пскову. Крепость была расположена на правом возвышенном берегу р. Великой, при устье р. Псковы (см. черт. 4). Укрепления возводились в разное время, с 1197 по 1581 г. Главную часть их составляла внешняя каменная стена с 25 башнями, имевшая протяжение в 9 км. Пространство, окруженное этой стеной, разделялось внутренними каменными стенами с башнями и р. Псковой на 5 секторов обороны: I—Кремль,

II—Довмонттова крепость, III—Средний город, IV—Большой город и V—Запсковье (на прав. берегу р. Псковы). Все стены Пскова имели высоту 6 м и толщину на разных участках в 4—6 м. Башни, построенные в несколько этажей, являлись опорными пунктами и давали фланговую оборону стенам, а также — фронтальную оборону (с большим командованием) впереди лежащей местности. В двух местах, где внешняя городская стена пересекала р. Пскову (между башнями 2 и 3 и башнями 15 и 16), она была построена на арках с опускаемыми решетками для пропуска судов. Крепостные ворота, числом 14, помещались преимущественно в башнях. Псков располагал сильной разнообразной артиллерией и был обильно снабжен боевыми и продовольственными запасами. Гарнизон состоял из 30.000 чел. (не считая вооруженных псковских граждан) под главным начальством Ивана Петровича Шуйского (см.). Подойдя к Пскову, армия Батория стала лагерем на правом берегу р. Великой, севернее устья р. Черехи. Было решено взять город постепенной атакой, для чего был выбран участок внешней стены, между Покровской (9) и Свиной (10) башнями. К 26 авг. была установлена блокада Пскова отдельными отрядами конницы. Главные же силы Батория придвинулись в этот день на 1½—2 км к участку, избранному для атаки. Пять дней было употреблено на устройство тут нового лагеря и на обеспечение его как от вылазок из крепости, так и от нападения извне.

1 сент., примерно в километре от городской стены, была заложена первая параллель, т.-е. вырыта широкая поперечная траншея. Отсюда осаждающие повели вперед 5 подступов, в виде глубоких траншей зигзагами, постепенно связывая их новыми параллелями. Ведение подступов зигзагами («рвы конати семо и овамо»), во избежание продольного обстрела их обороняющимися, было новшеством для русских. Для усиления земляных насыпей употреблялись в большом количестве туры. Когда выяснились намерения противника, защитники Пскова приступили к постройке, позади угрожаемого участка стены, ретраншамента, в виде второй ограды из бревенчатых срубов, наполненных землей.

На рассвете 7 сент. брешь-батарея открыли огонь из 20 тяжелых стенобитных пушек, и к утру 8 сент. разрушили стену в нескольких местах. Венгерская, немецкая и польская пехота ворвалась в проломы и овладела всем участком стены и обеими башнями, Покровской и Свиной. Защитники отошли к еще не совсем готовому ретраншаменту и, получив подкрепление, произвели контр-атаку. Рукопашный бой на этом участке продолжался до вечера, при чем обе стороны вводили в дело новые войска. Вечером русские под-

катили по подземному ходу под Свиную башню бочки с порохом и взорвали ее вместе с заставшим в ней неприятелем; пользуясь произведенным замешательством, они выбили противника и из Покровской башни. Т. обр. штурм был отбит с большими для поляков потерями. В ближайшие дни осажденные окончили устройство ретраншамента, вооружили его пушками и выкопали впереди ров с расположенным в нем тыном. Впоследствии осаждающий еще много раз пытался производить частные штурмы в районе постепенной атаки, но все они окончились неудачей. Баторий прибег к подкопам, приказав вести 9 подземных галлерей под стены города; но русские, узнав от перебежчика направление этих галлерей, повели навстречу им свои контр-галлерей, или «слухи», чем предотвратили угрожавшую опасность.

Одновременно многочисленная польская артиллерия, расположившись на обоих берегах р. Великой, производила днем и ночью бомбардировку крепости с южн. и зап. сторон, но толстые стены Пскова хорошо выдерживали огонь с дальних дистанций, а каменные ядра, оказавшиеся столь гибельными для малых городов со скученными деревянными постройками, тут не производили больших пожаров. 23 окт. была сделана окончившаяся неудачей попытка образовать пролом в стене действиями пехоты, работавшей ломом и кирками. Между прочим, русские кидали со стены кушину с порохом и зажженными фитилями (прообраз ручных гранат). В последующие дни была устроена брешь-батарея на левом берегу р. Великой близ Мирожского монастыря, которая сделала пролом в западной стене Большого города. 2 ноября, когда река замерзла, Баторий произвел общий штурм, но и он был отражен с большими потерями. В виду упорства обороны, осаждающие отказались от намерения взять Псков штурмом или постепенной атакой и решили ограничиться блокадой. Однако, рассчитывать на скорый успех блокады не приходилось, так как в Пскове оставалось еще много продовольствия и боевых запасов; кроме того, обложение не было тесным, что видно из того, что в ноябре довольно значительный отряд легко прошел через блокадное кольцо и вступил в Псков.

Вообще после четырехмесячной осады осаждающий оказался в гораздо худшем положении, чем осажденный: при армии Батория не было складов провианта и фуража; окружающая местность была совершенно опустошена; подвоз продовольствия с базы из Полоцка на расстояние более 250 км встречал огромные затруднения; лошади падали; порох приходил к концу; войска страдали от холода и болезней; к тому же Шуйский производил частые вылазки; шляхта открыто роптала, а наемные солдаты стали уходить

на родину; блокадная армия быстро таяла, и в декабре в ней оставалось всего 26.000 ч. Между тем, Московское государство располагало еще многочисленными вооруженными силами: у Волоколамска, к в. от Москвы, отстоя в бездействии главная армия, 50.000 ч.; гарнизон Новгорода состоял из 40.000 чел.; в Ржеве было 15.000 ч.; на линию Оки, от Коломны до Тарусы, на случай нашествия крымского хана, была выдвинута особая армия, — всего в это время числилось на службе около 300.000 воинов (вместе с даточными). Но Грозный, под влиянием развившейся душевной болезни, в это время уже окончательно пал духом и думал лишь о заключении мира. Кроме того, на него произвели большое впечатление успехи шведов, которые к концу 1581 г. отняли у русских всю Эстонию и взяли Нарву, где находились большие склады товаров и откуда уже 20 лет велась оживленная русская торговля с Западом. При посредстве палского купца Антония Поссевина (см. XXXIII, 130/31), 17 янв. 1582 г. был подписан у Запольского Яма договор о перемирии на 10 лет, при чем Москва отказалась от Лифляндии и уступила Польше Полоцк и Велиж. Яковлеви (1583) было заключено перемирие и со Швецией, которая оставляла за собой Эстонию и, кроме того, получила города: Ивангород, Ям, Копорье и Корелу (Кексгольм).

Так обр., долгая война с Польшей и Швецией за Ливонию окончилась для русских полной неудачей; только через полтора века, при Петре I, Р. удалось овладеть побережьем Балтийского моря.

г) *Северный фронт.* В 1554 г. началась война Москвы со Швецией из-за пограничных споров. Военные действия свелись к безрезультатным блокадам: русскими — Выборга, а шведами — Орешка. В 1557 г. был заключен мир без изменения границ. В борьбе за Ливонию (1561—1583) шведы принимали деятельное участие, при чем военные действия распространялись и на северный фронт (см. выше).

Новая война со Швецией (1590—1593) начала была с целью вернуть потерянное при Грозном побережье Финского залива. Средоточенное у Новгорода многочисленное войско, при котором находился царь Федор Иванович и правитель государства Борис Годунов, вторглось в Ингерманландию: был взят г. Ям (Ямбург); кн. Хворостинин разбил близ Нарвы 20.000 шведов, но штурм Нарвы был отбит с большими потерями. Последняя неудача действовала на осторожного Годунова. 25 февр. 1590 г. было заключено перемирие на год, но вскоре шведы возобновили военные действия, которые продолжались с переменным успехом и в небольших размерах до янв. 1593 г., когда был подписан новый договор о перемирии на 2 года. На-

конец, 18 мая 1595 г. заключен был мир, по которому Москва получила обратно Ям, Ивангород, Копорье и Корелу.

Войны XVII века. В Смугное время польские войска заняли Смоленскую и Северскую области, а шведы — значительную часть Новгородской области. Смоленск, главный оплот против Польши, был взят в 1611 г., после упорной обороны его Шейным (см. XLIX, 341). В самом Новгороде стоял шведский отряд Делагарди. Новому русскому правительству, пришедшему к власти в 1613 г., пришлось восстанавливать прежние границы Московского государства при самых тяжелых условиях.

Желая обеспечить свой тыл при предстоявшей борьбе с Польшей, русские готовы были заключить мир со Швецией хотя бы ценой некоторых территориальных уступок. Произошел ряд военных действий с переменным успехом (1613—1616), при чем в 1613 г. сам король Густав-Адольф в течение трех месяцев безуспешно осаждал Псков. Наконец, 27 февр. 1617 г. заключен был в Столбове «вечный мир». Москва снова уступила города: Ивангород, Ям (Ямбург), Копорье, Орешек (Шлиссельбург) и Корелу (Кексгольм) и обязалась уплатить 20.000 руб. контрибуции. Шведы возвратили Новгород и остальные занятые ими города, а принц Карл-Филипп, брат Густава-Адольфа, отказался от своей кандидатуры в московские цари.

Война с Польшей (1617—1618). В 1613 г. польское правительство не признало избрания на царство Михаила Романова, и королевич Владислав продолжал именоваться московским царем. В 1616 г. варшавский сейм дал согласие послать войско для возведения Владислава на московский престол. Целый год прошел в приготовлениях к войне, при чем было собрано не более 11.000 чел. Тем не менее, осенью 1617 г. поляки взяли Дорогобуж и Вязьму. Затем еще около года было потеряно на бесплодные переговоры с Москвой и на пререкания с сеймом, и только в середине сентября 1618 г. Владислав, у которого вместе с подошедшими подкреплениями едва набралось 15.000 чел., стал в Звенигороде. Около этого же времени в Бронницах подошел украинский гетман Конашевич-Сагайдачный с 20.000 казаков, разоривший на пути из Украины города: Путивль, Лавин, Елец и Лебедянь. На собравшемся 9 сент. земском соборе было решено упорно обороняться в Москве. До сих пор поляки не встречали почти никакого сопротивления. Русские силы были разбросаны небольшими отрядами, а главное — не было никакого общего управления военными действиями. Единственный способный начальник воевода, кн. Пожарский, сидел с пяти тысячным отрядом в Калуге. По пра-

вилам местничества, его нельзя было назначить главным воеводой. 20 сент. Владислав стал под Москвой в Тушине, где к нему присоединился Конашевич-Сагайдачный. В ночь на 1 окт. 1618 г. произошел штурм Москвы, о чем русские были предупреждены из неприятельского лагеря французскими инженерами, сообщившими и план атаки. Штурм, произведенный против Тверских и Арбатских ворот, был отбит. После этого начались переговоры о мире, не увенчавшиеся успехом. В конце окт. Владислав двинулся к Троицко-Сергиеву монастырю и потребовал сдачи его; получив отказ, он отошел на 12 км к с. Рогачеву, откуда, испытывая недостаток в продовольствии, распустил свои войска на фуражировку в широком районе. Конашевич-Сагайдачный из Тушина пошел в Калуге, но не мог ее взять и ограничился грабежами. Наконец, 1 дек. 1618 г., в Деулине (см.) было заключено перемирие на 14 лет. Владислав отказался от притязаний на московский престол, а Москва уступила Польше занятые поляками Смоленскую и Северскую области.

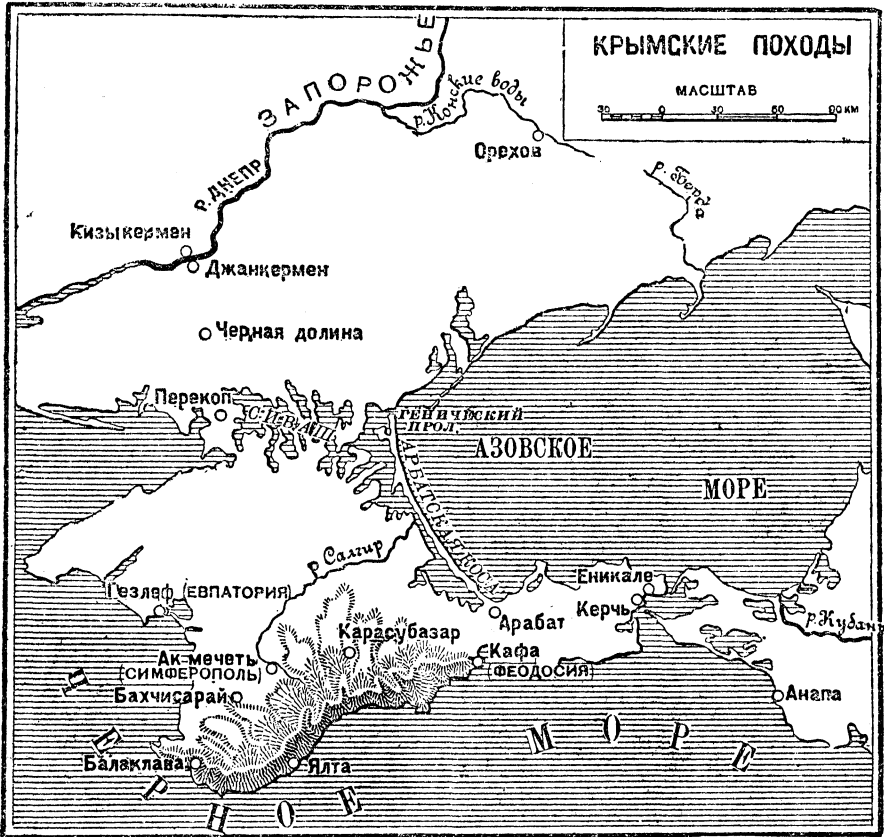
Война с Польшей 1632—1634 г. Последние войны с Швецией и Польшей показали, что русское войско, состоявшее главным образом из поместной конницы, не удовлетворяло новым требованиям военного искусства. Вследствие этого в 1630 г. были отправлены за границу иноземные полковники Лесли и фон-Дамма для найма военных инструкторов. В начале 1632 г. были сформированы 4 солдатских (пехотных) и 1 копейно-рейтарский (конный) полки, в составе до 9,500 человек, из которых было около 3,000 иноземных инструкторов и 6,500 русских солдат. Наступавшее в Польше после смерти Сигизмунда III (1632) бескорольеве московское правительство признало удобным моментом для начала войны. В конце сент. 1632 г. из Москвы выступило войско под начальством защитника Смоленска Шеина и окольничего Измайлова; в нем было 32,000 чел. с 158 орудиями, в т. ч. названные выше полки иноземного строя. Кроме этой главной армии, из разных городов было направлено несколько второстепенных отрядов. Военные действия развивались успешно, и в руки русских перешла большая часть городов Смоленской и Северской областей. Главные силы в ноябре 1632 г. обложили Смоленск, окруженный каменной стеной протяжением ок. 5 км. Ведение постепенной атаки было поручено иноземному полковнику Лесли, при чем осадные работы, состоявшие из подступов и параллелей, были доведены на 50 м до городской стены. Польский комендант Воеводский оборонялся упорно около 10 месяцев, но под угрозой голода уже думал о сдаче, когда на выручку Смоленска 25 авг. 1633 г. пришел новый король Владислав с 23,000 чел. Хотя атаки этой армии и были отбиты, но Шеин снял

осаду и сосредоточил все свои войска в укрепленном стане на лев. берегу Днепра, в 5 км выше Смоленска. 6 окт. поляки, обойдя Шеина с юга, стали укрепленным лагерем в 1 км к в. от него на московской дороге, а пехоту и артиллерию поставили рядом на Славронской горе. Шеин только 9 окт. попытался атаковать поляков на Славронской горе, но был отбит со значительными потерями. Остальные пути, ведущие из русского стана, также были захвачены польской кавалерией, так что Шеин, вследствие своей пассивности, оказался блокированным в открытом поле. С конца окт. русские начали терпеть недостаток в продовольствии и особенно в фураже. Между тем из Москвы на помощь армии Шеина выслали войска. Однако, ни один из воевод до Смоленска не дошел, соблывая на разные препятствия. Бояре ненавидели Шеина за приобретенную им славу и за его высокомерие. В русском войске стали развиваться болезни, и сильно увеличилась смертность. В половине янв. 1634 г. Шеин начал переговоры о сдаче, и 1 февр. состоялось соглашение: русские получили разрешение выйти из своего стана с уничтоженными формальностями, оставив полякам многочисленную артиллерию. Всего было выпущено в Москву 8,056 чел., и на попечение поляков осталось больных 2,004 чел. По призыву Шеина и Измайлова в Москву их казнили как изменников. Никакой измены, очевидно, не было, а проявилось лишь общее неумение маневрировать в поле, присущее даже таким воеводам, которые отлично отсиживались в крепостях. 5 июня 1634 г. на р. Поляновке был заключен мир на условиях Деулинского перемирия (см. *Поляновский мир*).

Первая война с Польшей за Украину (1654—1655). В 1653 г. на земском соборе в Москве было принято решение о присоединении Украины к Московскому государству (см. II, 208, и XLII, 168). Это означало войну с Польшей. Начатые с польским правительством переговоры успеха не имели, и в 1654 г. русское войско, с личным участием царя Алексея Мих., выступило в поход. Менее чем в полгода русские овладели Смоленском, Могилевом, Полоцком и Витебском, а в 1655 г. заняли Минск, Гродно и Вильно. Польше угрожала опасность и с другой стороны: шведский король Карл X в один поход завоевал все области к зап. от Вислы, взяв Варшаву и Краков. Польскому королю Яну-Казимиру удалось, однако, разъединить врагов, предложив по смерти своей польскую корону Алексею Михайловичу; в Вильно по этому поводу начались переговоры, и состоялось соглашение. С Польшей было заключено перемирие (1656) с удержанием занятой территории, и русские примкнули к коалиции против Швеции, составленной из Дании, Австрии и Польши (см. II, 209).

В последовавшей затем войне со Швецией (1656 -1658) целью московского правительства было завоевание принадлежавших шведам Ингерманландии и Эстонии, а также западной ими Лифляндии, т. е. приобретение побережья Балтийского моря от Невы до Зан. Двины. Этой цели достичь не удалось, несмотря на произведенную большими си-

огда было заключено Андрусовское перемирие (см. Андрусово). Москва получила Смоленскую и Северскую области и всю левобережную Украину; на правом же берегу Днепра — только Киев, уступленный временно, на 2 года, по последствию не возвращенный. Соглашаясь с разделением Украины на две части, Москва отнюдь не отказывалась от



Черт. 5.

лами осаду Риги. В 1658 г. со шведами было заключено перемирие на 3 года, а в 1661 г. — мир в Кардисе, по которому Швеция получила обратно все первоначально занятые пункты (см. II, 209).

Вторая война с Польшей за Украину (1658—1667) и Чигиринские походы (1676, 1677 и 1678). Избавившись от шведов, поляки отказались от исполнения Виленского договора 1656 г.; сейм и слышать не хотел об избрании на польский престол Алексея Михайловича. В 1658 г. война между Москвой и Польшей возобновилась и затянулась до 1667 г.,

правобережной Украины и лишь откладывала борьбу за нее до более благоприятного момента. Этот момент, казалось, наступил через несколько лет, когда Турция завоевала Подолию и заставила Польшу отказаться от притязаний на украинские земли. В 1674 г. московские войска совместно с левобережным гетманом Самойловичем перешли на правый берег Днепра, а летом 1676 г. двинулись к укрепленному Чигирину, где находился гетман правобережной Украины, Дорошенко (см.), который 19 сент. сдался и сложил с себя гетманское достоинство. В от-

вет на наступление Москвы султан Магомет IV, на которого старался опереться Дорошенко, назначил гетманом правобережной Украины Юрия Хмельницкого и послал для установления его власти армию Ибрагима-пашы, но Ромодановский и Самойлович разбили ее 28 авг. под Чигирином. В середине августа след. года армия великого визиря Кара-Мустафы взяла Чигирин после пятидневной осады. Московский гарнизон, под начальством околичного Ржевского, отступил на соединение с главными силами кн. Ромодановского, которые перешли на левый берег Днепра. Вслед за этим армия Кара-Мустафы очистила Чигирин и вернулась к своей границе. Султан, нуждаясь в войсках для войны с Австрией, вступил с Москвой в мирные переговоры, которые окончились заключением мира в Бахчисарае 3 янв. 1681 г. Турция отказалась от своих притязаний на правобережную Украину, а Москва обязалась платить крымскому хану ежегодную дань.

Крымские походы 1687 и 1689 г. (см. черт. 5). По союзному договору, заключенному правительницей Софьей с Польшей (см. XL, 273), Австрий и Венецией для войны против Турция. Москва должна была действовать против крымского хана, вассала турецкого султана. По сравнению с XVI в., обстановка на южном фронте значительно изменилась в пользу Московского государства. Присоединение Украины продвинуло русскую границу на юг до р. Самары, выдающейся в Днепр близ современного Днепропетровска (Екатеринослава); расстояние от р. Самары до Перекопа было ок. 300 км, вместо прежней операционной линии Тула-Перекоп, длиной 1.000 км. Украина представляла удобную базу для снабжения армии, а Днепром можно было отчасти воспользоваться как коммуникационной линией, хотя этому и мешали пороги. В состав войска, назначенного для похода 1687 г., вошли: 40.000 солдат и стрельцов, 20.000 конницы иноземного строя и 40.000 поместной дворянской конницы, всего 100.000 чел. Начальство над этими силами было вверено любимцу Софьи В. Р. Голицыну (см.), выдающемуся госуд. деятелю, но человеку непригодному для войны. Вместо того чтобы перед началом операций сосредоточить армию в южной Украине, у Днепра, возможно ближе к Крыму, он собрал ее на р. Мерло в 30—40 км к с.-в. от Полтавы. Оттуда армия выступила в середине мая 1687 г., направляясь восточнее современных городов Новоосколовска и Александровска, к р. Конские Воды, близ нынешнего города Орехова. На границе Украины, на р. Самаре, к армии присоединился гетман Самойлович (см.) со своими казаками. Из чрезмерной осторожности Голицын вел свои главные силы медленно, в одном общем

карре, более 1 км по фронту и около 2 км в глубину. Стороны этого огромного четырехугольника были составлены из 20.000 повозок обоза, внутри помещались пехота и артиллерия, а конница находилась снаружи четырехугольника для охраны и разведывания. В середине июня, перейдя р. Конские Воды, войско вступило в Крымскую степь, на которой нужно было пройти еще около 200 км до Перекопа; но оказалось, что трава в степи подожжена (вероятно татарами) и горит на огромном пространстве. Сделав в два дня всего 12 км, Голицын собрал военный совет, на котором было решено, вследствие уничтожения подножного корма для лошадей, прекратить поход. Войско, не видевшее ни одного татарина, вернулось к р. Мерло, где присланный из Москвы Шереметев передал Голицыну и воеводам благодарность правительницы за удачный поход и указ о роспуске ратных людей по домам. Московские власти приписали пожар степи казакам, вследствие чего гетман Самойлович был смещен и взамен его избран Мазепа (см.). С весны 1688 г. хан стал производить опустошительные набеги на Украину, проникая до Киева и Полтавы и уводя более 60.000 пленников. В сент. 1688 г. был объявлен второй поход на Крым под начальством того же Голицына. При этом, во избежание степных пожаров, было решено начать этот поход до наступления весны. В состав войска входили: 9.270 стрельцов, 49.189 солдат, 29.216 конейщиков и рейтаров и 6.259 ч. поместной конницы, всего 93.924 чел. Так обр. во втором походе (1689) участвовали преимущественно войска иноземного строя, поместной же конницы было очень мало. Артиллерия состояла из 350 орудий, обоз из 20.000 повозок с двухмесячным запасом продовольствия. Общий сборный пункт был назначен на р. Орель, куда Голицын прибыл 17 апреля. На р. Самаре присоединился новый гетман Мазепа с 50.000 казаков. Перейдя р. Конские Воды, войско вступило в Крымскую степь и 13 мая впервые увидело татар; это был отряд в 10.000 чел. во главе с сыном хана Нуредином. Последний, несмотря на малочисленность своего войска, атаковал 16 мая сначала авангард, а затем и главные силы Голицына. Русская конница, не выдержав удара, искала спасения внутри карре, и татары были отражены лишь артиллерийским огнем. На другой день воеводы убрали конницу внутрь карре и прикрылись пехотой. Утром 20 мая русское войско приблизилось к Перекопу, впереди которого стоял хан с 50.000 татар; они атаковали русских со всех сторон, но были отражены артиллерийским огнем. Укрепления Перекопа, преграждавшие доступ в Крым, состояли из глубокого рва, пересекавшего узкий перешеек между Черным морем и Сивашем, и небольшого укреп-

лошного городка. Отказавшись взять эти укрепления штурмом, что при слабости их было вполне возможно, Голицын вступил в переговоры, но хан ответил отказом и наемщиками. При нежелании штурмовать Перкоп, Голицыну оставалось прибегнуть к более медленным действиям осады, но он считал это невыполнимым, вследствие отсутствия в окрестностях воды и корма для лошадей. На другой день, 21 мая, русское войско выступило обратно. Татары преследовали его только частью своих сил, и 29 мая 1689 г. оно достигло р. Самары. Тут Голицын получил приказ оставить во вновь выстроенной Богородицкой крепости 6.000 ч. для обеспечения границы, а остальные войска распустил. По случаю окончания похода Голицын и другие воеводы были осыпаны наградами.

Азовские походы (1695 и 1696). В поисках выхода к Черному морю, Петр I в 1695 г. обратил внимание на принадлежавший к XV в. Турция Азов (см.). Эта небольшая крепость лежала на левом берегу главного рукава Дона, в 15 км от впадения его в Азовское море. Она имела три ограды: 1) наружную, из земляного вала, местами бастионного начертания, 2) среднюю, из каменной стены с башнями, и 3) внутреннюю, такого же устройства (дитадель). Гарнизон Азова был усилен, в предвидении осады, до 7.000 ч.; кроме того, ожидалась подкрепления из Константинополя. Войско, назначенное для взятия Азова, состояло из 31.000 чел. при 148 осадных орудиях. Командование им было вверено генералам Гордону, Лефорту и Годонину. Петр принимал участие в походе под именем бомбардира Петра Михайлова. Обер-инженером был Франц Тиммерман, а помощниками его Брюс и Вейде. В начале мая 1695 г. авангард Гордона выступил из Тамбова и направился через Черкасск и Азову. Главные силы были посажены на суда в Москве и двинулись по Москва-реке, Оке и Волге до Царицына, отсюда сухим путем к Паншину, а затем по Дону до Азова. С начала июля было приступлено к постоянной атаке крепости, при чем наружный ров был засыпан в нескольких местах и осадные работы доведены до крепостного вала; но, несмотря на это, штурмы 5 авг. и 25 сент. были отбиты с большими потерями. Минная атака также не удалась: два больших взрыва, произведенные 16 и 25 сентября, причинили больше вреда русским, чем туркам. Вообще турецкий гарнизон оборонялся очень энергично, производя частые вылазки, при чем ему помогала находившаяся в соседних степях татарская конница, сильно беспокоившая осаждавших. При таких условиях решено было отложить осаду Азова. Со 2 окт. началось отступление войск.

Среди причин неудачи главная заключалась

в том, что крепость не была блокирована с моря и турецкий флот подвозил ей подкрепления, боевые и продовольственные припасы. Сделав этот вывод, Петр в течение зимы 1695—1696 г. построил в Воронеже: 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галевы и 4 брандера. Экипаж для этих судов («морской регимент») в числе 4.000 ч. был сформирован в Москве, при чем кадром для него послужили роты, выделенные из Преображенского и Семеновского полков. Начальником новой флотилии был назначен Лефорт. Весной 1696 г. близ Воронежа собралось войско в 54.000 чел., под начальством А. С. Шенина (см.); отсюда оно пошло к Азову сухим путем, а осадный артиллерийский парк, инженерный парк и некоторые грузы были посланы по р. Дону. Во второй половине мая части армии начали подходить к Азову, и к 7 июня он был обложен со всех сторон. Флотилия Лефорта, после удачных стычек с турецкими судами, расположилась близ устья Дона. Для того чтобы дать ей опору и окончательно запереть турецкому флоту вход в Дон, на обоих берегах были построены сомкнутые укрепления, между которыми через реку была протянута толстая цепь. Ведение постепенной атаки против крепости облегчалось тем, что турки, не ожидавшие вторичной осады, не позаботились даже засыпать прошлогодние русские траншеи и подступы, которые осаждающий занял снова. Минная атака во время второй осады Азова не применялась совсем. 14 июня к устью Дона из Константинополя прибыли 40 фрегатов и галер с 4-хтысячным отрядом и различными запасами. Турецкая эскадра, не успев произвести десант и угрожаемая флотилией Лефорта, через некоторое время отплыла в Керчь. 18 июня к Азову подошел гетман Мазепа с 20.000 украинских казаков. Гарнизон Азова, блокированный с суши и с моря, не проявлял уж того упорства, как при первой осаде. 17 июля часть украинских и донских казаков, преследуя турок после отбитой вылазки, овладела одним бастионом земляной ограды. 19 июля турки, испытывая недостаток в продовольствии и боевых припасах, сдались на капитуляцию в числе 3.700 чел.

В XVII в. произошла крупная перемена в организации вооруженных сил Московского государства. Как сказано выше, в 1632 г. были сформированы войска иноземного строя, которые впервые участвовали в походе Шенина под Смоленск. К концу столетия это был уже главный вид войска в составе 39 солдатских и 25 копейно-рейтарских полков, всего от 80 до 90 тысяч человек. Поместная дворянская конница уже отошла на второй план. Но войска иноземного строя нельзя считать регулярной армией, так как они «собирались в учебные сборы осенью на месяц, а после того распускались по домам». Условия же времени

требовали организации регулярной армии. Эту задачу и поставил себе Петр.

Основание русской *регулярной армии* было положено первым рекрутским набором, объявленным 17 ноября 1699 г. (см. III, 507). С этого момента и до начала Мировой войны регулярная армия участвовала в 40 внешних и внутренних войнах и военных экспедициях, из них 24 приходится на XVIII в. и начало XIX-го века (до т. н. Отечественной войны).

Находя, что падение Полтавы произведет дурное впечатление на Украину, Петр к 4 июня прибыл из Воронежа к армии. Но, помня о нарвском погроме (1700), он считал бой в открытом поле с армией Карла «зело опасным делом» и потому принял перед сражением все меры как для обеспечения успеха, так и на случай неудачи. 20 июня он перешел Ворскле у д. Петровка по мосту, прикрытому предместным укреплением, после чего приступил к устройству укреп-



Черт. 6.

1) *Северная война 1700—1721 гг.* (см. ХLI, ч. 5, 661/68) велась против Швеции, первоклассной военной державы со времен Густава-Адольфа (см.). У главе шведской армии стоял молодой король Карл XII (см.), отличный начальник в бою, но недалевидный политик и плохой стратег. Исход войны был решен на полях Полтавы, хотя после этого военные действия продолжались еще более 11 лет.

Полтавское сражение 27 июня 1709 г. (см. черт. 6). С конца апр. 1709 г. армия Карла XII обложила Полтаву. Главные силы русской армии, под нач. Меншикова, сосредоточились на противоположном, левом берегу р. Ворсклы близ с. Крутой Берег.

ленного лагеря севернее д. Семеновка, в 8 км от Полтавы. Карл не счит нужным этому противодействовать, а торопился покончить с Полтавой. Два дня, 21 и 22 июня, шведы штурмовали город, но были отбиты с потерей более 1.500 ч.

25 июня русская армия, передвинувшись к Полтаве, стала строить новый укрепленный лагерь в 5 км от города. С тыла он замыкался крутым спуском к Ворскле; перед фронтом его простиралась км на два равнина, за которой находился лес; слева от лагеря тянулся другой лес к Полтаве. Между обоими лесами была открытая полоса, шириной более км, которую Петр приказал перегородить 6-ю редутами. Впоследствии начали

строить еще 4 редута в направлении, перпендикулярном к первой линии редутов, но эту работу не успели окончить ко дню сражения.

Русская армия состояла из 58 батальонов пехоты, 17 драгунских полков и 72 орудий, всего 42.000 регулярных войск и нескольких тысяч казаков. В шведской армии было 26 батальонов пехоты, 22 полка кавалерии и только 4 орудия, всего 27.000 ч., не считая запорожцев. В сражении могли принять участие 23.000 шведов. Слабость шведской артиллерии объяснялась тем, что за неимением пороха (о потере шведского обоза см. ХLI, ч. 5, 667) остальные орудия находились в обозе. Петр назначил атаку на 29 июня, т. е. в этот день ожидалось прибытие Скоропадского с казаками, но Карл сам атаковал русских двумя днями раньше. На рассвете 27 июня шведская армия начала наступление от своего лагеря близ Полтавы: впереди шла пехота в 4 колоннах, за нею кавалерия в 6 колоннах. Раненный накануне в ногу, король следовал при войсках в качалке, передав командование армией фельдмаршалу Реншильду. Русские приготовились к встрече атаки, т. е. Петр был извещен о ней перебежчиком. Редуты были заняты 2 батальонами пехоты. За ними стали 17 драгунских полков под начальством Баура. Вся артиллерия и прочая пехота расположились в укрепленном лагере. Около 5 час. утра шведская пехота подошла к редутам и завязала бой, а кавалерия, обойдя пехотные колонны, проскочила между редутами и атаковала русских драгун. Видя, что бой за редуты грозит затянуться, Реншильд приказал пехоте идти вперед за кавалерией между редутами, что и было исполнено, но с большими потерями. Сдерживая напор неурядительской кавалерии и пехоты, русские драгуны, по приказанию Петра, отходили к правому флангу укрепленного лагеря, стараясь подвести преследовавших их шведов под фланговый огонь из него. Действительно, когда шведская боевая линия, обращенная фронтом на с.-в., поравнялась с лагерем, при чем правый фланг ее находился всего в 100 шагах от него, расположенная в лагере артиллерия открыла продольный огонь картечью. Уже расстроенные переходом между редутами, шведы вынуждены были броситься влево, к лесу, чтобы, выйдя из сферы артиллерийского огня, устроиться и переменить фронт под прямым углом (лицом к лагерю), на ю.-в. Около 9 ч. утра обе армии перешли в наступление. Русские, пользуясь своим численным превосходством, успели схватить оба фланга шведов, которые не выдержали и побежали назад к лесу. В 11 ч. утра сражение было уже окончено. Потеря русских состояла из 4.635 ч. убит. и ран.; шведы потеряли убит. и ран. свыше

9.000 ч. и пленными около 2.700 ч. Разбитая шведская армия отступила к Днепру, которого она достигла у м. Переволочна, в 90 км от Полтавы. 30 июня к Переволочне прибыл Меншиков и предложил командовавшему ген. Левенгаупту положить оружие. 5.000 ч. пехоты, 2.000 кавалерии, 28 орудий были трофеями русских. 8 июля удалось настичь Карла на р. Буге, но сам король успел уже переправиться.—За все время Северной войны русская армия по офиц. сведениям потеряла 120 т. от неприятельского оружия и 500.000 от болезней*).

2) *Прутский поход 1711 г.* После поражения под Полтавой Карл XII с несколькими приближенными и конвоем нашел себе убежище в Турции, близ Вендер. По настоянию его посланцев Турция 20 ноября 1710 г. объявила Р. войну. С своей стороны Петр старался найти союзников среди христианск. поданных султана (см. ХХХVI, ч. 3, 650/51).

Базой для предстоявшей войны Петр избрал Молдавию и Валахию, решив воспрепятствовать переправе турок через Дунай (см. черт. 7). В середине июня 1711 г. русская армия Шереметева, в числе 45.000 чел. при 122 орудиях, сосредоточилась в Яссах; при ней находился сам Петр и Екатерина (см. ХIХ, 619). Вскоре обнаружилось, что на поддержку союзников рассчитывать никак нельзя. На военном совете высказывалось мнение о необходимости возвратиться за Днестр; однако, по приказу Петра, русская армия выступила из Ясс в первых числах июля к югу, вдоль правого берега Прута. Обстоятельства сразу стали складываться неблагоприятно для русских. Крымские татары, подвластные туркам, перешли на правый берег Прута и, двигаясь вслед за армией, отрезали ее от Ясс. А vizир Мехмед-паша с войском в 200 тысяч еще 18 июня перешел Дунай у Исакичи и двигался на север. На рассвете 8 июля многочисленная турецкая конница стала оседать на русский авангард. Вечером 8-го было решено отступить по направлению к Ясам. Турки тотчас же начали преследование. Зной и беспрестанные нападения конницы сделали движение настолько трудным, что вследствие изнурения войск при-

* К первой рубрике относятся потери в боях — убитыми, ранеными и контуженными; ко второй — все умершие от болезни и больные, исключенные из армии. Т. наз. „без вести пропавшие“, упоминаемые в реляциях после каждого сражения, по окончании войны оказывались обыкновенно убитыми или пленными; последние, за редкими исключениями, возвращались на родину. В дальнейшем мы будем приводить потери по назначенным двум рубрикам. Однако, для сравнительной оценки нужно иметь в виду, что в прежних войнах легко раненые обычно вовсе не показывались; наоборот, в новых войнах каждый случай ранения регистрировался, так что многие раненые проходят по отчетам по несколько раз. Что касается потери от болезней, то для многих старых войн она может быть установлена лишь приблизительно.

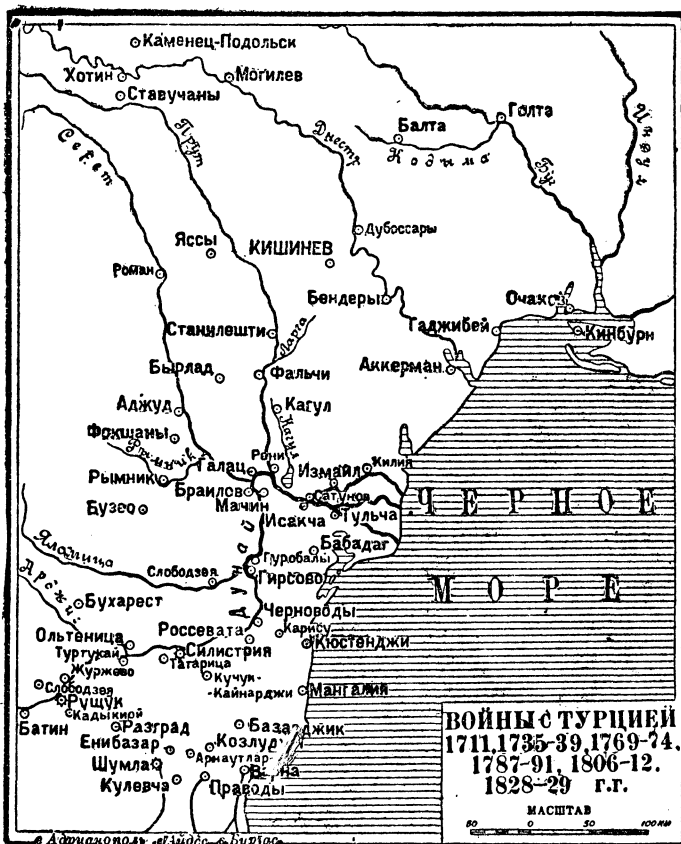
шлость стать лагерем на берегу Прута близ устья р. Гуш.

Русская армия состояла из 31.554 ч. пехоты и 6.692 кавалерии, при 122 орудиях. Великий визирь имел 100.000 ч. пехоты, 120.000 конницы, 50.000 татар и 469 орудий. Вскоре русский лагерь был окружен со всех сторон превосходными силами. Произведен-

3) Об экспедиции в Хиу князя Бековича-Черкасского в 1717 г. см. *Средняя Азия*, ХLI, ч. 4, 275, и *Бекович-Черкасский*.

4) и 5) О войнах с Персией 1722—1724 («Низовой поход») и 1725—1732 и. см. *Кавказские войны*, ХХIII, 35/36, и III, 139.

После первой войны Петр присоединил к Р. города Дербент и Баку и провинции



Черт. 7.

ная турками атака, правда, была отбита, но военный совет, собранный Петром, признал положение безвыходным. В турецкую ставку был послан Шафиров (см.), которому после двухдневного торга удалось 12 июля добиться пропуска армии ценной подписания мирного договора, лишившего Р. результатов Азовских походов: она обязалась возвратить Турции Азов, срыть вновь выстроенные крепости (Таганрог и др.), не вмешиваться в дела Польши и пропустить Карла XII в Швецию. За время похода русская армия потеряла от неприятельского оружия ок. 4.000 чел.

Гилян, Мазандеран и Астрабад. Императрица Анна добровольно вернула персам эти приобретения.

6) *Война за польское наследство 1733—1735 и.* В февр. 1733 г. умер польский и курфюрст саксонский Август II. Возник вопрос об избрании ему преемника. Поддерживаемая Францией польская партия желала видеть на престоле бывшего короля Станислава Лещинского (см.); Р. и Австрия поддерживали кандидатуру курфюрста Августа III (см. *Польша*, ХХХII, 596/97). В конце сент. 1733 г. русские войска под нач. Ласси заняли Варшаву; Август III был провозглашен королем,

а избранный раньше Станислав Лещинский бежал в Дантиг. В первой половине 1734 г. на нижней Висле произошли военные действия, в которых принял участие и флот; в течение их Ласси был заменен Минихом. 26 июня 1734 г. Дантиг капитулировал. Большая часть Польши признала Августа жоролем, но сторонники Станислава продолжали еще некоторое время нападать на русские войска, оккупировавшие Польшу и Литву. Боевые потери русских за войну—10.000 чел.

7) Поддерживая Станислава Лещинского, Франция объявила войну Австрии. На помощь последней в июне 1735 г. из Польши был двинут Ласси с 20.000 ч., который приехал на Нексар ко времени заключения мира (см. XLIV, 624).

8) Война с Турцией 1735—1739 гг. Первоначальная цель войны, поставленная Миниху (см.) при его назначении главнокомандующим в июле 1735 г., заключалась в том, чтобы: 1) отвоевать у турок утраченный после Прутского похода Азов и 2) произвести экспедицию в Крым для наказания татар за их набег. Еще за несколько лет до войны под руководством Миниха была устроена для защиты от татар Украинская укрепленная линия от Днэпра—по рр. Орель, Берест и Берек,—до Днэца, на протяжении 275 км; расстояние от нее до Перекопа составляло около 400 км. В виду позднего времени, Миних отложил осаду Азова до весны следующего 1736 г. Направленная против Крыма армия ген. Леонтьева (39 тыс.) успела дойти только до р. Конские Воды, где была застигнута морозами, и в конце ноября вернулась на Украинскую укрепленную линию.

Перед кампанией 1736 г. были сформированы две армии: азовская (38 т.) под командой Ласси (см.), для осады Азова, и крымская (53 т.), под личным начальством Миниха, для действий против Крыма. Задача последней, по настоянию Миниха, была изменена: вместо карательной экспедиции на нее возлагалось покорение Крыма. Кампания развивалась весьма удачно для русских. 18 июня, после ночного штурма Азова, турецкий гарнизон, в числе 5.000 ч., положил оружие. Миних, наступавший по лев. берегу Днэпра, форсировал Перекопскую укрепленную линию и взял Перекоп. Оправив генерала Леонтьева с отрядом в 10 т. человек для овладения турецкой крепостью Клинбури (на вост. берегу Днэпровско-Бугского лимана), он 23 мая вступил в Крым, где по имевшимся (преувеличенным) сведениям находился 8 т. турецких и 140 т. татарских войск (см. черт. 5). Евпатория («Гезлеф», у русских — «Козлов») была занята без боя; у Бахчисарая татары пытались оказать сопротивление, но были разбиты. Город подвергся разграблению

и был сожжен; такая же участь постигла Ак-Мечеть (Симферополь). Турки отступили к Кафе (Феодосия), а татары скрылись в горы. Однако, несмотря на одержанные успехи, положение русской армии сделалось затруднительным, вследствие недостатка хорошей воды, провианта, зернового фуража и подожного корма. Миних был вынужден отвести армию сперва к Перекопу, затем к Украинской укрепленной линии. На пути к нему присоединился отряд Леонтьева, которому удалось взять Кинбурн, защищавший 2.000 янычар.

Весной 1737 г. армия Миниха (60 т. с осадной артиллерией) была двинута против турецкой крепости Очакова (см. черт. 7). В начале июля после кровопролитного боя Очаков со всем гарнизоном (20 т. чел.) сдался. Оставив для защиты его 8 т. человек, Миних с главными силами в августе возвратился в Украину. Тем временем Ласси вторгся на Таврический полуостров через Генический пролив по Арабатской косе. Вблизи р. Салгир 12 июля хан атаковал стан Ласси, но был отбит с большим уроном, после чего русские разорили Карасу-Базар, Бахчисарай, Ак-Мечеть и всю восточную часть полуострова. В конце июля, считая свою задачу выполненной, Ласси двинулся обратно к Днэду и Дону. В полов. окт. турки, в числе 40 т., подступили к Очакову, но были отбиты.

В новую кампанию 1738 г. предметом действий для армии Миниха (50 т. чел.) была назначена неприятельская армия на нижнем Днэстре, у Вендер. В виду свирепствовавшей в южных степях моровой язвы, войска двинулись в зап. направлении через владения Польши, нарушая ее нейтралитет. 27 июля Миних подошел к Днэстру в 30 км ниже г. Могилева. За Днэстром стояла 60-тысячная турецкая армия с многочисленной артиллерией. При таких условиях Миних, силы которого во время продолжительного похода значительно уменьшились, не решился форсировать сильную оборонительную линию Днэстра и вернулся обратно к Днэпру.

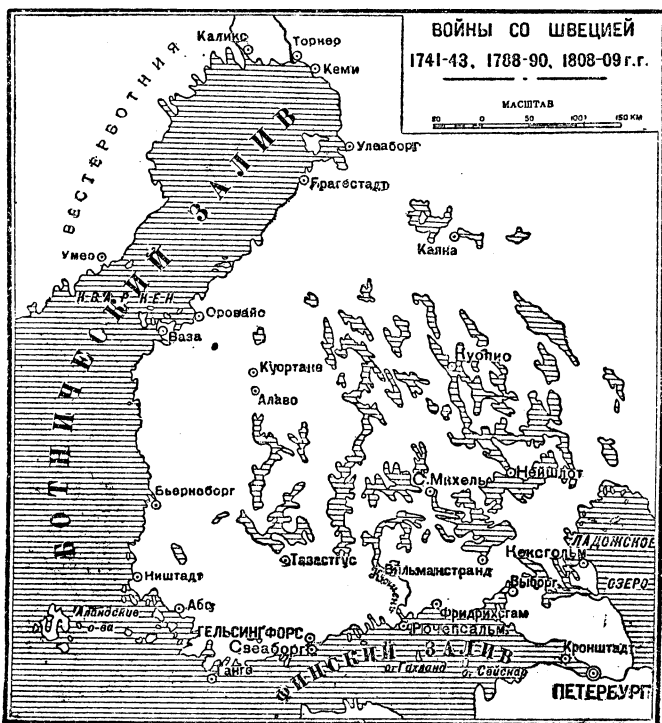
В конце мая 1738 г. Ласси (45 тыс.) выступил из Украины, получив приказание покорить Крым. Татары были расположены за Перекопской линией и близ г. Арабата. В последние числа июня русская армия, пройдя в брод через Сиваш, вышла в тыл, Перекопской линии и овладела ею. Затем Ласси вторгся внутрь полуострова, разбил главные силы хана и готовился наступать к Кафе. Однако, невозможность довольствовать армию средствами совершенно опустошенной страны заставила его отказаться от последнего намерения. В конце авг. армия разорила укрепления Перекопа и двинулась обратно на Украину.

По плану кампании 1739 г. армия Миниха (60 т.) должна была взять турецкую крепость

Хотина и соединиться с австрийскими войсками для совместных действий против Турции. Вся кампания свелась, однако, к победе русских 17 авг. у с. Ставучаны, в 20 км к ю. от Хотина. Русские купили эту крупную победу над панически бежавшей 80-тысячной турецкой армией ценой 13 чел. убитых и 53 раненых. Миних занял столицу Молдавии Яссы, а турки ушли за Дунай. Вслед за австрийцами, которые вели войну очень неудачно и заключили мир с Портой, и рус-

к Гельсингфорсу, где сосредоточилась армия Левенгаупта из 17 т. шведских и нескольких тысяч финских войск, и выслал обходную колонну, отрезавшую Левенгаупта от Або, тогдашней столицы Финляндии. С моря шведы были залпты русск. эскадрой. 24 авг. Левенгаупт сдался. Война закончилась Абоским миром (см. I, 56). Приобретено 235 кв. миль. Потеря русской армии в боях ок. 2.000 чел.

10) *Поход корпуса кн. Реттина на Рейн в 1748 г.* имел целью оказать помощь Ав-



Черт. 8.

ское правительство подписало в сент. 1739 г. мирный договор в Белграде, получив часть степи между Бугом и Донцом, площадью около 1.600 кв. миль. Укрепления Азова были скрыты, и этот город с его окрестностями был объявлен не принадлежащим ни Р., ни Турции. Русская армия потеряла в эту войну: от неприятельского оружия—10 т. и от болезней—100 т. чел.

9) *Война со Швецией 1741—1743 г.* (см. XLIII, 690/91). В середине авг. 1741 г. русск. армия Ласси (ок. 20 т.) сосредоточилась на финляндской границе впереди Выборга (см. черт. 8). 23 авг. Ласси разбил у Вильманстранда отряд ген. Врангеля и взял эту крепость. В авг. 1742 г. Ласси подошел

к Гельсингфорсу, где сосредоточилась армия Левенгаупта из 17 т. шведских и нескольких тысяч финских войск, и выслал обходную колонну, отрезавшую Левенгаупта от Або, тогдашней столицы Финляндии. С моря шведы были залпты русск. эскадрой. 24 авг. Левенгаупт сдался. Война закончилась Абоским миром (см. I, 56). Приобретено 235 кв. миль. Потеря русской армии в боях ок. 2.000 чел.

11) *О войне с Пруссией 1756—1763 г.* см. *Семилетняя война*, XXXVIII, 233/41.

12) *Война в Польше 1768—1772 г.* (ср. XXXII, 602/03). Со стороны поляков действовали неорганизованные конфедераты; с русской стороны—так назыв. польско-литовский корпус ген. Веймарна (12—15 т. чел.). Война носила партизанский характер, при чем в ней выдвинулся Суворов (см. XLI, ч. 5, 205). В авг. 1772 г. конфедерация прекратила свое существование, после чего произошел первый раздел Польши.

13) *Война с Турцией 1768—1774 г.* Под-

держивая польских конфедератов (см. выше), Порта в окт. 1768 г. объявила Р. войну. С русской стороны были выставлены две армии: у Киева — 1-я армия Голицына (65 т.), которая весной 1769 г. должна была действовать наступательно на верхнем Днестре; у Полтавы и Вахмута — 2-я армия Румянцова (43 т.), назначенная для прикрытия южных границ государства. Сверх того, для поддержки восстания греков был отправлен в Средиземное море флот под общим начальством Алексея Орлова. Действия Голицына на Днестре весной и летом 1769 г. отличались крайней нерешительностью, несмотря на то, что турецкая армия оказалась очень слабое сопротивление и в конце концов, за недостатком продовольствия, почти вся разбежалась. Очищенную турками крепость Хотин 10 сент. заняли русск. войска (см. *черт.* 7). Вскоре после этого Голицын был заменен Румянцевым, а командование 2-й армией поручено Панину.

В кампанию 1770 г. Румянцев 7 июля разбил на р. Ларге крымского хана, имевшего 80 т. против 14 т. русских. Затем, 21 июля, имея 23 т., Румянцев на р. Кагул атаковал армию визиря в числе 150 т., которая понесла полное поражение, потеряв всю артиллерию; потеря русских — 914 убит. и ран. Турки в беспорядке переправились на правый берег Дуная у Исакичи; вслед за этим сдались крепости Килия, Измаил и Браилов; весь левый берег Дуная от устья до Виддина перешел в руки русских, кроме Журжева (против Рущука) и Турну (против Никополя). Армия Панина, после кровопролитного штурма, овладела крепостью Бендеры на нижнем Днестре. Тем временем русский флот также одержал блестящую победу в Средиземном море близ Чесмы. Турецкая эскадра в составе 16 кораблей, 6 фрегатов и 60 мелких судов и транспортов стояла на якоре в проливе, отделяющем остров Хиос от берега Малой Азии. Русск. эскадра из 9 кораблей, 3 фрегатов, 1 бомбардирского корабля и 17 мелких судов утром 24 июня атаковала турок, которые в третьем часу пополудни укрылись в Чесменскую бухту. В ночь на 26 июня тур. эскадра была почти целиком сожжена русск. бригадами.

В 1771 г. на 1-ю армию Румянцова было возложено охранение Бессарабии, Молдавии и Валахии. Решительные действия в эту кампанию выпали на долю 2-й армии, усиленной до 70 т. (половина иррегулярных), которою вместо Панина командовал Долгоруков. (см. XVIII, 564). Целью было поставлено покорение Крыма. Основываясь на опыте прежних крым. походов, Долгоруков обратил особое внимание на устройство продовольственной эшелоны. Он решил вести свои главные силы эшелонами и вдоль левого берега Днепра, по которому запасы должны были сплав-

ляться на судах. По прибытии армии в Крым предполагалось доставлять для нее продовольствие с Дона азовской флотилией адм. Сенявина. Выступив от Полтавы 20 апр., главные силы прибыли 5 июня к Джанкермену против Кизыккермена (Берислава), откуда оставалось пройти степью 70 км до Перекопа (см. *черт.* 5). На берегу Днепра был устроен большой магазин, прикрытый укреплениями, из которого запасы должны были подвозиться к армии колесным транспортом. Пройдя половину пути, у Черной Долины выстроили редут с промежуточным магазином. 12 июня Долгоруков подошел к Перекопу и в ночь на 14 июня овладел укрепленной линией. Хан Селџм бежал в Бахчисарай. 15 июня сдался турецкий гарнизон крепости Перекоп (800 ч.). Устроив там магазин, Долгоруков 17 июня всушил в Крым и двинулся на Кафу, где собралось около 10 т. турок; татары по большей части скрылись в горах. Тем временем отряд Щербатова проник на полуостров через Генический пролив* по Арабатской косе, взял 18 июня штурмом Арабат, а 21 занял Керчь и Еникале. Флотилия Сенявина с продовольствием стала на Керченском рейде. 29 июня, после незначительных боев, сдалась Кафа. Небольшие отряды, посланные к Гезлефу, Ак-Мечети, Бахчисарю, Ялте и Балаклаве, заняли их без сопротивления. Хан выехал на судне в Константинополь. Покорение Крыма вследствие тщательной подготовки похода стоило мало труда и жертв.

На Дунае следующий 1772 г. прошел в безрезультатных переговорах о мире. В марте 1773 г. Румянцеву было приказано перейти Дунай и атаковать турок, хотя у него было всего 35 тыс., расположенных на лев. берегу от Журжева до Измаила, а у визиря, вместе с гарнизонами крепостей, 160 т. Тем не менее, 7—11 июня главные силы русск. армии (15 т.) переправились через Дунай на лодках у сел. Гуробалы (см. *черт.* 7) и двинулись к Силистрии, занятой 30-тысячным гарнизоном. 18 июня русские взяли штурмом передовые укрепления крепости, но, получив известие, что на помощь идет 20 т. турок из Шумлы, сняли осаду Силистрии и отступили к с. Гуробалы. Для прикрытия отступления был выдвинут отряд ген. Вейсмана, который 22 июня атаковал турок у Кучук-Кайнарджи и разбил их на голову. Несмотря на одержанную частную победу, Румянцев возвратился на левый берег Дуная, где и оставался до конца этой кампании.

Весной 1774 г., усилив армию до 50 т., Румянцев решил снова перенести воен. действия за Дунай и проникнуть до Балкан. Главная роль была возложена на отряды Каменского и Суворова, которые двинулись через Базарджик к Шумле. У Козлуджи,

9 июня, Суворов разгромил выдвинувшуюся навстречу 40-тысячную тур. армию, после чего оба генерала подступили к Шумле и блокировали ее, преградив пути на Варну, Силистрию, Русчук и Адрианополь. В начале июня и остальные войска Румянцева переправились через Дунай, обложив Русчук и Силистрию; сам Румянцев с главными силами остановился у с. Гуробалы. По просьбе Порты, 10 июля 1774 г. в д. Кучук-Кайнарджи был подписан мирный договор. Р. получила: крепость Кинбурн с округом, земли между нижним течением рек Буга и Днепра, города Керчь и Еникале в Крыму и Азов с окрестностями, всего 474 кв. миль. Крымские и кубанские татары были объявлены независимыми от Турции. Потери русск. армия за войны 1768—1772 и 1769—1774 гг. составила: от неприятельского оружия—20 т. и от болезней—105 т.

14) *Война с Турцией 1787—1791 г.* (см. черт. 7). В 1783 г. Екатерина II обнародовала акт о присоединении к Р. Крымского ханства, объявленного независимым по Кучук-Кайнарджийскому договору. В авг. 1787 г. Порта потребовала возвращения ей Крыма и, получив отказ, объявила войну. Союзницей Р. явилась Австрия. По плану союзников австр. армия Ласси должна была вторгнуться в дунайские княжества, действуя западнее Прута. Главной русской армией Потемкина (8½ тыс.) было указано наступать вдоль Черного моря к Нижнему Дунаю, при чем ближайшей целью ставилось взятие крепости Очакова. Для связи между этой армией и австрийцами назначалась армия Румянцева (37 т.), которая должна была действовать к в. от Прута. По negotовности к войне обеих сторон, военных действий в 1787 г. почти не было. В первых числах июля 1788 г. Потемкин с 50 т. обложил Очаков с суши и в нерешительности простоял под крепостью более 5 месяцев. Лишь в декабре Очаков был взят: турки потеряли 10 т. убитыми и ранеными и до 4 т. пленными, русские—2,800 ч. Армия Потемкина стала на зимних квартирах между Бугом и Днепром. Армия Румянцева — в районе между Кишиневом и Яссами.

Весной 1789 г. Румянцев был заменен Н. В. Репниным (см.) и его армия подчинена Потемкину, который поставил целью кампании — овладение второстепенными крепостями Бендеры и Аккерман на нижнем Днестре, а Репнину приказал прикрывать эти операции. Репнин расположился на лев. берегу Прута в районе Ларги, выслал на правый берег ж. Бурладу отряд Суворова для связи с австр. корпусом принца Кобурга, стоявшим у Аджуда. В июле около 30 т. турок перешли у Браилова на левый берег Дуная и двинулись к Фокшням. Суворов (7 т.) и Кобург (18 т.), соединившись, атаковали не-

приятеля 21 июля у Фокшан и разбили его, взяв несколько сот пленных и 10 орудий. В авг. визирь с 90-тысячной армией снова перешел Дунай, чтобы напасть на австрийцев. Кобург обратился за помощью к Суворову. Турецкая армия стояла на р. Рымнице. В ночь на 11 сент. союзники (25 т.) перешли в наступление из Фокшан и на рассвете атаковали турок. Сражение окончилось разгромом турецкой армии, из которой визирю удалось собрать в Мачинэ не более 15 т. Русские потеряли всего 178 ч., австрийцы — 450 ч. убитыми и ранеными. Потемкин не использовал этой решительной победы, а продолжал выполнение своего плана, преследовавшего мелкие цели. В конце сент. Аккерман сдался почти без сопротивления; месяц спустя русск. главная армия обложила Бендеры и вскоре овладела этой крепостью. Разрешив поставленную задачу, русск. войска заняли зимние квартиры в окрестностях Ясс.

В кампанию 1790 г. армия Потемкина взяла небольшие крепости: Килию, Тульчу и Исаку, после чего было решено взять Измаил, крепость, укрепленную под руководством иностранных инженеров и обильно снабженную боевыми и продовольственными запасами, с гарнизоном из 35 т. чел. Действия против Измаила были поручены Суворову, который имел в своем распоряжении 30 т. сухопутных войск и дунайскую флотилию Рибаса. Крепость была взята 10 декабря штурмом, при чем 26.000 турок убито и 9.000 (преимущественно раненых) взято в плен. Русские потеряли 4.970 чел. Взятием Измаила закончилась кампания 1790 г. Порта просила мира, который был заключен в Яссах 29 дек. 1791 г. Турция признала присоединение Крыма к Р. и уступила ей степь между Днестром и Бугом с крепостью Очаковом; со стороны Кавказа русская граница была устоявлена по р. Кубань; всего Р. приобрела 2.000 кв. миль, армия потеряла 55 т. уб. и ран.

15) *О войне со Швецией 1788—1790 г.* см. Финляндия, XLIII, 693/94.

16) *Война с Польшей в 1793 г.* Польская армия состояла из 45 т. чел., но это было ополчение плохо вооруженное, еще хуже обученное и не имевшее центрального военного управления. Против Польши направлены были две армии: с ю.-в. через Подолью армия ген. Каховского (65 т.) и с с.-в. через Литву армия ген. Кречетникова (32 т.). Конечной целью было занятие Варшавы. Через два месяца с небольшим после объявления войны обе русские армии, гоня перед собой польские войска, уже находились в нескольких переходах от Варшавы. Король Станислав Понятовский 13 июля исполнил все требования русск. правительства. Война закончилась вторым разделом Польши (см. XXXII, 605/06).

17) *Война в Польше 1794 г.* Второй раздел Польши вызвал возмущение поляков. Сбравшиеся в краковском укрепленном лагере патриоты и войсковые части решили поднять восстание, при чем главнокомандующим 13 марта провозглашен был Косцюшко (см.). Последнему 24 марта удалось близ с. Радлавицы разбить небольшой русский отряд. Этот успех произвел огромное впечатление во всей Польше и Литве. В Варшаве 6 апр. войска и толпы вооруженных жителей напали на пятитысячный русский гарнизон, разбросанный по квартирам, и перебили большую часть его. Во многих пунктах были сформированы отряды из войск и повстанцев: в Кракове — 25 т. под личным начальством Косцюшко; в Модлинском воеводстве — 20 т. Зайончека, и др. В начале июня Косцюшко со своим отрядом занялся укреплением Варшавы и организацией обороны; туда же прибыл и Зайончек. Главное начальство над всеми силами против поляков вверено было Ренину. Собственно для борьбы в Польше и Литве было назначено: 12 т. Ферзена, находившихся в Краковском и Сандомирском воеводствах; 20 т., направленных из южной армии через Владимир Волынский, и 25 т., расположенных в Литве. Сверх того, в Польшу вступили прусские и австрийские войска, действовавшие, однако, очень нерешительно. В авг. в Польшу прибыл Суворов; в бою близ Бреста (6 и 8 сент.) он разбил 13-тысячный отряд Сераковского. Чтобы воспрепятствовать соединению Суворова с Ферзеном, Косцюшко двинулся с 10 тыс. из Варшавы вразрез им, по правому берегу Вислы, но Ферзен атаковал его 29 сент. у с. Мадювице, в 20 км к с.-з. от Ивангорода. Войска Косцюшко были окружены и уничтожены, а сам он, тяжело раненый, попал в плен. Желая использовать эти успехи, Ренин приказал Суворову наступать к Варшаве с объединенными русскими силами (ок. 35 т. чел.). 24 окт. Суворов штурмом взял Прагу, сильно укрепленное предместье Варшавы на правом берегу Вислы. Мост через реку оказался сломанным; тогда на берег были выдвинуты батареи, начавшие обстреливать Варшаву, которая сдалась; после этого положили оружие и все польские войска. Третий раздел Польши (1795) прекратил ее самостоятельное существование (см. *Польша*, ХХХІІ, 606). Русская граница была установлена по Неману и Зал. Бугу. Боевые потери русской армии за обе войны с Польшей (1792 и 1794) составили 9.000 чел.

18) *О войне с Францией 1798—1799 г.* см. *Франция*, XLV, ч. 1, 195/99, и *Суворов*, ХLI, ч. 5, 208/09.

19 и 20) *О войнах с Персией 1796 и 1803—1813 гг.* см. *Кавказские войны*, ХХІІІ, 37/38. По Гюлистанскому миру, которым закончилась последняя война, к Р. присоединены

ханства: Карабахское, Ганжинское, Нухинское, Шемахинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, всего ок. 1.000 кв. миль.

21 и 22) *О войнах с Францией в 1805 г. и в 1806—1807 гг.*, имевших целью остановить распространение владычества Наполеона в Зап. Европе (3-я и 4-я коалиция), см. *Франция*, XLV, ч. 1, 208/09, 222/25; *Тильзитский мир*, ХLI, ч. 8, 71.

23) *Война с Турцией 1806—1812 г.* (см. *черт.* 7). К концу 1806 г. русск. армия Михельсона, без объявления войны, заняла Бессарабию, Молдавию и Валахию. На лев. берегу Дуная в руках турок оставались лишь крепости Измаил, Браилов и Журжево. 18 дек. султан объявил войну Р., но наступательные действия турок в 1807 и 1808 г. не отличались решительностью, и положение на Дунае осталось без перемены. В сент. 1808 г., во время Эрфуртского свидания (см. II, 125), Наполеон согласился на присоединение к Р. Бессарабии, Молдавии и Валахии, с установленным границе по Дунаю. Однако, на предложение русск. правительства заключить мир на таких условиях, Порты ответила отказом. В марте 1809 г. в княжествах находилась 80-тысячная русск. армия фельдмаршала кн. Прозоровского (см.). Турки имели 40 т. близ Шумлы и, кроме того, гарнизоны в многочисленных крепостях. Попытки взять штурмом Журжево и Браилов окончились неудачей. Александр I настаивал на переходе армии через Дунай, что было осуществлено у Галаца только в конце июля и начале августа, при чем заняты были Исакча, Тульча и Бабадаг. 9 авг. 80-летний Прозоровский скончался, и главнокомандующим был назначен Багратион (см.). В авг. русск. армия ввела Мачин и Гирсово и вышла к Траянову валу, на линию Черноводы-Кюстенджи. Затем, 4 сент., у с. Россевата Багратион разбил 12-тысячный тур. отряд и в середине сент. с 25 т. чел. обложил Силистрию, гарнизон которой состоял из 11 т. На лев. берегу Дуная 14 сент. сдался Измаил. Для выручки Силистрии визирь выдвинул со стороны Рушчука 30 т. на сильную позицию у с. Татарица в 8 км к западу от Силистрии. Сосредоточив 10 т., Багратион атаковал эту позицию, но мог овладеть лишь передовыми укреплениями; при таких условиях он счел невозможным продолжать осаду Силистрии и 14 окт. начал отступление на линию Черноводы-Кюстенджи, а через месяц отошел к Гирсову. Тем временем 21 ноября сдался Браилов. Т. о., в кампанию 1809 г. были взяты все крепости на Нижнем Дунае, от Гирсова до устья. В янв. 1810 г., вследствие продовольств. затруднений и развития болезни в армии, Багратион перевел свои главные силы по мосту у Гирсова обратно на левый берег Дуная. Главнокомандующим вместо Багратиона был назначен 33-летний

ген. Н. М. Каменский 2-й, отличившийся в войне со Швецией (см. ниже). Весной 1810 г. Каменский с дунайской армией, усиленной до 80 т. ч., решил наступать от Гирсова на Шумлу и одновременно осадить Силистрию и Русучк. Начало кампании было удачно: 22 мая взят штурмом укрепленный город Базарджик; 23 мая начата осада Силистрии, а 30 мая крепость уже сдалась; 1 июня был взят сильно укрепленный Разград. 11 июня русские атаквали окружающие Шумлу командующие высоты, но не могли достичь решительного результата. Было приступлено к тесной блокаде крепости, но установить ее не удалось по недостатку войск. Тогда Каменский решил временно отложить действия против Шумлы, сосредоточив все внимание на взятии уже обложенного (с 14 июня) Русучка. Для обеспечения этого предприятия были оставлены заслоны против Варны и Шумлы. 11 июля приступили к бомбардированию Русучка. 22 июля был произведен штурм, отбитый, однако, с огромной потерей 8.336 ч. убит. и ран. На другой день визирь вышел из Шумлы и атаковал заслон С. М. Каменского 1-го, но в свою очередь потерпел неудачу. Этот успех дал возможность главнокомандующему притянуть значительную часть войск из заслонов к Русучку. Между тем, 15 авг. в главной квартире было получено известие, проверенное разведкой, что у с. Батина, на берегу Дуная, в 25 вер. выше Русучка, собралось около 50 т. турок, которые укрепляются на позиции. При таких трудных условиях, имея в своем распоряжении всего 34 т., Каменский с 20 1/2 т. двинулся к Батину и 26 авг. атаковал турок. Последние потерпели полное поражение; только 6 т. успело уйти в Шумлу; русские потеряли убит. и ран. 1.542 ч. Эта блестящая победа совершенно изменила общее положение: 15 сент. сдались Русучк и Журжево; месяц спустя — Никополь (крепость на Дунае, в 100 км выше Русучка). В начале ноября армия отведена была на зимние квартиры в Молдавию и Валахию. Тем временем, к началу 1811 г. политич. обстановка изменилась: Р. угрожала война с Наполеоном. В виду этого Каменскому приказано было ограничиться оборонительными действиями и вместе с тем стараться скорее заключить мир, но с расширением русских владений до Дуная. Эту трудную задачу Каменский предлагал разрешить смелым наступлением за Балканы. Он выдвинул к Ловче отряд в 10 т. чел., который 31 янв. разбил 15 тыс. турок. Внезапная болезнь и смерть Каменского остановила выполнение забалканского похода. В командование армией 7 апр. вступил Кутузов, который нашел этот плац, при наличных силах (46 т.), чересчур рискованным. Он решил «скромным поведением» побудить визиря к наступлению, стараясь разбить его в оборонительном сражении. С этой целью укреп-

ления Силистрии и Никополя были уничтожены, и их гарнизоны присоединены к главным силам, которые стали близ Русучка. Узнав о слабости противника, визирь в начале июня выступил с 60 т. от Шумлы через Разград под Русучк, где 22 июня атаковал русских, но был отбит и отступил к Кадыкюю в за-благовременно укрепленный лагерь. Кутузов не только не преследовал турок, но приказал разрушить укрепления Русучка и в конце июня перевел всю армию на левый берег Дуная к Журжеву, разобрав русучкинский мост. Визирь занял Русучк и простоял там весь июль. В ночь на 28 авг. он начал переправу через Дунай в 4 км выше Русучка, укрепляясь на левом берегу по мере перевозки войск; ко 2 сент. переправилось 36 т. турок, на правом берегу оставалось в лагере до 30 т. Кутузов, имея 25 т., передвинулся на несколько км к в. от Журжева к с. Слободзен и устроил линию редутов км в двух от тур. укрепленной позиции, примыкая флангами к Дунаю. Затем, получив подкрепление, он отказался от своего «скромного поведения» и принял очень смелое решение. Он двинул от Слободзени вверх по Дунаю небольшой отряд ген. Маркова (8 т.), который 1 окт., незамеченный турками, переправился на лодках и плотах через Дунай в 18 км западнее Русучка и на рассвете 2 окт. внезапно атаковал лагерь 30 т. турок на правом берегу Дуная. Турки обратились в паническое бегство. Батареи с правого возвышенного берега стали громить лагерь визиря на противоположной низменной стороне Дуная, а русская дунайская флотилия отрезала речное сообщение лагеря с Русучком. Положение 36 т. турок, находившихся на левом берегу, сделалось невыходным. 25 ноября армия визиря, в которой вследствие огромных потерь, гл. обр. от недостатка продовольствия, оставалось всего 12 т., положила оружие. В мае 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому Р. получила Бессарабию, 825 кв. миль. Боевые потери русск. армии за эту войну составили 28 т.

24) *Война со Швецией 1808—1809 гг., см. II, 124, и Финляндия, XLIII, 694/95.* Русская армия, в числе 26 т., под командой графа Буксгевдена, 8 февр. 1808 г. перешла границу, р. Кюмень (см. черт. 8). Шведские силы в Финляндии, вместе с финляндской милицией, составляли около 20 т. В середине февр. русские беспрепятственно заняли Гельсингфорс и Тавастусе и приступили к блокаде главной финляндской крепости — Свеаборга. Затем они вышли на побережье Ботнического залива (Галге, Або, Бьернеборг, Ваза, Брагестад), при чем небольшая передовая часть заняла Алаандские острова. Шведский главнокомандующий гр. Клингсгор отступил на север по направлению к Улеборгу. 26 апр. сдался Свеаборг с 7 1/2 тыс. гарнизона и 2 тыс.

орудий. Присланная из Р. дивизия Барклая де Толли заняла 7 июня Куоино. С открытием навигации на море шведы увеличили армию, действовавшую в Финляндии, до 36 т., считая и вооруженных финских крестьян. На Аландских о-вах утвердился значительный шведский отряд (9 т.); было сделано несколько попыток произвести десант на финском побережье Ботнического залива, но они были отражены. Клингспор перешел в наступление со стороны Улеаборга и занял Вазу. В течение авг. русская армия доведена была до 55 т. Гр. Каменский 2-й, назначенный начальником русск. войск в средн. Финляндии, с отрядом в 11 т. двинулся от Тавастгуса через Алаво на с. Клингспор сосредоточил свои силы (13 т.) на сильно укрепленной позиции у Куортанаэ. После трехдневного боя 19—21 авг., в котором русские потеряли уб. и ран. 843 ч., а шведы 1.500 ч., Каменский занял Вазу. Затем, 2 сент., он сбил шведов с позиций у Оровайс и принудил их к дальнейшему отступлению по дороге на Улеаборг. В ноябре было заключено перемирие, по которому войска Клингспора отступили к Торнео, русские же заняли Улеаборг. Так как начавшиеся в конце 1808 г. в Эрфурте мирные переговоры не привели к желаемым результатам, то имп. Александр, пользуясь тем, что в эту зиму Ботнический залив покрылся толстым слоем льда, приказал проавести вторжение в Швецию по трем направлениям: 1) от Або, через Аландские острова, к Стокгольму; 2) от Вазы, через пролив Кваркен, к г. Умео, и 3) из Улеаборга на Торнео, в провинцию Вестерботнию. Одновременно главнокомандующим вместо гр. Буксегдена был назначен ген. Кнорринг. В первых числах марта 1809 г. Вагратон занял Аландские острова, а появление конного отряда под самым Стокгольмом произвело панику среди шведов. Барклай де Толли, перейдя через пролив Кваркен, 12 марта взял г. Умео; вскоре он получил сообщение Кнорринга о вновь заключенном перемирии и приказание вернуться в Вазу. Шувалов с отрядом в 5 т. ч. 6 марта начал от г. Коми наступление на Торнео и далее по берегу залива, при чем конница, двигаясь по льду, обходила все занимаемые шведами позиции. Командовавший шведскими войсками генерал Гришенберг, узнав о ваятии Умео, подписал 13 марта в Каликсе конвенцию о сдаче с 7.075 ч. Александр, недолжный тем, что нападение на Стокгольм не было осуществлено, не признал заключенного перемирия, сменил Кнорринга и приказал Барклаю опять наступать от Торнео в Вестерботнию. 20 апр. вновь занят был г. Умео. Гр. Каменский 2-й разбил высадившийся на пути из Умео в Торнео шведский десант (7 и 8 авг.). В сент. 1809 г. был подписан мир в Фридрихсгаме. Р. приобрела всю остальную Финляндию до

р. Торнео, ок. 5.000 кв. миль. Потеря русск. армии от неприятельского оружия за эту войну была 6.750 чел.

Е. Мартынов.

У. Экономическое развитие Р. в XIX и в начале XX века. 1. Крепостная экономика в конце XVIII века. Писатели-экономисты начала второй половины XVIII в. и начала XIX в. все согласно подчеркивают, как общий вывод своих наблюдений, тот громадный переворот в народном хозяйстве страны и в частности в отношениях между сельским хозяйством и промышленностью, который произошел на рубеже этих двух столетий. Так, один из известных писателей середины XVIII в., Болтин (см.), говорит, описывая этот переворот: «из сословия земледельцев знатное количество перешло в сословие промышленников, фабричных, ремесленников. Прибыло много городов; заведены многие здания, к строению которых потребовалось великое число мастеровых»... Другие наблюдатели и писатели той же эпохи — Щербатов (см.), Елагин (см.) и др., — подчеркивая то же «обращение от претрудного прилежания земледелию к промышленности», приписывали этому обстоятельству сокращение земледельческой культуры, истощение «запасных житниц», возрастание дороговизны и пр. «Сие есть коренное зло в России, — говорит Щербатов, — что во многих ее областях великое число крестьян, оставляя земледелие, ударились в другие промыслы. Прежде крестьяне прилежали к хлебопашеству, были сыты, но бедны. Теперь же крестьяне, оставляя земледелие, стали ходить на другие работы и действительно стали богаче деньгами, но земледелие пало». Наконец, ученый статистик и экономист начала XIX в., Арсеньев (см.), вспоминая недавние времена, подтверждает, что в «прежние времена в нашем отечестве была весьма мало известна го-

родская промышленность, и потому поселяне должны были сами удовлетворять своим необходимым потребностям... Это продолжается и доселе, и оттого многие деревни приняли вид городов, будучи заселены ремесленниками-крестьянами». Подтверждая те же наблюдения, большинство писателей-аграрников начала XIX в. видели в этом характере экономического переворота «коренное зло» и причину падения земледелия.

В эти наблюдения современников, при всей их фактической правильности, следует внести две основных поправки и дополнения. Как наблюдения всякого современника, они, во-первых, страдали близорукостью и узостью в понимании объективного хода развития эпохи; во-вторых, выдавали субъективные интересы тех общественных групп, к которым принадлежали эти авторы. В действительности, конечно, дело обстояло иначе. Новая экономика объяснялась не нежеланием крестьян заниматься «претрудным земледелием» и любовью к «легкому» занятию промышленностью. Неверно было также мнение об общем падении сельского хозяйства. Сущность экономического переворота, который особенно ярко обнаружился с приближением к рубежу двух столетий, но основы которого были заложены еще в начале XVIII в., заключалась в быстром росте общественного разделения труда в результате экономического развития и общественной дифференциации предшествующей эпохи. Общественное разделение труда и общественная дифференциация обуславливали отделение промышленности от сельского хозяйства, более быстрый ее рост, как ведущей отрасли, возникновение товарного хозяйства и товарообмена, возникновение денежного хозяйства вместо прежнего натурального. Сельское хозяйство являлось той экономической средой, на разложении

которой происходил этот процесс общественной и экономической дифференциации. На месте прежней, сравнительно мало дифференцированной руководящей общественной среды, с исключительным господством полуфеодалного крепостника-помещика, укреплялась новая общественная и экономическая сила — торговый капитал, претендовавший на экономическое руководство этим товарно-денежным хозяйством, на экономические выгоды от него, на долю участия в экономической эксплуатации непосредственного производителя, крепостного крестьянина, создателя богатства и для помещика, и для торгового капитала. Из-за дележа создаваемого этим крестьянином (как мы теперь можем выразиться) «прибавочного продукта» и возникает борьба между прежним полным владельцем его, помещиком-дворянином, и торговым капиталом. Этой экономической борьбой окрашена вся столь неустойчивая экономическая политика первой половины XVIII в. Результаты ее в смысле победы интересов помещичьего дворянства составляют экономическое содержание политики Екатерины II. Львиная доля в этом дележе досталась поместному дворянству, но не был обижен и торгово-промышленный класс. Так как экономический переворот и общественное разделение труда выражали переход производственных сил общества на высшую ступень, то нельзя сказать, что и все сельское хозяйство в целом падало. Но понятно, что этот экономический рост в условиях общественной дифференциации мог идти только за счет непосредственного производителя — крестьянина: его положение в целом не только не улучшалось, но наоборот — степень его экономической эксплуатации должна была повыситься. В этом отношении одинаково преуспевали как помещик, так и торговый капитал. Первый

все более усиливал гнет эксплуатации, захватывая под свою крепостную власть все новые массы населения и новые области. Второй, не довольствуясь крупной долей торговой прибыли от реализации продуктов крестьянского производства, стремился получить себе право промышленной эксплуатации крепостного труда и усилить ее. В этом заключались основные линии экономических стремлений дворянства и торгово-промышленного класса и взаимная борьба между ними с конца XVIII в. Это же составляло и внутреннее содержание того экономического переворота, который к XIX в. вылился, с одной стороны — в сильнейший рост закрепощенного населения, рост крепостного хозяйства и крепостной эксплуатации; с другой — в быстрый рост городского и промышленного населения, в экономическую дифференциацию, развитие товарно-денежного хозяйства, развитие промышленности.

По третьей ревизии 1752—1766 гг. из общего числа податного населения Великороссии и Сибири в 7,4 млн. чел. было крепостных крестьян 3,8 млн., или 53% (см. XXV, 472). В последующие годы темп роста крепостничества усилился необычайно, особенно благодаря «пожалованиям» государственных крестьян помещикам: за 35 лет царствования Екатерины II таких крестьян было «пожаловано», т. е. превращено в крепостных, 800 тыс., а за 4 года царствования Павла — 530 тыс., как указано в предыдущей статье. Вместе с тем крепостное состояние указам Екатерины 1763—1783 гг. было распространено на население украинских губерний, а указом Павла — на остальные губернии юга. В результате, по пятой ревизии 1794—1796 гг. крепостных имелось уже 9,9 млн., по шестой в 1811 г. — 10,4 млн., по восьмой (после освобождения в ост-

зейских губ. 416 тыс. крестьян) — 10,9 млн. На этой цифре количество крепостного населения держится почти без изменений до конца: по 10-й ревизии 1858 г. крепостных числилось 10,7 млн. Таким образом, особенно быстрый рост крепостного населения наблюдался к началу XIX в., когда численность его за 40 лет (принимая во внимание и распространение его на новые территории) увеличилась почти в три раза (с 3,8 млн. до 10,4 млн.). Численность же крепостного населения по отношению как к податному, так и ко всему населению за это время падает, сокращаясь с 45%, по 6-ой ревизии до 37 $\frac{1}{2}$ %, по десятой. Уже одно это показывает, что последняя треть XVIII в. была апогеем развития крепостного хозяйства, после чего оно вступает в длительный период разложения. Однако, ни это развитие, ни разложение не шли в различных районах одинаковыми темпами, всецело определяясь другой стороной — развитием промышленности и новых товарно-денежных отношений. Если, напр., сопоставить подсчеты относительной численности крепостного населения по 4-й ревизии и по 10-й (Семевского и Троицкого), то окажется, что наибольшее падение процента крепостного населения имелось в тех именно губерниях, где наиболее быстро развивалось городское и промышленное население, — напр., в Смоленской и Тульской с 80% до 69,07 — 68,94%, в Калужской с 83% до 61,8%, т. е. в целом — в нечерноземной полосе, где процесс отделения города от деревни шел наиболее интенсивно. В конце XVIII в. в нечерноземных губерниях от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ взрослого мужского населения уходило на неземледельческие заработки, порывая связь с сельским хозяйством. Этим и все земледельческое крепостное хозяйство нечерноземной полосы становилось в за-

висимость от промышленности, т. е. значительная доля доходов помещика определялась уже не работой крепостного крестьянина на пашне, а работой его в отхожем промысле. Собственно крепостное земледельческое хозяйство передвигалось на юг, в черноземные русские губернии, ставшие оплотом этой системы. К этому нужно добавить, что на крайнем юге начавшаяся усиленная с начала XIX в. колонизация шла уже в преобладающей степени не на базе крепостного, а на базе капиталистического хозяйства, преимущественно в виде экстенсивного овцеводческого, а позднее — и зернового хозяйства.

На почве этих общих сдвигов и направлений в экономике помещичье хозяйство, усиливая и закрепляя крепостную систему, окончательно выработывает к концу XVIII в. те ее организационно-хозяйственные формы, которые без больших изменений сохраняются вплоть до ее падения в середине XIX в. Основной организационной единицей крестьянского хозяйства и его повинностей помещичью являлось *тягло* (см.), т. е. крестьянская семья, состоящая из двух полных рабочих — мужчины и женщины. В тягло записывались мужчины от 17 до 55 лет, женщины от замужества до 50 лет; малолетние исполняли мелкие работы. Счет всех работ и повинностей шел по тяглам; по тяглам же происходило необходимое для выполнения повинностей наделение земель, орудиями обработки, скотом. В интересах помещичьего хозяйства было наблюдать за экономической производительностью тягла, почему помещик в случае надобности производил перетасовки между упадочными и крепкими тяглами, перераспределяя землю, орудия производства соответственно рабочему составу семьи. Самая организация производства сводилась к двум основным формам — *барщине* и *оброку*.

Если помещик считал наиболее выгодным развивать свое собственное производство, он оставлял за собой возможно большее количество земли, ограничивая крестьянское землепользование возможным минимумом, лишь бы сохранить за крестьянским хозяйством известную дееспособность, и пользуясь его рабочей силой для ведения хозяйства на своей земле. Если, наоборот, ведение самостоятельного хозяйства представлялось помещику невыгодным, он возможно большую часть земли передавал для эксплуатации крестьянскому хозяйству, извлекая свой доход из труда крестьянина, земледельческого или промышленного, в форме всякого рода натуральных или денежных повинностей. Так возникали две основных формы организации крепостного земледельческого хозяйства, — *барщина* и *оброк*, хотя и не применявшиеся нигде в чистом виде, но в основном характерные для двух основных районов страны — нечерноземного севера и черноземного центра и юга. В районе нечерноземных промышленных губерний преобладал оброк (до $\frac{3}{5}$ крестьян были на оброке), но со значительной долей и барщины (до $\frac{2}{5}$). В районе черноземных губерний (Поволжье, черноземный юго-восток) преобладала барщина (до $\frac{3}{4}$ и более), но был и оброк ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$). В губерниях северо-западных, украинских и южных барщина резко преобладала (св. 90% и до 100%), но в последних вообще крепостное население было незначительно (ср. XXV, 472/73). — При *барщинной* форме хозяйства крепостной крестьянин часть своего рабочего времени («необходимое рабочее время», скажем мы теперь) употреблял в своем хозяйстве, являвшемся для него источником его существования, другую же часть, в виде «прибавочного рабочего времени», затрачивал в помещичьем производ-

стве. В типичной форме барщинного хозяйства (напр., в центрально-черноземном районе) обработка барской пашни производилась не только крестьянским трудом, но и крестьянским скотом и инвентарем. Благодаря этому барское хозяйство по уровню техники не отличалось от крестьянского и вполне от последнего зависело, так как крестьянское хозяйство было для барского хозяйства главным образом источником рабочей силы. Помещик мог заводить свой инвентарь, скот, равно как, наоборот, использовать крепостной барщинный труд не только в сельскохозяйственном производстве, но и в организуемых промышленных предприятиях. Но все это требовало как вложения капитала, так и личного присутствия и ведения хозяйства. Капиталов у помещиков, как правило, не было, а абсентеизм более крупных и наиболее состоятельных также мешал налаживанию барщинного хозяйства. Поэтому самые крупные и самые мелкие помещики предпочитали не вести барщинного хозяйства, и последнее наиболее распространено находило главным образом у средних и у средне-мелких помещиков. Для второй, преобладающей по численности, группы помещиков вопрос о доходности их имений, при невозможности крупных капиталовложений и поднятия производительности крепостного труда, сводился к максимальному повышению степени его эксплуатации. Поэтому тяжесть барщины и точные ее условия в XVIII в. и особенно в конце его и вплоть до 1861 г. значительно увеличивались. В середине XVIII в. крестьяне обычно обрабатывали одну десятину барской земли на одну своей. В 1797 г. была установлена законом норма барщины в размере 3 дней в неделю при свободном воскресном дне, но, по видимому, помещики уже не довольствовались этой нормой и (как это указывалось еще в екатерининских

комиссиях) фактически барщина иногда доходила до шести или даже семи дней с полным упадком крестьянского хозяйства (см. XXV, 501). В денежном выражении некоторыми исследователями барщина в 1760 г. оценивалась в 7—8 руб. в год на душу, а через 30 лет уже в 14—16 руб. (Семевский). Важность и выгодность барщины заключалась в том, что помещик на ней мог эксплуатировать крестьянский труд в самых разнообразных формах, начиная от летних сельскохозяйственных работ и кончая зимними работами в виде «подводной повинности» по отвозу продуктов помещичьего хозяйства на рынки, или в городскую резиденцию помещика, или, наконец, в виде постоянной барщинной работы на помещичьих «фабриках» и заводах. В такой организации барщинного труда помещик стремился избежать невыгодной для него сезонности сельскохозяйственного труда, повысить эксплуатацию, овладеть рынком. — Другой основной формой эксплуатации крепостного труда была *оброчная система*. В чистом виде она предполагала ликвидацию помещичьего производительного хозяйства и либо предоставление всей земли в хозяйственное пользование крестьян за установленный оброк, либо свободный отпуск их на заработки для выплаты такого же obroka. Обычно часть крепостных отправлялась на заработки, часть оставалась на земле для собственного пропитания или для выполнения некоторых добавочных работ помещику. Иногда помещик оставлял значительную часть земли себе и вел хозяйство смешанным порядком. Но экономический смысл и выгода для помещика оброчной системы заключалась не в этом сельскохозяйственном труде крестьян или obroke с него: наибольшие возможности открывались именно в эксплуатации крестьянского труда во вне-сельскохозяйственных занятиях. Поэтому оброк во-

обще не стоял ни в какой связи с доходностью земледельческого хозяйства и, извлекаясь из всей суммы заработков крестьянина, был значительно выше. Поэтому вообще оброки росли еще более значительно, чем барщина: если в 1760-х гг. оброк с души в среднем был 1—2 руб., то в 1790-х гг. он дошел до 5 руб., в первое десятилетие XIX в. до 10—14 руб. и в 1820-х гг. до 30 руб. с души. Но вообще оброки были очень неравномерны и в отдельных случаях доходили до нескольких сот рублей и выше. Наиболее высоки они были в нечерноземных губерниях от веземледельческих промыслов, тогда как земледельческие оброки были более умеренные. Но, как и земледельческая барщина, и оброк упирался в низкую производительность крепостного труда, в невозможность развития производительных сил и помещичьих доходов в рамках крепостной системы. С развитием товарно-денежного хозяйства этот вопрос становился решающим для помещичьего земледельческого хозяйства, а с ним вместе и для всей системы крепостного хозяйства.

Т. о. степень крепостной эксплуатации крестьянства к концу XVIII и к началу XIX в. сильно возросла. Как обладатель 10 млн. крепостных и монополист даровой рабочей силы, как обладатель земли, дающей огромную денежную ренту, крепостной помещик достиг к концу XVIII в. наибольшего влияния в экономике страны. Но полностью захватив монополию в земледельческом хозяйстве, поместное дворянство начинает усиленно стремиться к преобладанию и к защите своих экономических интересов и в других областях народного хозяйства. Здесь оно, однако, встречается с интересами другого общественного класса — нарождающейся промышленной буржуазии. Но основы крепостной хозяйственной системы

захватывают и промышленность. При монопольном праве дворянства на *крепостную рабочую силу*, нарождающаяся с начала XVIII в. промышленная буржуазия не смогла пойти по новому пути обеспечения себя свободной рабочей силой, но обратилась к тому же источнику — крепостному труду. Правильно учтя всю важность борьбы за это право монопольного владения и распоряжения рабочей силой, дворянство оказало длительное сопротивление. После колебаний в политике по этому вопросу при преемниках Петра I, дело было решено в пользу дворянства указами 1762 г., запрещением фабрикантам покупать к заводам крестьян как с землей, так и без земли. И хотя это запрещение вновь отменено было в 1798 г., но эта мера уже не имела решающего значения, т. к. с начала XIX в. фабриканты, наконец, начинают переходить на вольнонаемный труд. Кроме того, ряд промышленных производств был или полностью признан монополией дворянства (винокурение), или дворянским предприятиям предоставлялись особые привилегии (суконное). В результате, во многих отраслях промышленности «купецкая» фабрика была к концу XVIII в. оттеснена «дворянской»; таковыми были особенно отрасли, связанные с переработкой сел.-хоз. сырья и технически более простые (винокурение, сахарные заводы, мельницы, суконные фабрики). Но, конечно, этими дворянскими вотчинными фабриками не исчерпывались все запросы промышленности со стороны народного и государственного хозяйства. Поэтому, хотя петровская промышленная система в значительной своей части к концу XVIII в. была расшатана, а классовый состав ее был сильно пополнен представителями дворянства, тем не менее в целом промышленная структура сохранила свой прежний вид. В техническом отношении «фабрики»

конца XVIII в. были попрежнему «мануфактурами», хотя и со значительным числом рабочих (до 1.000 и более), но представлявшие большую частью не единое централизованное производственное предприятие с сотнями рабочих, работающих в одном здании, а скорее систему объединенных «светелок». Особенно крупными были *казенные* «фабрики» — металлургические, оружейные, селитренные, суконные, стекольные, необходимые для создания флота, переустройства и снабжения армии и пр. Этот вид промышленности, как показано выше (см. XXXVI, ч. 3, 751/55, однако не только не обнаруживал роста, но, наоборот, кроме отдельных заводов, сокращался в численности. Другой вид петровской фабрики, *посессионные* фабрики (см. XXV, 563/64, прил. 1/2, и XXXIII, 132), сохранили свой значительный удельный вес и в XVIII в. Сначала почти исключительно купеческая, *посессионная* промышленность в XVIII в. в значительной степени пополняется представителями привилегированного дворянства. Тяжелая промышленность, начиная особенно значительно выдвигаться к концу XVIII в. и организованная в основном во центры, на Урале, преимущественно в форме *посессионной*, стала особенно прилежно интересоваться вельможного дворянства (богатейшие Гороблагоденские заводы, отданные Шувалову и др.). Но и для *посессионных* заводов главным вопросом оставался рабочий вопрос. Несмотря на сохранившееся право «приписки» (см. XXV, 563/64, прил. 5/6), положение с рабочими здесь было очень непрочным. Так как рабочие работали по правилу «брат на брата», т. е. половина была занята заводскими работами, а половина — земледельческими, то рабочий аппарат получался очень громоздкий, малопроизводительный и непостоянный. Положение рабочих было очень тяжелое. Заработной платы в

сущности не было, т. к. заводчики были обязаны платить за крестьян подати, а крестьяне должны были на них работать, почти ничего не получая на руки. Каждый заводской крестьянин затрачивал на заводскую работу не менее 120 дней в году, т. е. заводская работа приближалась к трехдневной барщине. Продолжительность рабочего дня была зато 11—13 и даже 15 часов, притом с системой тяжелых и трудно выполнимых «уроков». При таких условиях приписанные к заводам крестьяне быстро пролетаризировались, т. е. теряли связь с землей, что было в интересах заводчиков. Кроме того, тяжелое положение *посессионных* рабочих часто вызывало среди них волнения и восстания. — Но наиболее типичным и важным для XVIII в. видом крепостной промышленности стала *вотчинная фабрика*. Это была помещичья мануфактура, работавшая исключительно на крепостном труде принадлежавших помещику крестьян и преимущественно на сырье, получаемом из его имений. Почти отсутствуя в петровскую эпоху, этот вид фабрики получает громадное распространение в XVIII в., так что, по словам современников, не было ни одного помещичьего имения, где бы не имелось хоть какой-либо маленькой «фабрички». Материальной базой для развития таких предприятий являлась наличность свободных и «даровых» рабочих рук, особенно не занятых зимой, и наличность сырья — льна, пеньки, шерсти, кожи, зерна и пр., — которое было более выгодно сбывать в переработанном виде. Низкие хлебные цены в 1820—30-х гг. заставили помещиков заинтересоваться фабричным производством и задуматься над превращением своих дворовых мастерских, обслуживавших прежде только собственные потребности, в настоящие мануфактуры. Современные защитники таковой крепостной «индустри-

ализации» сельского хозяйства укazyвали на доступность и выгодность ее. «Помещик, имеющий сто душ ревизских, говорил по этому поводу орловский помещик Погодин, может завести фабрику на первый случай не более 5—6 станов и бичевую прядильню и, как уже не безызвестно всякому, на сих обеих работах могут заниматься от 10- до 15-летнего возраста крестьянские дети обоого пола под надзором совершенного возраста людей, которые к полевой работе... не привыкли... и бывают праздны». К концу XVIII в. такие помещичьи «фабрики» становятся модным и общим увлечением всех сколько-нибудь «прогрессивных» помещиков. Большею частью фабричный труд являлся дополнением к сельскохозяйственному, т.-е. либо часть была занята на фабрике, часть в сел. хозяйстве, либо зимой были заняты на фабриках, летом — в сел. хозяйстве. Работы отбывались в порядке барщины, и никакой заработной платы крестьяне не получали. Положение таких фабричных крестьян было еще тяжелее, чем земледельческих. Труд был также очень низкой производительности. Тем не менее, помещичья фабрика все же держалась благодаря обилию сырья, даровых рабочих рук, вследствие низкой техники производства вообще. — Наконец, рядом с помещичьей крепостной фабрикой следует упомянуть еще об одном виде фабрики, получившей расцвет в несколько более поздний период, но начавшейся уже с конца XVIII в. Это — фабрики самих крепостных крестьян. Заинтересованные в том же повышении оброков, помещики разрешили более состоятельным крестьянам открывать промышленные заведения. Формально эти фабрики должны были открываться на имя помещика, на его же имя б. ч. покупались и крепостные к фабрике. Чтобы добиться свободы распоря-

жаться своим имуществом, таким фабрикантам приходилось платить помещикам громадные деньги за выкуп. Так было, напр., с будущими крупнейшими фабрикантами Морозовыми, с фабрикой Сеземова и мн. др. — *Итоги* развития промышленности к концу XVIII в. сравнительно с предшествовавшими были весьма значительны. При крайней неточности учета имеющиеся цифры очень различны. Из наиболее достоверных в известном академическом «обзоре» — цифра Германа в 2.322 фабрики к концу XVIII в. с числом рабочих на них в 119 тыс. По другим подсчетам на фабриках, находившихся в ведении мануфактур-коллегии (т.-е. наиболее крупных), состояло рабочих 38 тыс. чел.: из них 14 тыс. казенных и приписных, 11¹/₂ тыс. вотчинных и купленных и 12 тыс. вольнонаемных. Концентрация промышленности по числу рабочих была по тому времени весьма значительна. Тот же Герман приводит примеры наиболее крупных по числу рабочих предприятий: полотняная мануфактура Хлебникова в Пронске с 1.059 рабочих, Лучинова в Туле — 1.295 раб., Гончарова в Москве — 3.479 раб., Яковлева в Ярославле 2.697 раб. Хотя возможно, что в эти цифры входило значительное число рабочих, работавших на дому, но все же это были очень крупные предприятия, при том принадлежавшие промышленной буржуазии. Дворянские вотчинные фабрики были меньше по размерам, но число их к концу XVIII в., в особенности в некоторых отраслях, значительно увеличилось: напр., с 1742 г. по 1767 г. число суконных фабрик возросло с 16 до 76, полотняных с 28 до 88 (преимущественно дворянских). В виде общего итога развития фабричной промышленности к началу XIX в. приведем известные подсчеты Туган-Барановского о числе фабрик и рабочих по отраслям на 1804 г.:

Отрасли пров- водства	Число фаб- рик	Число ра- бочих на них	В том чис. вольно- наемн.	Среднее число на 1 фабр.
Суконное и шер- стяное . . .	155	28.689	2.788	185
Полотняное . . .	285	23.711	14.327	83
Ситцевое . . .	199	6.596	5.436	33
Шелковое . . .	323	8.953	6.625	27
Писчебумажное Стальное, желез- ное, угольное	64	6.957	1.533	109
Коженное . . .	26	4.121	1.144	159
Канатное . . .	850	6.304	6.115	7
Стекольное и хрустальное . . .	58	1.520	1.295	28
	114	3.937	1.685	35
Все отрасли . . .	2.423	95.202	45.625	35

Из таблицы видно, что суконная и шерстяная промышленность почти целиком, полотняная почти наполовину, писчебумажная на три четверти еще к началу XIX в. обслуживались крепостным трудом. Однако, вольнонаемный труд занимал в целом уже значительное место, в среднем по всем отраслям до 47,9%, а в некоторых значительно выше. Наоборот, в других отраслях, связанных с сельским хозяйством, как свеклосахарная, винокуренная, табачная и др., крепостной труд вотчинных крестьян занимал почти исключительное место. В целом, т. е., можно констатировать, что к началу XIX в. в итоге дворянской реакции крепостная дворянская фабрика сдала уже до половины своих позиций купеческой фабрике. Последняя в таких отраслях, как хлопчатобумажная, целиком стала на капиталистический путь и на вольнонаемный труд. Наоборот, дворянская гегемония сохранилась лишь в отраслях, связанных с сельским хозяйством, с наиболее примитивной техникой, где дворянские привилегии были все еще закреплены специальным законодательством.

Крупной фабрично-заводской промышленностью не ограничивалось развитие промышленной жизни в конце XVIII в. Если по своей структуре эта промышленность часто представляла собою лишь торговое или ор-

ганизационное объединение отдельных «кустарных» светелок, то не меньшее распространение имели самостоятельные мелкие *ремесленные* и *кустарные* производства. Довольно быстрое развитие городских центров вызывало здесь и развитие всевозможных городских ремесл: уже в это время в таких городах, как С.-Петербург, число ремесленников насчитывалось тысячами. Но гораздо большее значение приобретает другая форма мелкой промышленности, получившая широкое распространение в виде так наз. *кустарной промышленности* (см.). Еще Шторх (см.) в своих известных описаниях Р. конца XVIII в. отметил, что русские ремесленники мало работают на заказ потребителя, а продают сами свои изделия на рынок через скупщика. На этой почве создавалась возрастающая зависимость мелкого городского и особенно сельского ремесла от торгового капитала и возникла та форма организации промышленности, которая получила, особенно в деревне, форму кустарничества. Генетически имея свое происхождение или из промышленных занятий крепостных в помещичьей дворне, или из отхожих промыслов крепостных, кустарная промышленность к XVIII в. получает важное значение, особенно в некоторых отраслях, в связи со слабым развитием крупной промышленности. Так, уже в XVIII в. существуют крупные центры кустарного плотняного производства в Иваново-Вознесенске, Шуе, металлического производства — в Павлове Нижегородской губ. и др. Но влияние крепостной системы всецело сказывалось и на кустарной промышленности, т. е. в «кустарях» работали все те же крепостные, выплачивавшие от своих заработков оброк своим помещикам, да и скупщиками, а часто и руководителями кустарных производств были те же более состоятельные

крепостные. Печего говорить уже о том, что самое существование и широкое развитие кустарной промышленности и успех ее конкуренции с крупной обуславливались тем общим задерживающим влиянием, которое оказывала на весь хозяйственный строй крепостная система. — Подводя итоги экономическому развитию конца XVIII в., необходимо отметить, что оно характеризуется апогеем развития крепостной системы, проникающей все стороны общественной жизни и народного хозяйства. Имея в основе своей исключительные монопольные права на эксплуатацию крепостного труда, находившегося в распоряжении привилегированного дворянства, эта система в период своего расцвета не могла не получить и в политическом отношении значения дворянской реакции. «Век славный Екатерины» не только задержал на тормозах крепостническо-дворянской реакции быстрые темпы буржуазно-капиталистического развития общества, но усилил и оставил в наследие будущему тяжесть крепостных пут, их разлагающее влияние и гегемонию над всеми сторонами общественной и экономической жизни. Неправильно было бы, однако, думать, что экономическая жизнь страны регрессировала в своем развитии. Количественные итоги развития не только сельского хозяйства, но и промышленности были весьма значительны. По свидетельству иностранных наблюдателей того времени, русская промышленность вовсе не представлялась тепличным и небольшим по размерам растением, а, наоборот, ставила Р. на одно из первых мест сравнительно с другими странами. Достаточно указать, что к 1800 г. производство чугуна в Р. достигло (на Урале) 10,3 млн. пуд., тогда как в Англии оно было всего 8 млн. пуд., при чем русский чугун был перво-классного качества. Но уже этот при-

мер лучше всего обнаруживает и причины дальнейшего регресса: Урал, центр тогдашней русской металлургии, являлся и оплотом крепостнического хозяйства; основывая свое господство «не на капитале и конкуренции, а на монополии и своем владельческом праве» (Ленин), он стал быстро уступать промышленно-капиталистическому развитию Англии. И тем не менее, если, несмотря на губительное разлагающее влияние крепостной системы, экономическое развитие страны все же шло вперед и достигало известных успехов, то причиной этого являлось то обстоятельство, что на новых путях развития народного хозяйства создавались более жизнеспособные силы, окончательно разлагавшие и побеждавшие отживающую феодально-крепостническую экономику.

2. Разложение крепостного хозяйства и зарождение новой экономики. Чтобы понять причины и источники такого постепенного изживания системы крепостного хозяйства и неизбежности его разложения, необходимо вспомнить те внутренние экономические противоречия, которые уже всецело проникали его в конце XVIII в. Как мы видели, крепостное хозяйство к этому времени уже в сильнейшей степени ориентировалось на рынок, на рост промышленно-городского спроса, на углубление своего товарного производства, а вместе с тем становилось заинтересованным в рыночном сбыте, в рыночных ценах. Но, с другой стороны, отвечать на эти требования и запросы рынка оно могло лишь усилением крепостнической эксплуатации труда во всех областях хозяйственной жизни. Не давая стимулов для производственного прогресса во всей массе народного производства и, наоборот, все более усиливая гнет эксплуатации непосредственного производителя, оно не могло повышать и развивать общественные потребности

и общественный спрос, задерживало социально-экономическую дифференциацию, суживало хозяйство в тесных рамках натурально-потребительского характера. Требуя для реализации своих крепостнических доходов развивающегося рынка, внутреннего и внешнего, оно в то же время подрывало его развитие как на одном полюсе, держа на уровне нищеты главного массового потребителя продуктов промышленности — крестьянина, так и на другом — сковывая прогрессивный рост промышленности ценами непроизводительного крепостного труда и отрезая возможность производительного накопления капитала. Т. о. причины разложения крепостного хозяйства лежали не в отдельных частях этой системы (сколь бы важны они ни были), а во всей хозяйственной системе в целом. Как переходная форма к товарному хозяйству, оно должно было все больше работать на рынок, а этот последний требовал развития производительных сил на основе конкуренции, повышения производительности общественного труда. Как форма хозяйства, основанная на принудительном труде, оно по существу своему не знало путей повышения этой производительности. Это основное противоречие низкой общественной производительности с требованиями развивающегося товарного общественного хозяйства к середине XIX в. особенно резко и со всей решительностью поставило вопрос о существовании или гибели всей хозяйственной, а вместе с тем и социально-политической системы.

Выше уже было указано, что зачатки экономической и географической дифференциации страны и развития общественного разделения труда с ростом промышленности и городского населения уже к концу XVIII в. стали в рамках крепостной системы весьма важным и благоприятным фактором в деле развития товарного

хозяйства. Это обстоятельство обусловило сильный *рост товарных цен* на земледельческие продукты, которым отличается конец XVIII в. Это повышение было, конечно, в интересах крупных производителей сельскохозяйств. товаров, крепостников-помещиков. Один из их идеологов и вождей, граф Румянцев, защищал, напр., тот взгляд, что «Россия будет богата, когда четверть хлеба повысится в цене до 25 руб.». Помещичье хозяйство было главным товаропроизводителем на рынке сел.-хоз. продуктов, да в значительной степени и промышленных. Из подсчетов некоторых дореформенных статистиков можно приблизительно определить, что, напр., на хлебном рынке из всего товарного хлеба до 90% шло из помещичьего хозяйства и лишь около 10% из крестьянского. Если даже в товарном производстве других продуктов (лен, пенька и др.) доля крестьянского хозяйства была более значительна, то все же на рынке преобладал помещик. Этому способствовало также отсутствие усовершенствованных путей сообщения, невозможность для крестьянина непосредственных сношений с рынком и возможность, наоборот, для помещика, на основе подводной повинности крепостных, отправлять свои продукты даже на далекие рынки. Однако господство на рынке вовсе не приносило помещичьему хозяйству одни успехи. Чем более товарным оно становилось, тем более оно поддавало под влияние сложных рыночных отношений и меняющихся конъюнктур. Между тем, в борьбе с этими неблагоприятными конъюнктурами помещичье хозяйство не располагало никакими средствами повышения низкой крепостной производительности труда, а могло лишь усиливать степень его эксплуатации. Для помещика рост производительных сил его хозяйства олицетворялся в повышении доходности его. Но, конечно, объективно этот

рост мог находить себе действительное основание лишь в росте производительных сил и доходности крестьянского хозяйства. Нужно сказать, что многие помещики уже начала XIX в. хорошо понимали эту основную проблему крепостного хозяйства, но, конечно, в пределах крепостной системы не могли найти ее разрешения. К этому времени десятилетие войн, вызвавших сильнейшее повышательное движение цен на сел.-хоз. продукты, закончилось событиями 1812 года, разорившими городскую жизнь многих помещиков, заставившими их возвратиться в деревни и сделавшими их сел. хозяевами поневоле. Известный славянофил и помещик Ю. Самарин в 1850-х гг. писал по этому поводу: «Лет 70 назад владельцы значительных имений мало занимались сел. хоз. и по большей части довольствовались умеренным оброком, собирая сверх того натурою разные припасы для своих домашних потребностей. Этот порядок вещей изменился постепенно от совокупного действия многих причин... дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: заведение барщины». Решающее значение в этом направлении оказали те изменения в общей экономике страны, которые способствовали росту товарного производства, росту спроса и повышению товарных цен. При таких условиях стремление к *предпринимательскому крепостному хозяйству* могло дать выгодный эффект, но только при одном условии — при повышении техники сельского хозяйства и при повышении производительности крепостного барщинного труда. Оседавшие на землю помещики стали искать технических образцов реконструкции своего хозяйства в последнем слове тогдашней западно-европейской агрономической

науки, в виде «плодоперемения», т.-е. перехода от прежнего господства трехполья к интенсивным плодосменным системам. Центр тогдашних прогрессивных течений в сел. хоз., «Московское общество сельского хозяйства» с его «Земледельческим журналом», в 1820-х гг. было занято исключительно проповедью плодосменной системы, травосеяния, перехода к интенсивным животноводческим отраслям, на юге — к свеклосахарному хозяйству и пр. Но вскоре ясно обнаружилось, что и сами помещики являются лишь плохими подражателями европейским образцам, да и вся система их крепостного хозяйства совершенно не соответствует этим новым образцам европейской техники. Капиталистическая техника разбивалась о крепостную экономику и крепостную организацию хозяйства. Для интенсивных плодосменных и индустриальных систем требовались две основных предпосылки: наличность значительного основного и оборотного капитала и наличность квалифицированного и производительного труда. Ни того, ни другого в крепостном хозяйстве не было. «Сугубая для русского сельского хозяйства новость — капиталы», говорит по этому поводу один из современников, «о них и слуху нет». «В русском сел. хоз., — продолжает его мысль другой, — денежный капитал редко участвует, а главный, необходимый, лучше сказать неизбежный капитал есть крепостные крестьяне». Крепостная бухгалтерия называла этот живой капитал, применяясь к «европеизации» его — «капиталом орудий». С таким «капиталом орудий» вести прогрессивное и производительное европейское хозяйство было, конечно, невозможно. Крепостная «реконструкция» сельского хозяйства ограничилась поэтому уродливыми и дорого стоящими увлечениями английским скотом, «английским фермерством», немецким «плодосмением». «Англий-

ский фермер столь же начинает быть нужным многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в упряжку», говорит не без сарказма один из современных авторов-помещиков. Но понятно, что такое увлечение не могло быть продолжительным. Оно потерпело окончательное крушение тогда, когда, после длительного периода высоких хлебных цен и благоприятных конъюнктур на сел.-хоз. продукты, в середине 1820-х годов произошел резкий поворот цен к понижению. Не будучи в состоянии в рамках крепостной системы ни преобразовать технику, ни повысить производительность труда, помещичье хозяйство с 1830-х гг. вновь начинает возвращаться к более верному и привычному способу обеспечения и повышения своих доходов — к усилению эксплуатации крепостного труда путем повышения барщины и оброка. Правда, все более становилось ясным, что ни та, ни другая система крепостного хозяйства не могут уже удовлетворить новым требованиям. Первал, хотя и сохранял видимость собственного достоинства, дала чрезвычайно низкую производительность труда; вторая означала по существу ликвидацию самостоятельного ведения хозяйства. Экономическая и сел.-хоз. литература 1840-50-х гг. тщетно занимается размышлением этого неразрешимого вопроса о выходе из положения с сохранением социально-экономического господства помещика, т.-е. на базе крепостного хозяйства. Но все более ясным даже для самих помещиков становится, что в пределах крепостной системы такого разрешения найти невозможно. — Узел противоречий крепостного хозяйства, как системы товарного хозяйства, был завязан в *рынке*. И если высокий уровень цен в начале XIX в. обеспечивал доходы крепостных помещиков, то новое понижение цен со второй

половины 1820-х гг. вновь поставило вопрос о путях выхода из кризиса. И новый, премированный Академией наук, автор А. Фомин, исследовавший вопрос о причинах понижения цен на сельскохозяйственные продукты и о способах его изживания, развивает уже целую программу экономической политики. Из экономических причин кризиса автор особенно указывает на две — сокращение и узость внешнего рынка и недостаточность развития внутреннего рынка. Расширить последний могло бы только «распространение мануфактурной промышленности». Ссылаясь на новейшие учения политической экономии, автор указывает, что только «в свободном состоянии промышленности» производительные силы будут всегда «употреблены с наибольшей выгодой». В крепостном состоянии, наоборот, крестьяне «не имеют свободы в отыскании себе занятий в промышленности». Отсюда происходит «задержание естественного хода и распределения народного богатства», слабость «приобретения капиталов», медленность роста «среднего класса», недостаточность развития внутреннего и непрочность внешнего рынка. Поэтому сельскохозяйственный кризис будет продолжаться до тех пор, «доколе настоящее положение вещей и действующие причины, внешние и внутренние, будут продолжаться». Сочинение Фомина представляется едва ли не первой более или менее обоснованной декларацией о приоритете промышленности в развитии народного хозяйства, о необходимости принципов «свободы» в «естественном ходе» экономического развития, другими словами — декларацией, противопоставляющей начала буржуазного развития системе крепостного хозяйства. — Еще более ясно и подробно — хотя также по тогдашним цензурным условиям в завуалированных выражениях «эзоповского» языка — те же мысли развивает в 1847 г. один из

видных публицистов и экономистов, Заблоцкий (см. *Заблоцкий-Десятовский*). К этому времени ожидавшееся Фоминим повышение цен на внешнем рынке уже осуществилось, но тем не менее крепостное земледельческое хозяйство не вышло из тупика. Ссылаясь на исследование другого экономиста, Веселовского, указывавшего на «несоразмерность продажных цен на земледельческие продукты с тою стоимостью, во что они обошлись производителю», Заблоцкий задается вопросом, как образуется цена в крепостном производстве. Он утверждает, что помещик не может «знать», во что ему обходится хлеб. Он связан «обязательной рентой» (т.-е. крепостным обязательным трудом), не может прекратить производство хлеба тогда, когда цена становится невыгодной; он сам связан этой «обязательностью», он должен поэтому и продавать хлеб во что бы то ни стало, не считаясь с рыночной ценой. Самое овладение рынком помещику было доступно только на почве крепостного труда и возможности «даровой» подводной повинности. По подсчетам дореформенных статистиков, подводная повинность занимала зимой до 3 млн. чел., а летом до 800 тыс., т.-е. до 30% крепостного труда зимой и до 8% летом. Но этот «даровой» способ овладения рынком приводил к тому, что подвозы хлеба к рынкам были крайне неравномерны, вместе с чем и цены отличались крайней неустойчивостью: напр., во втором пятилетии 1830-х гг. в производящих районах высшие цены превышали низшие в 5—6 и даже в 10 раз. При таких условиях хозяйство, работающее на рынок, не могло существовать.—Необходимо, однако, подчеркнуть еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное как для понимания всего хода реформы по ликвидации крепостного хозяйства, так и дальнейшего экономического развития после реформы. Это—неоди-

наковость развития и *противоречия отдельных районов*. Как уже было выше указано, в нечерноземной полосе крепостное барщинное земледельческое хозяйство было в подавляющей мере уже ликвидировано, и помещичьи доходы извлекались не из земледельческого, а из промышленного труда крестьян. Поэтому помещики здесь не были заинтересованы в сохранении собственно крепостного земледельческого хозяйства; они более охотно соглашались его ликвидировать, но с условием хорошего выкупа за свое монопольное право на труд, и были заинтересованы в развитии промышленности и рынка. В другом, противоположном районе, на крайнем юге, крепостное земледельческое хозяйство также не получало значительного распространения, так как колонизация южных степей шла в преобладающей степени в форме свободной крупно-капиталистической (овцеводческие латифундии) или крестьянской фермерской (крупнопосевной зерновой) колонизации. Хозяйство этих районов особенно настоятельно требовало свободного развития внешнего сбыта, притока капиталов, свободных рабочих рук, развития торговли и усовершенствованных средств сообщения—жел. дорог, т.-е. всеобщей и полной ликвидации всей системы крепостного хозяйства. Несколько отличным было положение на юго-западе, где земледельческое хозяйство выливалось в развитие интенсивных индустриальных форм, связанных с свеклосахарными и винокурными заводами. Хотя здесь процент барщинных крестьян в этих помещичьих имениях был еще довольно значителен, но все же предпринимательское хозяйство капиталистического типа со своими индустриальными установками все более ориентировалось на свободный, более производительный и квалифицированный труд; к тому же оно могло найти его в свободном малоземельном ме-

стном населении. Наконец—черноземный земледельческий центр. Это был центр и оплот крепостного хозяйства, оплот барщины и ведения самостоятельного помещичьего крепостного хозяйства, при том в наиболее упрощенной и экстенсивной форме—зернового хозяйства. Барщинные крестьяне составляли здесь накануне реформы до 72—78% всех помещичьих крестьян. Район застарелого и отсталого трехполья, с производством дешевых «серых» крестьянских хлебов, ржи и овса, отдаленный от внешних рынков сбыта, связанный с слабо развитым внутренним рынком, терпя и на нем конкуренцию юга, этот район связывал судьбу помещичьего хозяйства с крестьянским хозяйством, с обладанием землей, с эксплуатацией крепостного труда. Поэтому помещики этого района были наиболее заинтересованы в сохранении крепостного права, в удержании за собой земли, являлись наиболее крайними и последовательными «плантаторами», защитниками не только земледельческого крепостного хозяйства, но и всей системы крепостничества в целом.

Вот такковы были противоречия и неразрывные системы крепостного хозяйства в основном его секторе, в сельском хозяйстве, то гораздо дальше отмирание системы вошло в область промышленности. Как было указано, во многих отраслях крупной промышленности уже к началу XIX в. крепостной труд и крепостная организация производства почти полностью отмирали. «Ведущей» в этом отношении отраслью промышленности являлась не тяжелая металлургия (посессиональ и вотчинная на Урале), а легкая, особенно хлопчатобумажная, как технически наиболее передовая, а экономически—требующая широкого массового рынка и свободного квалифицированного рабочего. Уже в 1825 г. процент вольнонаемных рабочих достигал: в кожевенном произ-

водстве 93%, в канатном 92%, в хлопчатобумажном 94,7%, хотя в суконном все еще только 18,4%, в металлическом 22%, в писчебумажном 24%. Другими словами—в последних трех производствах все еще преобладали вотчинные и посессионные фабрики. Наоборот, хлопчатобумажное производство почти всецело приобрело уже капиталистический характер. По технике своей все виды хлопчатобумажного производства (прядельное, ткацкое, ситценабивное) представляли собою мануфактуру, т.-е. пользовались исключительно ручным трудом, частью в виде раздаточной системы на дом мелким кустарям, частью в виде концентрированного производства. При сравнительной простоте производства, после уничтожения прежней монополии в 1772 г. ситценабивное и ткацкое производство начинают особенно распространяться среди крестьян в виде кустарничества в Московской, Владимирской и др. губ. Иногда на этой почве впоследствии возникали довольно крупные «светелки» с наемным трудом, а впоследствии и более крупные фабрички. Здесь же создавались и подготавливались кадры квалифицированных вольнонаемных рабочих для более крупных капиталистических фабрик. Особенно важной для развития крупного машинного производства хлопчатобумажной промышленности оказалась отмена в 1842 г. существовавшего в Англии запрещения вывоза машин для хлопчатобумажного производства. С этого времени русская промышленность начинает питаться не только английской пряжей (на которой до тех пор работала значительная часть ткацкого и ситценабивного производства), но и английскими машинами, переходя из мануфактуры на стадию настоящего фабричного производства. Переход на машинную набивку и на машинное ткачество начинается с 1830-х гг. После 1842 г. начинается

усиленный ввоз машин не только ткацких и ситценабивных, но и прядильных, с освобождением от ввоза английской пряжи и с переходом на ввоз уже сырого хлопка. Завоевание нашей хлопчатобумажной промышленностью английской машинной техники олицетворялось для 1840—60-х гг. деятельностью знаменитого английского предпринимателя-комиссионера Кнопа, оборудовавшего и построившего громадную долю наших крупнейших и известных до последнего времени хлопчатобумажных фабрик (ряд морозовских, Даниловская, иваново-вознесенские, вплоть до наиболее крупной — Кренгольмской). В результате такого перехода к машинной технике хлопчатобумажная промышленность стала требовать более квалифицированного вольнонаемного труда. Крепостное право в этом отношении находилось в полном противоречии с интересами хлопчатобумажной, а вместе с нею — и со всеми другими передовыми отраслями промышленности. Помимо общего монопольного права на рабочую силу, в виде основных кадров ее — крепостных крестьян, крепостное право косвенно било по карману капиталистов-фабрикантов, повышая их издержки производства тем, что рабочий, оброчный крестьянин-отходник, в своей заработной плате должен был получать от фабриканта и оброк для помещика, т.-е. повышать ее выше собственного прожиточного минимума. Не менее важным являлось то обстоятельство, что легкая промышленность должна быть рассчитана на широкий внутренний рынок, а наиболее значительная часть его, в виде крестьянского спроса, была закрыта как вследствие низкой покупательной способности сельского населения, так и в связи с господством в нем полукрепостного кустарничества. Поэтому, напр., та же хлопчатобумажная промышленность в те годы имела свой главный рынок не

в деревне, как впоследствии, а в городе.

Хлопчатобумажная промышленность только в наиболее концентрированном виде отражала те тенденции, которые вообще имели место в крупной машинной промышленности. На этом фоне особенно ярко проявлялись все отрицательные стороны отраслей с преобладанием крепостной вотчинной фабрики (суконные, полотняные, металлургические): низкая производительность труда, чрезмерная его эксплуатация, общий застой и пр. Не даром, по словам Н. Тургенева для 1840-х гг., сами крестьяне говорили о помещиках, у которых имелись вотчинные фабрики, с таким же страхом, как о чуме. Если для многих сел.-хоз. районов острым становился вопрос о ликвидации крепостной системы в сельском хозяйстве, то для промышленности эти противоречия достигали наибольшей остроты. Политическая эгоистота совершенно ясно стояла не только перед самими помещиками, но и перед помещичье-крепостным правительством в виде роста крестьянских волнений и восстаний (см. XXV, 511/12 и 563/64, прил. 35). С 1826 г. по 1861 г. только официально зарегистрированных восстаний крестьян насчитывалось до 1.186, при чем число их по пятилетиям сильно возрастало (в 1826—31 гг. их было 148, а в 1855—61 гг. уже 474), при чем с наибольшей силой и настойчивостью волнения повторялись в центрально-черноземной области, в этом центре крепостничества и наиболее сурового режима барщины. — Из сказанного видно, что нельзя считать сколько-нибудь теоретически и исторически обоснованным мнение, напр. П. Струве, что экономически крепостное хозяйство еще не отжило и что сама реформа являлась актом «мудрого» просвещенного абсолютизма и «не столько подвела итоги прошлого и настоящего, сколько учла будущее». Но неправильно видеть

причину ликвидации крепостного хозяйства в воздействии на него мирового рынка, в увеличении экспорта, во внешних стимулах к расширению производства, которых не могло выполнить крестьянское крепостное хозяйство (Покровский, Рожков и др.). Крепостное хозяйство изжило себя в целом под воздействием изложенных совокупных как внешних, так и внутренних причин, при том с неравномерностью их силы в разных районах и областях. И если, тем не менее, пережитки крепостных отношений надолго сохранились в последующем развитии нашей общественной и экономической жизни, то лишь потому, что господствующий класс, которому принадлежало решающее слово в проведении реформы, смог поставить ее так, чтобы и без крепостного права сохранить за собой более действительное «экономическое принуждение». Правда, это была ставка на разорение крестьянского хозяйства, на общую экономическую отсталость и разитии страны. Но именно эти черты, заложенные в самой реформе 1861 г., и лежали характерный и решающий отпечаток на все пореформенное экономическое развитие.

Основное начало реформы 1861 г. см. XXV, 553/64. Здесь остановимся лишь на тех ее моментах, которые получили особенно решающее значение в дальнейшем экономическом развитии. В этом отношении на первом месте должно быть поставлено общее снижение размеров крестьянского землепользования сравнительно с фактическим пользованием в крепостном хозяйстве. После многочисленных снижений в процессе разработки положений 19 февраля, окончательные наделы оказались сниженными: по черноземной полосе в 50 уездах из 142, т.е. в 33%, при чем в некоторых уездах это снижение достигает 1—3½ дес., а в нечерноземных губ.— в 107 уездах из 232,

т.е. в 46%. Кроме того, значительная часть крестьян получила по особым правилам, без выкупа, т.н. «дарственные», «нищенские», или «четвертные» наделы в одну четверть высших, установленных для данной области наделов; таких крестьян было, напр., в Саратовской г. 33%, в Самарской 35%, в Екатеринославской 25% и т. д. Всего по 36 губ. т. н. «отрезки» от крестьянских земель сравнительно с прежним землепользованием составили до 5.262 тыс. дес., или 18,1% всего землепользования (в т. ч. в Самарской г. до 44%, в Саратовской 41%, в Полтавской 40%, и т. д.). Т. о. последующее малоземелье и безземелье было предрешено уже самой реформой. За это уменьшенное землепользование крестьяне обязаны были платить сильно возросшие повинности. Особенно тяжелой для крестьянского хозяйства оказалась принятая ради обеспечения интересов помещиков т. н. система *градации повинностей*, благодаря которой первые десятины надела облагались относительно повышенными размерами повинностей. (Напр., в нечерноземной полосе приходилось, из полного 12-ти рублевого оброка за весь 4-х-десятинный надел, за первую десятину надела 6 руб., за вторую 3 руб., за остальные 2 дес.— 3 руб.) Это давало возможность помещикам, в зависимости от своих выгод, или давать крестьянам более полный надел, или сокращать его, получая более высокую оплату за землю. Этот способ расчета заключал в себе «скрытую премию» за личное освобождение, формально отрицавшуюся, но особенно важную для помещиков нечерноземной полосы. Т. к. при наделении крестьяне получали землю лишь в бессрочное пользование, притом с переобработкой, то для ускорения таких «временно-обязанных» отношений была проведена т. н. «выкупная операция» (см. *выкупные платежи*), состоявшая в капитализации

повинностей из 6%, роста (и 1½% погашения), с выдачей государством соотв. суммы помещикам и с переводом долга на крестьян, становившихся с этого момента крестьянами собственниками. Если сравнить те суммы, которые при таком способе исчислений и выкупа крестьяне должны были уплатить за доставшиеся им земли, с тогдашними рыночными ценами на землю, то окажется, что общая «премия» помещиков достигала 123 млн. руб. в черноземных, 187 млн. руб. в нечерноземных, и 13 млн. руб. в западных губ., а всего 323 млн. руб., или до 36,1 руб. выкупа за «освобождение» с души в черноземной и до 62,3 руб. с души в нечерноземных губерниях. — Кроме повинностей за наделы и за выкуп их после реформы и в связи с другими сторонами устройства сельского населения, сильнейшим образом возросли и другие многочисленные платежи его, государственные и местные (земские сборы, подушная подать, рекрутские, продовольственные и многие др.). При таком увеличении обложения и при сокращении в то же время размеров землепользования, в первое же 10-летие после реформы было констатировано, что платежи за землю во много раз превышают ее доходность. По исследованию Янсона, платежи бывш. помещичьих крестьян составляли в черноземной полосе от 124% доходности наделов при среднем и до 200% при низшем наделе, а в нечерноземной полосе 200—276% доходности. По данным же официальной Валуевской комиссии в некоторых губерниях платежи превышали доходность в 5 раз. При этом крестьянское земельное обложение обычно превышало помещичьи платежи за землю в 5—10 раз. Эти платежи вместе с малоземельем и являлись тем основным орудием экономического принуждения, которое помещичий класс и его государство поставили

вместо прежнего «внеэкономического» для перекачки доходов из крестьянского хозяйства, для принудительной привязки крестьянского труда к помещичьей земле и т. п. — Т. о. путем реформы помещичий класс не только «экспроприировал» значительную часть земель прежнего крестьянского пользования, но и получил за оставленные крестьянам земли высокий выкуп, фактически — высокий выкуп за личное освобождение. Всем этим помещичий класс предполагал обезпечить себе возможность перехода на новые формы самостоятельного хозяйства в новых капиталистических условиях и на вольнонаемном труде: «выдача капитала, говорили помещики устами депутата Тверской губ. Унковского (см.), необходима для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемным трудом». Однако, экономическое содержание самой реформы, как мы видели, противоречило этим основным требованиям развития свободного капиталистического хозяйства, опирающегося на широкий и платежеспособный рынок. Поэтому и дальнейший период промышленного капитализма надолго получил отпечаток отсталой экономики и экономически реакционных интересов господствующего помещико-дворянского класса.

3. *Эпоха промышленного капитализма. Общие предпосылки.* Официальная ликвидация крепостного права и хозяйства в 1861 г. только очень условно может считаться гранью, разделяющей две системы общественного хозяйства — феодально-поместную систему крепостного хозяйства и буржуазную систему промышленного капитализма. Из изложенного было видно, что за много лет до формальной ликвидации крепостной системы зарождались предпосылки и зачатки новых капиталистических форм и отношений; и наоборот — много лет спустя, в эпоху

капиталистических отношений, сохраняются еще значительные остатки докапиталистических и полукрепостнических отношений, налагая свой отпечаток на характер и темпы этого капиталистического развития. *Промышленный капитализм*, как известно, предполагает, как основную свою предпосылку, развитие товарного хозяйства (см.), возникающего на почве разложения натурального хозяйства и развития общественного разделения труда. В конечном счете это сводится к возникновению рынка, при том рынка в «национальных» масштабах (а не мелкого, местного), обеспечивающих возможность капиталистического формирования «народного» хозяйства. В свою очередь это может быть создано лишь на технической базе—усовершенствования путей сообщения, в виде жел. дор. транспорта. Далее, промышленный капитализм требует предварительного накопления капитала, который должен преобразовываться в материальный субстрат крупного капиталистического производства, в виде машин, фабричных зданий и т. п. Наконец, для развития капитализма требуется и третья основная социальная его предпосылка, в виде образования достаточных кадров свободных рабочих рук—промышленного пролетариата. — Если обратиться к рассмотрению этих предпосылок в процессе образования русского капитализма, то обнаружим здесь значительные отличия сравнительно с Зап. Европой. Так, процесс первоначального накопления капитала, шедший в Зап. Европе бурным темпом на почве мировой колониальной политики и внутренней, также бурно происходившей, экспроприации трудящихся масс, у нас происходил хотя и в тех же по существу формах, но в более замедленных темпах и не в мировом, а менее крупном, «провинциальном» масштабе. Колониальный грабеж, как

источник первоначального накопления, конечно, не отсутствовал и у нас; такова, напр., была деятельность Российско-американской торговой компании (см.) 1799 г., которая «приобрела отечеству острова и земли», а себе «упромыслила» 16 млн. руб. капитала. Сюда же относится колониальная политика царизма на востоке и на окраинах, начиная от Заволжья, башкирских степей и до Ср. Азии и Дальнего Востока. Главным источником накопления капитала в эпоху первоначального накопления была у нас внешняя торговля; но и этот источник вначале не давал сколько-нибудь крупных результатов. Напр., за вторую половину XVIII в. он дал всего 130 млн. руб. активного торгового баланса, т.-е. всего около 3 млн. руб. в год. После ликвидации крепостного хозяйства этот источник накопления капитала значительно возрастает. В среднем по пятилетиям цифры годового ввоза и вывоза были, в млн. руб.:

Г о д ы	Вывоз	Привоз	Баланс(+или—)
1861—65	225,8	206,7	+19,1
1866—70	317,3	317,8	— 0,5
1871—75	470,6	565,8	—95,2
1876—80	527,3	517,8	+ 9,5
1831—85	549,9	494,3	+55,6
1886—90	630,9	392,3	+238,6
1891—95	621,4	463,5	+157,9
1896—1900	698,2	607,3	+90,9

После значительных колебаний внешняя торговля к 1880—90-м гг. стала давать стране приток капиталов уже до 55—238 млн. руб. в год. Куда направлялись и где оседали эти капиталы, видно из того, что за эти годы, напр., ввоз машин увеличился с 8,4 млн. руб. в первое пятилетие до 53,5 млн. руб. в 1876—80 гг.; другими словами, эти капиталы оседали в виде основного капитала промышленности—машин, орудий производства и пр. Торговый баланс дает только косвенное представление о движении и накоплении капитала. Другим таким показателем могло бы быть исчисление размеров торговых при-

былей из внешней торговли. Хотя сколько-нибудь точных исчислений в этом направлении не имеется, но для иллюстрации все же можно привести некоторые подсчеты торговых прибылей, напр. от внешней хлебной торговли, определяемых для 1851—60 гг. в среднем в год до 8 млн. руб., для 1861—70 гг. в 15 млн. руб. и для 1870—1900 гг. до 50 млн. руб. в год (Лященко). Не менее крупные суммы оседали в виде капиталов от прибылей во внутренней торговле. Хотя здесь также не имеется сколько-нибудь точных данных, но все же можно привести две цифры официальных подсчетов торговых оборотов по внутренней торговле: в 1873 г. 2.400 млн. руб. и в 1898 г. 9.903 млн. р.; это дает сумму вложенных в торговлю капиталов и их увеличение за 1873—1898 гг. приблизительно в 800 млн. и в 3.300 млн. руб. Что это торговое накопление быстро концентрировалось в виде банкового капитала и затем переливалось в формы промышленного, видно из след. цифр: вклады банков за это время увеличились с 78 млн. руб. в 1870 г. до 230 млн. руб. в 1890 г., а обороты промышленных предприятий, обложенных раскладочным сбором, с 529 млн. руб. в 1885 г. до 879 млн. руб. в 1890 г.—Не менее важную роль в процессе первоначального накопления играли у нас такие «отпрыски мануфактурного периода», по выражению Маркса, как государственные долги, налоги, протекционизм, откупа. Государственный долг, уже накануне реформы исчислявшийся в крупной сумме 807 млн. руб., достиг к 1892 г. 4,9 миллиардов руб., а к 1903 г. 6,7 млрд. руб. В дореформенной экономике откупа доставляли в год казне чистого дохода до 45—55 млн. руб., оставляя сумму едва ли меньшую в виде доходов откупщиков-предпринимателей. После реформы к источникам внутреннего накопления прибавился такой свое-

образный источник, как выкупные платежи: через руки капитализированного дворянства они также шли в значительной мере в различные промышленные, жел.-дорожные и др. акции. Вместе с начавшейся после реформы усиленной распродажей дворянством своих земель, этот источник дал последнему за 36 лет, 1861—97 гг., до 1,7 млрд. руб. Хотя значительная часть этих сумм пошла на покрытие лежавшего раньше на дворянских землях долга (до 425 млн. р.), а не менее значительная прогита «разоряющимся» дворянством непродуцируемо, все же и этот источник дал крупное оседание капиталов для последующего капиталистического развития.—Состояние материалов не позволяет дать какой-либо итоговый подсчет этого процесса накопления, но все же из приведенных цифр можно сделать один основной вывод: несмотря на ряд задерживающих моментов социально-экономического порядка и на относительно медленные, сравнительно с Зап. Европой, темпы накопления и не очень крупные размеры его, наша промышленно-торговая буржуазия накопила к эпохе промышленного капитализма все же достаточные внутренние капитальные ресурсы.—Посмотрим, как подготавливала она другой элемент своего капиталистического производства—*промышленный пролетариат*. И в этом отношении в Зап. Европе процесс обезземеливания мелкого самостоятельного производителя и образования промышленного пролетариата происходил (в особенности, напр., в Англии) весьма рано (в Англии в XVI—XVIII вв.) и весьма бурно, так что к эпохе промышленного капитализма он был полностью закончен. В Р. система крепостного хозяйства и в этом отношении оказывала сильнейшее задерживающее влияние, хотя процесс обезземеливания мелкого земледельческого производителя происхо-

дил и в рамках крепостной системы задолго до капиталистической эпохи. Крепостная система обуславливала оригинальные и «самобытные» общественные отношения, слагавшиеся между крестьянином-рабочим, с одной стороны, и помещиком-фабрикантом, с другой: крестьянин превращался в фабричного рабочего, становился в подчинение и эксплуатацию к фабриканту, оставаясь в то же время крепостным помещика. Помещик не только получал в заработной плате рабочего оброк с него, как с крепостного, но и мог по закону отозвать своего крестьянина с фабрики. Понятно, что такое положение было неприемлемо для развития промышленного капитализма. Вот почему реформа 19 февраля должна была быть и была не только «крестьянской» реформой, но и «рабочей» реформой, окончательно закрепившей и расширившей путь образованию промышленного пролетариата. Непосредственно безземельный пролетариат был создан реформой в виде следующих кадров крестьянского и бывшего крепостного населения: бывш. дворовых и месячников 1.461 тыс. душ; бывших крепостных беспоместных и мелкопоместных дворян, не получивших наделов, в количестве 149 тыс. душ; крепостных вотчинных фабрик 59 т. д.; крестьян приписных и мастеровых казенных заводов 616 т. д.; всего с некоторыми другими мелкими группами до 2,8—3 млн. душ. Однако, еще более важное значение имело вообще недостаточное наделение крестьян землей, создававшее по существу тот же безземельный пролетариат. Напр., до 5,5% всех крестьян, т.-е. около 1 млн. чел., получило наделы менее 1 дес. Дальнейший рост населения и дифференциация крестьянства уже к 1880—90 гг. показывает для многих земледельческих губерний до 5—10% всякого рода «безземель-

ных», «бездомовых», «бесхозных» крестьян, т.-е. в значительной массе превратившихся в промышленный или сельско-хозяйственный пролетариат. К концу XIX в. численность пролетариата, занятого в одной крупной промышленности, доходила до 3 млн., а с семейным составом до 7 млн. душ. Это была «действующая» армия, созданная капитализмом в течение 40 лет, с запасной армией, пополняемой быстрой дифференциацией сельского населения. Сверх того, в самом земледельческом хозяйстве была создана армия сел.-хоз. батраков в 3¹/₂ млн. душ, не считая временных занятий по найму, временных отхожих промыслов и проч. Такую колоссальную армию пролетариата создало развитие капитализма к началу XX в.—Особо важным моментом формирования промышленного капитализма является создание высокой *капиталистической техники*, смещающей мануфактурную технику. В этом отношении крепостная система действовала особенно отрицательно, не только в связи с отсутствием капиталов, узостью рынка для массового производства, но и «даровым» своим трудом, делавшим излишним переход к квалифицированному машинному труду. Как было указано, первой отраслью, потребовавшей такого перехода, явилась хлопчатобумажная. Однако, хотя она стала переходить на машинное производство еще в 1840-х гг., все же и в ней, напр., машинное ткачество только к 1870-м гг. вытесняет ручное. В 1866 г. в Р. было только 42 механических бумаготкацких фабрики, в 1879 г. 92, при чем в 1866 г. на 94,6 тыс. рабочих, занятых на фабриках, было 66,2 тыс. работавших на дому; в 1879 г. это соотношение было: 162,7 тыс. на фабриках и 50,2 тыс. на дому, а в 1894—95 гг.—242,1 тыс. на фабриках и только 20,5 тыс. на дому. В других отраслях

дело обстояло еще хуже: в 1870-м гг. в шелковом производстве было 1,5% механических заведений, в шерстяном 33,3%. В рудной промышленности преобладала исключительно ручная забойка, и хотя в 1870-х гг. появляется перфоратор (механическое сверло), но он до 1900-х гг. приводился в действие все же ручной силой рабочего, и только в XX в. начинает применяться механическая и электрическая сила. Особенно отсталой была техника тяжелой металлургии в старом—и почти единственном до 1870-х гг.—районе ее, на Урале: холодное дутье и работа на деревянном угле процветали не только в этом районе, но и вообще. Еще в 1890-ые гг. до $\frac{2}{3}$ чугуна у нас получалось на древесном угле, а из 195 доменных печей в 1885 г. на холодном дутье работало 88 и только в 1900-м гг. из общего числа 302 на холодном дутье оставалось 32 доменных печи. Другой признак капиталистической техники—смена кричного способа пудлингования: в 1870-х гг. у нас на 425 пудлинговых печей приходилось 924 кричных горна и только в 1893 г. на 640 пудлинговых печей приходилось 404 кричных горна. К 1876 г. у нас не было ни одной мартеновской печи и всего 8 бессемеровских. Необходимо отметить, что все эти, отсутствовавшие у нас или имевшиеся в ничтожном числе, улучшенные способы производства всецело господствовали в Зап. Европе. Только что начавший развиваться наш капитализм оказался одним из самых отсталых по своей технике и экономике.— Именно это обстоятельство явилось причиной появления в нашей экономической литературе 1880—90 х гг. течения, отрицавшего как наличность, так и экономическую целесообразность и жизненность развития у нас капитализма. Идеи о «мертворожденности» и «искусственности» нашего капитализма,

о противоречии его «самобытным» путям нашего экономического развития, о жизненности «народного производства», как антитезы капиталистическому развитию, о возможности поэтому воспрепятствовать дальнейшему капиталистическому развитию, идеологически унаследованные еще от старого славянофильства, особенно были восприняты т. н. «легальным народничеством» 1880-х гг. (В. В., Николай—он, Южаков и др.). В противовес этому течению выступило в печати другое направление, т. н. «легальный марксизм» (Туган-Барановский, Струве и др.), которое доказывало, наоборот, жизненность и историческую прогрессивность развития у нас капитализма, сменяющего отсталые общественные отношения и технику мелкого и кустарного зависимого производства, разрушающего связанные с ними узость внутреннего рынка, низкую производительность труда, отсталый характер земледелия и пр. В литературе ошибочность идей народничества и мелкобуржуазный их характер были особенно ярко вскрыты работой Ленина о «Развитии капитализма в России», а буржуазный по существу характер критики народничества и положительных прогнозов об историческом развитии капитализма в Р. у Струве (см. ХLI, ч. 5, 163) и Туган-Барановского был также вскрыт Лениным в его работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» («Соч.», т. I). Но, кроме того, уже само экономическое развитие с 1890-х гг., а также поворот в экономической политике с конца 1890-х гг. и его результаты стали выдвигать особенно яркие факты, свидетельствовавшие о том, что народное хозяйство окончательно стало на путь буржуазно-капиталистического развития. И вопрос шел уже не об «особенностях» путей русского раз-

вития вообще, а лишь о причинах медленности и отставания русского капитализма, а вместе с тем и о причинах отсталости общественных форм его.

Этапы и темпы развития капитализма определяются поэтому у нас не только подготовленностью и быстротой восприятия капиталистических отношений, но в то же время и наличием значительных остатков докапиталистических, полукрепостнических отношений, налагавших на все общественное и экономическое развитие отпечаток реакционной отсталости и незавершенности. Поэтому вся эпоха промышленного капитализма носит у нас чрезвычайно выпуклые противоречивые черты — с одной стороны, чрезвычайно быстрого усвоения высокой капиталистической производственной техники, высших организационных форм капитализма, высокой степени концентрации производства; с другой — наличия одновременно с этим наиболее отсталых общественных отношений, низкой покупательной способности населения и узости внутреннего рынка, крайне отсталого сельского хозяйства, слабости общественного и политического значения буржуазии, при долго сохраняющемся общественном и политическом господстве поместно-феодального дворянства. Эта двойственность общественной экономики и общественно-политических отношений, начиная с первых и начальных этапов развития капитализма, сохранялась вплоть до высших его этапов. Первое десятилетие после реформы представляет собою в сущности явление и закрепление основных предпосылок капитализма: разложение остатков натурального хозяйства деревни, развитие денежного хозяйства и образование внутреннего рынка на технической базе развития железных дорог; образование избы-

точного населения, как результат «чистки земель», произведенной реформой; первые результаты промышленного «первоначального накопления»; капитализация орудий капиталистического обращения — железных дорог, банков, кредита и пр. Этот подготовительный десятилетний период имеет наибольшие корни в предреформенной экономике, являясь ее изживанием и периодом первых шагов капиталистического промышленного грюндерства. К 1880-м гг. старые общественно-экономические отношения временно вновь побеждают еще не окончательно окрепшую капиталистическую экономику. Но уже к 1890 м гг. последняя вновь находит новые стимулы и пути своего закрепления, получая законченные формы «национального» промышленного капитализма, как системы. К концу 1890-х гг. экономическое развитие, сбросив с весов народного хозяйства отсталые формы мелкого самостоятельного «народного» производства, а вместе с ними и их «народническую» идеологию, бурным темпом приводит народное хозяйство к высоким ступеням капиталистического производства. Но по темпу развития, обгоняя на этом пути другие капиталистические страны, пройдя в одно десятилетие путь, который другие страны проходили в несколько десятилетий, русский промышленный капитализм не мог создать себе ни соответствующих общественных форм своего бытия, ни обеспечить себе свой *Hinterland*, в виде создания прочного внутреннего рынка для своего дальнейшего успешного развития. Поэтому вслед за быстрым и кратким подъемом ему приходится переживать продолжительный резкий кризис и депрессию. Однако, во всем предшествовавшем развитии и в самом этом кризисе были заложены элементы нового промышленно-капиталистического этапа. Русский «национальный» капи-

Тализм становится все более связан-ным с мировым капитализмом. Не имея достаточных сил, чтобы занять в нем совершенно самостоятельное положение, он тем не менее входит в мировую систему империалистического финансового капитализма, как крупная, хотя и не вполне самостоятельная величина. Пройдя чрезвычайно быстро все организационные, финансовые и экономические этапы финансового капитализма, втянутый в мировую борьбу с другими системами за «раздел мира» и одновременно с этим—как символ своей отсталости—ликвидируя все еще сохранявшиеся свои устарелые общественные формы, русский капитализм на этой империалистической стадии своего развития вместе с тем ликвидирует и самого себя.—Т. о. всю эпоху промышленного русского капитализма мы можем разделить на следующие основные этапы: 1) первое десятилетие—1870-ые годы, как подготовительный этап формирования промышленного капитализма, сводившийся к капитализации главным образом орудий обращения (жел. дорог, банков), к промышленному грюндерству, строивший этот промышленный капитализм на непрочной и узкой базе еще не вполне ликвидированных докапиталистических отношений и поэтому закончившийся длительной общественной и экономической реакцией 1880-х гг.; 2) период формирования «национального» капитализма—1890-ые годы, т.-е. период создания законченной системы капитализма промышленного, уже с более глубоким охватом всего народного хозяйства, но также еще с недостаточно прочной внутренней базой, и закончившийся поэтому, после сильного подъема, кризисом и длительной депрессией 1900—1904 гг.; 3) империалистическая стадия, период финансового капитализма—со середины 1900-х гг. и до крушения ка-

питалистической общественной системы в 1917 г. Рассматривая в дальнейшем по этим этапам развитие нашего капитализма, мы одновременно должны выяснять для каждого периода как движущие силы его развития, так и силы, его тормозящие и являющиеся причиной отсталости всего общественного и экономического развития.

Сельское хозяйство, его общественные отношения и пореформенное развитие должны быть поставлены на первое место в рассмотрении причин такого положения. Реформа 1861 г., окончательно уничтожившая формальные и экономические пути, препятствовавшие капиталистическому развитию, застала сельское хозяйство на особо низком уровне техники и экономики, с господством трехполья, зернового производства, со слабым развитием животноводства, с сохой, без удобрений, с истощенными и измельченными крестьянскими земельными участками. В то же время резкий переход к денежному хозяйству, крайнее обременение крестьянства денежными платежами и повинностями, высокие выкупные платежи за землю, недостаточность самих наделов—все это побуждало к погоне за землей, к расширению посевных площадей, к усилению аренды частно-владельческих земель, хотя бы по крайне высоким ценам, к массовым переселениям и пр. О быстрой распашке земель в Европ. Р. свидетельствуют такие цифры: в 1860-х гг. по 45 губ. количество пахотной земли было 82,5 млн. дес., а к 1887 г. уже 103,8 млн. дес., т.-е. увеличилось на 26%, при чем в черноземных губ. это увеличение было до 50%. Что это было форсированное расширение, свидетельствует то обстоятельство, что оно шло за счет сокращения столь необходимых при трехполье лугов и выгонов, т.-е. за счет сокращения скотоводства и

исключительно в счет расширения культуры зерновых хлебов. В 1881 г. посевная площадь составляла уже 60,6% всей пашни, а зерновые хлеба составляли до 91,3% всех посевов. Для губерний с господством трехпольной системы это означало сильнейший кризис ее, так как при таких отношениях она уже не могла существовать, вследствие полного истощения пашни в связи с падением скотоводства и отсутствием требуемого удобрения. К концу 1890-х гг. во всем земледельческом центре, бывшем оплотом крепостной барщины, с наибольшим господством трехполья, с максимальной распашкой всех земель, с полным господством наиболее дешевых «серых» хлебов, начинает обнаруживаться абсолютное сокращение посевных площадей (Рязанская на 10%, Тульская 10%, Орловская и Курская 5% и т. п.), т. е. падение основного и даже единственного источника существования массы населения. То же и даже в большей степени наблюдается и в нечерноземной полосе (Московская на 19%, Нижегородская 10%), но здесь население уже в значительной степени было связано с промысловыми заработками и с развивающейся капиталистической промышленностью. И только на крайнем юге и юго-востоке продолжалась быстрая распашка и освоение земель под зерновую культуру: но эта распашка новых плодородных и дешевых земель оказывала своим зерновым производством особенно тягостную конкуренцию земледельческому центру. В количественном отношении общее производство зерновых хлебов росло все же так быстро, что обгоняло прост внутренние потребности. К 1896—1900 гг. сбор зерновых хлебов по 50 губ. Европ. Р. достигал 2,7 млрд. пудов, а всего по империи к началу XX в. собиралось до 4 млрд. пуд. В нечерноземной полосе начинают

развиваться интенсивные отрасли земледелия и животноводства товарного характера. Так, в сев.-зап. районе производство льна возрастает с 12 млн. пудов в 1860-ые гг. до 26 млн. пуд. к концу 1890-х гг., вместе с чем увеличивается экспорт льна с 4,6 млн. пуд. до 13,3 млн. пуд. Здесь же сильно возрастает культура картофеля с винокуренными заводами. На юго-западе капитализация сельского хозяйства получила форму развития свеклосахарных заводов с увеличением за те же годы переработки сахарной свеклы с 4,1 млн. берковцев до 35 млн. — И тем не менее, для всей экономики сельского хозяйства решающим являлось все же зерновое производство. Оно составляло до 90% всего приходного бюджета крестьянских хозяйств. Зерновые хлеба составляли до 47% ценности всего внешнего вывоза. Громадный рост вывоза зерновых хлебов и его ценности показывает следующая таблица:

Всего вывезено хлебов

Годы	Млн. пуд.	Млн. руб.	Рост вывоза	Рост ценности вывоза
1861—65	79,9	53,3	100	100
1866—70	130,1	95,1	163	169
1871—75	194,1	172,4	243	306
1876—80	287,0	281,7	359	500
1881—85	301,7	300,1	378	533
1886—90	413,7	332,1	518	590
1891—95	441,1	296,7	552	527
1896—1900	444,2	298,3	556	531
1901—1905	638,9	446,3	762	794

За 40 лет вывоз зерновых хлебов увеличился в $7\frac{1}{2}$ раз, сделавшись основой нашего положительного торгового баланса и громадным источником привлечения в страну иностранного золота и капиталов. Это было результатом той исключительной ставки на зерновое хозяйство, в котором было вынуждено наше, в особенности крестьянское, хозяйство после реформы. Как мы видели, эта ставка оказалась сильнейшим подрывом производительных сил сел. хозяйства. Но все же, пока до 1870-х гг. конъюнктура мирового рынка благо-

приятствовала экспорту нашего зерна и др. продуктов сел. хоз., последнее с большей или меньшей выгодой реализовало свою продукцию. Но со второй половины 1870-х гг. мировой сел.-хоз. рынок и особенно зерновое хозяйство впадает в длительный кризис перепроизводства и падения цен, вызванный главным образом заокеанской конкуренцией дешевого американского хлеба. К середине 1890-х гг. мировые цены на зерновые хлеба падают почти вдвое. Цены на внутренних русских рынках и экспортные также падают до небывалого уровня: 46,7 коп. за пуд пшеницы, 35 коп. — ржи, 29 коп. — ячменя, а в некоторых губ. цены на рожь падали в отдельные годы до 12—18 коп. Такого уровня цен не знало русское сел. хоз. после реформы и не могло при нем доходно работать. Даже по официальным обследованиям десятина ржи в среднечерноземных губ. в 1887 г. давала до 2—8 руб. убытка, а цены в последующие годы упали еще более сильно. То же имело место почти со всеми другими хлебами. Земледельческое зерновое хозяйство не в состоянии были вести не только землевладельцы, но и крестьяне, начавшие сокращать свои запашки и аренды помещичьих земель. Ряд голодовок в 1870-х и 1880-х гг., закончившихся громадным голодом 1891 г., окончательно подорвал крестьянское хозяйство. Уже в одном обследовании неурожайных местностей 1870-х гг. официально констатировалось, что экономическое положение их представляется настолько жалким, как будто страна «разорена неприятелем». Но, конечно, не одни неурожай и падение цен были причиной такого разорения. То же официальное исследование (Валуевская комиссия) констатирует, что крестьянство крайне переобременено всякого рода налогами и повинностями. Из 208 млн. руб. податных сборов на крестьянские

земли падало 195 млн. руб., а на помещичьи всего 13 млн. руб. Во многих местностях платежи с крестьянских земель во много раз превышали доходность их (в Самарской губ. на 129%, в Харьковской губ. на 139—226% и т. п.). — Конечно, было бы совершенно неправильным делать отсюда вывод, что крестьянское сел. хоз. падало и разорялось все и целиком. После классического анализа развития нашего пореформенного сельского хозяйства Лениным в упомянутом его «Развитии капитализма в России», не подлежит сомнению глубокий двусторонний характер этого процесса развития. Брошенное в круговорот денежного хозяйства, под давлением сильнейшего финансового пресса, на почве общего развития капитализма и капиталистических отношений, крестьянское земледельческое хозяйство испытывало сильнейшую дифференциацию, разоряясь и выделяя пролетаризирующиеся слои на одном полюсе и капитализирующиеся и богатеющие, сосредоточивающие в своих руках землю, скот, средства производства — на другом. По тем же подсчетам Ленина, высшая группа крестьянства, численностью до 20% дворов, имела до 30—50% всей земли, 60—70% и даже до 90% купчей земли, до 40—60% скота, и 50—70% из них применяли в хозяйстве наемный труд (см. ниже, *аграрный вопрос в Р. к концу XIX в.*).

По существу такой же процесс дифференциации происходил и в пореформенном помещичьем сельском хозяйстве. Поместное дворянство в результате реформы удержало за собой, после наделения крестьян землей, свыше 94 млн. дес. Но вслед за тем оно начинает быстро терять свое прежнее исключительное преобладание в частном землевладении, продавая свои земли другим группам. Еще в 1877 г. дворянское землевладение определялось первой переписью

в 73,1 млн. дес., по переписи 1887 г. оно исчислялось в 65,3 млн. дес., а в 1905 г. всего в 53,2 млн. дес., т.-е. потеря земли достигла 26 млн. дес., удельный же вес дворянского землевладения во всем частном землевладении сократился с 77,8% до 52,5%, тогда как купеческое землевладение возросло с 14,2% до 20,2%, а частное крестьянское — с 7% до 23,9%. При этом концентрация землевладения была весьма высока: свыше 70% всей земли находилось в руках 3% владельцев, и из этого числа 924 владельца обладали до 29,7% всей земли; наоборот, свыше 80% всех владельцев обладали менее $\frac{1}{20}$ всей земли. Крупные латифундии, оставшиеся от дореформенного периода, первые стали раздробляться и переходить в руки других сословий и групп. Но так же, как по отношению к крестьянскому хозяйству, так и по отношению к дворянскому, неправильно было бы думать, что оно целиком ликвидировалось. И в нем выделялись сильные экономически группы, которые капитализировали и расширяли свое хозяйство. Так, за 30 лет после реформы дворянство, усиленно продавая в целом землю, в то же время из всего мобилизационного земельного фонда в 80,7 млн. дес. приобрело до 33 млн. дес., т.-е. до 40% всей проданной земли, при чем на одну сделку при купле-продаже земли дворянами приходится в среднем: проданной земли 224,9 дес., а купленной дворянами — 346 дес. Другими словами, в этом процессе мобилизации происходил отбор наиболее сильных экономически групп, которые не только не теряли землю, но концентрировали ее в своих руках, организуя хозяйство на капиталистических началах. Последнее подтверждается усилением в помещичьих хозяйствах потребления машин, искусственных удобрений, переходом к интенсивным животноводческим и индус-

триальным направлениям и пр. Так, внутреннее производство сел.-хоз. машин в 1862 г. имелось только на 62 заводах, в 1879 г. насчитывалось уже 340 заводов с производством в 3,98 млн. руб., а привоз из-за границы сел.-хоз. машин с 788 тыс. руб. в 1869—72 гг. достиг 3.519 тыс. руб. в 1877—80 гг. Индустриальные направления сел. хоз., требовавшие значительных капиталовложений, особенно стали развиваться на юго-западе и западе: напр., переработка сахарной свеклы на свеклосахарных заводах юго-запада, принадлежавших крупным магнатам-помещикам, увеличилась с 5,5 млн. берковцев в 1860 г. до 22,9 млн. берк. в 1882—83 г. Росло также помещичье винокурение, особенно в связи с продолжавшейся покровительственной для него политикой. На юге капитализация помещичьего хозяйства выливалась в развитие крупных овцеводческих хозяйств, сменявшихся постепенно капиталистически поставленными пшеничными хозяйствами. В нечерноземных губерниях помещичье хозяйство стало складываться в меньшие по размерам, но интенсивные и капиталистически поставленные животноводческие, молочные и т. п. хозяйства. Наименее удовлетворительно обстояло дело в бывшем крепостном земледельческом центре, с его экстенсивным зерновым трехпольным направлением и с истощенным крестьянским хозяйством. Помещичье хозяйство здесь в наименьшей мере превращалось в капиталистическое, оставаясь попрежнему на почве главным образом земельной эксплуатации крестьянства и возрождая здесь полукрепостные формы земельных и хозяйственных отношений (отработки, сдача исполу и пр.). С развитием аграрного кризиса 1870—80-х гг. эти последние формы стали распространяться все больше, а самостоятельное ведение помещичьего хозяйства стало

сокращаться. В 1880—90-х гг. распространение «вненадельной» крестьянской аренды помещичьих земель определялось по 50 губ. в 49,8 млн. дес., т.-е. более 40% надельной земли, с уплатой землевладельцам арендной платы до 315 млн. руб., или 25 руб. на двор в год (Карышев). Паразитический характер громадной части помещичьего землевладения виден из того, что по подсчетам официальной комиссии 1901 г. вели самостоятельное хозяйство в 1886—1890 гг. 40% помещиков и сдавали в исполную аренду 39%, а в 1896—1900 гг. вели самостоятельное хозяйство только 29%, а сдавали в исполную аренду уже 51%. Тем не менее, одновременно с этим шел быстрый рост как земельных продажных цен, так и задолженности поместного землевладения. Не хозяйственный прогресс, а земельная нужда крестьянства гнала цены на землю вверх: в среднем по 45 губ. цены на землю были накануне реформы 12 руб. 69 коп. за дес., в конце 1860-хх гг. 20 руб. 44 коп., в конце 1890-х гг. 66 руб. 92 коп., при чем в отдельных районах, напр. в южном степном, они повысились с 11 руб. 34 коп. до 123 руб. 97 коп. Такой рост арендных и земельных цен давал почву для ипотечной задолженности, как способа капитализации рентных доходов. Со времени учреждения специального Дворянского земельного банка (см.), в период 1886—1912 гг. было заложено до 24,7 млн. дес. с ссудой до 1.146 млн. руб. Вся стоимость земли, оставшейся к 1900-м гг. в руках дворянства в размере 54 млн. дес., определялась по современным ценам в 3,9 млрд. руб., тогда как в 1870-ые гг. имевшиеся у дворянства 73 млн. дес. стоили 2,6 млрд. руб. Т. о. дворянство, продавая землю и капитализируя свои ренты, не только не уменьшало общей стоимости своего рентного источника, но, наоборот, все более

увеличивало ее. И тем не менее, с потерей земли производственная основа все более ускользала из рук этого господствовавшего класса. С 1880-х гг. начинается длительный период «покровительства» дворянству для его экономической поддержки, как класса, одновременно с политической «опеки» над крестьянством, для поддержания прежнего господства поместного дворянства путем мер «внеэкономического» порядка (см. ниже). Но общий ход экономического развития к этому времени выдвинул уже такие новые общественные силы и такие их интересы, что они стали получать в развитии общественной экономики все более решающее значение. Формирование национального промышленного капитализма, а вместе с ним и формирование национальной промышленной буржуазии, было основным содержанием этого процесса общественного и экономического развития. Соответственно общим законам развития капитализма этот процесс шел неравномерно, с периодами кризисов и депрессий, но вместе с тем и с быстрыми и сильными подъемами, создав в течение 50 лет на месте прежней системы крепостного хозяйства национальную систему развитого капитализма, хотя и со значительными пережитками прежних — и отсталых — общественных отношений.

Переходный период в этом формировании промышленного капитализма занимает первые 15—20 лет после реформы (1860—1870-ые годы). По-видимому, что перестройка старой докапиталистической экономики требовала значительного времени и сопровождалась кризисами и болезнями переходного времени. В течение первых 5—10 лет особенно заметна и болезненна была эта ломка старых форм, сказывавшаяся для некоторых промышленных отраслей прямым сокращением производства. В техническом отношении переход от крепост-

ничества к «свободному» труду заставил русскую промышленность на довольно низкой, мануфактурной стадии ее развития. За исключением немногих, преимущественно легких (хлопчатобумажных) отраслей, в промышленности господствовал ручной труд и технический застой. При таких условиях крупное предприятие не имело больших технических преимуществ перед мелким, тем более, что положение осложнялось рядом других моментов — недостатком квалифицированной рабочей силы, недостатком капиталов и пр. Ликвидация крепостной вотчинной фабрики приводит поэтому в первые годы после реформы не только к некоторому измельчанию производства во многих отраслях, но даже к абсолютному сокращению производства и занятой в нем рабочей силы. В то же время наблюдается другой важный процесс — усиленный переход фабрично-мануфактурных предприятий из рук помещика в руки торгово-промышленного. Так, в суконной промышленности число рабочих за 1859—1863 гг. сократилось с 99 тыс. чел. до 71,8 тыс., а число фабрик с 419 до 365, при чем в таких важных районах этого производства, как, напр., Симбирская губ., 10 бывших вотчинных мануфактур совсем закрылось, 10 перешло в руки купцов и только 8 осталось у прежних владельцев. Очень значительно было также падение производства в бывш. центре крепостной тяжелой промышленности, на Урале: за первые два года после реформы выплавка чугуна сократилась здесь с 14,5 млн. пуд. до 10,5 млн. Общее количество выплавки с 20,5 млн. пуд. в 1860 г. сократилось в 1865 г. до 18,2 млн. пуд. — Однако, несмотря на эти «болезни роста» и на медленность темпа промышленного развития, общий процесс капитализации народного хозяйства шел все же довольно интенсивно. Основными мо-

ментами, к которым сводилось развитие капитализма за рассматриваемый период, были не столько капитализация и капиталистическая организация производства, сколько организация банков, кредита, железных дорог, образование капиталистического внутреннего рынка и пр. Это была первая мобилизация капитала и внутренних его ресурсов для капиталистического завоевания народного хозяйства. По форме своей эта мобилизация выливается в чисто капиталистическое строительство акционерных обществ. Еще до реформы в Р. насчитывалось 78 акционерных предприятий с капиталом в 72 млн. руб., но уже в 1861—1873 гг. учреждается 357 акционерных обществ с капиталом в 1.116 млн. руб. Главная доля в этом акционерном капитале принадлежала внутреннему туземному капиталу и лишь очень небольшая — иностранному. Выше было указано, из каких внутренних источников почерпались эти капиталы, частью торгово-промышленного, частью капитализирующегося землевладельческого класса. Из указанного числа 357 акционерных обществ было: 73 банка с капиталом 226,9 млн. руб., 53 жел.-дорожных общества с суммой капитала в 698,5 млн. руб., 15 парохольных об-в с капиталом в 7,3 млн. руб., 14 торговых предприятий с капиталом в 6 млн. руб. и 163 собственно промышленных предприятия всех видов с капиталом в 128,9 млн. руб. Т. о. собственно промышленность поглощала всего 11,4% акционерного капитала, тогда как банки, жел.-дор. и торговые предприятия — до 83%. Этой мобилизации капиталов соответствовало сильное развитие и концентрация кредита. После учреждения в 1860 г. Государственного банка вся сеть кредитных учреждений нового типа состояла к 1870-му г. уже из 41 отделения Гос. банка, 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного

кредита, 163 городских банков. К 1873 г. в одном Гос. банке имелось текущих счетов и вкладов на 1.083 млн. руб., а в акционерных банках — 1.670 млн. руб., всего до 2.753 млн. руб., тогда как накануне реформы во всей системе старых кредитных учреждений имелось вкладов всего около 1.350 млн. руб., при чем собственно коммерческие капиталы в них были совершенно ничтожны. В том же 1873 г. вся сумма коммерческого кредита этих банков достигала 656 млн. руб. (в т. ч. учет векселей 431 млн. руб.) против 15 млн. руб. коммерческого кредита до реформы.

Другую отрасль капитализации обращения, которую особенно усиленно захватывал крупный акционерный капитал, явилось *железнодорожное строительство* (см. XX, 139/40, прил. 4/6 сл.). Последнее началось у нас еще до реформы (в 1837 г. царскосельская жел. дор., в 1845—48 гг. варшавско-венская, в 1853—62 гг. петербургско-варшавская, в 1860 г. николаевская), но к 1861 г. в Р. имелось всего около 1.500 верст. Акционерный капитал, вложенный в жел.-дор. строительство, составлял до реформы 178 млн. руб., а в 1877 г. уже 1.833 млн. руб. При этом основанное в 1857 г. акционерное «Главное общество российских жел. дор.», преимущественно с французскими капиталами, получившее концессию на 4.000 верст жел.-дор. строительства, не оправдало надежды в смысле привлечения иностранных капиталов, и большинство последних было вложено русскими капиталистами. При этом первые жел. дороги не имели большого хозяйственного значения. Лишь с 1870-х гг. жел.-дор. строительство вырабатывает более или менее законченный план, который с известной последовательностью и начинает проводиться правительством. Уже в «Главном обществе жел. дор.» были намечены

главные основания предполагаемой жел.-дор. сети. Она должна была состоять из магистралей «от С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы через Курск и низовья Днепра до Феодосии и от Курска и Орла через Динабург до Либавы; таким образом, непрерывным через 26 губерний железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, сосредоточение хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступные; облегчится сям вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее». Менее чем через 10 лет после этого общего плана жел.-дор. строительства была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производственными районами: дорога Москва—Курск привлекала к Москве грузы центра; Москва—Козлов—Воронеж собирала хлебные грузы с юго-востока; Москва—Нижний—со всего поволжского и камского района; Москва—Петербург соединяла основные промышленные районы с потребляющими. Вслед за сооружением этих линий начинается постройка путей, соединяющих основные производящие и земледельческие районы с портами: такова магистраль Рига—Царицын, дающая выход хлебу всего нижн. Поволжья, юго-востока и черноземного центра (окончена в 1871 г.). К концу 1875 г. центр обогатился линиями Москва—Ярославль, Сызрань—Вязьма, Козлов—Саратов, расширившими район тяготения к Москве и снабжения московскими промышленными изделиями далеко на восток. Экспортные линии развивались в строительстве магистралей: Курск—Харьков—Одесса, Харьков—Ростов, Воронеж—Ростов, Харьков—Севастополь для выходов хлеба земледельческого центра и юга, линии Либава—Ромны, стягивавшей грузы центра

и юга к балтийским портам. К 1875 г. основной остов жел. дор., намеченный в плане Главного об-ва, можно было считать законченным (ср. ХLI, ч. 10, 492/93). В дальнейшем строительство жел. дор. развивалось в Европ. Р. (без Азиатской части) в следующем виде:

Годы	К началу пятилетия В течение пятилетия	
	длина жел. дор. в верст:	было открылось жел. дор., в верст:
1861—65	1.489	2.055
1866—70	3.543	6.859
1871—75	10. 02	7.424
1876—80	17.628	3.529
1881—85	21.155	3.074
1886—90	24.229	2.894
1891—95	27.093	6.643
1896—1900	33.736	7.978

Т. о. в течение первых 15 лет после реформы жел.-дор. строительство обнаруживает такое оживление, что общее протяжение жел. дор. увеличилось в 12 раз против начала 1860-х гг. Железные дороги являлись основной материальной базой для формирования «национального» рынка как необходимой предпосылки развития капитализма, окончательной ликвидации натурально-хозяйственной изолированности отдельных районов и вовлечения всей страны в денежное товарное хозяйство. — Быстрый охват жел.-дор. сетью громадных пространств производил необычайно резкие перемены в хозяйственном строе и в экономической их географии, вовлекая их «обороты широкого национального рынка». Наиболее резко это должно было, конечно, сказаться на сельском хозяйстве, и в особенности на основной его отрасли — на зерновом хозяйстве. Ограниченность хлебного сбыта, как мы видели, была еще при крепостном хозяйстве основным тормозом его развития. Особенно решающими жел. дороги стали для крестьянского хозяйства, когда после реформы оно стало вовлекаться на рынок. Жел. дороги в первую очередь стали быстро всасывать в рыночный оборот имеющиеся избытки и хлебное производство крестьянского хозяйства,

особенно в черноземном земледельческом центре, который без жел. дор. не имел выхода для своих земледельческих товаров. С первыми же жел.-дор. поездками таких линий, как Рига—Орел, Либава—Ромны и др., в прежние захолустные земледельческие уезды нахлынула масса мелких торговцев, скупавших всевозможные произведения крестьянского хозяйства — хлеб, скот, пух, шерсть, сало, лен, пеньку и пр., отправлявших их целыми вагонами и партиями в порты, в Москву и др. центры, перепродавая там крупным экспортерам, промышленникам, мукомолам и пр. Крестьянское хозяйство чрезвычайно быстро, в течение одного десятилетия, целиком было вовлечено в товарно-денежный оборот, совершенно изменив свою недавнюю экономическую физиономию. Крестьянский хлеб и др. продукты стали основным материалом внутреннего торгового оборота и экспорта, усиливая в то же время покупательную способность населения на продукты капиталистической промышленности. Быстрый рост торгового капитала и его торговой деятельности за эти годы свидетельствует необычайно быстрым ростом товарного обращения по жел. дор.: в 1870 г. всего товаров малой скорости по жел. дор. перевезено было 492 млн. пуд., из них хлебных грузов 135 млн. пуд., т.-е. 27,5%, а в 1876 г. всего товаров 1.374 млн. пуд., из них хлебных грузов 577 млн. пуд., т.-е. 42,1%. На отдельных дорогах хлебные грузы составляли: на Тамбово-козловской до 73,1%, на Орлово-грязевской 83,6%, на Ряжско-моршанской 88,9%. Т. о. наши первые жел. дор. «питались хлебом» и при том преимущественно крестьянским. Это обстоятельство оказывало, конечно, положительное влияние на товарное крестьянское хозяйство не только увеличением общей массы денежных его доходов, но и тем, что повышались и становились более

равномерными и устойчивыми цены. Так, цена четверти ржи к 1870-м гг. повысилась по сравнению с дореформенной: на петербургском рынке на 30%, в Рыбинске на 50%, в Орле на 66%, в Харькове на 85%, в Саратове на 100%; другими словами, повышение цен шло в пользу отдаленных производящих районов, раньше лишенных сбыта. Под таким воздействием рыночных цен в этих районах стала развиваться та усиленная распашка земель под зерновые культуры, которая, как было указано выше, привела к форсированному зерновому перепроизводству и к дальнейшему кризису. Но во всяком случае, вовлечение в товарно-денежное хозяйство огромной массы крестьянских хозяйств отдаленных районов давало громадный толчок для оживления деятельности торгового капитала, для новых, капиталистических форм организации обращения, для усиления спроса на предметы широкого потребления легкой промышленности. Этот быстрый процесс образования капиталистического рынка и является главной чертой экономики новой эпохи.

Собственно *промышленность* в этот период отставала в своем развитии от темпов капитализации обращения. Это имело место как в легкой промышленности, так и в тяжелой, обслуживающей новое железнодорожное и промышленное строительство. Особенно неприспособленной к быстрым темпам развития и к возросшему спросу на оборудование жел.-дор. строительства оказалась тяжелая металлургия: рельсового производства в то время совсем не было, плохие паровозы строились всего на одном заводе, чугуна собственной выплавки не хватало, почему жел. дор. строились вначале на привозном материале. Ввоз чугуна и железа с 198 тыс. пуд. в 1851—56 гг. возрос, напр., до 29,4 млн. пуд. в 1877—81 гг. Только со второй половины 1870-х гг. начи-

нается более заметный рост тяжелой индустрии, главным обр. в связи с развитием — на иностранные капиталы — нового центра ее на юге, в Донецко-Криворожском бассейне (английское акционерное об-во Юза с капиталом 3 млн. руб.). По отдельным отраслям рост промышленности за первые 15 лет после реформы виден из след. цифр годового производства:

	1880	1876
Бумажная пряжа, млн. руб.	23,7	44,2
Хлопчатобумажн. вад. » »	42,9	96,3
Перстяная пряжа » »	0,5	2,5
Шерстяные изделия » »	34,9	52,7
Машины » »	14,0	43,4
Нефть, млн. пудов	0,8	10,9
Камен. уголь, млн. пудов	7,3	111,3
Чугун, млн. пудов	18,2	25,5
Железо » »	11,7	17,1

Т. о. большинство промышленных отраслей дало за 15 лет увеличение продукции в 2—3 и более раз. Это было в значительной степени результатом акционерного грюндерства и учредительской горячки, особенно по таким отраслям, как каменный уголь, нефть. Однако, при всем своем быстром темпе это увеличение, с одной стороны, не отвечало быстро развивающемуся внутреннему спросу, с другой — не имело за собой прочной базы в массовом внутреннем рынке. Основной толчок давали те же железные дороги, тогда как массовый потребитель-крестьянин попрежнему еще в значительной степени удовлетворялся самотканными полотнами и сукнами, не мог мечтать о железе взамен своих соломенных крыш и т. п. При этом вся первая половина 1870-х гг. отличалась низкими урожаями, а 1871—72 г. и 1875—76 г. были голодные годы. На этой почве уже в 1873—77 гг. молодой русский капитализм начинает переживать годы кризиса и последующей депрессии. Жел.-дор. строительство, давшее за 1871—75 гг. 7,4 тыс. верст новых жел.-дор. путей, в 1881—85 гг. дало всего 3,1 тыс. верст, а акционерное строительство, вложившее в 1873 г.

новых капиталов 86,9 млн. руб., в 1880 г. упало до 51,2 млн. руб., а в 1886—87 гг. до 20—24 млн. руб. в год. Это было первое предостережение развивающемуся капитализму об узости и непрочности его базы, — об узости внутреннего рынка, о слабости покупательной способности основного покупателя массовых продуктов — крестьянина. Правда, с 1877 г., отчасти под влиянием войны, отчасти в связи с хорошими урожаями 1877—79 гг., вновь начинает наблюдаться период оживления, но очень кратковременного, и с 1880-х гг., под влиянием также и зап.-европейского кризиса, наша промышленность вновь вступает в полосу длительной депрессии. Конечно, рост промышленности и жел.-дор. строительства продолжается, но в замедленных темпах и в сокращенных размерах. Сокращение работы предприятий, массовое закрытие фабрик, массовая безработица и, наконец, первые массовые проявления рабочего движения и забастовки — таковы были результаты этого первого периода в развитии русской капиталистической промышленности к концу 1880-х гг. Этим собственно кончается первый «подготовительный» период русского промышленного капитализма — период изживания неустойчивости и пут недавнего крепостного хозяйства; период первых и быстрых, но часто еще не окрепших шагов начинающегося промышленного капитализма; период грюндерских горячек железнодорожного и банкового строительства. Почва для развития капитализма была не только расчищена, но вполне подготовлена, первые шаги сделаны. Оставалось на этих первых камнях фундамента капиталистического строительства построить законченную систему национального капитализма. Выполнение этой задачи относится уже к новому периоду хозяйственного развития — к эпохе 1890-х годов.

Закрепление национального капитализма (1890-ые гг.). Промышленные кризисы 1873 г. и 1882 г., сильно подорвавшие только что начавшееся развитие крупной капиталистической промышленности; продолжительная депрессия, охватившая после этого на целое десятилетие всю хозяйственную жизнь; полный развал деревни, закончившийся катастрофой голода 1891 г. — все это ярко вскрыло непрочность и узость той экономической базы, на которой был заложен фундамент русского промышленного капитализма в 1870-ые гг. Наследница дореформенного торгового капитала, наша промышленная буржуазия этого периода охотно шла на банковое, железнодорожное грюндерство, поскольку в этой учредительской горячке создавались новые и крупные источники быстрого обогащения. Крупные учредительские дивиденды, банковские операции с денежным капиталом, биржа, оперирование с жел.-дор. займами — все это давало такие крупные барыши, что не стоило затрачивать много усилий на обоснование новых промышленных предприятий, на трудное дело поднятия производительных сил страны. Инициатива заложения таких основных отраслей промышленности, как южная металлургическая, каменноугольная, нефтяная, соляная, химическая и пр., целиком принадлежала иностранному капиталу, обладавшему не только большей экономической мощностью, но и техническим вооружением. Поэтому часто построенные рядом с иностранными русские промышленные предприятия владели жалкое существование, тогда как первые быстро развивались (напр., завод Пастухова рядом с заводами Юза). Но в 1870-х гг. иностранный капитал, шедший в Р., также имел в значительной степени спекулятивный характер, рассчитывая больше на быстрый оборот ценностями,

чем на длительное и прочное вложение и на разработку естественных богатств. Т. о. отечественная денежно-торговая буржуазия не сумела в этот период создать себе прочной производственной базы и полностью превратиться в промышленную буржуазию. Основой экономической силы ее оставалась попрежнему торговая эксплуатация главным образом сельского населения. Отсюда — подчиненная роль ее интересам землевладельческих классов, сохранявших в своих руках общественно-политическую гегемонию. Но такое соотношение общественных сил и подчиненность капиталистического развития экономически-реакционным интересам помещико-землевладельческих классов не могли не завести в тупик всю экономику страны. К 1890-м гг. русское народное хозяйство было уже целиком втянуто в мировую экономику. Перед ним стояли мощные экономические системы национального капитализма Англии, Франции, Германии. Русскому народному хозяйству предстояло — или, сохраняя свои отсталые самобытные формы хозяйства и общественных отношений, с слабо развитой промышленностью, с массой нищенствующего крестьянства и с немногочисленной дворянско-феодальной верхушкой, окончательно превратиться в колонию западно-европейского капитала, — или, закрепив свой «национальный» капитализм, добиться известной экономической самостоятельности и войти в систему мирового капитализма особой, хотя бы и зависимой национально-капиталистической системой. И в самосознании эпохи, и в классовой ее идеологии мы можем найти достаточно точных формулировок именно этой основной проблемы экономического развития. Только этот путь открывал достаточно широкие горизонты капиталистическому развитию. Поэтому победа остается за «индустриализацией» и капитализа-

цией народного хозяйства. Результаты этих устремлений в течение 10—15 лет конца XIX в. и начала XX в. были в количественном отношении очень велики и по темпам своим обгоняли почти все существующие примеры капиталистического роста других стран. Вступив в среду развитого капиталистического мирового хозяйства, русский капитализм мог усвоить результаты его техники очень быстро и в наиболее совершенном виде. Но и здесь сказалась общественно-политическая слабость русской буржуазии. Даже в период своего расцвета и наивысшего подъема она не вступила в борьбу за власть с господствовавшим дворянско-помещичьим классом, попрежнему оставляя в его ленном господстве и под его социально-экономической диктатурой основную базу народного хозяйства — деревню и крестьянство. Экономическая маломощность деревни, находившейся в кабально-земельной зависимости и под опекой земельного дворянства, не могла способствовать расширению эксплуатации той же деревни промышленным капиталом. В течение всех 1890-х гг. и начала 1900-х гг. «право на эксплуатацию» деревни и ее подчинение остается в значительной степени в руках помещичьего класса, окрашивая и политику 1890-х гг. все еще ярким феодально-дворянским колоритом. Несмотря на большие успехи в этом отношении промышленного капитализма, он не мог в эти годы полностью капитализировать деревню и сделать ее прочным своим рынком. Поэтому и наиболее сильный «взлет» промышленного капитализма в 1895—99 гг. вновь закончился крахом и продолжительной депрессией, передав последующим годам задачу окончательной капитализации деревни и внедрения в нее буржуазных начал земельных и хозяйственных отношений.

Ход *промышленного* *подъема*

1890-х гг. в количественных выражениях характеризуется следующими цифрами фабрично-заводской промышленности:

	1887	1897	% прироста
Все группы:			
Число предприятий . . .	30.888	39.029	26
Ценность производства, в млн. руб.	1.334	2.839	113
Число рабочих, в тыс. . .	1.318	2.098	59
В том числе:			
1. Волокнистые вещества			
Число предприятий . . .	2.847	4.449	56,3
Ценность производ., в млн. руб.	463,0	946,3	104,4
Число рабочих, в тыс. . .	399,2	642,5	60,9
2. Горная и горновозводская			
Число предприятий . . .	2.656	3.412	28,5
Ценность производ., в млн. руб.	156,0	393,7	152,4
Число рабочих, в тыс. . .	390,9	545,3	39,2
3. Металлические изделия			
Число предприятий . . .	1.377	2.412	75,2
Ценность производ., в млн. руб.	112,6	810,6	175,8
Число рабочих, в тыс. . .	103,3	214,3	107,5
4. Химическое производство			
Число предприятий . . .	588	769	30,8
Ценность производ., в млн. руб.	21,5	59,6	177,2
Число рабочих, в тыс. . .	21,1	35,3	67,3

Из приведенных цифр видно, что за десятилетие число предприятий крупной фабрично-заводской промышленности возросло на 26,3%, число рабочих на 59,2% и сумма производства на 112,8%. Другими словами, происходил не только абсолютный рост промышленности, но и концентрация ее. По отдельным отраслям ежегодный прирост общей суммы производства был: по горной 11,2%, химической 10,7%, обработке дерева 9,3%, металлической 8,4%, текстильной 7—8%. В основе промышленного развития и подъема лежала т. о. тяжелая промышленность, связанная с производством средств производства. Для отдельных ведущих отраслей темпы и результаты роста особенно показательны. Так, добыча *каменного угля* развивалась след. обр.:

Годы	Всего, млн. пуд.	В том числе Донбасс	
		млн. пуд.	% общей добычи
1860	18,3	6,0	32,8
1870	42,4	15,6	36,8
1880	200,6	86,3	43,0
1890	367,2	183,8	49,9
1895	555,5	298,3	53,7
1900	995,2	601,5	60,5

Каждое пятилетие 90-х гг. давало увеличение добычи почти вдвое, а за 40 лет увеличение было в 55 раз, а Донбасс — сорок лет назад еще «дикое поле» — увеличил свою добычу за 40 лет в 130 раз, повысив ее до двух третей всей добычи. Еще более быстрыми темпами развивается нефтяная промышленность с главным бакинским районом:

Годы	Вся добыча, млн. пуд.	В т. ч. Баку, млн. пуд.	% к общей добыче
1870	1,8	1,7	94,4
1880	34	25	73,5
1890	241	226	93,8
1895	386	385	99,7
1900	632	601	95,1

Увеличение за 20 лет в 20 раз с подавляющим значением главного центра Баку — таков итог развития нефтяной промышленности к 1890-м гг.

Добыча *железной руды* и участие в ней юга характеризуется следующими цифрами, в млн. пуд.:

Годы	Всего	В т. ч. в южном районе	% к общей добыче
1870	45,9	1,3	2,9
1880	60,2	2,7	4,5
1890	106,3	23,0	21,6
1895	168,0	59,1	34,9
1900	367,2	210,1	57,2

В ногу с таким быстрым ростом горной промышленности идет развитие тяжелой металлургии, вылавка *чугуна*, производство *железа* и *стали*, также с преобладанием молодой металлургической базы — юга.

Годы	Вылавка чугуна			Производство железа и стали		
	Всего млн. п.	В т. ч. юг, млн. п.	%	Всего млн. п.	В т. ч. юг, млн. п.	%
1870	20,7	0,3	1,4	14,5	—	—
1880	26,1	1,3	5,0	35,3	1,6	4,5
1890	55,2	13,4	24,0	48,4	8,6	17,8
1895	86,3	33,6	38,7	62,3	18,2	29,2
1900	176,8	91,6	51,8	134,4	59,2	44,0

Развитие не менее быстрое: за одно последнее пятилетие увеличение вдвое, а в целом за 30 лет в десять раз, со все более решительным вытеснением старой уральской метал-

лургии капиталистическим югом, захватившим половину всего производства. Наконец, приведем имеющиеся несколько менее полные данные по легкой, *хлопчатобумажной* промышленности:

Годы	Бумагопрядильные		Бумаготкацкие		Ситценабивные	
	Число фабрик	Сумма произв. в млн. руб.	Число фабрик	Сумма произв. в млн. руб.	Число фабрик	Сумма произв. в млн. руб.
1870	44	48,4	744	48,0	180	30,7
1880	69	74,2	678	59,7	774	66,6
1890	66	106,6	849	136,3	413	91,9
1897	67	134,9	465	237,5	190	105,5

Общее число веретен к 1900 г. достигло 6,6 млн. против 3,5 млн. в 1890 г., а потребление хлопка—16 млн. пуд. против 8,3 млн., т.-е. за десятилетие увеличилось вдвое.

В экономическом отношении еще более важным моментом развития капиталистической промышленности являлся быстрый рост ее *концентрации*. По данным, разработанным В. И. Лениным для этого периода и пополненным Погожевым для 1902 г. (первые — без рельсового производства, вторые — для всех производств), имеем такие показатели процесса концентрации промышленности за эти годы:

Группы фабрик с числом рабочих	1879		1890		1902	
	% фабрик	% раб. бочек	% фабрик	% раб. бочек	% фабрик	% раб. бочек
100—499	79,7	44,2	79,6	42,1	73,8	30,7
500—999	13,8	23,0	12,3	20,2	15,2	19,5
1000 и более	7,0	32,8	7,6	37,7	11,0	49,8

Крупные предприятия с числом рабочих 1.000 и более человек занимали в начале XX в. уже половину всех фабричных рабочих, тогда как 20 лет назад всего лишь одну треть. За весь рассматриваемый период группа наиболее крупных предприятий дала прирост по числу рабочих 141,4%, по числу фабрик—123%, тогда как группа более мелких предприятий дала соответствующие цифры прироста 60,7% и 53,6%. По отдельным

отраслям этот процесс концентрации находит себе еще более резкое выражение. Так, в горнозаводской промышленности за указанный период в наиболее крупной группе увеличение было по числу предприятий на 112,6%, по числу рабочих на 159,4%. В хлопчатобумажной промышленности такие же цифры будут 65,8% и 88%. Какое значение имела такая степень концентрации, видно из того, что если распределить все предприятия на 3 группы и сравнить степень концентрации у нас и в Германии, то окажется, что в 1895 г. у нас имелось в группе мелких (10—15 раб.) 15,9%, в Германии—31,5%; крупных (св. 500 раб.) у нас—45,2%, в Германии—15,3% (ср. XLII, 620/21). Концентрация повышала производительность рабочего в связи с лучшим вооружением труда, повышая этим удельный вес наиболее хорошо поставленных предприятий в общей продукции. Так, в нефтяной промышленности 9,5% всех предприятий производили 69% всей выработки нефти, в каменноугольной промышленности 4% предприятий—43% продукции. Для металлургической промышленности тот же процесс концентрации и повышения производительности характеризуется след. цифрами:

	1890	1900
Выплавлено чугуна на 1 завод, в тыс. пуд.	253	716
Число рабочих на 1 зав.	399	1,325
» лошадиных сил на 1 зав.	255	1,238
» » » на 1 рабочего	0,28	0,97
Выплавка чугуна на 1 домен. печь, в тыс. пуд.	286	629

Насколько и в этом отношении юг шел впереди, в особенности сравнительно с Уралом, показывают такие сравнительные цифры: на 1 завод выплавлялось чугуна на Урале 43,6 тыс. пуд., на юге 3.192 тыс., на одну домну на первом 342 т. п., на втором—2.035; лошадиных сил было на уральских заводах в среднем на 1 завод 241, на южных—6.159. Это была полная победа мощного оборудован-

ного и высокопроизводительного южного капиталистического производства над отсталым Уралом. Где же лежали стимулы и причины такого быстрого роста капиталистической промышленности, особенно тяжелой, в 1890-е годы?

Железнодорожное строительство явилось непосредственным источником оживления промышленности и ее нового подъема, особенно в тяжелой индустрии. Новое усиление жел.-дор. строительства, с одной стороны, явилось непосредственно тем рынком, который стал вновь крупным потребителем тяжелой индустрии, а с другой — новая волна расширения жел.-дор. сети усилила вовлечение в товарно-денежный оборот новых районов, до тех пор имевших слабые связи с общенациональным рынком. Общий застой 80-х и начала 90-х гг. дал приращение сети жел. дор. за десять лет 5,8 тыс. вер., т.-е. в год всего около 600 верст. Но уже второе пятилетие 1890-х гг. дает приращение сети в 15 тыс. верст, т.-е. в год до 3 тыс. За одно десятилетие 90-х гг. было выстроено 37% всей жел.-дор. сети, т.-е. половина того, что было выстроено за предшествовавшие 50 лет. Жел.-дор. строительство распространялось на Азиатскую часть Р., открыв здесь громадный рынок. К 1910 г. вся сеть жел. дор. с Азиатской Р. достигала 61,3 тыс. верст. Несколько изменилась и система жел.-дор. строительства. Помимо частного, все больший удельный вес приобретает государственное строительство. Кроме непосредственного строительства, государство принимало финансовое участие в частном строительстве, в виде прямых государственных или «гарантированных» государством частных жел.-дор. займов. К 1890-му г. общая сумма всех жел.-дор. займов доходила до 1.363 млн. руб.; за последующее десятилетие (в министерство Витте) было реализовано гарантированных

займов на сумму до 1.000 млн. руб. Расходы казны на постройку жел. дор. и на улучшение жел.-дор. хозяйства составляли до 1.350 млн. руб. (не считая 351 млн. руб. займа Восточно-Китайской жел. дор.). Накопеч, не-гарантированных займов было выпущено частными обществами до 205 млн. руб. Т. о. можно считать, что общая сумма участия казны в жел.-дор. хозяйстве доходила до 3,5—3,6 млрд. руб. из общей суммы капитала, вложенного в железные дороги в размере до 4,7 млрд. руб. При сравнительно небольших размерах государственных внешних жел. дор. займов, вся эта громадная сумма государственных затрат на жел.-дор. строительство должна была покрываться из общегосударственных бюджетных ресурсов, т.-е. выколачиваться путем усиленного налогового пресса из тех же плательщиков — из масс крестьянского населения. Прямые и косвенные налоги, таможенные доходы, доходы винной монополии, непосредственные народные сбережения прямо или косвенно в значительной степени шли на жел. дор. Так, капиталы сберегательных касс размещались в государственных ценных бумагах и в том числе в жел.-дор. займах (на 1 января 1901 г. из общего остатка сберкасс в 752 млн. руб. 248 млн. руб., или свыше трети, были помещены в жел.-дорожных займах).

Но как бы то ни было, железные дороги представляли громадный рынок для сбыта продуктов тяжелой индустрии. Если произвести исчисление требуемых по техническим нормам того времени для жел.-дор. строительства и хозяйства рельс, паровозов, вагонов, платформ и проч. оборудования, то в переводе на чугун окажется, что за десятилетие 1890—1900 гг. все жел. дор. потребовали до 400 млн. пуд., а в некоторые годы наиболее оживленного строительства до 50—65 млн. пуд. Если принять

во внимание, что вся наша тяжелая металлургия в 1890 г. выплавилась чугуна всего 45 млн. пуд., в 1898 г.— 86,8 млн. пуд. и лишь к 1900 г. довела выплавку до 176,8 млн. пуд., то станет ясным, насколько значительным и решающим был для нашей металлургии спрос на металл со стороны жел. дор., в некоторые годы не только исчерпывавший все внутреннее производство, но и превышавший это последнее. Но, конечно, кроме потребления этих основных продуктов тяжелой индустрии, жел. дор. в массе потребляла кирпич, лес, цемент, каменный уголь, нефть и пр., что также отражалось на оживлении этих отраслей промышленности. Основная часть тяжелой индустрии, южная металлургия, в громадной степени (до 69% всего своего производства) обслуживала только жел. дор., а некоторые крупные металлургические заводы, как Дружковский, Новороссийский и др., до 100% своего производства поставляли на железные дороги. Наоборот, такой продукт массового потребления, как кровельное железо, производился в значительно меньшем количестве — всего 8,4 млн. пуд. в 1890 г. и около 30 млн. пуд. в 1900 г. Очень ярко влияние жел. дор. обнаруживается на характере развития и размерах производства других основных отраслей промышленности, нефтяной и каменноугольной. Последняя до 36% своей продукции сбывала железным дорогам и до 29% металлургическим заводам (в свою очередь работавшим, как мы видели, в громадной степени для жел. дор.). Нефтяная промышленность все более становилась «мазутной», смазочной, т. е. железнодорожно-промышленной, а не «керосиновой», т. е. крестьянско-потребительской. Внутреннее потребление керосина увеличилось в 1890-е гг. всего на 44%, тогда как потребление мазута на 150%, а всех нефтяных

продуктов на 190%. — Из сказанного видно, что в течение 1890-х гг. наш промышленный капитализм не только обнаружил крупнейший количественный рост, но и стал приобретать характер законченной системы, с собственным, созданным им самим капиталистическим рынком. Ведущей отраслью промышленности оставалась тяжелая металлургия, связанная с строительством жел. дор. и с капиталистическим оборудованием самой промышленности. На этой почве создавались новые производственные центры крупной тяжелой металлургической, топливной, каменноугольной, нефтяной, химической и др. промышленности.

Иначе обстояло дело с продуктами «легкой» индустрии, которая могла опираться только на широкий массовый рынок. Развитие промышленности вообще и связанный с этим рост промышленного пролетариата и городского населения увеличивали отчасти потребительский спрос на продукты легкой промышленности. Но все же основным массовым потребителем оставался крестьянский рынок, который обладал попрежнему крайне низкой покупательной способностью. Поэтому легкая индустрия хотя и развивается, но значительно меньше и медленнее, чем тяжелая. Наибольшие успехи делает хлопчатобумажная промышленность, в связи с окончательным вытеснением из крестьянского обихода прежде распространенных самотканых изделий и кустарных. Но все же общая емкость рынка была очень невелика. Душевое потребление хлопка у нас исчислялось всего в 5,3 фун., тогда как в Англии, напр., в 39 фун. и в САСШ в 20,4 фун., и за десять лет оно возросло всего на 56%, а все валовое потребление, считая рост населения, увеличилось на 75%, тогда как производительная мощность капиталистической текстильной промышленности увеличи-

лась за это время на 107%. На этой почве узости внутреннего рынка возникает экспорт хлопчатобумажных изделий за границу, преимущественно на Ближний и Дальний Восток. В 1890 г. вывоз хлопчатобумажных тканей не достигал 100 тыс. пуд., а в 1900 г. он был уже 324 тыс. пуд., из которых 44% в Персию и 30% в Китай. Так возникает т. наз. «ситцевый империализм», стремление к завоеванию внешних рынков продуктами нашей капиталистической промышленности. Другую отрасль промышленности, развивающейся в условиях суженного внутреннего рынка, является сахарная. Находясь всецело в руках крупных помещиков-фабрикантов, эта промышленность в их интересах была еще в 1887 г. синдицирована правительством, с установлением контингентированного производства и повышенных внутренних цен, с высокими акцизами и с возвратом их при вывозе сахара за границу, в качестве поощрительной к экспорту меры. При таких условиях в интересах сахарозаводчиков цены на внутреннем рынке были подняты до 6 руб. 15 коп. за пуд рафинада, тогда как в Лондоне русский сахар продавался по 2 руб. 38 коп. пуд. Внутреннее же потребление в Р. доходило всего до 10½ фун. на душу, тогда как в Англии—92 фун. Зато вывоз сахара за 1890—1900 гг. возрос с 3,3 млн. пуд. до 12,5 млн. пуд. Т. о. и наш «сахарный империализм» был основан на недопотреблении масс и на искусственном сужении внутреннего рынка.

Приток иностранных капиталов в промышленность был второй непосредственной причиной оживления и подъема промышленности в 1890-е гг. После длительного застоя 80-х гг. начинается вновь усиленное строительство акционерных обществ, особенно на иностранные капиталы. К 1889 г. у нас имелось 504 акционерных общества с капиталом в 911,8

млн. руб., а в 1899 г. их было уже 1.181 с капиталом 1.736,8 млн. руб., общая же сумма акционерных капиталов (основных, запасных, амортизационных и пр.) исчислялась в 2,3 млрд. руб., т.-е. за десятилетие прилив капитала в промышленность увеличился более, чем в два раза. В этом акционерном строительстве все большую роль начинает приобретать иностранный акционерный капитал. За период 1893—1900 гг. у нас возникло 191 новое акционерное иностранное об-во с общим капиталом в 634 млн. руб. Правда, подсчеты иностранного капитала в акционерных обществах очень разноречивы и у отдельных авторов колеблются от 765 млн. руб. (Шванебах) до 911 млн. руб. (Оль). Однако, все они сходятся на том, что размеры вложений иностранного капитала за 1890-е гг. сильно увеличились: по подсчетам последнего автора в 1870-е гг. их было 26,5 млн. руб., в 1880 г.—97,7 млн. руб., в 1890 г.—214,7 млн. руб., в 1900 г.—911 млн. руб. И если в 1890 г. иностранный капитал составлял лишь несколько более трети всех акционерных капиталов, то в 1900 г. он составлял уже почти половину. Весьма характерны были также изменения вложений иностранных капиталов по отдельным отраслям народного хозяйства. Если, как было указано выше, в 1870-е гг. подавляющая доля акционерных капиталов шла на банки, транспорт и пр. орудия капиталистического обращения, то в обществах, возникших в 1890-е гг., на промышленные предприятия было затрачено уже до 74,3%, а на транспортные и банковые предприятия всего 8,3%. Еще более рельефно характер производственных устремлений акционерного капитала, и в том числе иностранного, передает распределение его по отраслям промышленности. За десятилетие 1890—1900 гг. имеем следующие цифры:

Отрасли	Основной аяпдон. капитал			В т. ч. иностранный капитал		
	1890 млн. руб.	1900 млн. руб.	Пр- рост %/о	1890 млн. руб.	1900 млн. руб.	Пр- рост %/о
Горнопро- мышленная	85,7	392,2	358	70,1	437,9	525
Металличе- ская . . .	27,8	257,3	826	14,0	145,3	938
Химическая	15,6	93,8	501	6,4	29,3	353
Керамиче- ская . . .	6,7	59,0	781	0,2	26,6	13.200
Текстильная	197,5	373,7	89	26,0	71,4	175
Пищевая .	87,6	153,1	75	7,6	11,4	50
Все отрасли	580,1	1.742,3	200	183,2	911,0	389

Приведенные цифры вскрывают ту основную черту промышленного развития и подъема 1890-х гг., которая характеризует его как подъем в первую очередь тяжелой индустрии, основанный при том в значительной степени на иностранных капиталах. Влияние последних было неодинаково в разных отраслях промышленности: в горной вложение иностранного капитала значительно обгоняло вложение русского, благодаря чему иностранный капитал составлял в этой отрасли в 1890 г. 58%, а в 1900 г. уже 70% всех капиталов; в металлической промышленности его доля участия повысилась с 32% до 42%, а в текстильной и питательной промышленности русские капиталы составляли 90—98% всех капиталов. При этом, по национальности вложенных капиталов на первом месте стояли бельгийские—296 млн. руб., французские—226 млн. руб., далее германские—219 млн. руб., английские—136,8 млн. руб.

Из сказанного видно, насколько крупный шаг вперед сделало развитие капитализма в Р. в 1890-е гг. как в смысле общих количественных своих итогов, так и в отношении организационных форм и, наконец, по закреплению своих связей с международным капиталом. К этому нужно прибавить еще одну характерную черту в народно-хозяйственном развитии этих лет. Перевод его на рельсы законченной капиталистической системы потребовал особенного

напряжения и согласования с новыми экономическими условиями также и всей системы государственного хозяйства, т.-е. системы кредита, денежного обращения, государственных финансов, податного дела, таможенной политики и пр. Понятно, что широкое развитие государственного кредита, государственного строительства железных дорог и пр. требовало громадных общегосударственных средств, а следов. и громадного повышения обложения, т.-е. в конечном итоге ложилось на те же трудящиеся массы крестьян и рабочих. Другим источником пополнения общегосударственных расходов являлась система государственного кредита, в виде в громадной степени возросших государственных займов, внешних и внутренних. Но вступление в систему мирового хозяйства в связи с внешними займами, вложением иностранных капиталов и пр. требовало и преобразования денежной системы вместо расстроеного и обесцененного бумажно-денежного обращения. А это в свою очередь требовало привлечения в казну и в кассы государственного банка громадных сумм золотого обеспечения, что могло достигаться также усилением обложения, увеличением экспорта и т. п. Необходимость поддержки зарождающейся и растущей промышленности требовала защиты ее от иностранной конкуренции, почему возникает и все более усиливается таможенная защита промышленности. Влияние всей системы государственного хозяйства и активность государственной экономической политики никогда не достигали в судьбах нашего народного хозяйства такого крупного значения, как в 1890-е гг. Экономическая политика и система государственного хозяйства в эти годы, пожалуй, впервые и наиболее выпукло приобретает формы последовательной и чисто буржуазной политики, найдя

особенно законченное выражение в деятельности С. Ю. Витте (см.), наиболее крупной фигуры среди государственных деятелей царского правительства за этот буржуазный период его развития. И хотя и в этот период и правительство, и его руководители попрежнему сохраняют остатки преобладания феодально-помещичьей политики и интересов, тем не менее именно в 1890-е гг. государственная экономическая политика впервые находит законченное буржуазно-капиталистическое выражение. Этот характер русского государственного хозяйства обращал на себя внимание многих иностранных наблюдателей. «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей—писал американский экономист Джекобсон в 1904 г. (Dep. of Commerce and Labour, Commercial Russia in 1904) о государственном хозяйстве Р.,—чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ телеграфов; почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов находится в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки, потребляемые свыше чем 120-миллионным населением, скупает весь спирт, необходимый для народного потребления».—Для такого государственного хозяйства требовался, прежде всего, громадный и бездефицитный *государственный бюджет*. До министерства Вышнеградского (см.) гос. бюджет был хронически дефицитен даже по обыкновенному бюджету, не говоря уже о чрезвычайных расходах. Витте достигает в направлении бездефицитности бюджета наибольших успехов.

С 1889 г. бюджет неизменно сводится не только бездефицитно, но с «превышением доходов над расходами». Такое по видимости блестящее финансовое положение было тем удивительнее, что в это время экономическое положение страны и особенно ее сельского хозяйства было далеко не благополучно. Видимость такого бюджетного благополучия достигалась тем, что фактические дефициты систематически покрывались путем кредитных операций и займов, значительная часть расходов по «обыкновенному» бюджету относилась за счет «чрезвычайных» расходов, а для достижения «превышений» доходы вносились в предварительную смету в заведомо преуменьшенных размерах с целью получения по выполнении сметы «свободных бюджетных остатков». Всего за министерство Витте эти «превышения» дали до 1,8 млрд. руб. За то же время дефицит по чрезвычайному бюджету превысил 2,5 млрд. руб., покрытых частью за счет указанного свободного остатка, частью с помощью кредитных операций. В результате как государственный бюджет, так и государственный долг за 1890-ые гг. делают крупнейший скачок вверх. Государственный бюджет, до 1890-х гг. не доходивший до 900 млн. руб., к 1900 г. превышает $1\frac{1}{2}$ млрд. руб., к 1906 г. превышает 2 млрд., а к 1913 г. достигает 3,4 млрд. Государственный долг к 1876 г. исчислялся в 3,9 млрд. руб., в 1892 г. достиг 4,9 млрд., к 1903 г. 6,7 млрд., в 1913 г. равнялся 8,8 млрд. руб. Присоединяя некоторые другие займы, можно считать, что за министерство Витте государственный долг возрос примерно на $3\frac{1}{2}$ млрд. руб., из которых $2\frac{1}{2}$ млрд. получено было за счет внутреннего денежного рынка и 1 млрд. путем внешних государственных займов (см. XVI, 229/33).

Усиление *податного бремени* и жесткая *податная политика* были

другим, кроме займов, источником видимого финансового благополучия. Гос. бюджет со времени Витте становится все более пострсенным на косвенных налогах, принципиальным защитником которых Витте себя сразу объявил. Среди этих косвенных налогов доходы от продажи водки стали занимать все более значительное место. Косвенные налоги составляли до 45—50% всех доходов: напр., в 1900 г. из валового бюджета в 1.704 млн. руб. косвенные налоги давали 777 млн. руб., прямые всего 228 млн. руб., а одна казенная продажа питей давала до 300—365 млн. руб. Керосин, спички, сахар, табак — все это несло для масс населения громадную тяжесть обложения. Прямые налоги, в виде обложения землевладельческих, промышленных и вообще имущих классов, были не только ничтожны по своей массе, но и крайне неравномерны. Подоходного налога вовсе не существовало, поземельный налог (см.), в котором была заинтересована масса землевладельцев, был настолько неравномерен, что крестьянские земли были обложены в несколько раз выше помещичьих. Ставшие в 1890-х гг. уже совершенным анахронизмом, выкупные платежи с крестьянских земель все еще взимались и составляли некоторую часть бюджета. Т. о. не могло составлять никакого сомнения, что в основе финансового благополучия 1890-х гг. лежало сильнейшее переобременение налоговым обложением масс населения, особенно крестьянского, подрывавшее производительные силы хозяйства. Поэтому не мудрено, что блестящий фасад государственных финансов империи в министерство Витте часто вызывал отрицательную оценку со стороны иностранных финансовых кругов. Но все это нужно было для быстрого развития промышленности и промышленного капитализма, для насаждения крупных фабрик, для акционирования,

для прилива иностранных капиталов, для закрепления кредита, для прочности золотой валюты, служившей тем же целям. В этих же целях твердый курс берется и в двух других важнейших областях экономической политики: в таможенной политике и в реформе денежного обращения.

В таможенной политике довольно резкий поворот от фритредерства к усилению таможенного обложения относится еще к 1877 г., когда в фискальных целях и в связи с падением курса рубля было установлено взимание пошлин в золотом исчислении, что повышало существующий тариф 1868 г. на 40—50%. В то же время проводится повышение пошлин на ряд товаров тяжелой индустрии (чугун, железные изделия, каменный уголь, паровозы, жел.-дор. оборудование и пр.), а также хлопок. Однако, это обложение по размерам пошлин не носило еще чистого протекционистского характера. Сугубо протекционистский характер приобретает наша таможенная политика лишь в тарифе 1891 г. (см. XII, ч. 8, 505). Насколько значительно было это повышение пошлин, видно из следующего сравнения их по тарифам 1868 г. и 1891 г. (в коп. зол. за пуд):

	1868	1891
Каменный уголь	беспощинно	2—3
Руда железная	>	10½
Чугун не в деле	5	45—52½
Железо	20—50	90—150
Кузнечные и котельные изделия	100	255
Рельсы	20	90
Маннны сел.-хов.	беспощинно	70—140
Хлопок сырец	>	120—135
Хлоп. пряжа белая	325	420—540
Хлопчатобумажн. изд.	23—110	35—135

Отсюда видно, что тариф 1891 г. повысил обложение многих товаров прогив существовавшего в два-три раза, получив частью характер почти запретительного. Нужно сказать, что и этот тариф, однако, не прекратил ввоза иностранных товаров, особенно изделий, т. к. соотношение цен было и при нем не в пользу русских това-

ров. Но чего он достиг, это — повышения цен на внутреннем рынке, другими словами, — гарантировал отечественной промышленности и фабрикантам высокие прибыли и дивиденды. Часто это было в явный ущерб очевидным интересам других важных отраслей народного хозяйства, как, напр., с обложением сел.-хоз. машин; в этом последнем случае не достигли цели даже возражения заинтересованных влиятельных сел.-хоз. кругов. В целом все же, хотя и дорогой ценой, таможенный протекционизм способствовал росту промышленности, особенно ее тяжелых отраслей. Но для последних получила важное значение не столько таможенная защита, сколько одновременно с этим получившая развитие система специальных правительственных заказов, с запрещением производить закупки за границей для строительства и оборудования жел. дорог и пр. правительственных сооружений. Фактически это приводило к громадным переплатам казны. Так, в 1897—98 г. цена на рельсы была утверждена при казенных заказах в 1 руб. 10 коп. — 1 р. 25 к., тогда как стоимость производства на лучших южнорусских заводах была 77—89 к., на «вольном» рынке эти рельсы продавались по 85—89 к., а заграничные рельсы обходились в 60—65 коп. На постройку Сибирской жел. дор. английские заводчики соглашались поставлять рельсы по 75 коп., но заказ был отдан русским заводам по 2 руб. Такого рода «переплаты» достигали по самым скромным расчетам до 15 млд. руб. в год, причем эти субсидии распределялись между 5—15 заводами-«фаворитами», во главе которых стояли обыкновенно лица, близкие к сферам. При таких условиях не могло достигаться развитие здоровой и широкой тяжелой промышленности. Потребление чугуна оставалось крайне низким, доходя всего до 52 фунт. на душу, тогда

как в Англии оно было 356 фунт., в САСШ 336 ф.

Денежная реформа и введение мировой денежной золотой валюты является завершением политики капиталистического развития и международных связей его. Когда капиталы вкладываются в промышленность на много лет (как это имеет место, напр., в горнорудной и тяжелой металлургической промышленности) и особенно когда эти капиталы вкладываются иностранными капиталистами, требуется твердый и устойчивый международный измеритель ценности, каким является золото. Наша расстроенная и обесцененная бумажная валюта, с серебряным ее основанием, не могла удовлетворять этим требованиям. Хотя обесцененная бумажная валюта являлась мощным средством для развития нашего экспорта, преимущественно сельскохозяйственного (и в ней, след., были заинтересованы землевладельческие классы), интересы развития промышленного капитализма требовали перехода на золотую валюту. Конечно, совсем другим вопросом является, за чей счет была проведена золотая реформа. Она требовала накопления громадных количеств золота, которое могло быть получено только через активный торговый и расчетный баланс, путем сокращения ввоза, увеличения вывоза, за счет увеличения налогового обложения, путем внешних займов. Таможенный протекционизм значительно сократил ввоз иностранных товаров. В то же время форсировался экспорт сел.-хоз. продуктов, особенно хлеба, несмотря на сел.-хоз. кризис, сильное падение мировых цен и голодовки внутри страны. Знаменитая формула торговой политики, проводимой министром Вышнеградским, — «недоем, да вывезем», откровенно и лапидарно указывала этот основной способ нашего золотого накопления. Превышение вывоза над ввозом к началу

1890-х гг. давало уже свыше 300 млн. руб. золотом в год. Другим источником золотого накопления являлось накопление бюджетных средств, внешние займы, развитие кредитных операций. В результате уже к 1890-му г. золотой запас Гос. банка исчислялся в 475 млн. руб. при 928 млн. руб. кредитных билетов в обращении. В 1897 г. золотой фонд достиг уже 1.095 млн. руб. при 1.067 млн. руб. кредитного обращения (см. *Государственный банк*). При таком соотношении могла быть проведена золотая реформа денежного обращения (см. VII, 131/39, 561/62). Здесь укажем лишь, что хотя в основе нашей прежней системы лежал серебряный рубль, в основу денежной реформы был положен золотой монометаллизм, так как этого требовали интересы промышленного капитализма. Девальвируя рубль до фактического его курса (66 коп. золотом), реформа ввела новую золотую монету 5-руб. достоинства в $\frac{1}{3}$ прежнего 10-рублевого империала с равенностью новых кредитных билетов на золото и с определенными и весьма высокими условиями банковского обеспечения золотого размена кредитных билетов. Эмиссионное право Гос. банка было определено в 600 млн. руб. с обеспечением золотом наполовину, свыше 600 млн. руб. — с обеспечением полностью. Эти весьма жесткие, сравнительно с другими странами, эмиссионные правила обеспечения обуславливались непрочностью общего хозяйственного положения для золотой системы денежного обращения, которая обходилась народному хозяйству очень дорого. Но, тем не менее, золотой блеск этих колоссальных золотых запасов (в 1899 г. 1.007 млн. р., в 1914 г. 1.744 млн. руб.) являлся основой для проведения дальнейших крупных кредитно-финансовых мероприятий правительства, для развития крупной капиталистической промышленности, для поли-

тической экспансии русского капитализма.

Колониальная политика приобретает за эти годы также законченный капиталистический характер. К этому времени в основном заканчивается та колониальная экспансия самодержавной империи, которая превращает ее в громадную метрополию, непосредственно сливающуюся со своими восточными колониями на одной шестой части земного шара. Эта территориальная особенность колониального роста Р., в виде ее территориального единства с колониями, облегчала ее колониальные захваты, создавала «естественный» характер этой колониальной по существу экспансии, устраняла на этой территории какую-либо конкуренцию других колониальных государств. Но к концу XIX в., когда эти колониальные захваты дошли до «естественных» географических границ и когда все соседние некапиталистические страны стали служить объектом колониальной конкуренции других стран, русскому капитализму пришлось вступить на путь активной колониальной политики, встречая здесь активное же сопротивление капиталистических стран Запада. По отношению к Персии, давнишнему и ближайшему плацдарму русской колониальной экспансии, права Р. закрепляются не только договорами с Англией о разграничении «сфер влияния» (см. XXXII, 32/33), но еще более значительными успехами проникновения на персидский рынок русской мануфактуры, сахара, железных изделий, посуды и пр. Все главные капиталистические страны имели на персидском рынке к концу XIX в. не более половины торговых оборотов одной Р. И главная конкурентка Р., Англия, должна была санкционировать такое положение, предоставив весь север Персии в полное ленное владение Р. Несколько более упорное ее сопротивление встретило дальнейшее

продвижение русского капитализма за границы русской Средней Азии, к Афганистану. Точно так же в продвижении на турецкие рынки русский капитализм встретил жестокое сопротивление со стороны Германии, но и здесь на центральных рынках русский капитал имел значительный успех, а по некоторым товарам (мука, сахар, мануфактура) даже доминирующее значение. Несколько иначе и сложнее разертывалась колониальная политика русского капитализма на Дальнем Востоке и в Китае. Здесь позиции его были слабее, а борьба за рынки более ожесточенная и с большим числом участников. Поэтому основной натиск русского капитализма на Дальний Восток относится уже к несколько более позднему периоду. Но все же и в 1890-ые гг. русский торговый капитал проложил здесь прочные пути торгового завоевания ближайших частей Монголии, Сев. Манчжурии, подготовив здесь почву для заполнения этих рынков московскими фабрикатами, за счет вывоза отсюда земельного и др. сырья.

Сформирование рабочего класса, рост его классового революционного самосознания, развитие на этой почве революционного рабочего движения являлись последней чертой, завершающей характеристику социально-экономической структуры русского капитализма в 1890-ые гг. (Подробности об этом см. ниже, *рабочий класс*). Здесь, в связи с общей характеристикой развития русского капитализма, укажем лишь, что и в этом отношении русский капитализм носил, с одной стороны, черты значительной отсталости, с другой — стоял впереди многих других стран. Тесная связь с деревней русского рабочего привносила в положение рабочего вопроса и в рабочее движение черты непостоянства кадров, их неквалифицированности, культурно-политической отсталости. С другой стороны — тяжесть

капиталистической эксплуатации, низкая заработная плата, высокая степень концентрации облегчали рост классового и политического самосознания, организацию пролетариата, как революционного класса, развитие форм его экономической и политической борьбы. Сформирование кадров постоянных фабрично-заводских рабочих к 1890-м гг. видно из следующих примерных цифр. По данным Деметьева за 1884—85 г., на каждую сотню рабочих приходилось из крестьян 91,5%, процент же рабочих, отцы которых работали на фабрике, был 55%. В отдельных отраслях промышленности процент постоянных рабочих по тем же данным был: по обработке металлов 88,9%, волокнистых веществ 83,5%, дерева 69,7%, животных продуктов 53,9%. В 1900 г. процент постоянных рабочих по данным фабричной инспекции был в металлообрабатывающей промышленности уже 97%, волокнистых веществ 92% и в среднем по всем отраслям 91%. По общей численности (по далеко не полным данным фабрично-заводской инспекции, относящимся к наиболее крупным предприятиям) действующая армия пролетариата достигала к началу XX в. 1.500—1.600 тыс. рабочих. Т. о. к этому времени русский капитализм имел уже значительный по численности и концентрированный, сформировавшийся класс пролетариата. Хотя значительная часть его все еще носит переходный характер сохранения хозяйственных связей с деревней, ухода летом в деревню, сохранения своего земельного надела, тем не менее и в этом отношении уже до половины рабочих к этому времени представляло собою вполне пролетарские промышленные кадры, окончательно порвавшие связь с землей и деревней. На почве такого двойственного характера русского пролетариата вырастает и классовая идеология такого рабочего-крестья-

нина, видящего одинаково своего врага как в помещике и кулаке, так и в эксплуатирующем его капиталисте, пока развитие классового и политического самосознания не объединит оба эти вида стихийной борьбы в политическую и социальную борьбу против эксплуатирующих классов вообще и возглавляющего их самодержавного государства. Ленин, рассматривая этапы развития массового рабочего движения в связи с развитием политических партий и социал-демократии, отмечает три этапа этого движения: «первый период — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к восстанию». Капиталистическая подготовка к подъему 1890-х гг. была вместе с тем и прохождением первого этапа рабочим классом. Закрепление системы национального капитализма и подъем его со второй половины 1890-х гг. послужили для пролетариата почвой для второго наступательного периода — массовых стачек и демонстраций. Стаечное движение, начавшееся еще с 1880-х гг., наиболее законченные формы приобретает с середины 1890-х гг. Уже крупные массовые стачки в 1895—96 гг. на ряде крупнейших предприятий Петербурга происходили организованно, с выставлением определенных экономических и организационных требований. Несмотря на издание строгих запретительных законов против стачечного движения, стачки продолжались, охватывая такие центры промышленности, как Москва, Иваново-Вознесенск, Тверь, Ярославль, Донецкий бассейн, Урал, Польшу и пр. В Польше и на юге стачки принимают особенно организованный и боевой характер, в особенности в последние годы промышленного подъема, в 1897—1898 гг.

На почве архаического фабричного устава, запрещения всяких движений и забастовок, хотя бы чисто экономического характера, низкой заработной платы, самой разнузданной эксплуатации рабочих системой расплаты товарами, продолжительного рабочего дня — эти забастовки принимают характер общего рабочего движения, направленного против всей системы капиталистической эксплуатации в целом. В то же время они вызывают бешеное сопротивление фабрикантов и заводчиков, с помощью правительства не только проводящих полицейские запреты и преследования забастовочного движения, но и жестоко подавляющих стачки с помощью военной силы. С наступлением кризиса и с ухудшением положения рабочих забастовочное движение не только не стихает, но, наоборот, усиливается, приобретая все более общеполитический характер. С этого времени развитие массового рабочего движения переходит на тот второй этап его, который характеризуется Лениным как «переход к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям». После первых политических первомайских демонстраций в Петербурге в 1898 г., февральские демонстрации в Москве в 1901 г. и в дальнейшем первомайские в том же году демонстрации во многих городах, закончившиеся применением военной силы, баррикадами и ружейным огнем, явились первыми шагами чисто политических движений, забастовок и демонстраций, закончившихся в 1903 г. всеобщей стачкой, охватившей почти все главные промышленные центры юга Р. (Баку, Тифлис, Одесса и др.). Помимо экономических требований, в этих массовых демонстрациях и забастовках выставляются уже на первое место чисто политические требования свержения самодержавия, а также социалистические лозунги

освобождения рабочего класса. С чисто экономической стороны промышленный кризис подорвал позиции рабочих. Экономические забастовки в этот период носят не столько наступательный, сколько оборонительный характер, с переменным успехом в смысле достижения выставленных экономических требований. Но тем большую глубину, ширину и значение приобретает политическая сторона и содержание рабочего движения. Особенно это усилилось с 1902 г., когда к рабочему движению присоединяются массовые крестьянские движения. Но только уроки исторической стачки в Ростове в 1902 г. показали, что во всякой экономической борьбе, неизбежно переходящей в политическую, во главе должен встать политический авангард наиболее классовосознательных передовых групп. С своей стороны правительство и буржуазия выдвигают провокационную попытку «овладеть» рабочим движением известной «зубатовщиной». Но уже осознанное и организованное рабочее движение выливается в первую всеобщую стачку на юге Р. в 1903 г., явившуюся прологом к революции 1905 г., а в дальнейшем — и к развитию ее в Октябрь 1917 г.

Итоги развития русского капитализма за этот период его наиболее бурного и успешного развития к началу XX в. были весьма велики. Побеждая мелкое производство, рутинную технику, отсталые общественные отношения, промышленный капитализм двинул русскую промышленность за одно десятилетие далеко вперед. По темпам своего развития за эти годы он превосходил все другие страны. Выплавка чугуна, напр., за рассматриваемое десятилетие увеличилась: в Англии на 18%, в Германии на 72%, в САСШ на 50%, а в Р. на 190%, благодаря чему последняя заняла к 1900 г. четвертое место вместо 8-го в 1880 г.

Производство железа увеличилось за то же время: в Англии на 8%, в Германии на 78%, в САСШ на 63%, в Р. на 116%. Каменноугольная промышленность дает соответственно: 22%, 52%, 61% и 131%. Конечно, по абсолютным размерам производства, в особенности в расчете на душу населения, Р. стояла далеко не на первых местах. Но, тем не менее, капиталистический путь развития был явно и окончательно решен и закреплен. И если еще к началу этого периода находились голоса, считавшие возможным «поворотить колесо истории» в сторону, обратную капитализму, то к началу нового столетия для самых убежденных идеологов докапиталистической Р. становилось ясным, что возврата назад от капитализма со всеми его положительными и отрицательными сторонами быть не может. Вопрос шел скорее о незавершенности и непрочности капиталистического развития, о незаконченности и отсталости его общественных форм. Победа «буржуазного развития» без «буржуазной революции» приводила к тому, что и в общественной экономике и в общественных отношениях сохранялись если уже не вполне господствующие, то все же влиятельные старые общественные силы. Эти силы тормозили полный, окончательный и прочный расцвет не только капиталистического содержания, но и правовой общественной буржуазной формы его. Поэтому капиталистическое развитие 1890-х гг. все еще проходит в старой «самодержавной», помещичьей, полукрепостнической оболочке. В экономическом отношении это проявлялось в отрыве блестящего развития промышленного капитализма от отсталой, полукрепостной, нищей деревни, этой главной рыночной базы для развивающегося промышленного капитализма, а в социальном — в наибольшем обострении

его внутренних социальных противоречий, делавших русский капитализм наиболее слабым участком капиталистического мирового фронта. Вот почему русский промышленный капитализм 1890-х гг. не сумел и не успел создать себе прочной базы для дальнейшего своего развития — внутреннего рынка в капитализирующейся деревне. Развитие экономической и политической жизни ставило его перед необходимостью окончательно сделаться господствующей общественной силой, отказавшись от старых «попутчиков» — разоряющегося дворянства, землевладельца, торгового капитала, отсталой деревни. Но к этому, т.-е. к буржуазной революции, наш капитализм оказался не подготовленным. Поэтому его экономический расцвет 1890-х гг. оказался непрочным и кратковременным. А последующие годы XX в. явились для него не годами завоевания власти, выхода на широкую дорогу, создания законченной самостоятельной национальной системы капитализма, а годами убудочного существования его в «конституционно-самодержавном» государстве, идущем на поводу у конкурирующих между собою империалистических систем Запада.

Кризис и депрессия 1900—1909 гг. явились неизбежным результатом описанного характера капиталистического развития 1890-х гг. и общего положения капитализма. Собственная внутренняя слабость при развитии тесных связей с мировым капитализмом привели к тому, что мировой кризис, разразившийся в конце 1899 г. во всех странах зап.-европейского капитализма, быстро захватил и русский капитализм, отразившись у нас несколько своеобразными чертами, большей глубиной и длительностью. Но капиталистический характер кризиса 1899 г. не мог оставлять сомнения, несмотря на некоторые попытки другого его объяснения (Зак и др.).

Так же ясна была и самая неизбежность кризиса, на что Ленин указывал еще за два года до его наступления. Конец 1890-х гг. был ознаменован у нас особенно усиленным биржевым ажиотажем и промышленным грюндерством, основанным на предшествовавшем продолжительном периоде «хороших дел» и на избытке денежных капиталов в Европе. Учетный процент в это время на руководящих денежных рынках Европы, в Лондоне и Париже, стоял иногда ниже 2⁰/₁₀₀. Западный капитал охотно шел в Р., где предпринимательство сулило ему дивиденды в 15—30⁰/₁₀₀ и выше. На этой почве создалось чисто спекулятивное грюндерство, в виде вложения капиталов часто в дутые предприятия, только ради обогащения влиятельных «учредителей», которые, нередко путем взяток, покровительства, бюрократизма, добившись учреждения общества, клали себе в карман громадные посреднические суммы, оставляя предприятие с 20—30⁰/₁₀₀ собранного акционерного капитала. Были случаи, по свидетельству министра финансов, что из акционерного капитала в 8¹/₂ млн. франк. было оплачено деньгами, вложено и пошло в предприятие всего 1¹/₂ млн. фр., остальное пошло учредителям. В том же направлении нездорового ажиотажа действовала упомянутая выше система раздачи правительственных заказов по повышенным ценам, что также достигалось взятками, «вливаниями» и пр. Банки вполне поддерживали такую систему и являлись ее проводниками. — Первые признаки тревожного положения стали проявляться в августе 1899 г., когда в связи с денежными затруднениями на иностранных рынках и повышением учетного процента, наш Госуд. банк также повысил учетный процент. Стали сокращаться учет векселей и кредиты. Это немедленно отразилось на бирже, резко понижательное настроение ко-

торой к концу 1899 г. переходит в паническую, особенно после начавшихся крахов крупнейших промышленных предприятий. Одновременно с этим, в связи с затруднениями кредита и необходимостью усиленной реализации товаров, начинается стремительное падение цен. Напр., цена железа на московском рынке с 2 руб. 50 коп. в середине 1899 г. упала до 2 р. к началу 1900 г., до 1 р. 45 к. к концу 1900 г., до 1 р. 25 к. к концу 1901 г. и до 1 р. 10 к. к концу 1902 г. Цена на каменный уголь антрацит падает с 12—14 к. в начале 1900 г. до 6—7 к. в 1902 г.; нефть падает за это же время с 17—18 к. до 4—6 коп. Падение цен на все товары, особенно тяжелой индустрии, в два-три раза продолжалось весь 1902 г., когда промышленный кризис достиг наибольшей глубины. Обесценение акционерного капитала и падение курсов акций банковых и промышленных обществ за два года кризиса было в два-три раза против высшего курса периода подъема (напр. акции Петербургского международного банка упали с 597 р. до 323 руб., Русского для внешней торговли банка с 450 р. до 267 р., Брянских заводов с 511 р. до 240 р., Донецко-Юрьевского об-ва с 680 р. до 210 руб., и т. д.). С падением номинальной стоимости акционерного капитала начинают сокращаться, в связи с кризисом сбыта, также и размеры производства. Выплавка чугуна сокращается за время кризиса со 177 млн. пуд. до 149 млн. пуд. к 1903 г.; в южной металлургической промышленности из 48 доменных печей к 1902 г. действовало лишь 23, а из 64 рудников работало 40; число каменноугольных действующих копей сократилось с 290 до 209 (ср. *экономические кризисы*, II, 322/24). Сравнительно меньше затронутой кризисом оказалась легкая и в частности хлопчатобумажная промышленность.

Причиной этого было то обстоятельство, что, работая на широкий массовый рынок, она в большей мере сохранила его, независимо от крахов в тяжелой промышленности, особенно в связи с хорошими урожаями этих годов, сохранившими покупательную способность населения. Поэтому число работавших веретен в хлопчатобумажной промышленности за 1899—1903 гг. даже увеличилось с 6,0 млн. до 7,1 млн., а количество переработанного хлопка с 16 млн. пуд. до 18 млн. пуд. — Общий промышленный кризис, достигнув наибольшей глубины в 1902 г., с 1903 г. стал переходить в *длительную депрессию*, продолжавшуюся почти во всех областях промышленной жизни вплоть до 1909 г. Цены начали обнаруживать улучшение уже с 1903 г. Так, чугун, продававшийся в 1902 г. по 42—38 коп. за пуд, в 1903 г. доходит до 65,9 коп. пуд, а в 1904 г. до 71,6 коп.; сортового железа повышается за то же время с 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к., керосин с 8,2 коп. до 20,8 коп. Начиная повышаться и курсы акций промышленных предприятий. В связи с изживанием кризиса в Зап. Европе и понижением учетного процента, иностранный капитал начинает вновь интересоваться русским промышленным рынком. Тогда как в 1899 г. было учреждено 325 новых акционерных об-в, в т. ч. иностранных 69, с капиталом в 363 млн. руб.; в 1903 г. это число упало до 76 акционерных об-в, в т. ч. иностранных 15, с капиталом в 68 млн. руб.; в 1907 г. было учреждено 131 новое акционерное об-во, в т. ч. иностранных 12, с капиталом в 156 млн. руб. Но все же сколько-нибудь значительного оживления и подъема не наблюдалось. В значительной мере это было обусловлено сначала русско-японской войной 1904—1905 гг., а затем революцией 1905—1906 гг., заставлявшими иностранный капитал с большей опаской идти в Р. По

количественным итогом для некоторых отраслей промышленности, в особенности для тяжелой металлургии, война повлияла увеличением спроса и производства. Поэтому, напр., связанное с военными действиями производство рельс, вагонов, паровозов увеличивается особенно значительно, достигнув к 1904-05 г. почти максимальных цифр периода промышленного подъема. Но в целом, конечно, влияние войны на народное хозяйство было чрезвычайно разрушительным. Особенно тяжело война отразилась на хлопчатобумажной промышленности — сокращением спроса, падением производства, закрытием фабрик и пр. В последние месяцы 1905 г. и в первую половину 1906 г., в связи с революционным движением, его подавлением, массовыми черносотенными погромами, производство совершенно замирает, спрос сокращается до минимума. Всеобщая стачка, декабрьское восстание, аграрное движение, жел.-дор. забастовки, карательные экспедиции — все это приводит к полному параличу промышленной и торговой жизни. Под влиянием этого многие из новых акционерных об-в, учрежденных в 1905—1907 гг., фактически не открыли своих действий. Зато иностранный капитал в это время пошел в Р. другими путями и с другими целями. Именно в 1906 г. был реализован государственный внешний заем в $2\frac{1}{2}$ млрд. фр., пошедший на ликвидацию последствий опасной для царизма войны и на подавление еще более опасной революции. В 1909 г. был заключен фактически в тех же целях новый внешний заем в 1.400 млн. фр. И только после окончательной победы царизма и выяснившейся неудачи революции вновь оживает как приток иностранных капиталов, так и общее промышленное капиталистическое предпринимательство. В то же время и русский капитал, вначале напуганный революцией 1905 г., начинает

вновь верить в наступившее «успокоение» и возвращаться в банки и в промышленную деятельность. Вместе с крупным капиталом и мелкие капиталы и сбережения начинают вновь возвращаться в сберегательные кассы, банки и пр. Так, остаток вкладов и капиталов в главных кредитных учреждениях, концентрирующих капиталы, в т. ч. в сберег. кассах, был: на 1 января 1906 г. всего 2,8 млрд. руб., в 1907 г. 3,1 млрд., в 1908 г. 3,3 млрд. руб., в 1909 г. 3,4 млрд. руб. Т. о. накопление и концентрация капиталов наблюдались, хотя и в небольших темпах. Такими же медленными темпами начинает понемногу восстанавливаться промышленное производство, не выходя, однако, из рамок общей промышленной депрессии и застоя. Становилось все более ясным, что причины такого положения лежат не в военных потрясениях народного хозяйства и даже не в революции, а в органических пороках и перерождении русского капитализма, особенно обострившихся к этому времени. Как было выше указано, промышленный подъем 1890-х гг. имел в своей основе тяжелую индустрию, развившуюся в преобладающей степени на почве жел.-дор. строительства, казенных заказов, прилива иностранных капиталов. Другими словами, он должен был привести к значительному росту основных капиталов в народном хозяйстве, к производству средств производства, при относительном отставании производства предметов широкого потребления. Тогда как последнее могло развиваться в меру очень ограниченной емкости внутреннего рынка и низкой покупательной способности массы населения, производство тяжелой индустрии и средств капиталистического производства развивалось под защитой покровительственной таможенной системы, с обеспечением высоких внутренних цен и высоких капиталистических дивидендов.

Разрыв между покровительственной политикой крупной промышленности и внутренним потребительным рынком усиливался еще и тем, что протекционизм осуществлялся через усиление налогового и податного пресса, за счет всевозможных общегосударственных вспомоществований, подрывавших покупательную способность населения. Фактически тяжесть капиталистического развития и накопления капитала переносилась на разоряющуюся деревню, скованную попрежнему остатками полукрепостных хозяйственных отношений. Этим значительно сужались возможные рамки капиталистического накопления и роста. Но в то же время русский промышленный капитализм к началу XX в. уже перерос свои национальные границы и все более входил в систему мирового капитализма. Его самодовлеющее национальное существование становилось тем более невозможным, что «национальная среда», в которой ему приходилось развиваться, была особенно отсталой и тесной. Дальнейшее замыкание в ней грозило полной невозможностью самостоятельного и прочного развития, поглощением всей системы русского капитализма более развитыми системами западного капитала, превращением Р. в колонию. Но все же, как ни велик был удельный вес иностранного капитала в русской экономической системе, национальный капитал имел уже достаточную экономическую базу и достаточные размеры внутреннего накопления. Кризис и депрессия 1900—1909 гг. совершенно ясно обнаружили экономические, финансовые и организационные пути, на которые вынуждены были вступить передовые и руководящие группы капитализма, несмотря на внутренние в нем противоречия и на заведомое бесплодие этих путей, в особенности в условиях самодержавно-дворянского государства. Этими путями были: 1) расширение внутреннего рынка путем

капитализации всей толщи народного хозяйства, в первую очередь уничтожение докапиталистических отсталых форм и общественных отношений в деревне; 2) отбор наиболее мощных капиталистических предприятий путем концентрации и новых организационных объединений промышленности; 3) укрепление своей финансовой мощи путем окончательного сращения национального капитализма с мировым финансовым капиталом. Это предвещало необходимость крупнейшей экономической и общественной реорганизации русского капитализма, в целях дальнейшего его укрепления, хотя бы это и расходилось с интересами господствующих классов самодержавно-крепостного помещичьего государства. К тому же новый путь подъема капитализма окончательно подготовил и новую общественную силу, мощный и организованный рабочий класс. Русский капитализм использовал первый штурм нового класса против всей системы помещичье-капиталистического государства и общества в 1905—1906 гг. в своих интересах, чтобы обеспечить себе ближайший этап своего развития. Достигнуть полной своей победы, обеспечить себе положение общественно и экономически господствующего класса русский капитал и русская буржуазия не смогли как в силу своей финансовой экономической зависимости, так и в силу своей социальной маломощности. Первая наша революция получила поэтому преобладающий характер крестьянской, мелкобуржуазной революции, с активным революционным руководством городского промышленного пролетариата (Ленин). Это последнее обстоятельство, испугавшее промышленную буржуазию, заставило ее не только искать защиты у того же крепостническо-дворянского правительства, но и стать его активным союзником в борьбе как с крестьянским аграрным, так и с рабочим рево-

люцибонным движением. Промышленная буржуазия не только не использовала в своих выгодах и для борьбы с самодержавием восстания городского пролетариата, но, наоборот, предвидя возможность перерастания буржуазной революции в социальную, стала против своего классового врага в союзе с крепостничеством. Вот почему и высший этап развития русского капитализма, эпоха империализма и финансового капитала, протекает в формах явной зависимости от иностранных империалистических систем Запада и в национальных формах общественной отсталости «самодержавно-конституционного» государства. Тем не менее, не только революция 1905—06 гг., но еще до нее аграрные движения 1902—1905 гг. поставили ребром вопрос о необходимости в первую очередь ликвидации особо отсталого фронта внутренней капиталистической экономики — расчистки почвы для капиталистического развития деревни.

Капитализация деревни с новым ее «раскрепощением» стала к началу XX в. в описанных условиях одинаково необходимой, неизбежной и выгодной как для промышленной буржуазии, так и для землевладельческого класса. Последний уже после пожаров 1902 г. и тем более после революции 1905—06 г. не мог чувствовать себя спокойно в своих поместьях, не мог считать обеспеченными свои высокие ренты. Он начинает усиленно ликвидировать свои земли, для чего ему нужен был покупатель, «крепкий» состоятельный мужик, свободный от общины и от старой деревенской идеологии и экономики. Не менее он нужен был и для промышленного капитализма. По существу экономика новой капитализирующейся деревни была уже давно подготовлена капиталистическим развитием и дифференциацией деревни с 1890-х гг. Оставалось только изменить оболочку новых назревших общественных от-

ношений. Промышленное развитие начала XX в. не могло не повлиять в производственном отношении и на сельское хозяйство. При общей своей отсталости, оно тем не менее обнаруживает значительный поворот в сторону интенсификации и капитализации. Экстенсивное зерновое хозяйство попрежнему сохраняет преобладание, но все же в течение первого десятилетия XX в. усиленно начинают расти интенсивные отрасли. Так, за период 1900—1913 гг. посевные площади зерновых хлебов увеличились на 10,8%, под сахарной свеклой на 39,5%, под картофелем на 15,8%, подсолнухом на 61%, табаком на 18,5%, под хлопком на 111,6%. Все это указывало, что сельское хозяйство становилось более прочной сырьевой базой для промышленности. В то же время потребление сел.-хоз. машин увеличилось с 27,9 млн. руб. в 1900 г. до 109,2 млн. р. в 1913 г., а искусственных удобрений было ввезено в 1900 г. 6 млн. пуд., а в 1912 г. 35 млн. пуд. при внутреннем производстве их в 1 млрд. и 2,2 млрд. пуд. Товарность сел. хозяйства стала особенно быстро расти за счет увеличения товарного производства технических культур, за счет повышения спроса на продукты интенсивного животноводства, молочного хозяйства, птицеводства и пр. Эти продукты начинают занимать более видное место и в нашем экспорте. В доходности сел. хозяйства эти продукты также завоевывают себе видное место: за период 1900—1913 гг. общий доход от сел. хозяйства дал увеличение на 88%, из них: хлеба на 84,9%, животноводство на 108,2%, овцеводство на 119,7%, свиноводство на 202,1%, технические растения на 90,1%. Все это свидетельствовало не только о развитии в деревне товарно-капиталистического хозяйства, об установлении более тесных экономических связей между деревней

и промышленным капитализмом, но и о необходимости развязки отсталых общественных отношений деревни, ликвидации старых форм деревенской жизни, открытия путей для ее капиталистического развития (см. ниже, *Аграрный вопрос в Р. к концу XIX в.*). Земельная реформа Столыпина (см. XXI, 179/80, прил. 6/10; XXXVIII, 95 сл.) покончила с остатками старых общинных стеснений в земельных отношениях и окончательно оформила возможность развития новых буржуазно-капиталистических земельных отношений. Количественный успех «расслоения» деревни по реформе Столыпина и по закону 14 июля 1910 г. свидетельствует о том, что буржуазная экономика и идеология нового крепкого крестьянина — личного собственника, разорвавшего с передельно-общинными уравнительными порядками и охраняющего неприкосновенность своей личной, буржуазной, отрубной и хуторской собственности, вполне созрела в руководящей верхушке деревни. Ставка на сильного хозяина, уничтожение остатков общины должны были окончательно закрепить позиции капитализма в деревне и вместе с тем навсегда устранить угрозу аграрной революции. Однако, вместе с тем реформа усилила в деревне и тот социальный антагонизм, который должен был явиться неизбежным следствием такой социальной дифференциации. Разрешение русским капитализмом его старого вопроса объективно послужило к ускорению его гибели, благодаря ставшему возможным союзу революционного пролетариата с революционирующейся деревней. Однако, временно развивающийся капитализм приобрел в деревне большой плацдарм для своего дальнейшего закрепления.

4. *Эпоха империализма и финансово-монополистического капитализма. Реорганизация и монополизация*

промышленности были одновременно и путем выхода из кризиса, и путем перехода на высшую ступень монополистического капитализма. Хотя монополистические синдикатские организации в промышленности встречались в Р. уже давно (в 1870—80 гг. конвенции страховых об-в, в 1886 г. синдикат гвоздильных заводов, в 1887 г. синдикат сахарозаводчиков и др.), но только экономическое развитие конца XIX в. и кризис 1900—1904 гг. подготовили почву для синдицирования и трестирования русской промышленности. Высокая степень концентрации, преобладание крупного акционерного капитала, возрастающая роль банков, правительственные заказы — все это облегчало возникновение монополистических объединений в русской промышленности. Кризис 1900—1904 гг. выдвинул вопрос о необходимости восстановления и концентрации капитала, с отбором наиболее мощных и хорошо оборудованных предприятий и с ликвидацией отсталых. Вместе с такой реорганизацией промышленности необходимо было обеспечить ей более широкий и прочный рынок путем отказа от исключительного обслуживания казенных заказов, путем расширения покупательной способности масс населения, капитализации деревни, а в связи с этим и соответствующего изменения в направлении производства. При этом, монополизация и концентрация производства позволяла монополистически овладеть рынком, с упрощением и удешевлением торговом-посреднических расходов и с монопольным установлением рыночных цен. Все эти вопросы в первые же годы кризиса, с созданием первых общественно-представительных организаций промышленников (Советы съездов промышленности и торговли, Съезды объединенной южной металлургии и пр.), начинают оживленно обсуждаться в специальной экономической прессе

и в этих органах промышленников. Выход из положения и разрешение всех этих вопросов были найдены в тех тенденциях и образцах, которые к тому времени давала практика западно-европейского и американского капитала. Реорганизация промышленности на почве ее концентрации и монополизации, синдикатские и трестовые объединения, монопольное овладение и регулирование производства и рынка, повышение монопольных цен и прибылей, установление вместо конкурентного капиталистического хозяйства капиталистической монополии — таковы были выходы из положения, найденные и принятые нашим капитализмом.

В организации монополистических объединений промышленности, банков, объединений по сбыту стали видеть единственный верный капиталистический выход из кризиса. Само правительство заявляло свое согласие на это и рекомендовало «в объединении усилий искать выхода из существующих затруднений». В 1901 г. на Съезде горнопромышленников юга Р. впервые решено было приступить к организации синдиката. В 1902 г. образуется уже ряд крупнейших синдикатов, постепенно объединяющих все основные отрасли промышленности. Наиболее важное из них — «Первое акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет»), которому поручается продажа листового и универсального железа (объединение сразу до 70—72% всего сбыта этих сортов), далее — балок и швеллеров (до 75%), затем к нему же переходит продажа бандажей, вагонных осей, чугунных труб, сортового железа, рудничных рельс и пр. К 1908 г. Продамет объединял 12—15 крупнейших заводов и все главнейшие отрасли производства их, охватив до $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ всего металлического рынка. Результаты

его политики и деятельности видны хотя бы из того, что через месяц после образования синдиката цены на сортовое железо поднялись с 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 70 коп. В том же году образуется другой мощный синдикат по продаже труб («Трубопродажа»), объединяющий в себе все 10 существовавших у нас трубопрокатных русских и иностранных заводов. «Оригинальность» этого синдиката заключалась в том, что он имел «негласный» характер, являясь в сущности синдикатом иностранных заводов, имевшихся в Р., с правлением синдиката... в Берлине, тогда как в Р. существовал скромный и маленький «Торговый дом Трубопродажа», несмотря на свою ничтожную величину обнимавший фактически 100% всего сбыта труб. В том же 1902 г. возникает третий руководящий металлургический синдикат по продаже специальных чугунов, ферромарганов, объединивший до 90% всего производства. Вслед за этими пионерами синдикатского движения начинает ежегодно образовываться ряд синдикатов, объединяющих буквально все отрасли как тяжелой, так затем и легкой промышленности. В 1904 г. образуется синдикат «Продвагон», обнимающий сразу все 100% производства вагонов. В 1908 г. образуется мощное объединение «Продаруд» в составе 6 главных рудных предприятий с производством до 80% всей руды. В 1907 г. образуется синдикат «Кровля» по продаже листового железа, объединивший до 75% всего производства кровельного железа, преимущественно на Урале, несколько более поздно, чем юг, захваченном синдикатским движением. В том же 1907 г. организуется синдикат по продаже сел.-хоз. машин, сконцентрировавший в своих руках до 70—75% производства важнейших сел.-хоз. орудий. Далее следовали такие специальные синдикаты, как «Медь»,

«Платина» и др. Металлургическая промышленность была т. о. застрельщиком синдикатского движения. Естественным результатом такого быстрого ее синдицирования должен был бы быть переход к более глубокому производственному объединению в виде трестов, как предприятий, предполагающих уже полное слияние и подчинение единому управлению всего производственного процесса (а не только регулирование сбыта, как в синдикатах). Такой металлургический трест был организован у нас в 1908 г. из главных южных металлургических заводов, с объединением до 80—90% всего производства южной металлургии по основным ее отраслям (до 40—50% всего производства в Р.) и с капиталом в 171 млн. руб. Трест этот, однако, вследствие целого ряда организационных и финансовых трудностей, не осуществился, и монополистические устремления нашей капиталистической промышленности не достигли т. о. этой высшей организационной монополистической формы. — Вслед за металлургической промышленностью синдикаты начинают образовываться и в других отраслях. В 1906 г. формируется крупнейший каменноугольный синдикат «Продуголь» с объединением 75% всей добычи угля на юге, а с объединением в синдикаты также и других районов Продуголь контролировал до 75% всего национального производства. Нефтяная промышленность ведет начало своего синдицирования еще с начала 1890-х гг. С 1900-х гг. синдикатские объединения захватывали все большие размеры нефтедобычи. К 1912—13 гг. вся наша нефтяная промышленность была не только синдицирована в 4 крупнейших синдикатских объединениях, но и была интернационализирована, т. к. эти объединения находились под контролем главнейших мировых нефтяных объединений: русско-американской

«Генеральной нефтяной компании» («General Oil Company — Манташев, Каспийское о-во и др.); английской компании «Шелль» (группа Лианозова); голландской «Королевской генеральной компании» («Русское нефтепромышленное об-во») и, наконец, «Т-во Нобель» — самой крупной группы, находившейся, кроме того, в особых соглашениях с транспортно-нефтяными предприятиями и монополией державшей в своих руках нефтяной и керосиновый рынок. — Из синдикатских объединений легкой промышленности под различными названиями существовали синдикаты в хлопчатобумажной промышленности разных районов, льняной промышленности, резиновой промышленности, спичечных, асфальтовых заводов, стекольных заводов, пробочных, электрических, мукомольных мельниц и пр. В транспорте существовали такие мощные объединения, как «Ропит» в морском пароходстве, на всех главных речных сообщениях, и пр. — Таким образом нужно признать, что к концу первого десятилетия XX в. в нашей промышленности не было почти ни одной отрасли, которая не была бы более или менее полно охвачена монополистическими объединениями. Хотя дело нигде не дошло до создания высшего типа капиталистических объединений, трестов, но тем не менее громадная монополизация промышленности была налицо. Несмотря на то, что синдикаты формально представляли только конторы по общему сбыту изделий и не регулировали непосредственно производства, тем не менее установлением контингентов, цен, нормированием сбыта, иногда закрытием предприятий они производили подбор более мощных и хорошо оборудованных, вытесняя и поглощая мелкие и хуже оборудованные. Так, в 1901—1904 гг. ликвидированы были 16 акционерных машиностроительных

и механических предприятий с капиталом в 7.254 тыс. руб., т.-е. в среднем по 450 тыс. на одно предприятие. В 1905—1909 гг. были ликвидированы уже 10 предприятий с капиталом в 12.455 тыс. руб., т.-е. в среднем на одно 1.240 тыс. руб., другими словами — уже не мелкие, а крупные, миллионные предприятия. Закрывали слабые предприятия также синдикаты Продамета, Продуголь, Зеркальный и др. *Процесс концентрации капитала* и производства т. о. был усилен синдикатскими объединениями. Насколько рост крупных предприятий за годы развития синдикатов был значителен, показывают следующие цифры: в 1901 г. крупных предприятий с числом рабочих св. 500 чел. было всего 3,5% с числом 46,7% всех рабочих, а в 1910 г. таких предприятий было уже 5% с числом рабочих в 53,5%. За период трех промышленных переписей 1887, 1897 и 1908 гг. мы имеем такое сопоставление развития промышленности:

Годы	Число заводов	Сумма производства, в млн. руб.	Число рабочих, в тыс.
1887	30.888	1.334,5	1.318,0
1897	39.029	2.839,1	2.088,2
1908	39.866	4.908,7	2.679,7

Другими словами, тогда как в первый период увеличение производства (на 53%) шло за счет главным образом увеличения числа предприятий (на 28,3%), во втором увеличении производства (на 73%) достигалось почти при неизменном числе предприятий (увеличение лишь на 2%) и относительно небольшом увеличении числа рабочих (на 28%) за счет повышения оборудования и производительности труда. В частности, в тяжелой металлургии успехи технической реорганизации промышленности характеризуются такими цифрами: за 10-летие 1900—1910 гг. выплавка чугуна на 1 завод увеличилась с 716 тыс. пуд. до 1.025 т. п., на одну доменную печь с 629 т. п. до 1.138 т. п.;

число рабочих на один завод с 1.325 до 1.545; мощность двигателей на 1 завод с 1.286 лош. сил до 1.805 лош. сил, на 1 рабочего с 0,97 лош. сил до 1,17 лош. сил. По показателю вооруженности рабочего механической силой наша промышленность стояла уже вровень или даже выше некоторых капиталистических стран; так, в 1908 г. у нас на 100 рабочих приходилось 91,9 лош. сил, тогда как во Франции 84,9 л. с., в Германии 72,9 л. с., хотя в Англии 152,7 и в САСШ 282 л. с. Из других показателей технического прогресса можно упомянуть почти полное вытеснение древесного топлива минеральным в металлургической промышленности, полное вытеснение сварочного железа литым, вытеснение бессемеровского способа мартеновской сталью. В текстильной промышленности — вытеснение селфакторных веретен ватерными; в нефтяной промышленности — замена стального сверла алмазным с электрической двигательной силой, и пр.

Количественные итоги развития основных отраслей промышленности на новом этапе финансового капитализма после кризиса и депрессии 1900 — 1909 гг. видны из следующих сопоставлений. Размеры производства в млн. пуд. были:

	1900	1908	1909	1913
Чугун	177	150	175	283
Железо и сталь	163	135	163	246
Кровельное железо	14,0	14,4	20,7	25,3
Рельсы	30,2	18,4	29,1	35,9
Медь	0,5	0,6	1,3	2,0
Каменный уголь	1.003	1.094	1.591	2.214
Нефть	631	630	563	561
Кокс	137	113	161	271
Потребление хлопка	16,1	16,6	21,3	25,9

Т. о., после опустошения почти во всех отраслях производства, которое произвел кризис 1900 — 1904 гг., промышленность к концу предвоенного периода нашей экономики не только полностью восстановила, но по некоторым отраслям вдвое и более превысила докризисный уровень. Реорганизация и концентрация, техническое перевооружение, восстановление основного капи-

тала, ликвидация мелких и не-жизнеспособных предприятий—все это дало значительный производственный эффект. Понятно, что для всего этого требовались значительные затраты капитала, которые могли идти или за счет иностранного капитала, или за счет внутреннего накопления. Этот вопрос приобретает важное принципиальное значение, так как с ним связывается вопрос о степени самостоятельности или зависимости нашего капитализма на высшем этапе его развития, а следовательно и о характере той дальнейшей его судьбы, которая привела его к краху всей системы и к социальной революции.

В распределении *источников внутреннего накопления капитала* в начале XX в. замечаются значительные изменения по сравнению с тем положением, которое имело место в начале капиталистического периода; эксплуататорский характер источников внутреннего накопления оставался, однако, неизменным. Чисто торговые источники накопления по абсолютным размерам сохраняли видное место; точно так же по валовым цифрам на первом месте стояли по-прежнему доходы от сельского хозяйства, частично оседающие в виде капиталов. Но все же по темпам роста, все более обгоняя другие отрасли народного хозяйства, на первом месте стояли доходы и накопления в промышленности. По единственному имеющимся и приблизительным подсчетам народного дохода, произведенным Прокоповичем, имеем следующие цифры для 50 губ. Европ. Р. за 1900—1913 гг.:

Отрасли	1900	1913	1913	% увеличения
	млн. руб. по ценам соотв. года	млн. руб. по ценам 1900 года	млн. руб. по ценам 1900 года	
Сел. хозяйство	2.985,1	5.830,2	3.985,0	+33,8
Лесоводство и рыболовство	626,1	720,0	598,4	- 4,3
Промышленность	1.402,2	2.566,6	2.282,3	+62,2
Транспорт	531,2	1.055,1	803,5	+51,4
Строительное дело	473,1	842,7	703,8	+48,8
Торговля	561,9	980,9	787,4	+40,7
Итого:	6.579,6	11.805,5	9.170,4	+39,4

Другими словами, если отвлечься от изменения цен, то можно видеть, что промышленность давала наибольший рост доходов и уже быстро догоняла даже сельское хозяйство. При этом, в отношении накопления она вместе с торговлей и транспортом, очевидно, давала гораздо большее оседание этих доходов в виде капиталов, чем сельское хозяйство. Развитой банковско-кредитный аппарат в сильнейшей степени извлекал часть этих доходов и, концентрируя их в банках, сбер. кассах, в займах, направлял на промышленно-капиталистические цели. Так, вклады в сбер. кассах, достигавшие на 1 января 1900 г. всего 679,9 млн. руб., достигли к июлю 1914 г. 1.704,2 млн. руб.; накопление мелких сбережений давало в последние годы по 35—45 млн. руб. в год. В основной кредитной системе банков (государственный, акционерные, городские, об-ва взаимного кредита) за пятилетие 1909—1914 гг. вклады и капиталы возросли с 2.039 млн. руб. до 4.668 млн. руб., при чем в одних частных акционерных банках собственные капиталы возросли к 1914 г. до 2.539 млн. руб. сравнительно с 552 млн. руб. в 1900 г. и 96 млн. руб. в 1870 г. В банковом деле происходила не менее быстрая и значительная концентрация, чем в самой промышленности. После слияния ряда крупнейших банков, 13 из них были обладателями до двух третей всего банковского капитала и концентрировали до трех четвертых всех вкладов. Наконец, показателем роста вложений капиталов в народное хозяйство является рост эмиссий ценных бумаг. За 1908—1912 гг. их было реализовано на сумму 5.200 млн. руб., при чем за 1912 г. 1.350 млн. руб.; из них 3.687 млн. руб. на внутреннем денежном рынке и 1.513 млн. руб. за границей. Характерно, что из всей указанной суммы около 12% составляли государственные займы,

45% — ипотечный кредит, 43% — торгово-промышленные и жел.-дор. займы. Другими словами, значительная часть их шла в сельское хозяйство, вернее — на земельную мобилизацию, особенно сильно обнаружившуюся в этот период в виде распродажи поместным дворянством своей земли крестьянам, т.-е. на капитализацию его земельных рент. В заключение можно также указать, что старый источник накопления, в виде положительного торгового баланса от внешней торговли, достигает в эти годы рекордных цифр: в 1909 г. он дал 580 млн. руб. сравнительно с 100 — 250 млн. руб. к концу XIX в. — Т. о. из всех приведенных цифр видно, что внутреннее накопление за первое десятилетие XX в., т.-е. в эпоху формирования у нас финансово-монополистического капитала, сделало громадные успехи. Уже совершенно нельзя было считать, что русский капитализм экономически маломощен, не жизнен, полностью зависим от иностранного капитала. Наоборот, он усвоил от последнего не только высокую производственную технику, но и перегнал его в отношении концентрации, усвоил высшие организационные формы, приобрел в громадной степени монополистическое положение в своей законченной национально-капиталистической системе. Но, конечно, полной независимости среди мировых капиталистических систем он все же не приобрел. Русский капитализм был попрежнему наиболее слабым местом на капиталистическом мировом фронте и в экономическом, и в социальном отношении. В экономическом — потому, что он в значительной мере зависел от монополистического мирового капитала, шел на поводу его политики, в громадной мере подчинялся иностранному капиталу свои основные отрасли промышленности; социально — тем, что по внутренней своей структуре он представлял по-

прежнему наиболее отсталый участок с наиболее обостренными внутренними противоречиями.

Проблема иностранных капиталов и овладения ими русской промышленности являлась при таких условиях в начале XX в. еще более актуальной и решающей, чем это было в 1870-ые или 1890-ые гг. При очень значительной разнице в методах и в результатах подсчетов о размерах иностранных капиталов в Р., во всяком случае их участие в промышленности, торговле, в банках было очень значительно, при том возрастая даже быстрее, чем происходил рост русских капиталов. После окончания депрессии, с 1909—1910 гг. вообще очень усиливается рост вложений акционерного капитала и в т. ч. иностранного. Так, в 1904 г. было организовано 94 общества с капиталом в 119 млн. руб.; в дальнейшие годы акционерное строительство возрастает до 198 об-в с капиталом в 224 млн. руб. в 1910 г., до 342 об-в с капиталом в 402 млн. руб. в 1912 г. и до 372 об-в с капиталом в 545 млн. руб. в 1913 г. Из этого числа иностранных об-в за последние три года, 1911—1913, было организовано 89 с капиталом в 154,4 млн. руб. Всего иностранных капиталов было вложено в акционерные, промышленные и банковые предприятия к 1900 г. до 691 млн. руб., т.-е. до 28,18% всего акционерного капитала (Воронов). По другим подсчетам (Оль) общая сумма иностранных капиталов к первым годам войны определяется в 2.242 млн. руб. (в промышленности, кредитных учреждениях, страховых об-вах, городах и пр.), из них собственно акционерного промышленного капитала 1.749 млн. руб. При неполной сопоставимости этих подсчетов все же можно заметить, что по последнему подсчету доля иностранного капитала в акционерном промышленном капитале повышается

до 34% всех капиталов. В отдельных отраслях по тем же подсчетам доля иностранного капитала была особенно значительной, напр. в горной промышленности было вложено 834 млн. руб., в металлургии 392 млн. руб., т.-е. эти две отрасли поглощали до 54,7% всех иностранных капиталов, составляя в горной промышленности до 90% всех вложений в нее капитала, в металлургической до 42%, в химической до 50% и т. д. По национальности французские капиталы составляли до 32,6%, английские—до 22,6%, бельгийские—14,3%, германские и австрийские—20,1%. Т. о. приведенные данные позволяют сделать вывод, что доля иностранного капитала вообще за последнее десятилетие значительно увеличилась. Весь акционерный капитал в 1900—1914 гг. увеличился на 47%, доля же иностранного капитала возросла с 28% до 32—33%. По темпу иностранный капитал возрастал сильнее туземного: за указанные годы он возрос на 85%, тогда как туземный на 59,3%. Т. о., хотя русский капитал имел по абсолютным размерам преобладающий удельный вес, тем не менее вся система в целом все больше подпадала под влияние иностранного капитала, особенно антантовского. Происходила явная «денационализация» нашего капитализма. О «колониальном» характере нашего капитализма говорить пока не приходилось, но перспективы такого положения были ясны.

Банковая система и ее связи с промышленностью еще более усиливали и подчеркивали этот зависимый характер русского капитализма от иностранного при общем финансово-монополистическом характере его. Тесная связь промышленных предприятий с банками стала возрастать у нас еще в 1890-х гг., когда банки стали усиленно финансировать промышленные предприятия и при-

обретать в свои портфели их акции. Громадная доля акций наших крупнейших и руководящих промышленных предприятий (Путиловские заводы, Гартман, бакинские нефтяные, машиностроительные, золотопромышленные, вагоностроительные, металлургические и пр.) находилась в портфелях руководящих банков—Международного коммерческого, Торговопромышленного, Учетного и др. Это обстоятельство послужило, между прочим, к обострению кризиса 1900 и след. гг. Но связь с банками дала в то же время возможность после кризиса произвести с их помощью так наз. «санирование», т.-е. финансовую реорганизацию предприятий, с выпуском банком новых акций и с оставлением значительной доли их в своем распоряжении. Банки т. о. усилили долю своего участия в промышленных предприятиях на правах решающих владельцев абсолютного большинства акций. Так как в банковом капитале значительная доля принадлежала также иностранному капиталу, да и по своим корреспондентским связям и использованию кредитов русские банки находились в зависимости от иностранных банков, то всем этим степень влияния иностранных капиталов в русской промышленности еще более усиливалась. По некоторым подсчетам (Ронин) в 1914 г. из основного капитала 18 главных банков в сумме 435,5 млн. руб. 42,6% принадлежали иностранному капиталу, в т. ч. в Русско-Азиатском банке иностранных капиталов было 72% (из них французского 60%), в Сибирском 60% (французского 40%) и пр. По степени концентрации банки шли также впереди промышленности: к 1914 г. 7 главных банков с капиталом св. 30 млн. руб. обладали 52,1% всех вообще банковых капиталов. Т. о. банковая наша система приобрела уже законченный финансово-монопо-

листический характер, типичный для эпохи финансового капитала, с монополизацией банкового дела в руках немногих банковых групп, со «слиянием» банкового капитала с капиталом промышленным и в то же время с сильнейшим подчинением всей системы иностранному банковомонополистическому капиталу.

Проблема финансового капитала в Р. является, т. о., центральной и важнейшей в понимании сущности капиталистического развития Р. в последние предвоенные годы и дальнейших его судеб. Постановка этой проблемы в экономической литературе относится уже к после-революционному времени. Теоретически в исследовании Ленина «Империализм как новейший этап капитализма» были освещены основные признаки этой эпохи как последней империалистической стадии капитализма, с его основными признаками — концентрацией производства и капитала, дошедшей до монополии, слиянием банкового капитала с промышленным, вывозом капитала, образованием международных монополистических союзов и с полным территориальным разделом мира между капиталистическими державами. Наличие всех этих признаков в большей или меньшей мере можно установить из всего сказанного выше в русском капитализме. Только немногие авторы (Финн-Енотаевский) пытались отрицать наличие у нас таких явлений, которые подтверждают в то же время и наличие законченной системы финансового капитализма. С другой стороны, исследования Ванга, Ронина и др. более подробно вскрывают все особенности и механизм русского финансово-монополистического капитализма. Из упомянутых Лениным признаков финансового капитала концентрация, монополия, слияние банкового капитала с промышленным были у нас полностью

развиты. Несколько меньшее значение, как в системе не вполне самостоятельной, имел у нас вывоз капитала. Наконец, участие в мировых картелях капитализма и в империалистическом дележе мира также полностью имело место в нашем капитализме на империалистическом его этапе. Но на все эти отношения русского капитализма налагался особый отпечаток именно тем, что он входил в систему мирового империалистического капитализма как несколько зависимый и подчиненный член. Поэтому, напр., у нас имел место импорт к нам капиталов, не превращая, однако, систему русского капитализма в колониальную систему. Наоборот, отчасти, как было сказано выше, русский капитализм в последние годы пытался экспортировать свои капиталы (Ближний и Дальний Восток). При этом подчинение русской системы иностранному капиталу измерялось несколько неравными долями каждой из конкурирующих империалистических систем: в преобладающей степени — франко-английской (антантовской) и в несколько меньшей доле — германской. Поэтому в общей системе мирового финансового капитала русский капитал не мог развивать вполне самостоятельных устремлений, и только восточная политика русского империализма была окрашена более заметно такой финансовой экспансией. В системе западных капиталистических стран русская система являлась сама объектом эксплуатации этих систем. Однако, эти отношения не были отношениями совершенного подчинения колониальной страны и эксплуатации ее хозяйства системой чуждого капитала. Наоборот, как мы видели, самостоятельная туземная капиталистическая система была создана достаточно мощная. Но все же это была зависимая «дочерняя» система, которая под руководством своей «материн-

ской» системы организовала и быстро развивала самостоятельную капиталистическую эксплуатацию обширного внутреннего рынка, внутренней «некапиталистической среды». Средства и пути этой эксплуатации русский капитал имел вполне в своих руках, а ресурсы внутреннего развития и накопления были достаточно велики для дальнейшего самостоятельного развития. Вот почему на всем протяжении развития русского капитализма вопрос о внутреннем рынке получал для него столь решающее значение. При создавшихся условиях это была единственная база не только для возможности дальнейшего его развития, но и для завоевания самостоятельного значения. В этом отношении внутренние интересы русского капитализма стояли в противоречии с интересами западного империалистического капитализма, для которого нужна была не столько финансовая мощь и самостоятельность русской финансово-капиталистической системы, сколько «некапиталистическая среда» русского народного хозяйства. Последняя давала для конкурирующих империалистических систем, с одной стороны, миллионы штыков, необходимых для империалистической борьбы, с другой — ту колонию, куда они сбывали свои товары и капиталы. Хозяйственные интересы русского и иностранного капитализма внутри русской капиталистической системы т.о. не совпадали: русский капитализм ставил перед собой громадную задачу — окончательную капитализацию всего народного хозяйства, капитализацию деревни, уничтожение представляемой ею «некапиталистической среды». Иностраный капитал был скорее заинтересован в сохранении этой некапиталистической среды и колониального характера всей системы. Русское общественное развитие и государственный строй не смогли полностью обеспечить первый

путь развития. Наоборот, феодально-самодержавная окраска русских государственных и общественных отношений еще более усиливала эту подчиненность русского капитала иностранному, закрывая для него дорогу самостоятельного развития. Ленин еще в своей характеристике революции 1905 г. указывал, как на существеннейшую черту тогдашней структуры русской экономики и общественных отношений: «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм». И позднее, характеризуя соотношение классовых сил в Р., Ленин вновь подчеркивает, что в эти годы «горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала». На этой же почве русский капитализм принял участие в мировой империалистической борьбе 1914—1917 гг. Рассмотрение экономики военного времени и новых форм перерождения русского капитализма не входит в задачу данного очерка (см. об этом ниже).

Здесь в заключение лишь укажем, что если на зависимой базе русского капитализма не могло создаться прочных и мощных государственных и капиталистических форм империализма, то расшатывание этой базы в течение трех лет войны не могло не содействовать тому, что судьба и падение государственно-политических форм стали вместе с тем и судьбою их экономического содержания, смытого социальной революцией.

II. Лященко.

VI. *Аграрный вопрос в Р. к концу XIX в. **) Задача настоящей статьи —

* Статья написана по приглашению Редакции в 1908 г., но по цензурным условиям не могла быть напечатана. В 1918 г. была выпущена отдельным изданием издательством «Жизнь и знание» (с указанием, что предназначалась для настоящего Энциклопедического Словара). Статья печатается ныне по полному собранию «Сочинений» В. И. Ленина (т. XII, 2-е изд., 1929).
Ред.

дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельско-хозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в Р. и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в Р., затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I.

Землевладение в Европейской Р. к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального Статистического Комитета, Спб. 1907).

Всего земель в Евр. Р. было на учете по этому исследованию 395,2 миллионов десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I гр. — частные владения	101,7	млл. дес.
II » — надельн. земли	138,8	» »
III » — земли казны и пр.	154,7	» »

Всего в Евр. Р. 395,2 милл. дес.

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельско-хозяйственном фонде Евр. Р. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в русской революции (работа эта написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался по независящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельско-хозяйственный фонд Европ. Р. приблизительно в 280 милл. дес. Из казенных земель сюда входит не полтора ста миллионов, а всего 39,5 милл. десятин. Следовательно, вне собственности помещичьей и крестьянской остается в Евр. Р. менее одной седьмой доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель — дворянские земли, а надельные земли — крестьянские. Из 101,7 милл. дес. частновладельческой земли 15,8 милл. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 милл. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 год:

Сословия владельцев	Принадлежит в 1905 г.		Принадлежит в 1877 г.		В 1905 году увеличилось + уменьшилось —	
	млл. дес.	%	млл. дес.	%	млл. дес.	во сколь-ко раз
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	—19,9	—1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+1,74
Купцам и поч. гр.	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+1,85
Крестьянам	13,2	15,4	5,8	6,3	+ 7,4	+2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+8,07
Иностранн. поддани.	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	—1,52
Всего личным собственникам	85,9	100,0	91,5	100,0	— 5,6	—1,09

Итак, главные личные собственники в Р. дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877—1905 годов увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический механизм, который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в Р. состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поме-

мельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто 'за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т.-е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в Р. к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений	Владений	Земли десятина	В сред. на 1 владение дес.
10 дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10— 50 »	209.119	4.891.031	23,4
50— 500 »	106.065	17.326.495	163,3
500— 2.000 »	21.748	20.590.708	947
2.000—10.000 »	5.386	20.602.109	3.825
Свыше 10.000 »	699	20.798.504	29.754
<hr/>			
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
<hr/>			
Итого в Европ. Р.	752.881	85.834.073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего 6½ милл. десятин. Наоборот, латифундии имеются необъятные: семисот собственников владеют в среднем по тридцать тысяч десятин каждый. У этих семисот человек втрое больше

земли, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т.-е. в среднем по 2.227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного

землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года, несравненно хуже качеством, чем земли помещицы. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества наделных земель и лишь затем от худшей обработки и от прорех нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь выданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкrojены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за пштравы и пр. «Куренка некуда вышустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается

статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Евр. Р. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Евр. Р. — 280 милл. дес. — и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями различного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегаля несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство — владение от 15 до 20 дес. Третью — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) и капиталистическое землевладение, от 20 до 500 дес. Четвертую — крепостнические латифундии, — свыше 500 дес. Соединяя по этим группам и крестьянское, и помещичье землевладение вместе и производя небольшие округления*) и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века [см. табл. на ст. 189/90].

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем

*) Напр., к латифундиям добавлено сверх 62 милл. дес. помещичьих земель 5,1 милл. дес. удельных и 3,6 милл. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1.000 десятин.

Землевладение в Европейской Р. к концу XIX века

	Число владений (в миллионах)		На 1 владение дес.
	десятин	десятин	
а) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2.333
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений		50,0	
Итого	13,03	280,0	21,4

изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не может не быть приблизительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частных нельзя было контрабандой провести отрицания сути дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10¹/₂ миллионов дворов (около 50 милл. населения) с 75 милл. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутора ста

населения) с 70 милл. десятин земли.

Нам остается теперь, чтобы закончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно Р. и рассмотреть в общих чертах значение колонизации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Финляндии), воспользуемся данными г. Мертваго. Для наглядности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года.

	Всего земли.		В том числе.		В том числе угодия.				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч.	Десятин милл.	Земли, о к-ой нет никаких сведений, милл. д.	Земли на учете милл. дес.	Пашни.	Покоса.	Леса.	Итого.	Всего тыс.	На 1 кв. версту.
«Миллионы десятин.»										
10 губ. Царства Польского	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9.402,2	84,3
38 губ. на запад от Волги	1.755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и восток от Волги	2.474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Евр. Р.	4.230,5	441,0	—	441,0	123,3	26,7	168,5	318,5	93.442,9	22,1
Кавказ	411,7	42,9	22,1	20,8	6,5	2,2	2,5	11,2	9.289,4	22,6
Сибирь	10.966,1	1.142,6	639,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5.758,8	0,5
Среди. Азия	3.141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7.746,7	2,5
Итого Азиатская Р.	14.519,4	1.512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российск. империя	18.861,5	1.965,4	819,2	1.146,2	135,0	34,1	300,0	469,4	125.640,0	6,7

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах Р. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней Р. посредством переселения на окраины было бы верхом нелености. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Евр. Р. новым условиям жизни и хозяйства в той же Евр. Р., которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в Евр. Р., а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что наряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Евр. Р. вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий и на центр, и на окраины. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре Р. Иначе как аграрным переворотом в Евр. Р., иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

Г. Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в Р. земли, и как мы ею пользуемся?» М. 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Бер и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 году, что таврические степи *всегда* будут

принадлежать к беднейшим и неудобовоспелываемым по климату и недостатку в воде!». Тогда население Таврической губ. производило 1,8 милл. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 милл. четвертей, т.-е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре Р. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про *американский* рост юга Р. после 1861 года говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской Р., только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в Р. есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II.

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации

является соединением капиталистической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т.-е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на наделной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одина-

кова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т.-е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно *безземельного, бесхозяйного* работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальная» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины

к капитализму. Сущность отработков в том, что помещицы земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем исполщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь, необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледолия, — источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве» и т. д. (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. от хозяев». Спб. 1892) дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1883—1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем — говорит то же издание — 6 р. 19 коп. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 коп. (цит. изд., с. 45; «Развитие капитализма в Р.», с. 141). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же — 6 р. Как объяснить это явление, если оно предста-

вляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовщичество», «лихоимство» и т. п., описывают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 р. работу, которая стоит 10 р. 69 к.? Крестьянин *может* это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнонаемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария.

Вот еще однородные, но несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотью составляет 9,6 рублей при зимнем заподряде с выдачей вперед 80—100% заработной платы. При отработках за аренду пашни цена — 9,4 рубля. При вольном найме — 17½ рублей! Жатва и возка при отработках стоит 3,8 рубля за десятину, при вольном найме — 8½ рублей и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в Р. крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело обстоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве

соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Большая часть земли сдается в аренду крестьянам, исполно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве*). Тульская губ. (сведения относятся к 1897—1898 гг.): — «помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губерния:... «подесятинная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высоких цен..., привела к истощению почвы». Воронежская губ.:... средние и мелкие владельцы «в большинстве ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, стлечающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. Р. по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожая и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблицы: [см. ст. 198]

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губерниях, включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в I группе (капиталисти-

*) «Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича. Т. II. М. 1907, стр. 442—628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

	Число губерний			
	В черноземной	В нечерноземной	Всего	Всего посевов у частновладельцев (тыс. дес.)
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы	9	10	19	7.407
II. Губ. с преобл. смешан. системы	3	4	7	2.222
III. Губ. с преобл. отработочной системы	12	5	17	6.281
Всего	24	19	43	15.910

ческая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и использование является одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства»... В обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами исполного хозяйства». Скопщина является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши материалы, — пишет г. Кауфман (с. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых в аренду, старые, отжившие

свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения,—на землях экономической запашки многопольные севообороты. Исполщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, напр., одна латифундия Симбирской губернии: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес., пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на испольных землях 58—28—50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

Урожайность ржи в пудах десятины.

Почвенные разряды:	Частнозладельческие земли			
	Надельные земли	Эконом. посевы	Испольн.	Аренда.
I.	62	74	—	44
II.	55	63	49	—
III.	51	60	50	42
IV.	48	69	51	51

Для всех разряд. . 54*) 66 50 45*)

Итак, помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожай, чем наделные земли! Это—громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости Р., застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете понижения земледельца есть *отрабочная система*, т.-е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиора-

ции, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Навероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ: «на барина». Не только урожай с этих земель поднялись бы, если бы тот же, теперешний земледelec освободился от работы «на барина», но и урожай наделных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частнозладельческого хозяйства имеется, конечно, на-лицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Р. на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т.-е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отработочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производитель-

*) У г. Кауфмана, с. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

ность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений. Сельско-хозяйственных машин ввозилось в Р. из-за границы на 788 тыс. руб. в 1869—1872 годах, на 2,9 милл. руб. в 1873—1880 годах, на 4,2 милл. руб. в 1881—1888 годах, на 3,7 милл. руб. в 1889—1896 годах, на 15,2—20,6 милл. руб. в 1902—1903 годах. Производство с.-х. машин в Р. определялось (приблизительно, по довольно грубой статистике фабрик и заводов) в 2,3 милл. руб. в 1876 году, в 9,4 милл. руб. в 1894 году, в 12,1 милл. руб. в 1900—1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс этот чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример—Америка. По переписи 1 июня 1900 года в Соед. Штатах было земли под фермами 838,6 милл. акров, т.-е. около 324 милл. дес. Число ферм—5,7 милл., так что среднее на 1 ферму—146,2 акра (ок. 60 дес.). И вот, производство земледельческих орудий для этих фермеров равнялось *157,7 миллионам долларов* в 1900 году (в 1890 г.—145,3 милл. долл.; в 1880 г.—62,1 милл. долл.)*! Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии.

Сравнительное распространение улучшенных сельско-хозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом специальной анкеты, произведенной министерством земледелия в середине 90-х годов прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изло-

женных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Р а й о н ы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных с.-х. орудий	
	У владельцев	У крестьян
Центр. земледельч.	20—51	8—20
Средневолжский	18—66	14
Новороссийский	50—91	33—65
Белорусский	54—86	17—41
Приозерный	24—47	1—21
Подмосковный	22—51	10—26
Промышленный	4—8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42% у помещиков и 21% у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, с. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной Р. такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже—результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте земледельческой техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распространения травосеяния (Кауфман, с. 561). Вот главные выводы:

Г о д ы:	Посев кормовых трав у крестьян	в Евр. Р. у владельцев
1881 . . .	49,3 тыс. дес.	491,6 тыс. дес.
1901 . . .	499,0 » »	1.046,0 » »

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Евр. Р. в среднем за 18 лет (1883—1900) урожайность была следующая (в четвертях):

* «Abstract of the Twelfth Census». 1900. Third Edition. Washington, 1904, pages 217 and 302—agricultural implements.

	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес
У владельцев . . .	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян . . .	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница . . .	16,7%	13,0%	15,0%	17,6%

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень не велика» (с. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. *худшие земли*, но и то, что общие средние относительно всего крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический процесс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX века застает в Р. самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни.

III.

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в Р. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского хозяйства — не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего миросозерцания с национальными особенностями этого «уравнительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по общине (В. Орлов, Трирогов, Кейсслер, В. В.) первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразие русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались бы между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основных направления нашей общественной мысли — народническое и марксистское, — это вовсе не агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Возможно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы всесторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, часто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламента-

цию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как разбиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочими и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и беднотой, между улучшающими хозяйство и вводящими усовершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков — давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства Р. — перейти в 80-х годах прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских или наличных душ мужского пола, к единственно научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению Р. был особенно велик, даже такой «квартирный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип земско-статистического издания» (заглавие статьи г. В. В. в «Северном Вестнике» за 1885 г., № 11) и заявлял: «необходимо цифровые данные приурочивать не к такому агglomerату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравнительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей наделной земли в Евр. Р., как мы показали выше на точных данных,

далеко не уравнительное. Между рядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне распределение тоже не имеет ничего общего с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения наделной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задалась целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства. Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами приурочены к отдельным уездам) и затем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей Р. Материал заимствуем из «Развития капитализма», глава II.

В Красноуфимском уезде, Пермской губернии, в которой имеется исключительно общинное крестьянское землепользование, наделная земля распределяется следующим образом: [см. ст. 207]

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что многосемей-

	На один двор Душ об. п.	Надельн. земли дес.
Не обработ. земли	3,5	9,8
Обработ. до 5 дес.	4,5	12,9
» 5—10 »	5,4	17,4
» 10—20 »	6,7	21,3
» 20—50 »	7,9	28,8
» бол. 50 »	8,2	44,6
Всего	5,5	17,4

ность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до надельной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше надельной земли приходится на 1 душу населения. В низшей группе меньше 3 дес. надельной земли на 1 душу об. п.; в дальнейших группах около 3 десятины — три дес. — около 4-х — четыре — и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. надельной земли на 1 душу об. п. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность надельной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением надельной земли:

Группы дворов	Дворов	Проценты к итогу	
		Насе- ления об. п.	На- дель- ной земли
Не обработ. земли	10,2	6,5	5,7
Обработ. до 5 дес.	30,3	24,8	22,6
» 5—10 »	27,0	26,7	26,0
» 10—20 »	22,4	27,3	28,2
» 20—50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения надельной земли есть налицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и надельной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп — *больше*. И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей Р. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губерний самых различных местностей Р. Эти данные, охватывающие полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20% зажиточных дворов 26,1% — 30,3% населения и 29,0% — 36,7% надельной земли. У 50% беднейших дворов 36,6% — 44,7% населения и 33,0% — 37,7% надельной земли. Пропорциональность распределения надельной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом, было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов*, вся система переделов. Пусть эта система дает наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но неоспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над бедней-

шими сказывается и в распределении надельной земли. Распределение других, не надельных, земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Напр., в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т.-е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги. «Наниматель пользуется малейшей возможностью внести арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265).

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удается им лишь в той мере, в какой они рас-

полагают достаточными денежными суммами. Есть деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает двory разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду, Саратовской губернии, почти сплошь общинной (из 2.455 общин этой губернии 2.436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев:	%	Приходится на	
		1 надельный двор	десятины
Без рабоч. скота	26,4	5,4	0,3
С 1 голов. рабочего скота	20,3	6,5	1,6
» 2 » » »	14,6	8,5	3,5
» 3 » » »	9,3	10,1	5,6
» 4 » » »	8,3	12,5	7,4
» 5 и более » »	21,1	16,1	16,6
Всего	100,0	9,3	5,4

Распределение надельной земли уже знакомо нам: состоятельные двory лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается *в десятикратки раз* более неравномерное. В высшей группе втрое больше надельной земли, чем в низшей (16,1 против 5,4). Арендной же земли в высшей группе *в пятьдесят раз* больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, след., не выравнивает

различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник. — оц, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонадельные больше арендуют, чем многонадельные. На этом и останавливаются [не указывая], что арендуют землю преимущественно зажиточные дворы малонадельных общин, и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр., сам признает, что «большими арендами пользуются а) менее обеспеченные землей разряды, но б) более обеспеченные в них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример — г. Маресса (в книге «Влияние урожая и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В том, что если распределить дворы по числу работников муж. пола, то окажется, что дворы без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендующий двор, дворы с 1 работником по 4,4 дес.; с двумя — по 8,3 дес., с тремя — по 14,0 дес. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют дворы совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, напр., дворов с работником есть дворы, арендующие по 4 дес. и сеющие 5—10 дес. при 2—3 головах рабочего скота, и дворы, арендующие по 38 дес., сеющие более 50 дес. при 4 и более головах

рабочего скота. Таким образом, выведенная г. Марессом уравнительность *фиктивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20% богатейших дворов, несмотря на наибольшую обеспеченность их и надельной и купчей землей, концентрируют 66,3%, т.-е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6% ее на долю *половины* беднейших дворов.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и однолошадных, а с другой стороны, аренду 7—16 десятин у дворов четырех- и более лошадных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12—16 десятин надельной земли и арендующий *сверх того* по 7—16 десятин, явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать денег». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько общее явление — эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днепровском уезде Таврической губернии дворы, сеющие 25 и более дес., составляют 18,2% общего числа. Они имеют надельной земли по 16—17 дес. на двор и арендуют по 17—

44 десятины. В Новоузенском уезде, Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов раб. скота, составляют 24,7% общего числа. Они сеют по 25—53—149 дес. на двор, арендуя внеадельной земли по 14—54—342 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5—10 голов раб. скота, 17,1% дворов; вторая—10—20 гол., 5,8% дворов; третья—20 и более голов, 1,8% дворов). Надельной земли они арендуют в других обществах по 12—29—67 дес., и в своем обществе по 9—21—74 дес. В Красноуфимском уезде, Пермской губернии обрабатывают 20 дес. и более 10,1% всего числа дворов. Они имеют по 28—44 дес. надельной земли на двор и арендуют по 14—40 дес. пашни и 118—261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадьми составляют 7,2% общего числа. Имея по 15,2 дес. надельной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 28,4 дес. В Задонском уезде Воронежской губ. соответственные цифры: 3,2% дворов по 17,1 дес. надельной земли и по 33,2 дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский и Васильский) 9,5 дворов с 3 и более лошадьми. У них по 13—16 дес. надельной земли на двор, а всего землепользования по 21—34 дес.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего

крестьянского хозяйства: необходимо изучать конкретные данные о развитии крепостнических черт в аренде и об образовании в ней же капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и надельной земли сконцентрировывают 20% наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8% до 83,7% всей арендуемой крестьянством земли, оставляя на долю 50% дворов низших групп от 5% до 16% всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в Р., продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отработочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендуемых дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабада. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени прикрашивают эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому уезду Таврической губернии, где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства: [см. ст. 215]

Таким образом, «средняя» цена аренды—4 руб. 23 коп. за десятину—прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое

	Процент арен- дующих дворов	Дес. пашни на 1 аренд. двор	Цена 1 дес. в руб.
У сечю. до 5 дес. . .	.25	2,45	15,25
» » 5—10 » . .	.42	3,9	12,00
» » 10—25 » . .	.69	8,5	4,75
» » 25—50 » . .	.88	20,0	3,75
» » свыше 50 » . .	.91	48,6	3,55
Всего56,2	12,4	4,23

выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом» и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышем в 275%. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения надельной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатым уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общиннических» взглядов можно себе представить, чем этот факт *обхода* жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи надельной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи надельных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х годов прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой надельной земли

кажутся небольшими. Напр., в Днепропетровском уезде, Таврической губернии сдают надельную землю 25,7% домохозяев; процент сдаваемой надельной земли — 14,9%. В Новоузенском уезде, Самарской губернии сдают землю 12% дворов. В Камышинском уезде, Саратовской губ. процент сдаваемой земли = 16%. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. сдают надельную пашню 8½ тысяч хозяев из 23½, т.-е. более трети. Сдается 50½ тыс. дес. надельной земли из 410 тыс., т.-е. около 12%. В Задонском уезде, Воронежской губ. сдается 6½ тыс. дес. надельной земли из 136½ тыс., т.-е. менее 5%. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т.-е. тоже менее 5%. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо противоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20% наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3% до 12,5% всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50% дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3% до 98,0%. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь до зареза в деньгах. Богатые

сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуют землей.

Вот конкретные данные по Днепровскому уезду, Таврической губернии:

	Проценты	
	Домохозяев, сдающих наделную землю	Сдаваемой наделной земли
Не селющие	80	97,1
Селющие до 5 дес.	30	38,4
» 5—10 »	23	17,2
» 10—25 »	16	8,1
» 25—50 »	7	2,9
» свыше 50 дес.	7	13,8
По уезду	25,7	14,9

Разве не ясно из этих данных, что забрасывание земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землей ничтожной кучки богачей? Разве не характерно, что процент сдаваемой наделной земли повышается как раз у тех крупных посевищиков, которые имеют по 17 дес. наделной земли на двор, по 30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т.-е. 40% дворов, имея 56 тыс. дес. наделной земли, арендует 8 тыс., сдает $21\frac{1}{2}$ тыс. дес. А зажиточная группа, имея 18,4% дворов, при 62 тыс. дес. наделной земли, сдает 3 тыс. дес. наделной земли и арендует 82 тыс. дес. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. наделной земли, т.-е. три пятых всей сдаваемой наделной земли! В Новоузенском уезде, Самарской губ., 47% безлошадных дворов и 13% однолошадных сдают наделную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т.-е. всего 7,6% общего числа дворов, арендуют наделной земли по 20—30—60—70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепост-

нические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т.-е. бывает способом привязывания к помещицкому хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность наделными крестьянами представляет из себя чисто буржуазное явление. На западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в Р. аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде великой реформы 1861 года, и теперь покупка земли крестьянами выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 года покупка земли крестьянами, мы сказали выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках меньшинства. У 20% зажиточных дворов сосредоточено от 59,7% до 99% купчей земли; у 50% беднейших дворов — от 0,4% до 15,4% всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из $7\frac{1}{2}$ милл. десятин земли, которую приобрели крестьяне в личную собственность с 1867 по 1905 год (см. выше), от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 году крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес., а в 1905 г. уже 3,7 милл. дес., а крестьянские товарищества в 1905 году имели 7,6 милл. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материико-

вым уездам Таврической губернии были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны *обществами* крестьян, при чем оказалось, что 76% арендованной земли находится в руках зажиточной группы (ок. 20% дворов), а 40% беднейших дворов имеют лишь 4% всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV.

Сумма приведенных выше данных о надельной, арендной, купчей и сдаваемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что *действительное землепользование* крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному земле владению крестьянства. Конечно, если взять валовые цифры или «средние» величины, то сдача надельной земли погасится арендой, оставшая аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно различается от казенного, т.-е. от надельного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее отстывает от первоначальной уравнительности надельной земли *именно в крайних группах*, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, — а иногда и абсолютно, — меньшим по сравнению с надельным землевладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с надельным землевладением в силу концентрации купчей

и арендованной земли. У 50% дворов беднейших групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37% надельной земли; всего же землепользования только 18,6% — 31,9%. Уменьшение оказывается в некоторых случаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде, Пермской губернии 37,4% надельной земли и 19,2% всего землепользования. У 20% зажиточных дворов 29 — 36% надельной земли, всего же землепользования 34 — 49%. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепропетровском уезде, Таврической губернии 40% беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес., т.-е. *меньше* на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18% дворов) имеет 62 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес., т.-е. на 105 тыс. дес. больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

На 1 двор приходится десятин земли надельн., всего землепольз.

Безлошадные	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,3
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и бол.	16,4	34,6
<hr/>		
Всего	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т.-е. безлошадные, обнимает целых 30% дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37% дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 дес.) Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании уменьшилась: у нее было 36,6% надельной земли по всем трем

уездам, а стало 34,1% общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3% дворов) увеличили землевладение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3% дворов) — более чем вдвое, с 16 дес. до 35 дес.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли надельной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль надельной земли падает, потому что растущая нужда и разорение заставляют сдавать ее, бросать землю, уменьшать земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств, и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, — голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства надельная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новым, не тягловом, а свободном, не иконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от надельной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример — Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на надельной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности Р. самое обеспеченное надельной землей зажиточное крестьянство (16—17 дес. надельной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства

с надельной земли на *вненадельную*.

Факт уменьшения роли надельной земли в обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX-му и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала безусловной экономической необходимостью*. Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей. Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-стольпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладения и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли надельной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории Р. Достаточно указать на выкуп — это прямое продолжение средневекового оброка, эту далькрепостникам-помещикам, взскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов*. Средний валовой доход крестьянской семьи (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к.,

валовой расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 коп. Таким образом, подати и повинности составляют 70% чистого дохода. Конечно, это только по форме подати, а на деле это — прежняя крепостническая эксплуатация «*тяглового сословия*». Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 коп., т.-е. «подати» с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, — это по данным 1889, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т.-е. *у трех пятых* всего числа крестьянских семей в Р.) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

	Бюджетные данные (на 1 хозяйство руд)			
	Валовой доход	Расход	Подати и повинности	Тоже в % к расходу
а) Безлошадные	118,10	109,03	15,47	14,19
б) с 1 лош. . .	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 » . . .	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 » . . .	752,19	632,86	49,55	7,83
д) » 4 » . . .	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и бол. .	1.766,79	1.593,77	86,34	5,42

В среднем . 491,44 443,00 34,35 7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности

податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое-вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делают по земле. Доля податей и доля надельной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 десятину надельной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 руб.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим приблизительно равномерное распределение податей. Доля надельной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяглого характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещику не могли бы обеспечить себе на полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голлодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что *в конце XIX века* в Р. вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от надельной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т.-е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге: «Бабыя сторона» (Кострома, 1891 г.), говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии»,

вышедшем в 1896 году, встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто-земледельческих губерниях такой «власти земли» мы не встретим. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль наделной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по наделной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (надельные, помещичьи и т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX-ому, как безусловно обязательную задачу, закончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки, как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение наделной земли. Вот, например, размер скотоводства у крестьян Днепровского уезда, Таврической губернии [см. ст. 226].

Различие между крайними группами по количеству скота *вдесятеро* больше, чем по количеству наделной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о ското-

Приходится на один двор
надельн. всего скота
земли дес. гол.

Не сходящие	6,4	1,1
Сходящие до 5 десятин	5,5	2,4
» 5 — 10 десятин	8,7	4,2
» 10 — 25 »	12,5	7,3
» 25 — 50 »	16,6	13,9
» свыше 50 »	17,4	30,0
<hr/>		
В среднем	11,2	7,6

водстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничиваются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение наделной земли. У 20% зажиточных дворов при 29—36% наделной земли сосредоточено от 37% до 57% всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50% дворов низших групп остается от 14% до 30% всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. На-ряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобрести и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губернии показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т.-е. *трех пятых* всего числа крестьянских хозяйств в Р. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян [см. ст. 227].

Безлошадных крестьян в Европейской Р. в 1896—1900 году было 3 $\frac{1}{4}$ миллиона дворов. Можно себе

	На 1 хозяй- ство всего скота в перевод на крупн. гол.	Средний размер рас- хода в год (руб.)	
		На пополне- ние и ре- монт инвен- таря и скота	На корм скота
а) безлошадные	0,8	0,08	8,12
б) с 1 лошадыю	2,6	5,36	36,70
в) » 2 »	4,9	8,73	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и бол.	19,3	75,80	510,07
В среднем . . .	5,8	13,14	97,91

предоставить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3\frac{1}{3}$ миллиона дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2\frac{1}{2}$ милл. дворов) и трехлошадных (1 милл. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 руб. в год. Только в двух высших группах (по всей Р. таких крестьянских хозяйств 1 милл. из 11 милл. крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 руб., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100%. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, Спб. 1908) я показал, что исследования Дрекслера в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат. Средний вес средней

штуки скота составлял в крупных имениях 619 килограммов (1884 г., цит. соч., с. 259), в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более гектаров, — 427 кг., в хозяйствах с $7\frac{1}{2}$ —25 гект. — 382; с $2\frac{1}{3}$ — $7\frac{1}{2}$ гект. — 352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до $2\frac{1}{2}$ гектаров, — 301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей Р. свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и все исследование, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным выводам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь пообщинными данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подворном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

	Процент хозяйств, вообще вывозящих навоз	Вывозилось ли навоза во дворах (вывозящий)
Обраб. до 5 десятин . . .	33,9	80
» 5—10 » . . .	66,2	116
» 10—20 » . . .	70,3	197
» 20—50 » . . .	76,9	358
» свыше 50 » . . .	84,3	732
В среднем	51,7	176

Тут мы видим уже различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, об-

ратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пуд. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888—1891 годах в 48 губерниях Евр. Р. было 2,8 миллиона дворов безлошадных из всего числа 10,1 милл., т.-е. 27,3%. Приблизительно через 9—10 лет, в 1896—1900 г.г., из 11,1 милл. дворов было 3,2 милл. безлошадных, т.-е. 29,2%. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 г. («Вестник Европы», 1884 г., № 7), сопоставляя количество десятин пашни, приходящееся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве — нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5—8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агрономией 7—10 дес. «Следовательно, — умозаключил г. В. В., — на обезлошадение части населения этой области Р. (центральной черноземной полосы) нужно смотреть до известной степени, как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего

скота и площадью, подлежащей обработке». На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстанавливается» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ миллиона лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершенствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стоят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 года в этом направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

	На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий	
	2 уезда Ор- ловской губ.	1 уезд Воро- нежской губ.
Безлошадные	0,1	—
С 1 лошадью	0,2	0,06
» 2—3 лошадьми	3,5	1,6
» 4 и бол. »	36,0	23,0
В среднем	2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде, Самарской губернии всего 13% хозяйств имеют улучшенные орудия, при чем этот процент повышается до 40% в группе с 5—20 шт. раб. скота и до 62% в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20—50 дес., приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес., даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20% зажиточных дворов имеют от 70% до 86% всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50% дворов бедноты от 1,3% до 3,6%. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошад-

ные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V.

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно выталкиваются из числа хозяев. Выталкиваются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для отработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабатный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или поденщик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося.

Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9% в Днепровском уезде, Таврической губ., 9% в Новоузенском уезде, Самарской губернии, 12,7% в Камышинском уезде, Саратовской губ., 10,6% в Красноуфимском уезде, Пермской губ., 3,5% в 2-х уездах Орловской губ., 3,8% в 1 уезде Воронежской губ., 2,6% в 3-х уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет

ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос в том, складывается ли здесь особый тип хозяйств, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т.-е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число ра- ботч. муж. п. на 1 двор	Прог. хозяйств, наним. рабочих			
		Сро- ковых	На косыбу	На жатву	На мо- лодьбу
По обраб. земли	.0,6	0,15	0,6	—	—
Обраб. до 5 дес.	.1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
» 5—10 »	.1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
» 10—20 »	.1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
» 20—50 »	.1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
» выше 50 »	.2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
В среднем	.1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3% дворов) большинство дворов нанимает рабочих, то в группе обрабатывающей 10—20 дес. (22,4%), *свыше двух пятых* всего числа дворов нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не мо-

гло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поуездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т.-е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20% зажиточных дворов приходится от 48% до 78% общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», при чем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельско-хозяйственных промышленников», например, попадут наряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (напр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне его оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина;

на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие с действительностью. Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство *хозяев-промышленников* все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду, Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов». Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней мере, то указание, что из 14.063 «промышленников» этого рода 13.297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

	Процент работников муж. пола, занятых землед. пром.
Без рабочего скота	71,4
С 1 гол. рабочего скота	48,7
» 2—3 » »	20,4
» 4 » » »	8,5
» 5—10 » » »	5,0
» 10—20 » » »	3,9
» 20 и бол. » »	2,0
По уезду	25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных почти половина. По Красноуфимскому уезду, Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2%, а из числа необрабатываемых земли 52,3% «промышленников», из обрабатываемых до 5 дес. — 26,4%. По другим уездам, где не

выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «заработки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50% дворов низших групп приходится от 60% до 93% всего числа дворов с заработками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) с *наделом*. Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 года во всей Р., и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном уровне этих групп. На этом троюм доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей Р. имеются только относительно отхожих рабочих без точного различия земледельческих и неземледельческих. Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 года числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статистическое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1868 году паспортный доход составлял 2,1 милл. руб., в 1884 году — 3,3 миллиона, в 1894 году — 4,5 милл. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Евр. Р. было 4,7 миллиона в 1884 году и 7,8—9,3 милл. в 1897—

1898 г.г. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам,—напр., расчету г. Уварова, который свел данные земской статистики, большей частью устаревшие, по 126 уездам 20 губерний и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 милл. чел. Г. С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 милл. чел.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая—она, «громчайшее большинство»—промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма», что данные и исследования 60-х, 80-х и 90-х годов вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громачайшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Евр. Р. в 1898 году:

Группы губерний	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода	3.369.597
2) 12 губерний переходных	1.674.231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2.765.762
Всего по 50 губерниям	7.809.590

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллионов неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 миллионов земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г-на Руднева, который в 1894 году свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил прибли-

зительное число сельско-хозяйственных наемных рабочих в $3\frac{1}{2}$ милл. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х годов, и местных и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х годов одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в земледелии, которое мы проследили на помещицком и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещицком хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского инвентаря ставится помещицкий; на место старого трехполья новые технические приемы, связанные с переменою орудий; кабальный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской Р., в котором всего более развилось после реформы употребление машин,—всего более распространено и употребление наемной рабочей силы припых рабочих. Этот район—южные и восточные окраины Евр. Р. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881—1891 г.г.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в Р. в гу-

берниях: Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) — 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район — губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 руб. 80 коп., сроковому 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т.-е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 коп. — в полтора раза меньше чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый — 35 р. 64 к., на 20 руб. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше 1½ миллиона человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг, частью, как увидим ниже, и в промышленные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промышленными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом

более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения; нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда — бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемые отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д. и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г. Тезяков, описавший условия жизни и труда сельско-хозяйственных рабочих в Херсонской губернии, указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500—1.000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40.000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20—30 тысяч, в 1890 году было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 году уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 году уже 1,69%.

Собирая рабочих со всех концов Р., капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурабочих, — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16—20 лет) — и полурабочих «малой помощи» (дети 8—14 лет).

Никакого следа старых, так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно-русского» типа исчезает, уступая место понедельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антигигиеничные условия труда создали попытки общественного контроля за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии» в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от 12¹/₂ до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычным явлением. Развилась профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «прелести» чисто-капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в Р. конца XIX века наряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в Р. сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации.

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронеж-

ские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 руб. 10 коп., в том числе от земледелия 57 руб. 11 коп., от «промыслов» 59 руб. 4 коп. Эта последняя сумма составляется из 36 руб. 75 коп. дохода от «личных промыслов» и 22 руб. 29 коп. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли!* У однолошадного крестьянина валовой доход 178 руб. 12 коп., в том числе 127 руб. 69 коп. от земледелия и 49 руб. 22 коп. от промыслов (35 руб. — личные промыслы, 6 руб. извоз, 2 руб. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 руб. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 руб. 37 коп. от земледелия против 49 руб. 22 коп. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в Р. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губернии средняя плата годовому батраку (за десятилетие 1881—1891 г.г.) 57 руб., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного *78 руб. в год* при семье в 4 души, у однолошадного 98 руб. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами*.

VI.

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Европей-

ской Р., позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма» я свел эти данные по 48 губерниям Евр. Р. за периоды 1888—1891 и 1896—1900 годов. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

	Число крестьянских дворов (миллионов)			
	В 1888—1891 гг.		В 1896—1900 гг.	
	Всего	%	Всего	%
Безлошадные	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадыо	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и бол. лош.	1,1	11,4	1,0	9,1
Всего . .	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о расгущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 миллионов голов до 16,87 милл., т.-е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888—1891 г.г. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896—1900 гг. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать тот вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит; всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение групп внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888—1891 г.г. половина дворов низших групп имела 23,7% общего числа лошадей, и в 1896—1900 г.г. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела

в первый период 52,6% всего числа лошадей, во второй — 53,2%. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 года дал себя знать самым серьезным образом, но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, например, что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи со всей совокупностью данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общее между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают действительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для иллюстрации всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводить только отсюда какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной

капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма, или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в Р. является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в Р. является признание типа этого хозяйства мелко-буржуазным. И споры экономистов марксистского лагеря с экономистами-народниками, прежде всего, шли (и должны идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью этого вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного вопроса, заведенные XIX веком XX-ому, было бы

предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут выиграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах Р. детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелко-буржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на надельной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, — это положение вызвало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д. — все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития Р. *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнительность надельной земли, несмотря на переделы

и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика, как мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соболезновения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в Р. Предыдущее изложение включало в себя, как предпосылку, тот общезвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать, во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рышка:

	Какой процент составляют денежные расход и доход у крестьянина ко всему расходу и доходу?	
	%	%
Безлошадные	57,1	54,6
С 1 лошадию	46,5	41,4
» 2 »	43,6	45,7
» 3 »	41,5	42,3
» 4 »	45,4	40,8
» 5 и более	60,2	59,2
В среднем	49,1	47,5

Таким образом даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс, который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной, стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» Дальнего Запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чи-

сто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства, и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для степного посева, для огорода, для табаководства, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, например) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяйства, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно, в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное; но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представления о развитии капитализма в земледелии и легко впасть в ошибку упрощения. Всю сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие в силу его особенностей не подчиняется законам капиталистического развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так, но тем не менее везде и во всех странах идет неудержимо процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны

и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в Р. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Заволжье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864—1866 годах эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883—1887 годах эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов — вот что всего более характерно для этого района в пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная — все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «пшеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе — в промышленном и в частности подстоличном — о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилом является число коров (молочное хозяйство). Изменение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной Р. Г. Благовещенский по итогам земской статистики считал в среднем

по 1,2 коровы на двор; в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губерний имеем по 1,6, а в одной Петербургской — по 1,8 на двор. И торговый капитал, и капитал, вкладываемый в производство, оперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих зажиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь в совершенно иной форме, при агрикультурных условиях, непохожих на чисто-земледельческие.

А если взять специальные культуры, — напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокурение, свекло-сахарное, маслобойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой, оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно

думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII.

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в Р. к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шанин в брошюре: «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна, 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его — необходимость поднятия техники земледелия, вероятно низкой в Р., необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в Р. Как ни медленно прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметавшиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудолическое) решение *снизу* путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения

по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базируется на этом прогрессе на ускорении процесса вытеснения крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже наделных земель* (припомните приведенные выше данные: с наделных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре, и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т.-е. совершенно уничтожить (и при том без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранять помехи подыгнанию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, — не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т.-е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства Р. являются пережитки крепостничества, т.-е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения Р. от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку оно ведется не отработками, не кабалой наделного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни вопреки официальной уравнил но-

сти наделного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты. Рост торгового земледелия идет в Р. непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превращения в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимо для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в Р. до сих пор и помещичье землевладение, и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и наделных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под обработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представители крестьянства в период 1905—1907 годов. Уничтожение частной собственности на землю несколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с ура-

внительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение несколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещичью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее, как программу; такую защиту я дал в названной выше работе).

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении наделной земли. Мы видели, что наделная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богачеев. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли беднотой и концентрации аренды в руках богачеев. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть налицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплось да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация — самая после-

довательная буржуазная мера, как давно показал Маркс), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; условные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты, точно в гетто, в надельном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении до чиста, уничтожает все искусственные перегородки на земле, делает землю действительно свободной — для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т.-е. 3¼ миллионов дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать надельную землю. Земля становится свободной — для хозяина, для того, кто действительно хочет и может обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительное историческое значение национализации в Р., как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богатыми и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработка и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в незначительной степени обеспечи-

вает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, исполщины, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т.-е. сохранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной Р. соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде *Gesindeordnung* и т. п. От этого социального и политического господства юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 года, и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земля раздавалась в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне ка-

питалистической основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в Р. после 1861 года. Несомненно прогресс помещичьего хозяйства, при чем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, напр., есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля *сильнее* втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это — так сказать, лэндлордизм без лэндлорда. А что

значит лэндлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе в виду важности вопроса повторить его здесь еще раз.

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 2 Theil, Stuttgart, 1905, S. 6—7) Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — противоречие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде на свете». В этом отношении Англия — «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные порядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены самые эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельско-хозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, — продолжает Маркс, — экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан

исторические распоряжки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates» («чистка земель») не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это clearing of estates? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли; ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные поля в выгон для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. «Какой-нибудь померанский помещик» (Маркс имеет в виду Родбергуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что старородовские общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе вслескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась совершенная собственность на землю, т.-е. собственность на землю, *неизменная* капиталистическим производством. Английская теория (т.-е. теория ренты Рикардо) является

в этом пункте классической для современного, т.-е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в Р., но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решил еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в Р. в настоящее время. Мы видели, что 10¹/₂ миллионам крестьянских дворов с 75 миллионами десятин земли противостоят 30.000 владельцев латифундий с 70 миллионами десятин. Один из возможных исходов борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионов дворов почти удвоится, землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в Р. к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? С точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое надельное и средневековое помещичье землевладения были бы перетасованы заново. Старина была бы сметена дотла. В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и объявленный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно

подтверждаемого и русскими данными, и западноевропейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, а *перетасовка землевладения осталась бы как единственный прочный результат*. Велико ли значение *такого* результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в Р. и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники?—возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно, и т. д.? Да, это показано, и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все* эти различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в *урожайности*. А мы видели, что урожай с помещичьих земель, *находящихся в исполнительной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожая на надельной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и крестьянского хозяйства в Р.! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «поскольку» к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими староредовскими орудиями, способами и т. д. кабалный крестьянин, *поскольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с *испольных и арендованных*

земель (теперь этот урожай — см. цифры выше — 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на надельной земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с надельных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с надельных земель поднялся бы как следствием освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что надельные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями, одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т. е. —) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к *чрезвычайному* раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 миллионах десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают* на *меньшей* площади, чем 280 млн. дес.! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли осно-

вание думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечаю на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губернии) г. Чижевского. В заседании 24 мая 1906 года он говорил: «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили на-пример, такой расчет: «Если бы мы были немного богаче, и если бы каждая наша семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар,—в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы

несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» (Стенографические отчеты, стр. 622).

Это — чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверно, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о «мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утопией*. Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев; и само собою понятно, что не только свекло-сахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железодельная, машиностроительная, строительная вообще и проч. и проч., получали бы громадный толчок, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» ни от какого аграрного преобразования, ни от каких перемен в землевладении, ни от какого «наделения землей». Эти миллионы дворов (да и не малая часть одношальных) *маются*, как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы*. Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных

в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою наделную и барскую землю, это — действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле наследственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идуций медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Р. вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

Аграрный вопрос в Р. к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

1 июля нов. ст. 1908 г.

В. Ленин.

VII. История рабочего класса в Р.

1. Предистория рабочего класса. Вопрос о рабочей силе, как социально-экономическая проблема, встает с возникновением мануфактуры (см.), т.-е. в Р. приблизительно со второй половины XVII в. Для ремесла, город-

ского и сельского, такого вопроса не существует, так как оно нуждается в крайне ограниченном числе работников, которыми и обеспечивается чрез ученичество и привлечение к работе членов семьи. Мануфактура, сосредоточивала ли она рабочую силу в одном месте или эксплуатировала рассеянных по деревням мелких производителей, впервые предъявляет более или менее массовый спрос на рабочих. Если на Западе мануфактура, как начальная стадия капиталистической эры, «открывается там, где давно уничтожено крепостное право» (Маркс), то в Р. мануфактура стала возникать в условиях крепостного порядка, черты которого она воспринимала, одновременно его разлагая. Первоначально государственные и частные мануфактуры в большей мере пользовались вольнонаемным трудом, которого им требовалось не много, но скоро перешли к широкой эксплуатации труда принудительно, и не столько всегда по недостатку вольнонаемной рабочей силы, которую поставляли разные слои экспроприруемого крестьянства, сколько по естественному стремлению торгового капитала использовать обычные методы феодальной эксплуатации. В распоряжении государства, монастырей и феодалов-помещиков были зависимые от них крестьяне; что касается частных предпринимателей из иностранцев и купцов, то, так как феодальный порядок не признавал за ними права владеть крепостными, для них право пользования принудительным трудом должно было быть оформлено иначе, без прямого нарушения интересов господствующего класса. Форма эта была найдена в том, что иностранцы, а вскоре и русские предприниматели, в порядке привилегий, наряду с землями, заводскими строениями и пр., наделались крестьянами, приписанными к предприятию (см. XXV, 563/64, прил. 17 сл.), при чем

считалось, хотя не всегда обязательно исполнялось, что «к партикулярным заводам деревни приписываются на время, а не вечно». За купцами, в частности, право пользования крепостными вообще сперва отрицалось, пока они «кроме купечества к пользе государственной никаких заводов не имели»; когда же «купецкие люди компаниями и особливо многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные мануфактуры и фабрики», то указом 1721 г. им было разрешено покупать крестьян на праве ограниченной собственности — купленные ими крестьяне прикреплялись к предприятию, отдельно от которого не могли продаваться (т. н. *посессионные* крестьяне, см. ХХV, 563/64, прил. 17 сл.). Отличие приписных от *посессионных* состояло в том, что они оставались государственными и могли так же быть отписаны, как приписаны; *посессионные* же были собственностью купца и могли быть от него отняты лишь в тех случаях, когда он нарушал обязанности *посессора*. Формально-правовое положение обоих этих разрядов крестьян не определяло, конечно, их фактического положения, которое, если и отличалось от положения прочих крепостных, то в худшую сторону. Они жили под двойным гнетом — крепостной зависимости и той жесточайшей эксплуатации в порядке подчинения «власти и дисциплине» предпринимателя (Маркс), которое так свойственно мануфактуре, в том числе крепостной. Поэтому, в особенности на всем протяжении XVIII в. и первой половины XIX в., не прекращаются их волнения, нашедшие наиболее яркое выражение в активном участии горнозаводских рабочих Урала в пугачевщине (см.).

Право купечества покупать крестьян то отменялось, то восстанавливалось (отменено в 1762 г., восстановлено в 1798 г., снова отменено в 1816 г.),

что указывало не только на борьбу между дворянством и купечеством, но и на то, что купцы-предприниматели могли обходиться вольнонаемным трудом. Так оно и было в действительности, и с течением времени применение вольнонаемного труда все возрастало. Таких вольнонаемных работников поставлял, конечно, рынок: это были выбитые из строя ремесленники, обедневшие из городских мещан, купцов, духовенства и т. п., а также в еще большей степени оброчные крестьяне, отпускаявшиеся на заработки; такой оброчный, будучи крепко тому, кому он принадлежал, по отношению к нанимателю был как бы свободен вступать в договор найма. Конечно, свобода эта была очень условна (помещик мог отозвать своего крепостного, оброк поглощал значительную часть его заработка и т. д.), но все же и такого рода вольнонаемный труд пробивал изрядную брешь в системе феодальной эксплуатации.

Таким образом, в XVIII в. сложились и до падения крепостного права сохранились следующие основные разряды «фабрично-заводских» работников: 1) работники вотчинно-дворянских мануфактур из крепостных той же вотчины, 2) приписные, 3) *посессионные* и 4) вольнонаемные. Хотя все эти разряды работников по времени предшествовали образованию пролетариата капиталистической эпохи (см. *рабочий класс*, ХХХIV, 361), а часть из них влилась в его ряды, но не каждый из них генетически является его предшественником. И Маркс и Энгельс много раз указывали, что ряды предпролетариата заполнялись рабочими, стоявшими «совершенно вне всяких цеховых отношений» (Маркс), теми слоями, которые находились «вне общины, феодальной зависимости и вне цехового союза», деклассированными «отверженцами феодального и

цехового общества» (Энгельс). Лишь в меру того, как рвались феодально-классовые связи и одни выбрасывались из деревни, а другие оказывались вне цеха, складывался «самый низший» слой феодального общества, обреченный на продажу рабочей силы, этот «предпролетариат», чтобы стать пролетариатом при господстве капиталистических отношений: в условиях феодального порядка этот слой был уже лишен средств производства и был свободен «как птица». В Р. в этом смысле значение могли иметь крепостнические связи, но не цеховые, которые были ничтожны, так что элементы предпролетариата могли складываться только там, где рвалась крепостная зависимость и где наемный рабочий, будучи в той или иной степени лишен средств производства, мог более или менее «свободно» собою располагать. И если капиталистическая фабрика развилась «из купеческого заведения» (Ленин), работавшего вольнонаемным трудом, а не из мануфактуры, основанной на крепостном труде, то и предпролетариат формировался не в среде крепостных работников, которые «вовсе не были фабричными рабочими в точном значении этого термина,—это были зависимые крестьяне, работавшие на помещиков» (Ленин),—а в среде вольнонаемных и, прежде всего, тех из них, которые не были крепостными, в «плебейских» низах свободного населения, а в среде оброчных—лишь постольку, поскольку постоянной фабричной работой (и это имело уже место) они фактически так же «откупались» от крепостной работы, как покупали себе свободу те из крепостных, которые выходили в фабриканты. В «купеческом заведении», из которого развилась капиталистическая фабрика, зарождались капиталистические отношения между трудом и капиталом, формировались ряды предпролетариата, которым все

больше вытеснялся принудительный труд. Процесс этот совершался в первые десятилетия XIX в. так быстро, что еще за четверть века до падения крепостного права (в 1835 г.) издан был закон «об отношениях между хозяевами фабричных заведений и наемными работниками», лишавший помещика права отзываться работника до истечения срока паспорта его, а рабочего оставлять работу до окончания срока найма. Новые отношения настолько развились, что требовали, в интересах фабриканта, правового оформления, как одновременно оформлялось и разложение посессионной фабрики. После неоднократных домогательств со стороны фабрикантов правительство уже с середины 30-х гг. приступает к ликвидации посессионного права—купеческая мануфактура не нуждалась больше ни в какой мере в принудительном труде, так как располагала достаточными кадрами вольнонаемных работников.

2. *Первый этап рабочего движения (1861—1883)*. Возникшая в недрах феодального порядка капиталистическая фабрика, в результате предшествующего развития, завершонного реформой 1861 г., получила, таким образом, кадры рабочих, отрываемых от земли и юридически свободных. Вчерашний оброчный, работавший на фабрике по вольному найму, сбрасывал скорлупу крепостничества и становился «свободным» рабочим. В то же время первоначальное накопление, сдавленное феодальными отношениями, пошло теперь новыми капиталистическими путями, сопровождаясь массовым обезземелением крестьянства. Процесс расчленения деревни и крестьянской экспроприации развивался все быстрее по мере вовлечения крестьян в товарно-денежные отношения, кулацкого закабаления бедноты, ее обнищания. В города, на фабрики и заводы, в шахты и рудники, на строительные и землекопные ра-

боты стали тянуться бесконечные вереницы обездоленного крестьянского люда. Образовались районы отхода (см. *промыслы отхожие*, XXXIII, 555/56), поставляющие рабочую силу «своим» промышленным районам: Курская и Орловская губ. — шахтеров Донбасса, Калужская — землекопов, Пензенская — бурлаков, Владимирская — плотников; крестьяне губерний, раньше не знавших фабричной работы (Смоленская, Рязанская, Калужская и др.), стали поставлять рабочих для отдаленных фабрик и заводов. Уже в середине 70-х гг. отход на неземледельческие промыслы охватывал не меньше 1½ млн. человек, в середине 80-х гг. — не меньше 4½ млн., а 90-х гг. — до 6 млн. Это «великое переселение» рабочего люда приводило к тому, что во многих промышленных районах число пришлых рабочих на много превосходило число местных (в Московской губ., напр., в 1880 г. пришлые составляли почти ¾ всего состава рабочих). С другой стороны, если отдаленные фабрики привлекали массами пришлых рабочих, то каждая фабрика, возникавшая в особенности в сельских местностях, быстро стягивала к себе местную рабочую силу, экспроприруя кустарей и вовлекая в фабричную работу беднейшее крестьянство. В общем, процесс этот приводил к отрыву рабочих от деревни и земли с образованием многочисленных кадров постоянных рабочих, окончательно оседавших на фабриках и не знавших никаких других источников существования и других интересов, кроме фабричных. Этому процессу в особенности содействовало внедрение машинного производства, требующего непрерывной работы и постоянного служения рабочего машине, как «завершение его (рабочего) зависимости от фабрики в целом, следовательно от капиталиста» (Маркс). Обследова-

ние фабрик Московской губ. в начале 80-х гг. показало, что механическое фабричное производство неизменно отрывает рабочих от земли и при том не только пришлых, но больше всего местных, которые, казалось бы, могли легче сохранить связь с землей. Насколько быстро шел этот процесс, показывает то же обследование фабрик Московской губ., где в начале 80-х гг. из взрослых рабочих круглый год работало 86%. Приблизительно такой же процент (81—85%) дало обследование фабричной инспекции в 1886—1893 гг. (при наибольшем — 89% для петербургского округа), т.-е. не менее ⅔ всего числа фабричных рабочих еще до промышленного подъема 90-х гг. были оторваны от земли и составляли контингент постоянных рабочих.

Этот процесс окончательного отделения промышленности от земледелия и вместе с тем образования рабочего класса протекал в противоречивых формах борьбы нового со старым. Если «капитализм вытесняет те формы личной зависимости, которые составляли неотъемлемую принадлежность предыдущих систем хозяйства», а «крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости» (Ленин), то этому преобразующему воздействию капитализма противодействовала тенденция сохранения крепостнических пережитков той же патриархальности и личной зависимости. Через долгие годы самой безудержной эксплуатации должен был пройти пролетариат, прежде чем он сбросил пережитки крепостничества и, сбросив, повел борьбу против всякой системы эксплуатации. Пережитки эти питались как нуждой, гнавшей на фабрики вчера еще зависимых рабочих, так и беспомощностью крестьянства, поставлявшего рабочую силу и переносившего эту беспомощ-

ность на фабрику, облегчая для капитала возможность утолять свою жажду прибавочного труда в таких формах, которые не многим отличались от крепостных; питались они, и притом главным образом, также общим укладом социально-экономическим отношений, сохранивших господство крепостников, державших крестьянскую массу в экономической и политической кабале. Загнанный на фабрику и бессильный противостоять фабриканту, рабочий шел на всякие условия работы. Флеровский (см. *Берви*) правильно подметил в 60-х гг. фигуру предпринимателей, которые «постоянно наводят нас на путь, который довел нас до нищенской суммы при крепостном праве», и ссылался на то, что «работников иногда даже секут». Если телесное наказание в таком виде не составляло обычного явления, уступая место простому «рукоприкладству», то, с другой стороны, путь к быту, недалекому от крепостнического, не обязательно вел через плеть. Рабочих сплошь да рядом нанимали по деревням через агентов, при чем они не знали, на какого рода работу идут. На фабрике они встречали порядок, которому должны были подчиняться, как бы он ни был жесток. *Продолжительность рабочего времени*, по общему правилу, была не ниже 12 час., доходя до 14—15 час. чистой работы. По данным Московской губ., в середине 80-х гг. только 10% фабрик работало меньше 12 час., 44% работало 13 и 13½ ч., 11,6%—14 и 14½ ч. и 5,4%—даже 15 и более часов. Это время не знало сверхурочных работ, т. к. урочное время целиком поглощало весь рабочий день. Фабричная инспекция, определяя для того же времени (1885)—с явным преуменьшением—среднюю продолжительность рабочего дня в 12 ч., регистрировала 15-тичасовую работу в бумагопрядильном производстве, 16-тичас. в машино-

строительном и бумаготкацком, 18-тичас. в спичечном и шивоваренном производствах и даже 19-тичас. в пенькопрядильном. При столь продолжительном рабочем дне *заработная плата* оставалась на самом низком уровне. По тем же данным фабричной инспекции (далеко не полным), в петербургском округе месячный заработок в металлическом производстве колебался от 14 р. 40 к. до 43 р. 50 к., в бумаготкацком от 9 р. 60 к. до 10 р. (во владимирском окр. от 3 р. 25 к. до 28 р.), прядильщиков в бумагопрядильном производстве от 30 р. до 45 р. (во владимирском окр. от 12 р. до 24 р.), в шерстепрядильном производстве от 15 р. до 25 руб. (во владимирском окр. от 8 р. до 56 р.; в последний заработок входил наем рабочих помощников от себя, т. ч. фактически заработок падает до половины) и т. д. По всем вообще фабричным округам заработная плата не поднималась выше 48 р. 50 к. в месяц при своей квартире и харчах. Очевидно, при таком заработке рабочий мог жить только впроголодь, не покрывая самых необходимых своих потребностей. Но и этого заработка он не получал полностью, т. к. значительная его часть оставалась в фабричной конторе в виде всякого рода *вычетов и штрафов*. По некоторым данным можно принять, что штрафы (на текстильных фабриках в 80-х гг.) отнимали от 5 до 40% заработка. Система штрафов в особенности ярко выявляла сохранение в фабричных отношениях крепостнических пережитков. В этой области фабрикант оставался неограниченным законодателем, штрафуя по своему усмотрению и за прогул, и за «неисправную работу», и за шум в казармах, за выход за ворота фабрики, за неурочный приход в контору, за простое «непослушание» и т. д. Широкая практика выдачи зар. платы не деньгами, а продуктами, принуждение рабочего закупать в фабричной лавке

по повышенной цене служила той же цели закабаления, дальнейшего снижения заработка рабочего и повышения прибылей фабриканта. В итоге сплошь да рядом зар. плата не покрывала бюджета, который заключался с неизбежным дефицитом. Исаев определял для середины 70-х годов дефицит рабочего бюджета в 10%; дефицит уральского шахтера в то время составлял 18% и уральского заводского рабочего — 20%. Дементьев, по данным 80-х гг., определял заработок рабочего Московской губ. как «минимум, обеспечивающий от голода, когда заработок дает только возможность существовать полуживотной жизнью»; по данным Дементьева, если жизнь американского рабочего относилась к жизни английского как 1,42:1, то к жизни русского рабочего это отношение составляло 3:1, т. е. жизнь русского рабочего была в три раза хуже рабочего Массачусетса. И этот крайне низкий уровень жизни (при койке в казарме или квартире-комнате, при черном хлебе и «пустых» шах, как основе питания, когда даже гречневая каша считалась непозволительной роскошью, и т. д.) являлся результатом не дороговизны жизни вообще, а дороговизны ее для рабочего, результатом подлинно крепостнической эксплуатации, обречавшей рабочего на полуживотное существование. Даже в Петербурге заработок рабочего фабричного (1879) составлял 15—17 р. при необходимых расходах не менее 13 р., т. ч. и здесь рабочие еле сводили концы с концами.

Эта система эксплуатации не знала различия ни пола, ни возраста. *Труд женщин и детей* представлял то преимущество, что был дешевле (зар. плата женщинам составляла по московскому обследованию 73% платы мужчины, детей — 33,6% и подростков — 46%), и потому широко применялся. По данным московского обследования, женщины составляли 35,8% всего числа

рабочих, малолетние и подростки (10—16 лет) — 21,5%, при чем среди мужчин малолетние и подростки составляли 18%, среди женщин — 27,3%. В некоторых производствах применение детского труда превышало приведенную среднюю: в спичечном оно составляло 32%, в стеклянном — около 25%, в шерстепрядильном — 24,7%. До ограничения в 1882 г. применения детского труда фабриканты совершенно не считались с возрастом и брали на работу детей 8-и лет и даже 6-ти. По данным московского обследования, поступало на фабрику в возрасте до 10 лет 10% всего числа рабочих, в возрасте от 10 до 11 лет — 22,9%, а всего в возрасте до 12 лет — 33%, т. е. $\frac{1}{3}$ всего числа рабочих. Если к ним прибавить поступавших в возрасте 12—14 лет (30,7%), то окажется, что 63%, или почти $\frac{2}{3}$ всех рабочих, начинали работать с малолетства, проходя тяжелую школу выращивания в «потомственных пролетариев».

Как видим, капитал не встречал никаких преград к безграничной эксплуатации труда. Фабрикант оставался властелином на своем предприятии, не меньшим, чем помещик в своей бывшей деревне. И там, и здесь оставалось достаточно крепостнических пережитков, позволявших держать в кабале и рабочих, и крестьян. Вполне понятно, что эту крепостническую идилию пытается закрепить в *рабочем законодательстве* правительство. До начала 80-х годов оставался в действии — вернее в бездействии — закон 1835 г., ни с какой стороны не ограждавший интересы рабочих. И если в 70-х гг. поднимаются вопросы рабочего законодательства, то, конечно, не для того, чтобы оградить эти интересы, а для того чтобы укрепить власть фабриканта над рабочими. Мотивы правительственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом весьма несложны и

полностью отражают крепостническое отношение к рабочему: «распущенность в рабочем сословии и совершенное неуважение к договорам», бороться с чем действующий закон бессилён, так как «арест не только не пугает рабочего, но часто представляется ему как благодетельная возможность даром получить прокормление». Отсюда — задача дать в руки нанимателя более действительное средство, чем арест, для приведения рабочих в должное послушание. При этом отрицается различие «между городскими и сельскими жителями, между занятием земледельческим и заводским, даже фабричным и домашним». Характерно, поэтому, уже то, что перед образованной в 1870 г. комиссией Игнатьева ставится задача выработки единого закона о найме, общего для всех видов наемного труда (наем фабричных и сельских рабочих, прислуги). Не излагая здесь подробностей десятилетнего движения проекта, прошедшего через руки нескольких министров — Игнатьева, Тимашева, Валуева — и не ставшего законом, укажем лишь, что в центре его стояла борьба с «самовольным уходом» рабочего, т. е. закрепление последнего за нанимателем на все время найма, и та форма найма, которая такое закрепление обеспечила бы. Последняя цель достигалась введением обязательной рабочей книжки, которую рабочий должен был предъявлять при найме и в которой нанимателем делались бы отметки об увольнении рабочего: новый наниматель получал, таким образом, возможность контролировать случаи увольнения и в свою очередь, делая отметки в книжке, предупреждать последующих нанимателей о степени «своевольности» рабочего, — в общем получался «черный лист», сопровождавший рабочего всю его трудовую жизнь. Для борьбы с самовольным уходом проект предоставлял нанимателю, помимо предъ-

явления к ушедшему пса, который должен был разбираться судом вне всякой очереди, также право требовать обратного «водворения» к нему самовольно ушедшего рабочего, — последнему этим отрезывался всякий путь к уходу с работы до окончания срока найма. В довершение проекта приравнивал к стачке уход до окончания договора по соглашению между рабочими, повысив кару для «подстрекателей» и главных виновников стачки до тюремного заключения от 2 до 4 мес. Нет нужды пояснять, что на всем этом проекте лежала печать крепостнических вождедений помещиков, заодно благодетельствующих и фабрикантам. Помещичьей незаинтересованностью в применении детского труда объясняется и то, что проект не позволял принимать на работу детей в возрасте до 12 лет, дневную работу малолетних (до 14 лет) ограничил 6-ю час., а подростков (до 17 лет) — 8-ю час., ночную работу первых 3-мя час. и вторых — 4-мя час. Само собой разумеется, что продолжительность рабочего времени взрослых рабочих и женщин оставалась неограниченной.

Что же мог противопоставить рабочий этой системе сплетения капиталистических и крепостнических форм эксплуатации? Из «предыстории» своей он вышел распыленным и неорганизованным, а в «историю» вступил в условиях деспотической полициищины, пускавшей в действие всю принудительную силу государственного аппарата для крепостнического «дисциплинирования» рабочих и подавления в них всякой самостоятельности. Из прошлого рабочий вынес лишь традиции «бунта», с одной стороны, и жалобы по начальству, с другой, и потому на первых порах он чаще всего применяет и те, и другие. И только по мере «стабилизации» капиталистических отношений и отхода в прошлое отношений крепо-

стной зависимости, по мере революционного действия капиталистической индустрии, сплывающей массы рабочих на производстве и выявляющей перед ними специфические условия капиталистической эксплуатации, постепенно пробуждается рабочий к борьбе в новых ее формах. Такой новой формой является стачка, которой в чистом виде не могло знать движение крепостных рабочих, когда приостановка работ была не средством борьбы, но обстоятельством, в борьбу приводящим, а коалиция (поскольку о ней можно говорить применительно к крепостному времени) проявлялась не в стачке, но в других формах общего выступления против крепостника (открытый бунт, челобитная и т. п.). Теперь, наоборот, элементы «бунта» (разгром машин, фабричных помещений и т. п.) или жалобы, если они имеют место, становятся приводящими в стачку, как «специфически пролетарское средство борьбы» (Ленин). Уже в 60-х и еще больше в начале 70-х годов происходят крупные стачки, слетенные еще обычно со старыми пережитками. В мае 1870 г. бастуют рабочие петербургской Невской бумагопрядильной фабрики (800 чел.), в сентябре 1872 г. — рабочие Кренгольмской мануфактуры в Нарве (до 6 тыс. чел.). И там, и здесь стачка вызвана ухудшением условий работы, носит оборонительный характер, сопровождается жалобами по начальству, а в Нарве и попыткой освободить арестованных товарищей и столкновениями с войсками. В 1878—1879 гг. в Петербурге происходит ряд коллективных стачек, гл. обр. текстильных рабочих, подающих вместе с тем жалобу наследнику, будущему Александру III. За немногими исключениями, стачки на всем протяжении 70-х и 80-х годов носят оборонительный характер, направляясь против понижения зар. платы, штрафов и т. д. Не-

редки случаи разгрома фабричных помещений, встречаются и рецидивы стачек, вызванных крестьянской реформой (рабочие мышкинского завода Огаревой требовали в 1876 г. отвода им усадеб, чего они добивались еще в 1862 г.). Всего, на основании первоисточников, В. И. Невским для 1870 — 1882 г. зарегистрирована 291 стачка (при 186 стачках, для которых установлено число бастовавших — 137.819 чел.).

Рабочие вступали в борьбу лишенными всякой организации, и в стихийном движении первичные элементы организованности складывались в процессе самой стачки — в сговоре, в выработке требований, в избрании для подачи требований доверенных, которые этим самым выступали в качестве руководителей стачки. Организованность эта была зачаточной, неспособной поднять движение на сколько-нибудь высшую ступень. Подлинного руководства рабочие вообще не имели, «извне» в рабочее движение еще ничто не привносилось. Если на Западе пролетариат на первых стадиях прошел через фазы «органического» развития капитализма, подпадая под влияние буржуазно-демократических течений и партий, то в Р. — и это сыграло положительную роль в дальнейшем развитии пролетариата — обстоятельства сложились иначе: наш пролетариат не имеет и тени традиций в голосовании за буржуазных политиканов» (Ленин). В иных, чем на Западе, условиях он испытывает — по крайней мере, в тонком передовом своем слое — влияние мелко-буржуазного, народнического социализма. Все группы и течения народников силой вещей и прежде всего потому, что единственно активной «народной» силой выступали рабочие, приводились к агитации среди рабочих, а прядя к ней, они, вопреки своим программным верованиям, действовали организации рабочих и

пробуждению в них классового сознания. Пройдя через народнические кружки, рабочие не только получали общие знания, но знакомились с движением на Западе, и это будило их мысль и повышало их активность. С другой стороны, агитация среди рабочих на почве их фабричных нужд побуждала к экономической борьбе, и народники должны были принять на себя руководство стачками, как это было в Петербурге в 1878—1879 г. во время первых крупных и коллективных забастовок. Пропаганда народников не носила, конечно, массового характера, затрагивала очень незначительные круги рабочих, из которых вырабатывался передовой отряд пролетариата, подлинны пионеры рабочего движения. Формирование этого отряда проходило настолько быстро, что уже скоро пути народничества и передовых рабочих стали расходиться, выявляя новую тенденцию складывания самостоятельного рабочего движения. Не довольствуясь ни идеологией, ни практикой революционного народничества, передовые рабочие стремились превратить кружки в самостоятельные боевые рабочие организации, которые должны были служить для них и стачечной кассой, и кассой взаимопомощи на случай политических репрессий, и агитационно-пропагандистскими кружками. Тенденция эта наиболее ярко сказалась в образовании «Южно-русского рабочего союза» и особенно «Северно-русского рабочего союза» (см. XL, 567/68). Но сдвиги эти были пока лишь симптомами глубокого процесса, происходившего в пролетариате, выделения его немногочисленного передового отряда, который самостоятельно не мог ни сам выкристаллизоваться, ни тем более подтянуть за собою всю массу. Не наступило еще время соединения рабочего движения с социализмом, потому что, с одной

стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считая ее неприменимой к Р., с другой стороны — русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме» (Ленин).

3. *На пути к с.-д. движению (1883—1894)*. Развитие пролетариата каждой страны знает период раздельного существования стихийного рабочего движения и социализма, как период зачаточного их существования. Процесс развития рабочего класса протекает в накоплении элементов для соединения рабочего движения и социализма, во встречном процессе развития того и другого, а затем в соединении их, выражающемся в образовании рабочей партии, — как «авангарда рабочего класса» (Ленин), — под воздействием и руководством которой совершается все дальнейшее развитие рабочего класса. Второй период развития рабочего класса в Р. от первого отличается тем, что в течение его созревали элементы, подготовившие соединение рабочего движения с социализмом. В классовой борьбе, стихийно развивающейся в условиях капиталистических отношений, выросло сознание рабочими классовых интересов, которое «делает их восприимчивыми к социализму» (Ленин), как к идеологии классовой борьбы пролетариата, и в то же время навстречу шло развитие социалистического учения, которое подчиняется, как развитие всякой идеологии, своей закономерности и окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (Ленин).

В 80-х годах при той же основной форме борьбы — стачке — содержание ее становилось качественно иным. Показательно в этом отношении уже то, что, не взирая на тяжелый промышленный кризис этого времени,

сопровождавшийся массовой безработицей, борьба рабочих не только не затихала, но ширилась. Еще более показательно было то, что самое движение поднялось на высшую ступень, отчетливо выявляя рост классового сознания рабочих, оставляющий позади 70-е годы.

На промышленный кризис предприниматели ответили наступлением на рабочих по всему фронту, благодаря чему *положение* последних во много раз ухудшилось по сравнению даже с тем безотрадным, каким оно было до того. Проще всего для предпринимателей было сокращение числа рабочих, и они широко на это пошли. Во Владим. губ. в 1885 г. число фабричных рабочих уменьшилось на 5.460 человек, в Петербурге с конца 1880 г. по середину 1882 г.—на 5.440 и т. д. Рабочий класс впервые и в такой степени испытал на себе безработицу. Многие тысячи рабочих, притекавшие в города и промышленные центры, не находили работы и пополняли собою ряды безработных. Излишком рабочей силы фабриканты воспользовались для того, чтобы заставить рабочих работать неполную неделю, переходить на работу с двух смен на одну при более продолжительном рабочем дне, понизить зар. плату, усилить и повесить штрафы. На текстильных ф-ках Московской губ. зар. плата понизилась в первую половину 80-х годов на 40—50%, на тверских ф-ках на 20%, на владимирских почти на 50%; сокращение зар. платы на 10—15% было общим явлением, и это сверх того, что заработок снижался в виду сокращения работы (в Московской губ. до 17% заработка). Штрафы усиливались в совершенно непосильном для рабочих размере, и бывали случаи, когда рабочие предпочитали бросить фабрику, чем работать за нищенскую плату. «Потогонная система» расцвела в небывалой степени. Рабочие

должны были переплачивать в фабричных лавках до 45% рыночных цен на продукты, получали плату купонами, которые должны были менять в фабричных лавках или продавать за бесценок и т. п. Неограниченные возможности крепостнических пережитков в условиях капиталистического кризиса особенно ярко подчеркивали противоречивость развития русского капитализма и такое положение рабочих, когда они страдали не только от развития капиталистических отношений, но и от их недоразвития.

В рабочей среде это резкое ухудшение положения вызвало значительную волну *стачек*. В первую половину 80-х гг., время наибольшего кризиса, бастовало, по примерным подсчетам, всего до 60 тыс. рабочих, во вторую половину, в годы изживания кризиса, до 50 т. Бастовали, как и раньше, в подавляющей части текстильные рабочие—тяжелая промышленность еще не заняла ведущего положения. Рабочие поднимались, чтобы удержать дальнейшее понижение зар. платы, освободиться от штрафной системы, дать возможный отпор безудержному нажиму капитала. Сила стачечного движения этих лет особенно, как в фокусе, сказалась в известной морозовской стачке (на Никольской мануфактуре Савва Морозов, сын и К° в м. Никольском Владимирской губ.), которой предшествовал ряд стачек (в Иваново-Вознесенске, в Тейкове, в Горках), вызвавших движение и морозовских рабочих. Положение рабочих на этой фабрике крупнейшего предпринимателя доходило до грани совершенно нищенского существования. Достаточно сказать, что заработок ткача понижался до 13—15 руб. в месяц, а штрафы доходили до 30—35% и выше. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что морозовские ткачи, вслед за многими другими текстильщиками, забастовали

в январе 1885 г. Стачка эта знаменательна в двух отношениях. Прежде всего она нашла своих руководителей в двух рабочих (Мойсеенко, см. XLI, ч. 2, прил. 54/57, и Иванов), которые побывали в петербургских рабочих кружках в конце 70-х годов и теперь, после ссылки, работали на этой фабрике; им удалось перевести бунт, с которого началась стачка, в организованную борьбу. И далее, в требованиях своих рабочие пошли дальше непосредственной борьбы против порядков своей фабрики, выставив общее требование государственного регулирования отношений между предпринимателем и рабочим («порядок изменения условий найма между хозяином и рабочим по изданному государственному закону»), как писали рабочие в своих требованиях), выделяя те вопросы, которые наиболее наболели: ограничение штрафов и всякого рода вычетов, контроль за размером зар. платы, порядок расторжения договора найма. Этим самым морозовская стачка как бы обобщала предшествующую борьбу рабочих и поднимала ее на более высокую ступень, выявляя рост классового сознания рабочего и активности его. Стачка эта отличается от прочих стачек того времени и тем, что была, по существу, наступательной или, во всяком случае, заключала в себе элементы наступления, еще недостаточно лишь развернутые; она отмечена также чертами перехода от движения чисто стихийного к организованному, руководимому передовым, но еще количественно и качественно слабым отрядом, лишенным в свою очередь всякого руководства.

Возникнув на почве предшествующих стачек, морозовская забастовка оказала влияние на дальнейшее развитие движения. Весть о борьбе морозовцев не могла не распространиться по другим фабрикам и райо-

нам, придавая бодрость рабочей массе. Под непосредственным воздействием морозовской стачки в конце 1885 г. семь дней бастовали все фабрики в Иванове-Вознесенске в связи с применением закона о воспреещении ночных работ женщин и подростков, вызвавшем изменение порядка работ, — явление до того времени невиданное. Морозовская стачка послужила переломным моментом также в том отношении, что выявила связь и взаимодействие движения разных районов, столь характерные для перехода движения в массовое, и владимирский губернатор, напр., к началу следующего периода (1895) с основанием утверждал, что существуют постоянные отношения между фабриками даже разных губерний и волнения рабочих одной местности отражаются на настроении рабочих других фабрик. По числу бастовавших данный период, если основываться на примерных подсчетах, немногим еще отличается от предшествующего: в 1883—1894 гг. бастует в общей сложности около 230 тыс. рабочих против 200 тыс. в 1870—1883 гг., при мало изменившемся среднем годовом их числе (15 тыс. и около 20 тыс.); довольно часто стачки сопровождаются и «бунтами» — разгромами фабричных помещений, нося исключительно стихийный характер. Но рост рабочего класса идет, вообще, не по прямому пути, а по зигзагообразному — наступательное движение сопровождается рецидивом того или иного характера. Процесс «раскрестьянивания» рабочего класса, образования кадров его, порывающих с традициями крестьянской борьбы, осложняется постоянным притоком той же крестьянской «свежей» массы, которая еще не поддается руководству относительно немногочисленного и недостаточно еще устойчивого слоя «потомственного» пролетариата. Но

направляющей в этом зигзагообразном процессе остается тенденция, выявленная морозовской стачкой: движение становится массовым, зачаточные элементы его организованности крепнут за счет слепой стихийности.

В этом массовом движении созрела одна из предпосылок для перехода его на высшую ступень — соединения с социализмом, в движение, руководимое рабочей партией. Для того, чтобы такой переход мог совершиться, как и для роста самого массового движения, необходимо было встречное созревание второй предпосылки — образование рабочей партии на основе научного социализма, который «является теоретическим выражением рабочего движения» (Энгельс). В этом отношении в 80-х гг. были сделаны только первые шаги: группа «Освобождение Труда» (см. XL, 568 сл.) «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (Ленин). Хотя сама эта группа возникла как зародыш с.-д. партии и ставила своей задачей образование такой партии, но практических путей к этому не находила, содействуя разработке и распространению марксова учения среди революционной интеллигенции и придавая социал-демократии преимущественно характер «идейного движения» (Ленин). Возникавшие то самостоятельно, то под влиянием группы «Освобождение Труда» с.-д. кружки в Р., с одной стороны, носили такой же характер, а с другой, переходя к пропаганде среди рабочих, затрагивали только их верхушку, привлекая на свою сторону рабочих, распропагандированных народниками (чернопередельцами и народолюбцами), да и в этом отношении продвигались вперед медленно, не только не вытесняя еще народников, но часто с ними сотрудничая в одних и

тех же кружках, в которых велась более классово-просветительная, чем агитационная работа. Эта работа дала количественно большие и качественно высшие кадры передовых рабочих, которые в других условиях могли теперь продолжать дело лучших рабочих 70-х годов, но массу она не затрагивала и ее не двигала. В общем, в эти годы «социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» (Ленин). Этим самым и рабочее движение, не связанное с с.-д., переживало, как классовое движение пролетариата, процесс своего утробного развития, испытывая в условиях сплетения капиталистических и крепостнических форм эксплуатации и порождаемой ею стихийной борьбы «муки родов» массового и организованного движения.

Рабочее законодательство. Борьба рабочих, принимавшая массовый характер, не замедлила сказаться на рабочем законодательстве. Наиболее сильный толчок ему дала морозовская стачка, как это признали и мотивы к изданию закона 3 июня 1886 г. Но еще до этого общего закона, впервые (если не считать закона 1835 г.) ставившего вопросы регулирования взаимоотношений предпринимателя и рабочего, был издан закон об ограничении продолжительности рабочего времени малолетних и подростков (1 июня 1882 г.) и о воспрещении ночной работы подростков и женщин (3 июня 1885 г.). Оба закона разрабатывались при сильном противодействии фабрикантов, которые добились также отсрочки применения первого закона на два года. Закон 1882 г., измененный под давлением фабрикантов в 1884 г., воспрещал работу детей в возрасте до 12 лет, ограничивал дневную работу подростков (12—15 лет) 8-ю часами при 4-часовой непрерывной работе под-

ростков и предоставлял министру финансов в течение двух лет разрешать работу детей в возрасте от 10 до 12 лет, а в течение двух лет и ночную работу. Закон 1885 г. воспрещал ночную работу (от 9-ти час. веч. до 5 ч. утра) женщин и подростков (до 17 лет), в виде опыта на три года, в производствах хлопчатобумажном, шерстяном и пологняном (впоследствии это запрещение распространено было и на другие производства). Для надзора за выполнением закона о малолетних подростках в 1882 г. была учреждена фабричная инспекция, на которую впоследствии было возложено наблюдение за выполнением законов 1885 г. и 3 июня 1886 г.

Закон 3 июня 1886 г., изданный под непосредственным давлением морозовской и ей предшествовавших стачек (министр вн. дел Толстой в обоснование необходимости издания закона ссылаясь, кроме морозовской стачки, на стачки рабочих Вознесенской и Измайловской мануфактур Моск. губ.), регулировал условия найма и работы в надежде устранением наиболее открытых способов эксплуатации «успокоить» рабочих. Договор найма должен был заключаться, по закону, в письменной форме (расчетная книжка, в которую вписываются все условия найма, в том числе прежде всего размер зар. платы); право фабрикантов устанавливать штрафы ограничивалось, при чем штрафы должны были поступать в особый штрафной капитал для выдачи пособий рабочим; всякого рода вычеты из зар. платы разрешались по таксе, утвержденной фабричной инспекцией; последней принадлежало право утверждения правил внутреннего распорядка и разрешения открытия фабричных заводов; воспрещалась расплата с рабочими вместо денег товарами, купонами и т. п., а также взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за орудия производ-

ства, освещение и т. п. Закон, таким образом, был направлен против устной формы договора найма, при которой размер зар. платы не фиксировался в неподлежащем спору виде, а также против «потогонной системы» в ее разнообразных комбинациях, но продолжительность рабочего времени (дневной и ночной работы взрослых мужчин, дневной—женщин) оставалась попрежнему законом неограниченной. Сделав под давлением борьбы рабочих некоторые уступки, закон 1886 г. усиливал карательную систему. За «самовольный уход» до истечения срока найма рабочий подвергался аресту до одного месяца, причем сперва дело возбуждалось самими фабрикантами, а после сенатского разьяснения 1894 г.—фабричной инспекцией. Наказание за стачки было повышено до тюремного заключения: для «зачинщиков» от 4-х до 8-ми месяцев и для прочих участников от 2-х до 4-х месяцев; при повреждении фабричного имущества во время стачки наказание соответственно повышалось для первых до 8 мес.—1 года 4-х месяцев и для вторых до 4—8 месяцев; за принуждение к стачке насилем или угрозами полагалось тюремное заключение для «подстрекателей» от 8-ми месяцев до 1 года и 4 месяцев и для прочих от 4 до 8 месяцев. С этой стороны закон 1886 г., таким образом, удовлетворял всем качествам каторжного закона.

При введении фабричной инспекции ей подчинено было (в 1885 г.) 25.913 предприятий, на которых насчитывалось 599 тыс. рабочих. Закон о малолетних в первые годы, по признанию фабричных инспекторов, нигде не применялся и вошел в жизнь лишь постепенно, поскольку фабрикантам в годы кризиса, когда изданы были первые законы, не трудно было отказаться от ночной работы женщин и работы малолетних, а впоследствии

возвратиться к старым порядкам было не так легко. Что касается закона 1886 г., то судьбу его подметил Шульце-Геверниц, когда, ознакомившись в начале 90-х гг. с русскими фабриками, писал, что по русским условиям «издание фабричных законов еще вовсе не означает их исполнения на практике».

Но и помимо того, правительство поспешило, поскольку это было возможно, ухудшить только что изданные законы. В 1890 г. подверглись пересмотру законы 1882 и 1885 гг., при чем для малолетних допускалась 6-ти часовая непрерывная работа и даже 9-ти часовая работа при 18-ти часовой работе взрослых, а также работа в праздники с разрешения инспекции; ночная работа подростков была допущена «в особо уважительных случаях» с разрешения фабричной инспекции; отказ от работы без предупреждения за 2 недели при найме на неопределенный срок приравнивался к «самовольному уходу» с соответствующей карой; фабриканты получали право штрафовать за прогул в течение месяца в общей сложности в сумме 6-тидневного заработка (вместо трехдневного); фабрикант получал также право увольнять рабочего при неявке на работу более 6-ти дней в месяц; паспорта рабочих, живущих вне фабричной конторы и т. д.

В 1892 г. закон 1886 г. был распространен, с некоторым отступлением, на горные и горнозаводские предприятия; наиболее существенное из отступлений заключалось в запрещении малолетним (до 15 лет) и женщинам работ внутри рудников и ночных работ, с ограничением рабочего дня малолетних 8-ю часами. Далее, воспрещалось заблаговременное контрактование горнорабочих (договоры найма, срок исполнения которых должен был наступить че-

рез год и более). Разрешено было выдавать рабочим в счет зар. платы по ценам не выше заготовительных осветительные материалы, взрывчатые вещества и другие материалы и инструменты. Впоследствии (в 1904 г.) рабочее время машинистов при подземных паровых машинах ограничено было 8-ю часами. Надзор за соблюдением закона был возложен на горных инженеров, подчиненных горному департаменту (тогда входившему в состав мин. землед. и госуд. им., а с 1906 г.—мин. торг. и пром.), при чем надзор этот распространялся как на горные предприятия, так и на те из горнозаводских (металлургические и др.), которые были связаны с рудниками.

В 1895 г. закон 1886 г. был распространен на золотые прииски с таким же ограничением работы малолетних и женщин, как в горных предприятиях. Существенное нововведение заключалось в установлении дней отдыха, которых до того рабочие обычно не имели. Зимой (с 1 окт. до 1 апр.) рабочие должны были освобождаться от работы в воскресные и особо перечисленные 23 праздника, летом — на два дня в месяц (см. *горнорабочие*, XV, 592/95).

4. *Рабочий класс в годы промышленного подъема и первый период с.-д. рабочего движения.* Промышленный подъем 90-х гг. внес радикальные изменения в процесс развития рабочего класса. Бурное развитие тяжелой индустрии, которым в особенности отмечен этот подъем, содействовало росту квалифицированной рабочей силы (металлистов разных профессий), которая до того составляла относительно незначительную часть рабочего класса; концентрация предприятий, механизация производства, возникновение ряда новых отраслей промышленности на основе европейской техники ускорили процесс отрыва рабочих от деревни и образования все-

новых кадров постоянных рабочих. С другой стороны, голод 1891 г., предшествовавший подъему, привел к экспроприации новой массы крестьян, устремившихся на фабрики. Если раньше свежепритекавшая на фабрики крестьянская масса подавляла кадры «потомственных» рабочих, а последние не были еще в состоянии на эту массу должным образом воздействовать, то теперь воздействие это становилось фактором, определяющим настроения и направляющим активность всей массы рабочих. Вместе с тем, промышленный подъем, создавая благоприятную обстановку для экономической борьбы рабочего класса, быстро переводил рабочее движение в массовое, развив дальше в этом отношении черты его, обозначившиеся в предыдущем периоде.

Радикально изменяться стала и роль с.-д. организаций (кружков), переходивших на твердые марксистские позиции и расширявших сферу своего влияния на рабочих. Историческую роль сыграло в этом отношении ветупление в с.-д. практическую работу В. И. Ленина (1894). В противоположность Плеханову и группе «Освобождение Труда», оставшейся литературной группой, Ленин понес учение Маркса в массы, в то же время разрабатывая теоретические проблемы марксизма. Под влиянием Ленина петербургские с.-д., которым уже тогда принадлежала руководящая роль в движении всей страны, переходят от кружковой пропагандистской работы к агитации в рабочей массе. Агитаторы-интеллигенты и распространяемые ими в кружках передовые рабочие связываются с фабриками, знакомятся с нуждами рабочих, формулируют их требования, руководят стачками, распространяют среди них листки и нелегальную литературу. При этом, как отмечал Ленин, эти первые с.-д., «усердно занимаясь экономической агитацией, с

самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и низвержения самодержавия в особенности»,—выступали «с самой широкой программой и боевой тактикой». В этой программе и тактике экономическая агитация не отрывалась от политической, обе сплетались в единой революционной с.-д. агитации. Ничего подобного рабочая масса до того не знала. Если раньше движение развивалось стихийно и зачатки организованности с величайшим трудом и в слабой степени преодолевали эту стихийность, то теперь в движение вносилось с.-д. сознание, цементирующее массу и переводящее ее в класс. Революционная теория, овладевая массой, становилась «материальной силой» (Маркс), которая двигает массами. Этим самым происходит слияние рабочего движения с социализмом через рабочую партию; которая, впитывая в себя передовых рабочих, становилась авангардом и руководителем рабочего класса. В этом то главнейшее, что принес рабочему классу данный период его развития. «Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением» (Ленин). С этого времени связь эта стала фактором, определяющим рост рабочего класса и его движения, — всякое ослабление этой связи, как и идеологически-организационные сдвиги в самой рабочей с.-д. партии то ускоряли, то задерживали этот рост.

Положение рабочих к началу этого периода в основном не изменилось. По данным, собранным фабричной инспекцией в 1896 г., в Петербургской губ. свыше $\frac{3}{4}$ всех рабочих работали только днем, $\frac{1}{5}$ также ночью; остальные двумя сменами по 9 час. каждая; продолжительность рабочего дня в большинстве случаев составляла

12 час., и только на некоторых чугуно-литейных и машиностроительных заводах—10¹/₂ часов; зар. плата подверглась, по сравнению с 1885 г., незначительным изменениям, повысившись несколько (в чугуно-литейных и машиностроительных заводах) для нижеоплачиваемых рабочих той же профессии и оставшись на том же уровне для оплачиваемых выше (приблизительно 48 руб. в мес.); фабричная инспекция считала эту плату более высокой, чем в других районах, но указывала, что в Петербурге, на который приходится 85% рабочих губернии, рабочие живут не в казармах, а в нанимаемых углах и комнатах при плате за угол от 2 до 4 руб. и за комнату от 8 до 17 руб. в мес., что поглощало значительную часть заработка. Во Владимирской губ. 29% текстильных рабочих работало двумя сменами по 12 час., 23%—двумя дневными сменами по 9 час., 25%—днем 12 час., в остальных принята была смешанная работа 24-х- и 18-тичасовая; таким образом, не менее 25% рабочих работало ночью, если считать 18-тичасовую работу двумя сменами дневной работой; зар. плата на механических ткацких фабриках составляла в среднем 12 руб. 36 коп. в мес. и в частности при дневной работе 13 руб. 95 коп., при сменной 18-тичасовой—11 руб. 2 коп., при 24-часовой—13 руб. 35 коп. (в Петербурге средний заработок ткачей составлял 18—20 руб.). По сравнению с 1883 г. плата прядильщиков возросла с 18 р. 89 к. до 20 р. 78 к., т.-е. на 10%, ткачей с 14 р. 22 к. до 15 р. 80 коп., т.-е. на 11%. В Московской губ. при работе только днем рабочий день равнялся 13—13¹/₂ ч., снижаясь до 12 час. при двухсменной 24-час. и до 9 час. при сменной 18-тичасовой работе; зар. плата прядильщиков с 1885 г. возросла с 11 р. 41 к. до 13 р. 88 к., т.-е. на 21%, ткачей с 12 р. 53 к. до 14 р. 91 к., т.-е.

на 19%. По этим трем наиболее промышленным губ. можно судить о положении рабочих вообще. Зар. плата увеличилась в среднем на 10—15%, но увеличение это не поднимало ее выше нищенского уровня, продолжительность же рабочего дня осталась чрезвычайно высокой, составляя даже для петербургских металлостов в среднем 10¹/₂ час., доходя для текстильных рабочих до 13¹/₂—14 час. при работе днем и до 12-ти часов ночной работы при двух сменах. В общем, на рабочем полностью тяготела старая система эксплуатации, усиленная крепостническими пережитками, и на борьбу с ней должен был направить свои усилия рабочий класс, вступив в период массового движения.

Если мы обратимся к самому рабочему движению за эти годы промышленного подъема, то убедимся, что, став массовым, оно приобрело и новые черты. Всего за 1895—1898 гг. бастовало 221.240 раб., не на много меньше чем за все предыдущее время (здесь, как и всюду, где не оговорено, имеются в виду стачки в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, т.-е. без горных, без казенных заводов, железнодорожных, строительных, ремесленных, торговых), при чем число это с годами постепенно увеличивается: в 1895 г.—31.195, в 1896 г.—29.527, в 1897 г.—59.870, в 1898 г.—43.150. Существенно изменяются также причины стачек: если раньше решительно преобладали стачки, вызванные вопросами зар. платы, то теперь число бастовавших по связи с этой причиной преобладает только в 1895 г., составляя 74,6% всего числа участников стачек, в последующие же три года перевес берут участники стачек, вызванных вопросами продолжительности рабочего дня (в 1896 г.—64,7%, в 1897 г.—48,1%, в 1898 г.—40,8%). Изменения произошли и в том отно-

шении, что из позиции оборонительной, как это было раньше, рабочий класс переходит в наступление: только в 1895 г. преобладают участники оборонительных стачек, в последующие годы, при отдельных колебаниях, борьба носит наступательный характер. Если наступление это свидетельствует о возросшей активности масс, то преобладание причин стачек, связанных с рабочим временем, говорит о том, что наступление было направлено на одну из твердых крепостнически-патриархальных фабричных порядков — высокую продолжительность рабочего дня, наступать на которую у рабочего класса раньше не было сил, что еще с одной стороны освещает подъем движения на высшую ступень. Не менее знаменательно было и то, что т. наз. «коллективные» стачки (т.-е. охватывающие несколько предприятий одной и той же отрасли производства) стали почти обычным средством борьбы: участники таких стачек составляли в 1895 г. 41% всего числа бастовавших, в 1896 г. — 67%, в 1897 г. — 73%, в 1898 г. — 76%. Если в абсолютных числах коллективно бастовавшие и не составляли внушительной массы, то в коллективных стачках сказывались растущая спаянность рабочих, укрепление связи между отдельными фабриками и рабочими, рост их классовой солидарности.

Подобно тому как в 80-х гг. переходным моментом движения явилась морозовская стачка, в 90-х гг. такую роль сыграла коллективная стачка петербургских текстильщиков в 1896 и 1897 гг. На этот раз основная цель борьбы рабочих заключалась в сокращении рабочего времени, хотя одним из поводов ее послужила невыдача рабочим платы за прогул в коронационные дни. В мае — июне 1896 г. бастовало по официальным данным до 15 тыс. рабочих (в действительности до 30 — 35 тыс.); выставив тре-

бование 10¹/₂-часового раб. дня, рабочие пробастовали почти месяц и возобновили работы в виду, с одной стороны, заявлений правительства о предстоящем сокращении рабочего дня и, с другой, в связи с начавшимися репрессиями и истощением материальных средств. Так как правительство с изданием закона не спешило, то в январе 1897 г. стачка возобновилась, охватив до 20 тыс. рабочих и при том не только текстильных фабрик, но и некоторых металлических заводов. Вторичное и дружное выступление рабочих заставило фабрикантов пойти на уступки и обещать уменьшение рабочего дня с апреля (срока нового найма), а правительство — ускорить издание закона, который и был издан 2 июня 1897 г. Борьба петербургских рабочих не замедлила найти отклик в других районах. Под непосредственным влиянием ее начались летом 1896 г. волнения на московских фабриках и заводах (Прохоровская и Измайловская мануфактуры, заводы Бромлея, Гужона и др.), приведшие к завоеванию сокращенного рабочего дня. В Костроме в октябре 1896 г. бастовали две недели рабочие фабрики Зотовых, требуя 9-тичасового рабочего дня. В Иваново-Вознесенске в декабре 1897 г. забастовали все фабрики в связи с попыткой фабрикантов сокращением праздничных дней вознаградить себя за установленное законом 1897 г. сокращение рабочего времени, и т. д.

На возникновении, ходе и исходе петербургских стачек, как и некоторых других, вполне определенно сказалось воздействие и руководство с.-д. «Союзов борьбы» (см. XL, 571 сл.). Влияние с.-д. было видно даже Витте, который писал своему товарищу по министерству, что петербургская стачка для него не явилась неожиданной, так как по фабрикам «целый год подбрасывали прокламации». И, действительно,

петербургский «союз» формулировал в листках требования рабочих, и без его инициативы рабочие едва ли выставляли бы требование введения 10¹/₂-часового рабочего дня; агитаторы «союза» находились в постоянном общении с бастовавшими рабочими, выпускали к рабочим прокламации (их писал также из тюрьмы Ленин), организовывали помощь бастовавшим. В Москве волнения начались по прямому призыву «союза», в Иваново-Вознесенске движением руководили с.-д., костромским рабочим денежную помощь оказывали петербургский и московский «союзы», в других городах (напр., в Киеве) местные организации также выпускали листки по поводу петербургских стачек. Можно с уверенностью сказать, что без руководства с.-д. борьба рабочих не носила бы столь организованного характера, не была бы столь настойчивой и не привела бы к успеху. Руководство это сказалось в том, что поднимало движение на высшую ступень, переводя его в политическую борьбу, расширяя борьбу рабочих за ближайшие интересы в классовую борьбу, направленную против не отдельных только фабрикантов, но против всего класса капиталистов и самодержавного правительства. Показательна в этом отношении и попытка с.-д. организовать празднование дня 1 мая. Правда, по началу (в Петербурге в 1891 г., в Москве в 1895 г.) это празднование носит характер конспиративных собраний в сотню рабочих, но уже в 1896 г. петербургский «союз» выпускает первую майскую прокламацию, написанную в тюрьме Лениным.

Все же, несмотря на всю историческую значимость, влияние с.-д. и руководство ее движением было еще слабым. Ленин писал, что стачка 90-х гг. «была борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической», у рабочих еще не было

и не могло быть «сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического», и в этом смысле рабочее движение в этот период, несмотря на весь прогресс по сравнению с «бунтами», «оставалось движением чисто стихийным». Это и неудивительно. С.-д. организации насчитывали в это время всего год-два своего существования, состав их был крайне малочисленный, они не накопили еще опыта работы, не расширили и не закрепили связей с рабочими, не говоря уже о том, что действовать им приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях политических репрессий. С другой стороны, и рабочее движение проходило только первый этап массового и, расширяясь, необходимо выявляло черты стихийности. На ряду с организованной борьбой там, где имелись с.-д. организации и где влияние их было сколько-нибудь значительным, мы имеем случаи стачек «бунтов», сопровождавшихся разгромом фабричных помещений (Серпухов, Сормово, Екатеринбург, Мариуполь, Брянский завод). Но направляющим фактором развития раб. класса бесспорно стало с.-д. движение как результат «того крупного исторического факта, что в 90-х гг. встретились два глубоких общественных движения в Р.: одно — стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса — Энгельса, к учению социал-демократии» (Ленин).

Развитие это и в новых условиях не пошло по прямому пути. «Везде в мире пролетариат, неизбежно связанный во всяком капиталистическом обществе тысячами переходных нитей с мелкой буржуазией, переживал в эпоху складывания рабочих партий эпоху более или менее длительного и упорного идейно-политического под-

чинения буржуазии» (Ленин). В Р. также, как только рабочее движение приняло массовый характер, а марксизм стал массовым общественным движением, эта буржуазная тенденция сказалась в т. н. экономизме (см. XI, 573), и с этого времени борьба двух тенденций — пролетарской и буржуазной — не затихает на всех последующих этапах развития рабочего класса. Несмотря на довольно широкое распространение в некоторых кругах рабочих и интеллигенции, экономизму не удалось заполучить влияния в рабочем классе как в силу объективных условий, в каких развивалось движение, так и в силу отпора со стороны революционной с.-д. (Ленин и Плеханов). Но разбитый на данном этапе развития рабочего класса в одном виде, оппортунизм на других этапах преемственно возникал в других видах (меньшевизм, ликвидаторство, троцкизм, оборончество), питаясь тою же связью рабочего класса тысячами нитей с мелкой буржуазией.

Рабочее законодательство. Самым крупным завоеванием рабочего класса в годы промышленного подъема был закон 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего времени взрослых рабочих. Проект правительства встретил сильнейший отпор предпринимателей, которым удалось добиться многих из своих домогательств. Закон установил продолжительность рабочего времени при дневной работе в $11\frac{1}{2}$ часов и при ночной работе (с 9—10 ч. веч. до 4—5 ч. утра) в 10 час.; работа в воскресные и особо перечисленные 14 праздничных дней воспрещалась; отступления от общей нормы допускались для непрерывных производств, когда общее число часов работы в течение двух последовательных суток не должно было превышать 24 часа, а при ломке смен — 30 часов. Сверхурочные работы по закону допускались лишь по обоюдному соглашению и

обязательными признавались в случае внезапной порчи машин для ремонта их, при пожаре, поломке и т. п. непредвиденных обстоятельствах. Правилами по применению закона, изданными в сентябре 1897 г., сверхурочные работы разрешены были в числе 120 часов в год, а в марте 1898 г. министерским циркуляром это ограничение было отменено, при чем, так как по министерскому толкованию сверхурочные работы могли быть допущены в качестве обязательных не только при «случайных отклонениях от нормального хода производства», но и при сезонных работах и даже при типографских в случаях срочности их (выпуск газет), то практика пошла по пути неограниченного применения таких работ, не говоря уже о том, что «обоюдное соглашение» означало на деле необходимость для рабочего соглашаться на требования работать сверхурочно. Таким образом, действительное ограничение законом рабочего времени сводилось к тому, что оно сократило среднюю до того продолжительность дневной и ночной работы в 12 ч. — первую на полчаса ($11\frac{1}{2}$ вместо 12 ч.) и вторую на 2 часа (10 вместо 12 ч.). Ночная работа, вопреки мнению петербургских и лодзинских фабрикантов, шедших, в виду конкуренции с московскими, на отмену ночных работ, воспрещена не была и фактически осталась широко распространенной, так как, помимо полной десятичасовой ночной работы, часть ночи (с 4 ч. утра) или вечера (до 10 ч.) захватывала 18-ти часовая двухсменная работа. Фактически, в смысле продолжительности и распределения рабочего времени, закон ограничивал также 24-часовую двухсменную работу (по 12 ч. днем и ночью), но фабриканты, без больших жертв для себя, нашли выход в том, что стали применять $21\frac{1}{2}$ -часовую работу при $11\frac{1}{2}$ -часовой дневной и 10-часовой ночной работе и с при-

остановкой работы в течение суток на $2\frac{1}{2}$ ч. Как видим, практика и министерское усмотрение сделали закон вполне эластичным, приспособленным к любым эксплуататорским комбинациям. Но возврат к старой патриархальщине и крепостническому «нормированию» рабочего времени был уже невозможен: рабочие, добившись закона 1897 г., нанесли этому старому решительный удар.

Время подъема рабочего движения, впервые возникшего в таком размахе на русской почве, вызвало к жизни развитие специфически полицейского «рабочего законодательства», призванного к борьбе с движением рабочих. Рядом циркулярных распоряжений уточнены были как меры борьбы со стачками, так и полицейские функции фабричной инспекции и согласование ее работы с жандармскими и охранными отделениями. Так, циркуляр деп. полиции от 5 апр. 1897 г. предлагал губернаторам в случае стачек немедленно, по приглашению с инспекцией, предлагать рабочим стать на работу или брать расчет и получивших расчет «немедленно высылать затем по этапу» на родину или в места приписки, куда направлять и зар. плату их «для выдачи через местное начальство». Циркуляр мин. вн. д. от 12 авг. 1897 г. обобщил все эти меры, предлагая губернаторам «во всех случаях проявления каких-нибудь признаков волнения в рабочей среде... установить живое общение общей полиции с фабричной и горной инспекцией и с жандармскими управлениями общими и железнодорожными». В целях более непосредственного приближения «ока государева» к рабочим, закон 1 февр. 1899 г. усилил специально заводскую полицию (без всякого специального закона она насаждалась и раньше, так что к 1899 г. на фабриках и заводах числилось 572 полицейских должности, оплачиваемых предпри-

нимателями), установив норму: 1 городовой на 250 рабочих и 1 надзиратель на 3 т. рабочих, при чем расходы по содержанию их были приняты на счет казны. По распоряжению мин. вн. дел полицейским отводилось помещение на самой фабрике, а местные власти инспектировали их по части «наружного» и «внутреннего наблюдения» за рабочими. В одном из всеподданнейших докладов варшавский генерал-губернатор рекомендовал назначать на фабрики агентов по выбору охранных отделений из среды рабочих, но деп. полиции и без того применял широко такую меру, и, по свидетельству мин. вн. дел Сипягина, фабриканты охотно давали деньги на содержание тайных агентов. Одновременно фабричная инспекция, формально находившаяся в ведении мин. фин., фактически переводилась в подчинение мин. вн. дел и становилась, таким образом, органом полицейской власти. Циркуляр Витте и Горемыкина от 4 сент. 1898 г. (впоследствии уточненный в законе 30 мая 1903 г.) общий надзор за соблюдением порядка на фабриках и заводах возлагал на губернаторов, которые выполняли эти функции через полицию и фабричную инспекцию, при чем инспекция и полиция должны были сообщать друг другу о всех случаях нарушения порядка, — этим самым не только устанавливалась согласованность действий полиции и инспекции, но последняя становилась и в зависимость от губернаторов.

5. Рабочий класс в годы промышленного кризиса и кануна революции 1905 года. Если мы поставим вопрос, что принес рабочим промышленный подъем 90-х гг. в отношении условий работы, то должны будем прийти к заключению, что положение рабочих, если изменилось к лучшему, то в самой ничтожной степени. Обледование продолжительности рабочего

времени, произведенное в 1904 г., показало, что наиболее чувствительно (до 10—10 $\frac{1}{2}$ ч.) сокращение ее коснулось только 18,7% рабочих,—это были металлисты, типографские рабочие и рабочие нефтяных (бакинских) промыслов, т.-е. наиболее активная часть рабочего класса. Работой 11 и более часов было занято 23,4% (по преимуществу в производствах текстильном и по обработке животных продуктов). При двух и более сменах от 10 до 10,9 ч. работало 7,8%, 11 и более часов — 12,3%, 9,1—9,6 ч.—15,5%. Работа, в общем, укладывалась в нормы, предусмотренные законом, сокращение рабочего дня далее предусмотренной законом нормы не коснулось, по крайней мере, 81,3% рабочих. Но и такой вывод был бы не полон, так как не принимает во внимание сверхурочной работы, фактически ничем не ограниченной. В этом отношении обследование, произведенное в киевском и московском округах в 1899 г. и в петербургском в 1902 г., показало, что в первом сверхурочно работали 22,1% рабочих при средней продолжительности необязательных сверхурочных работ в 25,9 ч. в месяц на рабочего, в последнем — 50,2% рабочих при 8,5% сверхурочной работы от урочной, т.-е. в киевском и петербургском округах средняя продолжительность рабочего времени для значительного числа рабочих повышалась на час в сутки, доходя почти до 12 $\frac{1}{2}$ час.; что касается московского округа, то полученные в результате обследования 5% рабочих, занятых обязательными, и 8,9%, занятых необязательными сверхурочными работами, признавались самой фабричной инспекцией сильно преуменьшенными, что подтверждается некоторыми более детальными данными: так, на бумагопрядильных фабриках Владим. губ. необязательными сверхурочными работами было

занято 44,5%, на льнопрядильных фабриках Костромской губ. — 51,2%, в типографиях Моск. губ. — 46,3%, при чем по всему московскому округу на рабочего приходилось в среднем в год 318 час. обязательной и 238 ч. необязательной сверхурочной работы, т.-е. и здесь продолжительность рабочего дня против максимальной нормы закона повышалась на час. Если принять во внимание, что данные эти являлись далеко не исчерпывающими и явно преуменьшенными, то не будет ошибкой признать, что во многих производствах не менее половины рабочих занято было работой до 12—12 $\frac{1}{2}$ ч. в сутки, при чем при широком применении 18-тичасовой двухсменной работы, а также 21 $\frac{1}{2}$ -час. работы двумя сменами изнурительная ночная работа как в 10-тичасовой ее «норме», так и удлиняемая при «нормальной» ее продолжительности сверхурочной работой, не далеко ушли от недавней ее продолжительности в 12 часов.

Не многое изменилось и в отношении заработной платы. Если для текстильной промышленности взять данные владимирской фабричной инспекции, единственные по своей полноте, то окажется, что средний дневной заработок для всех вообще рабочих повысился с 53,3 коп. в 1894/5 г. до 57,7 к. в 1897/8 г., т.-е. увеличился на 4,4 к. в день, или на 8,2%, при чем на фабриках, перешедших на 18-тичасовую двухсменную работу после 1894 г., он понизился на 0,8%, на фабриках, перешедших на такую работу до 1894 г., увеличился до 12%, и на фабриках с продолжительностью работ в 11,7 ч. в сутки — на 9,7%. Фабричная инспекция отмечала при этом, что повышалась по преимуществу плата рабочих с более низким заработком и что заработок часто повышался за счет не повышения расценок, а повышения интенсивности

труда обычными «рационализаторскими» методами того времени. Что касается металлической промышленности, то, например, на московском заводе Гужона с 1895/6 г. к 1899 г. средний годовой заработок повысился с 361,8 р. до 406 р., т.-е. на 12,2%, на Семяниновском заводе (Петербург) месячный заработок — с 30,3 р. в 1894 г. до 35,08 р. в 1897 г., т.-е. на 15%, на Путиловском заводе с 1894 г. до 1897 г. на 6,9%. Таким образом, заработок металлиста увеличился, в общем, значительно больше, чем текстильного рабочего, но и здесь это не означало всегда повышения расценок, но шло за счет сокращения праздничных дней, увеличения сверхурочных работ и т. д. К тому же — и это наиболее существенно — реальная зар. плата в росте своем значительно отставала от денежной, так что, если принять, что за годы промышленного подъема жизнь вздорожала на 20—25% (что не будет преувеличением), то окажется, что реально заработок всех названных рабочих понизился. И если в общем с 80-х годов до конца 90-х гг. реальный заработок повысился, то, как показывает более детальное изучение данных, это повышение приходится больше на первую половину этого десятилетия, чем на вторую.

Промышленный кризис, наступивший с 1900 г. и сменивший период подъема, мог, конечно, только ухудшить положение рабочих. Если продолжительность рабочего дня в годы кризиса могла уменьшиться, то это происходило за счет сокращения работ (уменьшения сверхурочных работ, работы неполной неделей), и это нужно принять во внимание при оценке приведенных данных о рабочем дне в 1904 г. Но наиболее сильно кризис сказался на росте безработицы. По данным фабричной инспекции, число рабочих сократилось

с 1901 по 1902 г. на 40,9 тыс. чел., или на 2,5%, — в частности, в петербургском округе на 10 тыс. (3,4%), в московском на 19 тыс. (3,4%); в 1903 г. по сравнению с 1902 г. число рабочих увеличилось на 2%, в 1904 г. по сравнению с 1903 г. снова понизилось почти на 2%, при чем в харьковском округе в 1904 г. по сравнению с 1903 г. оно сократилось на 9,5%, в поволжском на 24%, в киевском на 4,3%, при неизменившемся положении или незначительном повышении в других округах. По другим данным, число рабочих сократилось в обрабатывающей промышленности с 1900 г. по 1902 г. на 15%, в горнозаводской к 1901 г. на 16,2%, на металлургических заводах к 1903 г. на 25%. Но и эти данные приблизительны и не охватывают всех предприятий, так что в действительности число безработных было больше. В Екатеринославе, напр., в 1904 г. число рабочих уменьшилось на 37%, в Белостоке безработные составляли 36,8%, в Лодзи их насчитывалось 10 тыс., и т. д. Многотысячная армия безработных и самое сокращение работ должны были привести к падению зар. платы. Данные 1900 г. показывают, что средний дневной заработок в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, составлял 59 к., в подчиненных горному надзору — 65 к., при чем менее пострадали рабочие в тех производствах, которых кризис коснулся слабее (металлисты — 95 к., горнорабочие Донбасса — 92 коп.), но для всех групп рабочих он был ниже сколько-нибудь нормальных средств существования, — в особенности, если принять во внимание рост дороговизны. С 1900 по 1904 г. цены на все товары, если принять данные 1890—1899 гг. за 100, составляли: в 1900 г. 112,1, в 1901 г. 114,0, в 1902 г. 109,7, в 1903 г. 106,7, в 1904 г. 110,4. Зар. плата же, если принять данные

1900 г. за 100, составила: в 1901 г. 104,6, в 1902 г. 104,3, в 1903 г. 111,8, в 1904 г. 110,2. В годы наибольшего кризиса — 1901 и 1902 — падение реальной зар. платы наиболее сильно и было бы еще сильнее, если бы не задерживалось борьбой рабочих; но и в более благоприятные годы плата едва поспевает за ростом цен, при чем необходимо помнить, что в денежном выражении, даже для лучшей оплачиваемых рабочих, она не превышала, в среднем, 30-ти руб. в месяц.

Все это должно было вызвать усиление экономической борьбы. Но экономика была далеко не главным фактором, определявшим характер рабочего движения в годы кризиса: она сыграла свою роль только в определенном сочетании и связи с другими факторами. Кризис совпал с назреванием революционной ситуации в стране, в свою очередь ее обостряя, а это должно было сказаться, конечно, на активности раб. класса. Еще ближе должна была сказаться значительно возросшая консолидация сил с.-д. Достаточно напомнить, что в 1898 г. состоялся первый съезд РСДРП (см. XL, 574), а в ближайшие затем годы покончено было с «экономизмом»; в конце 1900 г. по инициативе В. И. Ленина возникла «Искра», ставшая под его руководством не только литературным органом, но и боевым центром, организующим партию и рабочее движение (см. XL, 575/78). Еще до второго съезда РСДРП почти все местные организации были завоеваны «Искрой», и руководство партии, преодолевая встречные течения в степени гораздо большей, чем раньше, становилось действительным фактором, определяющим развитие рабочего класса и его движения.

В результате рабочего движения в годы кризиса переходит в новую стадию, существенно отличающуюся

от предыдущей. Если в 1900 г., в первый год кризиса, число бастующих снижается до 29.389 (против 57.498 в 1899 г.), то в следующие два года оно дает повышение (в 1901 г. — 32.218, в 1902 г. — 36.671), а в 1903 г. достигает 86.832, максимума за все десятилетие 1895—1904 гг., охватывая 5,1% всего числа рабочих. Борьба, вопреки тому, что можно было ожидать в годы кризиса, носит наступательный характер: если в 1900 году в вопросах зар. платы участники оборонительных и наступательных стачек дают равный процент (18,9 и 18,8), а в вопросах рабочего времени процент участников оборонительных стачек выше наступательных (22,7 и 8,2), то в 1901 г. преобладание получают участники наступательных стачек (14,2 против 5,7 по зар. плате и 43,7 против 0,7 по рабочему времени); в 1902 г. соотношение частично изменяется в сторону оборонительной борьбы (по зар. плате 13,5 против 21,7, но по рабочему времени с преобладанием наступательных — 8,7 против 0,9), чтобы в 1903 г. снова дать перевес наступлению (34,3 против 6,8 и 18,0 против 0,4). Но характерным для движения этих лет является не то, что рабочие боролись за лучшие условия труда. Определяя развитие рабочего движения в Р. в связи с развитием с.-д., Ленин выделял до 1905 г. два «замечательных перехода»: один — «от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе», и второй — «к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям». Первый период падает, говоря вообще, на годы промышленного подъема и первый этап с.-д. движения, второй — на годы кризиса и руководства «Искры». Политическая агитация, как результат развития «социалистической мысли в одном преимущественно направлении» (Ленин), падает

теперь на благоприятную почву массового движения и роста передового отряда пролетариата. Пробуждающаяся политическая активность укрепляет фронт экономической борьбы, а партийное руководство, подчиняя стихию сознательности, поднимает движение на уровень революционного, давая ему лозунги, развивая и укрепляя новые его формы.

Если в 1896—1899 гг. процент участников политических стачек колебался между 0,2 (1898) и 5,4 (1899), то в 1900 г. он достиг 12,3%, в 1902 г. 13,7%, в 1903 г. 21,9% всего числа бастовавших. Рабочие все чаще откликаются на общее политическое движение в стране и в 1901 г. принимают участие в студенческих демонстрациях (Харьков, Киев, Петербург, Москва). Празднование первого мая, по призыву партийных комитетов, выносятся из конспиративных квартир на улицу (в 1902 г. демонстрации в Харькове, Баку, Тифлисе, Саратове, Сормове и др. городах). Первомайская агитация петербургских с.-д. приводит в 1901 г. к ряду стачек, охвативших до 25 тыс. рабочих, и к «Обуховской обороне», когда рабочие Обуховского завода переходят к, правда, еще примитивной баррикадной борьбе. В ноябре 1902 г. стачка рабочих железнодорожных мастерских в Ростове разрастается в грандиозную политическую демонстрацию с непрерывными многотысячными митингами; стачка и митинги проходят под непрерывным руководством с.-д. и перебрасываются в Екатеринодар, на ст. Тихорецкую, а прокламации комитета распространяются далеко за пределами сферы его непосредственного действия. Летом 1903 г., начавшись в Баку, происходят одновременно всеобщие забастовки в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Тифлисе, Батуме, Елизаветграде, Феодосии, Керчи и некоторых других

местах Украины и Кавказа (в общем, в этих стачках принимало участие до 500 тыс. рабочих, из которых в официальную статистику не вошла и полная сотня тысяч). На этот раз экономическая борьба тесно сплеталась с политической, на ряду с местными экономическими требованиями рабочие предъявляли требование 8-мичасового раб. дня, повсюду происходили митинги, демонстрации, столкновения с полицией или войсками. В том же 1903 г. 1 мая было отмечено в многочисленных частичных забастовках (Петербург, Одесса, Баку, Николаев, Самара и др.).

Как видим, движение за три-четыре года сделало громадный скачок вперед. Если участие в студенческих и первомайских демонстрациях говорило о росте классового сознания рабочих и политической их активности, то в ростовской стачке «пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству», выдвигая вооруженное восстание, как «неизбежный, практически-естественный, следующий шаг самого движения», а стачка 1903 г. говорила о том, что «мы накануне баррикад» (Ленин). Направляющая линия движения шла к третьему из отмеченных Лениным периодов — «к настоящей гражданской войне, к восстанию». Процесс еще проходил в глубине, накапливая силы рабочего класса, которые, достигая известного напряжения, прорывались то здесь, то там. Стихийность движения, для которого еще оставалось достаточно простора, преодолевалась все больше, и переход к каждому новому этапу происходил под непосредственным воздействием с.-д. партии, которая давала массе руководителей, лозунги, открывала перед ней новые пути для дальнейшего движения вперед, как это было во все решительные моменты (первомайские демонстрации, ростовская

стачка, летние забастовки 1903 г. и др.). Быстрым успехам движения, помимо этого и общей революционной ситуации, содействовало и временное потухание «кривой» оппортунизма, когда экономизм был изжит, а меньшевизм, по крайней мере в открытой форме, еще зарождался. Развивая в таких условиях свою борьбу, пробуждая к борьбе широкие слои мелкой буржуазии и заняв сразу передовые позиции в наступлении на самодержавие, пролетариат вырастал в гегемона буржуазно-демократической революции.

Рабочее законодательство. Наиболее значительным актом в области рабочего законодательства за этот период было издание закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих за несчастные случаи. До издания закона вопрос о вознаграждении разрешался в порядке общих гражданских законов, при чем потерпевший рабочий должен был доказать вину предпринимателя. Судебная практика, возлагавшая на предпринимателей ответственность за несчастные случаи, побудила их обратиться к страхованию рабочих от несчастных случаев в страховых обществах, т.-е., по существу, страховать не рабочих, а предпринимателя от риска уплаты вознаграждения, при чем, по утвержденным мин. вн. дел правилам (1887), в случае смерти потерпевшего семья получала пенсию в сумме $3\frac{1}{2}$ -годового его заработка. В то время как суд обыкновенно присуждал 10-летний заработок. Впоследствии предприниматели стали переходить к организации обществ взаимного страхования от последствий несчастных случаев (ко времени издания закона 1903 г. таких обществ было три — одесское, иваново-вознесенское и рижское), которые в выгодную сторону отличались от страховых обществ тем, что фиксировали сумму вознаграждения рабочего или его семьи (при полной по-

тере трудоспособности до полного годового заработка), в то время как в обществах предприниматели могли страховать рабочих на основе процентного отношения произвольной суммы страхования. Положительная сторона закона 1903 г., изданного под давлением борьбы рабочих, состояла в том, что он признал необходимость государственного вмешательства в вопросы ответственности за несчастные случаи, но вмешательство это на деле во многом ухудшило положение рабочих. Закон освободил рабочего от необходимости доказывать вину предпринимателя, но оставил для последнего широкую возможность оспаривать требования рабочего доказательством «злого умысла» или «грубой неосторожности» рабочего, повлекших за собою несчастный случай. Далее, при определении размера вознаграждения, закон исходил не из полного годового заработка, а из $\frac{2}{3}$ его. Все дело установления права рабочего на вознаграждение передавалось в руки фабричной (или горной) инспекции, которая должна была свидетельствовать добровольное соглашение между предпринимателем и рабочим и без акта которой рабочий не имел права обратиться к суду. Если принять во внимание казенно-полицейское отношение инспекции к рабочему, то нельзя не признать и полицейского характера закона 1903 г., который, не доверяя даже суду, разрешал вопрос в порядке административного усердия инспекции, охраняя в то же время интересы предпринимателя за счет интересов рабочего.

По путям полицейским, но в другом направлении, шел и другой закон — закон 10 июня 1903 г. о фабричных старостах. Посылая пачками по заводам агентов охранных отделений, разместив по предприятиям полицейских чинов разного ранга, развивая «зубатовщину» как русскую

разновидность «полицейского социализма», правительство попыталось насадить на заводах своих «доверенных лиц» под видом выбранных рабочих старост. Плева (см.) отстаивал перед Госуд. советом проект закона именно с точки зрения «наиболее правильного руководства рабочими массами». Задача состояла в том, чтобы держать рабочих в пределах фабричного круговора и «руководить» ими через фабричных старост, «благонадежность» которых должны были гарантировать как система выборов, так и зависимость старост от предпринимателя и всяческого «начальства». По закону староста избирался не всеми рабочими предприятия, а по цехам, отдельными «разрядами» их; чтобы быть избранным, нужно было быть не менее 25-тилетнего возраста, при чем предприниматель мог установить и возраст более «зрелый»; избранные старосты утверждались предпринимателем, а губернатору было предоставлено право отстранять их от исполнения обязанностей и до окончания срока избрания. Права старост ограничивались «заявлением» предпринимателю или фабричной инспекции «о нуждах и ходатайствах рабочих по делам, касающимся условий найма и вообще быта рабочих». Закон не оправдал ожиданий правительства: старосты редко где избирались, а там, где избирались, в большинстве случаев играли роль выборных рабочих депутатов, а не ставленников капитала.

6. *Рабочий класс в годы революции (1905—1907)*. Выступая гегемоном в буржуазно-демократической революции, рабочий класс развил стачечную борьбу в небывало грандиозных размерах. «Своеобразие русской революции — писал Ленин о революции 1905 г., — заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы проле-

тарской». Пролетарской она была «не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий». И, действительно, никогда и нигде раньше стачечное движение не достигало такого размаха: в 1905 г. бастовало (в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции) 2.863.375, в 1906 г. 1.108.406, в 1907 г. 740.074 рабочих. Но сверх того бастовало по предприятиям, фабричной инспекции не подчиненным: 1) на заводах, подчиненных горному надзору, в 1905 г. 185.310, в 1906 г. 37.458, в 1907 г. 23.818, 2) в горных предприятиях, подчиненных тому же надзору, в 1905 г. 143.476, в 1906 г. 82.207, в 1907 г. 36.605, 3) на нефтяных промыслах в 1905 г. 50.000, в 1906 г. 39.460, в 1907 г. 19.550, 4) на железных дорогах (в мастерских и депо) в 1905 г. 403.679, в 1906 г. 16.727, в 1907 г. 18.873, 5) на казенных заводах (гл. обр., военного и морского ведомств) в 1905 г. 240.606 (по другим годам пока сведений нет). Если присоединить эти данные к приведенным выше по предприятиям, подчиненным надзору фабричной инспекции, то получим итоги бастовавших: в 1905 г. 3.886 тыс., в 1906 г. 1.359 тыс., в 1907 г. 889 тыс. Но и эти данные остаются неполными: так, в одном только октябре 1905 г. приостановлено было движение на 43.965 верст ж.-д. пути, что при расчете 11 рабочих на версту составит 483 тыс. бастовавших, которые в наши подсчеты не вошли, как не вошли казенные заводы по 1906 и 1907 гг., как не приняты во внимание предприятия ремесленные, транспортные (кроме ж. д.), торговые, что в общей

совокупности должно значительно повысить число бастовавших. Во всяком случае, по минимальным подсчетам число бастовавших в 1905 г. превысит 4 млн., достигнет 1½ млн. в 1906 г. и 1 млн. в 1907 г. только по предприятиям ценовой промышленности, что за все 3 года составит не меньше 6,5 млн.

Вся эта миллионная армия рабочих вела на протяжении революции борьбу с разной интенсивностью, прошла в этой борьбе ряд этапов. Общее представление об этих этапах дает след. таблица, в которой приведены (как и в дальнейшем, по предприятиям, подчиненным надзору фабричной инспекции) %-ное отношение числа бастовавших в каждой четверти года к общему числу бастовавших за соответствующий год (над чертой) и %-ное отношение бастовавших к общему числу рабочих (под чертой):

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
1905	$\frac{28,3}{49,0}$	$\frac{16,8}{29,1}$	$\frac{10,3}{17,8}$	$\frac{44,6}{77,3}$
1906	$\frac{24,3}{15,9}$	$\frac{43,3}{28,4}$	$\frac{26,7}{17,7}$	$\frac{5,7}{3,7}$
1907	$\frac{19,8}{8,2}$	$\frac{43,6}{18,3}$	$\frac{10,5}{4,9}$	$\frac{26,1}{10,9}$

Таблица явно указывает на следующие подъемы стачечной волны: первая и последняя четверти 1905 г., вторая четверть 1906 г. и вторая четверть 1907 г. Если в эти итоги по четвертям, поглощающим различия между отдельными месяцами, внести поправку — два (октябрь и декабрь), а не один подъем в последней четверти 1905 г. — то станет совершенно очевидным, что каждый «подъем стачечной волны означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны» (Ленин), т. е. революции: первый подъем (9-го января, всеоб-

щая забастовка в Петербурге, движение вокруг комиссии Шидловского) приводит к первой и ничтожной уступке правительства (рескрипт 18 марта), октябрьский подъем (всеобщая стачка) вырывает у самодержавия манифест 17 октября, декабрьский подъем (вооруженные восстания) приносит высшую стадию революции. «С подавлением декабрьского восстания начинается нисходящая линия революции» (Ленин) — два подъема (вторые четверти 1906 и 1907 г.) на этом этапе означают попытку передовых отрядов пролетариата задержать отступление и перейти в наступление в обстановке созыва первой и второй Госуд. думы. Обозначая переломные пункты революции, эти этапы дают общую картину «движения того класса, который был главной пружиной общего направления событий» (Ленин) — движения пролетариата, как гегемона революции. Еще более точное представление об этапах стачечной борьбы мы получим, если обратимся к таблице, показывающей по четвертям каждого года процентное отношение участников политических и экономических стачек (над чертой) и такое отношение их к общему числу рабочих (под чертой):

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	Экон.	Пол.	Экон.	Пол.	Экон.	Пол.	Экон.	Пол.
1905	$\frac{73,5}{36,1}$	$\frac{26,5}{12,9}$	$\frac{40,9}{14,4}$	$\frac{59,1}{14,6}$	$\frac{56,1}{10,0}$	$\frac{43,9}{7,7}$	$\frac{33,6}{26,0}$	$\frac{66,4}{51,1}$				
1906	$\frac{26,9}{4,3}$	$\frac{73,1}{11,7}$	$\frac{45,3}{12,4}$	$\frac{54,7}{15,4}$	$\frac{42,0}{7,4}$	$\frac{58,0}{10,2}$	$\frac{50,7}{2,1}$	$\frac{49,3}{1,5}$				
1907	$\frac{35,9}{2,9}$	$\frac{64,1}{5,3}$	$\frac{16,0}{2,8}$	$\frac{84,0}{15,1}$	$\frac{77,1}{3,3}$	$\frac{22,9}{0,9}$	$\frac{15,4}{1,7}$	$\frac{84,6}{9,2}$				

Движение 1905 г. (восходящая линия революции) начинается с решительного преобладания экономических стачек, сохраняющих значительный размах и в последующие две четверти, но одновременно перерастающих в политические; в последней четвер-

ти политические стачки получают уже решительный перевес, при чем высший подъем политических стачек происходит на базе широкой экономической борьбы. В этой самой тесной связи политических и экономических стачек Ленин видел гарантию большой силы движения, делающей возможным «действительно широкое, действительно массовое движение»: «широкие массы эксплуатируемых, — писал Ленин, — нельзя было бы никоим образом вовлечь в революционное движение, если бы эти массы не видели пред собой примеров, как наемные рабочие различных отраслей промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению положения». Вовлеченные в экономическую борьбу столкновением с капиталом в обстановке общей напряженной революционной борьбы, эти широкие массы вырастали и политически. В свете такого роста массы становится понятным, почему и как очень скромный в первой четверти 1905 г. охват (12,9% всего числа рабочих) рабочих политическими стачками достигает в последней четверти 1905 г. половины всего числа рабочих (51,1% только по предприятиям, подчиненным надзору фабричной инспекции, в действительности же выше): в первой четверти — это передовой отряд, прошедший уже до революции школу борьбы, в последней четверти — это также широкая масса, выросшая в процессе борьбы 1905 г. Сплетение экономической и политической борьбы ослабляется в 1906 и 1907 гг. (нисходящая линия революции) в условиях общего упадка движения и, прежде всего, движения широких масс; только подъем второй четверти 1906 г. отмечен значительным числом участников экономических и политических стачек: задерживая отступление и пытаясь перейти в наступление, при сравнительно еще благоприятных

условиях, передовой отряд увлекает за собой некоторые слои широкой массы; последний подъем 1907 г. в условиях менее благоприятных не дает уже передовому отряду этой возможности, и большой процент участников политических стачек не сопровождается таким же показателем экономических стачек. Движение выносит на себе исключительно или почти исключительно передовой отряд: максимальный процент числа рабочих — участников политических стачек за 1906 и 1907 гг. (15,4% во вторых четвертях 1906 и 1907 гг.) почти равен проценту (12,9%) первой четверти 1905 г., исходному моменту движения: очевидно, это тот же передовой отряд, который, подняв знамя революции в январе 1905 г., нес его и до ее последних дней.

Чтобы еще ближе подойти к вопросу, выделим металлистов (передовой отряд) и текстильных рабочих (широкую массу) и посмотрим, каково их участие в движении (первый столбец — % бастовавших к числу рабочих в группе, второй — % участников экономических стачек ко всему числу таких же участников, третий — % участников политических стачек ко всему числу таких же участников):

	1905	1906	1907
Метал.	297,6	28,4	71,8
Текст.	186,9	40,3	59,7
	88,8	21,3	73,7
	74,3	12,0	83,0
	40,8	32,9	67,1

Наиболее активное участие в движении принимают металлисты: они неизменно выделяют большой процент бастующих; у текстильных рабочих этот процент высок в 1905 г., остается на значительном уровне еще в 1906 г. и падает в 1907 г.; вместе с тем металлисты сразу дают большой % участников политических стачек и удерживают его все время, текстильные же рабочие почти в одинаковой степени ведут и политическую и экономическую борьбу и значительно повышают % участников политических стачек только в 1907 г.,

при общем упадке движения в их группе. Совершенно очевидно: передовики (металлисты) политической активностью и активным участием в экономической борьбе поднимают широкую массу, которая втягивается в борьбу; политический элемент, сплетаясь в этой борьбе с экономическим, затем падает и сосредоточивается в передовых слоях этой массы.

Ведущая роль передовых отрядов может быть показана и на процентном отношении числа стачек к числу предприятий по их размерам:

Предприятия с числом рабочих	Число случаев стачек в ‰ к числу предприятий		
	1905	1906	1907
До 20	47,0	18,5	6,0
21—50	89,4	38,8	19,0
51—100	108,9	56,1	37,7
101—500	160,2	79,2	57,5
501—1.000	163,8	95,1	61,5
выше 1.000	231,9	108,8	83,7

Из года в год число стачек тем больше, чем крупнее предприятие, т. е. чем крепче связь между передовым отрядом и массой на каждом предприятии и чем сильнее она между разными предприятиями одной и той же группы производства.

Экономическая борьба за все 3 года неизменно носит наступательный характер: в 1905 г. участники наступательных стачек составляли 83,7% всего числа участников экономических стачек, в 1906 г. — 70,6% и в 1907 г. — 60%. Это и понятно, так как в годы революции общая политическая активность рабочих не могла не отразиться и на активности их экономической борьбы. Тесная взаимозависимость политических и экономических стачек выступает и здесь совершенно отчетливо. Не менее отчетливо выступает она и в результатах экономических стачек, как это видно из следующей таблицы (в процентах бастовавших):

Четверти года	1905			1906			1907		
	В пользу рабочих	Компромисс	В пользу предпр.	В пользу рабочих	Компромисс	В пользу предпр.	В пользу рабочих	Компромисс	В пользу предпр.
I	26,2	44,2	29,8	47,1	38,3	14,6	20,5	27,0	52,5
II	29,8	45,5	24,7	38,5	6,2	36,3	10,1	32,8	57,1
III	27,3	36,8	36,0	29,3	37,0	21,6	17,6	17,4	65,0
IV	22,0	54,7	23,3	35,3	33,7	62,3	15,3	32,2	52,0

Достаточно сопоставить эту таблицу с приведенными выше, чтобы убедиться, что успех рабочих в экономической борьбе находился в прямой зависимости от их натиска. Если первая четверть 1905 г. оказывается для рабочих менее благоприятной, чем вторая, то это потому, что в данных этой четверти поглощен месяц побед рабочего (январь); то же и в последней четверти 1905 г. (октябрь дает перевес рабочим, ноябрь выделяется компромиссным исходом), т. е. в первой и последней четвертях исход борьбы колеблется, повышаясь в сторону рабочих в месяцы подъема движения (январь, октябрь, отчасти ноябрь), во второй четверти он на стороне рабочих, в третьей, отмеченной снижением размаха движения, — на стороне предпринимателей. Первые две четверти 1906 г., при достаточно еще сильном движении, дают перевес рабочим, с третьей четверти и до конца 1907 г. перевес решительно переходит на сторону предпринимателей.

Что касается отдельных групп рабочих, то наиболее активную роль в движении играли *металлисты*: с них (путиловский и франко-русский заводы) началось январское движение, крупнейшие металлические заводы оставались ведущими на протяжении всех лет революции (борьба за 9-ти часовую рабочий день в первой половине 1905 г., за 8-ми часовую рабочий день в ноябре и т. д.). От них, в общем, не отставали *типографские рабочие* (приостановка выхода газет, сентябрьская стачка в Москве, предшествовавшая всеобщей октябрьской забастовке, введение явочным по-

рядком свободы печати и т. д.) *Текстильные рабочие*, как численно преобладающая часть рабочего класса, придавали движению особенно широкий размах, поднимая его на значительную высоту (майская стачка в Иваново-Вознесенске, сопровождавшаяся организацией первого совета рабочих депутатов; областная забастовка московско-владимирского района в 1907 г.). Движение *железнодорожных рабочих* началось как экономическое, но уже в феврале 1905 г. экономическая борьба, принимая форму приостановки ж.-д. сообщения, становится фактором крупного политического значения, который в свою очередь содействует быстрому росту массы ж.-д. рабочих, приводящему к октябрьской всеобщей их стачке; перерастание экономической борьбы в политическую здесь сопровождается преодолением противоречий, порождаемых расхождением интересов мелко-буржуазной верхушки (управленцев) и рабочей массы сперва на местах, затем на делегатском съезде и в ж.-д. союзе; крупную роль ж.-д. рабочие сыграли в ходе вооруженных восстаний, в особенности там, где ж. д. были использованы для целей восстания (Горловка, Красноярск и др.). Среди *горнорабочих* за все годы революции преобладает экономическая борьба, при более слабом сплетении с политической, чем у других групп рабочих (за исключением наиболее отсталых); в 1905 г. на первом месте идут польские районы, от которых сильно отстает Донбасс; в 1906 г. движение значительно усиливается в Донбассе, сильно падая в Польше; в 1907 г. в польских районах движение снова нарастает, а в прочих районах остается на слабом уровне. В Донбассе, как и всюду, в авангарде идут металлисты, которым не так легко удается увлечь за собою отсталую массу горняков—упоследних соотношение в пользу политических стачек

складывается только к декабрю 1905 г. В 1905 г. движение горнорабочих Донбасса стало более напряженным, в особенности в летние месяцы, когда стачки охватили ряд рудников, сопровождаемая митингами. *Нефтяные рабочие* Баку вели полную активности борьбу на экономическом и политическом фронте в 1905 и в 1906 гг. В 1905 г. бастовало приблизительно до 60%, всего числа рабочих, в 1906 г.— до 90%.

Приведенных данных достаточно, чтобы определить, как развивалось движение в годы первой революции и через какие этапы проходил в ней рабочий класс: 1) движение начинается как недостаточно еще развернутое политическое, тесно связанное с экономической борьбой (9 января и ближайшие за ним дни в Петербурге); 2) петербургский пролетариат, как авангард, быстро активизирует политическую борьбу (комиссия Шидловского), пробуждая провинцию, в которой разливается широкая волна экономических стачек, сплетающихся с политическими; 3) это сплетение остается характерным для всего 1905 г., придавая ему исключительную силу; 4) передовой отряд (металлисты) развивает наибольшую активность на фронте как экономической, так и политической борьбы, увлекая за собою широкую массу; 5) эта последняя в процессе сплетения экономической и политической борьбы вырастает и выступлением своим поднимает движение на уровень массовой революционной борьбы; 6) во взаимодействии политической и экономической борьбы, с одной стороны, и передового отряда и широкой массы, с другой, происходит перерастание экономической стачки в политическую и последней—в вооруженное восстание, как в высшую ступень борьбы; 7) при спаде революции активно действующим остается передовой отряд (ме-

галлисты), усиленный передовыми слоями, выделенными выросшей в борьбе широкой массой. Вместе с тем, выступая гегемоном в революции, которая оказывает на Западе и на Востоке неискоренимое влияние, «обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей» (Ленин), рабочий класс вырастает в авангард мирового пролетариата и остается им на все последующее время.

Выступая гегемоном и выдвигая главным средством раскачивания масс стачку, как свое специфическое средство борьбы, рабочий класс оставался «главной пружиной общего направления событий», движущей силой революции, вырастая сам в ходе ее и своей борьбой определяя ее этапы. Первый из них отмечен широкой волной тесно сплетенных экономических и политических стачек, которые пробуждают к борьбе городскую мелкую буржуазию и крестьянство, отдельные части армии и флота,—летом начнутся в последних ряд восстаний, наиболее яркое выражение получающих в восстании броненосца «Потемкин». На базе этой стачечной борьбы, перебрасывающейся из района в район, из города в город, и разрозненных восстаний вырастает в октябре всеобщая стачка, которая охватывает многие сотни тысяч рабочих по всей стране: начавшись 6 октября, стачка ж.-д. рабочих в течение нескольких дней распространяется на всю ж.-д. сеть, бастуют фабрики и заводы, гаснет свет, закрываются магазины, замирает промышленная жизнь страны; движение перебрасывается в деревню, где крестьянские восстания захватывают ряд губерний (Саратовскую, Тамбовскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую и др.), бастуют учебные заведения, банки, конторы, учреждения,— в этот период движение в особенности принимает общенародный характер, и

руководящая роль в нем рабочего класса выступает наиболее рельефно. В ходе этой борьбы и развертывания руководства ею рабочий класс создает новую организацию—*советы рабочих депутатов*, которые «начинают играть роль временного революционного правительства (см. ХLI, ч. 1, 242 сл.), роль органов и руководителей восстаний» (Ленин). Этот тогда зародыш пролетарской власти развился в орган власти в ходе революции 1917 г. Советы депутатов возникали в процессе борьбы местами и раньше (Иваново-Вознесенск, московский совет типографских рабочих), но как более широко организованные стачечные комитеты. В качестве стачечного комитета возник в октябре и петербургский совет, но, возникнув на основе более высокой стадии борьбы, быстро перерос эти рамки. Вслед за Петербургом советы возникли и во многих других городах (Москва, Киев, Ростов, Баку, Екатеринослав, Николаев, Саратов, Самара, Одесса, Екатеринбург, Новороссийск, Кострома, Тверь, Владивосток, Таганрог, Чита и др.), играя, в зависимости от хода событий и руководства, роль организаторов борьбы и восстаний (см. историю револ. движения). Октябрьская стачка нанесла самодержавию первый удар, но не привела к победе революции: «в действительности все развитие русской революции с неизбежностью толкало к вооруженному решающему бою между царским правительством и авангардом классового сознательного пролетариата» (Ленин), толкало, в частности, и потому, что «либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, потеряла подобие всякой революционности» (Сталин), переходя на сторону контрреволюции. Стачечная борьба, сплетавшаяся и раньше с отдельными восстаниями, теперь непосредственно перерастает в вооруженные восстания, как «вершину» революции (Ле-

нии) и как пролог Октября 1917 г. Начавшись в Москве (6 дек.), восстания на протяжении декабря охватывают ряд районов (Донбасс, Екатеринослав, Ростов, Кавказ, Харьков, Владивосток, Иркутск, Красноярск и др.), выявляя неисчерпаемую революционную силу пролетариата, ведущего борьбу в неравных и неблагоприятных условиях. Декабрь не приносит рабочему классу победы; он отстывает, чтобы, используя опыт поражения и пройдя дальнейшую школу борьбы, перейти через 12 лет в новое наступление, дать решительный бой и победить.

Переход движения из одной стадии в другую, как и развитие его в целом, а с ним и рабочего класса, происходит при активном воздействии партии, которое, хотя и не было всегда достаточным, определило основную линию развития движения и формы его. Именно в годы революции «в руках революционных организаций все более сосредоточивалось дело настоящего политического руководства, дело указания с.-д. выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства» (Ленин). Недостаточность этого руководства в особенности чувствовалась на тех этапах, когда оно отставало от размаха движения, благодаря чему движение подпадало под чуждые рабочему классу влияния (Галон, см.), не переходило (октябрьская стачка) или недостаточно переходило (вооруженные восстания) в высшую ступень. В это время обострилась внутрипартийная борьба большевиков и меньшевиков, выразивших две тенденции в рабочем движении — пролетарскую и буржуазную, — которые с особенной силой должны были сказаться в ходе революции. Но на всех решающих этапах последней (комиссия Шидловского, булыгинская дума, соединение экономической и политической борьбы, вооруженные

восстания, советы) передовой отряд рабочего класса и за ним широкие массы принимают тактическую линию большевиков, впервые проходя массовую школу классово-революционного воспитания. «Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий, — году «мирного», «конституционного» развития» (Ленин).

Профессиональное движение. Первая революция, вовлекшая в борьбу самые широкие рабочие массы и скрепившая связь их с партией, составила исторический этап и еще в одном отношении. «Иначе как через профессиональные союзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло» (Ленин). До 1905 г. этого фактора в развитии пролетариата Р. не было. Профсоюзы родились в великие годы «бури и палиска», и только с этого времени рабочий класс получил эту специфическую классовую организацию (Энгельс), а партия рабочего класса еще один путь, прямой и верный, классового сплочения и воспитания пролетариата. Позднее, сравнительно с партией, возникновение профсоюзов является характерной особенностью истории нашего профдвижения: «самое характерное в истории развития наших профсоюзов состоит в том, что они возникли, развивались и окрепли после партии, вокруг партии, в дружбе с партией» (Сталин). Это обстоятельство сыграло крупнейшую роль в дальнейшем развитии профсоюзов, ибо в таких условиях взаимодействие между союзом и партией оставляет руководящее значение за партией и направляет развитие союзов по революционно-пролетарскому пути, а не по пути тред-юнионизма или реформизма. С первого же дня своего рождения союзы стали ареной борьбы разных партий: завоевать влияние в них стре-

мились и буржуазные партии (сперва «освобожденцы», потом «кадеты» — последние в особенности среди торговых служащих), и меньшевики, и большевики.

Уже в первые годы после реформы 1861 г., а отчасти и раньше, возникают всякого рода кассы и общества взаимопомощи, главным образом ремесленников, торговых служащих, типографских мастеров (в 1851 г. «Вспомогательная касса» при типографии Академии наук, в 1866 г. такая же касса наборщиков в Петербурге, и т. д.). Кассы эти (взаимопомощи, похоронные и т. п.) носили благотворительный характер, включали в себе верхи служащих и рабочих, в состав их входили и владельцы предприятий. Эти общества не выполняли никаких функций профсоюзов, и не из них фактически последние возникли. Действительным истоком профсоюзов являются стачечные кассы, выполнявшие в скромном и зачаточном, конечно, виде задачи профсоюзов. Эти кассы получили значительное распространение до 1905 г. (помимо отдельных касс 70-х и 80-х гг., организованных при рабочих кружках, — иваново-вознесенский «Рабочий союз» 1895 г., костромская «Рабочая касса» того же года, екатеринославская касса «Начало» 1899 г., киевская касса 1897 г., харьковская 1899 г. и т. д.). Возникающая под непосредственным воздействием и руководством с.-д. организации, эти кассы были неоформленными заводскими организациями, то образуемыми на время стачки, то существовавшими более длительно; членами касс состояли немногочисленные передовые организованные рабочие, обычно те же, которые принадлежали к партийной организации или которых последняя к кассе привлекала; функции кассы, как боевой организации взаимопомощи, тесно сплетались с функциями стачечного комитета,

и наоборот — стачечные комитеты принимали на себя и дело материальной помощи участникам стачки.

1905 год развязал силы, накопившиеся в рабочем классе, и для профсоюзного движения. Основной фактор, определивший предъисторию союзов — стачечная борьба — приводил теперь непосредственно к возникновению классовых рабочих организаций. Если передовые отряды рабочих или рабочие, сосредоточенные на крупных предприятиях, получали руководство со стороны партийных и заводских рабочих организаций (депутаты, старосты), то распыленная масса рабочих мелких предприятий должна была наиболее сильно испытывать потребность в такой организации, которая единственно может ее сплотить, т.-е. в профсоюзах. Последнее обстоятельство вызвало организацию в 1905 г. прежде всего значительного числа мелких союзов, объединявших ремесленных рабочих, торговых служащих, рабочих мелких предприятий и т. п., при замедленной организации рабочих ведущих отраслей промышленности. Мелкими эти союзы были и потому, что строились по цеховому принципу, дробясь по частным профессиям. Стихийный процесс возникновения профсоюзов, не поддаваясь еще организованному руководству, приводил и к тому, что по цеховому признаку строились и более крупные союзы, а нередко возникали и просто заводские союзы, объединявшие только рабочих данного завода. В месяцы наибольшего подъема революции (последняя четверть 1905 г.) образование профсоюзов достигает максимального развития: к концу 1905 г. в Петербурге насчитывалось 44 союза, и проведено было почти 100 собраний, посвященных профобъединению; в Москве к тому же времени сложилось 50 союзов, то же самое наблюдалось и в провинции. И в эти месяцы наибольшую активность проявляют

рабочие мелкой промышленности и мелких предприятий. Поражение декабрьского восстания приводит к первой полосе закрытия и разгрома союзов. Движение снова возобновляется в 1906 г., при чем сила его находится в прямой зависимости от активности общих выступлений рабочих: в период подъема движения союзы оживают, чтобы с падением общей волны борьбы рабочих снова вступить в полосу разгрома, пока с разгоном II Гос. Думы и укреплением реакции не наступил период более длительного застоя профдвижения.

Если мы обратимся к отдельным профсоюзам, игравшим руководящую роль в профдвижении — а это были, в основном, союзы рабочих ведущих отраслей крупной промышленности, — то в развитии их получим общую картину развития профдвижения. Как отмечено, такие союзы, за немногими исключениями, возникли позже. *Союз металлистов* организовался в Петербурге в апреле 1906 г., в Москве в мае того же года. Петербургский союз был построен по типу «производственного» централизованного союза с несколькими городскими районами и к июлю 1906 г. насчитывал до 10 тыс. членов; 28 июня 1906 г. союз был закрыт, но деятельности не прекратил, перейдя к полуделегальному существованию и развивая работу в районных отделах; работа эта не ослабела и после гонений, которым подверглись районные отделы, т. ч. к январю 1907 г. союз насчитывал свыше 11 тыс. членов (платящих и неплатящих взносов); денежные средства союза за время его нелегального существования (с авг. 1906 г. по июль 1907 г.) составляли 18 тыс. руб., из которых 61% падает на ежемесячные взносы и 2% на сборы в специальные фонды (стачечный и безработный); о деятельности союза можно судить по тому, что почти половина средств (41%) была затрачена на пособия

бастовавшим. Окончательно легализоваться союзу удалось только в мае 1907 г. Руководство союза принадлежало меньшевикам, которые, в противоположность революционной тактике большевиков, вели по пути «аккуратности и умеренности», чем в значительной степени объясняется то, что петербургский союз почти ничем не проявил себя ни во время выборов в Гос. Думу, ни в других политических выступлениях петербургского пролетариата и не подвергся в эти годы серьезным репрессиям. Московский союз распространил свою деятельность за пределы Москвы, организовав 12 провинциальных отделов (Тула, Коломна, Рязань и др.); к 1906 г. он насчитывал 4.725 членов, а к ноябрю до 8 тыс., по всему же району до 12 тыс.; в феврале 1907 г. союз был закрыт, перешел на нелегальное положение, затем на короткое время снова легализовался и в июле 1907 г. был опять закрыт. Руководство в союзе принадлежало большевикам, в работе его самое деятельное участие принимал московский комитет партии. Союзы металлистов организовались и в других промышленных районах. Из союзов *текстильщиков* петербургский организовался в декабре 1905 г. и насчитывал к моменту открытия 400 членов. Этот «Союз рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ» охватил сперва только верхи массы текстильщиков и не все текстильные производства, т. к. отдельно существовали союзы вязальщиков и ткачей-басонщиков. Союз не пользовался также большим влиянием, т. к. не развив работы по руководству экономической борьбой. После декабрьских репрессий, весной 1906 г. деятельность союза оживляется, усиливается руководство стачками, и намечаются новые организационные формы, но в июле 1906 г. союз был закрыт и вынужден был перейти в подполье.

С этого времени организуется семь районных отделов союза, которые под руководством центра продолжают работу в нелегальных условиях. Не в пример металлистам, текстильщикам не удалось объединить сколько-нибудь значительные массы: к декабрю 1906 г. союз насчитывал всего около 500 членов. Все это время союз существовал без зарегистрированного устава и к легализации своей перешел только в 1907 г. В Москве первыми организовались рабочие мелких текстильных предприятий; крупные союзы (рабочих по обработке волокнистых веществ и союз аппретурно-красильщиков), возникнув в ноябре, были разгромлены в декабрьские дни и снова воскресли только весной 1906 г. Рост этих союзов был очень медленный. В феврале 1907 г. была созвана первая, а в июне того же года вторая областная конференция союзов текстильщиков, посвященные, главным образом, вопросу об областной стачке. Среди союзов текстильщиков московско-владимирского района преобладали мелкие, в самом крупном из них, костромском, насчитывалось в 1907 г. 1.800 членов.

Среди крупных союзов возникли раньше других *союзы рабочих печатного дела*. В Петербурге строительство союза началось с январских дней в связи с забастовкой и борьбой за тариф, открыл же свой действия союз в июле того же года. Литографы образовали свой союз, и для предупреждения сепаратистских тенденций союз рабочих печатного дела организовал несколько отраслевых секций, в одну из которых впоследствии вошел и союз литографов. В июле 1906 г. союз рабочих печатного дела был закрыт и перешел на нелегальное положение, разбившись на 12 районов с выборными районными советами. Вновь союз легализовался в апреле 1907 г. и был закрыт в октябре того же года. К этому времени союз

насчитывал до 4 тыс. членов, платящих взносы (при 11 тыс., записавшихся в союз). Руководство в союзе принадлежало меньшевикам и примыкавшим к ним беспартийным, в связи с чем союз особенно упорно отстаивал нейтральность, отвергая соглашение с партией по общим выступлениям даже от случая к случаю. За короткое время союзы рабочих печатного дела возникли почти во всех сколько-нибудь крупных городах. К началу 1907 г. насчитывалось до 80 союзов рабочих печатного дела, в 60 из них насчитывали до 30 тыс. членов номинальных при 20 тыс. платящих взносов, что составляет 33,4% охвата всех рабочих; меньше всего процент охваченных был в Петербурге (17,5%), в Москве он доходил до 40%, а в Одессе и Киеве даже до 78 и 73%. В апреле 1907 г. состоялась Всероссийская конференция союзов рабочих печатного дела, которая избрала центральный совет союзов в качестве руководящего органа; в последнем, как и в отдельных союзах, влияние принадлежало меньшевикам.

Среди *торговых служащих* (см. ХЛІ, ч. 8, 603/07) движение шло по двум линиям: борьбы со старыми обществами взаимопомощи приказчиков с целью завоевания их и организации новых союзов. Особенно острая борьба между умеренным и революционным крылом торговых служащих разгорелась в Петербурге, где при деятельном участии в движении большевиков к ноябрю 1905 г. победа досталась пролетарским элементам; летом 1906 г. союз был закрыт и, перейдя на нелегальное положение, перенес центр работы в районы, которых насчитывалось до 10. Снова легализован был союз в июне 1907 г., но не в виде единого, а четырех отдельных союзов (мануфактуристы, съестники, дрогисты, «хозяйственники»). В общем, среди торговых служащих преобла-

дали мелко-буржуазные течения, благодаря чему некоторый успех среди них одно время имели к.-д., как в Петербурге, так и в других местах.

С конца 1905 г. стали возникать *межсоюзные объединения*, получившие название центральных бюро. Московское Ц. Б. организовалось в конце сентября 1905 г. на совещании 26 профсоюзов, созванном для обсуждения поднятого харьковским обществом взаимопомощи вопроса о созыве съезда. В Петербурге Ц. Б. возникло приблизительно в то же время и на таком же собрании. Московское бюро в начале своей деятельности объединяло 42 союза, петербургское — 35, такие же бюро возникли скоро и в других городах. Бюро сосредоточили в своих руках объединение движения, активно содействовали возникновению новых союзов и т. п. В составе московского Ц. Б. большевики были в меньшинстве, в Петербурге Ц. Б. было полностью меньшевистским, с влиятельным правым крылом, которое пыталось придать деятельности союза явно трэдунионистский характер, подменяя в политическом руководстве союзов с.-д. партию центральным бюро. С первых же дней широкого профдвижения созрела необходимость в созыве всероссийского съезда профсоюзов для разрешения ряда организационных и общих вопросов движения. Однако, ни в 1905 г., ни тем более в последующие годы съезда созвать не удалось, и его заменили две нелегально состоявшиеся *конференции профсоюзов*. Первая состоялась в Москве (24 сент. — 4 окт. 1905 г.) и была непосредственно связана с тем же, поднятым Харьковом, вопросом о созыве съезда. На этой же конференции выявились коренные разногласия между меньшевиками и большевиками по вопросам профдвижения. Меншевики, среди которых уже тогда была популярна идея рабочего съезда, пред-

ложили привлечь на съезд представителей от рабочих отдельных фабрик и заводов; таким образом, проектируемый съезд должен был потерять характер представительства организованного в профсоюзы пролетариата и превратиться в беспартийный рабочий съезд. Большевики отстаивали созыв представителей профсоюзов. Предложение меньшевиков, поддержанное «освобожденцами», было принято в том смысле, что к участию в съезде допускались не только «представители организаций на отдельных фабриках и заводах», но и «представители рабочих объединенных фабрик и заводов». Конференция постановила созвать съезд в декабре 1905 г., но вместо него в феврале 1906 г. удалось созвать вторую конференцию, на которой возникли разногласия по вопросу о легализации союзов на основании закона 4 марта 1906 г. Среди меньшевиков, ставивших уже тогда точку на революции, преобладала тенденция легализации союзов, открытого их существования; большевики в условиях еще продолжающейся революции выдвигали задачи развернутой классовой борьбы союзов, предпочитая условия нелегального существования союзов их полицейской легальности. Конференция приняла условную формулировку, допускающая использование закона в тех случаях, когда невозможно существование союзов на других основаниях. В апреле 1907 г. состоялось расширенное совещание оргкомиссии по созыву съезда, на котором меньшевики отстаивали созыв не съезда, а конференции (поставлено было созвать съезд) и снова выдвигали идею рабочего съезда. На основании постановлений совещания оргкомиссия приступила к подготовке съезда, но созвать его не удалось. Данные, собранные оргкомиссией, дают некоторое (в виду неполноты их) представление о развитии профдвижения к весне

1907 г. К этому времени имелись сведения о 652 союзах, объединявших 245.335 членов. Лучше других организованы были металлисты (54.173 чл.), за ними следуют текстильщики (37.214), торговые служащие (32.475), печатники (28.654). Из отдельных городов Петербург насчитывал 44 союза и 51.782 чл., Москва — 46 и 48 тыс., Лодзь — 17 и 26 т., Баку — 18 и 11.830, в остальных городах число членов не доходило до 10 тыс. в каждом. Оргкомиссия считала, однако, и эти данные преувеличенными. К 1907 г. (август) относится участие русских профсоюзов в международном социалистическом конгрессе в Штутгарте; на конгрессе присутствовало 9 делегатов, представлявших 80¹/₂ тыс. организованных рабочих.

Уже с первых дней возникновения союзов разгорается борьба вокруг них между большевиками и меньшевиками. Последние отстаивают до конца нейтральность союзов, примат профессионально-экономических задач перед политическими; профсоюзы, призванные, по выражению Маркса, быть школой коммунизма, они не прочь были растворить в «рабочем съезде», самая идея которого ликвидировала и с.-д. партию и руководство последней союдами; в меньшевистском руководстве союдами влияние принадлежало б. «экономистам» и рабочедельцам, которые в «политических» традициях «Искры» видели тормоз профдвижения. Большевики же, придавая решающее значение самостоятельной, руководимой партией классово-борьбой рабочего класса, последней подчиняли задачи профсоюзов; в этом смысле Ленин противопоставлял «теорию нейтральности союзов» «теорию о необходимости тесной связи их с революционной с.-д.», указывая, что первая неминуемо означает «притупление классовой борьбы пролетариата». Большевики с самого начала практически придерживались

такой точки зрения и в Москве, напр., с момента возникновения союзов проводили линию их партийности, а на объединительном съезде выступили, в противовес меньшевикам, со своей резолюцией о профсоюзах. Профсоюзы развивались, таким образом, под перекрестным влиянием двух течений в с.-д. партии, при чем если полностью еще не выявились, то отчетливо намечались два типа их: революционные, руководимые большевиками (напр., московский союз текстильщиков), и реформистские, руководимые меньшевиками (напр., петербургский союз рабочих печатного дела). Более полно эти тенденции выявились позже, как позже началась и острая борьба за овладение союзами.

Рабочий класс и объединенный капитал в годы первой революции. Первый же месяц революции принес образование предпринимательских боевых союзов, направленных против рабочих. Уже 6 января 1905 г. петербургские предприниматели сгруппировались вокруг «Общества для развития и улучшения фабр.-завод. промышленности» и, установив контакт с министром фин. Коконцевым, заключили соглашение, предусматривающее отклонение требований рабочих. В феврале московские фабриканты выступают с планом заключения общей конвенции «на предмет установления для ее участников перечня тех требований, по которым уступки (рабочим) не должны быть допускаемы», а в марте 1905 г. такая конвенция заключается петербургскими заводчиками и фабрикантами, чем было положено начало их объединению в боевой союз, позже оформившийся в «Общество фабрикантов и заводчиков». К конвенции сразу присоединилось 142 предприятия с 95.800 рабочими, т.-е. большинство петербургских предприятий, примеру которых впоследствии последовали московские фабриканты, организовав «Общество

заводчиков и фабрикантов московского промышленного района». Организации эти стали руководящим центром борьбы с рабочим движением.

Если мартовская конвенция обязывала подписавших ее отвергать все существенные требования рабочих, то в дальнейшем задача заключалась для капитала в том, чтобы выработать такую систему общих действий, которая обеспечивала бы проведение конвенции в жизнь. Располагая богатым опытом аналогичных организаций на Западе, предпринимателям не стоило большого труда такую систему выработать. Уже мартовская конвенция неизбежно вела к применению локаутов (см.), и в эту сторону направляет свое внимание объединенный капитал. Ответом на требование петербургских рабочих, подкрепленное стачками, о введении 9-ти часового рабочего дня (первая половина 1905 г.) был частичный локаут. Когда в октябре рабочие начали вводить революционным порядком 8-мичас. раб. день, собрание металлзаводчиков постановило «закрыть свои заводы впредь до того времени, когда окажется возможным вновь начать работу по существующей ныне на каждом заводе норме рабочего времени». Постановление это было подписано 65 заводами с числом рабочих 55 тыс., а примененный вслед за тем локаут охватил не менее 50 тыс. рабочих. В ответ на декабрьскую забастовку в Петербурге в связи с московским восстанием объединенные заводчики постановили предупредить рабочих, что в случае невозобновления немедленно работ предприятия будут закрыты, зар. плата за дни стачки выдана не будет, а заводоуправления сохраняют за собой право штрафовать рабочих за неявку на работу по случаю стачки. Петербургская практика усваивается предпринимателями прочих районов, принимая особенн) широкие размеры в 1906 г.,

после разгона первой Думы. С исключительной жестокостью был проведен локаут 30 тыс. текстильных рабочих в Лодзи; значительного числа (25 тыс.) рабочих коснулся локаут на текстильных фабриках Владимирской губ., а также в типографиях ряда городов (Киев, Саратов, Таганрог и др.). Но в борьбе объединенного капитала с рабочими локауты не были, конечно, единственным средством. «Черные списки» рабочих, практиковавшиеся и раньше в порядке частного «обмена» между отдельными фабрикантами, теперь вводятся в организованной форме. Когда летом 1906 г. на некоторых металлических заводах Петербурга применен был локаут, а рабочие ответили бойкотом срочных заказов этих заводов, объединенные предприниматели объявили контрбойкот рабочим, принимавшим участие в конфликте, — с этого времени черные списки стали обязательными для членов «Общества», организуется своего рода бюро справок («справочный отдел») о рабочих, которых на работу принимать не следует. «Общество» строго проводит политику отказа рабочим в уплате за дни стачек и расторжения договора найма с негодными рабочими по любому поводу, издавая для предпринимателей особое на эти случаи практическое наставление. Когда рабочие начали предъявлять иски об уплате за дни стачек, фабриканты, не довольствуясь солидарным действием через «Общество», путем давления на правительство добиваются издания указа сенату, удовлетворяющего требованиям капитала. Указ (март 1906 г.) признал, что рабочие не имеют права на получение зар. платы за время стачек и двухнедельного заработка, при расчете, если они явились на работу и не были допущены к ней по причине закрытия предприятия, вызванного «опасением насильственного действия забастовщиков». Этим

самым предприниматели освобождались не только от выдачи зар. платы за дни стачек, но и от уплаты двухнедельного заработка при объявленном ими же локауте. Само собой разумеется, что объединенные предприниматели бойкотировали рабочие организации и всячески стремились подорвать их значение. Особым постановлением «Общество» обязалось не вступать при конфликтах в сношения с профсоюзами, а когда в апреле 1907 г. рабочие одного завода обратились к заводууправлению с просьбой о выдаче ссуды на открытие кооператива, «Общество» предложило отказать рабочим, так как «под предлогом собраний для обсуждений о потребительских лавках» рабочие могут «легко устраивать митинги при участии лиц посторонних» и т. д. Если в 1905 г. особенного успеха тактика объединенного капитала не имела, сталкиваясь с бурным наступлением рабочего класса, то по мере спада революции агрессивность капитала все более увеличивалась, обостряя этим самым классовую борьбу.

Рабочее законодательство. Под непосредственным влиянием 9 января 1905 г. и движения в связи с комиссией Шидловского (см. XXIII, 702) правительство приступило к пересмотру рабочего законодательства. В конце января по постановлению комитета министров образована была комиссия под председательством Коковцева, приступившая к разработке ряда проектов. Проект о продолжительности рабочего времени предполагал ограничить ночную работу 8-ю час., приравнивал непрерывные работы к обычным, ограничивал применение сверхурочных работ, устанавливал кару за нарушение закона. Проект о стачках сохранял уголовное наказание за принуждение к стачке путем насилия или угроз, провозглашая общую ненаказуемость за участие в стачках, но сохраняя наказание за участие в стачках

в предприятиях общественно-необходимых (водопровод, электростанции и т. п.). Разрабатывались также проекты о страховании рабочих и об оказании рабочим врачебной помощи. Все эти проекты встретили оппозицию со стороны промышленников, принимавших в комиссии участие, и сделали работу ее совершенно бесплодной, а когда промышленники под предлогом тяжелого впечатления, произведенного на них разгромом флота под Цусимой, ушли из комиссии, правительство воспользовалось этим, чтобы похоронить поднятые комиссией вопросы. Впоследствии, перед созывом первой Думы, образована была комиссия под председательством мин. торг. и пром. Философова (см. XXIII, 711/12), которая занялась некоторыми из этих вопросов и с таким же успехом их замариновала. С другой стороны, под влиянием нараставшей революционной борьбы, 15 апреля 1905 г. был отменен циркуляр 12 авг. 1897 г. о мерах борьбы со стачками, а 4 авг. 1905 г. постановлением комитета министров было предоставлено министру юстиции временно приостановить уголовное преследование по делам о стачках и самовольном уходе рабочих. Этим и ограничились уступки, вырванные пролетариатом у правительства. Вступив на путь борьбы с революцией, правительство первые свои удары направило против рабочих. 2 дек. 1905 г. издан был закон, который, признавая ненаказуемость мирно протекающих стачек, вводил ряд ограничений, направленных, прежде всего, против ж.-д. рабочих. Закон сохранил общую наказуемость «принуждения» к стачке «посредством насилия и угроз» и в то же время брал под защиту штрейкбрехеров, предусматривая вознаграждение тех служащих и рабочих правительственных учреждений, казенных и частных ж.-д., которые пострадали за отказ от участия в стачке.

Далее закон установил наказуемость за «возбуждение» к стачке служащих и рабочих ж. д., телефонов общего пользования и вообще таких предприятий, приостановка работ которых угрожает общественным бедствием или безопасности государства; служащие в этих предприятиях, помимо тюремного заключения, подлежали увольнению со службы. Повышая во всех этих случаях кару за «возбуждение» к стачке и за применение угроз и насилия, закон заключением в крепости особо карал за участие в «сообществе», имеющем целью возбуждение к стачке. Не довольствуясь всеми этими мерами, правительство законом 14 декабря 1905 г. предусматривало предание суду и наказание по законам военного времени виновных в устройстве стачек, на борьбу с которыми был направлен закон 2 декабря. В апреле 1906 г. действие закона 2 дек. было распространено на предприятия морского и речного пароходства. 15 апр. 1906 г. был издан закон о стачках сельских рабочих, который, помимо общей наказуемости за принуждение к стачке и за умышленное повреждение имущества, вводил особое наказание за возбуждение к стачке для лиц, не работающих у владельца имения, при чем последние подлежали наказанию и в том случае, если стачка не состоялась. Все эти законы, хотя они касались отдельных категорий рабочих (ж.-д., сельских рабочих и рабочих «общественно-необходимых» предприятий), означали общий переход к борьбе со стачками, который был уточнен как в административном (воспреещение стачек на основании обязательных постановлений, издаваемых в порядке положения об усиленной охране), так и в судебном порядке (широкое применение к стачкам ст. 269¹ уголовн. улож.). 4 марта 1906 г. изданы были временные правила о профессиональных

обществах, построенные на последовательно полицейской основе. Целью обществ ставилось «выяснение и согласование экономических интересов», а не «защита» последних, как формулировал первоначальный проект, чем исключались боевые задачи обществ; устав обществ должен был регистрироваться; запрещалось образование стачечных фондов, запрещалось также соединение нескольких обществ в союз; закрытие обществ предоставлено было административной власти, но не суду, и т. д., — словом, рамки деятельности профсоюзов были сужены до возможного предела, а самые союзы поставлены под бдительный надзор начальства. — Последним из этой серии законодательного творчества самодержавия в год революции был закон о «нормальном отдыхе» торговых служащих и ремесленных рабочих, изданный 15 ноября 1906 г. (см. *воскресный отдых*, XI, 317/18). Закон устанавливал общие нормы (12-тичасовой рабочий день с двухчасовым перерывом, воскресный и праздничный отдых, предоставление малолетним и подросткам возможности посещать школу и т. п.), но делал из них ряд исключений, а фактически установление отдыха предоставлял обязательным постановлениям городских дум и земских собраний, предусматривая образование особых т. н. смешанных комиссий из представителей предпринимателей и рабочих для предварительного обсуждения обязательных постановлений. Такая постановка вопроса, отдававшая нормирование труда в руки купеческих дум и помещичьих земств, не сулила торговым и ремесленным рабочим ничего хорошего и в действительности не принесла им ничего нового. Вообще же все рабочее законодательство времен первой революции было направлено к ликвидации всех завоеваний рабочих.

Экономические завоевания рабочих.

Экономическая борьба рабочих была в общем успешна для рабочих, и успех этот определялся силою натиска их на предпринимателей. Каковы же были в действительности завоевания рабочих? Ряд данных говорит о том, что рабочие добились фактического снижения рабочего дня. По закону 2 июня 1897 г. недельная продолжительность рабочего времени не могла превышать при дневной работе $67\frac{1}{2}$ час. ($11\frac{1}{2}$ ч. в будние дни и 10 час. в кануны воскресных и праздничных дней). К середине 1906 г. в текстильной промышленности продолжительность рабочей недели при односменной работе понизилась, в среднем, до $61\frac{1}{2}$ —62 ч., при двухсменной—до 54 ч. и даже 52 ч., в металлической она снизилась соответственно до 58—59 и 60 ч., в типографиях—до 54 ч., в прочих производствах—приблизительно до 63 ч.; для текстильных рабочих это означало (по сравнению с 1904 г.) уменьшение рабочей недели при односменной работе приблизительно на 1,7—3,7 ч., при двухсменной на 3,2 ч., для металлистов на 2,6—3,6 ч. К началу 1907 г. из 46 металлообрабатывающих заводов Петербурга в 22-х рабочая неделя составляла 57 и меньше час., в 19-ти по субботам работали 8 и меньше часов. В Московской губ. по всем группам производств при работе одной сменой 60,7% рабочих было занято 9-10 час. в сутки, 13,3%—8-9 ч., 15,1%—10-11 час. и 9,5%—11-12 ч.; в частности, среди текстильных рабочих было меньше работавших 9—10 ч. (58,4%) и 8—9 ч. (5,7%), среди же металлистов больше (64,5 и 34,5%). Некоторые группы рабочих добились ограничения рабочего дня 9 и 8 час.; так, 9-тичасовой раб. день был введен в ж.-д. мастерских и на некоторых казенных и частных металлических заводах, 8-ми час. раб. день в ряде типографий (Петербург, Москвы,

Киева и др. городов), на некоторых сахарных заводах (при трехсменной работе), на некоторых уральских заводах. В общем, однако, все эти завоевания не были сколько-нибудь значительными для рабочих: сокращение рабочей недели на 3 и даже 4 часа не могло принести рабочим чувствительного облегчения, а кроме того, во всех приведенных расчетах не приняты во внимание сверхурочные работы, повышавшие продолжительность рабочего дня, во всяком случае, не меньше, чем на полчаса в сутки, т.-е. превышавшие сокращение урочной рабочей недели. Что касается изменения в зар. плате, то, по данным фабричной инспекции, она по сравнению с 1904 г. увеличилась в 1906 г. на 8,3% и в 1907 г. на 20,4%; в частности, по Московской губ., относительно которой имеются более точные данные, за то же время зар. плата увеличилась на 17,7%, при чем в бумагомачном производстве и в типографском—на 23,5%, в текстильном—на 21% и в производствах по обработке металлов—на 11,4%. По Петербургу зар. плата к 1903 г. возросла в среднем на 20%, в Баку на 23%. Как эти, так и ряд других данных позволяют принять, что за годы революции зар. плата, в среднем, повысилась на 25—30%, но и эти бесспорные завоевания рабочих были весьма относительны. Прежде всего, в своем денежном выражении зар. плата осталась и при повышении низкой: в 1904 г. она составляла в среднем 214 руб. в год, т.-е. меньше 20 руб. в месяц, в 1907 г.—258 руб. в год, т.-е. ничтожно превышавшая 20 руб. в месяц. На такую зар. плату «средний» рабочий не мог жить сколько-нибудь сытно. Кроме того, за годы революции жизнь вздорожала, и рост зар. платы за этим вздорожанием не поспевал, так что реальная зар. плата не только не увеличилась, но понизилась. В общем, завоевания

в области зар. платы были все же для рабочих более чувствительны, чем в области рабочего времени. Однако, наибольшие завоевания были достигнуты не в этом. Борьба рабочих развертывалась по всему фронту; при сменении экономической борьбы с политической, она наиболее сильный удар нанесла по патриархальщине, по крепостным пережиткам. За годы революции раб. класс неизмерно вырос, окреп в активности, в отстаивании своих прав и в отпоре нажиму капитала. То, что раньше было легко достижимо капиталисту, теперь затруднялось наступлением рабочих и готовностью их отстоять свои интересы стачкой. Эгого рода завоевания рабочих можно иллюстрировать данными о штрафах, как наиболее ярким выражением подавления прав рабочего. Если в 1901 году на каждые 100 руб. заработка приходилось 22,5 коп. штрафа, то в 1906 г. последний составлял 9,6 коп., т.-е. сократился на 57,5%, а средняя сумма на одного рабочего уменьшилась с 45,4 коп. до 22,1 коп., т.-е. на 51%. Каждые 100 рабочих были оштрафованы: в 1904 г.—231 раз, в 1905 г.—152 раза, в 1906 г.—139 раз, в 1907 г.—158 раз; средний размер штрафа составлял на одного рабочего: в 1904 г.—18,4 коп., в 1905 г.—16,4 коп., в 1906 г.—16 коп., в 1907 г.—16,4 коп. По всем показателям 1905—1906 гг. дают резкое снижение. Вместе с тем понизилось число жалоб рабочих фабричной инспекции по поводу штрафов и незаконных вычетов: в 1905 г. они составляли 6,4% всего числа жалоб, в 1906 г.—2,5%, — очевидно, предприниматели не с прежней свободой распоряжались заработком рабочих. Показательно также сильное вообще повышение числа жалоб рабочих в эти годы: если до 1905 г. число их колебалось в пределах 18—19 т. в год, то в 1905 г. оно возросло до 22,7 т.,

при чем число рабочих, которых касались жалобы, увеличилось с 62 т. в 1904 г. до 190 т. в 1905 г. Так как в 1905 г. большинство конфликтов разрешалось стачками без всякого участия инспекции, посредничеству которой рабочие предпочитали содействие профсоюзов и выборных делегатов, то нужно думать, что такого рода активность, как обращение к инспекции, проявляли наиболее отсталые рабочие, для которых и такого рода отстаивание прав было шагом вперед. Передовые и наиболее организованные отряды рабочих вели, разумеется, более решительное наступление на старые фабричные порядки. Игнорируя закон о старостах, рабочие крупных, по преимуществу, предприятий выбирали делегатов, которые представляли в их интересах; в иных местах избирались рабочие комиссии как зародыш будущих фабричных комитетов. Отмечено это время и заключением ряда коллективных договоров, которые раньше не могли иметь место. Мы уже упоминали о борьбе за тарифный договор, которую вели петербургские и московские типографские рабочие; бакинские нефтяные рабочие заключили первый коллективный договор в конце 1904 г., в Москве договор был заключен союзом электромонтеров, в Одессе моряками торгового флота и т. д. В результате всех этих завоеваний рабочего класса, старые фабричные порядки дали основательную трещину, а фабрика в значительной мере перестала быть крепостью предпринимателя.

Значение революции 1905 г. далеко, конечно, не исчерпывается тем, что она принесла рабочему классу в результате экономической борьбы, хотя, не взирая на относительность этих завоеваний, «пятый год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколь-

ко десятилетий» (Ленин). Победы оставили в рабочем классе неискоренимый след сознания своей революционной силы; на поражениях он учился тому, что только новым, еще более сплоченным, вооруженным наступлением сможет он свалить самодержавие, что в этой борьбе он имеет против себя сплоченные ряды контрреволюционной буржуазии и что к победе над царизмом и капитализмом он придет через жестокие бои гражданской войны, как передовой боец ее, вокруг которого собираются массы эксплуатируемых и, прежде всего, крестьянства. Этого закала ослабить и этой веры убить не смогла наступившая реакция, а с возобновлением борьбы они еще более укрепились, каждый раз с новой силой подчеркивая значение первой революции, с руководящей в ней ролью рабочего класса, как пролога пролетарской революции.

7. *Рабочий класс в годы реакции.* Разгон 2-й Гос. Думы открыл полосу реакции, которая была для рабочих тем более тягостна, что совпала с промышленной депрессией, продолжавшейся во все время войны и революции и обострившейся в 1908—1909 году. Реакцией, воцарившейся на истощении сил рабочего класса, воспользовался объединенный капитал, чтобы перейти в наступление и ликвидировать завоевания рабочих за годы революции. Еще с большей силой, чем раньше, предприниматели прибегают к общему и частичному расчету рабочих, в котором мотивы сокращения производства в связи с депрессией переkreшиваются с мотивами расправы с рабочими. Безработица охватывает массы рабочих: уже к началу 1908 г. на некоторых только предприятиях Петербурга, подчиненных надзору фабричной инспекции, число рабочих сокращается на 10 т., на металлообрабатывающих заводах московского района рассчи-

тано было до 25—30% рабочих, за 10 м-цев 1908 г. петербургский союз металлистов насчитал 25% безработных членов, на уральских заводах к 1910 г. насчитывалось 30 50, 60 и даже 80% безработных и т. д. и т. д. Перед лицом голода, который ждал рабочего за воротами завода, капитал мог смело пойти на ухудшение всех сторон жизни рабочего. В эти годы идет усиленная замена труда мужчин трудом женщин, как более дешевым и более покорным. Если в 1894/95 гг. среди взрослых рабочих женщины составляли 24%, и в 1903 г. — 35%, то в 1909 г. они составляли 42%, а в 1910 г. — 43%; применение труда подростков обоюго пола за то же время осталось почти без изменения: в 1894/95 гг. они составляли 8,4% всего числа рабочих, в 1909 г. — 8,6% и в 1910 г. — 9,1%, — очевидно стремление капитала получить не вообще только более дешевую силу, но заменить взрослых мужчин взрослыми женщинами. В итоге, с 1901 по 1909 г. число женщин (всех возрастов) увеличилось на 24,6%, между тем как общее число рабочих возросло на 8,3%, т. е. рост применения труда женщин обогнал рост общего числа рабочих. Фабричная инспекция отмечала, что если раньше труд женщин был распространен преимущественно в текстильном производстве, то теперь он распространялся на другие производства — сахарное, табачное, спичечное, канатное, стеклянное, цементное и другие, при чем сфера распространения все ширилась, захватывая такие отрасли промышленности, где прежде применялся исключительно мужской труд. Если более усиленное применение женского труда имело целью понизить стоимость рабочей силы, то этой цели капитал достигал и обильным снижением зар. платы. По данным фабричной инспекции, средний заработок увеличился с 1906 по 1909 г.

на 2⁰/₀, но есть все основания думать, что это среднее не выражает действительного положения и условия для рабочих сложились многим хуже. «Своды отчетов» фабричной инспекции отмечают особенно тяжкий застой в металлургической промышленности, когда заводы сплошь и рядом работали не полной неделей, сокращали рабочее время; в Московской, например, губернии, делили рабочих на две части, из которых каждая по очереди работала две недели. То же наблюдалось и в текстильной промышленности, которой застой коснулся не так сильно. Все это должно было, конечно, полизить заработок рабочих. Отсутствие каких-либо общих и более точных, чем у фабричной инспекции, данных не позволяет установить, насколько в действительности понижился заработок рабочих, но отдельные сверх приведенных данные, во всяком случае, говорят о том, что в виду продолжавшегося роста дороговизны он понизился не только номинально, но и реально. Заработок снижался, в частности, усилением штрафов: на 100 рублей зар. платы штрафы повысились с 9,6 коп. (в 1906 г.) до 10,1 коп. в 1907 г., 13,9 коп. в 1908 г., 14,8 коп. в 1909 г. и 16,3 коп. в 1910 году; размер штрафа на одного рабочего также увеличился: с 25,9 к. (в 1907 г.) до 33,9 к. в 1908 г. и до 35,2 коп. в 1909 г. Особенно возросли штрафы за неисправную работу, т.-е. по тем поводам, которые ближайшим образом имеют целью снижение зар. платы: в 1906 г. случаи таких штрафов составляли 76⁰/₀, в 1907 г. — 75⁰/₀, в 1908 г. — 78⁰/₀, в 1909 г. — 82,1⁰/₀. Одновременно принимаются меры к повышению интенсивности труда, выкачиванию в ту же продолжительность рабочего времени большей прибавочной стоимости. По предложению Общества фабрикантов и заводчиков, петербургские заводы пере-

ходят на почасовую плату, вводится «американка» с отметкой времени выполнения работы и с выдачей премии за экономию времени, при чем если рабочий сэкономил время, то соответственно понижалось и время, назначенное на выполнение работы, — в результате заработок начинал понижаться. Теми же мотивами диктуется введение новых технических приемов производства, ускорение работы машин, станков и т. п. Текстильные фабрики устанавливают паровые турбины; чесальные машины, вырабатывавшие 3 п., начали вырабатывать 9 п., рабочих переводят с двух станков на 3, в типографиях усиленно вводят наборные машины, и т. д. Капитал наступал с чрезвычайной активностью по всему фронту, не только отбирая одно за другим то, в чем он в годы революции должен был уступать, но и дальше ухудшая положение рабочих.

Условия самозащиты рабочих в то же время чрезвычайно ухудшились. Полицейские репрессии, аресты и высылки затрудняли борьбу, профсоюзы закрывались, число их членов уменьшалось, кассы пустели. В середине 1908 г. в Петербурге осталось 28 союзов (из 44 в 1907 г.), число членов в них упало до 22.300, при чем в 8-ми крупнейших на 17.200 записавшихся приходилось всего 7.418 платящих взносов, а в середине 1909 г. таких осталось 5.418; в первом полугодии 1908 г. дефицитен был один союз металлистов, во втором полугодии — пять союзов, доход восьми более крупных союзов едва доходил до 14 тысяч р., т.-е. на каждый союз, в среднем, прихотилось меньше 2 т. р. В провинции многие города и группы рабочих остались без союзов, которые были в полицейском порядке ликвидированы, а там, где они сохранились, влачили печальное существование при мизерном числе членов и пустых кассах. В таких условиях — политиче-

ской реакции, промышленной депрессии, наступления капитала, обессиливания раб. кл.—активность последнего могла только пасть. Ноябрь 1907 г. дает последний, относительно скромный, подъем волны политических стачек—это петербургские рабочие бастуют в день суда над с.-д. фракцией 2-ой Думы, а затем стачечное движение сокращается до минимума. В 1908 году бастует всего 176.101 (или 9,7% всего числа рабочих), в 1909 г.—64.166 (3,5%), в 1910 г.—44.623 (2,4%); в 1909 г., по сравнению с 1907 г., число бастовавших уменьшается в 10 раз, а в 1910 г. приближается к 1895 г., когда бастовало 2% всего числа рабочих. Число участников политических стачек резко падает; в 1908 г. оно дает еще некоторый перевес над экономическими (53,9%, при абсолютном числе 94.899 бастовавших), в 1909 г. снижается до 15,9% (абсолютно—8.393), в 1910 г. до 8,2% (3.808). Экономическая борьба потеряла наступательный характер, а рабочим приносила поражение. Исход стачек в пользу предпринимателей в 1908 г. коснулся 68,8% бастовавших, в 1909 г.—51,5%, в 1910 г.—55,8%. Происходит также перераспределение сил участвующих в движении групп рабочих. В 1908 г. металлисты выделяют из своей среды 16,5% бастовавших, текстильные рабочие—7,2%, в 1909 г. активность тех и других падает дальше (3,8% и 5%); в 1910 г. металлисты дают некоторое повышение (4,1%), текстильщики—понижение (2,9%); при общем снижении в эти годы активности, металлисты уступают текстильщикам только в 1909 г. Но в общей массе бастующих перевес решительно оказывается на стороне текстильщиков: в 1908 г. металлисты составляют 23,5% всего числа бастовавших, текстильщики—32%, в 1909 г. первые 15% и вторые 60,8%, в 1910 г. первые 24,8% и вторые 53,7%. В

таком соотношении сказалось и большее истощение сил передового отряда (металлистов) и более глубокая экономическая депрессия в металлургической промышленности: 1909 г. наибольшей депрессии дает наибольшее понижение активности металлистов, которые, однако, в остальные из этих тяжелых лет относительно (по числу бастовавших к числу рабочих в группе) показывают большую активность, чем текстильщики.

В общем, условия для рабочих складываются неблагоприятно, как никогда раньше. И реакция имела бы все основания торжествовать, если бы не два обстоятельства. Годы борьбы оставили в рабочем классе неизгладимый след, веру в доказанную силу его, и эта вера не дала потухнуть активности и в самые мрачные годы реакции. Стоило несколько измениться условиям, обнаружиться прорыву на фронте экономической или политической конъюнктуры, чтобы снова воскресли традиции 1905 г. С другой стороны, существенно изменилось положение дел в Р. С. Д. Р. II. Во временном поражении рабочего класса меньшевики, как и буржуазия, видели окончательное поражение революции, наступление «1849 года», позволяющее устраиваться на новом месте, приспособиться к лже-конституционализму, которым прикрывалось военно-феодалное самодержавие, делавшее только шаги в сторону буржуазной монархии. В условиях самой дикой реакции, со всей силой направленной именно против рабочего класса, меньшевики пропагандировали использование всех легальных возможностей при отказе от нелегальных форм движения, практически выдвигали идею рабочего съезда, объявляли рабочую партию разложившейся, подлежащей ликвидации. Это значило разоружить рабочий класс как раз тогда, когда он нуждался в самом совершенном вооружении, это равно-

сильно было лишению рабочего движения всякой самостоятельности как раз тогда, когда «для пролетариата выдвигалась на очередь дня элементарная задача отстоять свою, пролетарскую партию, враждебную и реакционную, и контр-революционному либерализму» (Ленин). Отстоять партию, которая могла существовать тогда только нелегально, значило сохранить «авангард пролетариата», а, стало быть, и самый пролетариат, который без партии остается распыленной массой, пригодной для всяческих буржуазных экспериментов. По этому пути, обеспечивавшему победу в рабочем классе пролетарской тенденции над буржуазной, шли большевики. «Марксистская тактика, — писал Ленин, — состоит в соединении различных приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут ко все более глубокому и решительному конфликту». Сила тактики большевиков заключалась в те годы в соединении легальных и нелегальных форм борьбы и организаций, при подчинении первых последним, и тех и других — революционным задачам рабочего класса. В то время как меньшевики пытались укрепиться в профсоюзах, рабочих кооперативах, в просветительных рабочих обществах и в легальной печати, фактически ликвидируя нелегальную партийную работу, большевики сохранили и укрепляли партийные организации, используя и легальные возможности (профсоюзы, рабочую печать и т. п.). В докладах с мест на конференции большевиков (декабрь 1908 г.) отмечалось, что в большинстве крупных фаб.-зав. центров сохранились партийные ячейки, которые держатся почти исключительно на рабочих, что им приходится брать

на себя и руководство экономической борьбой; обессиленные репрессиями, малочисленные по составу, эти организации не покидают работы, собирая партийные силы и направляя их к возрождению борьбы рабочих (наиболее крепкая организация сохранилась в эти годы в Москве). С другой стороны, в выступлениях, организуемых рабочими на общих съездах (народных университетов в январе 1908 г., кооперативном в августе 1908 г., женском в декабре 1908 г., фабрично-заводских врачей в апреле 1909 г. и др.), образуются большевистские группы, которым удается сплачивать вокруг себя рабочих; такие же группы возникают в легальных организациях. Если в рабочих организациях, руководимых меньшевиками, по словам одного документа из меньшевистского источника (1909), «вместо подчинения всей работы общим задачам теперь развивается приходская политика, узкий местный эгоизм», а иногда и «просто одиночки, ничем между собой не связанные, копаются в том или другом рабочем обществе», то большевистскому «Социал-Демократу» в том же 1909 г. писали из Москвы, что внутри профсоюзов «работа идет по-прежнему», а сообщение конца 1910 г. гласило, что за исключением одного союза (поваров) все прочие «стоят на безусловно классовой точке зрения, ею одной руководствуются в своей деятельности». Плоды своей работы большевики могли таким образом учесть еще в самый разгар реакции. Этим самым связь рабочего движения с социализмом не только не порывалась, но и укреплялась в тяжелых условиях реакции, сохранялась преемственность с прошлым и подготавливалась возможность к переходу в новое наступление: «именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической

диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу» (Ленин).

8. *Рабочий класс в годы предвоенного подъема и процесс его большевизации.* Годы упадка движения прошли сравнительно скоро. Прорыв обнаружился, прежде всего, на фронте экономической конъюнктуры, которая показала признаки оживления в 1910 г. и затем перешла в промышленный подъем. Промышленное оживление немедленно привело к подъему рабочего движения, и это доказывает, что в годы реакции рабочий класс не растерял своих сил, но только отступил, чтобы при первой возможности перейти в наступление. Но обстоятельства сложились так, что перспективы роста одной экономической борьбы исключалась всеми условиями времени. Подъем рабочего движения не мог быть изолированным, оторванным от прошлого, он являлся одним из звеньев в цепи борьбы рабочего класса, и характер его должен был определиться, прежде всего, тем, что революция не была закончена и задачи ее не были разрешены. Рабочему классу предстояло выступить гегемоном в революции и в подготовке ее, и положение в партии, от которого это во многом зависело, к этому времени резко изменилось. На новом повороте истории буржуазная тенденция в рабочем движении, усилившись, окончательно определилась в виде ликвидаторства, упразднившего партию как авангард рабочего класса. Урок прошлых поражений, урок «исторической диалектики» говорил о том, что в новых условиях, при концентрации сил буржуазной контрреволюции, при ликвидаторских элементах в партии, укрепляющих эту контрреволюцию, рабочий класс в особенности сможет выступить гегемоном и победить, если силы его авангарда, партии, будут также консолидированы, очищены от примесей

справа в «слева», если руководство его будет избавлено от шатаний. Если круг влияния оппортунистических партий сужался, можно без всякого преувеличения сказать, с каждым месяцем, то активность большевиков приводила ко все большему завоеванию ими масс, к большевизации рабочего класса, претворению программных и тактических положений большевизма в практику повседневной борьбы рабочих. Быстрые темпы большевизации рабочего класса означали новый этап развития его как класса, на основе теории и революционной практики ленинизма, как марксизма эпохи империализма и борьбы рабочего класса за власть. Именно процессом большевизации обусловлен был характер рабочего движения этого периода, которого промышленный подъем сам по себе ни в какой мере определить не мог. Рабочие массы имели теперь руководство в экономической и политической борьбе, руководство своего авангарда — достаточно пока напомнить о завоевании большевиками всех крупных профсоюзов и большинства масс. В этом отношении предвоенное время так же отличается от 1905 г., как 1905 г. отличается от середины 90-х гг.

Общее представление о силе и размахе движения дают уже общие данные о числе бастовавших (над чертой — абсолютное число, под чертой — %/о/о).

	1911	1912	1913	1914
Участники эконом. стачек . . .	98.730	175.678	323.690	278.347
	92,0	24,2	36,4	20,8
Участники политических стачек	8.380	549.813	563.372	1.059.111
	8,0	75,8	63,6	79,2
Всего . . .	105.110	725.491	887.062	1.337.458
	100,0	100,0	100,0	100,0

Если в 1911 г. по сравнению с 1910 г. число бастовавших увеличилось на 125%, то в каждом из последующих годов по отношению к предыдущему году это увеличение состав-

ляло: 59%, 22%, 50%, а в 1914 г. по сравнению с 1911 г. число бастовавших увеличилось в 12 раз (при этом нужно принять во внимание, что данные 1914 г. относятся только к первой половине года, так как в военные месяцы этого года стачек почти не было). Общее число бастовавших в 1911—1914 гг. превышает 3 млн., почти на миллион уступая числу бастовавших в 1905—1906 г. Уже это одно говорит об исключительно высоком подъеме движения, приближавшегося по массе, в нем участвовавшей, к годам первой революции. Напоминает оно последние и в некоторых других отношениях. Сплетение экономический и политической борьбы выступает здесь, пожалуй, еще более ярко. Движение начинается как экономическое, но уже в 1912 г. принимает преобладающе политический характер; прирост участников экономических стачек в 1913 г. (85%) значительно опережает прирост участников политических стачек (2%), чтобы в 1914 г. дать понижение числа первых при значительном скачке вперед (90%) вторых: политическая борьба 1912 г. будит широкие слои рабочего класса, которые в 1913 г. почти удваивают число участников экономических стачек и затем в 1914 г. значительной своей массой вливаются в чисто политическое движение. По относительному числу участников политических стачек 1913 г. уравнивается с 1905—1906 гг., а 1912 и 1914 гг. превышают последние. Если принять во внимание, что в эти годы в стране была революционная ситуация, но революции не было, то относительно напряжение политической борьбы (по охвату ею массы) нужно будет признать большим, чем в 1905—1906 г., что, в свою очередь, говорит о росте рабочего класса и его активности.

Несколько по иному выступают теперь в движении отдельные группы рабочих, как это видно из следующих

данных по группам текстильных рабочих, типографских рабочих и металлистов (над чертой % бастующих к числу рабочих в группе, под чертой — % ко всему числу бастовавших):

	1911	1912	1913	1914
Текст. раб.	7,2	22,8	27,0	37,4
	59,8	27,8	27,9	20,6
Типогр. раб.	2,6	41,9	29,0	83,7
	2,3	5,7	3,5	5,7
Металлисты.	7,9	109,5	120,7	215,9
	23,0	51,0	52,4	56,0

Только металлисты поднимаются в своей активности до уровня 1905—1907 гг. (максимальный % к числу рабочих в группе в 1905 г. — 297, минимальный в 1907 г. — 74), типографские рабочие только в 1904 г. превышают показатели 1906 г. (60%) и 1907 г. (56%), далеко не достигая показателя 1905 г. (185%), текстильные рабочие еще более отстают и ни разу не доходят даже до показателя 1907 г. (56%). С другой стороны, эти три группы, вместе взятые, дают в 1912—1914 гг. почти неизменный % всех участников стачек (85,1%, 84,5%, 83,8%), оставляя на долю всех прочих групп 14,9—16,2%. В 1905—1907 гг. дело обстоит несколько иначе: на долю прочих групп пришло в 1905 г. — 21,6%, в 1906 г. — 19,8%, в 1907 г. — 26,9% всего числа бастовавших. Сопоставляя все эти показатели, мы должны прийти к заключению, что в движении 1912—1914 гг. металлисты занимали еще более ведущее положение, чем в 1905—1907 гг., что и в остальных двух группах, в особенности среди текстильщиков, выступал выросший с 1905 г. актив, а широкая масса в движение еще только втягивалась.

Еще больший свет на участие в движении отдельных групп рабочих могут пролить данные об относительном (по отношению ко всему числу бастовавших в группе) участии их в

политических и экономических стачках (над чертой — % участников экономических, под чертой % участников политических стачек), хотя, разумеется, точно их разграничить весьма трудно, так как экономические стачки неизменно перерастают в политические.

	1911	1912	1913	1914
Текст. раб.	98,0	32,8	56,6	41,8
	2,0	67,2	32,4	57,4
Типогр. раб.	91,1	20,4	15,5	5,9
	8,9	79,6	76,7	92,7
Металлисты.	74,0	16,2	22,8	11,7
	26,0	83,8	73,2	86,5

У текстильных рабочих преобладание экономических и политических стачек правильно по годам чередуется, у типографов и металлистов, за исключением 1911 г., преобладают политические, при чем в этом отношении печатники идут даже впереди металлистов. Сопоставление этой таблицы и предшествующей позволяет установить, что и при выделении каждой из групп своего актива остается неизменным отношение между передовым отрядом и широкой массой: первый в своем активе почти целиком отдается политической борьбе, увлекая за собой актив широкой массы, который в большей мере, чем передовики, сочетает экономическую борьбу с политической. Если к этому добавить, что передовой отряд, в свою очередь, вступает в движение под руководством партии, то приведенные данные, в особенности для данного периода, когда влияние партии по сравнению с 1905 г. сильно возросло, можно принять как наглядное выражение закономерности развития рабочего движения через воздействие партии на передовой отряд и последнего на широкую массу.

Само собой разумеется, что экономическая борьба в эти годы промышленного подъема носит наступательный характер. Если в 1910 г.

среди участников экономических стачек участники стачек наступательных составляли 38,3%, то в 1911 г. они составляли уже 52,6%, в 1912 г. — 59,9%, в 1913 г. — 77,9%, и в 1914 г. — 70,9%. В этом отношении стачечное движение по характеру своему приближается к движению 1905—1907 гг. Этого нельзя, однако, сказать о результатах стачек, как это видно из следующей таблицы (по % бастовавших рабочих):

	1910	1911	1912	1913	1914
В пользу раб.	9,5	17,0	8,9	5,8	18,6
Компромисс.	34,7	33,9	32,5	25,0	55,4
В пользу предприним.	55,7	48,9	58,5	69,0	25,9

В пользу рабочих заканчивалось весьма незначительное число стачек, и до 1914 г. решительно преобладает исход в пользу предпринимателей. Это находит свое объяснение, во-первых, в том, что натиск рабочих не достиг такой силы, как в 1905 г., и, во-вторых, в том, что теперь рабочим приходилось иметь дело с боевыми, оформленными и неоформленными, предпринимательскими организациями, чего в 1905 г. еще не было, во всяком случае — в такой степени. Только в 1914 г., когда движение приобрело максимальную силу, сразу резко падают случаи исхода в пользу предпринимателей и повышаются случаи исхода в пользу рабочих и компромисса. В общем, данные этих лет подтверждают, что успех рабочих на фронте экономической борьбы находился в прямой зависимости от силы натиска рабочих и активности их на фронтах борьбы политической. Естественно, что это должно было обострять борьбу, делать ее особенно упорной: в 1911 г. средняя продолжительность экономических стачек 8,1 дня, в 1912 г. — 10,6, в 1913 г. — 9,7 в 1914 г. — 14,3 дня.

Как отмечено, движение этого периода в начале (1911) носило экономический характер и затем в 1912 г.

сразу поднялось на большую высоту, перерастая в политическое. Толчок такому перерастанию дали известные ленские события (4 апреля 1912 г.), когда во время мирной экономической стачки на золотых приисках Ленского золотопромышленного общества учинена была кровавая расправа с рабочими, среди которых, по официальным данным, было 170 убитых и умерших от ран и 372 раненых. Конечно, толчком это событие могло послужить только потому, что рабочая масса уже раньше приходила в движение, покончив с пассивностью времени реакции. Весть о ленском расстреле послужила той искрой, от которой разгорелось настоящее пламя: стачки протеста, связанные с Ленной, охватили, по подсчетам официальным и моск. Общества фабрикантов, 200—230 т. раб., но в действительности — по крайней мере вдвое больше. Непосредственным продолжением этих стачек явилась первомайская стачка 1912 г., в которой приняло участие 300 тыс. рабочих. Широкое агитационное значение ленских стачек приводит к волне экономических стачек, которые охватывают с июля до конца 1912 г. 150 тыс. рабочих и в 1913 г. до 324 тыс. Рабочие требуют повышения зар. платы (на 10—30%), понижения рабочего дня (чаще всего до 9 час.), окончания работы по субботам в 2 часа дня; частыми становятся требования освобождения арестованных, обратного приема уволенных, увольнения директоров, инженеров, мастеров. Тесное сплетение экономической борьбы с политической, при высокой активности последней, повышает, как отмечено, упорство стачек, отдельные случаи которых далеко выходят за пределы обычного: в Петербурге в 1913 г. завод Новый Лесснер бастовал 102 дня, завод междунар. общества спальных вагонов 82 дня, завод Озолинга 60 дней, Айваз 52 дня.

В 1914 г. типография Яблонского бастовала три месяца. В общем же в 1913 г., по сравнению с 1912 г., стачки продолжительностью до 10 дней увеличились на 16,8%, а большей продолжительности — на 29,5%. Увеличилось и число повторных в течение года стачек в одном и том же предприятии. В 1912 г. повторные стачки составили 16% общего их числа, в том числе бастовавших от 3-х и более раз 39%, в 1913 г. первых было 16% и вторых 54%, в 1914 г. первых 18%, вторых 60%. Из отдельных, более крупных стачек 1913 г. следует отметить: стачку 25 тыс. бакинских нефтяных рабочих (июнь), требовавших 8-ми час. раб. дня, 42-х часового недельного отдыха, отмены сверхурочных работ, легализации празднования 1 мая и т. д.; стачку 5 тыс. нефтяных рабочих в Грозном (август), продолжавшуюся 22 дня с требованием 8-ми час. раб. дня, месячного отдыха, отмены сверхурочных работ и т. д.; стачку рабочих (около 3 тыс.) марганцевых промыслов в Чиатурах, — при чем все эти стачки проходили под руководством партийных организаций. В 1914 г. следует особенно выделить всеобщую забастовку бакинских нефтяных рабочих (свыше 34 тыс.), начавшуюся в конце мая и прерванную войной, и широкое движение текстильных рабочих Владимирской и Костромской губ., охватившее свыше 80 тыс. и продолжавшееся с мая по июнь. Как и в годы первой революции, движение этого периода отмечено вовлечением в него все новых слоев рабочего класса. Во многих городах бастуют ремесленные и строительные рабочие, трамвайные, движение захватывает горняков Донбасса и рабочих заводского Урала, долгие годы молчавших. На заводах, подчиненных горной инспекции, бастовало в 1912 г. свыше 10 тыс., в 1913 г. 19 тыс., в 1914 г. 40 тыс., на рудниках в 1912 г. 18 тыс.,

в 1913 г. 12¹/₂ тыс., в 1914 г. 8 тыс. (данные 1914 г. относятся только к первой половине его, так что, не разразись война, итоги полного года были бы значительно выше); в частности, уральские заводы, давшие в 1912 г. 3 тыс. бастовавших, подняли это число в первую половину 1914 г. почти до 12 тыс.

Характерною особенностью движения этого периода является, однако, не экономическая борьба, какой бы высоты она сама по себе ни достигла. В одном из докладов от имени ЦК, обращенном к международной с.-д., Ленин писал (в 1914 г.): «Наша партия ведет революционные стачки, которые растут в России, как нигде в мире», и пояснял, что под революционными стачками разумеет «стачки, соединяющие экономическую и политическую борьбу и революционную агитацию», т.-е. стачки, выходящие за узко-профессиональные пределы и выводящие рабочий класс на пути революционной борьбы с третье-июньской монархией. Ленин при этом подчеркивал значение, которое имеют такие стачки, вовлекая в борьбу крестьянство, и отсюда их «общенародный характер», а «самое важное и исторически-своеобразное в наших стачках» видел в том, что, развивая революционную стачечную борьбу, рабочий класс выступает как гегемон общенародного движения. И действительно, ни в чем так ярко не выступает своеобразие стачек этого времени, как в революционных стачках. Выражались последние, если иметь в виду политические стачки, в стачке-протесте против гнета самодержавного порядка во всем разнообразии его проявлений. Стачки такого рода не составляли редкого явления и в 1905—1907 годах, и это понятно, т. к. политическая борьба всегда конкретна и направляет свои удары по определенной цели. Своеобразие политических ста-

чек теперь заключалось в том, что они, так сказать, заполнили собою всю арену политической борьбы, что, не будучи еще, как в 1905 г., средством пролетарской борьбы в ходе революции, они были таким средством, воспитывающим и подготавливающим народные массы к революции, и выполняли они свое предназначение тем более верно, чем теснее сплетались с экономической борьбой, вовлекающей в движение все новые массы, и с революционной агитацией, вносящей в это движение сознание и организованность и поднимающей стачку на высоту революционной. Достаточно перечислить поводы политических выступлений, чтобы увидеть их характер и значение. В 1912 году этими поводами были: ленские события, присуждение к смертной казни севастопольских матросов (октябрь, всего по Р. бастовало до 250 тыс.), отмена выборов в Гос. думу по рабочей курии в Петербурге (апрель, свыше 50 т.), исполнение смертного приговора над севастопольскими матросами и открытие Гос. думы (ноябрь, до 30 т.), назначение представителей рабочих в Совет по делам страхования и преследование профсоюзов (декабрь, до 50 т.). В 1913 году: годовщина 9 января (бастовало по Р. до 150 т.), ленская годовщина (до 150 т.), 1-е мая (по Р. свыше 400 т.), суд над матросами Балтийского флота (июнь, по Р. свыше 60 т.), преследование рабочей печати (июнь, в Петербурге свыше 25 тыс.), дело Бейлиса (сентябрь, по Р. свыше 50 т.), суд над рабочими Обуховского завода за отказ работать во время стачки (ноябрь, в Петербурге свыше 80 т.) и ряд менее значительных (19 февраля, годовщина 17 окт., закрытие рабочих газет, оштрафование деп. Бадаева за столкновение с полицией). В 1914 году: 9 января (в Петербурге 140 т., по Р. до 300 т.),

далее, после ряда незначительных в феврале и в начале марта (19 февраля, годовщина суда над матросами, преследование рабочей печати и профсоюзов) — запрос в Гос. думе о ленских событиях (март, в Петербурге свыше 50 т.), отравление работниц на «Треугольнике» (март, в Петербурге до 150 т.), годовщина ленских событий (демонстрации в Петербурге), удаление из заседания Гос. думы депутатов с.-д. и трудовиков (апрель, до 70 т.), 1 мая (в Петербурге до 250 т.), приговор по делу обуховских рабочих (май, до 100 т.), суд над защитниками Бейлиса (июнь, Петербург до 25 т.), поддержка стачки бакинских рабочих (июнь), перерастающая (в июле) в борьбу, о которой скажем особо. Как видим, мотивы политических стачек самые разнообразные, но в разнообразии своем сконцентрированные на борьбе со старым порядком, — протестуя и борясь, рабочие, точно ударом в набат, зовут на борьбу других, еще в борьбу не вступивших. Этот «подъем идет стихийно, идет потому, что десятки миллионов полушролетарского и крестьянского населения передают, если можно так выразиться, своему авангарду настроение сосредоточенного возмущения, которое бьет ключом, льется через край» (Ленин). Но стихийно возникая, движение стихийным не оставалось. Если стачкам не всегда обязательно предшествовал партийный призыв, то до рабочих всегда, теперь и через рабочую печать, доходила тактическая линия партии. Вопрос об отношении к революционной стачке с первого же года подъема движения стал предметом острой борьбы в партийных кругах и в рабочей печати, так как в этом вопросе, как и в других, точки зрения большевиков и меньшевиков радикально разошлись. Меньшевики, высказываясь и раньше против соединения политических и экономических ста-

чек, теперь в особенности выступали против массовых стачек, считая их «стаечным азартом» и призывая рабочих примкнуть к «коалиционной кампании». Точку зрения большевиков, как она формулирована была Лениным, мы только что изложили, — добавим, что цена в революционной стачке лучшее средство втягивания в движение массы, Ленин ставил (1913) задачей «стихийно растущую революционную стачку поддержать, усилить, развить, укрепить сознательно (подчеркнуто Лениным) для подготовки восстания крестьян и войска», «чтобы глухое озлобление и сдержанный ропот деревни вместе с возмущением казармы нашли себе в революционной стачке рабочих центр притяжения». Эту тактическую линию и проводили большевики, которые, в борьбе с ликвидаторством и троцкизмом, одни и завоевали руководство движением. Руководство это осуществлялось, помимо заводских парт. ячеек, через рабочую печать, профсоюзы, больничные кассы, — через сочетание нелегальной работы с использованием «легальных возможностей». Процесс большевизации рабочего класса и выразался в том, что рабочие следовали этой тактике и, широко практикуя революционную стачку, проходили в ней школу борьбы и организации, выделяли все более многочисленный и крепкий авангард, который, порывая с «соглашательством» и готовый к борьбе за «неурезанные лозунги», поднимал и массу на решительную борьбу против самодержавия и капитала. Конкретным выражением именно этого процесса был в особенности переход накануне Мировой войны стачечной борьбы в открыто революционную. Всеобщая стачка в Баку в начале июля 1914 г. вызывает поддержку в Петербурге (денежные сборы, митинги), а когда при разгоне митинга на Путиловском заводе полиция уби-

вает рабочего (3 июля), то на следующий день начались стачки протеста, которые 10 июля, по официальным данным, охватили до 125 тысяч рабочих; к стачке примкнули вагоновожатые и кондуктора трех трамвайных парков, многие пекарни. На этот раз дело стачкой-протестом не ограничилось. Рабочие вышли на улицу с демонстрациями, во многих частях города происходили столкновения с войсками, сооружались баррикады, столица напоминала дни революции. Борьба продолжалась и после того, как объединенные предприниматели применили локаут и выбросили на улицу свыше 75 тысяч рабочих; движение начало перебрасываться в другие города (Москва, Харьков, Киев, Одесса, Ростов, Рига, Варшава и др.). Революционная стачка явно стала перерастать в вооруженное восстание, но война сразу прервала движение.

Объединенный капитал в борьбе с рабочим движением. Уже с первых дней подъема движения капитал ответил контр-наступлением на рабочих. Не рискуя применить репрессии к участникам «ленских» забастовок, петербургское общество заводчиков на первомайские стачки 1912-го года ответило оштрафованием рабочих. Однако, это решение не было проведено единодушно (применили штраф 19 и не применили 76 предприятий), в результате чего признано было необходимым пересмотреть конвенцию 15 марта 1905 г. как в смысле усиления ее боевого характера, так и в смысле фактического выполнения ее заводчиками. Новая конвенция заключена была 28 июня 1912 г. Воспроизводит многое из старой конвенции, новая отвергала всякое выборное представительство от рабочих (даже старост) и всякие сношения с профсоюзами, допуская переговоры только со «своими» рабочими, санкционировала и делала обязательной систему чер-

ных списков и, главное, — вводила «гарантии по исполнению конвенций»: каждый член общества вносил векселя на определенную сумму, из которой удерживалась неустойка в случае невыполнения конвенции. Чтобы укрепить фронт капитала, общество добилось если не формального, то фактического присоединения к конвенции казенных заводов, представители которых в августе 1913 г. стали совместно с заводчиками решать вопросы, связанные с выступлениями рабочих; добились предприниматели и того, что правительство признало возможным освободить их от уплаты неустоек в случае невыполнения заказов по причине стачек. Всем этим подготовлялись условия для дружного применения наиболее сильного средства борьбы с рабочими — локаутов. Практикуя и раньше частичные расчеты, объединенные заводчики переходят к организованным локаутам. Впервые в таком виде локаут был применен в ответ на стачки в связи с отравлением работниц «Треугольника» (март 1914 г.), когда группа механических заводов, объединявшая 35 тысяч рабочих, поддерживая казенными Обуховским и Балтийским заводами, постановила закрыть заводы на три дня, с расчетом рабочих. Затем последовал локаут в апреле в ответ на стачки в связи с удалением из заседания Гос. думы с.-д. и трудовиков, — на этот раз рассчитано было около 25 тысяч рабочих, а заводы закрывались на срок не менее двух дней. Скоро, однако, закрытие заводов на столь короткое время признано было недостаточным, и в мае 1914 г. общество заводчиков постановляет: «за один день забастовки закрыть завод на две недели и в случае повторения забастовки — на один месяц, каковой срок является высшей мерой во всех случаях». На таких новых основаниях локаут был применен в июле 1914 г. Фактически

сроки локаута были назначены разные для металлических (2 недели) и для текстильных (неделя) предприятий. На этот раз локаут охватил 76 тысяч рабочих на 75 предприятиях. В своем отчете за 1914 г. общество заводчиков скромно писало, что «действительное воздействие на утратившую всякое чувство меры рабочую среду, видимо, произвели меры военного порядка, к которым решило прибегнуть правительство в середине июля». Однако, стачка продолжалась и после локаута, и после вмешательства войск—конец им положила, как сказано, война. В таком же направлении развивалась деятельность капитала и в других промышленных районах, хотя наиболее агрессивна она была в Петербурге, пролетариат которого неизменно выступал в авангарде движения.

Профессиональное движение. Общий подъем рабочего движения должен был отразиться на подъеме и профессионального движения, как процесс большевизации рабочего класса должен был сказаться также в большевизации его через профсоюзы. Если в начале 1912 года руководство большинством профсоюзов находилось в руках меньшевиков, то уже в 1913 г. оно перешло к большевикам; особенное значение имели перевыборы (август 1913 г.) правления в крупнейшем и наиболее влиятельном из петербургских союзов—союзе металлистов,—когда список меньшевиков из 3.000 голосов собрал всего 150. К середине 1914 г. из 20 петербургских союзов только 3 (конторщиков, фармацевтов, чертежников) были всецело в руках меньшевиков, да в союзе печатников они разделяли руководство с большевиками, во всех остальных (металлистов, текстильщиков, деревообделочников, приказчиков и др.) руководство принадлежало большевикам. В Москве из 13 союзов не было ни одного меньшевистского. В этой боль-

шевизации союзов, определявшей их тактику и роль в движении рабочего класса,—то главнейшее, что принес профсоюзному движению период подъема, так как рост самих союзов, хотя и обнаруживал сдвиги, протекал в тисках полицейщины очень медленно. По некоторым подсчетам (сколько-нибудь точных данных для этого, как и для других периодов, нет), к началу 1912 г. по всей Р. насчитывалось 63 союза с общим числом членов до 15 тысяч, к концу 1912 г. насчитывалось уже 88 союзов с числом членов не менее 20 тысяч, к 1913 г.—118 союзов с числом членов не менее 45—50 т. За два года число союзов увеличилось почти в 2 раза, что указывает на большую тягу масс к объединению, но среднее число членов на один союз, если судить по данным союзов, о составе которых имеются сведения, остается скромным (450 чел.). Впрочем, в центрах профдвижения и для некоторых групп рабочих рост союзов происходил быстрее. Так, в Петербурге союз металлистов насчитывал в июле 1913 г. 3.353 члена, к январю 1914 г. 10.273, к марту 1914 г. 12 т.; союз печатников поднял число членов с 2.168 летом 1913 г. до 5 т. в начале 1914 г.; в союзе кожевников в 1913 г. было 600 чл., в 1914 г. 1.027, в союзе портных летом 1913 г. 1.576, в начале 1914 г. 2.642. В Москве союз металлистов за 3 месяца объединил до 2.000 членов, союз печатников поднял это число с 1.000 летом 1913 г. до 3.500 в июле 1914 г. По Петербургу к 1 января 1914 г. в 18 союзах считалось 24.560 членов, в среднем на 1 союз больше 1.300 членов; в отдельных союзах было членов: металлистов 9.033, печатников 5.100, приказчиков 1.962, булочников 1.505, деревообделочников 1.200, кожевников 1.027, конторщиков 700, архитектурно-строительных рабочих 520, трактирных служащих 512, экипажников 500, золото-

серебренников 481, фармацевтов 200, чертежников 150, футлярщиков 57. Однако, как и в прошлые годы, платящих взносы было многим меньше: у металлистов 53%, у печатников 45%, у архитектурных строителей 21% — в общем платящих взносы насчитывалось всего до 14 тыс.; в отдельных более крупных союзах замечается постепенный рост платящих: так, у печатников в 1910 г. в среднем платило взносы 775 членов, в 1913 г. — 1.121; у металлистов в 1910 г. — 2.433, в 1913 г. — 3.143. Если в общем даже принять, что в 1914 г. число членов союзов доходило до 150 т., то и в таком случае оно не достигало еще уровня 1907 г. (240 т.), хотя и обнаруживало тенденцию сильного роста, который задерживался систематическим закрытием (только за 7 месяцев 1912 г. преследования коснулись 50 союзов). Что касается отдельных профессий, то лучше других были организованы торговые служащие, насчитывавшие в конце 1912 г. 22 союза, в 1914 г. 60 — с десятками тысяч членов; летом 1913 г. состоялся съезд торговых служащих, на котором было представлено 34 союза (кроме того, насчитывалось 123 общества взаимопомощи). Печатники насчитывали в конце 1913 г. 16 союзов (в 9-ти из них было объединено свыше 6.000 членов), металлисты — 11 союзов (в 7-ми из них было свыше 8.000 членов), булочники — 10 (в 6-ти из них свыше 3.000 чл.), портные — 10 (в 5-ти из них 3½ тыс. членов), сапожники и кожевники — 10 (в 8-ми из них около 2½ т. членов), деревообделочники — 7 (в 5-ти из них около 2 тыс. членов). Рабочие прочих профессий (в том числе текстильщики) были организованы многим слабее. Скромнее был и бюджет союзов. По данным конца 1913 г. о 25-ти союзах (с охватом 24 т. членов), доход их составлял 77 т. р. в год, т.-е. в среднем по 3.000 р. на союз

и по 3 р. на одного члена; из числа этих союзов только в одном месячный доход составлял 1.500 и более рублей, в 2-х — от 500 до 1 тыс., в 5-ти от 200 до 500, в 8-ми от 100 до 200, в 3-х от 50 до 100, в 3-х от 25 до 50 и в одном даже 25 р. Общий расход всех 25 союзов равнялся 59.500 руб., что дает на одного члена около 2 р. 50 к. в год. Тем более достойно внимания, что из столь скудных средств союзы расходовали на помощь бастующим, безработным и арестованным 40% (на культурно-просветительную работу шло 10%, на расходы по управлению 50%). Значительность последнего рода расходов было подлинной данью полицейским условиям существования, требовавшим ряда часто непосильных для союза расходов (устройство собраний, переплата на квартире и т. п.). Большевикизация союзов активизировала их работу и сделала ее боевой. Стаечный фонд петербургского союза металлистов, например, увеличился с 1912 г. (2.746 руб.) до 1913 г. (8.399 р.) в 3 раза, а помощь бастующим, составлявшая в 1912 г. 30,5% всех расходов, возросла в 1913 г. до 48,3%, при сокращении расходов по управлению с 38,3% до 29,2%. Усилилось руководство экономической борьбой, в особенности в тех производствах, в которых не было сильных предпринимательских организаций; такие союзы, как портных, булочников, сапожников, золотосеребренников и т. п., почти систематически руководили стачками, вели переговоры с предпринимателями, а союзы бумажников, портных, сапожников и печатников заключили в нескольких городах ряд коллективных договоров. Напротив, там, где имелись сильные предпринимательские организации, союзам, как это было в петербургском союзе металлистов, удавалось вступать в переговоры только с мелкими предпринятиями, в союз заводчиков не

входившими. Межсоюзные местные объединения в этот период не укрепляются, попытки всероссийского объединения насчитываются редкими единицами: петербургский союз металлистов проектирует в 1913 г. созыв конференции, московский союз сапожников задумал даже созвать всероссийский съезд, да торговым служащим удалось в том же году созвать съезд, разогнанный полицией. Для правильной оценки всех этих скромных начинаний, как и всей деятельности союзов, не следует упускать из виду систематических полицейских преследований, которые не давали возможности союзам укрепиться, прерывали арестами и высылками преемственность движения и т. д. Петербургский союз металлистов, например, закрытый в марте 1912 г., возродился по старому неиспользованному уставу в апреле того же года, в августе был снова закрыт, затем после ряда отказов в регистрации возродился в марте 1913 г., в сентябре того же года деп. полиции был поднят вопрос о его закрытии, и закрыт был в марте 1914 г. И это, не считая частых арестов членов правления, разрушавших работу в те недолгие месяцы, когда союз не подвергался закрытию. О состоянии профсоюзного движения поэтому правильнее судить по тенденции развития его, проявлявшей вопреки всяческому полицейским преградам признаки несомненного роста и укрепления союзов: увеличилось число платящих взносы, не остывала энергия в возобновлении закрытого союза, вновь открытые быстро восстанавливали число членов, союзы приступали к изданию своих органов печати, укреплялось рабочее ядро работников союза, в процессе большевизации союза крепла связь с партией, которая, черпая силу в этой связи, в свою очередь расширяла боевую деятельность союзов и тем содействовала

их росту. Репрессии не давали развиться этому росту, а наступившая война привела к закрытию союзов, но все же в эти годы больше, чем в годы революции, и, конечно, еще больше, чем в годы реакции, закладывались прочные основы союзного строительства, формировались кадры рабочих - руководителей союзами, быстро изживались всякого рода тред-юнионистские иллюзии, а все это предопределило развитие союзов при следующем подъеме движения в 1917 г.

Рабочее законодательство. Ко времени, о котором идет речь, к числу законодательных органов прибавились Гос. дума и реформированный Гос. совет. Но это на судьбе рабочего законодательства, конечно, нисколько не отразилось. Единственный крупный закон, изданный после 1905—1906 гг., закон о страховании рабочих (июнь 1912 г.), путешествовал по министерствам с 1905 г. и был принят в конце концов и Думой и Советом под влиянием роста рабочего движения. Закон этот во многом уступал более ранним правительственным проектам страхования, также очень далеким от совершенства. Он распространялся только на крупные и средние предприятия (в общем, по признакам подчинения их надзору фабричной и горной инспекции), за исключением казенных предприятий и железных дорог, и предусматривал страхование только на случай болезни и от несчастных случаев. Страхование от несчастных случаев осуществлялось через страховые товарищества, членами которых могли состоять владельцы предприятий, и в основном повторяло положения закона 2-го июля 1903 г., переключившая вместе с тем выдачу части пособий пострадавшим на средства больничных касс. Страхование на случай болезни осуществлялось через больничные кассы, участниками которых являлись рабочие,

но распоряжение которыми во многом оставалось в руках предпринимателя: ему предоставлялось составление проекта устава кассы; в общем собрании, на ряду с выборными уполномоченными от рабочих, могли по назначению предпринимателя принимать участие его представители (им принадлежало $\frac{2}{3}$ голосов, принадлежащих уполномоченным от рабочих), ему же или лицу, им назначенному, принадлежало председательствование в общем собрании; членами правления, помимо выбранных общим собранием, могли также быть лица, назначенные предпринимателем (в этом случае выборных должно быть на одного больше, чем назначенных), председателем правления также мог быть тот же владелец предприятия. Всеми этими постановлениями самоуправление кассы ставилось в полную зависимость от воли предпринимателя, который в случае желания мог его свести до минимума. Средства кассы составлялись из взносов рабочих (от 1 до 5% заработка) и приплат предпринимателей в размере $\frac{2}{3}$ взносов рабочих, т.-е. в основном составлялись из взносов рабочих. Пособия кассой должны были выдаваться: 1) в случае болезни или несчастного случая, влекущего за собой утрату трудоспособности (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ заработка независимо от семейного положения или от $\frac{2}{3}$ заработка в зависимости от семейного положения; в случае болезни — с 4-го дня заболевания, но не более 26 недель или 30 недель в течение года при повторных заболеваниях, при несчастных случаях — до дня выздоровления и не более 30-ти недель), 2) по случаю родов (от $\frac{1}{3}$ до полного заработка в продолжение 2-х недель до родов и 4-х недель после родов, при чем воспрещались работы рожениц ранее истечения 4-х недель со дня родов, и 3) на погребение (от 20-тикратного до 30-тикратного дневного

заработка). Врачебная помощь застрахованным должна была предоставляться за счет владельца предприятия и могла быть принята на себя больничной кассой по особому соглашению с первым; помощь эта должна была оказываться до выздоровления, но не более 4-х месяцев со дня заболевания. Больничные кассы могли учреждаться каждая при одном предприятии или общая для нескольких, но и этот выбор ставился в зависимость от предпринимателя, которому предоставлялось составление устава. Для заведывания делами страхования были образованы местные присутствия по делам страхования и Совет по делам страхования в составе представителей разных ведомств и промышленников, а также правлений касс (в Совете — правлений петербургских касс). Таково в существенных чертах содержание закона. Не трудно заметить, что он и в минимальной степени не удовлетворял требованиям рабочих. Пойти дальше в ограничении прав рабочих в пользу предпринимателя, в переложении расходов по страхованию на самих же рабочих, в урезывании пособий — значило бы вообще отказаться от страхования.

Сверх этого закона, все прочее, что проектировалось в Гос. думе и министерских канцеляриях, оставалось в области проектов. Гос. дума хоронила в комиссии по рабочему вопросу проекты по рабочему законодательству не только с.-д. (о свободе стачек, внесенный в декабре 1911 г.), но и к.-д. Характерно, что и правительство и думская оппозиция в лице к.-д. проявили в этом отношении заботу о ремесленных рабочих и торговых служащих (см. *воскресный отдых*, XI, 317/18), пытались получить поддержку среди этих более отсталых рабочих слоев. Но и такого рода проектам не суждено было стать законами. Проект о нормальном от-

дыхе ремесленных рабочих был замаринован Думой, такая же участь постигла проект о найме торговых служащих, а прошедший через Думу проект о нормальном отдыхе торговых служащих был похоронен Гос. советом. Из более мелких проектов прошел через все стадии лишь правительственный проект о вознаграждении за несчастные случаи рабочих в предприятиях, подведомственных мин. финансов, впервые распространивший вознаграждение на торговых служащих (сидельцев казенных винных лавок). Тщательно старалась обойти Дума «рабочий вопрос» и в тех случаях, когда он вставал перед ней в виде запросов или вопросов, обращенных к правительству, в связи со всякого рода незаконными действиями властей: из 20-ти, например, таких запросов, внесенных с.-д. фракцией в 3-ю Думу, три было отклонено, 10 погребено в комиссиях, а по принятым объяснения министров признаны были в большинстве случаев удовлетворительными. Что касается в частности инициативы правительства, то в эти годы она была направлена к усилению мер борьбы с рабочим движением. С этой целью было образовано в октябре 1913 г., по почину мин. внутр. дел Маклакова, особое междуведомственное совещание, занявшееся прежде всего пересмотром законов о стачках; признав, что уголовной каре не подлежат участники мирных экономических и политических стачек, совещание усугубляло наказание для всех участников стачек, сопровождающихся насилием, угрозами или повреждением имущества, а также за «возбуждение к политической стачке», при чем последнее приравнивалось к гос. преступлениям со всеми вытекающими отсюда последствиями: повышением мер наказания (заключение в исправительный дом), передачей дознания жандармам с пра-

вом предварительного ареста и т. п. Одновременно совещание проектировало изменение законов о найме в тех же целях борьбы с рабочим движением, предоставив предпринимателям право расторжения договора о найме в случае забастовки и освобождая их от выдачи зар. платы не только участникам стачки, но и тем рабочим, которые не могли работать в виду забастовки части рабочих, а также при закрытии предприятия «вследствие угроз или насилия над лицами заводского управления», т.-е. в случаях локаута. Наконец, совещанием проектировалась организация «примирительного суда» в составе представителей предпринимателей и рабочих с назначенным председателем, приравненным «по должности» к товарищу председателя окружного суда. В результате работ совещания, соответствующий законопроект был внесен в Совет министров в июле 1914 г., накануне войны, в связи с которой не получил дальнейшего движения. Все эти проекты отражали напряженность классовой борьбы, когда и правительство и объединенный капитал вооружались для контр-наступления на рабочих.

Страховое движение рабочих. Опубликование законов о страховании послужило основанием широкого движения рабочих, направленного к укреплению касс, как классовых организаций рабочих. Положительная сторона законов состояла в том, что они давали возможность рабочим организоваться в больничных кассах и сделать последние опорным пунктом дальнейшего развертывания борьбы. Как ни пытался закон ограничить сферу своего распространения, но в конце концов он охватил широкие массы рабочих. Всего к концу 1914 г. подлежало к открытию 3.195 касс с 2.316.259 участников. Характерно, что протест некоторых групп рабочих, подкрепленный стачкой, против

взносов рабочих в кассы, правительство истолковало как бойкот закона и потому рекомендовало предпринимателям объявлять рабочим, что последние в случае неоткрытия касс будут лишены пособий. Но когда выяснился характер страхового движения, правительство перестало спешить с открытием касс, и министерским циркуляром (1913) пыталось даже истолковать закон в том смысле, что срок учреждения касс определяется «добровольным их открытием владельцем предприятия», в результате чего к 1 января 1914 г. открыты были всего 22% касс с 27% рабочих, подлежащих страхованию, и даже к 1 января 1915 г.—60% касс с 73% рабочих, т.-е. после 2 $\frac{1}{2}$ лет со времени издания закона действием последнего не было охвачено еще свыше $\frac{1}{4}$ подлежащих страхованию. Страховое движение скоро приняло широкие размеры, вливаясь в общее русло рабочего движения. И здесь, как и во всем прочем, обнаружилось разногласия между меньшевиками и большевиками. Меньшевики расценивали больничные кассы как еще одну «легальную возможность», которая может заменить нелегальные формы движения, и потому, хотя и стремились к расширению рамок закона, но только с тою же целью укрепления касс, как таковых. Большевики к больничным кассам подходили с точки зрения сочетания использования новой «легальной возможности» с нелегальными формами борьбы, соединяя и в данном случае экономическую борьбу с политической и стремясь застраховать кассы от специфической тред-юнионистской страховой политики. Борьба между большевиками и меньшевиками обострялась еще и потому, что при систематическом закрытии всех рабочих организаций больничные кассы оставались единственной организацией, которая должна была существовать

по закону и которая при этом в особенности могла быть использована для классового сплочения пролетариата. Страховое движение сопровождалось требованием немедленного открытия касс, права рабочих составлять уставы их, устранения предпринимателей от руководства ими, организации не отдельных при предприятиях касс, а общих и обще-городских, передачи врачебной помощи кассам, и т. д. Руководство движением скоро перешло к большевикам и этим укрепило общий фронт борьбы рабочих. Особенное значение имели выборы представителей рабочих в Страховой совет, как во всероссийское страховое учреждение, давшие победу большевикам (март 1914 г.): из 57 уполномоченных от петербургских больничных касс, участвовавших в выборах, 47 принадлежали большевикам; такой же успех имели большевики и на выборах в петербургское присутствие по страховым делам (из 44 уполномоченных—37 большевиков). Страховое движение в свою очередь содействовало большевизации рабоч. кл. в степени, во всяком случае, не меньшей, чем профсоюзы, так как, рассеянные по предприятиям и связанные с массой, больничные кассы становились проводниками большевистской тактики в широких слоях рабочих.

В итоге процесс развития рабочего класса и его движения протекал теперь на новой основе, отличной от предшествовавших периодов. Массовая революционная стачка, вовлекая в движение все новые массы, подвела их, в условиях созревающей революционной ситуации в стране, к открытым революционным выступлениям; окрепла партия, нарождались, вопреки «стихии» репрессий, рабочие организации, которые «абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообраз-

ных сферах борьбы» (Сталин). Как ни тяжелы были условия существования этих организаций, как ни слабы они еще были по своему составу, но они уже бесспорно укрепляли позиции рабочего класса. После «бури и натиска» первой революции и после упадка времени реакции, теперь в обстановке чрезвычайного подъема рабочего движения и большевизации рабочего класса впервые создаются условия, когда партия получает возможность стать в гораздо большей степени, чем раньше, «основным руководящим началом внутри рабочего класса и среди организаций этого класса» (Сталин). Конечно, и партия и рабочие организации еще далеко не в состоянии были охватить непосредственным руководством широкие массы. Но расширились пути такого руководства, которое передавалось, помимо партийных организаций, через большевистскую фракцию Гос. думы, через рабочую печать, профсоюзы, больничные кассы, через всякого рода рабочие и заводские комиссии, депутатов и т. д. И если война отбросила движение назад, то, возобновившись, оно снова пошло по прерванному пути на основе, достигнутой в годы предвоенного подъема движения.

Положение рабочих. Хотя экономические стачки в годы подъема заканчивались большею частью не в пользу рабочих, заработная плата повышалась все же быстрее, чем раньше. Если с 1901 по 1905 г. в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, она увеличилась всего на 2%, то с 1906 по 1913 г. повышение дало 14,3%, а в частности с 1910 по 1913 г.—9%. Повышение это коснулось не всех рабочих и не в равной степени. Если обратимся к отдельным группам производств, то окажется, что номинальная зар. плата в период с 1910 по 1913 г. поднималась из года в год в 5-ти группах

из 13-ти, в 6-ти понизилась и в 2-х осталась почти без изменения. Приняв зар. плату 1910 г. за 100, получим для 1913 г.: по группе обработки металлов 106, минеральных веществ 116,5, пищевых веществ 126,8, льна и пеньки 113,6, животных продуктов 103, хлопка 98,6, шелка 95,4, производства типографского и бумагомассового 94, химического производства 95, обработки шерсти 87,8, текстильных смешанных производств 73,3, механической обработки дерева 99,6, добычи нефти 98,8. Нетрудно заметить, что повышение платы коснулось тех производств, в которых подъем промышленности сказался сильнее, и, напротив, понижение произошло в тех, в которых промышленная конъюнктура была менее благоприятна, откуда следует сделать вывод, что плата повышалась как за счет благоприятной конъюнктуры, так и в связи со стачечным движением. Рост цен на продукты потребления рабочих (с 1910 по 1913 г. на 14—15%) привел к тому, что только в 2-х группах (обработки пищевых и минеральных веществ) зар. плата повысилась и реально, в остальных она падала либо, как в текстильном, то едва поднималась, то снова падала, не поспевая за ростом цен. В общем, только для четверти всех рабочих условия складывались так, что возрастающая дороговизна не ухудшала их положения, для прочих годы подъема принесли фактическое снижение их заработка. Что касается предприятий, подчиненных горному надзору, то за отсутствием сколько-нибудь надежных общих данных приходится ограничиться несколькими примерами. На керченском металлургическом заводе, если исключить вальце-токарный цех, в котором средняя дневная плата составляла 2 р. 50 к., во всех прочих цехах она в среднем составляла в начале 1914 г. 1 р. 30 к.—1 р. 40 к., понижалась для слесарей до 1 р. и для

чернорабочих до 80 коп., что явно отставало от возросших цен на продукты. На Юрьевском заводе (Донбасс) средний заработок в 1905—1906 г. равнялся 1 р. 32 к., в начале 1914 г. 1 р. 48 к., т.-е. увеличился на 12%, но в первом случае при бесплатной квартире, воде и угле, во-втором — при платных, — стало быть фактически, даже независимо от роста дороговизны, плата понизилась. В Александровском угольном районе (Донбасс) в то же время забойщик получал 1 руб., бурильщик 1 р. 20 к., отгребщик нижних штреков 60 коп. и т. д. И здесь зарплата оставалась на достаточно низком уровне. Даже московское общество фабрикантов должно было признать, что «в общем рабочие московского округа вряд ли сумели добиться прибавками чего-либо большего, чем поддержание прежнего уровня жизни». Признать это приходилось и деп. полиции, который в числе мер к ослаблению стачечного движения рекомендовал (в 1913 г.) повышение заработка, который находится «в полном несоответствии с дороговизной столичной жизни».

Не лучше дело обстояло и с сокращением рабочего дня. По данным 1913 г., средняя продолжительность рабочего времени сократилась, по сравнению с 1905 г., с 10 часов до 9,7 час., в частности для мужчин с 10,8 до 9,8 часов, для женщин и подростков с 9,9 час. до 9,5 ч. Но на ряду с этим оставались некоторые группы производств с рабочим днем свыше 10 часов (деревообделочники 10,1 ч., обработка минеральных веществ 10,2 ч., обработка животных 10,7 ч.). Однако, это сокращенное «урочное» рабочее время, как это бывало всегда и раньше, удлинялось широким применением сверхурочных работ, которые сплошь да рядом носили принудительный характер. Фабричная инспекция москов-

ского округа отмечала, что «нигде этого рода работы (принудительные сверхурочные) не применяются столь широко, как здесь». То же отмечалось для других районов, а об одном из уральских заводов деп. полиции писал: «часто бывает поэтому так, что рабочий, проработав целый день, оставляется на ночную работу, а на следующий день отбывает свою обычную смену. Это ведет к крайнему переутомлению, совершенно нестерпимому, и никому до этого злоупотребления нет дела». Но и «добровольные» сверхурочные работы на деле были работами по принуждению. Характерно, что все это происходило при явном попустительстве со стороны фабричной инспекции. Один из отчетов московской фабричной инспекции отмечал, что «в значительной части случаев добровольное согласие рабочих добывается мерами давления», но тем не менее инспекция «поставлена в необходимость почти всегда давать свое разрешение, как бы ни была слабо мотивирована необходимость сверхурочных работ». Оказывается — и это проливает свет еще на одну сторону условий труда, — что, «при вошедшем во всеобщий обиход найме рабочих на краткие сроки (двухнедельные)», «ничто не мешает предпринимателю весьма быстро, изменив правила внутреннего распорядка, удлинить нормальную продолжительность работ до крайнего, допускаемого законом, предела». Таким образом рабочий день и тем и другим способом — и кратким сроком найма и принудительными сверхурочными работами — удлинялся с разрешения фабричной инспекции. Что касается кратких сроков найма (иногда даже на 3 дня), то, введенные по почину московских фабрикантов, они получили широкое распространение и были санкционированы министерством.

Такое положение — и в отношении зар. платы и рабочего времени — созда-

валось и в результате того обстоятельства, что рабочему классу теперь приходилось иметь дело с капиталом, объединенным в боевые организации и мерами контрнаступления отбивавшим наступление рабочих. И в тактике капитала экономика, конечно, тесно сплеталась с политикой; все рычаги, находившиеся в его распоряжении, он направлял к тому, чтобы дезорганизовать рабочее движение, бить по рабочему классу и полицейской репрессией и рублем. Наиболее ярко это сказалось, пожалуй, теперь на системе штрафов. Если в 1910 г. взыскано было штрафов с каждого рабочего 39,6 коп., то в 1913 г. сумма эта повысилась до 46,8 коп., в 1910 г. каждые 100 рабочих были оштрафованы 238 раз, в 1911 г. 247 раз, в 1912 г. 265 раз, в 1913 г. 246 раз; средний размер штрафа составлял в 1910 г. 16,6 коп., в 1912 г.—17,9 к., в 1913 г.—19 коп. Но дело не только в этом повышении штрафов. Более показательны изменения самой штрафной системы: случаи штрафования за неисправную работу (то-есть штрафов, направленных непосредственно к понижению заработка и повышению прибылей фабрикантов) понизились с 78,4% в 1910 г. до 74,1% в 1913 г., а в то же время штрафы за «прогул» увеличились с 12,2% в 1910 г. до 15,9% в 1913 г., вместе же со штрафами за «нарушение порядка» они увеличились с 21,6% до 25,9%. Последнего рода штрафы главным образом были штрафами, связанными со стачкой и другими формами протеста рабочих. Именно такой репрессивный характер штрафов особенно наглядно выступает при сравнении петербургского округа с московским: в петербургском округе штрафы за неисправную работу неуклонно падали (61,5% в 1910 г. и 52,1% в 1914 г.) при столь же неуклонном росте штрафов за прогул и нарушение порядка (38,5% в 1910 г. и 47,9% в 1914 г.), в московском—

первые понизились незначительно (85,6% в 1910 г. и 84,9% в 1914 г.), а вторые столь же незначительно повысились (14,4% в 1910 г. и 15,1% в 1914 г.). Соотношения эти точно отражали активность в политической борьбе рабочих того и другого района. Отражается она и в средней сумме штрафов, взысканных с одного рабочего: в петербургском округе она повысилась с 25,2 коп. в 1910 г. до 61,5 коп. в 1914 г., в московском соответственно понизилась с 54,1 коп. до 52,6 коп. Эту именно систему борьбы обосновывали московские фабриканты, когда заявляли, что «нарушение дисциплины в промышленном деле никогда не может быть полезным и что дальновидная тактика требует неустанной систематической и солидарной борьбы с этим болезненным явлением, в которое вовлекаются спокойные массы серьезных рабочих по всякому поводу». Если перечислить случаи оштрафования за прогул и нарушение порядка на средний размер штрафа, то окажется, что в 1912 и 1913 гг. рабочие в результате этой «дальновидной тактики» заллатили приблизительно по 200 тыс. рублей за каждый год.

9. *Рабочий класс в годы Мировой войны.* Война резко ухудшила положение рабочего класса. Если проекты милитаризации труда не были осуществлены, то фактически труд большинства рабочих был милитаризован. Уже сравнительно скоро правительству пришлось отказаться от сплошной военной мобилизации рабочих, т. к. это лишало промышленность опытных работников, и обратиться к другой мере—к т. н. отсрочкам по призыву в войска,—которая фактически закрепила рабочих за заводами. По данным московского об-ва фабрикантов, отсрочками пользовалось в 1916 г. до 40% рабочих (в механических снарядных заводах 61,2%, на химических заводах 45,1%); все

эти массы рабочих, даже без особого постановления, отдавались в полное распоряжение заводууправления, т. е. простого увольнения рабочего было достаточно для того, чтобы он лишился отсрочки. Но дело не стало и за особым в этом смысле постановлением. Уже в начале 1916 г. (7 февраля), в виду возобновившегося стачечного движения, совет министров, рекомендуя в своем постановлении ряд обычных полицейских мер борьбы со стачками, специально предусматривает «немедленное соглашение с военным начальством об истребовании на сборные пункты для зачисления в войска» рабочих, пользующихся отсрочками и не возобновивших, в случае стачки, работ «в указанный срок», а вслед затем генеральный штаб особым циркуляром (З/Ш 1916 г.), развывая постановление совета министров, предписывает призывать в войска сначала младшие возрасты, «дабы дать возможность рабочим более старших возрастов образумиться и стать на работу», лишает призываемых обычной 3-хдневной льготы для сборов, приказывает направлять их в запасные батальоны, «расположенные вне районов забастовавшего предприятия, при чем призываемые должны распыляться по отдельным батальонам небольшими партиями». Политика мин. вн. дел и военного, дополняя одна другую, преследовали одну цель — убить в корне всякое движение в рабочем классе, всякий протест его не только против войны, но и против тяжелых условий труда, войною созданных. К тому же вело состояние войны, применение в самых широких размерах чрезвычайных, военных и т. п. положений: простого обязательного постановления любого градоначальника достаточно было для того, чтобы под угрозой всяческих наказаний воспретить и стачку, и профсоюзы, и вообще всякое проявление рабочей самодеятельности.

По мере возвращения рабочего класса к активности, все эти полицейские рогатки опрокидывались, но в меру своего действия они усугубляли, конечно, крайнее снижение уровня жизни рабочих, принесенное войною. Постепенный развал народного хозяйства, необычайное вздорожание жизни, продовольственные затруднения, перешедшие к концу второго года войны в продовольственную катастрофу, делали фиктивным всякое повышение номинальной зар. платы. Недостаточность последней была настолько очевидной, что так называемые военные прибавки к ней стали почти обычным явлением, но делу они помогали, конечно, мало. Если денежную зар. плату 1913 г. принять за сто, то уже в первую половину 1915 г. она составляла 110, во вторую половину того же года 134, в первую половину 1916 г. 164 и во вторую половину 204, т.-е. к последнему полугодю по сравнению с 1913 г. увеличилась в 2 раза (в Московской, например, губернии, по данным фабричной инспекции, зар. плата в 1914 г. равнялась в среднем 221,2 руб., в 1916 г. 406 руб., т.-е. увеличилась почти на 85%). Но в то же время реальная зар. плата, в связи с дороговизной, неуклонно и сильно падала. Реальный заработок в товарных рублях, если принять данные 1913 г. за 100, уже ко второй половине 1914 г. упал до 93,2, в первую половину 1916 г. до 91,2 и во вторую половину 1916 г. до 85. Неудивительно, что бюджетное обследование, произведенное в Москве в первый год войны, показало, что расходы текстильщика на пищу поглощали 92% его бюджета (до войны 57,2%), расходы металлиста на пищу и квартиру — 74% (до войны 70%), при неизбежном дефиците, который в большинстве (у металлистов на 40%) покрывался сокращением потребностей. То же и в других районах. На Урале реальный заработок

в 1916 г. по сравнению с довоенным сократился вдвое, соответственно ухудшив питание рабочих. На Днепровском заводе (Донбасс) суточный расход рабочего с июня 1914 г. (66 коп.) по апрель 1916 г. (95 к.) увеличился на 43,8%, а плата возросла на 44%, т.-е. едва поспевала за ростом дороговизны даже при нормах продовольствия, принятых для военнопленных; на рудниках горловского района (Донбасс) стоимость продовольствия рабочего в 1915 г. составляла 15—16 р., а в 1916 г. 23—24 р. в месяц, не считая всех прочих расходов, в то время как половина рабочих (50,8%) получала в день меньше 1 р. 50 к., так что, по мнению даже фабричного ревизора, зар. плату на этих рудниках следовало повысить на 70%. В Баку зар. плата нефтяных рабочих даже на лучше оплачиваемых заводах увеличилась с кануна войны к середине 1916 г. на 40,7—68,8%, в то время как цены на предметы первой необходимости возросли в 2 раза, и т. д. Самый изнурительный труд, при фактической отмене всяких ограждающих условия работ правил, не обеспечивал существования рабочего, за исключением немногочисленной группнывысокооплачиваемых рабочих. Все предприятия, работавшие на оборону, удлинляли рабочий день, широко применяли сдельщину, всячески стремились интенсифицировать труд. По данным Московского общества фабрикантов, в 1916 г. $\frac{2}{3}$ рабочих работали свыше 10 часов (в 1913 г. — 59%); с января по ноябрь 1916 г. сокращение рабочего времени коснулось 19.830 рабочих, а увеличение 15.057, т.-е. рабочее время уменьшилось только для 4.000 рабочих, при чем речь идет об «урочных» работах. Но на ряду с этим шло широкое применение ночных, сверхурочных и праздничных работ. По тем же данным московских фабрикантов, в 1916 г. только в два месяца—январь и июнь—использовано

праздничного времени в 138.478 рабочих дней. В порядке приостановления действия соответствующих законов, женщины и малолетние допущены были к ночным и подземным работам в каменноугольных коях (9/III 1915 г.), и разрешена ночная работа подростков, ночная и праздничная работа малолетних и работа последних свыше 8 часов в предприятиях, работающих на оборону (19/X 1915 г.).

Существенно изменился в годы войны и состав рабочих. Прежде всего, спрос на рабочую силу, с одной стороны, и нужды рабочей семьи, с другой, увеличили применение женского труда и труда подростков и малолетних. В московском округе, по данным фабричной инспекции, в 1914 г. взрослые рабочие мужчины составляли 47% и женщины 41%, в 1916 г. первые 37%, вторые 48%; в Петербурге к концу 1914 г. мужчины 65%, женщины 25%, к концу 1916 г. первые 58%, вторые 33%; в текстильной промышленности с 1913 г. по конец 1916 г. труд взрослых мужчин сократился с 39% до 25%, женщин увеличился с 50% до 61%, и даже в металлообрабатывающей промышленности, в которой до войны взрослые работницы составляли всего 4,5%, число их возросло в годы войны до 16%, при снижении числа рабочих-мужчин с 85% до 72%; труд подростков и малолетних за то же время увеличился с 8—9% до 11%. Таким образом, повсюду труд мужчин заменялся трудом женщин, хуже оплачиваемым. Далее, в широких размерах применялся в годы войны труд военнопленных, до конца милитаризованный: в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, их насчитывалось в 1915 г. 140 т., в 1916 г. 200 т., в начале 1917 г. до 425 т.; в Донбассе военнопленные составляли 22% всего числа рабочих (горнопромышленники Донбасса в 1915 г. представляли спрос на 100 т.

военнопленных), в Криворожьи свыше 50%, на Урале около 1/3. Наконец, состав рабочих изменился благодаря сильной примеси как тех, кто укрывался на заводах от призыва в войска, так и тех, кто доставлял капиталу более дешевый труд. Горнопромышленники Донбасса вербовали рабочих среди волжских татар, лезгин и пр., в Баку нефтепромышленники усилили применение труда мусульман, на Урале в 1916 г. работало до 10.000 китайцев, на Урале же в последний год войны весь состав рабочих пополнен был новыми рабочими на 11%; громадный резервуар рабочей силы поставляли беженцы, которых в 1916 г. насчитывалось 2³/₄ млн. (при полумиллионе трудоспособных). Об «укрывающихся» (деревенских кулаках, городских лавочниках и т. п.) точных данных, конечно, нет, но косвенным указанием на значительное число их может служить сильное преобладание в предложении на биржах труда неквалифицированного труда, который поставляли не только трудящиеся элементы, но и те, кто шел на завод, чтобы получить «отсрочку». Так как возросший спрос на рабочую силу с избытком покрывался ее предложением, то в годы войны раб. кл. не избежал и безработицы и давления безработных на уровень зар. платы. По данным бирж труда за 1916 г., в Петербурге из 5-ти записавшихся 3 оставались безработными, в Саратове из 2-х записавшихся один не находил работы, в Москве работу получили 79% записавшихся. Особенно сильна была безработица в группах по изготовлению одежды, по обработке пищевых и вкусовых веществ, среди строительных рабочих, но росло число безработных даже в металлообрабатывающей промышленности (в Петербурге, например, в 1915 г. на 2 ищущих работу приходилось 3 свободных места, в 1916 г. предложение рабочей силы превышало спрос на 10%).

Война всей своей тяжестью обрушилась на рабочий класс. Изменение в его составе ослабило основное ядро его, прошедшее долгую школу борьбы; полицейские репрессии затрудили работы больших касс и разрушили профорганизации. Еще перед войной, а затем в самом начале ее закрыт был ряд профсоюзов во многих городах, новые союзы не разрешались, а если уставы их и регистрировались, то открытие их не допускалось. Союзы вынуждены были переходить на нелегальное положение (в Петербурге союзы печатников, пищевиков, текстильщиков, в Москве — металлистов, печатников), на нелегальном положении оставалось московское Ц. Б. Немногие союзы, которым удалось избежать закрытия, не могли развернуть своей деятельности в виду малочисленного состава и недостатка средств. К началу 1917 г. в Петрограде насчитывалось 5 легальных и 2 нелегальных союза, в Москве их было больше только числом (до 20-ти). Единственное положительное значение союзов заключалось в том, что они служили прикрытием для партийных организаций большевиков (под видом разных комиссий и т. п.), облегчая условия подпольной работы. Буржуазия, со своей стороны, воспользовалась временным расстройством в рядах раб. кл., чтобы попытаться привязать его к колеснице империалистической войны. При военно-промышленных комитетах создаются рабочие группы (август 1915 г.) как органы «военного» представительства рабочих, как форма «сотрудничества» буржуазии и рабочих. Буржуазная политика в рабочем классе теперь открыто проводится социал-шовинизмом, этим «законченным оппортунизмом». Опираясь на тонкий слой привилегированных рабочих, в особенности из тех, которые раньше прошли школу оппортунизма, на мелко-буржуазную примесь в рабочем классе и

на мелкую буржуазию в целом, призывая к «защите отечества», меньшевики стали действительными организаторами рабочих групп, глашатаями «гражданского мира», который, естественно, не терпит ни стачечного, ни всякого иного рабочего движения. Казалось бы, при разгроме большевистских организаций и подавлении всяких проявлений анти-военных настроений, для социал-патриотических партий создавалась благоприятная почва, но «в общем и целом рабочий класс Р. оказался иммунизированным в отношении шовинизма» (Ленин), — иммунизированным и положением в стране, обострившим все противоречия, и революционной борьбой в недавнем прошлом, традиции которой могли быть временно заглушены, но не убиты войной, и ничтожным влиянием в рабочем классе ликвидаторства, и тем доверием масс, какое завоевано было большевизмом в предыдущие годы, и активным выступлением депутатов-большевиков против войны. В таких условиях то обстоятельство, что оборончество держалось некоторое время на поверхности, могло служить только показателем временного отлива волны революции. Да и держалось оно на поверхности не крепко. Выборы в Петербургский военно-пром. комитет (27/IX—1915 г.) закончились поражением оборонцев и голосованием за резолюции большевиков, и только вторичные выборы, «очищенные» от оппозиции, привели к избранию меньшевиков. Сильное влияние большевиков оказалось и в некоторых других городах (Харьков, Николаев, Нижний-Новгород), а во всех вообще рабочих группах (их насчитывалось к концу 1916 г. свыше 50-ти) меньшевики никакой поддержкой в массе не пользовались, и масса действовала вопреки их «директивам». Война быстро революционизировала широкие слои рабочих, постепенно восстанавливались

большевистские комитеты, руководившие на местах, при отсутствии союзов, экономической борьбой, и снова, как это было и раньше во все поворотные моменты движения, рабочий класс в его передовых отрядах, возвращаясь на испытанные пути революционной стачки, следует за лозунгами большевиков.

Движение возобновилось, конечно, не сразу. В военные месяцы 1914 г. бастовал всего 9.561 рабочий, в первую четверть 1915 г. число это уже возросло до 43.095. Всего в 1915 г. бастовало 539.075 рабочих, в 1916 г. 957.075, превысив число бастовавших и в 1912 г. (725.496) и в 1913 г. (887.062). Перелом в движении наступил во второй четверти 1915 г. (176.059 бастовавших), и затем темпы нарастания стачечной волны были достаточно быстры: во втором полугодии 1915 г. бастовало 320.374 (увеличение на 45,9%), в первое полугодие 1916 г. 571.351 (увеличение на 78,3%), во второй половине 1916 г. волна спадает (385.724), но держится на уровне, превышающем оба полугодия 1915 г. Более точное представление дает следующее распределение бастовавших на участников экономических (над чертой) и политических (под чертой) стачек по полугодиям 1915—1916 гг.:

	1915 г.	1916 г.
первое полугодие	203.882 [93,8%] 13.610 [6,2%]	431.002 [75,5%] 140.349 [4,5%]
второе полугодие	179.476 [56,1%] 140.653 [43,9%]	215.783 [56%] 169.941 [44%]

В 1915 г. участники экономических стачек составляли 71,1%, политических 28,9%, в 1916 г. первые 67,6%, вторые 32,4%, —экономические стачки, в общем, преобладали над политическими. Этот же вывод подтверждают полугодовые данные, но и в 1915 г. и в 1916 г. во втором

полугодии процент участников политических стачек превышает средний годовой процент. Для правильной оценки этих данных нужно, однако, иметь в виду, что экономические стачки, в условиях войны, предполагали значительную политическую активность: нарушить «гражданский мир», «ослаблять тыл войны», бастовать перед угрозой отправки на фронт могли только те, экономические побуждения которых подкреплялись силою политического протеста. В таких условиях процесс сплетения экономических и политических стачек должен был протекать интенсивнее и быстрее, как более быстро должно было происходить перерастание экономической борьбы в политическую. Если обратиться к данным по четвертям каждого года, то можно отметить три четверти, выдающиеся по числу участников политических стачек: третью четверть 1915 г. (68,8%), первую четверть 1916 г. (38,1%) и последнюю четверть того же года (58%),—это этапы перерастания, на основе сплетения их, экономической борьбы в политическую, этапы разного напряжения, но выявляющие основную восходящую линию движения, которое в условиях обострения революционной ситуации приобретает все черты революционного подъема, переходящего в революцию в начале 1917 г., когда (в январе и феврале) из 676.286 бастовавших число участников политических стачек достигало 85%.

Своеобразие процесса сплетения экономических и политических стачек сказывается и на соотношении передового отряда и широкой массы в эти годы, как это видно из следующей таблицы (над чертой процент всех бастовавших к числу рабочих в группе, под чертой процент участников политических стачек в группе ко всему числу участников политических стачек):

	1915	1916
металлисты . . .	45,2	91,9
	68,3	90,5
текстильщики . . .	41,6	53,5
	21,6	6,9

В 1915 г. и металлисты и текстильщики выделяют из своей среды почти одинаковое число бастовавших, в 1916 г. вторые несколько повышают это число, а первые бастуют почти полным своим составом. С другой стороны, металлисты уже в 1915 г. дают больше $\frac{2}{3}$ всех участников политических стачек, текстильщики— всего $\frac{1}{3}$; в 1916 г. последние резко снижают свое участие в политической стачке, металлисты же заполняют почти все число бастовавших по политическим поводам. Роль передового отряда выступает здесь более ярко, чем в каком-либо из предыдущих периодов; стачечная активность его вообще и политическая активность достигает небывалой высоты—передовой отряд вырастает в авангард революции, в ее гегемона, который ведет за собой широкую массу и с ней поведет крестьянство. Не трудно определить и более точно, кому принадлежала эта роль: в 1915 г. в Петроградской губернии бастовало по политическим поводам 91.301 (59% всего числа участников политических стачек), в 1916 г. 256.067 (80%)—руководящая роль принадлежала петроградским металлистам и снова в такой степени, как никогда раньше.

Вступление в движение широкой массы характеризуется для лет войны прежде всего значительно возросшим по сравнению с предвоенным временем участием в нем горнорабочих. В 1915 г. по шахтам, рудникам, приискам бастовало 13.287, в 1916 г. 54.579 (увеличение в 4 раза; в частности в Донбассе 9.591 и 41.288—увеличение больше, чем в 4 раза). Всего на предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции, бастовало в 1915 г.

27.599, в 1916 г. — 99.409. Если мы присоединим их к приведенным годовым итогам, то получим для 1915 г. — 567.127 и для 1916 г. — 1.036.484 бастовавших (не считая рабочих казенных заводов, железных дорог и др.).

Экономическая борьба сосредоточивается в эти годы вокруг вопросов зар. платы, вопросы рабочего времени почти совсем снимаются с очереди (1,1% требований в 1915 г. и 0,5% в 1916 г.), что и понятно: при чрезвычайной дороговизне для рабочих решающее значение имел размер заработка, но не рабочего времени. Исход экономических стачек складывается для рабочих более благоприятно, чем в предвоенные годы: в 1915 г. исход в пользу рабочих составлял 18,6%, в пользу предпринимателей — 25,9%, компромиссом — 55,4%; для 1916 г. соответствующие показатели 24%, 31,4% и 44,5%. Иначе говоря, полностью и частично выиграли борьбу в 1915 г. 74% и в 1916 г. 69,1%. Срочность работ на оборону заставляла предпринимателей быть более уступчивыми. Экономическая борьба, возобновившаяся с начала 1915 г., приняла массовый характер уже летом того же года, когда в иваново-вознесенском районе бастовало до 64.000 текстильных рабочих.

Одновременно же сказался перелом и в политической активности рабочего класса. В августе 1915 г. в Иваново-Вознесенске, по призыву большевиков, забастовало свыше 25.000 рабочих в виде протеста против войны; стачка сопровождалась расстрелом рабочих, требовавших освобождения арестованных товарищей. Расстрел этот (как и одновременный расстрел рабочих, бастовавших в Костроме), немедленно вызвал отклик в Петрограде, где в виде протеста забастовало 18 т. рабочих. Это выступление рабочих вызвало ряд арестов

(главным образом членов правления больничных касс), на которые петроградские рабочие ответили новыми стачками: большевики призвали рабочих к 3-хдневной забастовке, и с 3 по 5 сентября в Петрограде бастовало, по официальным данным, свыше 62 т. рабочих, а по другим данным до 150 т.; движение это нашло отклик в Москве, где бастовало до 30 т. рабочих. Движение, таким образом, возродилось в той же форме революционной стачки, на какой оно было прервано войной, и с этого времени, при кратких отливах и приливах, принимает все более широкий и отчетливый революционный характер. Возобновляются стачки в день 9 января (в 1916 г. в Петрограде бастовало до 67 т. рабоч.), в годовщину ленских событий (8 т.); рабочие начинают активно откликаться на политические события. Охранное отделение отмечает успех на заводах большевистских прокламаций с протестом против войны. В октябре 1916 г. по заводам Петрограда происходит ряд митингов, на которых масса подхватывает лозунг «Долой войну», а выпущенная большевиками прокламация по поводу войны массой принимается за призыв к стачке, хотя прямого призыва в ней не было. 17 октября начинается волна политических стачек, которая к 19 окт. охватывает свыше 66 т. рабочих. Спустя несколько дней большевики призвали к стачке по поводу суда над матросами Балтийского флота, которым угрожала каторга за участие в военной с.-д. организации. 26 октября стачка возобновилась, охватив свыше 60 т. рабочих; стачка продолжалась и после того, как закрыт был ряд заводов с расчетом рабочих (всего было закрыто 15 предприятий с 42 т. рабочих). В этих октябрьских стачках, продолжавшихся в сложности 10 дней, приняло участие, по данным фабричной инспекции, 138.076 рабо-

чих, — в действительности, конечно, больше. Движение нарастало, таким образом, быстро и бурно. Оно ближайшим образом отражало обострение общего революционного кризиса, выдвигая рабочий класс в качестве единственной активно движущейся силы; вместе с тем движение это еще раз показывает решающее значение партийного руководства: рабочая группа военно-пром. комитета, с меньшевиками во главе, высказывалась против стачек, и, если бы руководство и влияние в рабочем классе принадлежало им, движение не поднялось бы на достигнутую высоту и задержалось бы на поддержке внутри-думских комбинаций «прогрессивного блока».

В октябре бои происходят уже на подступах к Февральской революции. Непосредственным продолжением их были петроградские стачки 9 января 1917 г., когда число бастовавших достигло, по официальным данным, 137 $\frac{1}{2}$ тысяч; в этот день в Москве бастовало 32 тысячи, и произошли частичные забастовки в нескольких городах (Харьков, Ростов, Екатеринослав, Новочеркасск). Рабочая группа воен.-пром. к-та пытается направить активность рабочих на поддержку Гос. думы и призывает их к демонстрации 14 февраля в день открытия Думы. Большевики с своей стороны призывали рабочих к стачке-протесту в день годовщины суда над депутатами-большевиками. 14 февраля в Петрограде забастовало до 85 т. рабочих, в некоторых местах происходили демонстрации под лозунгами «Долой войну», «Да здравствует демократическая республика», т.-е. под лозунгами большевиков. Положение стало еще более напряженным, когда в ответ на экономические требования 20 февраля был закрыт Путиловский завод с расчетом 30 т. рабочих. А еще через несколько дней (23 февраля) организованные большевиками

в связи с «женским днем» (днем работницы) митинги, происходившие под лозунгом «на Невский», привели к новой стачке (87 $\frac{1}{2}$ т. рабочих) и массовым уличным демонстрациям. С этого дня движение начало перерастать в восстание: 24 февраля бастовало до 160 т., 25 — свыше 250 тысяч, борьба вышла на улицу. Началась революция...

10. *Рабочий класс в Февральской революции.* Вся мировая обстановка, открывавшая эпоху пролетарских революций, советы рабочих депутатов, как выражение гегемонии пролетариата в ходе революции и борьбы его за власть, широкая политическая свобода, — все это обострило противоречия капиталистического порядка, усугубленные войной, и обострило классовую борьбу во всех ее формах, создавая условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Свообразие Февральской революции на первых же порах, как тогда же указывал Ленин, состояло «в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен был дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Это означало, что перед раб. кл. стоит путь завоевания власти на основе роста его сознательности и организованности. И та и другая пришли сравнительно быстро. «Добросовестное оборончество» как настроение масс, при котором они пошли за меньшевиками и эсерами, изживалось самым ходом событий, всей политикой буржуазных и мелкобуржуазных партий. На каждом повороте революции, на каждом конфликте массы убеждались в том, что и мир, и хлеб, и свободу они получают только в борьбе против войны и буржуазной власти и с завоеванием власти. Параллельно этому росту еоз-

нательности шел рост организованности раб. кл. С первых же дней революции, одновременно с возникновением советов и профсоюзов и фактическим завоеванием 8-ми час. раб. дня, возникают *фабрично-заводские комитеты*, которым предстояло сыграть крупную роль в борьбе рабочего класса за власть. Это были боевые заводские организации, как продолжение тех организаций (рабочих комиссий, комитетов и т. п.), которые возникали и раньше в условиях и для целей борьбы, выходящей за пределы борьбы чисто профессиональной. Вступление рабочего класса на путь такой самоорганизации при наличности профсоюзов означало, что в последних он не получил полноты тех средств борьбы, которые требовались в новой революционной обстановке. Дальнейшее развитие приводит к тому, что все большие массы объединяются вокруг ф.-з. комитетов, а поскольку эти комитеты возникали при содействии большевиков и руководились ими, постольку через них и происходил прежде всего процесс большевизации рабочего класса. Все месяцы Февральской революции наполнены борьбой за расширение прав ф.-з. комитетов. Капитал встретил их, конечно, враждебно, и под давлением его временное правительство издает закон (23/IV—1917 г.), которым права комитетов ограничиваются: введение их не признается обязательным, комитеты трактуются как «представительство рабочих» перед заводоуправлением, без дальнейшего определения их прав на регулирование взаимоотношений рабочих и заводоуправления, — закон не далеко отходил в этом отношении от старого закона о старостах, которые также «представляли» в интересах рабочих. Само собою разумеется, что рабочие не считались с этим законом, и ф.-з. комитеты развивали работу вне рамок его. Это вызвало

новый поход против них капитала, нашедший свое выражение в двух циркулярах (23 и 28 августа) министра труда Скобелева, которые шли еще дальше закона 23 апреля в ограничении прав ф.-з. комитетов: второй запретил собрания комитетов в рабочее время и дал право заводоуправлениям производить вычеты за неявку на работу членов комитета, первый запрещал вмешательство комитетов в вопросы найма и увольнения рабочих.

Эта борьба против ф.-з. комитетов капитала и временного правительства была тесно связана с борьбой против *рабочего контроля*, который в свою очередь был тесно связан со всею деятельностью ф.-з. комитетов. Если идея рабочего контроля, непосредственно вырастая из борьбы за регулирование производства на отдельных предприятиях, перерастала в борьбу за контроль над производством вообще, то борьба за рабочий контроль над производством приводила к борьбе за власть. Начав с охраны заводского имущества, ф.-з. комитеты перешли к перестройке внутренних распорядков в предприятиях, к регулированию условий найма и увольнения, к борьбе с разрухой производства в предприятиях, контролем над сырьем и доставкой его на заводы, а затем — с усилением саботажа со стороны предпринимателей и с расширением практики локаутов, — к осуществлению непосредственного контроля над производством, вплоть до устранения предпринимателя и самостоятельного управления заводом. Борьба за рабочий контроль, принимая крайне обостренные формы, сталкивала самые широкие слои рабочего класса со всем классом капиталистов, которому наносился удар по самому чувствительному месту, и потому послужила тем узловым пунктом, вокруг которого сосредоточивались самые крупные конфликты, самые ожесточенные бои между трудом

и капиталом как прелюдия борьбы против господства буржуазии и за диктатуру пролетариата.

Развал народного хозяйства, с которым страна вступила в революцию, и все более надвигающаяся экономическая катастрофа, обостряя с каждым днем борьбу вокруг рабочего контроля, приводили к непрерывным конфликтам, охватывая все промышленные районы и самые широкие массы рабочих. Борьба рабочих за повышение зарплат изображалась в свое время буржуазными и мелко-буржуазными кругами как разгул «анархии» и результат «разлагающей» агитации большевиков. Но на самом деле эта борьба диктовалась, конечно, самими жизненными интересами рабочего класса. Даже в тех случаях, когда рабочие добивались повышения зар. платы на много процентов, она все же отставала от бешеного роста дороговизны и не обеспечивала сколько-нибудь нормального существования рабочих. В московском районе, например, реальная зар. плата, если принять уровень ее в 1913 г. за 100, составляла в первом полугодии 1917 г. 88,0, а во втором полугодии 62,8, т.-е. в течение одного только 1917 г. при повышении денежной платы с 70,5 р. до 135 р. (т.-е. почти 100%) понизилась на 25,2; по данным московской биржи труда и центр. примирительн. камеры, с июня 1914 г. по август 1917 г. зар. плата увеличилась в 6 раз, а цены на продукты потребления рабочих в $6\frac{1}{2}$ раз, на текстиль, обувь и т. п. в 12 раз; средний заработок текстильных рабочих в Петербурге повысился с января по июль 1917 г. с 49,3 р. до 72,8 р., реально же уменьшился (если принять уровень его в июле 1914 г. за 100) до 90 в январе и 62 в июне, и т. д. За немногими единичными исключениями, не было района и группы производств, в которых условия сложились бы более благоприятно, так что принимаемое некоторыми авторами

снижение реальной зар. платы в 1917 г. до 83,3% по сравнению с 1913 г. является скорее преуменьшением. К тому же на протяжении всего года нарастала безработица, в результате как сокращения производства, так еще больше частичных и общих локаутов. В Петрограде уже к маю 1917 г. насчитывалось до 40 тыс. безработных; на Урале к осени число безработных достигало 60 тыс., в московском районе 50 тыс. и т. д. Если на рабочих, таким образом, со всей тяжестью давила дороговизна и безработица, то перед ними неотступно стояла также угроза голода в случае закрытия предприятия. Вся тактика капитала объединялась теперь в стремлении голодом дезорганизовать раб. кл. и революцию, ответить на каждый новый подъем борьбы рабочих, на каждое нарастание революции локаутом. «Единственным оружием борьбы с рабочими у заводчиков является закрытие предприятий», откровенно было заявлено от их имени на одном из заседаний особого совещания по обороне. И предприниматели широко пользовались этим оружием. По данным, собранным министерством торговли, в марте было закрыто 74 предприятия с 6.696 раб.; в апреле 55 с 2.816 раб., в мае 108 с 8.701, в июне 125 с 33.455, в июле 206 с 47.754 рабочими, — всего за эти месяцы было закрыто 568 предприятий с 104.372 раб., при чем, начиная с мая, локауты применяются все чаще и во все больших размерах. В дальнейшем, в августе в Петрограде закрыто было 43 предприятия, в том числе ряд крупных металлических заводов (железопрокатный, Промет, Динамо и др.), в московском районе локауту было подвергнуто до 40 тыс. рабочих, в Донбассе закрыто было 17 угольных предприятий, а вместе с заводами—до 77. В начале октября в Петрограде было закрыто 40 заводов, на Урале половина всех заводов, в Донбассе до 200 предприятий, в Харь-

кове закрыт паровозо-строительный завод, в Екатеринославе локаутировано до 50 тыс. рабочих и т. д. Можно без всякого преувеличения сказать, что на протяжении 1917 г. локауту подверглось несколько сот тысяч рабочих, обреченных этим на более или менее длительную безработицу. Капиталисты спешно мобилизовали свои силы, укрепляли старые свои боевые организации, создавали новые (в московском районе—«Союз объединенной промышленности», в августе на съезде создано Всероссийское объединение предпринимательских организаций, в июле— особый «Комитет защиты промышленности», в который вошли Петроградское об-во фабрикантов и заводчиков, Совет съездов представителей промышленности и торговли, и другие), умножилось число провинциальных объединений капитала. Укрепляя фронт борьбы, петроградское общество заводчиков заключает новую конвенцию (13 июня), которая предусматривает безусловное подчинение членов постановлениям общества, требует внесения на решение общества всякого нового вопроса, усиливает размер «вексельных гарантий». Предупреждая циркуляр Скобелева о ф.-з. комитетах, Петроградское общество фабрикантов 20 августа рассылает свой циркуляр, в котором предлагалось устранять ф.-з. комитеты от всякого участия в вопросах найма и увольнения и т. п. Состоявшаяся в сентябре конференция промышленников юга Р. требует прекращения выдачи зар. платы рабочим-членам советов, признает за администрацией исключительное право установления правил внутреннего распорядка, с устранением рабочих от всякого в этом деле участия. В октябре «Союз металлургической и железодельной промышленности» в особом циркуляре предлагает восстановить рабочий день в той продолжительности, в какой он был в феврале 1917 г. Петроград-

ское общество заводчиков предлагает отклонять требования рабочих о принятии на работу членов профсоюзов. Совет съездов грозит исключением из своей среды тем предпринимателям, которые идут на уступки рабочим, и ставит открытие заводов в зависимость от решения предпринимательских организаций, а не отдельных предпринимателей, и т. д.

Наступление капитала, означавшее наступление контрреволюции, не встречало отпора со стороны Временного правительства: в составе его неизменно были представители капитала, в плену у которых находились меньшевистские и эс-эровские министры. В вопросах рабочего законодательства Временное правительство топталось на месте, этим самым играя на руку предпринимателям. Вопрос о 8-час. раб. дне так и не дождался законодательного разрешения (было лишь санкционировано соглашение петроградского С.Р.Д. с обществом заводчиков), как не дождался его и вопрос о профсоюзах: издание того и другого преждевременным находил также объединенный капитал. Профсоюзы существовали на основе закона об обществах и союзах (12 апреля), предусматривавшего регистрационный порядок возникновения союзов, при чем установленный позже (21/VII) порядок регистрации, обставленный разного рода формальностями, вызвал ряд протестов со стороны профсоюзов. Временное правительство не пошло на коренной пересмотр законов о страховании рабочих, удовлетвовавшись лишь некоторыми частичными изменениями старого закона (25/VII), расширявшими права рабочих по управлению кассами, повышавшими взносы предпринимателей до суммы взносов рабочих и т. д. Закон об ограничении ночного труда женщин и подростков сохранял ночную работу их в предприятиях, работающих на оборону, т.-е. недалеко отходил от старого

закона. Если к этому прибавить закон о биржах труда, построенных на паритетном представительстве, и примирительных камерах, а также приведенный выше закон о ф.-з. комитетах, то этим будет исчерпано все сколько-нибудь существенное в законодательном творчестве Временного правительства, против которого предприниматели едва ли могли что-либо возразить. Но фактически политика Временного правительства шла навстречу капиталу и во многом другом. Систематически усложняемые и затягиваемые предпринимателями конфликты не встречали со стороны правительства никакого противодействия, а министерство труда, возглавляемое меньшевиками, превратилось в перманентную говорильню. Иной оборот принимало нередко дело, когда вопрос касался рабочих. В сентябре главный экономический комитет признал, что закрытие предприятия может последовать с разрешения Временного правительства или особо уполномоченных лиц, а такими особо-уполномоченными при заводах, работавших на оборону, состояли «военно-уполномоченные», которым предоставлено было право разрешения вопросов зар. платы и рабочего времени, а также право «прибегать к содействию военной силы», вдохновитель же по этой части Временного правительства Пальчинский рекомендовал заводчикам устранять рабочих от всякого участия в заводских делах, а при вмешательстве рабочих—завод закрывать. В таком же направлении действовали приведенные выше циркуляры Скобелева о ф.-з. комитетах, а в сентябре министр торговли Прокопович, в связи с конфликтом в Донбассе, распорядился о сосредоточении в «угрожающих» районах войсковых частей.

Почва для возникновения всякого рода конфликтов, частных и общих, создавалась таким образом вполне

благоприятная. По далеко, конечно, не полным и случайным данным главного управления по делам милиции, с марта по октябрь зарегистрировано 819 более крупных выступлений рабочих, при чем больше половины их (57%) приходилось на стачки, 15% на удаление администрации, 5% на «захват» предприятий и 23% на прочие случаи волнений. Как и следовало ожидать, активные выступления нарастали по мере нарастания общей революционной борьбы, с которой они были тесно связаны: если на март-апрель падает 9% выступлений, на май-июнь 4%, то на июль-август 48% и на сентябрь-октябрь 39%—после июльских дней и корниловщины число выступлений резко увеличивается. Та же связь с общим ходом революции и большевизации рабочего класса сказывается и на отдельных формах борьбы: в марте-апреле преобладают случаи удаления администрации (83%), в мае-июне случаи стачек почти уравниваются (41%) с «захватами» предприятий (32%), в следующие 2 периода стачки занимают первенствующее место (61 и 66%)—борьба принимала все более настойчивый и организованный характер. По отдельным районам наибольшее число выступлений дают центрально-промышленный (199), сев.-западный (141) и южно-горнопромышленный (129), при чем случаи удаления администрации относительно чаще в центрально-промышленном (20% против 15% в южно-горнопромышленном и 12% в северо-заводском), случаи же стачек чаще также в первом (63% против 42% и 50%). Таким образом, стачки в год революции оставались в общем основным средством борьбы рабочих, но, разумеется, в различных отрядах рабочего класса играли разную роль. Первые месяцы революции стачечное движение захватывает почти исключительно рабочих мелких предприятий, менее организованных и по общему правилу

не имевших ф.-з. комитетов. По мере общего обострения классовой борьбы и развертывания капиталом локаутской политики и наступления на ф.-з. комитеты, в стачечную борьбу вступают рабочие крупной промышленности. В этом отношении выделяются 2 подъема стачечной волны, соответствующие этапам революции, — после июльских дней и корниловского выступления. В июле и августе происходит ряд крупных стачек, принимающих часто всеобщий характер (в Москве бастовало до 100 тыс. металлургов, рабочие резиновой промышленности, архитектурно-строит. рабочие, кожевники; в Харькове бастовали металлисты; в Петербурге рабочие табачных и гильзовых фабрик; в ряде городов бастовали печатники; в иваново-вознесенском районе — текстильщики и т. д.), ряд этих стачек связан был с борьбой за расширение прав ф.-з. комитетов и за рабочий контроль (московских кожевников, иваново-вознесенских текстильщиков, печатников). Август отмечен политическими стачками (в день открытия Государственного совещания — всеобщая стачка в Москве и стачки в Киеве, Костроме, Царицыне и других городах). С осени стачечная борьба в особенности разгорается в Донбассе, на Урале, в Баку. В стачечное движение вступают железнодорожники (в сентябре в связи с отказом Временного правительства в повышении зар. платы), трамвайные рабочие, рабочие электрических станций и т. п. Одновременно более бурные формы принимает введение рабочего контроля («захват» предприятий, в особенности на Урале и в Донбассе).

Бесчисленное множество конфликтов, крупных и мелких, не доходя до открытых выступлений, разбираются в примирительных организациях (примирительных камерах, профсоюзах, отделах труда и пр. советах). Наиболее крупный конфликт, тянувшийся месяцами и доходивший, в примирительном

порядке, до министерства труда, имел место в Донбассе и связан был с повышением зар. платы. О характере конфликтов, разрешаемых в примирительных учреждениях, можно судить по данным временного комитета Донбасса о 149 более крупных из них за время с марта по декабрь 1917 г. И здесь, как в приведенных выше данных об общих выступлениях рабочих, число конфликтов нарастает с июня и в особенности с августа: если в первые 4 месяца революции до комитета доходят 33 конфликта, то в июле-августе это число поднимается до 35 и в сентябре-октябре до 45. Что касается причин конфликтов, то 60% последних связаны с «вмешательством рабочих» в порядок предприятия (т.-е. с осуществлением прав ф.-з. комитета и рабочим контролем), закрытием предприятия владельцами и «захватом» их рабочими; с вопросами зар. платы связано всего 25% конфликтов и рабочего времени — 10%. Борьба вращалась, стало быть, главным образом вокруг рабочего контроля и саботажа предпринимателей, но и конфликты, связанные с зар. платой, хотя и составляли меньший процент, упирались в ту же борьбу за право рабочих на регулирование всех заводских отношений.

Развивая борьбу по всему фронту революции, раб. кл. в то же время энергично строит свои профсоюзные организации. С первых же дней революции строительство принимает массовый характер, оставляющий, конечно, далеко позади 1905 г. Уже к июню 1917 г., по неполным данным, число союзов доходило до 1.000 с числом членов до полутора миллионов, к тому же времени имелось свыше 50 Ц. Б., объединявших до 1.200 тыс. членов. Лучше других были организованы металлисты (до 400 тыс.), текстильщики (178 т.), печатники (55 тыс.). Об итогах союзного строительства 1917 г. можно судить по составу 1-го съезда профсоюзов, состоявшегося в январе

1918 г., при чем и эти данные являются преуменьшенными, т. е. на съезде были не одинаково полно представлены все районы. Всего на съезде было представлено 2.638.812 членов, так что за вторую половину года число членов увеличилось приблизительно в 2 раза; на съезде было представлено 18 все-российских союзов, объединявших 2.532.100 членов, и 20 областных союзов с 711 тыс. членов. Укрупнение союзов произошло во второй половине года, так как в начале, как и в предыдущие периоды, союзы не всегда строились по производственному принципу, и в одном и том же производстве образовались мелкие союзы по дробным производствам; что же касается объединенных союзов, то даже ко времени съезда, по выводам анкеты, среди представленных на нем союзов «громное большинство союзов» носило чисто местный характер, нередко охватывая одно предприятие. Наиболее организованными к концу 1917 г. были текстильщики (571.400 членов), металлисты (525.900), служащие и рабочие государственных и городских предприятий (153.500), пищевики (133.600), горнорабочие (127.700), торговые служащие (117 тыс.). Всероссийские союзы имелись у металлистов, текстильщиков, кожевников, химиков, пищевиков, печатников, портных, торговых служащих, рабочих сахарных заводов, стекло-фарфоровых заводов, писчебумажных, спичечных, чертежников, фармацевтов, помощников врачей и некот. других. Более планомерное строительство союзов началось только после созыва третьей конференции союзов (июнь 1917 г.), положившей основание все-российскому объединению. Конференция признала строительство по производственному принципу и избрала временный (до созыва съезда) Центральный совет профсоюзов (ВЦСПС) как организационный центр движения. Руководящая роль на конференции

принадлежала меньшевикам, и это отразилось, конечно, на ее постановлении, в особенности по вопросу о стачках: не отрицая, что стачки являются «главным и самым могучим орудием в экономической борьбе рабочих», конференция указала, что, «в целях успешности и прочности экономических завоеваний, профсоюзы должны в своих выступлениях учитывать современную общую экономическую и политическую конъюнктуру», что в переводе на меньшевистскую тактику означало возможное торможение стачечной борьбы как частное выражение общей тактики сотрудничества с буржуазией. Конференция отвергла рабочий контроль, рекомендуя союзам участие в государственных органах по регулированию народного хозяйства. Несмотря на словесное признание конференцией содействия «созданию и укреплению» ф.-з. комитетов, отношение к последним руководящих органов союзов складывалось явно враждебно, и ф.-з. комитеты неизменно трактовались как «анархо-синдикалистские», подпадающие под влияние «стихийного массового движения».

В незатихавшей, напряженной и все нараставшей борьбе, тесно связанной с общим развитием революции, раб. кл. рвал с мелкобуржуазным социализмом и быстро проходил школу большевизации. «Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов» (Сталин). Опираясь на стихийный подъем массовой революционной борьбы и организуя его, большевики получили руководство движением в самых решающих его формах, а руководство это, в свою очередь, ши-

рило борьбу и поднимало ее на высшую ступень. Наиболее ярким показателем в этом отношении может служить тактика большевиков в движении, связанном с ф.-з. комитетами, которыми они овладели с самого начала: на первой петроградской конференции ф.-з. комитетов (май), на второй петроградской (август) и на первой всероссийской их конференции (октябрь) большевики неизменно получали все руководящие посты и безраздельное господство. Организуя это движение, стихийно возникшее и захватившее самые широкие низы рабочей массы (из представленных, напр., на I съезде профсоюзов мест в 112 имелись ф.-з. комитеты, не имелись только в 5 и по 35 не имелось сведений), большевики получили прочную опору в заводских массах. Снизу, с массы шло и завоевание профсоюзов. Характерны в этом отношении данные той же анкеты I-го профсоюзного съезда: большевики были представлены в меньшинстве среди делегатов всероссийских (32%) и областных союзов (37%), но уже были в большинстве среди делегатов от местных советов (57%) и отдельных союзов (57%), в то время, как меньшевики, напротив, преобладали в первых и составляли меньшинство во вторых (среди делегатов отдельных союзов 17%), иначе говоря, меньшевики занимали еще командные посты, в массе же влияние переходило к большевикам. Процесс этот, усилившийся с Октября, протекал еще раньше и состоял в завоевании доверия масс в профсоюзах, как и в ф.-з. комитетах, в создании революционной армии, «в ходе самой борьбы, в ходе столкновения классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики» (Сталин). Теми же путями, в ходе борьбы и проверки — на опыте этой борьбы — правильности тактики

партии, шло завоевание масс и во всех других направлениях, в городе и деревне, в окопах и в тылу. Если на июньских выборах в петроградскую городскую думу блок меньшевиков и эсеров получил 600 тыс. голосов, а большевики 170 тыс., то на августовских выборах блок теряет до 400 тыс. голосов, а большевики число голосов удваивают; то же повторяется на московских выборах, где в июне меньшевики и эсеры собирают до 70% голосов, а большевики 11%, а в октябре первые всего 18%, а вторые 51%. Корниловское выступление дает массам новый и богатый опыт — непосредственно после него петроградский и московский советы, а за ними и провинциальные переходят под руководство большевиков, под их же руководством по фабрикам и заводам идет проводимое заводскими организациями вооруженные рабочих как непосредственная подготовка к восстанию. Если раньше лозунг «вся власть советам» означал завоевание большевиками советов и этим самым власти «в порядке мирного развития революции», то теперь, в условиях завоевания большинства и в советах и в самых широких массах, он означал «прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания» (Сталин). Октябрь превратил этот лозунг в революционно-историческое дело.

М. Балабанов.

VIII. Распадение крепостного строя и переход к буржуазному порядку (1801—1881). 1. На грани двух веков. Кризис дворянско-крепостнической империи конца XVIII в. Восемнадцатый век закончился под знаком глубочайшего внутреннего кризиса, знаменовавшего начало заката дворянско-крепостнической империи, для которой, однако, момент ее рокового перелома вместе

с тем был и предельной точкой расцвета сословно-дворянского строя. Царствование Екатерины недаром именуется «золотым веком» дворянства. Последнее — в процессе зарождения новой исторической формации — ощущало угрожающее колебание почвы под своими ногами и напрягало все свои силы, чтобы окончательно закрепить за собой захваченные командующие позиции. Либерально-буржуазные тенденции екатерининской политики, облеченные в характерные одежды западно-европейского «просвещенного деспотизма», с его широко вещательными декларациями о «блаженстве всех и каждого», об утверждении «законности, правосудия и естественных вольностей», вызвали сплоченную дворянскую реакцию, которая, в конце концов, и выщипала все нарядные «павлиньи перья» из пышного хвоста, распущенного на удивление всей Европе «северной Семирамидой». «Великая хартия» дворянских вольностей (1785) знаменовала торжество этой реакции, низведя прославленного автора «Наказа» до скромного звания «казанской помещицы», уразумевшей, наконец, «о ком пещись должно». Ревниво охранявшая свои «самодержавные» prerogatives, которым, впрочем, не грозило никакой серьезной опасности, Екатерина с тем большей готовностью шла навстречу утверждению и расширению сословных социально-экономических привилегий дворянства, что отлично учитывала опасную практику «дворцовых переворотов». Стараясь предупредить всякую возможность распространения этой практики непосредственно на свою собственную особу или — посредственно — на свою власть, Екатерина тем сдержаннее пользовалась своими неограниченными полномочиями «законодавца». «Ты знаешь, с какой осторожностью поступаю я в издании своих узаконений — говорила она своему статс-секретарю. Я разбираю об-

стоятельства, изведываю мысли просвещенной части народа и по ним заключаю, какое действие указ мой произвести должен. Когда же наперед уверена я в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие видеть то, что ты называешь слепым повиновением, — и вот основание власти неограниченной». Известно, как эта «просвещенная часть народа» решительно «помарала» екатерининский «Наказ», особенно в той его части, которая касалась положения «рабов», т.-е. основной привилегии дворянства. Напротив, менее всего каким-либо покушениям подвергся со стороны последнего обстоятельно развитый в «Наказе» принцип самодержавия, являвшийся одним из основных звеньев той дворянской конституции XVIII в., которая реализовалась как «неограниченная монархия, умеряемая царевольностью». Под влиянием означенной угрозы сверху, с одной стороны, и еще более страшной угрозы снизу (пугачевщины) — с другой, Екатерина вынуждена была завершить «фарсу» просвещенного абсолютизма крепким союзом с дворянством путем утверждения неограниченных «вольностей» рабовладельческого сословия. Сбросив с себя всякие служебные обязательства перед государством, но удержав за собой, как свою сословную привилегию, права на земли и народный труд, под именем «населенных имений», дворянство в то же время организовалось в единый сплоченный «корпус» с широкими правами самоуправления, органы которого de jure глубоко внедрились в правительственный аппарат империи. Владелец «крещеной» собственности и «предводитель» сословия помещиков, так. обр., ex officio превращался в представителя государственной власти на местах (коронного и по выборам), «барин» — в «хозяина» провинции, начальство и опекуна местного населения. Наступила эра, когда страной

безответственно начали править «10 тысяч полицеймейстеров».

Свобода от службы, развязав руки классу душевладельцев, естественно переместила его интересы из центра вглубь страны, к его «экономиям», куда он давно уже рвался, и создала классическую эпоху «усадебной культуры» (см. *Болотов*). Это перемещение командующего сословия, можно сказать, привело к целой катастрофе — упадку и развалу системы центральных петровских учреждений («верховного» Сената — хранилища законов, и коллегий) и перенесению их функций на органы местного управления (губ. реф. 1775). Вместе с господствующим сословием уходят теперь в провинцию и учреждения. Дворянское царство организуется «у себя», и дворянство становится подлинно правительствующим сословием. Окружив царский дворец плотным кольцом столичной гвардии, не призывавшейся на войну и «составлявшей как бы часть дворцового штата» (кн. Дашкова), и распоряжаясь при дворе через всемогущих фаворитов и «вельмож в случае», как у себя дома, дворянство «царствует» в центре и «управляет» в уезде и губернии. В этом, именно, и заключались самые прочные «гарантии» дворянской диктатуры. Недаром, в лице наиболее талантливых своих идеологов, дворянство, как сословие, раз навсегда объявило себя врагом западных буржуазных конституций и все свои упования возлагало на «50 хороших губернаторов», доверенных монарха. «Не формы важны, а люди», поучал своих «самодержцев» Н. Карамзин. Сила власти не в учреждениях, а в силе «персон». И дворянские публицисты красноречиво доказывали, что истинным залогом «блаженства» и «целости» империи является крепость той «цепи нисходящей», которая неразрывно связывает монарха через доверенных «персон», начиная губернатором и

кончая «мудро установленным чином» капитан-исправника, с его «верноподанным народом» (Щербатов). Социальное содержание самодержавия XVIII в. на этот раз нашло свое полное законодательное и идеологическое выражение, согласно щербатовской формуле: «нет дворянства — нет монарха». Возможно ли было, по существу, при таких условиях говорить о какой-либо законности и хранилище закона, когда, по выражению гр. Румянцева, «каждый помещик сам был законодателем, судьей, исполнителем своего решения и, по желанию своему, истцом, против которого ответчик ничего сказать не мог»? Для екатерининского дворянина, действительно, «закон не был писан». По откровенному признанию самой Екатерины, «законами пользовались только там, где они были полезны сильному» («Записки»). Неудивительно, что некоторые современники этой эпохи готовы были уподобить Российскую империю XVIII в. «тем варварским временам, в которые не только установленного правительства, ниже письменных законов еще не было». Так режим дворянских вольностей превращался в организованную систему необузданного произвола и приводил, в конечном счете, к целому ряду непримиримых противоречий.

Но иначе и быть не могло, если мы вспомним, что конец XVIII в. был моментом наивысшего расцвета крепостного права как вширь (территориально), так и вглубь — отменой последних ограничений помещичьей власти и гражданских прав крепостного населения (указы 1765—1798 гг.). Государство окончательно отказалось от своих подданных в пользу класса помещиков, создав тем самым, в условиях возрастающей товаризации народного хозяйства, благоприятную почву для неограниченной эксплуатации крепостного труда, нередко выходившей (по признанию современников) «из сносности человеческой».

По выражению Радищева, «крестьянин был в законе мертв», и потому ему оставался единственный способ заявить свой протест — путь «беспощадного» бунта, память о котором в свое время ускорила развязку рабовладельческого строя. Но пока, разгромив революционную армию Пугачева, дворянство спешило увенчать себя лаврами своих побед. Чем шире раздвигало оно границы своего социального господства, тем уже стремилось оно сомкнуть свой привилегированный круг, стараясь затруднить дальнейший доступ в свои ряды инородных элементов, «дабы достоинство дворянское не было уподлено». С неудовольствием оглядываясь на выскочек из новой знати, «столбовое» дворянство обнаруживало чисто кастовые претензии, заостряя до крайности сословный принцип, который в самом начале следующего века был формулирован в сентенции Гос. совета 1815 г., гласящей, что «чем более затрудняется возведение в дворянство, тем оно полезнее будет для государства». Но, настаивая на строгом соблюдении каждым сословием заповедных пределов своей «должности», дворянство, подталкиваемое к тому новой хозяйственной конъюнктурой, разрывавшей пути крепостнической экономики, само решительно вторгалось в сферу интересов торгового и промышленного капитала в борьбе за фабрику и «свободные» торги и промыслы «бедных трудников», своих крепостных, среди которых уже нарождалась крестьянская буржуазия и развивался усиленно отход на заработки. Решительно настаивая на закреплении своих феодально-крепостнических привилегий, дворянство, с одной стороны, загоняло свое хозяйство в безнадежный тупик, подготавливая и усиливая процесс так наз. «дворянского оскудения», с другой — обостряло сословные антагонизмы, ломая вместе с тем те самые классовые перегородки, какие оно прямо

стремилось воздвигнуть и утвердить, наперекор развивающемуся буржуазному хозяйству, противостоять соблазнам которой оно, однако, уже не могло, непроизвольно втягиваясь в новый экономический оборот.

Естественно, чем настойчивее и непримиримее заявляла себя дворянская реакция, тем резче должна была разгораться междусословная борьба. Нарождающаяся городская буржуазия вынуждена была противопоставить сословным притязаниям дворянства свои собственные интересы, апеллируя к тому же сословному принципу, настаивая на том, «чтобы всякий чин и звание известный промысел свой производил, в который бы другие чины не мешались». На этом основании представители третьего, или «среднего, сословия» пытались отбить в свое монопольное обладание «торги и промыслы», право на заведение фабрик и мануфактур, словом на купеческие и мещанские занятия, «с выключкою» дворянства и его земледельцев. В этом смысле не случайно было единовременное с дворянской «хартией» обнаружение и аналогичной грамоты «на право и вольности» городам, для которой особенно характерным следует признать, что, несмотря на прорвавшуюся в ней тенденцию всесословности, екатерининский город вылился в сословные формы мещанского центра с «корпусом мещанства», сословным судом и специфическими привилегиями для некоторых его разрядов. Социально-экономическая слабость «низкороджденного» сословия не могла, однако, в достаточной степени обеспечить ему необходимую независимость в пределах отвоєванных им себе прав и побуждала наиболее капитальных людей из его среды «подыскиваться», т.-е. пробираться в дворяне. Но был и иной путь, который являлся уже прямым вторжением в сферу преимуществ дворянского сословия. Мы разумеем открытое

требование буржуазией права приобретать «населенные имения» и «людей» к промышленным заведениям. Интересы городского класса (как и дворянства) не укладывались уже в прокрустово ложе того самого социального строя, который пришел в явное противоречие с меняющимся производственным базисом. При таких условиях образовалась сфера спорных прав, на которые одинаково притязала и та и другая сторона и которые то и дело переходили из рук одного сословия в руки другого (напр., запись в гильдии и т. п.). Сословные гарантии на этот раз превращались в свою полную противоположность — в тяжелые путы, которые связывали свободу действия тех, кто по инерции продолжал цепляться за обветшалые формы хозяйства и исторических привилегий. Сквозь сословную оболочку общества то и дело прорывался «новый вещей порядок», говоря словами Сперанского, обнаруживший явную тенденцию «во имя просвещения и промышленности» приступить к ликвидации «феодалного самодержавия» («Записка» 1809 г.). Этим и объясняются настойчивые вторжения по линии зарождающегося буржуазного хозяйства одного сословия в сферу интересов другого, вызывавшие на ряду с «мещанином во дворянстве» появление, по остроумному замечанию А. С. Пушкина, и «дворянина в мещанстве», как представителя дворянской буржуазии. Все эти факты говорили за то, что наступил кризис сословного строя. И действительно, остальные сословия с этого момента так же стихийно стремятся выступить за пределы своих «должностей», постоянно, так сказать, переступая ностромки своих «исключительных прав», за которые они по традиции продолжают тянуть с новой силой, еще более обостряя тем самым социальные противоречия. Недаром Щербатов с прискорбием должен был

уже констатировать, что на его глазах «смешались все сословия» и все выступили из своих «законных» границ.

И, что особенно достойно внимания, как раз в тот самый момент, когда дворянство обнаружило максимум усилий, чтобы придать своему сословному зданию возможно законченные формы, отгородившись стеной исключительных прав и вольностей в своем «благородстве» от прочей «подлости», а Щербатов на «законах природы» обосновывал непреложность сословного строя и всю тщету «химеры равенства», — именно в этот момент обнаружились глубочайшие трещины в самом фундаменте названного здания, только что было увенчанного новой великолепной крышей и заново отделанного. Казавшийся столь прочно сложенным «корпус» дворянства в действительности грозил превратиться в «рассыпанную храмину». По мере того, как «гармония» крепостнического быта все более и более расстраивалась, в нем совершался процесс внутреннего расслоения. И чем глубже шел процесс расслоения, тем острее выступали былые и вновь нарождавшиеся антагонизмы в толще некогда крепкого в своем единстве класса. С одной стороны, сильнее начинает чувствоваться рознь между последними отпрысками старинной фрондирующей родовой и титулованной знати, «с ужасающей быстротой» двигавшейся по пути своего разорения, и новой знатью придворных рагувенус, делавших головокружительную карьеру из дворцовых певчих, брадобреев и денщиков до положения первых вельмож империи, на которых с нескрываемым презрением и ненавистью взирали теперь «родов униженных обломки»; с другой стороны, между этими двумя верхушечными слоями, отмирающим и вновь образующимся, расположилась масса рядового — среднего и мелкого — дворян-

ства, особенно чувствительно ощущавшего всю неустойчивость своего положения при новой хозяйственной ситуации и достаточно беспомощного в своем характерном консерватизме. Наконец, в рядах этого же дворянства следует отметить и достаточно четко обозначившееся течение своеобразного «отщепенства» как в лице нарождавшейся дворянской буржуазии (торгово-промышленной и аграрной), так и «какющегося дворянства», резко порывавшего со всеми традициями прошлого и деградировавшего до положения деклассированной трудовой интеллигенции. Последним обстоятельством и объяснялось, почему в среде самого дворянства в конце XVIII в. начинается многообразное движение в поисках выхода из рокового тупика. При этом одни ищут спасения в усилении плантаторской системы хищной эксплуатации крепостного труда на старых основаниях; другие — в «рационализации» того же крепостного хозяйства в духе помещичьего «просвещенного деспотизма»; третьи — в попытках реформировать свои экономии по последнему слову науки, на «аглицкий» манер, с применением выписанных из-за границы «машин»; четвертые не останавливаются и перед постановкой вопроса о «вольных хлебопашцах» и пускаются в прожекторство «наивыгоднейшего для помещиков» разрешения крепостной проблемы, и, наконец, последние, подобно Радищеву, ставят вопрос во всей его широте, разрывая радикальным образом со своим классом. Правда, все эти процессы разложения дворянства, как сословия, находились еще в своей начальной стадии, и старый быт помещичьего уклада еще продолжал господствовать, но совершившиеся сдвиги все же в достаточной мере давали себя чувствовать и приводили в движение дворянское общество, вызывая в его среде весьма оживленное брожение умов, с доста-

точной яркостью запечатлевшееся как в журналистике, литературе и трудах разных обществ, так особенно в горячих дебатах депутатов знаменитой Комиссии 1767 г. (см. XXIV, 598/603). Историческая дискуссия, развернувшаяся в собраниях этой Комиссии, показала, что социальная перегруппировка происходила тогда не только в среде душевладельцев, на верхах общества, но захватила также и его низы.

Вторжение капитала в сферу крепостнического хозяйства давало себя знать среди трудовых масс с еще большей силой, чем среди привилегированных элементов. Здесь также трещали старые социальные перегородки и происходила ломка исторических отношений. В недрах крепостного, помещичьего, как и государственного крестьянства, по существу также закрепощенного казне, хотя и в несколько замаскированной форме (как о том свидетельствуют современники — Дашкова; Сперанский и др.), совершался аналогичный двойственный процесс дифференциации в направлении разорения и пролетаризации одних и выхода «в люди» других. Так, рядом с крепостным полусвободным и «вольным» рабочим, освобожденным от земли и деревенских связей, теперь начал успешно отслаиваться класс крестьянской буржуазии, в лице крепостных фабрикантов, прасолов, так наз. «деревенских владельцев» и всякого рода промышленников, выходивших большею частью из среды госуд. крестьян, его «хозяйственных», зажиточных и «кулацких» элементов. То же происходило и среди городских ремесленников. Товарное хозяйство, властно врываясь в этот косный мир, производило и здесь беспоконное движение и общую мобилизацию хозяйственных сил. Недаром внимательный наблюдатель, все тот же Щербатов, с тревогой отмечал всеобщее «повреждение нравов» как опасный

симптом явного распада старого быта, решительно протестуя против «коренного» зла — массового отлива отхожего населения из деревни в город и вторжения этого последнего, с его властью денег и «развратом», в сельскую жизнь «земледельцев». Таковы были ближайшие итоги социальной эволюции империи XVIII в. на рубеже двух столетий, подготовлявшие «дней александровых прекрасное начало», по выражению поэта, отразившего в своих откликах на современность чаяния русского общества первой четверти XIX в.

Отмеченные выше противоречия должны были с не меньшей силой отразиться и на идеологии господствующего класса, являвшегося носителем «национальной» культуры страны на данном историческом этапе. XVIII в. в указанном отношении также может быть рассматриваем, с одной стороны, как время окончательного оформления расцвета дворянской культуры, с другой — как момент начала ее разложения, сопровождавшегося очевидным идеологическим кризисом, вносившим разброд в среду «просвещенного» общества «порядочных людей». Процесс европеизации русского общества, т.-е. его «верхов», являвшихся почти единственным проводником «образованности» в его среду (если не говорить о пришлых иностранцах и разночинцах, выступавших, гл. обр., на поприще наук и искусств), к концу века можно считать законченным. От пассивной подражательности русское общество перешло к творческому освоению готовых западных культурных ценностей и к претворению их в «самобытную» русскую культуру. Означенное завоевание было возможно благодаря тому, что к данному периоду уже успели сложиться у нас первые кадры русской интеллигенции и сформировалось так наз. «образованное общество», «светский мир», с своим

характерным бытом — манерами, нравами, идеями, этикой и эстетикой, усадебной поэзией и салонным этикетом. В соответствии с своей сословной обособленностью дворянство, срывая яркие цветы западной цивилизации, создавало вокруг себя ту искусственную внешнюю обстановку и духовную атмосферу, в силу которых русские культуртрегеры превращались в иностранцев у себя дома. Стремясь сознательно отделить себя от «непросвещенной, варварской» массы и своих собственных «рабов» костюмом, языком и всем строем барской жизни людей «белой кости», оно подготовляло тем самым трагически затяжной разрыв с окружающей средой, приводивший, в конце концов, к внутренней раздвоенности личности и непримиримым противоречиям, проникавшим всю дворянскую культуру в ее целом. На этой почве ярко сословного характера дворянской культуры постепенно подготовлялись и вырастали те антагонистические течения в ней самой, которые разлагали ее изнутри и приводили к весьма сложным идеологическим конфликтам, от коих не удалось спастись и самым талантливым и даже гениальным представителям и творцам этой богатой культуры, отравленной ядом ее первородного греха — рабовладения. Ее материальные предпосылки, на основе которых она и распустилась пышным цветом, сложились гораздо раньше; но лишь после того как, сбросив с себя обязательную службу, дворянство из служилого превратилось в вольное сословие, оно смогло, наконец, пустить в оборот накопленный им капитал в целях строительства своего собственного сословного быта, к созданию своей культуры. Обеспеченный крепостным трудом, неограниченный досуг открывал для дворянина переходной эпохи широкие возможности «жить для себя и для друзей», овладеть всеми дарами современной материаль-

ной и духовной культуры, развивать свою личность, впервые предоставленную самой себе. Но те условия, при которых произошла эта эмансипация личности в слагающемся русском культурном обществе, наложили на нее неизгладимую печать, глубоко искажившую самое ее существо, навсегда поселив в ней неразрешимое внутреннее противоречие. Для екатерининского дворянина это противоречие сводилось к тому, что процесс оформления его собственной личности свершился за счет самого грубого отрицания и попрания человеческой личности в его крепостном. Космополит и вольтерьянец, завоевавший для себя права человека, дворянин конца XVIII в. строил благополучие своей праздной и сытой жизни на бесчеловечной эксплуатации человека человеком. Отсюда вся его культура была насквозь проникнута величайшей ложью, освободиться от которой он не мог, не отказавшись вместе с тем и от самого себя, своего класса. И каких бы высот ни достигала дворянская культура в процессе своего роста и в последующие времена, она не в силах была до конца преодолеть эту ложь даже в тех случаях, когда уязвленная совесть лучших ее представителей приводила их к сознанию «вековой неправды».

Но прежде чем наступила эра великого покаяния и искупления грехов прошлого, дворянство пережило период классического расцвета, того культурного подъема, который особенно ярко заявил себя в замечательное десятилетие 1779—1790 гг. Вовлеченное в водоворот идейных течений «века просвещения», оно особенно охотно усваивало те стороны его философской проповеди от имени «верховного Разума», которые в одно и то же время помогали ему освободиться от «строгих древних правил» и «патриархальных» традиций феодального домостройства и давали удоб-

ную санкцию новой вольной жизни «избранного общества», бросившегося навстречу великим соблазнам западного мира. И оно жадно воспринимало наряду с популярными истинами, прокламированными «энциклопедией», и через «многие книги Вольтеровы», и тот *savoir-vivre*, в котором изысканный комфорт и вкус «в подражание роскошнейшим народам» сочетался с «сластолюбием», культом «страсти любовной» и не знающим предела «самством», по выражению екатерининского публициста. Недаром так наз. «вольтерьянство», эта обличительная, скептически фривольная философия, дерзкая и в то же время осторожная, адресовавшая свою проповедь исключительно «порядочному обществу» (*honnêtes gens*) и «коронованным философам», пришлась как нельзя более впору дворянскому обществу второй пол. XVIII в., превратившись в его среде в бытовое явление. Достаточно известно, что сам «фернейский патриарх», с высоты своих «просветительных принципов», решительно становился на сторону «деспотизма, умеряемого терпимостью и просвещением» (А. Сорель), от которого он ожидал «обновления неба и земли» и водворения «золотого века» человечества. Презрительно взирая на грубую чернь, «глупый и варварский народ», «этот скот, которому достаточно клочка сена и удара бича», Вольтер как бы освящал своим авторитетом крепостническую идеологию российских душевладельцев, которые и не замедлили преклониться пред великим «мудрецом», заполяняя свои библиотеки его творениями, усердно добываясь личного с ним общения, совершая паломничества в Ферней (Сумароков, кн. Дашкова, гр. Строганов, Карамзин) и щеголяя в салонах своим вольтерьянством, тем более, что последнее ни к чему не обязывало. При таких условиях либеральная фраза мирно уживалась у наших воль-

терьянцев с повседневной практикой крепостного права и его упорной защитой, как это мы видим у «российского Вольтера» — Сумарокова, автора «Путеводителя к истинному счастью» Болотова, кн. Щербатова, знаменитого мецената и масона, гр. Строганова, творца «Писем русского путешественника» и др. Таким образом, замкнувшись в тесном круге своих сословных привилегий и повернувшись спиной к «хамовому отродью», дворянство своим европеизмом еще раз подчеркивало глубочайшую ложь своего идеологического маскарада. Понятие о человеческом достоинстве, благородстве, рыцарском (хотя бы по внешности) отношении к женщине оно отождествляло с дворянскою честью и распространяло лишь на свой сословный круг.

То же следует сказать и о модном для XVIII в. масонстве. Не удовлетворяясь уже более грубой обрядовой, преисполненной всякого суеверия, религиозностью своих предков, стремясь, в уровень с веком, рационализировать свое отношение к «божеству» в духе деизма и внести начала гуманности и братства в проповедь «нового христианства», русские масоны, однако, в своей массе и в данной области не вышли за пределы своего сословия, стремясь и в сфере «верований» обособиться от «подлого» народа, создав еще одну замкнутую организацию «благородных», хотя в принципе братства «духовных каменщиков» были проникнуты очевидной тенденцией вывести личность из тесного круга сословности на пути буржуазной общественности. Мысль о возможности признать своим «братом», «свободным каменщиком», собственного крепостного «раба» или даже чело- века иного сословия была так же далека «братьям» - дворянам, как г-же Простаковой мысль о возможности бреда у большой крепостной слуги. Недаром собрания масонских лож

довольно скоро выродились в праздную игру, в новый обряд, обставленный таинственными манипуляциями и заканчивавшийся «братскими» пирами. Масонство в указанном выше смысле было тесным образом связано с вольтерьянством, как типическим выражением дворянской культуры екатерининского века. То и другое являлось характерным признаком «хорошего тона» людей «порядочного общества». Лишь с указанными оговорками можно говорить о положительной культурной роли названных течений в среде дворянского общества XVIII стол., развивавшегося под знаком рационалистической философии и просветительных идей великого столетия, озарившего своим светом верхи рабовладельческой империи (ср. XXXVI, ч. 3, 685/86, 740/41).

Теми же типическими чертами отличалось и самое внешнее оформление «барской» культуры, стиль ее усадебных дворцов, городских «палат» с традиционными колоннами, с их декоративной обстановкой в духе Версаля и английских парков, где в зелени аллей блистали наготой античные статуи и кокетливо прятались беседки-«миловиды». Сказочным оазисом выделялись эти усадьбы на сером, убогом фоне крепостных деревьев, как особый экзотический мир. Все в нем как будто бы было создано для того, чтобы уводить его обитателей возможно дальше от реальной действительности в страну, куда не долетали раздражающие крики жертв господской «конюшни» и где, как в сказке на яву, протекала беззаботная, как вечный праздник, та искусственная жизнь, среди которой вырастало поколение за поколением русских «иностранцев», «умных ненужностей» или просто «благородных» самодуров. Естественно, что и в области литературной тематики и стиля эта среда должна была обнаружить те же тенденции и вкусы, т.-е. то же

отвращение от мира действительного, тот же маскарад чувств, ту же внутреннюю фальшь. Недаром в своих выступлениях на литературном фронте российские Расины и Корнели облеклись в парадные одежды так наз. «ложного классицизма», с его «пухлым» и «высоким стилем», напыщенной риторикой, сюжетами из античной истории и мифологии, где на сцене фигурировали боги, цари и герои, где все было поднято на ходули, где не было места живому человеческому чувству, но за то все было рассчитано на то, чтобы щекотать сословную «амбицию» избранного общества, не выходявшего и в данном случае из своей идеологической изолированности. И то же самое повторялись еще раз и в том случае, когда утомленное слишком чопорным, натянутым тоном псевдо-классической декламации, с дальнейшим ростом и уточнением дворянской культуры, «деревенское» сословие помещиков попыталось ближе подойти к своему быту и эстетически его оформить с точки зрения своей классовой идеологии. В результате, как известно, возобладало новое литературное направление «сентиментализма», в котором искренность подлинного чувства вновь была подменена ложной чувствительностью, а проза жизни крепостной усадьбы идиллической «пасторалью» в стиле В. Майкова и Карамзина.

Однако, если «ликующее и празднично-болтающее» екатерининское дворянство, в сознании своих последних завоеваний, в лице своего лучшего поэта «державинским слогом» прославляя «богоподобную Фелицу», готово было отдаться всем радостям бес печального, эпикурейского жития в ответ на призыв автора «Приглашения к обеду»: «Так! будем жизнью наслаждаться», то уже в это время в среде этого самого дворянства начали развиваться и иные настроения.

Под влиянием начавшегося кризиса идеология самодовольного «вольтерьянства» и «фармазонства» не только начинает терять твердую почву под ногами, но и встречает на своем пути противоборствующее ему течение, вышедшее из рядов либерального среднего и радикального мелкого дворянства с примкнувшими к нему первыми выходцами разночинства. Не довольствуясь проповедью Вольтера, это новое направление провозглашает своим вождем Ж. Ж. Руссо и, опираясь на доктрину «естественного права», в противоположность Щербатову, выводит из нее идею «общественного равенства». Именно «руссоизм» с примыкающими к нему радикально-демократическими учениями (Мабли и др.) становится вдохновителем того идейного движения, носителем которого явилось наполовину деклассированное «кающееся дворянство», впервые дебютировавшее на поприще русской общественности, и та независимая екатерининская интеллигенция, которая группировалась в различных просветительных «кружках» и «дружеских обществах» второй пол. XVIII ст., порвав с традицией вельможного и придворного меценатства. Именно в этот момент выступает в литературе и оппозиционной журналистике фонвизинская и новиковская сатира, а затем появляется и «язвительная» бунтарская книга Радищева (см.) с ее уничтожающим приговором над «чудовищем» крепостнической империи. Своей разрушительной критикой эта «вольнодумная» интеллигенция блестяще разоблачила всю вопиющую и лицемерную ложь счастливой и блаженной дворянской империи и культуры, сорвав с нее идеологическую маску и объявив в заключение «общественным татем» привилегированного душевладельца. Но она не ограничилась горячим словом обличения, но деятельно заявила себя вместе с тем на поприще науки

и, особенно, общественной деятельностью на культурно-политическом фронте, подготавливая тем самым и появление тайных обществ александровской поры. Означенный идейный раскол в стане дворянского общества вносил особое оживление в его среду, выявляя тем самым с большей определенностью скрытые процессы стихийного расслоения, происходящие в рядах «благородного» сословия, и вместе с тем осложняя и обостряя назревавшие среди него движения реакции и оппозиции. На этой-то почве в дворянском обществе и развивались, с одной стороны, настроения так наз. «лишних людей», «кающихся дворян», упадочного мистицизма и жертвенного бунтарства, в которых радикальнейший протест сочетался с новиковским «розенкрейчерством», а грядущий декабризм с чаадаевщиной; а с другой — совершалось превращение восторженных «космополитов», «вольтерьянцев» и «либералистов» в нетерпимых националистов, обскурантов и охранителей, окончивших свои идеологические скитания в лоне православия, самодержавия и крепостного права. Под влиянием совокупности отмеченных фактов, несмотря на то, что сплоченной дворянской реакции без особенного труда удалось расправиться с пионерами общественной оппозиции, последняя не прошла бесследно. Непререкаемая «святость» существующего строя была подорвана. Крепостной уклад принципиально был осужден, и проблема «свободы собственности и труда» была поставлена на очередь, чтобы уже не сходить более с «повестки дня». В своих интимных «Записках» сама Екатерина определенно высказывается в пользу «свободы и собственности», находя, что «рабство есть политическая ошибка, которая убивает соревнование, промышленность, искусство, честь и благоденствие» народа. Таким путем уже намечалась в основных чертах

программа русской жизни не только ближайшего царствования, но почти на целое столетие вперед.

При таких условиях, в тесном соответствии с теми процессами, которые совершались в области социальных отношений, и судьбы государственной власти не могли не испытать на себе тех же противоречивых влияний. Стоя на распутье между отмиравшим феодально-крепостническим и нарождавшимся буржуазным государством, екатерининская империя, следуя путем западных монархий, пыталась было стать под знамя «просвещенного абсолютизма», идеологически выражавшего требования и интересы этой новой исторической формации. Ликвидируя традиции вотчинного государства с его системой замкнутых хозяйств, новая власть уже сознает себя властью, преследующей начала «общего блага» и «всеобщей пользы». Отсюда ее знаменательные декларации о «должностях» государя, являющегося «первым слугой своего народа», об утверждении «законности» и «порядка», как «фундаментального подпора человеческой безопасности и удобства», и о насаждении «естественной вольности» граждан, как конечной цели и «предлога» самой ее неограниченности. С означенными целями эта власть, в лице «коронованных философов», во всеоружии принципов рационализма принимает на себя ответственную миссию построить новое «регулярное» (полицейское) государство «по правилам ума просвещенного», полагая таким путем создать «народное богатство» и «всеобщее довольство», «сколь далеко последнее может на сей земле простираться». Тщательно отмежевываясь от старых привычек «деспотичества», новая монархия объявляет себя на стороне «естественных прав человека». Так, рост денежного хозяйства, товарного обращения, широкой мобилизации движимых и недвижимых

ценностей, необходимость обеспечения рынков, рабочей силы, сырьевых ресурсов для развертывающейся промышленности и торгового капитала—выдвигали на очередь проблему твердо организованного «правового» порядка с необходимыми гарантиями буржуазной «законности» и устранением «великого помешательства в правосудии». Утопия «просвещенного деспотизма», сочетавшая идею неограниченного «самодержавия» с «основательными законами» (так наз. теория «*monarchie légalé*»), по существу являлась предвосхищением идеи «правового государства», буржуазного конституционализма, исторически сменившего государство «старого порядка», окончательно обнаружившего свое банкротство в экспериментах «просвещенной» монархии абсолютизма. Все широковещательные «провозглашения» и отдельные «приступы» к их реализации в конечном счете сообщили внутренней политике Екатерины тот двойственный, противоречивый характер, в силу которого она (по ее собственному признанию) попала в траги-комическое положение «вороны в павлиньих перьях». Мудрая правительница «милостию дворянства», вконец концов, очень скоро поняла всю опасность игры в «истины» «*à renverser des murailles*», в особенности там, где дело касалось самого шекотливого вопроса — умаления рабовладельческих прав дворянства. Сознавая, что подобные меры «не будут средством приобрести любовь землевладельцев», а потерять ее—это значило лишиться и престола, Екатерина вынуждена была начать решительное отступление по всему фронту. Вот почему конец царствования «северной Семирамиды» отмечен был резким поворотом в сторону реакции, ликвидации ее «грехов молодости» и, наконец, прямыми гонениями, направленными против тех самых «просветительных» начал, которые не так

еще давно торжественно ею провозглашались. В результате «просвещенная» монархия XVIII в. закончила столь диким пароксизмом самого обнаженного произвола эпизодического правления имп. Павла, что против него вынужден был запротестовать даже такой убежденнейший идеолог самодержавной империи, как Карамзин.

По существу это был вполне законный финал дворянского государства XVIII века. Та же глубочайшая внутренняя ложь, которая пронизывала весь его состав, должна была и в данном случае принести свои зрелые плоды, превратив, в конечном итоге, «просвещенную» по своим претензиям власть в свою полную противоположность, тем самым еще раз подчеркнув глубокий кризис, переживаемый дворянским крепостническим государством на высшем подъеме и роковом изломе его исторических судеб. Паника, вызванная грозными событиями, завершившими «безумное и мудрое столетие» на Западе, крестьянская революция, страшным ураганом разразившаяся внутри империи, и общий кризис, переживаемый страной, послужили достаточным основанием, чтобы начавшееся было либерально-преобразовательное движение второй половины века, с его буржуазными тенденциями, было резко остановлено и господствующее, хотя уже отчасти и дезорганизованное сословие душевладельцев кинулось в объятия реакции, тем самым еще раз обостряя общее положение вещей.

Но если внутреннее состояние империи обнаруживало явные черты серьезного расстройства, вызывавшего общее недовольство как защитников *status quo*, так и сторонников «новизны», то—в силу неумолимой исторической логики событий—и международный престиж империи оказался не в лучшем положении. И в данном отношении приходится констатировать

наличность глубокого противоречия, которое, с одной стороны, сказалось во внешнем проявлении военного могущества российского «колосса», прославившего себя «громом побед» на поле брани, с другой — в его дипломатической немощи, явно не соответствовавшей домогательствам Екатерины на «знатное участие в политической системе Европы и в ее генеральных делах». Заняв позицию одной из крупнейших европейских держав, широко раздвинув границы своих владений, особенно в своем наступлении на Ближний Восток, империя XVIII в. оказалась не в состоянии осуществить свою претензию на активную внешнюю политику с руководящей ролью в «концерте» великих держав. Одерживая победы на полях сражения, она терпела поражения на дипломатическом фронте. Импонируя Зап. Европе своим массивом, казалось, непобедимой живой силы, русское правительство покупало свою громкую военную славу дорогой ценой разорения страны, грозившего ей финансовым банкротством под влиянием все возрастающего расстройтва «тыла», расстройтва, обусловленного общим кризисом крепостнического хозяйства. Вот почему огромные жертвы, приносимые на «алтарь отечества», не могли принести тех выгод, которые от них ожидались. Обеспокоенные экспансией екатерининской империи, европейские державы с успехом элиминировали плоды ее побед всякий раз, когда эти последние являлись серьезной угрозой их «сферам влияния». Так было и в польском, и в «восточном» вопросах. Достаточно было бы указать на роль маленькой Пруссии в ее соперничестве с екатерининской империей, на ее диверсии в ближне-восточной борьбе и при разделах Польши, где русскому правительству приходилось идти на поводу своего «союзника» с явными выгодами для него и в ущерб своим интересам. И в довер-

шение всего, как будто бы специально для того, чтобы подорвать окончательно всякий международный авторитет и влияние империи, имп. Павел своей нелепой дипломатией вносит такую же дезорганизацию во внешнюю политику Р., какую водворил он и в делах внутреннего своего правления, чем и решил, наконец, свою собственную судьбу, закончив, по выражению Карамзина, свое «вредное царствование способом вредным» (см. XXX, 758 сл., и XXXVI, ч. 3, 760 сл.). «Верноподданное» дворянство, среди которого тогда как раз была особенно популярна идея «аллианса» с Англией, куда направлялся экспорт русского хлеба, как известно, не простило Павлу его разрыва с своим естественным «союзником», в котором оно видело вместе с тем и оплот борьбы против революционной Франции. Царевубийство 11 марта 1801 г. явилось, так. обр., катастрофической прелюдией к александровскому царствованию, знаменуя новый поворот во внутренней истории Р. начала XIX столетия.

Таковы были исторические итоги XVIII в. и того глубокого кризиса, каким он завершился. Достигнув своего предельного торжества, «старый порядок» вместе с тем исчерпал все свои скрытые потенциальные силы, обнажив в конечном счете противоречия, которые распатывали его вековые устои. Этот процесс изживания традиционных основ разлагающейся социально-экономической и политической формации сопровождался, как мы видели, обострением классовой борьбы и резким столкновением антагонистических идеологий, вызвавших широкое общественное движение и бросивших в обращение богатый комплекс идей, на почве которых впервые расцвела богатая русская литература, являвшаяся главным фокусом общественной жизни и мысли (см. *русская литература*). Глубокий кри-

зис, переживаемый империей конца XVIII в., способствовал пробуждению критического направления в обществе, подготавливая тем самым первую «политическую весну», наступившую с восшествием на престол коронованного «заговорщика» и самодержавного «республиканца». Быть может лучшей формулировкой возобладавших в нач. нового столетия общественных настроений могут послужить знаменательные слова будущего императора в его известном письме к Лагарпу, где дана выразительная оценка состоянию Р. на закате «осьмого на десять века»: «благосостояние государства—писал в этом письме Александр Павлович — не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все безрассудства, которые совершаются здесь... Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь не при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец измучен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Мне думается, что, если когда-нибудь придет и мой черед царствовать, то... я сделаю несравненно лучше, поработав над дарованием стране свободы... Мне кажется, что это было бы лучшим видом революции. Нужно будет стараться образовать... народное представительство, которое... составило бы конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы» (27 сент. 1797 г.). Таково было завещание XVIII века грядущему XIX столетию. При таких auspiciis началось царствование (1801—1825) «любимого внука» Екатерины и одного из участников мартовского переворота 1801 г.

2. *Дворянско-крепостническая империя «на распутьи»*—таков истинный смысл знаменательного двадцатипяти-

летия александровского царствования с его новой вспышкой официального либерализма, мистической реакцией и эпилогом дворянской «революции». Катастрофический финал правления Павла, вызванный сумасбродным произволом и антидворянской политикой императора, принявшегося в мстительном озлоблении истреблять все, в чем он видел печать «екатерининского духа», был неизбежным результатом того всеобщего протеста, какой сумел возбудить против себя среди общественных верхов этот одержимый идеей абсолютной «неограниченности» своей власти коронованный гатчинский «капра». Павловский террор в короткий срок создал единый фронт широкой оппозиции, с восторгом приветствовавшей гибель «тирана», ниспровергнувшего все «уставы» вместе с дворянской «хартией» и «грамотой» городам и «объявившего войну здравому смыслу с твердым намерением никогда не заключать с ним мира» (вел. кн. Константин). Однако, временное единодушие этой оппозиции ожидалось лишь на чувстве острой вражды к общему врагу, в то время как мотивы самой вражды, в своем существе, были глубоко противоречивы и определялись всем предшествующим ходом объективных событий. Двусмысленная декларация юного императора, провозглашавшая возврат к режиму «по законам и по сердцу бабки своей Екатерины Великой» (маниф. 12 марта), в связи с восстановлением «жалованной грамоты» дворянству (маниф. 2 апр.) возбуждала самые разнообразные надежды как в реакционном лагере фрондирующей феодальной знати (Н. Панин, Мордвинов, Воронцов и т. п.) и крепостнической массе консервативного дворянства (Державин, Карамзин), так и среди партии «либералистов» («молодые друзья» Александра — Радищев, Сперанский). Но едва только выяснилось, что апелляция к екатерининским тради-

циям имела в виду не конец, а начало ее царствования и знаменовала начало новой эры либерального реформаторства, как не замедлил расстроиться и дружный хор приветствий, обращенных к юному императору, и прежние антагонизмы снова начали оживать с тем, чтобы при первой же благоприятной конъюнктуре доставить торжество временно притаившейся реакции.

Но прежде чем последняя вновь поднимет свою голову, александровское правительство, возвращаясь к традициям автора «Наказа», сделает еще раз попытку «поставить силу и блаженство империи всероссийской на незыблемом основании закона», как гласил указ об учреждении «Непременного совета» 30 марта 1801 г. Поднимая вопрос о решительной борьбе с «деспотизмом нашего правительства», Александр I (см.), в качестве коронованного «республиканца» и приверженца «принципов» 1789 г., наряду с реформой политической в том же указе заговорил и о необходимости «вдохнуть дух жизни и в нижние состояния людей». Так вопрос о «даровании стране свободы», октроировании конституции, поставленный на очередь Александром Павловичем еще до вступления на престол, неизбежно связывался с роковым вопросом о судьбе крепостной массы народа, вопросом, о который, в конце концов, как о подводный камень, и разбилась вся реформа правительства «неофициального комитета». Но, как бы то ни было, необходимо отметить, что в самой постановке плана преобразований, намеченного «секретным» комитетом придворных заговорщиков, во главе которых стоял сам император, сказались, несомненно, все те же либерально-буржуазные тенденции, вызвавшие, как было отмечено выше, против себя новое обострение дворянской реакции конца XVIII в. Недаром имп. Александр ре-

шительно отклонил новую попытку англоманствующих феодалов «монаршистов», А. Воронцова (см.) и Н. Мордвинова (см.), стремившихся путем реформы Сената в духе прежнего панинского проекта, отвергнутого Екатериной, осуществить свои олигархические затеи созданием правительствующей аристократии, открыто контролирующей «самодержавного» монарха. Еще характернее было сознательное отстранение тайными преобразователями от всякого участия в проводимой ими реформе всего дворянства как сословия. «В невежестве» последнего, как и в «старых служивцах» сенаторах члены неофициального комитета вполне справедливо полагали «встретить помеху» «задуманному на общую пользу» преобразованиям и поэтому решили «не связывать себе руки... раньше времени», сохранив за собой монополию инициативы и самого проведения плана реформ. При таких условиях становится понятным, что Александр против своей воли согласился и на подтверждение дворян. грамоты 1785 г.

Таким образом, неофициальное правительство имп. Александра, который еще в 1797 г., в сознании глубокого кризиса, переживаемого страной, зашедшей в тупик глубоких противоречий, наметил основную линию своей будущей программы действий, лишь осуществляло теперь те предположения, которые были подсказаны преемнику Павла и любимому внуку Екатерины антифеодальными течениями богатого великими «превращениями» века просвещения. И этот новый, казалось, более решительный поворот в сторону «освободительных» преобразований мотивировался не только наследием прошлого, но и новыми успехами товарного хозяйства и ростом промышленности в начале XIX столетия. Новсе не случайно поэтому в двадцатипятилетие александровского царствования вновь

разгораются горячие дебаты по вопросам крепостной экономики и в первую очередь по вопросу о мерах возбуждения «духа деятельности, ревности и прилежания к трудам в нижних состояниях людей». И в то время как теоретическая дискуссия концентрируется (1803 и 1812) гл. обр. вокруг «Вольного эконом. общества» (см.) и в землевладельческой прессе (об «оброке» и «барщине», «вольном» и крепостном труде и т. д.), одновременно с ними появляется целый ряд практических «проектов» и планов освобождения крестьян (Аракчеева, Н. Тургенева, Мордвинова и др.), которые, благодаря инициативе гр. Румянцева, приводят уже и к обнародованию «сенсационного» указа о «вольных хлебопашцах» 1803 г., согласно которому «доброй воле» помещиков предоставлялось право отпускать с земельным наделом «на выкуп» своих крепостных целыми селениями. Как бы ни было эфемерно практическое значение этого демонстративного указа, тем не менее самый факт его появления, в связи с более энергичной крестьянской реформой Остзейского края 1804—05 г. и с подготовкой общегосударственной реформы был в достаточной степени симптоматичен (см. XXV, 497). Он говорил о том, что буржуазные начала все глубже проникали в хозяйственный организм и сознание общества и правительственной власти. И действительно, элемент предпринимательства заметно усиливается в настоящем периоде среди класса землевладельцев. Современники отмечают появление дворянской аграрной буржуазии, так наз. «торгующего дворянства», которое начинает перестраивать свое поместное хозяйство в интересах внутреннего и внешнего рынка, все более и более втягиваясь в товарный оборот. Ф. Вигель (см.), с присущей ему тонкой наблюдательностью, как раз отмечает в это время зарождение

нового типа «дворянина в купечестве» из «столбовых бояр», который, «сбросив предрассудки старины, прозрел будущность Р.», поняв, что впредь «не чины, не заслуги... а богатство, единое богатство» будет «доставлять уважение», силу и власть. Ясно обозначившееся уже к этому моменту образование промышленного центра и земледельческого юга, превращавшегося в «фабрику хлеба», расширяя внутренний рынок и форсируя экспорт сел.-хозяйственных продуктов, не только создавало почву для перехода помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы, но и втягивало самых заядлых крепостников в стихийный экономический процесс. Последние, в целях интенсификации крепостного труда, реконструировали свое крепостное хозяйство, переходя к плантаторской «барщинной» системе, которая в конце 1820-х и нач. 1830-х гг. привела к своеобразным опытам «крепостнического социализма» по планам «совокупного домоводства» Стремоухова и знаменитого Акинфа Жукова. Эти опыты являлись своеобразной попыткой введения в крепостную систему «хозяйства общественного, или соединенного», по типу военных поселений, о которых так восторженно отзывался Стремоухов. Дело сводилось к созданию своего рода крепостного фаланстера для «поселян», под просвещенным руководством помещика (с «дружинной» обработкой земли, месячиной и т. п.) и при бдительном надзоре особых старшин, поставленных помещиком в целях наибольшего поднятия доходности хозяйства и борьбы с «леностью» и «нерадением» крепостных рабов. Эта оригинальная пародия на французские утопии конца XVIII и нач. XIX вв. удостоилась даже в лице Стремоухова премирования со стороны Московского о-ва сел. хозяйства. Другие вводили систему принудительной крепостной

«аренды» (оброчной системы) с организацией на «монархических началах» деревенского управления в духе «сельского устава», введенного В. Каразиным (см.) в его имении, организованном по правилам просвещенного полицейского государства, где помещик рассматривается как «наследственный чиновник», поставленный верховной властью в качестве «природного покровителя, судьи и попечителя» над своими рабами.

Но процесс товаризации захватывал не только помещичьи экономии: он властно вторгся и в сферу мелкого крестьянского хозяйства, усиливая дифференциацию деревни, способствуя, с одной стороны, выделению бедняцких элементов, с другой — торговой и промышленной крестьянской буржуазии (см. «Журнал путешествия» 1813 г. П. И. Долгорукова). Именно в это время начинается успешный рост с. Иванова, этого русского Манчестера, где под покровительством магната гр. Шереметева расцветает текстильная промышленность усилками и «талантами» фабрикантов из крепостных, выросших на плечах кустаря из мелких скупщиков и торговцев. Рост ивановского промышленного центра очень ярко отмечал общую тенденцию прогрессирующей индустриализации народного хозяйства, особенно если принять во внимание, что фабрики Иванова обслуживали вольный рынок и эксплуатировали «свободный» труд, в противоположность вотчинной мануфактуре, являвшейся фабрикой государственного спроса, хотя уже и на этой фабрике, в целях поднятия производительности труда, местами начала вводиться заработная плата для крепостных рабочих. Столь же характерным является и быстрое отмирание к нач. 1830-ых гг. помещичьей купеческой фабрики, которая все более сближается теперь с «крестьянской», почти совсем не знавшей ни

крепостных, ни кабальных рабочих. Раскрепощение фабрики вообще представляет наиболее знаменательное явление в истории промышленности александровской поры: к 1825 г. общее количество вольнонаемных рабочих достигает уже 54%, причем большинство предприятий, обслуживающих внутренний рынок (массового потребителя), целиком эмансипируется от рабского труда, и даже дворянская суконная фабрика начинает освобождаться от казенной «монополии» (1816). Усиленному оживлению промышленности не мало содействует в это время прогрессивный рост исконных кустарных промыслов, а также возникновение новых. На почве сильно децентрализованного товарного производства торговый капитал получил возможность широко развернуть систему крупного домашнего производства, организуя в своих интересах мелкое «светелочное» производство наряду с централизованной фабрикой. Прогрессирует и техника производства, в первую очередь текстильной, хлопчатобумажной промышленности (механ. прядение, ткацкий станок, крашение), которая играет роль ведущей отрасли нарождающейся вольной капиталистической индустрии. Нельзя не отметить также и оживления горной промышленности, вызвавшего обнародование «Горного положения» 1806 г. и появление закона об «охране труда» работающих в рудниках. Наконец, следует указать также и на издание указа 16 июня 1825 г., воспретившего отдачу крепостных на работы на фабрики. Все эти факты как нельзя лучше говорят о крупных успехах наступающего капитала, который направлял свою эксплуататорскую энергию, гл. обр., в деревню, поскольку именно там, а не в городах сосредоточивалась масса мелких производителей, сельских ремесленников. Впрочем, рост торгового и промышленного капитала,

естественно, не остался без влияния и для города, особенно его столичных и некоторых провинциальных центров. Современники и в данном случае положительно свидетельствуют о росте купеческой буржуазии и ее приливе в города и, особенно, о начавшемся изменении внешнего лица старой дворянской Москвы, где рядом с барскими хоромами появляются уже и купеческие палаты, а вместе с тем начинается скопление мелко-буржуазных и пролетарских элементов. Конечно, процесс этот пока ограничивается сравнительно немногими городами, но все же заслуживает быть отмеченным. Но нигде, быть может, не сказались так ярко знаменательные сдвиги в области производственных отношений, как в сфере внешней политики александровской эпохи, ознаменовавшейся грандиозной эпопеей так наз. «Отечественной войны» 1812 г.

Основной причиной войны 1812 г., как известно, явился тот тяжелый удар, который «континентальная блокада» (см. XLV, ч. 1, 209/13, и IX, 166) Наполеона нанесла, в лице русского поместного дворянства и торгового капитала, главным поставщикам сырья (хлеба, леса и пр.) на английский рынок. Мы уже знаем, что со второй пол. XVIII в. этот последний играл руководящую роль в хозяйстве дворянско-крепостнической империи. Именно в Англию был направлен экспорт продукции помещичьих экономий, и из Англии же поставлялось все необходимое для удовлетворения потребностей и прихотей «благородного» сословия. Но как раз в этот момент с особенной силой возгорелось экономическое соперничество между Англией и Францией. То была эпоха, когда на смену Франции революционной явилась Франция директории, консульства и, наконец, наполеоновской империи с ее империалистическими устремлениями, грозившими вытеснить

«владычицу морей» не только с континента, но и из колоний и таким путем воздвигнуть грандиозное здание «мировой монархии». Наполеоновские замыслы представляли, так. обр., одновременно угрозу и английскому капиталу, и рос. дворянской империи, что, естественно, и привело к союзу между ними. На почве отмеченной выше зависимости Р. конца XVIII и нач. XIX вв. от английского капитала, в связи с паникой, вызванной французской революцией среди дворянских «верхов», уже со времен Екатерины началось в Р. распространение «англоманства», и не случайно молодые сотрудники Александра I были проникнуты англофильскими настроениями. При указанной конъюнктуре английскому правительству не трудно было купить за солидную субсидию «русские штывки», и имп. Александр при таких условиях с достаточной энергией мог выступить в качестве организатора и вдохновителя коалиции континентальных держав (Р., Австрия, Пруссия) в союзе с Англией (1805—1807). Молодой император, находившийся в это время на подъеме своих либеральных мечтаний, не только не связывал тогда с этой коалицией каких-либо контр-революционных поползновений, но в своей секретной дипломатической инструкции 11 сент. 1804 г. решительно подчеркивал, что война ведется им не против французского народа, а против правительства Наполеона, грозящего «порабощением» народам Европы. Восставая против «тиранических» замыслов Наполеона, Александр видел себя при этом в роли «умиротворителя Европы», водворяющего на началах нового кодекса «международного права» «вечный мир и братство народов». Так органически связывалась в этот момент внешняя политика императора с его политикой внутренней. Однако, как известно, в результате всех усилий

Александра с трудом сколоченная и крайне ненадежная континентальная коалиция потерпела ряд последовательных поражений (см. XLV, ч. 1, 222/25) и после Аустерлица (1805), Иены (1806) и Фридланда (1807) привела Р. к Тильзиту (1807), т.-е., под видом «союза дружбы» с Наполеоном, к полной капитуляции перед победителем, властно продиктовавшим свои условия своему невольному «другу», предварительно навязав ему еще и войну с Турцией (1806). Но вынужденный Тильзитский мир (см.), после отказа Англии в субсидии и поражения союзников, мог быть для Р. лишь временной передышкой. Тильзитская «дружба» монархов, повлекшая за собой установление так наз. «континентальной системы», к которой должна была примкнуть и александровская империя, была не чем иным, как «вооруженным миром». Попытка Наполеона преградить доступ английским товарам на материк Европы (берлинский декрет 1806 г.), повлекшая за собой закрытие русских портов для английской контрабанды, должна была вызвать резкий протест и открытое недовольство со стороны всего дворянского фронта и представителей торгового капитала, дав толчок новой вспышке дворянской реакции. Над императорским дворцом вновь повис грозный призрак дворцового переворота, ожививший в молодом царе память о ночи 11/12 марта 1801 г. Интересы торгового капитала и аграриев на этот раз вступили в резкое противоречие с интересами промышленников, для которых блокада сыграла роль охранительного тарифа и пролилась золотым дождем на поля российской индустрии. Но последняя, как мы знаем, еще далеко не окрепла настолько, чтобы диктовать свои условия дворянско-крепостническому государству, хотя и вкусившему уже плодов буржуазной культуры. Тильзит,

т. обр., предрешил неизбежность «Отечественной войны»: патриотическая реакция решительно поднимала свою голову. При таких обстоятельствах Александру I ничего не оставалось, как пойти на явный разрыв с Наполеоном объявлением таможен. тарифа 1811 г., открыто нарушившего блокаду. Последний шаг становился тем более необходимым, что интриги Наполеона в Турции и его «уступка» русскому царю Финляндии, присоединенной в 1809 г. к Р., с явным намерением сделать последнюю орудием своей политики на севере, явились новой угрозой ближне-восточным интересам Российской империи в тот самый момент, когда эти интересы, после победоносных войн Екатерины и роста хлебного экспорта с юга, приобретали особенную актуальность для Р. Мысль Сперанского, что «вероятность новой войны между Р. и Францией возникла почти одновременно с Тильзитским миром», совершенно правильно оценивала положение вещей. Недаром Александр I уже с весны 1810 г. начал готовиться к предстоящей новой борьбе с Наполеоном, несмотря на Эрфуртское свидание (1809), казалось, прочно закрепившее узы дружбы двух императоров, поделивших между собой Европу (см. *Александр I*, и ниже, *иностранная политика Р.*).

Летом 1812 г. великая кампания началась (см. ниже *войны Р. в XIX и XX вв.*), а вместе с тем началась и историческая драма, приведшая к катастрофе сожжения Москвы, в пламени которой погибли замыслы «якобинской шайки» реформаторов, дерзнувших — по словам Державина и Карамзина — к «изумлению» и «ужасу россиян», выступить с планами «освободить от рабства народ» и «унизить дворянство». Патриотическая шумиха, поднятая дворянством, со страхом озирающимся на движение крестьянской массы,

возбужденной войной и соединявшей с ней тайные надежды на близость «воли», знаменовала собой все возрастающий подъем феодальной реакции, которая находила себе поддержку в соответственном росте реакции общеевропейской. По мере того как наполеоновская эпопея приходила к своему завершению с финальными актами Венского конгресса (см. XII, 148), Парижского договора (5 июля и 20 ноября 1815 г.), заточением Наполеона и обнародованием так наз. «Акта священного союза» (сент. 1815 г.), утверждавшего — на основе «вечного закона бога спасителя» — союз монархов (см. XXXVII, 578/80) в противовес революционным принципам поверженной во прах Франции, в Р. как раз завершилась подготовка той почвы, на которой распускалась мистическая реакция второй половины александровского царствования, первыми предвестниками которой явились падение Сперанского (см.), с одной стороны, и представление Карамзиным (см.) его знаменитой «Записки о древней и новой Р.» Александру — с другой (1811).

В период 1812—1820 гг., когда внимание Александра было всецело отвлечено войной и международной политикой, окончательно определился переход его от реформаторских начинаний к аракатеевскому режиму, и мрачная фигура «уполномоченного злодея» решительно заменила собой на верховном посту разочарованного в своих иллюзиях «императора Европы» и самодержавного «республиканца». Именно в этот переломный момент наряду с торжеством реакции оформилась в общественных верхах и та политическая оппозиция, которая привела, в последнем итоге, к восстанию 14 декабря. Ближайшего источника этого движения следует, так: обр., искать в том же начале александровского царствования, которое было ознаменовано либеральным

дебютом нового правительства, как из «рога изобилия» пролившего целый поток «милостей» на возбужденное лучшими ожиданиями общество. Объявление амнистии жертвам Тайной экспедиции вместе с ее упразднением и массовое возвращение лиц (до 12 тыс.), пострадавших при Екатерине и ее сыне, в том числе Радищева; удаление от дел наиболее одиозных креатур Павла; открытие границы для свободного выезда в чужие края и ввоза иностранных книг и товаров; распечатание частных типографий; запрещение объявлений о продаже крестьян без земли; указ Сенату о пересмотре его прав (см. XXXVIII, 260/62); упразднение «Совета при высочайшем дворе» и замена его «Непременным советом» (см. II, 121/22) при одновременном преобразовании «Комиссии о составлении законов», с провозглашением, что «начало и источник народного блаженства» отныне «поставляется в едином законе», и целый ряд других подобных же мероприятий, опубликованных в короткий период времени от 13 марта по 5 июня 1801 г., произвели целую сенсацию в обществе, а слухи о готовящихся молодым императором коренных государственных преобразованиях создавали благоприятную атмосферу для самых «вольнлюбивых» надежд. В эти, именно, дни восторженный юноша В. Каразин (см.) положил на стол только что вступившего на престол Александра свое известное письмо, в котором он высказывал твердую уверенность, что молодой император «даст нам непреложные законы» и «скажет Р.: се предел самодержавия моего... И Р. войдет, наконец, в число держав истинно монархических, и железный своенравия скипетр уже не возможет сокрушить скрижалей ее завета». Несколько туманная декларация Каразина, будущего врага «конституций» и защитника крепост-

ного права, была принята Александром с явным одобрением. Иначе и не могло быть, ибо уже в июне 1801 г. открыл свои действия «негласный комитет» при императоре, представлявший из себя своеобразное первое «тайное общество» конституционалистов во главе с самодержавным монархом, по программе своей превосходявшее планы будущего «Союза благоденствия» (1818). Как известно, члены этого общества, послужившего началом оформления общества декабристов, возлагали первоначально серьезные надежды на «доброжелательство правительства» в деле реформы, что и выразили в своем «Уставе». В этом смысле Александра Павл. можно было бы назвать отцом декабристов, в такой же мере породившим последних, как Екатерина—Радищева. Недаром, узнав впоследствии о деятельности тайного общества, Александр не решился принять репрессивных мер против заговорщиков в сознании, что он сам «разделял и поощрял те самые иллюзии и заблуждения», которые 20 лет ранее считал за «великие истины». Недаром и сами декабристы в своих показаниях признавали идеологическую связь своих воззрений с либеральным курсом начала правления Александра. И действительно, учреждая вместе со своими молодыми друзьями, кн. Чарторижским (см.), горячим польским патриотом, гр. Кочубеем (см.), Повосильцевым (см.) и бывшим членом якобинского клуба, бившимся на баррикадах Парижа, гр. Строгановым (см.), секретный «комитет», Александр сразу поставил в программу его работ вопрос о конституции и крепостном праве, при чем в первую очередь была даже отредактирована «всемилостейшая грамота русскому народу», согласно которой «любезным верно-подданным» жаловались вместе с целым рядом милостей «свобода веры, мысли, слова, письма и делния». Грамота

эта должна была быть обнародована в качестве подготовительной меры к общей реформе и вместе с тем явиться как бы неофициальным манифестом, открывавшим начало действий тайного конституционного правительства. Однако, несмотря на весь либерализм членов комитета, в его работах с первых же шагов обнаружилась характерная нерешительность, обусловленная, с одной стороны, страхом вызвать «опасное» возбуждение умов и даже народное восстание, с другой—боязнь натолкнуться на сопротивление большинства дворянства, которое поэтому, как мы знаем, решительно и отстранялось от всякого участия в подготовке реформы. В результате подобных настроений, а также и проснувшихся классовых интересов среди самих членов комитета, особенно в крестьянском вопросе, по которому первый забил отбой «якобинец» Строганов, среди комитетчиков возобладало мнение, что «снешить» с провозглашением свобод не следует, как и с отменой рабства, но в первую очередь надо приступить к «подготовке» конституционной реформы рядом «постепенных» мероприятий, путем преобразования существующих государственных учреждений. Так. обр. решено было вводить конституцию в рассрочку, в порядке административной реформы, при сохранении самодержавия, на чем особенно теперь настаивал гражданин «гельветической республики» Лагарп (см.), бывший воспитатель, а затем авторитетный консультант Александра, убеждавший последнего не «связывать себе рук» в деле обновления Р.

В это именно время и состоялось привлечение Сперанского (см.) в помощь пятерке «комитета общественного спасения», как в шутку именовали себя сотрудники императора. Несомненно, к этой же поре относится и келейное (через гр. М. Воронцова и

Сперанского) сотрудничество Радищева, работавшего в Комиссии законов, с «негласным комитетом» (составление проекта «жалованной грамоты» и т. п.), после того как, будучи окончательно освобожден, он вновь отдался своим «вольнодумным» мечтам с тем, чтобы в сентябре 1802 г. уже покончить с собой после многозначительного напоминания ему гр. Завадовским о Сибири (см. XXXV, 443/44). Не так повел себя более осторожный «либералист» Сперанский (см.), хотя и сопричисленный Карамзиным к сонму «экс-якобинцев», но все же не избежавший, в конце концов, той же Сибири, куда он был отправлен в почетную ссылку по требованию объединенного дворянства. Но прежде чем талантливый слуга негласного правительства реформы пал, ему пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть неблагоприятной миссии проведения конституционной реформы на основах самодержавия. Такова была задача, порученная от имени комитета Сперанскому и получившая свое оформление в его первом проекте «об устройстве судебных и правительственных учреждений в Р.» (1803), проекте, представлявшем парадоксальную, заранее обреченную на неудачу, попытку — по словам самого Сперанского — «облечь управление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия». Предполагалось в скрытой форме ввести в систему абсолютизма начала правового государства (разделение властей и т. д.), имея в виду последующее «увенчание здания» (*couronner l'édifice*). Выполнив это монаршее задание, «чтобы управление в Р. было сколько можно близко к монархическому (конституц.) и не разрушало бы, однако же, настоящего порядка», Сперанский и представил, в связи с введением уже в 1802 г. семи

министерских должностей, свой проект «Сената законодательного и исполнительного», не скрывая, впрочем, от Александра всей эфемерности попытки пристроить конституционные гарантии к «деспотическому правлению» «в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве», где все власти «смешаны» в особе неограниченного монарха и поэтому немислима никакая ответственность правительства, ибо «скрижали закона каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия». Автор проекта при этом положительно заявлял: «я смею быть уверенным», что при такой постановке «вопросы сии... неразрешимы». В силу этого проект 1803 г. не получил дальнейшего движения, а самому Сперанскому дали новое поручение (после окончания первой войны с Наполеоном) — составить уже настоящую конституцию. В 1809 г. им и был изготовлен «План всеобщего государственного образования» — первый проект русской конституции. В этом своем основном труде Сперанский с полной откровенностью еще раз обосновывает совершенную «невозможность частных исправлений», настаивая на проведении единым актом коренного преобразования государственного строя, чем будут предупреждены «жестокое политические превращения» и «российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти». И далее, предпосылая своему проекту блестящий для своего времени эскиз схемы исторического развития Р., Сперанский приходит к заключению, что, подобно западным народам, «государство наше ныне стоит во второй эпохе феодальной системы, т.-е. в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе». Благодаря успехам

«просвещения и промышленности», говорит Сперанский, «настоящая система правления» в Р. «несвойственна уже более состоянию общественного духа», и потому «настало время переменить ее и основать новый вещей порядок». Ссылаясь на пример французской революции, он решительно подчеркивает, что все равно «никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может». Исходя из указанных предпосылок, Сперанский в дальнейшем и строил свою конституцию на чисто буржуазных началах, хотя и в весьма умеренных и осторожных тонах, учитывая окружающие настроения. В основу политических прав граждан он полагает цензовое начало, поскольку «основание свободы вещественной есть собственность». Сохраняя дворянское звание, Сперанский, однако, не связывает с ним никаких политических прав и преимуществ, так как, по его словам, все «состояния» «имеют политические права по их собственности». На этом основании «домашние слуги», «народ рабочий», как и дворяне, утратившие «собственность», политическими правами не пользуются, но зато «поместным» крестьянам, наделенным лишь правами гражданскими, в случае приобретения ими недвижимой собственности в известном количестве также «отверзается» путь к получению «прав политических». «Так. обр., те самые лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности». В целях поощрения последних Сперанский ввел ряд ограничений крепостного права (власти и прав помещиков). Так шел Сперанский навстречу сельской буржуазии, подготавливая вместе с тем рядом «переходных» мер и ликвидацию самого рабства, — вопрос, которому позднее (в конце 1820-х гг.) он посвятил

особый трактат, где им был разработан проект мер «постепенного перехода из крепостного в свободное состояние». Что касается самой схемы конституционных учреждений, выработанной Сперанским, то она строилась, конечно, на популярном принципе «разделения властей» по типу «конституционной монархии», в стиле франц. конституции 1791 г., с двумя палатами (Государственная дума и Гос. совет) и трехстепенной куриальной избирательной системой, которая своеобразно сочеталась с устройством органов местного самоуправления. При этом Сперанский высказывался в пользу «ответственности министерской», как основной гарантии законности управления, ибо «прежде, нежели можно думать о промышленности и народном богатстве... должно оградить лицо и стяжания каждого безопасностью».

Таков был план Сперанского. Однако, несмотря на то, что он был одобрен императором, ему не суждено было осуществиться, так как не было принято главное условие Сперанского — одновременное его проведение в жизнь. Наступившие вскоре грозные события надвигавшейся новой войны положили затем конец и тем скромным начинаниям, на которые отважился Александр, после того как «негласный комитет» фактически прекратил свое руководство реформой (в середине 1802 г.) и главным ее вдохновителем оказался Сперанский. Единственным результатом конституционных потуг Александра на этот раз явилась частичная реформа, которая свелась к образованию Государственного совета (1810; см. XVI, 263/66) и, с окончательным упразднением коллегий, нового учреждения министерств (1811), которые, в качестве конституционной контрбанды, должны были знаменовать первый опыт подведения под самодержавие основ «правового

государства». Пресловутая формула «Положения о Гос. совете»: «выяв мнению», обуславливая одобрением «большинства» Совета установление новых законов, так взбесившая Карамзина и наделавшая столько хлопот николаевскому правительству как лживый намек на «ограничение» власти монарха, была по существу единственным напоминанием о замыслах «якобинской шайки». Однако, дело дальше этого первого шага не пошло; начатая реформа была остановлена с тем, чтобы не получить больше продолжения, несмотря на то, что — после введения конституционных учреждений в Финляндии и Польше в 1809 и 1815 гг., — Александром, в речи при открытии первого польского сейма (1818), было торжественно объявлено на французском языке, что он имеет намерение «распространить... законо-свободные учреждения», введенные в Царстве Польском, «при помощи божией, на все страны, провидением ему вверенные», как «более сообразные с его принципами», о чем еще ранее он высказался на сейме в Борго (см.). Тайная мысль эта не покидала Александра вплоть до 1818 г., когда по его заказу под строжайшим секретом была изготовлена Новосильцевым (при участии кн. Вяземского) новая конституция, опубликованная позднее польским революционным правительством (1831). «Государственная уставная грамота Российской империи», как она называлась, в отличие от проекта Сперанского, к которому она близко подходила по конструкции своего верхнего этажа, вводила федеративное разделение Р. на «наместничества», но при этом усиленно подчеркивала монархическое начало, решительно отвергая идею «народного суверенитета». Сохраняя при этом сословный строй, грамота, однако, нигде ни словом не упоминала о крестьянах, не говоря

ничего и об отмене крепостного права, но определительно предоставляла политические права лишь дворянам и горожанам (именитым гражданам, купцам, цеховым). Только единственная статья 98 очень туманно упоминала о праве правительства «на справедливом и предварительном вознаграждении требовать от частного лица пожертвования его собственностью для употребления оной на пользу общественную». Само собой разумеется, что в основание политических прав и здесь полагалось ценовое начало «священной и неприкосновенной собственности» (ст. 97). Однако, это последнее покушение Александра «даровать стране свободу», сопровождавшееся, между прочим, перепиской его с президентом С.-А.С.Ш. Джефферсоном, никакого влияния на его внутреннюю политику и законодательство не оказало. Наступившая вслед за тем эпоха «конгрессов», «этих кузниц оков народных», по выражению кн. Вяземского, покончила категорически с «упованиями на преобразования Р.». «Теперь у нас ни калачом не выманишь конституции в Р.» — писал он Пушкину в 1820 г. И действительно, черная реакция вступила вслед за тем уже окончательно в свои права, с раздражением взирая на жалкие остатки полуразрушенных старых и недостроенных новых госуд. учреждений, единственных явных свидетелей банкротства монархического либерализма «северного Тальмы», каким на этот раз выказал себя «освободитель народов» и в своей внутренней политике. При указанных обстоятельствах конституционные костыли, приносившие к самодержавным установлениям, способствовали, без завершающего «увенчания здания», лишь вящему расстройству всей системы гос. учреждений, утверждению в правительственной практике «министерского деспотизма» и пол-

ному ниспровержению всякого признака «законности», давая тем самым в руки реакционной партии благодарное оружие для уничтожающей критики «реформы» («Записка» Карамзина). При посредстве Комитета министров и личных докладов последних государю было окончательно парализовано значение Сената и Госсовета, как органов гарантии законности и министерской ответственности. Фактически министры не только эманципировались от власти последних, но и стали выше их, что предсказывал еще Сперанский, настаивавший на уничтожении Комитета министров.

При таких условиях становится понятной и личная драма имп. Александра, этого «прельстителя» с раздвоенной душой. Любимый внук «либеральной» бабки, воспитанный республиканцем Лагарпом в сообществе с молодыми вольнодумцами и сам возмнивший себя республиканцем, Александр в то же время прошел суровую школу павловской военщины с ее парадоманией и эксцессами деспотизма, усвоив и сам характерные замашки «самовластия». С юных лет лавируя между «большим» и «малым» дворами, став невольным отпеубийцей, через заговор и переворот овладев престолом, Александр кончил как мрачный мистик и аракчеевец и, не успев «подать в отставку», умер с сознанием своего банкротства, окруженный таганрогской легендой (см. XLIII, 98/100), царствовал, но фактически не управлял последние годы своей жизни. Объективно это «постоянное колебание между крайностями» Александра мотивировалось всей совокупностью обстоятельств переходного периода на распутье двух исторических эпох, чем и объяснялось состояние неустойчивого равновесия, в котором пребывало александровское правительство. Основные тенденции политики

«просвещенного деспотизма», выше которых не сумел подняться Александр, сказывавшиеся в ее тяготении в сторону буржуазного либерализма, не находили под собой достаточно прочной почвы и, постоянно срываясь, в последнем счете должны были сложить свое оружие перед сплоченной оппозицией командующего еще в силу исторической инерции сословия, хотя уже и обреченного близкой смерти. Во всяком случае, худосочный, романтический «конституционализм» Александра со всеми его реформаторскими «планами» был осужден на роковую неудачу.

События «Отечественной» войны послужили лишь последним толчком для окончательной ликвидации правительственной реформы и полного торжества реакции, которая теперь выступила из-за придворных кулис с открытым лицом в сознании своей победы. Война не только естественно содействовала приостановке всякой преобразовательной работы, но, под видом патристической обороны отечества от «нашествия» французов, перешла затем в наступательную борьбу на внешнем и внутреннем фронте с «французской заразой» и «лживыми прелестями французского переворота» конца XVIII в., под которыми разумелись не только «ужасы», порожденные французской революцией с ее «исчадием» Наполеоном, но и вся реформаторская программа придворной «шайки» и ненавистного дворянству «выскочки-поповича» Сперанского, ославленного тайным агентом «корсиканского злодея». Страх перед возможностью русской народной революции, движением крепостной массы, среди которой под влиянием наполеоновской демагогии и давно уже накопившейся злобы против помещиков усиленно циркулировали слухи о воле, делал особенно напряженным внутреннее состояние страны в ее правительственных и правящих

верхах. Уже в 1805 г., уезжая на театр военных действий, имп. Александр учреждает «Комитет по делам высшей полиции», превращенный в 1807 г. в «Комитет общественной безопасности», в секретной инструкции которому даются полномочия, по существу являющиеся реставрацией недавно упраздненной «Тайной экспедиции». Двенадцатый год сообщает этим настроениям еще более тревожный характер, а пятнадцатый полагает резкий рубеж между эпохой официального либерализма и мистической реакции. «Священный союз», с одной стороны, и Венский конгресс, положивший начало целому ряду конгрессов со все возрастающими контр-революционными тенденциями, нашедшими особенно яркое выражение в Троппау (см.) и Лайбахе (см.; 1820—1821), с другой — проходят мрачной чередой в теснейшей связи с целым рядом аналогичных мер внутренней политики. Наступает жуткий период «аракчеевщины», когда имп. Александр, отдаваясь все более и более во власть мистицизма, при участии баронессы Крюденер (см.), явившейся ему в качестве «кающейся Магдалины», по существу слагает с себя «бремя правления» и всю власть передает в руки доверенному временщику. Уже в 1816 г. Аракчеев (см.) становится настоящим диктатором, олицетворяя в своей особе, в качестве главы комитета министров и единственного докладчика у государя, всю самодержавную «конституцию». Гос. совет, Сенат, министры теряют всякое значение. Свиерный насадитель военных поселений (см. XXXIII, 105/12), настоящей солдатской каторги, Аракчеев воскрешает худшие традиции павловского режима. Одновременно расцветает официальный «просветительный» обскурантизм в лице министерства народн. просвещения и духовных дел (1816—1817), объединенных в руках кн. А. Голи-

цына (см.), такого же злостного ренегата, как и его сподвижник Магницкий (см.), некогда «пострадавший» вместе со Сперанским. По почину этого «министерства загнивания», как назвал его сам Карамзин, поднимается целый крестовый поход против науки, литературы, мысли, в целях установления «спасительного согласия между верой, ведением и властью», как гласила инструкция вновь учрежденному при новом министерстве так наз. «Ученому комитету». Как всегда бывает в реакционные эпохи, религия в первую очередь привлекается в качестве орудия против всякого движения критической мысли, свободного исследования и оппозиции. Правительство снова ставит своей задачей создание «новой породы», на сей раз—«верноподданных» и смиренных рабов, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения», как гласил высоч. указ 1816 г. и знаменитый манифест по поводу окончания войны. В чем заключалось это «истинное просвещение», не замедлили на деле показать Магницкий в союзе с перекинувшимся из либерального лагеря в реакционный гр. Уваровым (см.) и такими мракобесами, как Рунич (см.), Корнеев, Писарев и др. Они произвели, можно сказать, настоящий погром вновь открытых так недавно университетов в Казани (см. XXIII, 127/28), Харькове, С.-Петербурге, установив настоящий режим академического террора (1819—1821). Либеральный университетский устав был совершенно ниспровергнут вместе с цензурным уставом, при чем печать была отдана под двойной надзор министерства народного просвещения и министерства полиции, наперебой соревновавшихся в гонениях на литературу, доходивших, при знаменитых цензорах Красовском и Бирукове, до подлинного издевательства над злым смыслом (см. XXXI, 577/78).

месте с тем в 1822 г. последовал указ о закрытии масонских лож и всякого рода тайных обществ. Вся реакция реакционная вакханалия протекла в сгущенной атмосфере мистического обскурантизма, окончательно одворившегося как при дворе, так среди высшего общества и в пратительственных кругах, где теперь открыто волаась проповедь пиэтизма, всякого рода изуверских сект (Тариновой, см., и др.) под покровительством голицынского министерства и Библиейского общества», превращенного в центр агитации против «самого князя тьмы», т.-е. «безбожного» апада с его просвещением и «лжечениями» свободы, равенства и демократии. В лице сменившего Голицына министра Шишкова (см.) эта азнузданная реакция, выкинувшая замя российского национализма и сенофобии, договаривается в своей инически крепостнической идеологии до открытой проповеди утверждения народного невежества, как главного оплота старого режима. «Истинное просвещение (говорил Шишов, вдохновитель «Беседы любителей русского слова» и соратник рх. Фотия; см.) должно состоять в страе божьем, который есть начало прудрости. Обучить грамоте весь народ или несообразное число оног оличества принесло бы более вреда, ем пользы». Старый адмирал хорошо омнил завет кн. Щербатова, что ежели народ подлый просветится и удет сравнивать тягости своих нагогов с пышностью государя и вельож... тогда не будет ли он роптать, наконец не произведет ли и бунта те?». Под знаком этой навязчивой мысли о бунте, народной революции расцветала злобная реакция конца арствования, превращая недавних либералистов» в самых откровенных оборников истинно-русских основ зорянско-крепостнической империи. остаточно вспомнить примеры В. Ка-

разина, энтузиаста 1801 г., уже в 1810 г. принесшего покаяние в своем «прошедшем иступлении», увлечении освободительными началами «французского переворота» и выступившего с целым трактатом «Практическое защищение против иностранцев существующей ныне в Р. подчиненности поселян их помещикам», где автор заявил себя горячим сторонником самодержавной монархии, как «палладиума обществ человеческих», и крепостного права, как лучшего залога «спокойствия» государства и «благосостояния» народного; или Н. Карамзина, в качестве «гражданина вселенной» в своих «Письмах рус. путешественника» «славившего свет философии» XVIII в. и объявлявшего, что «все народное— ничто перед человеческим», и затем превратившегося в гонителя «так наз. французской свободы» и «опасных произведений новых философов» и кончившего, подобно Каразину, провозглашением, что «самодержавие есть палладиум Р.» и что для блага государства гораздо «безопаснее поработить людей, чем дать им не во время свободу». Неудивительно, что и старое «просветительное» масонство проникается теперь теми же реакционными тенденциями, разделяя в этом смысле общую судьбу дворянских умонастроений, и смешивается в один мутный поток мистического мракобесия, где обскурантизм и шарлатанство «братьев розового креста» (см. *розенкрейцеры*) переплетались софициозным пиэтизмом, мистическими учениями Юнга-Штиллинга и Эккартсгаузена (см.), салонными «радениями» и всяческим изуверством. Неудивительно, что при таких условиях попытка будущих декабристов использовать масонство в своих целях не сыграла существенной роли в их движении, и они лишь прошли через этот союз Tugendbund'a с тем, чтобы выйти затем за его пределы. Культурная роль

масонства в судьбах русского общества уже была сыграна в период «философических» и филантропических увлечений эпохи вольтерьянства.

Таковы были политические итоги реакции 1820-х гг. Несмотря на то, что хозяйственная и классовая база сословно-самодержавной империи дала уже глубокие трещины, грозившие ей близким падением, дружным натиском сплоченного большинства крепостнического общества поступательное движение страны было вновь заторможено. Твердыня крепостного строя на этот раз устояла. Но победа реакции не только привела вновь к вящему развалу «безобразного здания» империи, но и еще более обострила экономический и финансовый кризис, усугубленный перипетиями наполеоновских войн и засилем крепостнических элементов. В этом отношении весьма характерным являлся поворот александровского правительства от протекционизма к фритредерским тарифам (1816, 1819), ударившим по отечественной промышленности с ее монопольным положением на внутреннем рынке и приведшим к ее частичному сокращению. «Правое дело восторжествовало (ликовал «Дух журналов» 1819 г.)... монополисты побеждены... Да здравствует мудрое благотворительное правительство». Но дела «благотворительного правительства» были, поистине, трагичны. Ему приходилось все время лавировать между крепостниками-агрярами и верноподданной «чумазой» буржуазией. Так было, напр., с правом записи в гильдии. Правительство то разрешало, то стесняло это право для дворян (ук. 1807, 1824 г.г.) и на ряду с этим открывало для крестьян право свободного приобретения недвижимости «под разными именами» в целях заведения фабрик и заводов (1801 и 1812), а также разрешало им право торговли без гильдейской

записи (1812) и в довершение всего было вынуждено в 1821 г. вновь вступить на путь покровительственных ставок в интересах промышленников. Все эти мероприятия приводили к обострению классовых противоречий и ставили правительство в положение совершенной неуверенности в своих собственных поступках, раздражая заинтересованные стороны и вызывая общее недовольство. Мордвинов (*см.*) уже в 1816 г. отмечал, что «томление Р. велико», «ум и сердце каждого» «горестно наполняется жалобой на дороговизну, на ущерб капиталу, на умаление имущества... Богатый жалуется, что сделался бедным, довольный—нуждающимся, и глас многочисленного народа громок и убедителен».

Но не менее «горестно» и даже катастрофично было положение самого государства, испытывавшего все более и более острую финансовую нужду. Войны, в связи с общим хозяйственным кризисом, привели к угрожающему падению курса, так что ассигнационный рубль к 1808 г. упал до 48 к., а к 1820 г.—до 23 к. Общий госуд. долг возрос до миллиарда рублей. Попытки Сперанского и Канкринна (*см.*) поправить имперские финансы играли роль жалких паллиативов, симптоматического лечения, которое лишь глубже вгоняло болезнь в народно-хозяйственный организм. И даже военные победы, купленные дорогой ценой разорения страны, не могли удовлетворить разыгравшегося чувства националистического патриотизма, претендовавшего вершить судьбы Европы. Триумфы русских птчиков, совершивших свой победный поход до Парижа, не спасли александровское правительство от новых дипломатических поражений в концерте европейских держав, которые с успехом таскали каштаны из пламени войны за счет Р.

Активная международная политика царя как в польском, так и в других вопросах потерпела ряд неудач. А за все эти победы и поражения должен был расплачиваться все тот же крепостной мужик, которому приходилось попрежнему «потеть на барщине» и нести каторжную страду военных поселений и «фрунтовой» муштры, приведшей, наконец, к восстанию военных поселений и Семёновского полка (1820). Малодушно спрятавшийся за спину Аракчеева Александр, отдавшись мистическим переживаниям, уже предрешил свое отречение, когда внезапная смерть настигла его в Таганроге (1825), накануне подготовлявшегося нового дворцового переворота, вылившегося в так наз. «восстание декабристов».

Катастрофический финал александровского царствования был т. обр. естественным завершением того общественного брожения, которое, по существу, не прекращалось в течение всего двадцатипятилетия с его либеральным подъемом в начале и реакционным падением в конце, разделенными бурными событиями, глубоко потрясшими всю Европу. В этой накаленной атмосфере мировой борьбы разгоралась не менее ожесточенная идейная брань, в которой блеснули и последние зарницы «века просвещения» и показались первые проблески того нового «философического» направления, которое получило свое полное развитие лишь в следующее тридцатилетие.

Идейное движение носило тем более интенсивный характер, что, начавшись еще в середине XVIII ст., оно было задержано в конце его дикими гонениями не только против свободной мысли, но даже отдельных слов и модных нарядов, напоминавших о «французской заразе». Либеральный дебют нового царствования послужил сигналом к началу богатого культурного расцвета страны. Воз-

обновление непосредственного общения — вольного или невольного (военные походы) — с Западом, официальная постановка на очередь коренных социально-политических реформ, ликвидация павловского наследства — все это будило мысль, вызывало на интенсивную деятельность молодые таланты творцов духовных ценностей. Правда, кузницей, где выковывались эти ценности, попрежнему оставался почти исключительно все тот же ограниченный круг «порядочного» дворянского общества, но, как мы знаем, в своем внутреннем составе он значительно осложнился, дифференцировался и теперь начал распадаться на разнохарактерные салоны и кружки, где на разные лады дебатировалась злоба дня, вопросы искусства и словесности, «шумели», декламировали, зачитывались рукописной литературой («Горе от ума», стихи Пушкина, Рылеева и т. п.). В бурном потоке общественной мысли своеобразно переплетались традиционные «апофеизмы» французского рационализма, английский «конституционализм» и романтизм, начатки немецкой философии идеализма, пиаэтизм и мистические учения «духоведения», проповедь национализма и историзма. Русская художественная литература окончательно выходит из своего подражательного периода, сбрасывает с себя псевдо-классический наряд напыщенной ретирики и дидактизма, рвет пути эстетического кодекса XVII—XVIII в. (Буало) и, высвобождая творческую личность «свободного» художника, создает блестящую эпоху расцвета поэзии субъективной лирики, которая через романтизм Карамзина, меланхолическую музу «романтического дядьки» Жуковского достигает своей вершины в Пушкине и так наз. «пушкинской плеяде» (Баратынский, Языков, Дельвиг, Вяземский, Рылеев и др.), отразившей

в себе и «вольнлюбивые мечты» своего времени и эпикурейские настроения своей среды с ее эстетизмом, культом формы, создавшим впервые русский художественный язык и навсегда сохранившим за александровской эпохой имя «золотого века русской поэзии». Пройдя через горнило романтизма с его «освобождающими» индивидуалистическими тенденциями, мечтательным гуманизмом, глубоким проникновением в мир интимных переживаний человека и жадной свободного раскрытия своего «я», художественная литература первой четверти XIX в. тем самым вплотную подошла к живой действительности и в процессе своей лирической исповеди («Евгений Онегин») или своего сатирического отталкивания от этой действительности («Горе от ума») дала первые образцы реального романа и реальной комедии, тем самым подготавливая свою смену в лице «натуральной школы», связанной с другим великим именем — Н. В. Гоголя, школы, с появлением которой начался закат «солнца русской поэзии», а вместе с тем и угасание его спутников. Следует отметить, однако, что для литературы пушкинской эпохи был характерен более всего самодовлеющий субъективизм, который замыкал ее в узком круге избранного общества. В настроениях ее чувствуется смутное беспокойство наиболее чутких представителей общественного класса, находящегося в процессе своего разложения, радость бытия для которых отравлена сознанием, что былое благополучие усадебного быта поколеблено в своем основании, и под ним уже начинает жуткий «хаос шевелиться», грозя «презренным бешенством народа», «бессмысленным и бесоциальным бунтом» рабов. Так уже в данном периоде зарождается в русском обществе настроение, столь характерное для дворянской

интеллигенции, выросшей на даровых хлебах, с глубоко рефлектирующей мыслью, но расслабленной волей, не лишенной «благих порывов», но и неспособной к активной борьбе, настроение так наз. «лишних людей». Презирая «светскую чернь», «не дорожа любовью народной», томясь в своей гордыне одиночества, она не видела исхода из того исторического тупика, куда ее завела сословная обособленность и культурная привилегия. Недаром лучшие представители этой интеллигенции в сознании своей роковой обреченности подставляли себя под дуло пистолета первого случайного убийцы. Чужие среди «своих», не в силах, однако, порвать органических связей с родной средой, и еще более далекие «чужим», они — в конце концов — теряли всякую почву под ногами.

Такой же сдвиг, как и в области литературы, совершился и на сцене русского театра. Грибоедов и Пушкин дали и первые образцы реалистической национальной комедии и драмы. Автор «Бориса Годунова» принципиально отверг священную триаду классического единства и напыщенный стиль декламационного «феатра» XVIII в., заговорив, как и автор «Горе от ума», живой русской речью, «белыми» стихами и вызывая тем протесты староверов. На почве столкновения защитников старого и нового слога, «шишковистов» и «карамзинистов», а затем и «пушкинистов», адептов «Беседы» и «Арзамаса», разгоралась горячая литературная полемика, идеологически прикрывавшая все ту же борьбу «охранителей» и «либералистов», перенесенную лишь на литературный, эстетический фронт, представлявший в это время центр средоточия общественной мысли. Эта литературная «отечественная» война послужила поводом для начала оформления первых литературных партий или школ,

которые привели к рождению русской журналистики с ее различными направлениями и первыми опытами литературной критики. «Вестник Европы» Карамзина, «Сын отечества» «грачей-разбойников» Булгарина и Греча, «Отечественные записки» Свиньина, «Русский вестник» С. Глинки, «Дух журналов» Яценкова, «Сионский вестник» Лабзина и, наконец, «Московский вестник» Погодина (Пушкина) и «Московский телеграф» Полевого (1825), где временами затрагивались и политические темы, и, наконец, целый ряд литературных «альманахов» вносили достаточное оживление в общество, способствуя выявлению общественного мнения в его многообразных течениях и оттенках. На ряду с этим нельзя не отметить также и пробуждения научной мысли в связи с появлением 5 новых университетов и оживлением деятельности старых и новых научных обществ, а также первых завязей нового философского движения на почве рецепции учений немецкого идеализма (Велланский, Давыдов, Шад, Галич, Веневитинов, Павлов), пришедшего на смену развенчанной французской философии XVIII в. Этому движению сопутствует необычайно широкий интерес к истории вообще и к историческим судьбам Р. в особенности. Начинается так наз. «румянцевская эпоха» издания драгоценных исторических актов, собираемых путем особых «археологических экспедиций» для обследования заброшенных со времен выпуска новиковской «Вивлиофики» архивов, параллельно чему развивается такая же работа «Общества истории и древностей российских» и нескольких специальных журналов. Одновременно начинается и научная разработка источников (школа Шлецера и Эверса) и закладывается фундамент русской исторической науки. Появление монументального труда придворного

историографа — карамзинской «Истории государства российского», завершающей громоздкие сооружения Щербатова, Болтина и др. «любителей» исторического знания XVIII в. легкими конструкциями «Колумба русской истории», выдержанными в строго «охранительном» духе и стиле его знаменитой «Записки о древней и новой России», предвосхищающей чеканные лозунги автора «Призыва» и отца исторической школы» (Савиньи), — создает целую эпоху, окружив имя прославленного автора дружным хором восторгов, с одной стороны, и едкой критики — с другой.

Охарактеризованное выше идейное и культурное движение, как уже было отмечено, отличалось тем большей интенсивностью и полемическим пафосом, что ему приходилось развешиваться среди противоречий обостряющейся классовой борьбы на ее двух противоречивых этапах либеральной и реакционной ориентации общественных сил. «Все спят и видят конституции», заносил в свой дневник Карамзин, с тревогой наблюдая за настроениями начала «нового» царствования, а 19 дек. 1825 г. он уже с удовлетворением отмечал конец «нелепой трагедии наших безумных либералистов» и полное торжество дорогих ему «исторических» основ «истинно-русского» строя. Между этими двумя полярными точками и вращалось общественное движение первой четверти XIX в. Но если правление Александра и завершилось глубокой правительственной и общественной реакцией, обеспечившей победу сторонникам старого порядка и повергшей в бесильное разочарование, примиренчество, а иногда и злостное ренегатство сторонников либерального направления, среди которых не устояли даже такие умы, как П. Чаадаев (см.), то все же дело не обошлось

на этот раз без открытого протеста.

Восстание декабристов (см. XVIII, 137/53) явилось завершением того оппозиционного движения дворянской либерально-буржуазной интеллигенции, которое своими истоками восходит к екатерининской эпохе. В качестве типичных сынов XVIII ст. кровно связанные с дворянской средой и идеологией «века просвещения», декабристы явились побегом того же самого идеологического древа, на котором вырос и «просвещенный абсолютизм» Екатерины, и худосочный конституционализм ее внука, и «Наказ» коронованного философа, и бунтовская книга Радищева, и «План 1809 г.» Сперанского, и «Русская правда» Пестеля (см.). Глубоко веруя в чудодейственную силу «политических» учреждений и декларированных прав и хартий, декабристы, пройдя чрез школу просветительной философии (вольтерьянство, энциклопедизм, руссоизм и т. д.), в качестве членов «ордена русских рыцарей» и «союза истинных верных сынов отечества» (1816), от мирного, благонамеренного либерализма «Союза спасения» и «Союза благоденствия», когда большинство их еще верило в правительственные декларации и было готово им «содействовать, по мере обострения реакции все более приходили к мысли о неизбежности переворота и в конце концов попытались выкинуть знамя «восстания». Однако, подняв оружие против крепостнической империи своих отцов во имя новых принципов буржуазной свободы и тем самым встав в решительную оппозицию дворянству, как сословию, они все же не могли окончательно порвать с традициями и предрассудками своей среды, ограничив кадры заговорщиков военно-дворянскими элементами и решив использовать, во имя новых задач, старое оружие дворянского переворота, решительно отвер-

гая всякое революционное вмешательство «народа», «черни», который, как опасались они, памятуя уроки «пугачевщины», прежде всего обрушил бы свои удары на головы «их бабушек, тетюшек и сестер» (Штейнгель). При таких условиях, принимая во внимание при этом весьма пестрый состав заговорщиков (от высшей титулованной знати до демократизованной бедноты членов «Общества соединенных славян»), декабристы и в своей идеологии не представляли ничего единого и законченного, расходясь в своих политических и социальных идеалах и тактических воззрениях. Они сходились лишь в своем отрицании самодержавия и крепостного права. Менее всего являясь истинными революционерами, они были типичными заговорщиками, «монархохамы», преклонявшимися пред великими «тираноубийцами» («режиссидами») и организаторами бескровных «переворотов». Брут, Занд, Риэго, Риенцо — вот герои, восплаемые музой декабристов, вот имена, которые мелькают в их переписке и разного рода высказываниях вместе с ссылками на опыты дворянских переворотов в Р. «Масса — ничто, она будет лишь тем, чего захотят отдельные личности, которые — все» — так формулировал Пестель взгляд, столь характерный для большинства декабристов, на роль народа в задуманном ими перевороте. В переводе кн. Трубецкого (см.) это означало: «нынешнее госуд. устройство не может всегда существовать, но горе, если оно изменится через восстание народа». Понятно, что при таких условиях, оторвавшись от своего сословия, но боясь повторения «кровавых» событий франц. революции, отделенные глубокой социальной пропастью от массы крепостных рабов, декабристы в роковой день — 14 декабря — оказались трагически одиноки на Сенатской площади. Парализованные в своих наступательных дей-

ствиях страхом перед народной «революцией» и тайной надеждой на «мирный» исход борьбы, декабристы так и простояли перед царским дворцом, сдерживая выведенные ими войска, пока николаевская картечь не рассеяла их ряды. На занятой ими позиции им не оставалось ничего иного, как жертвенно принести себя на «алтарь отечества», что и сделали те из них, кто остался верен себе до конца.

Таков был неизбежный финал восстания 14 дек. 1825 г. Декабризм, исторически оправданный в своей идеологии, был обречен в своем активном выступлении на неизбежную неудачу; ибо, разойдясь с своим классом, декабристы оставались, как уже было подчеркнуто выше, совершенно чужды широким народным массам, которых они определенно боялись. Таким образом за небольшой кучкой смелых бунтарей не стояло никакой реальной общественной силы. Опережая события почти на целое столетие, декабристы хотя и не могли пожаловаться, что у них, как у Радищева, не было «сочувственников», но в свою очередь явились лишь выразителями ясно обозначившейся исторической тенденции переходного периода в судьбах Р., тенденции, которая не давала еще в их руки надежного оружия для того, чтобы нанести удар поколебленному в своем основании, но все еще достаточно живучему существу строя. Но если сами они пали, то дело их не погибло. Они явились живым звеном в той цепи последовательных событий, которые подвигали «старый порядок» к его падению. Если «критика оружием» этого порядка декабристам и не удалась, то вызванные ею «пушечные выстрелы», раздавшиеся на Сенатской площади, по справедливому словам Герцена, «разбудили целое поколение». Под знаком декабрьского восстания и началось николаевское цар-

ствование, а вместе с тем и новый этап в развитии русской общественности, закончившийся на этот раз «катастрофой» для дворянско-крепостнической Р. Эта последняя в лице декабристов, в предчувствии рокового «начала конца», как бы спешила принести «покаяние» в своих «грехах» и начертать свое завещание грядущим поколениям. Мы уже видели, что в этом завещании достаточно четко была поставлена задача коренной перестройки экономического, социального и государственного порядка рабовладельческой, дворянско-сословной, самодержавно-полицейской империи, задача, по своему существу, революционная, актуальная для буржуазного Запада конца XVIII и начала XIX в., но еще проблематичная для полуфеодальной по своим традициям восточной Европы. Глубочайший кризис, охвативший на рубеже двух веков крепостническую Р., уже перекликавшуюся с эпохой так наз. «великих реформ», достаточно ярко отразился и в том кризисе, который начало переживать дворянское общество в своей идеологии, отражая в себе результаты внутреннего сдвига, совершившегося в недрах отмирающего уклада жизни, который, однако, прежде чем окончательно сдать свои позиции, сделал еще последнее отчаянное усилие ради своего спасения. Николаевская эпоха и была такой последней попыткой «заморозить» и тем самым спасти от окончательного разложения «живой труп» дворянско-крепостнического государства в его исторических «национальных» традиционных основах.

3. Эпоха промышленного переворота и николаевская реакция. (От крепостнического государства к буржуазному). Чтобы понять и оценить в должной мере общий смысл и значение тридцатилетия царствования имп. Николая I (1825—1855; см.), необходимо прежде всего иметь в ви-

ду, что эта мрачная пора упорного застоя была эпохой дальнейшего и окончательного обострения тех социально-экономических противоречий, которые с достаточной определенностью наметились уже к нач. XIX в. Это обострение мотивировалось, с одной стороны, промышленным переворотом, совершившимся в народном хозяйстве 40-х гг. и знаменовавшим переход к новой экономической формации, т.-е. к капиталистическим формам организации производства, с другой — тем сопротивлением, какое — с напряжением последних сил в предотвращение неизбежной катастрофы — попыталось оказать дворянско-крепостническое самодержавное государство росту производительных сил и буржуазным освободительным тенденциям общества. Являясь в своих реакционно-охранительных стремлениях прямым продолжением конца александровского царствования, николаевское правительство вынуждено было, однако, проводить свою политику утверждения «исторических» основ существующего строя при значительно уже изменившихся объективных условиях, в новой обстановке, слагавшейся в процессе хозяйственной эволюции страны. При таких обстоятельствах узел социально-экономических противоречий должен был затягиваться все туже, так что распутать его представлялось уже делом безнадежным, и становилось очевидным, что рано или поздно придется его разрубить, на что имп. Николай I, по его собственному признанию, никогда бы не решился. Этим и объясняется катастрофический финал его царствования, безнадежный крах всей его системы, на смерть поразивший и самого ее самоуверенного творца. Попытка самодержавной рукой остановить колесо истории, заморозить Р. в ее status quo, оказалась, конечно, покушением с негодными средствами. Под ледяной корой николаевского режима,

создававшего иллюзию прочного, незыблемого «порядка» с железной военной дисциплиной, струились живые внешние воды, которые подмывали его внешние покровы, подготавливая их неизбежный провал с тем, чтобы в качестве обломков старого порядка унести их в бурном потоке 60-х гг. Тщетно пытались николаевские охранители противопоставить этому натиску буржуазной стихии сложную систему всякого рода плотин в последнем союзе «первого дворянина» империи и «петербургского помещика» с мобилизованным на службу престолу сословием крепостников. В то время как имп. Николай, напрягая до последней крайности полицейско-бюрократический аппарат власти, пытался отстоять исконные позиции самодержавно-рабовладельческого государства с его официальной идеологией, процесс развертывания материальных сил и средств страны неуклонно подвигался вперед, медлительной, но твердой поступью. Индустриализация хозяйства делала несомненные успехи, при чем параллельно и в противовес торговому капиталу все большую силу начал приобретать капитал промышленный, в который начал переливаться, в свою очередь, и первый, все шире подчиняя себе мелкого производителя. Количество фабрик и заводов с 5 тыс. за 30 лет возросло до 14 тыс., а число рабочих с 210,5 тыс. до 522,5. Но, что особенно важно, с увеличением количества промышленных заведений менялось и их качество: 1) мануфактура переходила в фабрику, т.-е. от ручного труда к машинному, особенно после снятия запрета вывоза машин из Англии (1842), и 2) крепостной рабочий стал решительно уступать свое место вольнонаемному (число первых с 77,5% упало до 29,2%), а дворянская вотчинная мануфактура — купеческой или мужицкой фабрикой, так что даже в суконном производстве, представляв-

ном некогда дворянскую монополию, буржуазия также возобладала над помещиком. При этом следует отметить, что именно легкая, текстильная индустрия получает теперь значение ведущей отрасли промышленности, а в этой последней хлопчато-бумажная одерживает победу над полотняной, еще раз эмансипируя таким путем новую капиталистическую фабрику (в отношении сырья) от крепостных связей и помещичьего хозяйства. При таких условиях дворянская фабрика, как тип наиболее отсталой формы промышленности, в данном периоде переживает острый кризис и близится к своей окончательной ликвидации. Крепостной вотчинный фабричный труд оказывается столь же невыгодным и непродуктивным, как и «посессионный», от которого теперь сами фабриканты стремятся освободиться «по совершенной невыгодности производить работы посредством посессионных рабочих», возвращая их казне (1835—1840). Тем самым был подготовлен крупный успех закона 18 июня 1840 г., предоставлявший фабрикантам право отпускать своих крепостных рабочих на волю. Невыгодность несвободного труда особенно резко сказалась на металлургической промышленности Урала, пришедшей в упадок и переживавшей состояние полного застоя. Отмеченное стремление фабрикантов развязаться с крепостным фабричным стимулировалось и возрастающим количеством вольных рабочих. Быстрый рост населения (гл. обр. городского, в нечерноземной полосе), с 45 млн. поднявшегося до 74 млн. (по 10-й ревизии), с одной стороны, создавал излишки рабочей силы в падающем вотчинном хозяйстве, особенно благодаря сокращению крестьянской запашки, а с другой — усиленно способствовал его индустриализации в северной полосе при огромном росте отхода в города, где формировалась

армия пролетаризированного труда, которая начала образовываться еще в предыдущем периоде из крепостных оброчников, мещанских элементов и деревенских кустарей. Последние все шире втягивались в кадры крупной промышленности через подчинение их капиталу, организующему производство. Так наз. победа кустарной избы над фабрикой николаевской эпохи, выразившаяся в частичном расплывлении централизованных промышленных предприятий, знаменовала собой лишь замаскированный процесс победы фабрики над кустарем, сохранившим лишь видимость своей самостоятельности. Фабрика и мануфактура вели свое наступление на мелкого производителя в двух направлениях: с одной стороны, централизуя производство, где это давало очевидные выгоды (особенно при машинизации производства), с другой — децентрализуя его путем системы раздаточных контор и «светелок». И в том и в другом случае результат был один и тот же — концентрация крупного производства и экономическое закабаление мелкого производителя либо прямым переводом его на фабрику в качестве пролетария, лишенного орудий производства, либо включением его в систему капиталистического «домашнего» производства. Создавая так. обр. в лице полу-крепостного и вольного пролетариата необходимую для себя рабочую силу, новая промышленность расширяла вместе с тем и пределы сбыта своей быстро возрастающей продукции, овладевая прежде всего внутренним рынком. Так как конкуренция с европейской индустрией для нее была исключена и от этой последней ей приходилось отгораживаться высокой таможенной стеной протекционистских тарифов, широко используя этот классический способ «фабриковать фабрикантов» (Маркс), то ей и приходилось с тем большей энергией устремить свои

силы на эксплуатацию прежде всего отечественного рынка.

При этом необходимо учесть для правильной оценки судеб русской промышленности, темпов ее развития и социальной физиономии такой в высшей степени важный факт, как экономическая дифференциация страны, т.-е. образование в ней хозяйственных районов на началах экономического разделения труда. Именно в это время сложились у нас две основные зоны — промышленный север (нечерноземная полоса) и земледельческие центр и юг (черноземная полоса) с их сельско-хозяйственной промышленностью (винокурение, сахароварение, овцеводство и животноводство вообще), которые и вступают во взаимную организованную связь, обслуживая друг друга и являясь один рынком для другого. Каждый из этих районов отличается своими специфическими чертами. Если первый превращается в крупный индустриальный центр с преобладанием некоторых технических культур (гл. обр. льна) и почти ликвидирует свое помещичье хозяйство, а с ним и типические формы крепостной вотчины, т. к. владелец здесь извлекает свои доходы не из земли, а от самых крепостных душ (оброчная система), то земледельческий юг, напротив, в качестве «житницы Европы» и производителя сельско-хозяйственного сырья базирует свою производительную деятельность, главным образом, на эксплуатации земли и ее угодий. Интересы рынка одинаково определяют и здесь характер этой деятельности, хотя и в различных направлениях, в зависимости от того, имеем ли мы дело с Центрально-черноземной областью — этим *оплотом крепостничества* — или югом Украины и Причерноморским краем (Новороссия), почти вовсе не знавшим последнего. Возрастающий спрос на хлеб со стороны промышленного района и усиленный рост хлебного

экспорта за границу, в связи с промышленной революцией на Западе, имели своим последствием превращение земледельского юга в колоссальную «фабрику хлеба» прежде всего, при чем в черноземном центре это привело к крайнему напряжению барщинного хозяйства при обезземелении значительной части крепостного населения (месячина, см. XXV, 502; рост числа дворовых); на южной же окраине, где крепостное население было ничтожно, напротив, получило развитие капиталистическое землевладение с широким применением наемных людей «на чисто фабричном основании», сельско-хозяйственных машин, обработкой сельско-хозяйственных продуктов и прочих способов интенсификации и мелиорации земледельческой культуры. Нельзя не отметить также, что зашедшее в тупик барщинное хозяйство этой полосы, в поисках выхода из своего безнадежного положения, вынуждено было, в целях поднятия производительности труда, переходить местами на оплату работ своих собственных крепостных или нанимать их со стороны, отпуская своих в отход с теми же целями, что, впрочем, не спасало этот мир крепостничества от прогрессирующего оскудения.

При таких условиях вопрос о поднятии хозяйственной техники, производительности труда начинал все более и более привлекать к себе внимание как правительства, так и общества. Первое начинает проявлять особый интерес к насаждению технического, «прикладного» образования, открывая целый ряд специальных учебных заведений (технологический, горный, земледельческий и лесной институты, архитектурное училище и училище гражданских инженеров и т. д.), поощряя промышленные выставки и т. п. мероприятия; второе пускается во всевозможные эксперименты, увлекаемое «скороспелой мо-

дой» применения машин в условиях крепостной системы, разоряясь на рискованных опытах и оживленно дебазируя в соответствующих обществах, совещаниях, журналах злободневные вопросы экономической жизни. Последние получают теперь тем большую сложность, чем теснее становятся взаимные связи между русским и иностранным капиталами и рынками и чем сильнее мировое хозяйство с его меняющимися конъюнктурами начинает оказывать свое влияние на экономику николаевской империи, втягивая последнюю в сложные международные отношения, чреватые опасными столкновениями.

Все эти факты, в их совокупности, являются ярким свидетельством огромного сдвига, совершавшегося в глубинах народного хозяйства Р. первой половины XIX в., переходившей на капиталистические рельсы. Но, как уже было указано, отмеченные процессы образования новой хозяйственной формации встречали на своем пути враждебные им силы еще не изжитых традиций крепостнического строя, тормозивших рост промышленности и сельского хозяйства и создававших непримиримые экономические противоречия. Прежде всего приходится отметить недостаток свободных рабочих рук, на которые теперь с возрастающей силой предъявляла требования машинизированная индустрия, развертывавшая свое производство. Между тем резервная армия труда только еще зарождалась, а главная ее масса попрежнему комплектовалась из крепостных элементов, хотя и брошенных на вольный рынок. Связанные со своими господами оброчными обязательствами, стесненные в своем передвижении, они связывали и фабриканта в свободном маневрировании на трудовом рынке. Естественно, что промышленная буржуазия особенно настойчиво должна была выдвигать

вопрос об «освобождении» помещичьих рабов в качестве первоочередного вопроса, тем самым оправдывая боевой тезис, провозглашенный накануне реформы на страницах «Вестника промышленности»: «промышленное развитие есть первый враг крепостного труда». Не менее остро стоял при данных условиях для промышленников и вопрос о рынке сбыта. Отсутствие парового транспорта, который только начал зарождаться при Николае, объявившем себя продолжателем «дела Петра», попрежнему содействовало распылению внутреннего рынка, поддерживая старую систему местных и районных ярмарок и торжков. Но главная беда заключалась в крайне ограниченной покупательной способности крепостного рынка, так что промышленное производство уже в 40-х гг. начало заметно обгонять внутреннее потребление, затрудняя тем самым процесс накопления, что отражалось на общем положении русской промышленности, обнаруживавшей явную тенденцию расширять свой основной капитал (с 1841 по 1860 г. ввоз машин возрос более чем в 10 раз).

Указанными условиями объясняется и раннее зарождение русского империализма с его настойчивым стремлением пробиться на Ближний Восток и в Ср. Азию для овладения турецким, персидским и проч. азиатскими рынками—обстоятельство, благодаря которому николаевской Р. пришлось вступить в активную дипломатическую и вооруженную борьбу с европейскими конкурентами и прежде всего с сильнейшими из них—Англией и Францией, встревоженными агрессивными выступлениями Николая. Названные державы поэтому спешили принять свои меры, в качестве представителей «общеевропейских» интересов на Ближнем Востоке с тем, чтобы диктовать свою волю великой, но бес- сильной империи, получившей от них жесточайший урок под Севастополем.

Продолжая упорствовать в проведении неуклонной охранительной внутренней политики, николаевское правительство предпочло вместо углубления базы народного хозяйства путем ликвидации крепостных отношений отыгрываться в сфере внешней политики, что привело лишь к окончательному падению международного престижа самодержавно-дворянской Р., казалось, грозным фантомом нависшей над Европой, вступившей в период решительной ликвидации старого порядка и революционных потрясений 20—40-х гг. Имп. Николай не учел того факта, что состоянием тыла определяются в конечном счете и боеспособность армии и успехи ее на полях сражений, с которыми тесно связаны и дипломатические завоевания. Крепостной режим жестоко отомстил за себя, приведя российскую державу к небывалому военному позору.

Положение русской промышленности при таких обстоятельствах продолжало оставаться попрежнему стесненным и незавидным. Но в еще большей степени оказалось потрясенным земледельческое хозяйство. Помещичья крепостная вотчина, напрягая — в погоне за рынком — подневольный труд до последней крайности, таким путем лишь усугубляла свое собственное разоренье. Начавшийся еще в XVIII ст. заметный рост задолженности дворянского землевладения достиг теперь огромных размеров, выражаясь колоссальной цифрой около полумиллиарда рублей. Усилившийся вместе с тем процесс земельной мобилизации приводил, с одной стороны — к возрастающему дроблению поместий, с другой — к переходу их из рук упорствующих в своем барстве крепостников в руки «чумазого», вызывая широкую спекуляцию землей. В свою очередь состояние транспорта и рынка вносило, подобно тому, как это имело ме-

сто относительно промышленности, не меньшую дезорганизацию также и в земледельческое хозяйство, приводя и здесь к явлениям перепроизводства с тревожным вопросом: «куда сбывать» скопившиеся массы дарового продукта. В результате создавался непреодолимый тормоз для всякого технического сельско-хозяйственного прогресса и агрономической мелиорации.

Наконец, нельзя не учесть также и того факта, что чем ближе дело приближалось к последней развязке, тем тяжелее и напряженнее становилось состояние крепостных масс. Процесс крестьянского обезземеления, особенно на черноземе, принимал к этому времени, можно сказать, угрожающие размеры. Армия дворовых, крепостных батраков возрастает усиленным темпом, а вместе с тем растут и крестьянские волнения, принимающие хронический и все усиливающийся массовый характер, так что правительству все чаще приходилось мобилизовать войска и даже артиллерию для водворения порядка и спокойствия в деревне. Крестьянское движение приобретало так. обр. размеры партизанской войны. Известно, что под влиянием именно этого угрожающего движения помещичьей деревни нарастали те настроения в правительственных кругах, которые — в конце концов — и толкнули преемника Николая поспешить с реформой «сверху», пока она сама собой, согласно предупреждению Радищева, еще не началась «снизу». Становилось ясно, что крепостническая система доживает свои последние дни. Хозяйственный кризис назрел в достаточной степени, а вместе с тем и общество старого порядка оказалось также достаточно расшатанным в своей классовой цельности и — можно сказать — трещало по всем швам. Понятно, что попытки имп. Николая и в данном направлении гальванизи-

ровать труп сословно-дворянского государства должны были оказаться столь же мало действительными, как и стремление «рассудку вопреки, наперекор стихиям» сохранить его основной устой — крепостное право и хозяйство. И действительно, результат и здесь и там был один и тот же — обострение социально-экономических противоречий и углубление общего кризиса, тяготеющего к окончательной катастрофе. Те же процессы приходится отметить и в жизни николаевского общества.

Сословный строй, как нам известно, находился уже в процессе своего разложения, когда новое усилие дворянской реакции, в лице Карамзина, вновь предъявило николаевскому правительству свое «требование» — «восстановить разрушенную систему Екатерины», систему, с воспоминаниями о которой дворянство связывало представление, как о времени «счастливейшем для граждан российских». Правда, это навязчиво повторяемое требование «немедленно обратиться к порядку вещей екатерининского царствования» отзывалось явной идеализацией крепостнической Аркадии, тем более, что процесс распада дворянства, по мере возрастания его оскудения, в достаточной мере подрывал его значение как первенствующего сословия, крепкого в своей сплоченности. Гибель цвета дворянской интеллигенции под ударами николаевской Немезиды не менее тяжело отозвалась на культурной его гегемонии, которая еще недавно безраздельно сосредоточивалась в руках «порядочного общества» екатерининских и александровских «салонов», властно задававшего тон и при дворе, и среди своего сословия, и в литературе. Отсюда мы наблюдаем все возрастающий разнобой настроений и движений в дворянской среде. Высшее сановное общество, которое более всего было угрожаемо в своем привилегированном положе-

нии, тянуло назад, увлекая за собой всю «черноземную» крепостную массу; мелкое полудеклассированное дворянство, напротив, тянуло в разночинную оппозицию и перекалывалось в трудовую интеллигенцию «мыслящего пролетариата»; дворянская буржуазия, с своей стороны, выступала в роли эмансипаторов или в рядах либеральной бюрократии. При таких условиях дворянская реакция николаевской эпохи приобретала особый характер попытки искусственного муссирования силы и престижа падающего сословия в целях реставрации его общегосударственного значения как «опоры престола», к которой, в свою очередь, торжественно апеллировало николаевское самодержавие, стремясь усилить «обобщенно необходимую связь его с престолом», «столь необходимую в составе монархического правления» (комитет 1826 г.). По существу это был запоздалый возврат к шербаатовским заветам XVIII в., еще раз обстоятельно обоснованным, на этот раз уже без всяких аристократических реминисценций, в «Записке» Карамзина, которая и была принята имп. Николаем как программа его правления и в которой, как известно, в качестве идеала выставлялась дворянская крепостная монархия «второй образовательницы новой России», мудрой Екатерины. Решительно отвергая всякие новшества, Карамзин в этой программе главным своим тезисом выдвигал положение, что не только «не должно ослаблять коренных прав» дворянства, но, напротив, следует «всячески возвышать сан» сего благородного сословия, затрудняя доступ в его ряды людей низкого звания, без наследственных традиций. Дворянство, согласно этой доктрине, должно было стать настоящим правительствующим сословием, вернув свои служилые полномочия. «Народ работает, купец торгует, дворяне служат, награждаемые

отличиями и выгодами, уважением и достатком» — такова лапидарная формула Карамзина. Император Николай, можно сказать, послушно последовал данной ему директиве, исходившей от его придворного консултанта, сумевшего завоевать симпатии императора Александра I, а затем неуступно поучавшего нового молодого самодержца в первые месяцы его правления. И действительно, в дворянском вопросе царствование Николая в значительной мере было как бы возвращением к екатерининским традициям и реализацией торжественного обещания, данного «ангелом» (как называл Николай своего покойного брата) в его знаменитом манифесте 1801 г. — управлять Р. «по закону и по сердцу бабки своей», что, как известно, вместе с восстановлением тогда же силы Жалованной грамоты 1785 г., вызвало восторг (вскоре, впрочем, сменившийся разочарованием) дворянства державинско-карамзинского круга. Обещания эти фактически выполнил Николай. Вместе с рядом мер, в целях поднятия материального положения и удельного веса дворянства, николаевское социальное законодательство прежде всего старалось усилить служебное значение сословия (ср. XVIII, 9), которое — согласно указанию Карамзина — будучи «рассеяно по всему государству, содействует монарху в хранении тишины и благоустройства». Таков, именно, был смысл нового «положения о дворянских обществах» 1831 г., дополненного новеллами 1832 и 1836 гг. Повышением активного избирательного ценза (до 3 тыс. десятин) была произведена, с одной стороны, «чистка» дворянства, с другой — его консолидация, с явным расчетом выдвижения наиболее «благонамеренных» элементов, а также и ради того, «чтобы дворянство во всех губерниях не находилось во вредной праздности», как гласила инструкция губернаторам.

При этом право петиций дворянских обществ было расширено в смысле предоставления им права возбуждать перед верховной властью ходатайства не только о своих собственных нуждах, но, так сказать — и в общих интересах. Но особенно характерной чертой положения являлось: 1) проводимое в нем полное уравнивание службы по дворянским выборам с общегосударственной службой (чины и награды), при чем выборные должностные лица облакались в мундир министерства внутренних дел, и 2) расширение круга административных должностей, замещаемых дворянскими выборными. Дворянские уполномоченные, т. обр., становились официальными правительственными агентами. Означенное тесное сотрудничество выборных и коронных элементов в дальнейшем получило новое распространение путем привлечения представителей помещичьего класса в разного рода вновь образуемые местные комиссии, ведавшие так наз. «местные нужды и пользы» (дорожные, продовольственные, о земельных повинностях, строительные и т. п.), в которых нельзя не видеть зародыша будущего земства 60-х гг. Параллельно с этим процессом огосударствления дворянского сословия, в порядке сословного самоуправления, широко втянутого в общеимперскую бюрократическую систему управления, дворянству удается завершить и некоторые из своих пожеланий, выставленных им еще в «золотые» дни екатерининского правления. С обострением революционного движения на Западе, которое у нас всегда приводило к тесному сближению «престола» с его «опорой», николаевское правительство спешило с очередными поправками в пользу «без лести преданного» сословия. Так, в 1840 г. последовало повышение чина «табели» для получения потомственного дворянства, в целях «ограждения дворянства от

неприятного ему и вредного государству прилива разночинцев», сокращение срока производства в офицерские чины для дворян, введение института «заповедных имений» ради поддержки «упадающих фамилий», обособление дворянской школы от прочих сословий и т. д. Все эти меры проводились в расчете на то, что они будут «приняты коренным дворянством как благодеяние» и «утвердят обоюдно необходимую связь его с престолом». Лучшим же средством в данном случае почитались меры, направленные к тому, «чтобы подкрепить дворянство, упавшее и совсем разоренное займами», как землевладельческий класс, тем более, что оно было встревожено опасениями за свои владельческие права в связи с попытками правительства «урегулировать» крепостные отношения. В данном вопросе дворянство прежде всего требовало безоговорочного признания неприкосновенности своих поземельных прав. Император Николай в своих обращениях к дворянству не раз торжественно объявлял, что помещичьи земли «навсегда неприкосновенны в руках дворянства», повторяя один из основных карамзинских тезисов, что «не может быть и спора» о том, что земля есть «неотъемлемая собственность дворян», на которую крестьяне не имеют никаких прав. По тем же соображениям Николай объявил себя на стороне сохранения крепостного права, следуя и здесь «мудрому» совету историкографа, что «безопаснее поработить людей, нежели дать им не во время свободу». Поэтому-то все многочисленные попытки десяти «безгласных комитетов» николаевского правительства хотя частично ограничить «ощутительное для всех зло» крепостного права сводились неизменно на-нет классической оговоркой о «согласии» или доброй воле помещика, как непременном условии реализации любой меры по крестьян-

скому вопросу. Опасаясь, чтобы «помещики не огорчились стеснением своих прав», император спешил успокоить своих союзников, что хотя он и «самодержавный и самовластный монарх», но никогда «не решится» что-либо «приказать помещикам» в деле определения их отношений к крепостным. В заседании Государственного совета 30 марта 1842 г. Николай прямо заявил, что «в настоящую эпоху всякий помысел» о ликвидации крепостного права был бы «преступным посягательством на общественное спокойствие и на благо государства. Пугачевский бунт доказал — добавил он — до чего может доходить буйство черни». Так. обр. грозный урок пугачевщины, по странной логике «охранителей»; превращался в аргумент в пользу укрепления крепостного права и дворянских привилегий. Таковы были новые завоевания николаевского дворянства. Что касается некоторых ограничений его прав (стеснение выезда за границу, обязательная служба на местах, 1837—1840), то они, как и указы по крестьянскому вопросу, носили характер булавочных уколов, ничего — по существу — не менявших в его реальном положении. Но надежды правительства оживить разлагавшееся сословие путем прививки к его органам самоуправления начал государственной службы также не внесли заметных изменений в его жизнь и не сообщили ни творческой способности, ни энергии представителям дворянства. Напротив, все их помыслы были направлены к пассивному «утверждению существующего», поскольку и от правительства, говоря колоритным языком Карамзина, они требовали «более мудрости хранительной, нежели творческой». Поэтому они всячески старались запугать Николая катастрофой неизбежного падения государства и торжества анархии при малейшей с его стороны попытке

хотя бы самых невинных «исправлений» в историческом укладе империи, зловеще предупреждая, что «к древним государственным зданиям прикасаться опасно». Так. обр. николаевское дворянство с слепым упорством уперлось в стену крепостничества, откровенно заявляя, что предпочитает старое «зло» неизвестному «новому добру», заставив и имп. Николая стать на страже этого «очевидного для всех зла». В этом смысле в судьбах дворянства первой половины XIX в. весьма показательно запечатлелась эволюция отмирающего класса, беспомощно цепляющегося за свою сословную прерогативу и ищущего своего последнего прибежища в своей полной изоляции от окружающей жизни. Этот тупой консерватизм с конца 1840-х гг. превращался уже в чисто реакционный натиск заядлых крепостников, становившийся все злее по мере приближения к неотвратимой развязке.

Столь же характерными оказываются в это время и новые мероприятия правительства еще раз выдвинуть дворянские кадры на руководящие позиции в сфере «общественного» управления. Мы разумеем реформу городского самоуправления 1846 г., реализовавшуюся в виде нового «Положения для С.-Петербурга», позднее распространенного на Москву и Одессу. Мы знаем, что «Городовое положение» Екатерины II (см. XV, 649/54) явило собой первую попытку вовлечь в «городское общество» все сословия, в том числе дворянство. Однако, попытка эта не могла иметь успеха благодаря как раз усиленному обострению сословной розни в конце XVIII в., которая привела к тому, что дворянство решительно уклонило от всякого сотрудничества с людьми «среднего рода». Не следует также забывать, что в основах своих градские учреждения Екатерины были построены на сословном принципе,

хотя и не выдержанном в «Положении», но восторжествовавшем на практике. Николаевское правительство, однако, не сумело учесть данного опыта и, стремясь всюду выдвигать дворянство, задалось, в тех же видах, привлечь его и к управлению городом. Так. обр. реформа городского самоуправления была предпринята отнюдь не в интересах городского класса, который именно в данном периоде обнаружил весьма интенсивный рост, вполне отвечающий успехам торговли и промышленности и городского хозяйства. Еще менее она представляла попытку создать городское управление на началах всесословных. Ее целью было все то же стремление сделать последействие крепостничества хозяевами города, подобно тому как они были хозяевами губернии и уезда. Несмотря на явно отрицательное отношение купечества и городской буржуазии к означенным тенденциям правительства, новое городское положение было облечено в исключительно нелепые формы, представлявшие сравнительно с екатерининскими учреждениями явный шаг назад (ср. XVI, 31). Во-первых, «Положение» значительно сократило число городских избирателей, путем повышения для них имущественного ценза, во-вторых, самые выборы в общую думу производились по сословным куриям и при том в равном числе гласных от каждой из 5 групп избирателей (потомственные, личные дворяне, почетные граждане, купцы, мещане и ремесленники). Но что особенно характерно, и внутри думы гласные не сливались в единое собрание, а продолжали вершить дела и собираться по сословиям (отделениям), подавая «голоса» также врозь, даже по общегородским вопросам, с предпочтением при этом двух «старших» сословий. На тех же основаниях составлялась и «распорядительная дума», где также преимущество обеспечивалось за представителями «стар-

ших» сословий и куда включался еще один член от короны. Что касается городского головы, то думе предоставлялось лишь право избрания 2 кандидатов, из коих один и утверждался по выбору самого императора. Само собой разумеется, что весь этот лабиринт из сословных перегородок отдавался под бдительный и мелочный контроль и руководство правительства в лице местного начальства. Так. обр. сословное начало по «Положению» 1846 г. окончательно убивало всякое понятие о «городском обществе», а вместе с тем и первые начатки самоуправления, совершенно искусственно навязывая городской буржуазии дворянскую опеку. Трудно было придумать что-нибудь более противное требованиям новой социально-экономической обстановки. Тщательная изоляция сословных групп внутри городских учреждений, проводимая с явной целью гарантировать г. г. дворянам руководящее участие в делах управления городом без «унижающего» их достоинство смешения с недворянскими элементами, являлась лучшей демонстрацией совершенного убожества николаевского псевдо-реформаторства. Вместо развития начала вссословности, заложенного в учрежд. 1785 г., получилось новое обострение сословных принципов.

Тем же убожеством веет и от другой реформы, касающейся непосредственно положения «среднего состояния», — закона 1832 г., в силу которого была выделена из состава «третьего чина» группа так наз. «почетных граждан», куда, не без остроумия, зачислялись представители разорившегося купечества, лишенные возможности объявить гильдейский капитал и потому обреченные опуститься до мещанства. Любопытно, что и это крупнейшее мероприятие «закона о состояниях», проведенное в интересах среднего сословия, связывалось пер-

воначально комитетом 1826 г. с новой льготой для дворянства, согласно домогательствам которого предполагалось отменить получение дворянского достоинства выслугой и компенсировать введением состояния «именитых граждан» всех, кому пришлось бы при этом утратить свое привилегированное положение. Таким путем, если не считать учреждения мануфактурного совета при министерстве финансов в 1828 г. и забот правительства о распространении технического образования и некоторого заигрывания Николая с купечеством, в положении городского класса, сохранявшего попрежнему свою сословную обособленность, если и произошли перемены, то скорее в сторону умаления его прав и усиления его зависимого положения. Интересы крупной и средней буржуазии, задыхавшейся в сословных тисках, т. обр. вновь были принесены в жертву интересам крепостников, которым, однако, уже ничто не могло помочь. Среднему сословию так и не удалось разорвать тех сословных пут, которые продолжали и далее связывать его и напоминали ему о его пониженном положении. Конечно, обстоятельство это объяснялось сравнительно малым удельным весом и низким культурным уровнем российской буржуазии, несмотря на бурный рост промышленности 40—50-х гг. не успевшей еще эмансипироваться от своей старой зависимости от «казны», как крупного и влиятельного заказчика. Накопление капитала все еще шло замедленным темпом, а скопление в городах мелкой буржуазии способствовало пока лишь утопическим мечтаньям разночинной интеллигенции, не ощущавшей и не имевшей живых связей с тем самым «народом», о котором она так много думала и дискутировала, но который оставался ей почти так же далек и чужд, как и декабристам. Впрочем, торгово-про-

мышленная буржуазия, как класс, перед которым открывалось будущее, не оставалась вполне пассивной в своем стесненном положении. Здесь нельзя не упомянуть о тех своеобразных формах внутренней организации, которые были созданы полуплебальным способом русской буржуазией под архаическим покровом раскола — старообрядчества. По существу, под этой консервативной идеологической оболочкой «старой веры» (поповщины и беспоповщины, см.) торгово-промышленными людьми была создана широкая и мощная «вольная» организация чисто классового характера. Освободившись от своих старинных крайних, непримиримых в отношении «антихристового» государства, воззрений и мрачной эсхатологической идеологии, связанной с бегством из мира до самосожжения включительно, окрепшая буржуазия постепенно вступила в компромисс с дворянским государством царского самодержавия, расписавшись перед ним в своих верноподданнических чувствах. В конце концов, приспособив свою отщепенскую «протестантскую» церковную организацию к своим промышленно-экономическим интересам, она создала свои «кладбищенские» (Рогожское, Преображенское, см. *Рогожское кладбище*) самоуправляющиеся корпорации с огромными капиталами, строгой дисциплиной, пуританскими скопидомными традициями, как нельзя лучше отвечающими ее стремлениям к накоплению. Из недр этой организации вышли первоисточники «династии» русских промышленников, крупнейших капиталистов, принадлежавших к различным «толкам» старообрядчества и скопчества, первоначально сильно расходившихся в своих догматах и во внутреннем устройстве, а затем сблизившихся и сумевших отвоевать себе легальное положение даже у николаевского правительства. Можно было бы сказать, что русский торгово-про-

мышленный капитал именно через старообрядчество (см.) сумел пробить первую брешь в глухой стене сословно-крепостнического государства, тем самым демонстрируя в одно и то же время и свою культурную и политическую отсталость, и свою материальную силу. Во всяком случае он создал в пределах официальных кадров николаевской империи свою собственную мощную организацию, облакавшую в своеобразные одежды «московского» благочестия чисто капиталистические интересы и операции отцов русской промышленности. Если, так обр., официально «третьему сословию» и не удалось ликвидировать тяжелой для него правовой связанности, на которую обрекала его сословная политика николаевского правительства, то далеко нельзя этого сказать относительно экономической политики последнего. Сила давления организованного, хотя и «под спудом», российского капитала давала себя знать на хозяйственном фронте, несомненно, с большим успехом, чем в борьбе его за свои «права», тем самым яснее раскрывая внутреннее противоречие, заложенное в недрах дворянско-буржуазной империи. Говоря так, мы разумеем тот факт, что русской буржуазии в настоящем периоде явно удалось повернуть николаевское правительство на путь более или менее устойчивого канкринского (в направлении тарифа 1822 г.) протекционизма и создать благоприятную для себя «рабочую» политику. Что касается таможенно-тарифных изменений 1825 — 1841 гг., то они все время, при смягчении некоторых запретительных статей, продолжали двигаться, маневрируя по обстоятельствам, в русле покровительственной системы, прочно установленной в министерство Канкринна (см.). Лишь при преемниках последнего, Вронченко (см.) и Брокке (см. VI, 585), последовали некоторые смягчения начал строгого протекцио-

низма, хотя они и не внесли существенных изменений в основной тон господствовавшей таможенной политики.

Те же тенденции были прочно установлены и в рабочем вопросе, где николаевское правительство решительно стало на сторону охраны интересов фабрикантов, признав эту охрану делом государственной важности. Уже в первом «Положении об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» (24 мая 1835 г.), все преимущества, в смысле условий договора о досрочном его прекращении, оказались на стороне хозяев. Но особенно показательным в данном случае, несомненно, являются те статьи «Уложения о наказ.» 1845 г., которые трактуют о рабочих волнениях и впервые вводят уголовную санкцию за стачки рабочих. Историческая статья 1792 этого Уложения объявляла, что «в случае явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводу, оказанного целой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаниям, определенным за восстание против властей, правительством установленных» (до каторжных работ включительно). Так. обр. правительство Николая открыто солидаризировалось с промышленной буржуазией в его столкновениях с «язвой пролетариата», угадывая грозный смысл рабочего движения и как бы провозглашая, что — в конце концов — «всякая классовая борьба есть борьба политическая». А по линии политической борьбы николаевское правительство было особенно непримиримо, будучи терроризировано событиями европейского революционного движения, в котором все более и более заметную роль начали играть «рабочие люди», беспокойная фабричная «чернь». В связи с появлением этой первой ласточки фабричного законодательства, ближайшим образом

вызванного крупными волнениями 1844 г. на огромной Вознесенской бумажно-прядельной фабрике близ Москвы, можно положить и начало у нас рабочему пролетарскому движению, которого так боялись николаевские охранители, опасливо озиравшиеся на лионских ткачей и бирмингемских забастовщиков и даже одно время помышлявшие о сокращении крупных фабрик и запрещении сосредоточения их в городских центрах во избежание «скопления бездомных и безнравственных людей» (проект Закревского 1841 г.). Впрочем, дружная оппозиция промышленников сумела отклонить слишком энергичное вмешательство властей с их опекунскими замашками во внутреннюю жизнь фабрики, отстояв принцип невмешательства правительства во взаимные отношения хозяев и рабочих на началах «свободного договора». Правда, им все же не удалось вполне победить предубеждение дворянского правительства против капиталистической фабрики. Правительство положительно предпочитало капиталистической так наз. «народную промышленность» в образе кустаря, сохранявшего свои связи с деревней и помещичьим хозяйством и не «развращенного» еще городской культурой. Впрочем, эти старорежимные симпатии не мешали тому же правительству фактически тянуть руку фабрикантов и держать протекционистский курс.

Столь же мало эти идеологические мотивы препятствовали дальнейшему процессу пролетаризации трудового населения, с одной стороны, и выделению из его среды «крепких» хозяйственных элементов, с успехом выкупававшихся на волю, не дожидаясь официального освобождения. В этом смысле достаточно назвать таких основоположников русской промышленности, как Морозовы, Гарелины, Ямановские, Грачевы, Жуковы, Шиповы и др. представители «мужицкого»

капитализма, деятельность которых связана с развитием таких промышленных районов, как, напр., Иваново-Вознесенск, Павлово, Богородск, костромской район и др. Оба эти явления были естественным результатом все возрастающей дифференциации деревни и поместья. Правда, рост крестьянской буржуазии и формирование рабочего класса в условиях крепостного хозяйства встречали на своем пути серьезные препятствия, и поэтому мы наблюдаем в данной сфере великое разнообразие скрытых и переходных форм. Рабочий действительно в этом периоде далеко еще не утратил своих связей с землей и барской экономией, на что с особенным удовлетворением и указывали консерваторы и оппортунисты, стремившиеся согласовать интересы промышленности и крепостного хозяйства. Они готовы были принять и самый капитализм, но без пролетариата (Киселев, Канкрип, Тенгборский, Гакстгаузен, славянофилы), характерно противопоставляя не «раскрестьянившегося» еще русского рабочего и «патриархальный» фабричный быт западному «нищему» пролетарию-бунтарю и хищному буржуа-промышленнику, стараясь таким путем заглушить тот факт, что среди массы мелких мастерков происходил процесс внутреннего расслоения, в результате которого одни постепенно скатывались на дно нищеты, а другие делали карьеру от светелки до фабрики.

Отмеченные выше процессы ближайшим образом должны были особенно тяжело отражаться на судьбах крестьянской массы, развиваясь, так сказать, за ее счет. Между тем в отношении к этой последней, в особенности в части крепостного населения, в означенном периоде не было сделано ничего существенного, что подвигало бы к разрешению главной проблемы о крестьянской воле. На-

против, как уже было отмечено выше, положение помещичьих крестьян значительно должно было ухудшиться с обострением крепостнической реакции, приведшей к усилению хищнической эксплуатации несвободного труда и обезземелению значительной массы крепостных. Лучшим показателем действительного ухудшения положения крепостных могут служить крестьянские волнения, возрастающие по десятилетиям вместе с ростом помещичьей эксплуатации: с 1826 по 1834 г. — 148 волнений, с 1835 — по 1844 г. — 216 и с 1845 по 1854 г. — 348. При этом крестьянское движение продолжало попрежнему носить свои обычные черты, как и в эпоху пугачевщины отличаясь политическим консерватизмом (вера в царя) и социальным радикализмом, резко выраженным протестом против помещичьих прав на землю, труд и личность крестьянина, отличаясь в этом отношении от дворянской оппозиции, весьма радикальной в ее политических требованиях (республиканизм, царубийство) и весьма умеренной в своих проектах социального преобразования, особенно в крестьянском вопросе (декабристы). Достоинство внимания, что крестьянские волнения получили наиболее широкие размеры в 50-х гг., сопровождаясь упорным требованием воли и отказом от повиновения власти помещиков (движение в связи с морским и государственным ополчением в 1854 — 1855 г.; см. XXV, 511/12). Для борьбы с этим массовым стихийным движением, охватившим 43 губернии европейской Р., николаевское правительство уже в 1826 г. вводит по делам крестьянских бунтов военные суды, а для их усмирения прибегает к военной силе. «Дух неповиновения» крепостных «душ» с этого момента становится бытовым явлением, проникающим весь дворянский услабленный строй в такой мере, что делает жизнь помещика все

более беспокойной и опасной даже при отсутствии открытых выступлений крепостной деревни. Подобный порядок вещей заставил и правительство метаться в поисках средств как-нибудь разрядить сгущающуюся атмосферу. Однако, все его робкие попытки прикоснуться к обветшалому зданию дворянской империи не дали никаких положительных результатов (см. XXV, 503/10).

Это топтание правительства на одном месте, порождая всякого рода ложные слухи, нервировало также и деревню, вызывая ее на те или иные действия. Здесь, кстати, нельзя не отметить, что подобно старообрядческой буржуазии, с которой у крестьянства были кровные связи, это последнее, в свою очередь, также пыталось создать аналогичные союзы самопомощи или, лучше сказать защиты от столь ненавистного ему крепостнического «мира». На этой почве издавна в крестьянской среде слагались типичные по своей идеологической форме религиозно-протестантские движения раскола (см.) и сектантства (см.). Но среди этой еще более темной, абсолютно бесправной и экономически обездоленной среды движения эти обычно отличались сугубо мрачным и безнадежным характером (бегуны, нетовщина). Это был пассивный протест, без надежды на земное благополучие. Однако, и среди сектантского движения в николаевскую эпоху мы замечаем эволюцию, напоминающую историю старообрядческой церкви. В этом отношении весьма характерна судьба двух ответвлений хлыстовщины (см. *хлысты*) в конце XVIII ст., вылившихся в так наз. «духовное христианство» — духоборство (см.) и молоканство (см.). Постепенно освобождаясь от эсхатологических настроений, движение это, выработавшее под влиянием правительственных гонений формы тесного коммунистического общения, в свет-

лый промежуток александровской «веротерпимости» ступило на путь примиренчества с «антихристовой» церковью и государственностью. Общины духовных братьев вместо «бегства» из мира приступили к реализации «божьей правды» на земле, кончив в итоге полным приятием этого мира с его «утехами и удовольствиями». «Разумный дух», воцарившийся в этих сектантских общинах, развил в них хозяйственную энергию, все более втягивая братию в деловые отношения с официальными сферами государства и церкви. Результат получился вполне определенный: духоборческая община обуржуазилась, расслоилась на сильных и слабых и распалась изнутри, будучи втянута в общий хозяйственный процесс. «Духовное» христианство, как и старообрядчество, послужило лишь к оформлению буржуазных элементов города и деревни, не принеся ничего существенного для коренной массы населения, отметив лишь ее стремление собственными силами устроиться в крепостнической империи. Основного же вопроса о судьбах этой последней означенное движение не подвигало ни на шаг, как и политика Николая по крестьянскому делу.

Как известно, вопрос о ликвидации крепостного права при Николае был в конце концов подменен опытом нового устройства крестьян государственных. Опыт этот должен был в глазах правительства послужить примером рациональной организации крепостного хозяйства, не затрагивая самых основ его (см. XXV, 511/12, прил. 41/46). По существу таков был смысл известной реформы гр. Киселева (см.) 1837—1838 гг., когда с образованием министерства государственных имуществ быт государственных крестьян подвергся целому ряду преобразований, имевших своей целью поднять доходность казенных земель путем упорядочения хозяйст-

венного и общественного управления населения, прикрепленного к «государственным имуществам» и устроенного согласно положению имп. Павла 1797 г. (ср. XVI, 273 сл., и XXXVI, ч. 3, 209/11). Реформа Киселева явилась т. обр. дальнейшим усовершенствованием павловских установлений, смягчая их узкий фискализм мерами, направленными к действительному поднятию хозяйства казенных крестьян. Благодаря энергии гр. Киселева (см.), особенно пока он сам стоял во главе нового министерства, ему удалось достигнуть в известной мере положительного разрешения поставленной ему задачи. Земельные наделы казенных крестьян были значительно увеличены, налоговая система упорядочена, был создан мелкий кредит («вспомогательные ссуды»), расширена сеть народных училищ и учреждений «полиции благосостояния», организованы запасные продовольственные магазины, наконец, реформировано самоуправление волостного и сельского мира, до мельчайших подробностей регламентированное в особых уставах, формально трактовавших государственных крестьян как «свободных» обывателей. Перечисленные выше учреждения возглавлялись окружным начальством, личному составу которого Киселевым было уделено особое внимание. Всеми этими мерами Киселеву удалось поднять, в известной степени, как благосостояние казенных крестьян, так и поступающие от них доходы, значительно снизив недоимку. Понятно, что помещичья клика, особенно в виду начавшегося среди крепостных крестьян движения в связи с новым устройством населения государственных имуществ, поспешила ославить Киселева «республиканцем» и «якобинцем», подобно Сперанскому, и добилась удаления верноподданного реформатора за границу. «Нам не страшен коммунизм, — заявил от лица крепостников кн. Мен-

шиков — а киселизм!». С падением Киселева заведенные им порядки в значительной мере пришли в упадок, открыв с новой силой прежние широкие возможности для традиционного произвола и хищений чиновников-управителей, действия которых не раз возбуждали новые волнения государственных крестьян (см. XXV, 563/64, прил. 46/49). Чтобы закончить характеристику николаевской политики в крестьянском вопросе, остается отметить тот единственный случай, когда николаевское правительство осмелилось как бы посягнуть на помещичьи права, случай, имевший место при введении так наз. «инвентарей» в Западном крае и Польше (1846 — 1847) в их весьма стеснительными для душевладельцев «правилами» в смысле обязательного обеспечения крепостных людей землей и установления размеров их повинностей. Это явное отступление имп. Николая от твердо высказанного им принципа не вмешиваться со своей самодержавной прерогативой во взаимные отношения помещиков и их крепостных сделано было на сей раз исключительно по политическим видам в связи с реакционной обрусительной политикой на окраинах, где николаевскому правительству приходилось опираться на русское (крестьянское) население края в борьбе с «крамолой» (восстание 1831 г.), в чем оно находило достаточную поддержку как со стороны истинно-русского дворянства, так и русской буржуазии, видевшей в польской промышленности опасного для себя соперника.

Подводя итоги николаевскому социальному законодательству приходится, так обр., констатировать его исключительную бедность и бесплодность. Судить на основании его о глубочайших внутренних переменах, совершавшихся в это знаменательное 30-летие в составе населения и экономике страны, не представляется

никакой возможности, так как законодательство это даже в малой мере не отразило в себе означенных классовых перегруппировок. Печать полного оскудения какого-либо творчества лежит на всей бюрократической прожекторской работе непрерывно сменявших друг друга николаевских «секретных комитетов», порождавшей лишь одни мертворожденные «указы» или неоконченные проекты, к тому же обычно не получавшие верховной санкции.

Эта роковая законодательная немощ николаевского режима особенно ярко заявляла себя в тех случаях, когда правительство ставило перед собой наиболее острые для него проблемы органических преобразований, настойчиво стучавшиеся в его наглухо закрытые двери, за которыми оно в конце концов и отсиживалось, «не трогая ни части, ни целого» — по мудрому совету барона М. Корфа, в надежде, что «так мы, может быть, дольше проживем». По существу, весь смысл внутренней политики Николая и сводился к этой характерной формуле, поскольку вся энергия государственной власти была направлена к охране во что бы то ни стало основ существующего порядка. «Ни взад, ни вперед» — таков был лозунг нового правительства 1825 г. По существу, внутренняя политика Николая продолжала традиции «полицейского государства», с той лишь существенной разницей что в XVIII в. государственная власть была проникнута принципами «просвещенного деспотизма» и так или иначе являлась силой движущей, прогрессивной, иногда даже опережавшей общественную инерцию; теперь же она, выполнив свою историческую миссию, обратилась уже в свою противоположность, выродившись в систему голого насилия и произвола и в грубый обскурантизм. Отказавшись от каких-либо серьезных преобразований и отбросив всякую

либеральную фразеологию, николаевское правительство всем своим полицейско-казарменным и бюрократическим аппаратом стало поперек дороги развития новых социально-экономических сил страны, пытаясь остановить всякое движение вперед, убить всякую живую мысль. Всемерно охраняя исконную прерогативу деспотизма, оно тщательно вытравило его просвещенные традиции. Инстинкт самосохранения, обостренный событиями 14 декабря, заставлял верховную власть особенно крепко ухватиться за прерогативу самодержавия и искать вместе с тем поддержки в тех слоях общества, которые столь же крепко держались за прерогативу крепостного права, не скрывая перед этой властью, что «вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии» (гр. С. Уваров). Но, стремясь заключить теснейший оборонительный союз с реакционным крепостническим дворянством, правительство Николая I тем самым суживало свою социальную базу, в значительной мере изолировало себя от новых общественных классов и в силу этого становилось в оппозицию движущим силам истории, а, следовательно, и теряло под собой реальную почву. Не даром — по словам де-Кюстина — оно вынуждено было поставить всю страну на позиции «осадного положения», ставшего нормальным состоянием общества. Характерно, что Николай, чувствуя себя как бы в завоеванной стране, никому не доверяя, старался окружить себя выходцами немецкого остзейского дворянства (Ливены, Адлерберги, Ламздорф, Бенкендорф и т. д.), открыто заявляя при этом: «русские дворяне служат государству, немецкие — нам».

Связав таким образом судьбы своей династии с отжившим строем, Николай должен был прежде всего приняться за ликвидацию тяжелого на

следства, доставшегося ему от коронованного брата и декабристов (см.). Выступление и процесс декабристов не прошли для него даром. Расправившись со своими «друзьями», он, однако, не мог остаться глух к той критике существующего строя, которую дали в своих показаниях декабристы и которая, по приказу императора, была резюмирована в особом своде делопроизводителем «Следственной комиссии» Боровковым. Правда, в этом официальном тенденциозном резюме были опущены главные требования декабристов (конституция и отмена крепостного права), и все свелось лишь к перечню целого ряда злоупотреблений и недостатков управления и суда, к указаниям на необходимость кодификации, улучшения положения сословий (духовенства, дворянства, земледельцев), поднятия просвещения, торговли, мореплавания и т. д., но так или иначе, даже в урезанном своем виде, свод развешивал в своих итогах своего рода целую программу. Вместе с соответствующими материалами из кабинета Александра I (проектами незаконченных реформ) и полным расстройством всей системы государственных учреждений, явившимся в результате преобразовательных опытов последнего, «завещание» декабристов послужило одним из стимулов образования первого николаевского «негласного» комитета 6 дек. 1826 г., получившего высочайшее поручение «обозреть настоящее положение всех частей управления, дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению». При этом Николай заявил, что его цель «положить в основание государственного строя и управления всю силу и строгость законов», дабы «видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы» (манифест 13/VII 1826 г.). Эта типичная декларация в стиле просвещенного деспотизма вместе с учреж-

дением Комитета 1826 г. как бы напоминала начало александровского царствования. Однако, в преобразовательных планах Николая было одно существенное отличие от его предшественника. Всякая мысль о коренной государственной реформе решительно на этот раз отсекалась. Принцип самодержавия должен быть сохранен во всей цельности и даже очищен от всех «конституционных» примесей, прикровенно проведенных Сперанским в «положении» министерств, Сената и Государственного совета. В тех же ограниченных пределах в руководство Комитету 1826 г. был предложен и «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства» с тем, чтобы комитет мог «извлечь из сих сведений возможную пользу при будущих трудах своих». Так, по странной иронии судьбы, декабристам суждено было превратиться в секретных консультантов николаевского правительства вместе с живою погребенным в комитете Сперанским, на долю которого выпала неблагоприятная роль могильщика александровского наследства и бесплодный труд—согласовать абсолютизм с «законностью» без каких-либо конституционных перспектив и надежд об «увенчании здания». Известно, что Николай органически ненавидел представительную монархию, откровенно заявив в разговоре с де-Кюстинном, что готов лучше «отступить до Китая, нежели когда-либо принять эту форму правления». Естественно, что при таких предпосылках вся «преобразовательная» работа комитета вместо полного изменения существующего порядка свелась к весьма узкой задаче некоторых частных перемен и изменений. «Облечь управление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона» и на этот раз взялся Сперанский (см.), вновь предпринявший попытку провести принцип

«разделения властей» через всю систему гос. учреждений, по примеру 1803 г., путем соответствующего разделения функций гос. власти между Государственным советом, Сенатом и министерствами. В конце концов дело завершилось пересмотром положения Государственного совета 1810 г. и изданием его нового «учреждения» 1842 г. (см. XVI, 266 сл.). Из текста закона теперь тщательно было вытравлено все, что намекало на «идеальный образец» государства «истинно-монархического». Так: была исключена «якобинская» формула: «вняв мнению Государственного совета», обязательная при утверждении всякого нового закона; исключен отдел «коренных законов»; термин «державная власть» (конституционного монарха) заменен словами «власть самодержавная»; вместо представления на утверждение государя только постановлений Государственного совета, получивших санкцию его большинства, введен новый порядок, согласно которому на апробацию верховной власти теперь представлялись два «мнения» (большинства и меньшинства), на выбор государя; урезана самая компетенция Государственного совета (военное законодательство) и т. д., вплоть до прямого обхода Государственного совета как законодательного установления (высочайш. повеление 1851 г.) в порядке совокупного доклада министров «за общим их подписом». Само собой разумеется, что практика царизма шла еще дальше, и Николай нередко посылал прямые предписания Государственному совету, указывая через его председателя наперед, какое должно быть вынесено постановление. В целом ряде случаев Николай грубо и демонстративно игнорировал Государственный совет, решительно заявляя: «Неужели, когда сам я признаю какую-нибудь вещь полезною и благодетельною, мне непременно надо

спрашивать на нее сперва согласие Совета?» (1827). И Николай чем далес, тем все более входил во вкус личного произвола, предпочитая и законодательствовать и управлять не через «коренные установления», а через свою высочайшую канцелярию и всякого рода особые «комитеты», большей частью «секретные», длинной вереницей проследовавшие через все его 30-летнее правление. В этом смысле особенно характерен рост «Собственной е. в. канцелярии», при коей уже в 1826 г. появляется «второе» отделение — кодификационное, а затем и знаменитое «третье», ведавшее политическою полицией с корпусом жандармов во главе (см. *Третье отделение*), в 1828 г. — четвертое (ведом. имп. Марии), в 1836 г. — пятое (государственных крестьян) и, наконец, в 1843 г. — шестое (по закавказ. делам). Назовем еще известный Бутурлинский комитет 1848 г. (цензурный; см. VII, 250/51), девять «секретных» комитетов по крестьянскому вопросу, по учебным заведениям и т. д. Итак, еще раз сбылось предсказание Сперанского 1809 г., и старые и новые «скрижали» закона были вдребезги разбиты о «камень самовластия», не признающего над собой никакой иной власти, кроме своего «произвола». Страх поколебать обветшавшую храмину крепостной империи хотя бы «частными» исправлениями сделал и в данном случае мертворожденной всю работу преобразовательных потуг николаевского правительства, несмотря на то, что оно не закрывало глаз на полное расстройство государственной машины. Быть может, лучшей характеристикой внутренней политики Николая может послужить классический сидлогизм императора, высказанный им в 1842 г. в Государственном совете по поводу крепостного права: «Нет сомнения, что крепостное право есть зло для всех ощутительное и очевидное, но

прикасаться к нему теперь было бы злом еще более гибельным», равным «опаснейшему и преступному посягательству на общественное спокойствие». Не решаясь, таким образом, тронуть «ни части, ни целого», после ряда реформаторских попыток, которые, однако, отнюдь не должны были «иметь вида каких-либо перемен» (комитет 1826 г.), Николай кончил тем, что решил законсервировать свое государство в мертвой букве старого закона. Колоссальный труд Сперанского — «Полное собрание законов» (см.) и «Свод законов Российской империи» (см.) — является в этом смысле поистине монументальным памятником николаевской эпохи. Отвергнув всякую мысль о реформе в праве (составление «нового» уложения по проекту Сперанского), Николай предписал знаменитому кодификатору «не создавать новых законов, но привести в порядок старые», не меняя в них «ни единой литеры». Во избежание каких-либо новых «проказ» со стороны Сперанского, «смотреть» за ним специально был к нему приставлен Балугьянский (см.) в качестве начальника 2-го отд. е. и. в. канцелярии. Та же судьба постигла и крестьянский вопрос при Николае I. При полном сознании «очевидного зла» крепостного права, с явным намерением начать «процесс против рабства», после целого ряда попыток «частных» его исправлений и «облегчения его состояния» путем «нечувствительных» и «невидимых мер», Николай, в конце концов, решительно отказался от всякого действительного посягательства на «священный» институт «крещеной собственности». С 1826 по 1848 г. непрерывной вереницей следовали один за другим секретные комитеты по крестьянскому вопросу, ряд законов был выработан и даже в той или иной форме опубликован (закон 15 февр. 1827 г. — о минимал. наделе крестьян; 1829 и

1837 г. — об опеке над злостными помещиками; 2 мая 1833 г. — о продаже крепостных; закон и высоч. повеление 2 апр. 1842 г. — об обязанных крестьянах; закон 8 ноября 1847 г. и высочайшее повеление 1849 г. — о продаже имений с аукциона; 3 марта 1848 г. — о крест. недвижимости), но все они были или официально лишены всякой силы, или сведены на-нет классической оговоркой, что законы эти могут возыметь силу лишь при условии, если «владельцы» (помещики) «сами сего пожелают». Полная мертворожденность всех означенных мероприятий объяснялась, во-первых, тем, что, ставя крестьянский вопрос, правительство считало недопустимым причинение какого-либо «вреда» или «чувствительного ущерба в имуществе и доходах» и «вотчинных правах» рабовладельцев; во-вторых, потому что оно ясно видело теснейшую связь судьбы самодержавия, своей собственной прерогативы, с крепостническим строем в его целом; и, наконец, в-третьих, потому, что больше всего боялось крестьянского бунта, полагая, что при первом же приступе к «постепенной» реформе крепостные возгорятся «ложными надеждами и дерзкими желаниями». Страх «поколебать права собственности» и привести в движение миллионы рабов, нетерпеливо ожидающих «земли и воли», и побудил в конце концов николаевское правительство вместо каких-либо положительных мер пойти на самую характерную для него «реформу» — пересмотр ненавистного дворянству александровского указа 1803 г. «о вольных хлебопашцах», в котором крепостники видели отголосок «возмутительных» принципов французской революции. Таковы были подлинные мотивы, вызвавшие самое появление знаменитого закона об «обязанных крестьянах» 1842 г. (см. XXV, 505/06). Последним термином на этот раз нарочито заменялось

опасное звание «вольных хлебопашцев». Операция, произведенная в этом смысле над законом 1803 г. (см. XXV, 495/96), напоминает очень близко аналогичный пересмотр «Положения Государственного совета» 1810 г. Устраняя введенное законом 1803 г., по словам кн. Васильчикова, «вредное начало отчуждения помещичьей поземельной собственности» в пользу крестьян и устанавливая полукрепостнические отношения между той и другой стороной, зак. 1842 г. тем самым кончал с либеральным институтом «вольных» земледельцев и говорил лишь о «собственной воле» помещиков, от которых всецело зависело допустить или не допустить новую сделку. Таков был важнейший законодательный акт Николая по крестьянскому вопросу, всецело проникнутый «хранительными» принципами. Революционные события 40-ых гг. положили решительный конец всем «эмансипаторским» поползновениям Николая. И, подобно тому как при одном только напоминании о польской конституции (в письме к в. кн. Константину) он обронил замечательную реплику: «аминь, аминь, рассыпсья», так точно в красочной речи, обращенной к петербургскому дворянству в 1846 г., Николай, «как первый дворянин империи», провозгласив «союз дружбы» с сословием крепостников, поставил официально крест на «всяком помысле» о крестьянской реформе. Строжайше подтвердив незадолго перед тем полную неприкосновенность («это вещь святая») «всей без исключения земли» принадлежащей дворянам, царь предписал в то же время строжайше наблюдать, чтобы «крестьяне оставались в беспрекословном повиновении законной власти помещиков» (высоч. приказ 1842 г.).

Оборона самодержавия и абсолютистских прерогатив государства старого порядка, а также борьба с рево-

люцией внутри и вовне—эта основная директива николаевской политики — приобретает, по мере приближения к концу правления европейского «жалдарма», все более и более агрессивный характер. Стремясь отгородиться от Зап. Европы китайской стеной всякого рода запретительных мер, направленных против проникновения в русское общество опасных зарубежных учений, николаевское правительство одновременно принимается за перевоспитание русских граждан, на этот раз в духе уваровского обскурантизма. Польское восстание 1831 г. (см. XXXVI, ч. 1, 645/54) послужило для него первым толчком к принятию целого ряда мер реакционного характера под флагом национальной идеи в целях насаждения на западной окраине так наз. русских начал. Восстание прежде всего послужило поводом отмены столь ненавистой Николаю конституции 1815 г. «Я получил ковчег с покойницей конституцией (писал он Паскевичу), за который благодарю весьма. Она изволит покоиться в Оружейной палате». За этим актом последовал целый цикл соответствующих мероприятий: воссоединение униатов (см. XLII, 381/82), секуляризация земель католической церкви (1841), отмена Литовского статута, закрытие вилenskого и киевского университетов и т. д. Разгром Польши (см. XXXVI, ч. 1, 654/56) прошел с тем большим успехом, что Николай мог рассчитывать на сочувственный нейтралитет русской буржуазии, для которой, как мы знаем, автономное «царство» с его развитой индустрией являлось опасным конкурентом. Вслед за Польшей наступила очередь и для коренной Р. Начались жесточайшие гонения, направленные против всякого движения общественной мысли, университетской науки, печати. Еще в 1826—1828 гг. появился новый цензурный устав, открывавший — следом за

14 декабря — эпоху цензурного террора, завершившуюся учреждением известного бутурлинского комитета 1848 г. В 1832 г. закрывается журнал «Европеец», в 1834 г. — «Московский Телеграф», в 1836 г. — «Телескоп», при чем Чаадаев (см.), автор «Философического письма», по высоч. повелению объявляется сумасшедшим, редактор Надеждин высылается и т. д. (см. XXXI, 578/79). Под сенью торжествующей реакции расцветает репутация прессы Булгарина и Греча, Сенковского, при чем первый из них становится постоянным осведомителем III отделения по части литературы, разоблачая в своих доносах «бешеных либералов» и «отчаянных коммунистов», в число коих им зачисляются: Краевский, Некрасов, Полевой, Панаев, Давыдов, Редкин, Никитенко и др. Даже Жуковский не избег в это время обвинений в опасном либерализме. Под влиянием двойной травмы — неофициальной цензуры шефа III отд. и министра народного просвещения, законного цензора, лучшие писатели и журналисты николаевской эпохи идут на тяжелые и подчас унижительные компромиссы (Краевский, Полевой, Надеждин, Чаадаев). Жертвами безвременья в расцвете сил гибнут Пушкин, Лермонтов и Грибоедов. Одновременно идет не менее жестокая расправа с пионерами радикальной молодежи и русской интеллигенции в лице кружков Сунгурова (1832) и Герцена (1835), Кирилло-Мефод. о-ва (см.), петрашевцев (1848; см. XXXII, 79/86) и др. За невинный некролог о Гоголе подвергся высылке И. С. Тургенев. Лишь преждевременная смерть спасла Белинского от ссылки или заточения. Не избегли гонений даже славянофилы. В то же время, спасаясь от «николаевской тюрьмы», уходят в эмиграцию Герцен, Бакунин, Огарев, Печерин и др. Можно сказать, что Николай начал и закончил свое цар-

ствование разгромом интеллигенции. Постоянный страх перед новым заговором и возможным появлением какого-нибудь «тамбовского Мирабо или костромского Лафайета» побудил николаевское правительство не ограничиваться одними карательными мерами, но и принять ряд предупредительных в деле воспитания и образования юношества мер, которые и предусматривала злостная система гр. С. Уварова (см. XLII, 27/29), предназначенная служить главной гарантией незыблемости основ самодержавия. Поставив во главу угла «просветительной» реформы создание из подрастающих поколений «усердных орудий правительства», Уваров, в качестве министра народного просвещения, реорганизовал всю постановку образования на его основных трех ступенях, исходя из того положения, что «в нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число «умственных плотин». С означенною целью Уваров создал ряд затруднений для перехода с одной школьной ступени на другую, воспретил «дешовые» народные издания и ввел новый университетский устав 1835 г., отменявший вольности автономии 1804 г., изгонявший философию из стен университета и усиливший национально-историческое направление в общественных науках, согласно вызывающей формуле Бенкендорфа: «прошлое Р. было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение; вот — точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана». Отсюда, между прочим, вытекало и поощрение правительства изданию древних отечественных памятников (Археографическая комиссия, Русское историческое общество и др.). Это официальное покровительство охранительным

началам «исторической школы» с ее культом самобытных основ народного духа, согласно заветам Карамзина и программе Уварова, должно было послужить к вящему утверждению непререкаемости провозглашенной триады: «самодержавие, православие и народность», положенной во главу угла новой образовательной системы и всей внутренней политики правительства, как «последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества». На этой базе и была построена реакционная идеология николаевского самодержавия, опиравшего свой престол на авторитет государственной церкви и крепостное право, как коренные исторические устои истинно-русского «духа». Основным смыслом этой единственно аккредитованной при николаевском дворе «философии», получившей название «теории официальной народности», сводился к провозглашению исключительного своеобразия русской культуры. Мы — не Европа, и Европа нам не указ, — таков был основной принцип этой теории. При этом усиленно подчеркивалось, что русская история не знала ни классовой борьбы, ни политических революций. Тесный союз «народа» и «власти» (царя) при том условии, что «у нас со времен Петра В. всегда впереди нации стояли монархи» (Бенкендорф), выдвигался при этом как основное начало русской истории, согласно доктрине идеологов николаевского режима. Страна «патриархального» крепостничества, воспетого Карамзиным, Р. — как подчеркивали последние — всегда была чужда «язвы пролетариата» и «бездомного батрачества» промышленных стран «гниющего» Запада. «Православный» бог, самодержавный царь и попечительный помещик провозглашались единственной и надежнейшей гарантией «благоденствия» русского народа и государства в про-

тивоположность печальным судьбам «свободных» народов, вечно терзаемых нищетой и социальными потрясениями богатой капиталистической Европы. Под аккомпанимент этой казенной проповеди и происходило в николаевской Р. насаждение неумолимой «системы страха и молчания, всюду поселявшей» «всеобщую официальную ложь» (Валуев) и приводившей русское общество к исторической драме «горя от ума» при характерном условии: «Сибирь — для всех» (де-Кюстин).

Однако, николаевскому правительству все эти мероприятия казались еще недостаточными. В качестве активного поборника начал «Священного союза» имп. Николай с большой самоуверенностью принял на себя роль «обер-полицеймейстера Европы», отлично сознавая, что судьбы российского самодержавия тесно связаны с судьбами европейской монархии. Являясь поэтому сторонником «законных прав» зарубежных династий (легитимизма), он не только направлял свою дипломатию к поддержанию традиционного status quo в Европе, заявив себя в силу тех же принципов решительным противником объединения Германии, но, как известно, не остановился и перед открытой интервенцией ради подавления революционного движения на Западе. Если попытка в этом роде, затеянная против Франции (1830; ср. XXXVI, ч. 1, 651), и не осуществилась, то подавление венгерского восстания 1848 г. стяжало ему лавры «чемпиона монархической власти» Европы, в конце концов изолировав его в концерте наиболее влиятельных держав, обеспокоенных слишком решительным вторжением «северного колосса» в международные отношения и внутренние дела «хозяев» мировой политики. Претензии Николая распространить свою систему за пределы своей империи далеко не соответствовали фактическим материальным рес-

сурсам экономически отсталой страны, переживавшей к тому же глубочайший внутренний кризис в условиях разлагающегося крепостнического хозяйства. Пародировавший военную мощь николаевской Р. казарменный режим в конце концов и явился тем роковым самообманом, который в итоге привел к катастрофической развязке.

Несомненно, стремление Николая на Ближний Восток, его упорные попытки утвердить свой протекторат в Турции под видом покровительства «больному человеку» и его, небезуспешные сначала, диверсии в Персии, на Кавказе и Ср. Азии, как уже было отмечено выше, мотивировались необходимостью компенсировать русскую буржуазию «победами» на внешних рынках при слабости внутреннего (текстиль, хлеб). Но в этом самоуверенном бряцании оружием не последнюю роль играли и соображения внутренней политики — желание отвлечь внимание общества от «проклятых вопросов» внутренней российской действительности и поднять политический престиж власти громом побед «на страх врагам», чужим и своим. Однако, всем этим заносчивым планам не суждено было осуществиться. В положении «больного человека» в конце концов оказалась именно николаевская империя с ее дезорганизованным тылом и технически отсталой армией. Выступления Николая, создавшие на этот раз угрозу экономическим интересам Англии, Франции и Австрии на Б. Востоке, зажгли пожар турецких войн, в огне которого был окончательно разоблачен «великий обман» (Пальмерстон) показной мощи «вершительницы судеб Европы». Вместо раздела Турции, о котором мечтал имп. Николай, и господства на Б. Востоке все достижения Адрианопольского мира (1829) и Ункиар-Искелесского договора (1833; см. XXVI, 78) были ликвидированы в результате решительного вмешательства в вой-

ну 1853 — 1856 г. Англии и Франции, и знаменитая дискуссия о «праве починки купола над храмом гроба господня» закончилась небывалым разгромом Р. (см. *Крымская кампания*). Почти монопольное влияние последней на Б. Востоке сменилось теперь коллективным протекторатом пяти держав во главе с «владычицей морей». При такой конъюнктуре Р. утратила все свои недавно завоеванные позиции. От Лондонской конвенции 1840—1841 г. (см. XXXIII, 546) до позора Парижского конгресса 1855 г. николаевская внешняя политика завершила процесс своего окончательного падения, вынудив самых преданных защитников ее курса, устами М. П. Погодина (см.), признать всю тщету борьбы с «духом времени»: «следовательно (писал в то время Погодин) политика наша была не только для нас вредна, но и вообще безуспешна». Так николаевский режим сумел превратить верноподданного историка из «Москвитянина» и автора знаменательных «политических писем» в памфлетиста, открытовооставшего против официальной Р., совершив такую же разительную метаморфозу с русским охранителем, как почти 20-ю годами ранее это случилось с приезжим знатным иностранцем де-Кюстином, искавшим на лоне николаевской империи спасения от того же тлетворного «духа времени», бушевавшего на его родине. Но и самому строгому блюстителю «законного порядка», имп. Николаю, пришлось — вопреки своим самым дорогим убеждениям — стать на защиту независимости Греции и, под давлением известных обстоятельств, признать «короля баррикад», столь ненавистного ему Луи-Филиппа. Одно время умиритель Польши был готов даже торжественно провозгласить окончательное освобождение «молдаво-валахов, сербов, болгар и греков с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой

живет уже целые века» (1853). Лишь вмешательство Нессельроде удержало Николая от этого «ложного» шага. Подобного рода уклонь николаевской политики только лишний раз подчеркивали всю непрочность колеблющегося положения «хилого гиганта» и всю неустойчивость военно-династической диктатуры последнего самодержца крепостнической империи в момент наиболее обостренного раскрытия таившихся в ней внутренних противоречий.

Не большой успех имели также попытки николаевского правительства укрепить и материальную базу государственной власти путем реформы государственных финансов. Поскольку основное противоречие — «промышленного движения и неподвижности крепостного права» (Кюстин) — оставалось неразрешенным, все паллиативные финансовые мероприятия министра Канкрин (см.), несмотря на все его усилия и таланты, не спасли государство от банкротства. Ни восстановление хищнической откупной системы, ни депозитная, ни кредитная реформы (1839 — 1843), ничто уже не могло спасти хронически больного. Уже манифест 1 июля 1839 г., ограничивший обмен ассигнаций на серебро до 100 руб. в одни руки, явился первым признанием надвигающегося государственного банкротства. Финансовые итоги николаевского царствования были яркой демонстрацией этого банкротства: внешний долг империи со 102 млн. руб. (1825) возрос до 287 млн., а общая сумма государственного долга (процент и беспроцент.) увеличилась на 800 млн. руб., достигнув 1.216 млн., при чем особенно резкий скачок в нарастании этих долгов падает как раз на последние 5 — 7 лет (см. ниже *финансы Р.*). Севастопольская катастрофа (см. *Крымская кампания*) при означенных объективных условиях была логическим завершением исторического кра-

ха николаевской системы и империи. «Отречение или смерть» — такова была роковая дилемма, ставшая перед Николаем, по справедливому замечанию современника. Внезапная смерть императора разрушила этот гордиев узел. Император, потративший столько сил ради сохранения политического равновесия Европы старого порядка, сам опрокинул собственную империю и пал под ее «развалинами» — 18 февр. 1855 г. Таков был финал этой «полной анархии под ярлыком порядка», как характеризовал Р. 1847 г. Бакунин, с ее показательными «плац-парадами». Военный разгром империи и смерть «главного врага революционного возрождения Европы», как называл К. Маркс Николая, должны были послужить решительным толчком для «обновления» Р.

Тридцать лет николаевской реакции не прошли даром. Под покровом «покою кладбища», в недрах русской общественности совершались глубокие идеологические сдвиги, и происходила напряженная работа мысли, которая и не замедлила вырваться наружу, как только отвалилась «могильная плита» режима, водворенного Николаем. К этому времени русская общественная мысль уже проредала весьма сложную эволюцию, преисполненную характерных превращений и диалектических противоречий. Как это обычно бывает, эпохи реакционные, как эпохи «критические», переломные, являются моментами напряженной работы сознания, переоценки традиционных ценностей и, в конечном итоге, подготавливают смену одного направляющего мирозозерцания (идеологии) другим. Поэтому было бы неправильно рассматривать николаевскую реакцию как реакцию только правительственную. Официальная реакционная философия была лишь одним из отражений глубочайшей общей реакции, которой было охвачено общество в целом, как только последнее

остро и болезненно ощутило, что из-под его ног начинает ускользать твердая почва отжившей исторической формации, дворянско-феодального уклада. Вызванные тяжелым кризисом, но обреченные на роковую неудачу, прорывы бунтующего протеста в верхах и низах социального организма страны только усугубили реакционные настроения под впечатлением катастрофы 14 декабря и предчувствий угрозы новой пугачевщины. Эта всеобъемлющая реакция развивалась под знаком разложения дворянской культуры и ее идеологии, с одной стороны, и наступления капитала — с другой. В общем потоке реакционных настроений временно смешались, чтобы в дальнейшем дифференцироваться и резко разойтись, разнообразные течения мысли, отражавшие в себе процесс классовых перегруппировок, совершавшихся в обществе и, в первую очередь, расслоение господствовавшего класса — дворянства, главного носителя и выразителя русской культуры на данном историческом этапе. Этот всеобщий характер реакционного движения, питавшегося из единого источника, и сообщил направлению умов в начальном моменте то своеобразное единство, в котором как бы солидаризировались и крепостники-реакционеры, и буржуазные помещики всех оттенков, и представители деклассированной дворянской интеллигенции, и шедшая на поводу передового дворянства мелко-буржуазная разночинная фаланга, выставившая на этот раз из своей среды целый ряд блестящих бойцов-идеологов.

Своими глубочайшими истоками наступившая реакция восходила, как мы знаем, к концу XVIII и первой четверти XIX ст. Французская революция с ее историческим финалом, «Отечественная война», европейская реакция, неудача декабрьского, а затем и польского восстания — вот комплекс потрясающих событий, по-

влекших за собой в одно и то же время и крепостническую оборону «исторических» основ дворянской империи против «ужасов» кровавого переворота во Франции и ту т. наз. «трансцендентальную реакцию» полного разочарования в чудотворной силе Разума и революционных экспериментов, которая охватила «либеральные» передовые кадры дворянства и николаевской интеллигенции. «Век просвещения» в глазах тех и других явно обанкротился и не сдержал своих обетов. Час развенчания философского рационализма и политического радикализма XVIII в. пробил, наступил острый идейный кризис: рушилась целая система мирозерцания, и на ее развалинах воздвигалось новое идейное здание. Началась ревизия разбитой идеологии и поиски нового «спасающего догмата» в целях воскрешения «гармонии внутреннего мира с внешним». Столь сложная задача потребовала всеобщей мобилизации умственных сил остатков прежней интеллигенции, с одной стороны, и ее ближайших преемников — с другой. Общественная мысль прежде всего должна была понять, осмыслить для себя роковую катастрофу крушения просветительных и освободительных идеалов и верований сбитого со всех своих позиций «века Разума», тщетно сулившего водворение на земле «свободы, равенства и братства» и погибшего в «крови и пламени» революции. Нужно было найти выход из страшного противоречия перед лицом торжествующей действительности, которая подавляла потрясенное сознание своей фатальной «необходимостью» как непреложный исторический факт. Приходилось прежде всего так или иначе принять этот трагический факт, «примириться» временно с ним, т.-е. понять его и осмыслить путем углубленного «самосознания». Пораженная глубочайшим разочарованием, отвернувшись от недавно еще столь чтимых

ею, а теперь «поверженных кумиров», общественная мысль прежде всего дезертировала с поля политики и, отрекшись от «мира», поспешила замкнуться в своих интеллигентских скитах, погрузившись в бездны отвлеченно-философских, овеянных поэтической грезой «возвышающих обманов» и мистических исканий. Этот великий постриг выбитой из строя и божавшей от общественной жизни русской интеллигенции 20—30 гг. был, однако, временной передышкой, пока она, «отчужденная от официальной Р.», изолированная и распяленная, постепенно, в тесных дружеских кружках уединенных «любомудров» (кружки Станкевича, см., и др.) не собрала вновь своих расстроенных рядов, чтобы приступить к выработке новой идеологии в атмосфере всепоглощающей рефлексии. Крутой идейный поворот, как и следовало ожидать, явился последовательным отрицанием догматов рационализма XVIII ст. с его материализмом, «сухой теорией прогресса» и смелыми попытками революционной практики, одушевляемой верой в магическую силу декларируемых прав и принципов. Таким отрицанием и явилась, в свою очередь, немецкая идеалистическая философия Шеллинга, Фихте и Гегеля, сменившая французскую философию «века просвещения» и выдвинувшая учение о «тождестве мира субъективного и объективного», о «необходимости» и «разумности» процесса развития вселенной, как некой мистической теодицеи, откровения божественного «Абсолютного Духа», диалектически возходящего в судьбах человечества через смену «национальных» культур к своему конечному «самораскрытию» и «самопознанию». Знаменитая гегельянская формула: «что действительно, то разумно; что разумно, то действительно» и явилась на этот раз спасительным выходом из того безнадёжного тупика, куда загнала было

себя общественная мысль. Катастрофа «второго грехопадения человечества», соблазненного обетами самонадеянного разума, была теперь оправдана как заслуженное возмездие за дерзкое посягательство на исторические начала мудро предустановленного «народного» уклада жизни. Мрачный приговор близкого декабризму Чаадаева (см.) над прошлым, настоящим и будущим Р., прозвучавший как «голос из гроба», был таким путем преодолен и отвергнут. «Уважение к действительности» (И. Киреевский, 1829) становится поэтому очередным лозунгом дня. Наступает момент знаменательного «примирения» русской интеллигенции с «прекрасной русской действительностью», столь ярко заявленного Белинским и М. Бакуниным (1838—1839; см. VII, 323), восторженно, хотя и ненадолго, склонившимися перед священным символом самодержавного царизма. С этого момента романтизм философский, исторический и эстетический вступают в свои права. Рациональное мышление объявляется ложным и недостоверным. «Понять мир чувством» или «цельным сознанием», т.-е. подчинив рассудок непосредственной интуиции «откровенного духа» человеческого «я», как эманации мировой, божественной идеи — такова была провозглашенная теперь романтическая теория познания, получившая свое крайнее выражение в теософии Шеллинга и, преимущественно, усвоенная позднее славянофилами. В тесной связи с ней стоит и новый подъем волн религиозно-мистических настроений, проповедь «нового христианства» и учения «духоведения» Эккартсгаузена (см.), Юнга-Штиллинга (см.) и пр. обскурантов, оказавших в той или иной мере свое влияние на такие умы, как Чаадаев, Печерин, Станкевич, Герцен, Бакунин, Киреевский и мн. др. Навстречу победоносной теории фило-

софни идеализма шло другое, не менее мощное течение мысли, так наз. «историческая школа» Савиньи (см.) и его единомышленников, с ее ярко консервативными хранительными тенденциями. Категорически отвергнув возможность всяких «произвольных», насильственных перемен в жизни нации, она выдвинула предвосхищенную еще Карамзиным идею «органического», постепенного, эволюционного развития исторических народов, поставив в теснейшую неразрывную связь «настоящее» с «прошедшим», согласно крылатой формуле «отца исторической школы»: «настоящее есть сын прошедшего и отец будущего». Таким путем — через союз философии и истории — еще раз закреплялся примиряющий принцип, на этот раз исторической «необходимости» или закономерности, предопределявшей судьбы национального развития народов, развития, направляемого присущим каждому из них самобытным специфическим «народным духом». Этот мистический «народный дух» (столь близкий «мировому духу» философов-идеалистов) находил свое выражение в той особой национальной идее, воплощение которой во всемирно-историческом процессе являлось исключительной «миссией» отдельных народов и которую каждый из них резко отличался от всех прочих. Таким образом подчеркивалось безусловное своеобразие народных начал и «особенность» исторического призвания каждой нации, а вместе с тем решительно отвергалась всякая возможность заимствований иноземных учреждений, идей и культурных основ быта. На смену космополитизма явился узкий национализм с характерной ксенофобией. При этом особенное ударение делалось именно на определяющей и связывающей силе исторических традиций и векового наследия прошлого. Последнее к тому же сильно идеализировалось и, как «свя-

щенный завет предков к потомкам», выдвигалось в качестве оплота против всякого реформаторства и опасных переворотов. История объявлялась «охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия» (М. Погодин, Чичерин, Соловьев, Кавелин). На этой почве и расцветает в это время широкое движение в сторону того историзма, который сообщил первой половине XIX в. популярное наименование «века исторического»: «история — центр всех познаний», — провозглашают в 30-х гг. Киреевский и Белинский. С этого момента, действительно, начинается великое паломничество мыслящих русских людей вглубь веков отечественной истории в поисках собственной «народности», «своеродных» начал русского «национального духа». Румянцевская школа устремляется к архивным раскопкам. Сперанский создает свой гигантский труд «Собрания законов», давший мощный толчок развитию науки истории права. Ученые специалисты, литераторы-публицисты, поэты, романисты обращаются к историческим изысканиям и сюжетам. Наступает блестящая эпоха расцвета русской исторической и историко-правовой науки (Соловьев, Кавелин, Забелин, Погодин, Неволин, Рейц, Калачов и др.), вдохновляемой исторической проповедью Грановского. Журналист Полевой пишет «Историю русского народа», Пушкин — «Историю пугачевского бунта», «Б. Годунова», Загоскин и Лажечников выступают в качестве русских Вальтер-Скоттов. На ряду с этим идет широкое обследование национального фольклора (П. Киреевский, Даль, Снегирев, Надеждин, Терещенко, Буслаев и др.). Загорается знаменитая полемика о «начале Руси» с ее крайностями «славянобесия» (венелинская школа) и отчаянной обороной истинно-русских основ исторической культуры «славящины» против «немецких теорий» (шлеце-

ровской школы). Противопоставление Р. Западу получает теперь широкое распространение в исторических параллелях ученых и журнальной полемике. Историческая романтика приводит к патриотической идеализации прошлого. С неистовым восторгом Белинский провозглашает: «у Р. была своя история». Возникает целый культ истории. В это общее русло философско-исторического течения, в свою очередь, вливается и новая струя так называемой романтической эстетики, получившей столь яркое развитие по почину «карамзинистов» из «Арзамаса» в творчестве Жуковского, Пушкина и его «плеяды». Искусство, как откровение «гения», было объявлено «высшей степенью познания», тем путем, каким человек приобщается «бесконечному», божественной «сущности» мира, достигая прозрения в «абсолютное». Подобно философскому идеализму, романтическая поэзия, как эстетическая школа, явилась протестом против классицизма XVIII ст. с его кодексом рационалистической эстетики и дидактизмом, на место которого она поставила культ «свободного» вдохновения и «красоты». Гордо отвернувшись в своем устремлении «за пределы предельного» от «суетного света» с его «житейскими волнениями» и презрительно отталкиваясь от «светской черни» и «толпы», поэты бежали и от окружающей их действительности. Объявив, что «искусство выше жизни», они либо уносились в фантастический мир «возвещающего обмана», ища забвенья в «звуках сладких и молитвах» интимной эпикурейски-аристократической лирики и свободном от соприкосновения с реальной жизнью творчестве своего отреченного одиночества, либо обращались к мифологическим и историческим сюжетам античного мира, особенно же средневековой эпохи, или, наконец, народного эпоса. И в том и в другом случае результат был

один и тот же — крайний субъективизм и разрыв с современностью, уход от нее. Поэт с удовлетворением заявляет: «все близкое мне зрится отдаленным, отжившее, как прежде, оживленным».

Таковы были упадочные настроения 20—30 гг. Но, как было отмечено выше, это был первый этап сложного процесса идеологической революции. По существу, романтический эстетизм с его девизом «искусство для искусства» проделал ту же эволюцию, как и философско-историческая мысль. Как эта последняя из лабиринта абстракций вернулась в лоно «прекрасной действительности», так и романтическая поэзия, скрывшись в «гротах фантазии» и «чистой красоты» от реального мира, через идеализированную историческую «легенду», байронизм лермонтовской музыки и народную эпiku вернулась к отверженной ею действительности с тем, чтобы сначала успокоиться в ней, а затем вырваться из ее плена на втором этапе эволюции общественной мысли. Таков именно был скрытый смысл временного «прекраснодушного», как тогда выражались, «успокоения в роскошном пантеизме» и насильственного примирения идеалистов 20—30 гг. с российской действительностью, приятие которой явилось для известных общественных групп русской интеллигенции необходимой предпосылкой для последующего отрицания ею николаевской Р., как только был поставлен на очередь роковой вопрос о ее подлинной сущности и об историческом призвании «русского народа» в мировой семье человечества. Знаменитое выступление Чаадаева с его «философскими» письмами, в которых автор своеобразно претворил в своих мистических высказываниях антиномию будущих *славянофильства* и *западничества* (см.), этих двух станových течений общественной мысли николаевской эпохи, зажгло целый пожар

полемики, разорвав, наконец, ту маскирующую оболочку «трансцендентальной реакции», под покровом которой шла напряженная работа критической мысли, мучительно выковывалось новое credo. Стоило только этой мысли через «бешеное уважение действительности» прийти в живое соприкосновение с подлинной реальностью николаевского режима и скрытых в нем социально-экономических противоречий, как эта действительность из «прекрасной» не замедлила превратиться в глазах прозревшей передовой интеллигенции в свою полную противоположность — «гнусную российскую действительность» 40-х гг., против которой и начался затем новый поход.

Именно в это время получила новое понимание и роковая гипнотизирующая формула гегелевской философии, истолкованная на этот раз не в охранительно-филистерском духе, а диалектически, как «алгебра революции», т.е. так, как поняли ее «левые» гегельянцы, выдвинувшие вперед динамический момент гегелевской «философии истории». Исторический метод превратился теперь в орудие исторической критики, для которой отныне открывались широкие возможности ее применения благодаря массе накопленных сокровищ конкретных исторических материалов. А рядом с этим такой же критике подверглась и сама современность. Вместо служения Аполлону, создавшему в 20—30-х гг. «золотой век» расцвета русской поэзии, в литературе 40-х гг., при явном сдвиге в сторону преобладания художественной прозы, начинает утверждаться реалистическое направление «гоголевского периода», и обличительные и гражданские мотивы (Лермонтов, Некрасов) проникают постепенно в самую поэзию, которая с небес спускается на землю. Начинаются похороны дворянской культуры («Горе от ума»,

«Мертвые души»). Под мелодические звуки тургеневской симфонии разыгрывается трагикомедия «лишних людей», и все громче начинает раздаваться исповедь «кающегося дворянина» с его «аннибаловой клятвой», прозвучавшей как исторический приговор над уютом и поэзией рабовладельческой Аркадии «дворянских гнезд». «Пир воображения» окончился, началось тяжелое похмелье пробуждения «духа отрицанья и сомненья», а затем и утверждение новых идеалов. Период общей растерянности и «скитания мысли» в поисках новых путей, когда в сумерках безвременья происходило еще смутное брожение умов и в многочисленных кружках и салонах в процессе своего самоопределения сталкивались самые разнообразные общественные элементы, теперь уже завершился. К середине 40-х гг. наметился ряд течений и групп («котерий»), дифференцировавшихся в двух направлениях. С одной стороны, это были течения и настроения упадочного характера, в которых сказалось трагическое предчувствие или жуткое сознание близкой смерти обреченного гонимого класса и его культуры. В этом стане обреченных мы находим и одинокие обломки фрондирующей феодальной аристократии, последних вольтерьянцев, замкнувшихся в своем циническом скептицизме непримиримых идеологов сословной привилегии, и черноземных крепостников, погружившихся в эстетическую нирвану в духе шопенгауеровской философии, и проповедников эпикурейского «прожигания жизни» перед неизбежным «концом», и впадших в глубочайший чаадаевский мистицизм заживо погребенных выходцев из той же среды, и, наконец, целую толпу деклассированных отщепенцев «кусадебного мира», так называемых лишних людей, «уездных гамлетов» всех мастей, воспитанных на гуманных идеях Запада

и отечественном крепостном праве и потому безнадежно раздвоенных в своем пессимизме и разъедающей рефлексии и, в лучшем случае, способных на бескрылые «благие порывы». Это были жалкие призраки умирающего мира, люди, пассивно отдавшиеся во власть неизбежной судьбы, пресловутые «русские иностранцы», «умные ненужности», белоручки-пустоцветы, последние «римляне», одновременно баловни и жертвы рабовладельческого мира, отравленные его ядом и попавшие в безвыходное положение на историческом перевале между усадебно-дворянской и урбанистической буржуазной культурой.

Но далеко не все представители из лагеря «ликующих и праздничноболтающих» оказались перед лицом новой действительности подобными банкротами, бессильными «рыцарями на час». На ряду с упадочными течениями, с другой стороны, мы видим идеологические направления иного характера, в которых отразилась активная реакция на те же объективные процессы внутренней перестройки экономики и социальной культуры страны. В данном случае мы имеем дело с двумя антагонизирующими движениями общественной мысли, из коих комбатанты одного из них пытаются поддержать, спасти колеблющееся здание дворянской империи, хотя бы ценой некоторых уступок; другие же, понимая всю тщету подобных усилий, видят выход в отказе от «наследства» прошлого и ищут новых путей, выбрасывают новые лозунги. К первой группе относятся сторонники феодальной партии, в состав которой прежде всего входили явные крепостники, хотя и готовые, как и сам Николай I, признать в принципе «зло» крепостного права, но решительно отвергавшие еще «большее зло», т.-е. всякую попытку ликвидации рабо-

владельческого режима. Это были идеологи так называемой теории «официальной народности», для которых начала политического и духовного рабства — «самодержавие и православие» — органически сливались с рабством социальным, как веками освященным «народным» бытом, в котором они видели самый прочный залог крепости дворянского государства. Эта теория, как известно, была сформулирована Карамзиным еще при Александре I и затем продиктована им от имени российского дворянства имп. Николаю и, наконец, прокламирована гр. Уваровым. Свою литературную формулировку она получила на страницах погодинского «Москвитянина» и некоторых официозных изданий. Адепты этой доктрины, по существу, образовали правое крыло выросшего с ней на одном классовом корню учения знаменитой партии *славянофилов*, от которых их отделяли скорее их тактические приемы, чем принципиальные разногласия. Реакционно-охранительный характер этой помещичьей идеологии у последователей официальной народности, спускавшихся до роли «добровольных помещиков-жандармов», выступал лишь с большей откровенностью и грубостью. Славянофилы чистой марки (Аксаковы, Киреевские, Самарин, Хомяков, Кошелев и др.) сумели при этом облечь свою феодальную философию в маскирующие одежды идеалистического мировоззрения, утвердившись на позициях шеллингианства. Протест против рационального мышления, революционных традиций XVIII ст., западной «гнилой» цивилизации с ее индустриализмом, буржуазией и «конституциями» и общая мистико-религиозная ориентация вошли как прочное достояние в их вероучение. И хотя большинство славянофилов понимало всю неизбежность «отказа» от крепост-

ного права как «просвещенные» землевладельцы, однако, в своей идеологии, в основном, они продолжали решительно отстаивать коренные устои феодального строя, тянули «назад», к усадебному, помещичьему укладу дореформенной Р., явно идеализируя его («патриархальный быт»). Отвергая промышленный прогресс буржуазного Запада с его классовой борьбой и «пролетариатством», славянофилы противопоставляли ему культуру и строй допетровской Руси, усматривая в ней трогательный союз царского самодержавия и земельных общинных миров. Поэтому для славянофилов особенно характерным является их тяготение к сельскому быту, деревенскому миру в противовес городской цивилизации. Отсюда вытекала и их идеализация русского народа и крестьянской общины, как нравственного союза, основанного на началах христианского братства, внутренней правде и чуждого всяким формальным, правовым нормам. Этот славянофильский взгляд на общину как нельзя лучше отвечал той роли, какую она играла как основная ячейка помещичьего строя, как традиционный аппарат крепостного хозяйства, в порядке круговой поруки организующий принудительный труд и консервирующий ту неподвижность крестьянского быта, которая квалифицировалась ими как особая добродетель «терпеньем изумляющего народа», всегда покорного в своем смирении отеческой власти своих господ. Недаром славянофилы подчеркивали, что в общине нет места «буйству личности», от которого погибает индивидуалистический Запад. В тесной связи с этими воззрениями стоит и учение славянофилов о государстве и русском народе, как народе негосударственном, аполитическом, навсегда отрекшемся от соблазна власти. Государ-

ство с его претензией правовой регламентации жизненных отношений в глазах славянофилов являлось великой «ложью» и безусловным «злом». Феодальный строй с его автономной «кутюмой», не связанный никаким твердым «правовым порядком», противопоставлялся славянофилами столь ненавистному им буржуазному «справовому государству» Запада, с его конституционными «гарантиями». «Гарантия — есть зло», — заявлял решительно К. Аксаков. Путь права, как путь «внешней правды», поэтому отвергался славянофилами во имя «внутренней правды» патриархальных отношений старо-русского уклада. Поэтому же славянофилы относились с таким резким осуждением именно к политике Петра I и его реформе. В противовес буржуазному государству славянофилы выдвинули свою оригинальную теорию государства, в которой отводили последнему скромную роль стража и блюстителя исконного «народного» быта, «хранящего жизнь общественности», но отнюдь не вмешивающегося в этот идеальный быт отеческого помещичьего «попечения» и эксплуатации... По существу они отстаивали ту классическую дворянскую «конституцию», которая так мудро в век Екатерины сочетала самодержавие с дворянскими вольностями, этим твердым оплотом заповедной Аркадии усадебной культуры, не знавшей никаких ограничений своей барской автономии. И славянофилы действительно, выдвигая свою знаменитую формулу: «правительству — сила власти, земле — сила мнения», заявили себя решительными сторонниками самодержавия и «исконных» начал русской народности, высшее проявление и гармонический синтез которых они видели в Московской Руси. Отсюда их стремление сочетать абсолютизм со «свободой» слова и совести. Приписывая насаждение

крепостного права Петру В., славянофилы звали «назад», к «национальным» основам московского царства, которое они путем анти-исторической реставрации (К. Аксаков) возводили в перл создания, в то же время стараясь показать, что эти «основы», несмотря на разрыв европеизированной либеральной интеллигенции с народом и тяжкий гнет бюрократического государства, сохранились в помещичье-крестьянском быту. Отсюда народнический маскарад славянофилов с их мурломками и боярскими нарядами, безграничная идеализация помещичье-крепостнических отношений («Семейная хроника» С. Аксакова) и запоздалая защита барщины и розги в редакционных комиссиях освободительной эпохи (Ю. Самарин). Несмотря на то, что славянофильское учение было создано лучшими представителями просвещенного дворянства николаевской эпохи, они все же не смогли вырваться из узкого круга своих классовых интересов и сбросить с себя «ветхого Адама» отживающего, но еще живого помещичье-землевладельческого строя. Недаром отцы-законоположники этого учения — Аксаков (*см.*), Самарин (*см.*), Киреевские (*см.*), Хомяков (*см.*) — принадлежали к родовитому, хорошо обеспеченному слою черноземных помещиков, к миру «старого барства». Задавшие целью «возвратить права истинной религии» и объявив историческое православие выражением истинного христианства, они по существу реставрировали средневековой идеал. Естественно, что они употребили особенно много стараний, чтобы вырыть пропасть между Западом и Востоком, между новейшей развращенной европейской цивилизацией, с ее социализмом и коммунизмом, как последним словом ее внутреннего разложения, и «святой» Русью с ее всечеловеческой правдой смирения.

По их убеждению, этим двум враждебным мирам соответствовали и два типа мышления, просвещенья и жизненного уклада. Рассудочность, материализм, неверие, индивидуализм и борьба всех против всех в погоне за вещественными благами, словом путь «внешней правды» с его роковым финалом — всеобщим крахом — таков Запад; «цельность разума», сила религиозного чувства, «хоровое начало» общинности, полагающее границы эгоизму личности, отсутствующие борьбы классов и «бунта» (церковного и политического) в прошлом и настоящем, словом путь «внутренней правды», открывающей перед русским народом перспективу высокой миссии спасения человечества путем «возведения до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного быта» — такова Русь. Отсюда призыв славянофилов к «духовному возвращению» в народ, обращенный к западнической русской интеллигенции, отпавшей — по их уверению — от «национальных» основ русского быта.

Это достаточно яркое противопоставление Запада и Р. было действительно антитезой двух «миров». Несмотря на идеалистическую фразеологию и благородный пафос славянофильской проповеди, она явно проговаривала, хотя в идеализирующих терминах, классическую формулу николаевской реакции: «самодержавие, православие и народность». Идеал славянофилов оказывался позади, его явно консервативные тенденции были очевидны, и позднейшие заключительные выводы энигонов славянофильства (К. Леонтьев) были логическим завершением попытки «ранних» славянофилов повернуть колесо истории вспять. В сороковых годах иллюзия обойти «путь Запада» и буржуазно-капиталистического прогресса еще имела за себя некоторые

предпосылки в условиях переходного момента, и славянофилы ухватились за эту иллюзию, побуждаемые к тому инстинктом классового самосохранения, но теория их была давно осуждена на поражение, хотя и не осталась без заметного влияния на ее противников и идейные течения последующего времени (т. наз. «народничество»).

Вполне естественно поэтому, что победа на идеологическом фронте второй половины царствования Николая досталась так наз. западникам (см. *западничество*), той прогрессивной либеральной и радикальной интеллигенции, в рядах которой теперь перемешались как представители дворянства, решительно порвавшие со своей средой, подобно Герцену и Бакунину, хотя и не преодолевшие до конца своей классовой психологии, так и разночинцы всех рангов (Надеждин, Полевой, Белинский, Боткин, Соловьев), к которым ближе всего стала мелко-буржуазная группа деклассированных дворян, вынужденная зарабатывать свой хлеб службой, литературой и т. п. «свободными профессиями». Правда, в этом пестром обществе попрежнему еще задала тон дворянская интеллигенция, за которой шел пока разночинец, окончательно одержавший над нею верх лишь к 60-м гг. Но уже и теперь последний в свою очередь начал оказывать свое заметное влияние, в демократизирующем смысле, на более культурную и чуткую часть своих идейных руководителей. Достаточно назвать Белинского, претворившего в своем стремительном развитии все оттенки и зигзаги мысли эпохи выработки нового мирозерцания. Его плебейский протест против примиренческой бакунинской формулы и «филистимлян»-славянофилов раздался как раз в то время, когда Герцен начал «разыгрывать славянофила перед Европой», про-

клиная мечанский Запад в противоположность тому же Белинскому, приветствовавшему на закате дней своих грядущую русскую буржуазию. Для западников, поэтому, отнюдь не были характерными те упадочные настроения, которые на короткий срок толкнули их на путь примиренчества с николаевской действительностью и тех охранительных тенденций, которыми была глубоко проникнута идеология «гадкой котерии», их антагонистов. Либеральные тенденции среди западников, по существу, не умирали.

Через кружок Герцена политическая традиция декабризма связывалась с новыми революционными стремлениями «левых гегельянцев» и увлечениями социальными утопиями кружка петрашевцев и их предшественников — русских сенсимонистов. Кружки западников, окончательно отмежевавшиеся во второй половине 1840 г. от своих недавних друзей справа, и московский университет того же периода (см. XXIХ, прил. 379/80'), где выступили во всеоружии европейской науки Гравовский (см.), Кавелин (см.), Соловьев (см.) и др. «шпитомцы» Запада, послужили связующими центрами для объединения прогрессивной интеллигенции, так наз. «людей 40-х годов». И в то время как славянофилы от Гегеля вернулись к Шеллингу и в лоно православно-монархических традиций прошлого, западники от Шеллинга через Гегеля, либеральную школу французских историков (Гизо — Тьерри) и утопический социализм двинулись навстречу новой Р. Выбив из слабо защищенных позиций своих противников и «овладев их темами», они позднее пришли к построению синтетической идеологии народничества 60-х гг., своеобразно претворив общинную теорию славянофилов в доктрину русского социализма, проникнутого ве-

рой в особый путь развития родного народа, согласно герценовской формуле: «человек будущего в Р.— мужик, точно так же, как на Западе (во Франции)—работник». В этом смысле славянофилы с их взглядом на крестьянскую «общину» и проповедью духовного возвращения интеллигенции «домой», к народному быту и верованиям, явились пионерами идеологического «хождения в народ», хотя под «народом» они и понимали нечто совершенно иное, чем та демократическая интеллигенция, которая действительно пошла в народ. Мы уже знаем, что эта последняя, объединившая в своих рядах «кающееся» и в значительной мере пролетаризированное дворянство и разночинцев, прошла ту же идейную школу, что и партия консервативная. Философский идеализм и романтические переживания составляли и ее идеологическую закваску. Мысль о совершенном своеобразии русского исторического процесса, о нашем варварстве, как нашем национальном преимуществе, открывавшем широчайшие перспективы в будущем для русского народа, была также усвоена и западниками. Но оценка этих фактов и выводы, сделанные из них, были иные. Будучи пронизана мелко-буржуазными тенденциями, соответственно своему промежуточному социальному положению, эта общественная группа тянула либо к либерально-буржуазным, либо буржуазно-демократическим (радикальным) идеологическим установкам, жадно усваивая «последние слова» западного мира, веря, что реализация их и составляет историческую «миссию» русского народа. Стоя, так. обр., как бы на распутьи, она ощущала неустойчивость своих позиций. Слабость русской буржуазии, толкавшая ее искать поддержки у царского правительства и не дававшая ей возможности занять само-

стоятельное боевое положение — с одной стороны; едва зарождавшийся, неорганизованный городской пролетариат, самое существование которого в Р. отрицалось в 40-х—50-х гг., с другой, и — наконец — полная отчужденность интеллигенции от народной низовой массы, в глазах которой эта интеллигенция продолжала оставаться «господской», барской стороной, с третьей, — все это изолировало интеллигентскую демократию в ее попытках нащупать твердую почву под своими ногами для боевого выступления в борьбе с николаевским режимом и господствующим старым порядком. Отсюда умеренный либерализм одних, кончающийся пессимизмом и разочарованием (Кавелин, Грановский), и мечтательный утопизм других, приводящий к «заговору идей» с его роковым крахом (петрашевцы; см. XXXII, 79/86). Единственным положительным результатом всего этого движения 50-х гг. была вера в «народ», в «мужика», на котором и почтили в конце концов все надежды интеллигенции в поисках прочной точки опоры, в чем в значительной мере сказались традиции крепко спаянной с деревней дворянской усадебной культуры (Герцен). Такими были итоги того великого раскола общественной мысли, который, разбив русскую интеллигенцию на два противоборствующих течения, равно лишенных реальной силы, в конце концов привел к новой победе реакции конца 40-х и первой половины 50-х гг. Жертвами этой реакции, как уже было отмечено, оказались такие гениальные натуры, возглавлявшие вершины переходной эпохи, как Белинский, до времени сгоревший в пламени своего непрекращающегося «бунта» и «во-время умерший»; как Пушкин, сломленный николаевской опекой и не вынесший гнета окружающей среды, или — наконец — как Гоголь, погибший в бе

зумии мрачного мистицизма. Герцен, Бакунин, Огарев ушли в эмиграцию, Достоевский и петрашевцы поплатились каторгой и ссылкой. Но все эти искупительные жертвы не были напрасными.

Как поразительный контраст убийственному режиму, казалось, прочно и самоуверенно торжествующей реакции, с исключительным блеском развернулась духовная культура, освещенная именами Пушкина и Гоголя. Русская литература в своем развитии достигает небывалых высот, а победа реалистического направления в искусстве создает глубочайшие связи между литературой и жизнью, художественным творчеством и общественностью, связи, так ярко заявившие себя в последующем периоде (Тургенев, Гончаров, Некрасов, Писемский, Достоевский, Л. Толстой). В литературе появляется новый герой, пришедший вместе с разночинцем—герой «темного царства», «подполья», чиновного мира, «бедные люди», «униженные и оскорбленные», выведенные из своей безвестности все тем же почином Пушкина («Станционный смотритель») и Гоголя («Шинель»). Достаточно назвать Островского и Достоевского, так ярко дебютировавших своими первыми произведениями. Белинский вслед за Надеждиным и Полевым полагает основы публицистической критики, захватывающей и волнующей, будящей общественную мысль, организующей литературные бои и формирующей «направления». Полагаются прочные основы русской науке, особенно в сфере гуманитарных дисциплин, расцвет которых создал славную эпоху в летописях старейшего московского университета в окружении целого ряда научных обществ. Особенное значение получает театр, с «театром Щепкина» в центре. Вокруг имен Мочалова, Каратыгина загорается горячая полемика, теат-

ральные представления превращаются в крупные общественные события. Театр становится предметом культа для интеллигенции, «храмом искусства», «школой нравов» и с той поры занимает прочное место в быту образованного русского общества наряду с литературой, которая, по существу, являлась в этом периоде почти единственным центром средоточия общественной мысли. Эпоха эпикурейского, эстетского, любительского подхода к вопросам литературы и искусства кончилась. Русское общество выросло, научилось мыслить, и «критически мыслить», действительно ворвалась в литературу и искусство, которые в свою очередь сделали прочным достоянием жизни общества в лице его культурного меньшинства, которое, однако, вышло теперь далеко за ограниченные пределы мира особняков и усадеб. Нарождался новый читатель, жадно ловивший вещь мысль на лету. Под покровом казарменного строя николаевщины идет великое брожение пробужденного общественного сознания, в то время как вместе с ним нарастает стихийное движение нетерпеливых и озлобленных низов, в недрах которых шла также, на свой лад, напряженная внутренняя работа «пленной мысли», рвущейся из тисков «официальной народности» с ее социальным и духовным закрепощением, крепостным правом и синодальным православием государственной церкви. В последнем отношении особенно знаменательным было оживление движения раскола и сектантства (см.), на которое приходилось николаевскому правительству обратить свое беспокойное внимание. Все это достаточно симптоматически подчеркивало критическое положение крепостнической империи. Не хватало последнего толчка, чтобы николаевская «казарма» рухнула. Таким толчком и оказалась турецкая война

1853-1856 гг. (см. *Крымская кампания*, XXVI, 78/93).

4. «*Эпоха реформ*». Крах под Севастополем николаевской империи, этого «колосса на глиняных ногах», явился последним решительным толчком к скорейшей ликвидации крепостнической системы. Несмотря на то, что молодой царь Александр II (см.) был по своим взглядам приверженцем политики своего отца и явным крепостником, события, при наличии которых ему пришлось вступить на престол (1855), вынудили его сдать «позиции» не только на театре военных действий, но и на внутреннем фронте. Едва последовало заключение Парижского мира (1856), как уже в манифесте (19 марта), объявлявшем об его условиях, новое правительство поспешило как бы декларировать свою программу, хотя по традиции в достаточно неопределенной форме: «да утверждается и совершенствуется... внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах... да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да насладится в мире плодами трудов невинных». Когда же 21 ноября 1857 г. появился знаменитый рескрипт на имя ген.-губ. Назимова (см. XXIII, 671, и XXV, 520/21), «освободительная» эра началась. Русское общество встрепенулось и возликовало. Чернышевский и Герцен «с того берега» приветствовали коронованного реформатора, при чем издатель «Колокола» не поколебался в кредит поднести новому «галилейнину» исторический титул «царя-освободителя», спеша по горячим следам «на первый раз» уточнить и конкретизировать довольно скромную преобразовательную программу новой власти. Торопливые, но неясные выступления правительства, подстегиваемые сознанием, что «лучше отме-

нить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно начнет отменяться само собой снизу» в революционном взрыве новой пугачевщины, и восторженный порыв либеральной общественности, поверившей было в соблазнительные «обеты» — по словам поэта — «благодатного времени надежд», вскоре, однако, должны были выявить себя перед лицом реальной действительности. Правительство не замедлило, конечно, расшифровать истинный смысл своих деклараций в духе тех классов, которые взяли в свои руки проведение реформы, а обманувшееся общество, в свою очередь, должно было перейти в оппозицию и начать решительную борьбу с «освободителями», которая привела в конце концов к катастрофе 1 марта 1881 г. Но каковы бы ни были подлинные достижения так наз. «великих реформ», не может быть сомнения, что они положили глубочайшую грань между до- и пореформенной Р. Это был один из тех исторических моментов, которые знаменуют собой пavorтные сдвиги в народном хозяйстве и социальной структуре целой страны. Ликвидация крепостнического строя, несмотря на ее половинчатый характер, прочно определила дальнейшие судьбы новейшей русской истории. Историческое значение реформы прежде всего, конечно, сказалось в том потрясении, которое благодаря ей испытало все народное хозяйство в целом.

Правда, «вместо сетей крепостных люди придумали много иных», по словам современника той поры, и в окончательном своем оформлении крестьянская реформа 19 февр. 1861 г. (см. XXV, 553/64) была осуществлена при доминирующем влиянии дворянско-крепостнической партии, вступившей в компромиссную сделку с помещичьей и промышленной буржуазией; однако, это наследий прошлого не могло изменить новое

направляющей тенденции переворота. Если отмеченный полукрепостнический, полубуржуазный характер основной реформы и замедлил значительно темпы роста русского капитализма и привел к весьма своеобразному «соотношению социальных сил», то все же реформа 1861 г. в своей основе знаменовала победу буржуазных начал на хозяйственном фронте, торжество интересов капиталистического землевладения, торгового и промышленного капитала над феодально-крепостническим укладом, при той, однако, особенности, что она создавала наиболее отсталые условия для развития промышленного капитализма. Сохраняя при этом тесные исторические связи торгового капитала с помещичьим хозяйством, еще не изжившим своих феодальных традиций, она удовлетворяла интересы промышленной буржуазии, так сказать, в минимальном раз-мере. Ликвидировав еще до реформы крепостные отношения на фабрике, последняя хотя и получила теперь в свое распоряжение «вольного» работника, освобожденного от земли и барской крепости, однако этот работник далеко не приобрел еще всех свойств западного пролетария. В качестве члена крестьянского мира и полужемледельца, который как рабочая сила теперь стал особенно дорог помещицкому хозяйству в его новых условиях, вольнонаемный рабочий оказался в таком положении, что, сохраняя свою сословную обособленность, лишенный гражданского равноправия, фактически явился полусвободным. Таков был результат столкновения противоречивых интересов старых и новых господ. В то время как промышленник жаждал скорейшего народжения пролетарской «армии труда», помещичий мир — в своих интересах — искал гарантий от «язвы пролетариата», стремясь вместе с тем привязать крестьянина к его «усадебной оседлости» и своему хозяйству.

Недаром в своей известной «записке» Кавелин (см.) развивал соответствующий план освобождения с землей, видя в том (подобно Канкрину) верное средство «заранее избавиться от голодного пролетариата и неразрывно с ним связанных мечтательных теорий имущественного равенства, от непримиримой зависти и ненависти к высшим классам и от последнего результата — социальной революции». Гегемония помещичье-дворянских интересов при проведении реформы была в глаза. Стремясь возбудить «инициативу» дворянства, правительство, по существу, через губернские комитеты передало все дело в руки помещиков и высшей столичной бюрократии, где преобладали крепостнические элементы (гр. Панин, кн. Гагарин и др.), если не считать небольшой группы либеральных бюрократов (Н. А. Милютин, см., и пр.), решительно ставших, однако, на защиту прерогатив самодержавия и своих собственных против «олигархических» замыслов фрондирующих крепостников (М. Безобразов, Шидловский и К^о) и конституционалистов нечерноземной полосы (Унковский и др.). «Все для народа и ничего через народ», — так ответил Милютин на тверской и ему подобные адреса буржуазного дворянства, делегатов которого (так наз. депутатов «первого призыва») весьма решительно выпроводили из столицы, не допустив к непосредственному участию в редакционных комиссиях (см. XXV, 542/46). В конце концов, как известно, реформа 19 февраля, в первую очередь, была проведена в пользу помещичьего класса, сохранив за владельцами главную массу лучших земель, обеспечив им необходимый оборотный капитал за счет крестьянства путем выкупной операции и в то же время привязав обезземеленное и опутанное череполосицей «отрезков» крестьянское население к его жалким наделам, чем обеспечивалась новая тяжелая эконо-

мическая зависимость свободной деревни от прежней барской экономики путем превращения бывших крепостных либо в батраков, либо в подневольных арендаторов господской земли с «отработочной» системой новой барщины. Наконец, немалую роль в том же направлении сохранения крестьян за помещиком сыграло и их новое общественное устройство с податным прикреплением к общине в порядке круговой поруки (см.), стеснениями передвижения, семейных разделов, отчуждаемостью наделов, опекой «мировых посредников» (см. XXV, 554) из дворян и т. п. мероприятия. Если же к этому еще добавить «временно-обязанное состояние» (см. XXV, 554/55 и 563), переход к выкупу (до 1881 г.), не иначе как при согласии со стороны помещика (см. XXV, 555 и 558), провокационный соблазн «дарственного», или нищенского «четвертного» надела (см. XXV, 553 и 557), чрезвычайно высокую оценку выкупаемых земель (см. XXV, 553 и 556/57), куда в скрытой форме был введен и выкуп личности крепостного (за «особые промысловые выгоды» оборочного хозяйства), наконец, сильное повышение податного бремени, возложенного на крестьян (выкуп, подушная подать, мирские сборы и повинности) и вынуждавшего его к усиленной погоне за заработком (отход), то станет ясно, что, освобождая одной рукой, правительство вместе с тем другой создавало условия нового экономического закрепощения сельского населения, принося его «свободный труд» и хозяйство прежде всего в жертву интересам дворян-землевладельцев (см. XXV, 555/60). Так обр., система вне-экономического принуждения крепостной эпохи сменилась новой системой принуждения чисто экономического. Недаром Александр II, ясно сознавая, что «крестьяне увидят, что их ожидания, т.-е. свобода по их разумению, не сбылись», так опасался

народного мятежа в столице в день объявления манифеста — 5 марта. И опасения эти, как известно, не были напрасными: народ ответил на объявление «царской воли» массовыми бунтами, начиная знаменитой «безднинской» катастрофой (см. XXV, 560/61). Неудивительно, что при подобных условиях, при сильном вздутии цен на землю и арендной платы, эксплуатация крестьянского труда принимала со стороны землевладельцев усиленный и хищнический характер. Многие помещики, особенно черноземной полосы, вместо перехода к капиталистическим формам хозяйства предпочитали раздачу своих земель на условиях ростовщической аренды или спекулировали на «отрезках» (см. XXV, 548, 559/60), закабалая себе бедноту и избыточное население деревни. Таким обр. все выгоды оказывались на стороне помещика, хотя в известной мере реформа ударила «одним концом» порвавшейся цепи крепостных отношений также и «по барину». Это особенно приходится сказать о тех дворянах, которые не сумели приспособиться к новым экономическим условиям и либо просто «проели» за границей полученные выкупные средства, либо вынуждены были их употребить на погашение своих огромных долгов, либо по бедности не могли выдержать «удара».

Переходное первое десятилетие после объявления «воли» особенно чувствительно отозвалось на положении мелкого, с одной стороны, и крупного землевладения — с другой, создав благоприятную почву для широкой мобилизации земель, их перехода в руки купцов либо крестьян, чем в дальнейшем, в связи с деятельностью Крестьянского поземельного банка (осн. в 1882 г.; см. XXV, 564/73), был дан энергичный толчок к образованию сельской буржуазии (кулачества), выросшей на почве внутреннего расслоения общинного «мира».

где, по свидетельству Энгельгарта, с 1870 гг. «кулацкие идеалы царили» уже открыто и «мужичий тулуп» (согласно предсказанию И. С. Тургенева) начал выявлять свою буржуазную природу. Все эти процессы, способствовавшие значительному потрясению хозяйственных отношений, обострялись еще более железнодорожным грондерством, в которое были вовлечены своими капиталами помещики, стремившиеся пустить в оборот средства, полученные ими от государства в результате реализации «покупной стоимости крепостных имений». Но несмотря на все эти неблагоприятные последствия эмансипации, положившие начало «дворянскому оскудению» и деклассированию, доминирующая тенденция реформы все же была надолго закреплена.

В менее выгодном положении оказался промышленный капитализм, огутанный полукрепостническим характером переворота, тормозившим индустриализацию страны на всех ее путях и повлекшим за собой даже временный упадок промышленности. Первое десятилетие и здесь отмечено, так сказать, болезнью роста нового хозяйства, «линянием» его промышленной системы, при чем главная масса материальных средств была направлена, в первую очередь, на создание необходимых экономических предпосылок для последующего развития «национальной» индустрии, т. е. на оборудование парового транспорта (жел.-дор. строительство) и организацию кредита (банки, акционерные об-ва). Железнодорожная горячка и азартная мобилизация капиталов в формах хищнической спекуляции, закончившаяся целым рядом крахов дутых предприятий, ярко отмечают эту прелюдию к «судьбам русского капитализма». Но пути этого капитализма оказались довольно сложными, загроможденными обломками крепостническо-полицейского строя.

Время подготовки главной реформы и затянувшиеся на целое десятилетие последующие преобразования, неразрывно связанные с первой, а также загоревшаяся вокруг этой коренной ломки отжившего строя общественно-революционная борьба, поднявшаяся до своей высшей точки в конце 70-х гг., образуют собой как бы первый, законченный в себе этап в процессе развития новой Р. (1855—1881). То был период решающей борьбы старых и новых начал, феодально-крепостнической и буржуазной формаций, когда проиходила расстановка направляющих вех на исторических путях пореформенной империи. Именно в течение этой четверти века окончательно выявилась подлинная сущность совершившегося переворота, своеобразно сочетавшего обломки старого режима с недостроенным зданием «правового» буржуазного государства, об «увенчании» которого тогда усиленно мечтала и «ходатайствовала» либеральная оппозиция. Выше уже было отмечено, что реформа создала наиболее отетальные условия для развития русского капитализма, и лишь с конца 1880-х и начала 1890-х гг., как это отметил в свое время Ф. Энгельс, в Р. «начинается развитие новейшей промышленности по масштабу, достойному великой страны». В области экономики эпоха Александра II была временем перехода к новым производственным отношениям и новой расстановке производительных сил. Эта перегрушковка хозяйственных сил, вызвавшая на первых порах даже известный промышленный регресс, отмеченный кризисом 60-х и второй четверти 70-х гг., знаменовала собой временное попятное движение как бы для разбега, за которым последовал промышленный подъем конца 70-х и бурный рост индустрии 90-х гг. Аналогичное потрясение было испытано и дворянским помещичьим хозяй-

ством, благодаря сначала быстрому росту хлебного экспорта, а затем (в серед. 70-х гг.) падению хлебных цен и соответствующим аграрным пертурбациям.

Реформа 1861 г., как и следовало ожидать, произвела также не менее глубокое изменение и в соотношении социально-политических сил страны, хотя и в данном отношении процесс классового самоопределения русского общества получил также затяжной характер и привел к более или менее определенным результатам лишь в начале XX ст., когда у нас начали слагаться политические партии. Характер пореформенной экономики должен был сообщить и классовой структуре страны черты незавершенности процесса социальной дифференциации, но все же основные тенденции социальной перегруппировки наметились с достаточной отчетливостью уже в эпоху «освободительного» царствования. Поэтому данное историческое двадцатипятилетие отличается особым брожением всех социальных сил, для которых борьба за «реформу» и усвоение ее ближайших последствий послужили главным оселком для выявления и заострения их противоположных интересов и многообразных идеологий. Многие в общественных отношениях носило еще неясный, компромиссный характер, свойственный переходным критическим моментам. Классовые межы отличались достаточной неопределенностью, и весь процесс шел путем стихийного движения, приводившего подчас к весьма своеобразным комбинациям разнородных общественных элементов, так сказать «на ощупь» пытавшихся ориентироваться среди общего возбуждения и коренной перестройки старых и укрепления новых позиций. Эти весьма сложные общественные реакции лишь много позднее привели к известной кристаллизации классовых отношений.

По своей направляющей тенденции

ликвидации крепостного строя означала окончательную ликвидацию феодально-сословной организации общества. В этом смысле прежде всего она была по «первенствующему» сословию — *дворянству*. Разрушив самую основу исторической «привилегии» последнего — право владеть населенными имениями и крепостной собственностью, — реформа тем самым покончила с ним, как с сословием. Так наз. «оскудение» дворянства было очевидным фактом и неизбежным следствием победы новых буржуазных начал в жизни. Конечно, дворянство и во времена полного господства и расцвета его сословной диктатуры не представляло из себя совершенно однородной среды. Была в нем аристократия «крови» и «чина», крупные, средние и мелкие «душеладельцы», но в основном эти различия не разрывали того замкнутого круга, в котором замыкались и вращались интересы этого единого, в своей классовой цельности, сословия «плантаторов», составлявшего своего рода «государство в государстве». Означенное единство помещичьей касты покоилось на единстве хозяйственной базы, создавшей «гармонию» традиционного сословного быта и относительную его устойчивость. Внутри этого обособленного мира могла идти речь лишь о количественных различиях. Лишь с конца XVIII и нач. XIX ст., когда начался процесс общего кризиса крепостнического хозяйства, стало намечаться общее расстройство этой былой гармонии. Подготавливавшаяся смена одной исторической «формации» другой означала вместе с тем и начало внутреннего перерождения поколебленной в своем основании социальной среды, обусловившего переход количественных показателей в качественные, что означало на этот раз распад прежних сословных конгломератов и их перегруппировку на новых классовых основаниях. Новая эконо-

мическая конъюнктура, так сказать, резала по живому телу социальный организм дореформенной Р., выносившей уже в себе все необходимые предпосылки для новой расстановки социальных сил. И в этом многосложном процессе в первую очередь должен был претерпеть роковую метаморфозу «корпус» дворянства, распад которого оказался в достаточной мере подготовленным уже в период тридцатилетнего николаевского «накануне». Давно начавшаяся хозяйственная перестройка, усиленная толчком реформы, должна была форсировать процесс распада дворянской храмины, потрясенной в самом своем фундаменте. Судьба сословия тем самым была окончательно предрешена: началась его агония, достаточно затянувшаяся, впрочем, благодаря последующим попыткам гальванизировать «живой труп» сословия крепостников в период последней борьбы самодержавия за свои исконные права, которые в прошлом были органически связаны с дворянскими «вольностями». За эту «опору трона» правительство пореформенной эпохи будет хвататься всякий раз, как только почувствует свою собственную неустойчивость.

Что касается самой сущности переворота, совершившегося в судьбах дворянства, то его можно было бы формулировать как окончательное превращение сословия помещиков в класс землевладельцев. Этот процесс раздвояния сословия помещиков, происходил с одной стороны путем обезземеливания дворянства, а с другой — внедрением в состав класса «благородных» землевладельцев недворянских элементов по мере усиления земельной мобилизации, особенно в 1870-х гг. Достаточно напомнить, что в то время как земельные потери дворянства исчислялись для 1863—1872 гг. в 644,6 т. дес., для 1873—1882 гг. они достигли уже цифры 949,1 т. дес.; буржуазия же за то же время приобрела: 445 т. дес.

в первое и 450 т. дес. во второе десятилетие. В этом факте сказалась основная тенденция реформы 1861 г., направленная к общей ликвидации сословного строя, на место которого она выдвигала «цензовое» начало, положенное во главу угла «земской» (1864; см. XXI, 224 сл.) и городской (1870; см. XVI, 31 сл.) реформы. Будучи сбито реформой со своей сословной позиции, как исторически организованная корпорация, дворянство и внутри себя претерпело серьезное расстройство, подвергнувшись процессу глубокого расслоения, благодаря чему теперь в его рядах началась междоусобная брань и отдельные слои некогда сплоченного сословия, отпадая от стового ствола «родословного древа», начали решительно расходиться в своих интересах и идеологиях. Утратив свою материальную базу, дворянство как сословие, так сказать, повисло в воздухе и, хотя сохранило свою сословную организацию, как внешнюю форму, в действительности лишилось своего былого единства и реальной силы. Новая экономическая обстановка провела прежде всего отчетливую демаркационную линию между бывшими помещиками промышленного и черноземного районов. Но и среди крупного дворянского землевладения хлебной полосы также не было единства: на ряду с капиталистическими предпринимательскими элементами мы должны выделить группу «крепостническую», глубоко проникнутую феодальными традициями. Наконец, от той и другой все определеннее начинает отделяться масса деклассированного, пролетаризированного мелкого дворянства, сливающегося с различинной демократией мелкобуржуазной интеллигенции. Таким образом выделилась, а вместе с тем и начинала о себе демонстративно заявлять в первую очередь аграрно-дворянская буржуазия, гл. обр. из среднего помещичьего слоя, организовавшая в

1860-ых гг. целую кампанию знаменитых дворянских «адресов» с более или менее явными намеками на либеральную конституцию, движение, из которого позднее развился так. наз. «земский конституционализм». Лидером этого движения, еще в период выработки реформы, явилось тверское дворянство во главе с известным А. М. Унковским (см.). Наиболее ярким выражением той высоты, на какую только была способна подняться политически эта либеральная фракция землевладельцев, может служить постановление тверск. губ. дворянского собрания 3 фев. 1862 г., в котором представители этого господствовавшего сословия торжественно объявили о своем отказе «от всех своих сословных привилегий и позорного преимущества... пользоваться благами общественного порядка на счет других сословий», а в качестве пути «для спасения себя и общества» открыто указали на «собрание выборов от всего народа без различия сословий». В противоположность партии либералов, с другой стороны, «черноземные» крепостники и особенно влиятельная при дворе титулованная дворянская бюрократия (Безобразовы, кн. Гагарин, гр. Орлов-Давыдов и др.) стали на защиту своих «вотчинных» прав, обнаружив при этом свои олигархические возжелания, которые не следует смешивать с «требованиями» либералов и которые они выдвигали в качестве законной компенсации за утраченные плантаторские права. В конце концов, именно этой группе удалось не только овладеть судьбами реформы, но и закрепить временно за собой свои реакционные позиции, после того как прошел первый испуг от угрозы реформы, а с нею улеглась и фронда с намеками на дворянскую «конституцию» под видом укрепления власти «самодержавия» и его «природных элементов», «выборных от земли»,

как именовала себя дворянская партия, умевшая в былые времена, не ослабляя нисколько силы власти монарха, держать его в полном себе послушании. На почве данной сплоченной «оппозиционной» клики, резко выступившей в 1860-х гг. против либерального течения меньшинства, исходящего из среды буржуазного дворянства, и расцвела в 60-х гг. дворянская реакция, руководимая Пазухиным (см.), Д. Толстым (см.) и Катковым (см.). Впрочем, несмотря на резкое расхождение указанных двух направлений, вышедших из одной и той же среды, дворянские либералы 60-х гг., сделавшие попытку повторить исторический жест французского дворянства прославленной ночи 4 авг. 1789 г. (см. XLV, ч. 1, 19/23), в свою очередь не смогли до конца преодолеть своей сословной природы и в своих проектах отводили в будущем строе пореформенной Р. «поместному дворянству», «как классу самому образованному и как главному землевладельцу», руководящую роль в местном управлении, «сохраняя за ним преимущественный в нем голос и право вразумлять народ в исполнении правительственных распоряжений» (Унковский, Кошелов, Чичерин, Кавелип, Градовский). Порвать радикально с былыми «позорными преимуществами» своего сословия смогли лишь те выходцы усадьбыного мира, которым реформа не дала почти ничего, кроме разорения, т.-е. представители того мелкопоместного и отчасти среднего дворянства, которые принесли полное «покаяние» за грехи своих отцов и смело перешли «в стан погибающих за великое дело любви» к народу и сделали отчаянную попытку уплатить свой «долг» мужику. В 1860-х гг. это «кающееся дворянство» приобретает значение характерного «признака времени». Объявив сначала войну отцам и их быту и пройдя через индивидуалистический писаревский «нигилизм»,

оно затем бросилось в 1870-х гг. в решительную схватку с реакционным крепостническим дворянским правительством, грозя ему и его слугам кровавой революцией от имени «народной партии», которая вместе с Разиным и Пугачевым, в борьбе «за всеобщее равенство», республику русскую, за наделение крестьян землей «пойдет резать помещиков» («Молодая Р.»).

Таковы были результаты тех знаменательных сдвигов, которые совершились за 25-летие преобразований т. н. эпохи реформ в среде «первенствующего» сословия и проследовали, так сказать, по пятам реформы. Заостренные в момент борьбы за последнюю внутрисословные антагонизмы по мере выявления действительных итогов реформы должны были, в конце концов, утратить свои слишком резкие черты, во многом не соответствовавшие «реальному соотношению общественных сил». Как и следовало ожидать, компромиссный характер переворота задерживал процесс социальной дифференциации и затушевывал резкие грани между нарождавшимися новыми общественными группами. Поэтому, как ни была глубока встряска, определившая неизбежную гибель дворянства, как сословия, однако, удар, поразивший его, не сбил его сразу с ног, и так наз. «оскудение» дворянства превратилось в длительное умирание, сопровождавшееся рядом вспышек реакционных судорог. Будучи поражено в своем сословном качестве, дворянство фактически и под покровом всесословной земской организации должно было временно сохранить свое преобладающее положение землевладельца. Это отлично понимало и проговаривало в своих радикальных декларациях и либеральное дворянство, переключившееся в аграрную буржуазию и усиленно пропагандировавшее начала «местного самоуправления» со ставкою на мужика. На этой почве

и оказалась возможной дружная мобилизация сил дворянской реакции, едва только самодержавие и его опора увидели перед собой «красную» угрозу с пугающим лозунгом «земли и воли», конституции и социальной революции, угрозу, завершившуюся террористическим «действием».

Исконный монополист государственной власти и землевладельческой привилегии, дворянство, как мы видели выше, не только сумело, несмотря на резкую оппозицию либеральной бюрократии, овладеть крестьянской реформой, но наложило свою печать и на последующие реформы (и, прежде всего, на земскую 1864 г. (см. *земские учреждения*, XXI, 222 сл.). Под флагом «всесословности» ему с достаточным успехом удалось путем цензово-куримальной системы представительства закрепить за собой руководящую роль в органах местного земского самоуправления, которое недаром было боевым лозунгом всех дворянских адресов и резолюций дворянских собраний эпохи реформ. В этом смысле весьма характерно, что и правительство смотрело на земскую реформу как на способ «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти» (Ланской) и вместе с тем как на крайнюю уступку дворянским притязаниям, чтобы таким путем «положить предел возбужденным по поводу образования земск. учреждений несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям» (Объяснит. записка к Земскому полож. 1864 г.). При таких условиях внедрение сословного начала в новые земские учреждения, несмотря на явное противоречие общему легальному духу Положения 1864 г., получило совершенно откровенный характер в лице «предводителя дворянства», игравшего, как известно, в местном управлении роль фактотума: правительственного агента и предводителя провинциального общества в его целом. Вопрос о земском самоуправле-

нии встал перед дворянством именно как вопрос о власти на местах. С редким единодушием, единым фронтом дворяне ополчились против реформаторов-бюрократов, «чуждых народу» (Унковский), стремившихся, по словам А. Кошелева, «уничтожить значение дворянства, как землевладельцев», и установить свою систему опеки и злоупотреблений. В лице И. Аксакова (см.) дворянство прямо объявило бюрократии войну «не на живот, а на смерть» (1859), доказывая, что устройство управления является в Р. первое и главноею потребностью, при чем представители дворянства, по мнению лидеров этой оппозиции, должны были — как самая естественная и близкая народу попечительная и просвещенная власть — занять доминирующее положение и в новом дворянском земстве. И среднее, и крупное дворянство действительно гарантировало себе, согласно положению 1864 г., построенному на всеобщем принципе, руководящую позицию в органах местного самоуправления с его правами во главе. Если же, сверх того, мы примем во внимание, что наряду с земствами продолжала функционировать и прежняя сословная организация дворянства с ее предводителями, принимавшими, как и ранее, деятельное участие в местном управлении вообще, и что из тех же дворянских кадров набирались и «хозяева» губернии — губернаторы, полномочия и распорядительная власть которых начинает возрастать уже с 1870-х гг., то основная тенденция реформы местного управления выступит с достаточной четкостью. Нельзя при этом не подчеркнуть, что и новая мировая юстиция была целиком передана в руки того же сословия. Таким образом, еще в период либерального реформаторства власти ставка на дворянина легла, как руководящий принцип, в основу «всесословного» земства и местного управления. Недаром

гелий реакции трех царствований, Победоносцев (см.), усиленно доказывал, что «дворянин-помещик всегда благонадежнее, нежели купец-помещик», грозивший отбить у первого его исторический приоритет. Этим уже как бы подготовлялась в скрытой форме грядущая контр-реформа конца 1880-х гг. Понятно, что при указанных условиях и в налоговом отношении пореформенный помещик оказался «во льготе». Обеспечив себе большинство («преимущественный голос») в земских учреждениях, несмотря на то, что оно составляло меньшинство местного населения, земское дворянство вместе с тем, как землевладельческий класс, сумело перебросить главную тяжесть налогового бремени на плечи крестьянства, тем самым создавая почву для неизбежных антагонизмов в земстве. Если со стороны безгласного крестьянского представительства оно и не встречало еще открытой оппозиции, то со стороны торгово-промышленных элементов дело не могло обойтись без трений и столкновений, что и привело, между прочим, к мерам специальной охраны интересов последних в сфере налоговой путем установления предельных лимитов обложения промышленных имуществ. Такого же противника и конкурента встретила помещичья среда и со стороны сельской буржуазии, представлявшей передовую авангард деревни. Но и в среде самого дворянства шла борьба между дворянской буржуазией, подталкиваемой демократией так наз. «третьего элемента», разночинной служилой земской интеллигенцией (статистики, агрономы, врачи, учителя и т. п.), и консервативными элементами помещичьей среды, среди которых выделялась группа крепостников-«зубров» пазухинско-бехтевской клики, вдохновителей Земского положения 1890 г. Все эти антагонизмы, нарастая в течение 1870-х гг., постепенно подго-

товляли вакханалию дворянской реакции эпохи Александра III. Разгул последней, впрочем, говорил не столько о ее реальной силе, сколько о слабости тех общественных классов, которые могли бы противопоставить традиционному влиянию «рассыпанной храмины» дворянства свою сплоченную и организованную оппозицию, тем более, что само дворянство обнаружало значительный абсентеизм на поприще местных учреждений.

Казалось бы, позициями сословия феодалов должны были теперь овладеть *торгово-промышленные* элементы, после того как интересы торгового и промышленного капитала все теснее стали переплетаться и для развития того и другого открылись новые перспективы. Однако, этого не случилось, несмотря на очевидные успехи роста капитализма.

Несомненно, уже в первое десятилетие после реформы произошел заметный сдвиг в положении *городского населения* во всех его слоях. В то время как количество потомственных дворян к нач. 1870-ых гг. сократилось на 150 т. ч., городское население возросло с 4,3 млн. ч. до 6,09. Удельный вес города к 1880-м гг. заметно возрос (с 9,9% до 12,2%), число крупных городов с 13 поднялось до 31, и дореформенный город стал выходить из той косности, в которой он до сих пор прозябал, как бы застыв в своей мертвой неподвижности. Это пробуждение города особенно ярко сказывалось на столичных центрах. Москва — центр дворянского барства — решительно изменила свой былой облик, приобретая все более и более буржуазный характер. Уже Белинский констатировал: «Москва — город купеческий», а затем вскоре последовало и открытие Островским этого «нового мира», долго скрывавшегося за барскими особняками и начавшего постепенно прибирать к своим рукам богатые господские хо-

ромы или воздвигать по их образу свои собственные палаты. Эта перемена резко бросается в глаза современникам, так что, в конце концов, даже народнику Н. К. Михайловскому в 1870 г., вопреки своей теории, пришлось признать, что у нас с успехом действует уже «вполне готовая деятельная буржуазия» и «игло капитала лежит над Р.». Именно, в данный момент литературой отмечается пришествие или, лучше сказать, вторжение в жизненный обиход «чумазого» с его хищническими приемами первоначального накопления, идеальный образ которого пытался нарисовать еще Гоголь во 2-ом томе своих «Мертвых душ», а реальный тип дали Некрасов, Щедрин, ранее Островский. Некоторый европейский, культурный облик эти классические герои темного царства приобретают уже в 1890-ых гг., когда начинается бурный рост нашей индустрии, и фигуры, подобные более ранним Кокореву (см.) или Боткиным (см.), уже не являются одиночками в своей среде. Для александровской эпохи отмеченная серость российской буржуазии, как промышленно-торговой городской, так и деревенской, являлась еще ее отличительной чертой, чем и объяснялся ее приниженный характер с типическим стремлением пробраться в «бары», соединявшимся с низкопоклонством перед «сильными мира». Отсюда же и бросающийся в глаза консерватизм патриархального быта и политической идеологии пореформенной буржуазии первого призыва. О традициях представителей торгового капитала, выросшего на крепостных хлебах (экспорте хлеба и сырья) и тесно связанного в своем прошлом с крепостническим хозяйством и его задворками, распространяться не приходится. Но и капиталисты-промышленники, вышедшие большею частью из тех же «чумазных» и купецких слоев, интересы которых, однако, гл.

обр. были связаны с судьбами внутреннего рынка, недалеко в это время ушли от купечества, как такового. Не мечтая ни о каких конституциях, эта действительно темная в своей толще первобытная буржуазия, вышедшая из народа (Ленин), предпочитала попрежнему цепляться за самодержавие, питаясь его подачками и под покровом «горностаевой царской порфиры усиленно набивая бездонные приватные карманы жадными приватными руками» (Н. Михайловский).

На указанной почве и сложился, вместо буржуазной оппозиции, охранительный союз самодержавия и капитала. В свою очередь признательная власть, естественно, побуждаемая к тому своими фискальными интересами, охотно шла при такой конъюнктуре навстречу вожделяниям своего верноподданного союзника в направлении его обогащения. Этим и мотивировалась твердость принятого ею протекционистского курса, который усиливается вместе с ростом удельного веса промышленного капитала, этого наиболее опасного антагониста дворянского землевладения, в свою очередь настойчиво претендовавшего на особую поддержку и покровительство со стороны царизма, опору которого оно все еще пытается пародировать.

Теми же целями покровительства национальному капиталу, по существу, мотивировалась и определялась и вся *внешняя политика* Александра II, получившая достаточно резкий агрессивный характер в новом натиске на Ближний Восток (в противовес влиянию Англии и Франции) и в Среднюю Азию, к чему присоединилась и жажда «реванша» в целях восстановления международного престижа империи, поколебленного позором Крымской кампании. В связи с подготовкой к новой турецкой войне, уже к серед. 1860-ых гг. завершается

под лозунгом замирения Кавказа окончательное утверждение русской власти как на самом Кавказе, так и в Закавказьи вплоть до границы с Персией и Турцией, после того как с окончательной ликвидацией знаменитого движения Шамля (1859) руки перевооруженной в 1857 г. военщины были развязаны (см. *кавказские войны*). Одновременно идут успешные захваты средне-азиат. владений, через Сибирь и Закаспийский край, с расширением имперских пределов — после окончательного овладения Хивой и Бухарой (1873) — до самой афганской границы. Уже в 1864 г. падает Ташкент, а затем (1869) и Самарканд (см. *Средняя Азия*). Наконец герцоговское восстание 1875 г. послужило русскому империализму поводом, под предлогом «освобождения» поработанных игом султана «братских» славянских и православных народов, повторить николаевскую авантюру и бросить новый вызов Европе в борьбе за турецкое «наследство», при чем в возбужденном волейной движении своеобразно переплелись хищные замыслы русской буржуазии с националистическими «панславистскими» призывами реакционного славянофильства (Данилевский) и революционной проповедью Бакунина, так что жаждавшая подвига революционная молодежь вместе с добровольческими отрядами (Кравчинский и др.) кинулась на Балканы. Но кампания 1877—78 г. (см. ниже *войны Р. в XIX и XX вв.*), едва не закончившаяся занятием Константинополя, после почетного Сан-Стефанского перемирия завершилась лишь новым дипломатическим поражением Р. на Берлинском конгрессе (см.), в равной мере обострив как международное, так и внутреннее положение империи, вызвав новый подъем либеральной оппозиции и революционного движения в стране.

Но если в области политической тор-

гово-промышленная буржуазия продолжает держаться «на запятках» самодержавия, то в осознании своих непосредственных материальных интересов она уже на данном этапе своего развития обнаруживает достаточную подвижность и явное стремление к известной организации. Так, уже с конца 1860-х гг. начинается съездовское движение среди промышленников, и ими устраиваются периодические и временные совещания (горнопромышленников, железозаводчиков и др.), особенно заметно развивающиеся в следующем десятилетии, ознаменованном созывом I-го съезда фабрикантов в 1870 г. Возрастает также и количество коллективных обращений предпринимателей к правительству. Наиболее ярким отражением этого восходящего движения являются такие крупные события, как учреждение Рус. технического (1866) и затем Политехнического (1870) обществ и Общества содействия торговле и промышленности (1867). С полной силой это движение развернется позднее, в 1880—1890-ых гг. Столь же знаменательным фактом, несомненно отмечающим ближайшие достижения буржуазии, является и введение нового Городового положения 1870 г. (см. XVI, 31/33), вместе с реформой воинской повинности (1874; см. XI, 22) завершивших цикл преобразований 1860-ых гг. Если в земстве промышленные слои были решительно оттеснены землевладельческими и, в частности, дворянскими по преимуществу элементами, то в городе, наоборот, муниципальное самоуправление оказалось целиком в руках цензовой буржуазии, которая при аналогичной с земскими учреждениями куримальной выборной системе, основанной на принципе платежеспособности, создавала привилегию для крупной и средней буржуазии, решительно отстранив участие в городском управлении демократи-

ческих слоев населения. Город, таким образом, был закреплен за торгово-промышленным классом, и если сопоставить городское положение 1870 г. с городской реформой николаевской эпохи, то значение этого завоевания пореформенной буржуазии выступит с достаточной убедительностью: классовый принцип на этот раз одержал решительную победу над сословным дореформенным, хотя все же «отцам» города и теперь не удалось эмансипироваться от бюрократической опеки самодержавного строя. Впрочем, отмеченный процесс перерождения дореформенного города на новых основаниях и в данном случае, как и при образовании земского общества, не получил должного завершения, оставившись на полдороге. В самом составе городского населения продолжали сохраняться пережитки старых сословных его делений, при чем основная его масса—«мещанство»—по-прежнему удерживает свою сословную организацию и «права», подобно волостному крестьянству, со всеми одиозными привилегиями так наз. податного сословия (телесное наказание, прикрепление к обществу, круговая порука) эпохи крепостничества. К числу таких пережитков должны быть отнесены и цеховое устройство ремесленников и, особенно, институт почетного гражданства, образованный, как известно, в условиях сословно-крепостнического строя (1832) с целью ограничить стремление разночинных элементов к получению дворянства, при условии распространения некоторых привилегий последнего на это своеобразное промежуточное сословие (свобода от телесн. наказаний, подушн. подати, рекрутчины и т. п.). Наличие подобного «сословия» после реформ 1860-ых гг. являлось очевидным анахронизмом, тем более, что «состояние» это искусственно приурочивалось к городскому населению. К городскому же «обществу», принадлежность к ко-

торому для всех категорий обывателей определялась по ценовому признаку, оно само по себе отношения не имело. Таким образом, и в настоящем случае под названием «городского общества» мы обретаем в недрах нового города довольно пестрое по своему характеру население с неизжитыми сословными традициями. Дуализм старых и новых начал давал себя знать в такой же мере в городе, как и в губернии. Процесс классовой консолидации здесь также далеко еще не завершился и находился еще в стадии переходной, хотя и с ясно обозначившейся направляющей тенденцией. Всеми указанными чертами в достаточной степени определилась меняющаяся физиономия нового города его новым хозяином. Особенно выразительно эволюция городского быта отразилась на лице старой Москвы, еще не изжившей характерных особенностей обширной барской усадьбы, в самое сердце которой, по свидетельству «Записок» П. Кропоткина, уже с 1840-ых гг. «стал втираться новый народ, непрошенный, непризнаваемый соседями» из «вымиршего старого московского дворянства». Это были именитые представители того самого народа, которых еще недавно таскал за их длинные бороды гоголевский городничий и которые теперь самодовольно афишировали на воротах собственных домов свои гильдейские ранги или высокое звание коммерции советника. Громкие фамилии родовитого дворянства с этого момента начали уступать свое место именам новых людей, из разночинцев.

Но не только появление этих «тузов» буржуазии придавало новый облик старой столице. Не менее значительным был для нее и массовый наплыв мелкобуржуазной разночинной интеллигенции, на которую теперь заявила все возрастающий спрос промышленность новой экономической

формации. Подобно «третьему элементу» в земстве, трудовая интеллигенция, порожденная реформой, особенно больно ударившей по средним классам и общественным низам, а также и части дворянства, теперь усиленно скоплялась в городских центрах. Устремившись в университеты и всякого рода специальные учебные заведения, она заполняла как вновь открывавшиеся частные (по найму) места, так и служебные должности в новых учреждениях, особенно же сильно приливая на попроще так наз. либеральных профессий. Русский пореформенный город, в отличие от зап.-европейского, не обладая широко развитой массой ремесленного населения, становился так. обр. центром скопления этой трудовой интеллигенции, в пестрой массе которой были перемешаны выходцы самых различных общественных слоев — поповичи, мещане, люди купеческого звания, обедневшие дворяне, «кающиеся» помещики, мелкие чиновники, «самородки» из крестьян и т. п. Известная часть, меньшинство этой междуклассовой, оторвавшейся от почвы и усиленно ищущей ее интеллигенции, успешно проделав свою карьеру, вступало в ряды того или иного имущего класса и становилось его идеологом; большинство же этих «отщепенцев», ведя тяжелую борьбу за существование, вступало в ряды так наз. «мыслящего пролетариата», являясь носителем радикально-демократических и революционных тенденций мелкобуржуазного характера, с весьма заметным утопическим оттенком и анархо-социалистическим уклоном. Уже с этого времени при таких условиях город становится центром идейного брожения и очагом политической и революционной агитации и пропаганды, а вместе с тем и так наз. «общественного движения». В последнем весьма видную роль принимает учащаяся, главным образом учавер-

ситетская молодежь, студенчество, которое нередко выступает в роли первого застрельщика в деле выражения оппозиционного протеста и организации публичных демонстраций. Так, начиная с 1860-ых гг., студенческие волнения и уличные манифестации начинают превращаться в прочную традицию пореформенного городского быта. Процесс классовой дифференциации общества на развалинах дворянской культуры создает благоприятные условия для усиленного брожения общественной мысли, направленно ищущей опорных точек для построения нового мирозерцания или, точнее сказать, программных идеологических установок, из которых к началу нового столетия намечаются уже определенные партийные группировки.

Но характеристика пореформенного города была бы далеко не полна, если бы мы не отметили явления такой первостепенной исторической важности, как рост городского пролетариата и сопутствующего ему *рабочего движения*. Начавшийся еще в дореформенную эпоху процесс образования и скупления в городских и промышленных центрах «вольнонаемных» рабочих, теперь, с «освобождением» трудовых классов, в условиях, созданных эмансипацией, получил особенно благоприятную для себя почву. «Предпролетариат» николаевской поры теперь становится настоящим пролетариатом, т. е. свободным продавцом своей рабочей силы. Процесс пролетаризации шел теперь настолько интенсивно, что начал привлекать к себе особое внимание правительства, которое еще недавно (как впрочем и народники) считало Р. в достаточной степени застрахованной от зап.-европейской «язвы» благодаря земельным связям рабочего, установленным Положением 19 февр. Однако, усадебная оседлость и нищенский надел оказались плохой гаран-

тией патриархального помещичьего и фабричного быта. Министерство внутр. дел уже в 1870-х гг. с беспокойством отмечает «появление» и рост стачек, этой — по его словам — «чуждой русскому народу формы выражения неудовольствия». Хотя для 1870-х гг. рабочие стачки вовсе не были новостью, но до этого времени они не получили еще того распространения, как к концу царствования Александра II. Ничем не ограниченная в законе эксплуатация со стороны предпринимателей рабочей силы (низкая зар. плата, произвольная система штрафов и т. д.) вызвала на этот раз стихийное рабочее движение, хотя и чуждое пока еще в своей основе политического характера и классовой определенности. Рабочее движение 1860—70-ых гг., не вооруженное революционной теорией, как и следовало ожидать, на данном этапе своего развития устремилось по экономическому руслу. Выливаясь в формы бунта, оно было направлено против отдельных хозяев при сохранении рабочими традиционной веры в «батюшку царя», что и сказалось, в частности, в известном эпизоде обращения рабочих с «челобитием» к наследнику престола, будущему имп. Александру III. Психология забастовщиков сохраняет еще в это время свою «мужицкую» политическую ориентацию, донеся ее, как известно, до исторического 9-го января. В рабочем движении этой поры было больше отчаяния, чувства мести, чем сознательной борьбы. В лучшем случае это была борьба за улучшение своего материального положения (профессионализм) в пределах капиталистического строя, но не борьба с этим последним. Движение шло пока самостоятельным путем, не одухотворенное еще теорией, привнесенной в него в 1890-ых гг. марксистской интеллигенцией. Характерно, что в стачечном движении в данном периоде главную роль пока еще про-

должают играть наиболее консервативные, но и наиболее эксплуатируемые текстильщики. Уже в 1869 г. вспыхивает знаменитая стачка на Невской бумагопрядильне, в первой половине 1870-ых гг. — на Кренгольмской мануфактуре и в целом ряде других фабрик, так что официальная статистика регистрирует за 1865—1875 гг. — 20 тыс. бастовавших рабочих, а за последние 3 года александровского правления (1878—80) — 29 стачек с 30—35 тыс. участников. Обстоятельство это вскоре побудит уже правительство Александра III вмешаться в отношения между рабочими и их хозяевами в эпоху министерства Бунге. Таким образом, грозный призрак «рабочего вопроса» появляется уже на горизонте раскрепощенной империи и начинает привлекать к себе широкое внимание. Правда, рабочее движение в данном периоде, как отмечено выше, идет еще своим обособленным путем, еще не возглавленное никаким организованным руководством, далекое от подлинного классового самосознания; однако, уже в 1870-ых гг. оно приходит в некоторое соприкосновение с революционным брожением среди интеллигенции и эпизодически дает уже известную реакцию на это соприкосновение. «Тяжелая поступь» тронувшейся рабочей массы заставляет «народников» оглянуться на городской пролетариат и, хотя бы в целях усиления пропаганды в деревне, перенести частично свою агитацию на фабрику, в рабочие «кружки» (чайковцы, долгушинцы и др.). Но что особенно знаменательно, уже в это время имеют место две (хотя и неудавшиеся) попытки создания чисто рабочих организаций, независимых от революционно-народнических ячеек, «Южного» и «Северно-русского» рабочих союзов, с первыми выдающимися вожаками из рабочих (см. XL, 567). Однако, как известно, провал этих ранних по-

пыток самоопределения рабочего движения бросил, в конце концов, наиболее революционно настроенных представителей рабочей интеллигенции, таких как Халтурин, Обнорский и др., в ряды героической когорты «народовольцев», вступившей в единоборство с самодержавным правительством. Политическая манифестация 6 декабря 1876 г. у Казанского собора с речью юного Плеханова, поддержанная группой рабочих, была также не менее знаменательна. Но особенно должна быть отмечена историческая речь ткача П. Алексеева, участника «процесса 50-ти» (1877), в своей заключительной части прозвучавшая как пророческое *memento*, брошенное в лицо царизма. Приветствуя в своем «последнем слове» на суде революционную интеллигенцию, Алексеев смело и уверенно предрек грядущую пролетарскую революцию, когда «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Впрочем, подобные выступления были исключительным явлением и ни в коей мере не характерны для рабочего движения, развивавшегося своим собственным путем, далеким пока от каких бы то ни было революционных тенденций. Оно еще не успело освободиться от того тяжелого наследия крепостнической эпохи, которое продолжало отравлять сознание темных, в своем большинстве, рабочих масс, воспитанных в убийственной школе дореформенного быта, еще тяготевшего над ними, поскольку эти массы еще далеко не утратили своих связей с деревенским миром и его традиционной психологией. Рабочее движение 1860—70-ых гг., как и рабочий класс в целом, должны были разделить судьбу со всем пореформенным обществом. Стоя одной ногой в деревне, а другой в городе, в самом начале процесса «раскрестьянивания», цеп-

лясь за свое мелкое хозяйство земледельца или кустара, рабочий чувствовал себя как бы на распутии, пока операция его окончательной экспроприации не выявила ему его собственной природы сначала как «класса в себе», а затем и как «класса для себя» (см. выше *история рабочего класса в Р.*).

Но если среди городского пролетариата пережитки старого строя давали себя чувствовать в достаточной степени, то в *крестьянской* среде они носили, можно сказать, подавляющий характер. «Освобождение» не вывело крестьянского мира из его сословной обособленности, оставив его за пределами нового гражданского общества. Оно лишь привело к слиянию различных разрядов крестьянства (удельных, государственных, помещичьих и пр.) в единую массу «сельских обывателей», распространив (1863—1866) на всех них общие основания «Положения» в смысле нового устройства быта и определения прав состояния крестьянского населения. По существу, сельское население продолжало и теперь сохранять за собой ряд признаков бывшего своего крепостного состояния. Крестьяне, как известно, не получили, согласно «Положению», обще-гражданских прав, но были принудительно прикреплены к сельским обществам, сохраняя свое специфическое качество податного сословия (подушная подать), связанного круговой порукой, как основной гарантией по выплате ими выкупных платежей и взносов государственных податей. Связанные мирским «приговором» в своем праве передвижения и увольнения из общества, в своих семейных правах (семейных разделах и праве распоряжения своей наделенной землей), крестьяне вместе с тем были отданы под власть так назыв. «мирского начальства», пассивного орудия общей администрации, и особых волостных судов, действовавших не

на основе общегражданских законов, но местного «обычного права» при сохранении сверх того практики телесного наказания (розги). Таковы были основания, на которых строилась вся система новых крестьянских установлений, коим было присвоено название «крестьянского самоуправления». В действительности последнее представляло из себя грубо сколоченный административно-полицейский аппарат «выборной» правительственной агенты в лице мирских властей — сельского старосты и волостного старшины с всеильным писарем, — ответственных перед высшим начальством за порядок и спокойствие в деревне и исправное несение пореформенного «тягла» сельскими «мирами». Как известно, предполагаемое первоначально в проекте реформы отделение автономной сельской общины как сословно-хозяйственной организации для удовлетворения хозяйственных и бытовых нужд самих крестьян, с приурочением их к имениям бывших господ, — от сельских обществ, как административно-полицейских территориальных единиц, в конце концов не осуществилось. «Мирские» общины, переименованные в «сельские общества», а эти последние, объединенные в «волости», в итоге превратились лишь в две инстанции (местами слившиеся в одну) крестьянского общественного устройства, в которых административные и хозяйственные функции смешивались при явном преобладании первых. При таких условиях все самоуправление сословно обособленной деревни свелось к выбору полицейских должностных лиц, подчиненных в своих действиях общей полиции и администрации. Если же мы примем во внимание, что в недрах пореформенной деревни с ее принудительной общиной начался неизбежный процесс расслоения крестьянского мира с водворением засилья кулака, с успехом прибиравшего в

свои руки власть на местах, то подлинный дух новых крестьянских учреждений, столь характерный для новой деревни, для нас выливается с достаточной четкостью. Но показательнее всего, быть может, для этой новой корпоративной организации крестьянского сословия являлся возглавлявший ее воскресший в новом виде старый «попечитель» и «опекун» мужика — мировой посредник, предтеча будущего земского начальника, назначаемый губернатором, по консультации с предводителями дворянства, из местных дворян (1861—1874), все «законные требования» которого обязаны были «исполнять беспрекословно» мирские выборные власти под страхом целого ряда взысканий (от выговора до ареста). Что же касается этих самых мирских выборных властей, то и они, в свою очередь, являлись вовсе не представителями интересов своих избирателей, а их начальством с карающей дисциплинарной властью, распространяемой на всех лиц податного сословия как сельских обществ, так и волости. Всеми этими чертами в достаточной степени характеризуется то новое закрепощение крестьянского населения, которое знаменовало его «освобождение». Волна крестьянских бунтов, прокатившаяся по деревням и селам после объявления «воли», упорные ожидания «черного передела» помещичьих земель, ожидания, на почве которых так ярко расцвели иллюзии народнического бунтарства, провозгласившего в 1870-ых гг. начало «социальной революции», открыто отметили то тяжелое положение крестьянских масс, в какое они в своем большинстве были поставлены всей совокупностью условий пореформенной эпохи. В дальнейшем трагизм этого положения лишь усугублялся по мере катастрофического роста деревенского разорения и крестьянской пролетаризации, подго-

товлявшей в будущем широкий стихийный подъем аграрного движения вместе с злобещими вспышками голодных и холерных эпидемий вымиравшей деревни, где все острее разгоралась разбивавшая ее бывшее единство классовая борьба. В конце концов, все это было необходимым результатом того влияния, какое крепостнические традиции в условиях новой хозяйственной конъюнктуры оказали на крестьянское сословие и его материальный быт. Именно в крестьянской среде эти традиции оказались особенно живучими и определяющими для его нового общественного устройства.

Таковы в своих основных чертах были ближайшие социальные последствия преобразований 1860-ых гг. Смешение противоречивых начал, тот же дуализм и незавершенность предпринятых начинаний должны быть отмечены и в данном случае. Но особенно показательны все эти характерные стороны «эпохи великих реформ» обнаружались в области государственного строительства и политики правительства Александра II, помимо своей воли вовлеченного в водоворот опасных преобразований, от которых так упорно старался уклониться Николай I, отлично понимавший, чем грозила в конечном счете ликвидация крепостного хозяйства всему строю самодержавной империи.

Что отмена крепостного права грозила поколебать самые основы государственного здания самодержавной империи и необходимо вела к коренной перестройке всего аппарата власти с выступлением на историческую сцену нового класса — буржуазии, это было ясно уже при первом приступе к главной реформе. С отменой политической автономии дворянской «усадьбы» вопрос о судьбах освобожденного народа сразу осложнился вопросом политическим,

борьбой за власть старых и новых «господ», борьбой, которая вновь выдвигала на очередь проблему существования самого самодержавия. Акт 19-го февраля, призвавший к самостоятельной гражданской жизни многомиллионную массу трудового народа, выведивший ее из бесправного состояния, тем самым одновременно ликвидировал и основную социальную монополию рабовладельческого сословия, в силу которой помещик являлся и правителем, и судьей, и господином для своих крепостных. «Подданные» помещика стали теперь подданными государства. Правительству приходилось принять в свое непосредственное ведение целый народ, а вместе с тем и перестроиться из государства феодално-крепостнического в буржуазно-свободное на базе товарного и индустриального хозяйства. Вырвав из-под государства «старого порядка» самое его основание, реформа в то же время обрушивала все его здание. Начав с отмены крепостного права на крестьян, правительство Александра II вынуждено было приступить к проведению целого цикла либеральных реформ, непосредственно вытекающих из первой. Превращение бывших крепостных в сельских обывателей и отставка их «природного покровителя и гражданского судьи» (Карамзин) — помещика — выдвигали в первую очередь вопрос об устройстве местного управления, а также и суда на новых основаниях. Отсюда две важнейших реформы — земская (1 янв. 1864 г.) и судебная (20 ноября 1864 г.), построенные на выборном, представительном всесословном начале, в тесной связи с коими стояла, с одной стороны, позднейшая городская реформа (1870), построенная так же, как и земская, на началах общественного самоуправления, и более ранняя — отмена телесных наказаний по суду (17/IV 1863 г.) — с другой. В том же буржуазно-либе-

ральном духе был проведен ряд других преобразований по линии народного просвещения (Университетский устав 1863 г., Полож. о нач. училищах 14 июня 1864 г. и Устав средних школ 1864 г., отмена предварит. цензуры, «Времен. прав.» 1865 г.) и, наконец, воинской повинности — в целях ликвидации крепостнической системы «рекрутиньи» (1874).

Само собой очевидно, что все эти весьма существенные преобразования не могли не затронуть в смысле известной реорганизации и всей системы центральных высших *государственных учреждений* (Гос. совета, Сената, министерств) в процессе неизбежного согласования новых политических начал, на которых строились пореформенные установления со старыми самодержавно-бюрократическими принципами и традициями, на которых держалась дореформенная власть. По существу, эти новые начала, как бы ни было — в конце концов — скромно их реальное торжество, стояли в резком, непримиримом противоречии с основами крепостнического государства. По самой своей природе они лежали в совершенно иной политической плоскости и апеллировали к утверждению коренных устоев буржуазного государства, т.-е. так наз. политическим «свободам». Вводя начала народного представительства в местное, земское и городское самоуправление, судебные органы (суд присяжных, мировая юстиция), провозглашая «несменяемость» судей, отделение суда от администрации, декларируя некоторое подобие свободы печати, университетской автономии и т. д., правительство тем самым, несомненно, шло по пути утверждения принципов «правового государства» с его логическим завершением — конституцией. Мы знаем, что идеологи крепостнического строя недаром старались запугать еще николаевское правительство, внушая ему

мысль, что отмена крепостного права будет вместе с тем и концом самодержавия. И не случайно, поэтому, как только был поставлен на очередь вопрос о ликвидации крепостного права, так немедленно со всех сторон, и справа и слева, раздались голоса, приглашавшие правительство довершить дело реформы созывом земского собора, «представителей земли русской без различия сословий». И хотя страшное слово «конституция» открыто и не произносилось, но для всех был ясен смысл требования об «увенчании здания», требования последней и основной гарантии, без которой все эти слабые, молодые побеги разных самоуправлений, автономий и свобод должны были превратиться в жалкую пародию и затем и в орудие самодержавной власти, как только восторжествовала реакция. Начавшись еще в период подготовки преобразований, борьба между партией реформы и крепостников заставила и правительство занять с первых же шагов сначала оборонительную позицию, рассматривая самые реформы как средство положить предел «несбыточным мечтаниям, ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий», а затем и перейти в наступление, стараясь вытравить из новых учреждений все, что в них было прогрессивного. В этом смысле все реформы 1860-х гг. носили характер «временных правил», подобно закону о печати, а их ломка началась еще в процессе их законодательного оформления. Поэтому, на всех них, как и на основной реформе 19 февр., лежит печать той недоделанности, половинчатости, которая и облегчила в дальнейшем их искажение как в порядке практики их применения, так и путем решительной контр-реформы конца 1880-х гг. Растянув преобразования на целое десятилетие и остановив их, так сказать, на подороже, правительство чисто механически двинуло новые учрежде-

ния в старый кадр государственного аппарата самодержавной империи. Повторилась как бы вновь история преобразований Александра I. Конечно, пришлось при этом вновь проделывать работу приспособления и известного согласования старых учреждений с новыми, но операция эта была произведена, как и ранее, за счет последних и тех начал, на которых данные учреждения были построены.

Борьба, завязавшаяся вокруг новых учреждений с самого начала, получила двойное выражение: принципиальное и практическое. Особенно ярко это сказалось, прежде всего, в официальном подведении под *земские учреждения* 1864 г. (см. XXI, 222 сл.) так наз. «общественной» теории самоуправления. При окончательном оформлении «Положения» комиссия, его редактировавшая, открыто подчеркивала местный и чисто общественный характер земских учреждений, которые в силу этого, очевидно, не могут входить в ряд правительственных губернских и уездных инстанций. Не являясь органами государственными и будучи приравниваемы к частным обществам и «частным лицам», органы земства были на этом основании лишены власти исполнительной и могли рассчитывать для приведения в действие своих постановлений лишь на «содействие» правительственных властей, а компетенция их ограничивалась тесным кругом «местных хозяйственных польз и нужд». Отказываясь таким образом рассматривать земство как учреждение политическое, как местную власть, либеральная бюрократия, спасая свое положение от дружного натиска на нее дворянской двуликой оппозиции «баричей» и «плантаторов», мечтавших — по словам Ланского — «о боярской думе, т. е. правлении олигархическом», бросала этим последним, в виде земского положения, ту кость, которая должна была «вознаградить дворян за потерю

помещичьей власти» и в то же время «отвлечь многих от анархии», т. е. от конституционных домогательств и революций (Ланской—Милютин). Таким путем достигалась основная цель реформы — сохранение в неприкосновенности на местах старого губернского правительственного аппарата и даже усиление его полномочий, так как, по взглядам Комиссии 1860 г., с прекращением крепостных отношений деятельность местных правительственных органов должна была получить особенное значение и более обширные размеры. В противоположность бешеной атаке дворянства, доказывавшего полную неспособность «ненавистного в Р. чиновничества, чуждого народу», управлять страной, столичные бюрократы утверждали, что дворянство, как сословие, ничем еще не доказало своих административных знаний и способностей, а потому «при таком низком уровне нашего общества» ему и не приходится «мечтать о сословном управлении и даже конституции». И тот же взгляд был выражен самим имп. Александром II при разговоре с Н. Милутиным в 1863 г., когда он заявил, что хотя и «не имеет отвращения к представительному правлению, но не считает зрелым для конституции» русский народ. При таких условиях земские учреждения явились просто придатком местной администрации, призванным под ее опекой оживить местное хозяйство при строгом запрещении вмешательства в общегосударственные интересы. Таким путем, при бьющем в глаза дуализме новой системы местного управления, при том условии, что и та и другая сторона по существу ведала одними и теми же интересами (вопросы продовольствия, народного образования и здоровья, дорожн. дела и т. д.), была создана благоприятная почва для неизбежной войны между властными и безвластными органами местных учреждений, войны,

которой и начинается история русских земств, едва только последние начали открываться. Как известно, «открытие» это началось с закрытия с.-петербургского земства, начавшего свою деятельность (в 1865 г.) «крамольным» заявлением о необходимости завершить реформу образованием центрального органа земского представительства с участием его в законодательной работе. Таким образом, конституционная контрбанда с первых же шагов земских учреждений, хотя и в прикровенной форме, свивает себе прочное гнездо в земской среде, вызвав и первые попытки нелегальных съездов земских деятелей с начала 1870-х гг., после неудачных ходатайств о том же перед правительством (1872).

Невзирая на то, что компетенция земств по Положению 1864 г. оказалась весьма суженной и сильно стесненной местной властью, уже с середины 1860-х гг., при общем реакционном повороте после каракозовского выстрела 1866 г. (см. *Каракозов*), земства подверглись целому ряду новых ограничений (в период 1866—1869 гг.), ограничений, имеющих целью, с одной стороны, пресечь всякую связь между отдельными земствами, с другой — усилить надзор над их работой и подбором земских служащих («третьего» элемента, см. XXI, 228 сл.). Мы уже сказали выше, что введение местного «самоуправления» послужило у нас поводом для усиления власти администрации на местах и утверждения начал централизации. И этому не мало содействовали сами же либеральные идеологи земства (Васильчиков). Стремясь забронировать от бюрократии местную «автономию», они ухватились за ту же «общественную» теорию самоуправления с тем, чтобы таким путем разграничить «противоположные» сферы правительственного и общественного управления и гарантировать по-

следнему свободу и независимость. В действительности же получилось как раз обратное. Земцы оказались в своих учреждениях с правами, но без власти. Хотя формально земское Положение весьма значительно урезало круг ведомства губернатора и губ. властей с передачей так наз. «хозяйственных» функций земству, с сохранением за первыми лишь высшего надзора за деятельностью новых учреждений и права принятия «чрезвычайных мер» в целях охраны общественной «безопасности и спокойствия», но фактически чины местной администрации, являясь монополистами власти в том же самом круге интересов и дел, что и земства, оказались господами положения. В лице всесильного губернатора, вооруженного правом протеста и приостановки не только незаконных, но и «нецелесообразных» постановлений органов земского управления, а в целом ряде случаев и правом утверждения постановлений земск. собраний, правительство сводило к нулю номинальные права органов местного самоуправления, лишенных собственных исполнительных агентов, до крайности тем самым затрудняя и связывая инициативу и конкретную работу земцев. Тяжесть положения последних особенно увеличилась после рокового 1866 г., когда сильно возросли чрезвычайные полномочия губернаторов (пост. 1866, 1876 и 1877 гг.; см. XVII, 299). Являясь одновременно доверителем верховной власти в губернии и органом мин. внутр. дел и, в последнем качестве, объединяя в своих руках полицейскую власть в самом широком смысле этого понятия, губернатор представлял в своей особе главное орудие централизации и внутренней политики высшего правительства на местах, связывая в порядке надзора и подчинения органы местного самоуправления с всемогущим мин. вн. дел, Комитетом министров, Сенатом

и, наконец, Гос. советом. Естественно, что с введением земских учреждений все названные органы гос. власти должны были претерпеть в указанном направлении соответствующие изменения как в своей организации, так и своих полномочиях. Однако, перемены эти не только не внесли ничего существенно нового в самый гос. строй, но имели своим окончательным результатом решительное торжество старого режима над новыми учреждениями.

Такой же характер носила и *реформа судебная*. Резко вклинившаяся в старую систему приказного суда со своими принципами независимости, гласности, состязательности, судом присяжных и мировым и т. п., реформа эта также оказалось чуждым элементом в общем строе полицейского государства. В сравнении с вопиющим бессудием дореформенной эпохи это было одно из наиболее ярких завоеваний либеральной буржуазии, которой, однако, и в данном случае далеко не удалось удержать своих позиций при первом же натиске реакции, не замедлившей и здесь начать приспособление «инородных» начал правовых гарантий к неизбежному основанию самодержавия. «Судебные уставы» 1864 г., в своей решительной тенденции провести отделение суда от управления и обеспечить независимость правосудия, должны были произвести существенную ломку гос. аппарата с его низших и до верхних ступеней, ликвидируя губернские судные установления, устраняя участие полиции и администрации в управлении суда, вводя выборный институт мировой юстиции, как наиболее близкой населению, и безапелляционный «суд совести» по уголовным и политическим делам. В то же время они придавали Сенату характер последней (кассационной) инстанции и вовсе устраняли Гос. совет от его судебных (апелляцион-

ных) функций. Наконец, стремясь за-
 бронировать суд от воздействия пра-
 вительственной власти, «Судебные
 уставы» провозглашали начало несме-
 няемости судей. Однако, прежде чем
 началась ломка только еще вводив-
 шихся новых установлений, действи-
 тельная их постановка оказалась да-
 леко не соответствующей проклами-
 рованным принципам. Во-первых,
 новые суды отнюдь не являлись об-
 щими для страны и всего населения.
 Сохраняя рядом с ними старые суды
 (военный, духовный, коммерческий,
 для «кинородцев» и т. д.), правительство
 в то же время создало особый сослов-
 ный «волостной» суд для крестьян,
 в лице же мирского посредника — ад-
 минист.-судебный орган, в кото-
 ром реставрировалась попечительная
 власть помещика. Подчеркивая вне-
 сословный характер нового суда, ре-
 форматоры в то же время передавали
 мировую юстицию в руки местных
 землевладельцев, т.-е. тех же дворян-
 помещиков, базируя ее главн. обр. на
 земельном цензе, а выбор судей пе-
 редавая в руки земских собраний,
 т.-е. опять же землевладельцам. То
 же следует сказать и о проведении
 принципа отделения суда от админи-
 страции и независимости судебного
 персонала. Выбор кандидатов на су-
 дебные должности, их утверждение
 и повышение по службе оказались и
 на этот раз в руках администрации—
 министра юстиции и даже губерна-
 тора (в контроле списков кандидатов
 в миров. судьи). Следственные же орга-
 ны были подчинены прокуратуре.
 Но этого мало. Для того чтобы па-
 рализовать начало несменяемости,
 министру юстиции уже в 1867 г. ввел
 практику назначения вместо следова-
 телей—чиновников, «исправляющих»
 их должность, что давало ему воз-
 можность свободного их смещения.
 На ряду с этим предание суду долж-
 ностных лиц могло быть осуществлено
 лишь под условием согласия на то их

непосредственного начальства. Если
 же к этому добавить, что новый устав
 и наказ полиции, изданный накануне
 судебной реформы (25 дек. 1861 г.),
 оказался несогласованным с этой по-
 следней, оставляя в руках полиции
 не только следственные, но и судеб-
 ные полномочия, и что такая же не-
 согласованность получилась и в па-
 раллельной деятельности «мировых
 посредников» и органов мировой ю-
 стиции, то не трудно будет представить
 себе, насколько далеки были рефор-
 маторские декларации от их реали-
 зации. Наконец, в отношении «суда
 присяжных», построенного на цензо-
 вом начале, приходится отметить, что
 самое составление очередных списков
 присяжных было предоставлено без-
 апелляционному усмотрению особой
 цензоровской комиссии под председа-
 тельством предводителя дворянства
 в составе лиц по назначению уездно-
 го земского собрания. Самое введе-
 ние новых судов растянулось на 35
 лет, при чем ряд окраин был изъят
 из-под их действия. Таким образом,
 в конечном итоге и новые суды не
 избежали общей участи реформ
 1860-ых гг. «Мертвый хватает живо-
 го», крепостнический режим, построен-
 ный на «незыблемых» основах само-
 державия и безответственной бюрократии,
 наложил свою руку и на это
 завоевание российской буржуазии,
 получившей достаточное обеспечение
 своих имущественных интересов и тем
 легче поступившейся политической
 гарантией. Однако, несмотря на отме-
 ченный факт, все же Судебными уста-
 вами 1864 г. было создано, в принци-
 пе, довольно стройное здание судеб-
 ных установлений: местные мировые
 суды и съезды (по мелким гражд. и
 уголовн. делам) и общие окружные
 суды (с судом присяжных для уго-
 ловных дел), судебные палаты, как
 апелляционная инстанция с некоторой
 «особой компетенцией», и, наконец,
 Сенат—как верховная апелляция и

кассационный орган, *finis et corona justitiae*. Впрочем, уже в первоначальном положении Уставов, вопреки их системе, были введены особые суды по так наз. «государственным преступлениям», с другой стороны—особое присутствие суд. палаты с сословными представителями и верховн. уголовн. суд (где рассматривались также и должностные преступления высшей администрации). Однако, ряд дел, по существу «политических» (покушения на должностных лиц при известных условиях), мог быть представляем на рассмотрение суда присяжных, как, напр., это было с делом В. Засулич, стрелявшей в с.-петерб. градоначальника Ф. Ф. Трепова, незаконно подвергнутого телесному наказанию одного из политических заключенных. Впрочем, этот «недосмотр» в связи с указанным процессом, по настоянию гр. Палена, подвергся отмене, и все подобного рода дела были окончательно изъяты из ведения присяжных с переносом их в судебные палаты с сословными представителями. Но еще ранее, наряду с целым рядом других «исправлений» Уставов, после известного дела «нечанцев» (1871), разбиравшегося в суд. палате с сословными представителями, в виду недовольства приговором суда со стороны правительства, тот же гр. Пален провел закон 1872 г. об изъятии важнейших дел по гос. преступлениям из суд. палат с сословными представителями и передаче их на рассмотрение особого суда Сената с теми же сословн. представителями, дела же менее важные рассматривались впрямь хотя и судебными палатами, но без сосл. представителей (в чисто коронном суде). Меры эти, однако, в виду усиления террористических выступлений революционеров оказались недостаточными, и 9-го авг. 1878 г. последовало высочайшее повеление о передаче большей части подобных

дел военному суду для суждения по законам военного времени. Что касается других перемен и искажений Уставов 1864 г., то они все подсказывались тем же основным противоречием, согласно которому принципы Судебных уставов были несогласимы с общим государственным строем. Борьба с новым судом, поэтому, должна была начаться с первых же шагов его выступления, и прежде всего с судом присяжных, который, по откровенному заявлению представителей высшей бюрократии, «находится в непримиримом противоречии с основными законами государства». Этот «суд улицы», не оправдавший надежд правительства, уже в 1867 г. привел к падению министра юстиции Замятина (*см.*) и его товарища Стояновского (*см.*), допустивших негодные для царского правительства приговоры. Еще характернее было последовавшее по высоч. повелению в 1866 г. удаление с своего поста «несменяемого» председателя с.-петербургск. окружного суда за оправдательный приговор по делу о печати (журнала «Современник»), при чем Александром II незадолго перед тем было выражено изумление и недовольство по поводу того, что он, «государь, не имеет права без суда увольнять судебных чинов от должности». И мы уже видели выше, что мин. юстиции было найдено вскоре простое средство сменять «несменяемых» судебных следователей. Но все же обходить открыто положение о новых судах не всегда представлялось удобным, и поэтому пришлось ступить на путь прямой ломки новых судебных установлений через издание соответствующих новелл. Таковы были постановления о переносе дел о печати из окружн. судов в судебные палаты (1866), об утверждении приговоров суда по делам удельного и дворцового ведомства государем (1866), об ограничении публичности судебн.

заседаний (1872), о «временной» приостановке учреждения советов присяжных поверенных (1874), сохранившей свою силу до 1905 г., и т. д. Таким образом общая несогласованность новых судов с основами государственности должна была не только привести к неизбежной борьбе между ними, но и к неизбежному поражению новой юстиции (см. ниже—*история права в Р.*).

Но нигде это столкновение враждебных друг другу старых и новых начал не обнаружилось в такой резкой форме, как при проведении реформы о печати 6 апр. 1865 г., в основной своей части получившей характерное название закона «о даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» (ср. XXXI, 580 сл.). Опасное слово «свобода» печати не было произнесено, но все перипетии, пережитые новым законом о печати при прохождении его сквозь разного рода комиссии и инстанции, разыгрывались на почве борьбы за основные гарантии «свободы слова». за освобождение печати от цензуры и произвола правительственной власти. Двойная опека, тяготевшая над русским печатным словом со стороны мин. народн. просвещения и мин. внутр. дел, оспаривавших друг у друга лавры по осуществлению уваровского лозунга (1843), — «чтобы, наконец, русская литература прекратилась» — должна была, как при выработке нового закона, так и при проведении его в жизнь, столкнуть вновь оба эти ведомства в лице мин. нар. просв. Головнина (см.) и мин. внутр. дел Валуева (см.), энергично взявших дело реформы в свои руки. Впрочем, победителем в борьбе за дело реформы остался, в конце концов, автор «Думы русского», подобно гр. Уварову бывший либерал, перебросившийся затем в лагерь реакции — П. А. Валуев, идеолог политики «охранитель-

ных начал» и непреклонный гонитель печати. По существу, новые «временные правила» о печати были лишь пристройкой к цензурному уставу 1828 г., и при том пристройкой внешне пригнанной и не вполне согласованной с этим новым, смягченным изданием «чугунного» устава 1826 г. «Правила» о печати явились, по словам И. С. Аксакова (1865), таким же «подобием» свободы печатного слова, как и «подобие правосудия, подобие муниципалитетов, подобие самоуправления, подобие просвещения, подобие науки», установленные предшествующей группой реформ. Единственным намеком на это подобие свободы в новом законе явилась попытка частичной «отмены», при том только для столичной прессы, так наз. предварительной цензуры — с заменой ее цензурой карательной (система «предупреждений» и «приостановок» изданий) или судебной ответственностью альтернативно. Уже времен. правила 1862 г., в целях обуздания пробудившейся было печати, ввели практику административного преследования последней по новой карательной системе, окончательно закрепленной законом 6 апреля. Челобиття представителей печати (редакций журналов и газет и группы литераторов), поданные в комиссию о реформе и настаивавшие на совершенной отмене цензуры и замене ее судом, успеха не имели. В действительности и для столичной печати предварительная цензура сохранилась, но только в скрытой форме, так как цензурному комитету дано было право накладывать арест на издания, свободные от предварительной цензуры, в момент их выхода из печати, обусловленного особым уведомлением цензуры, и до возбуждения судебного преследования. Что касается этого последнего, то после первых же неудачных для правительства процессов против печати подобные попытки окончательно

прекратились, и из двух конкурирующих способов преследования печати решительно восторжествовал административный порядок карательной цензуры. Хотя, согласно «правилам» 9 апреля 1865 г., подтвердившим в данном случае установку закона 1828 г., задачей цензурного ведомства и не было давать литературе то или иное направление, а оно должно было лишь преследовать «вредные» или «опасные» издания, однако, фактически пореформенная цензура в этом отношении вернулась определенно к началам Ц. У. 1826 г. и всем своим карательным аппаратом, келейным давлением и «внушениями» и, наконец, через официозную прессу («Сев. Почта» и др.) старалась оказать самое решительное воздействие на печать, общее управление которой осталось в руках прежних органов, сначала совместно мин. нар. просв. и мин. вн. дел, а затем монопольно в руках последнего. Конечно, этим отнюдь не устранялись всякого рода специальные цензуры — духовная, военная и ряда других ведомств. Судебная гарантия независимости печати также мало вязалась с существующим строем государства, как и несменяемость судей. Правительство в этом отношении отдавало себе ясный отчет, заявляя, что «законодательство о печати имеет значение не само по себе, а только по своей связи с целым строем государственной жизни». Что же касается политических основ этого строя, то он в данном отношении не шел ни на какие уступки и в печати видел особенно опасную силу, грозящую его престижу. Поэтому «Современник» был прав, когда писал, что печать освобождалась «от крепостной цензурной зависимости», согласно правилам 1865 г., «в такой же мере, в какой освобождало крепостных крестьян положение 19 февр.». Но Валуеву мало было и тех средств обуздания печати, которые новый закон

давал в руки власти. Суд, двойная цензура, денежный залог, взимаемый с периодических изданий, арест «предупредительный» — всего этого казалось еще недостаточно. Опыт первых шагов «бесцензурной» печати не удовлетворил правительства. После первых же оправдательных приговоров с судом по делам печати было покончено. Но и карательная система предупреждений за вредное направление, грозившая после третьего предупреждения приостановкой издания, пущенная в ход с первых же дней объявления новой эры («Правила» опубликованы 1 сент., первое предупреждение дано 21 сент., а до конца года еще 4), оказалась недостаточной. Не помогли и замечательные «руководства» о «направлении различных отраслей русск. словесности», выработанные Головинным и Валуевым для цензоров (1862 и 1865) в целях борьбы с проповедью «нигилизма», «порабощением чистого искусства» интересами «современной действительности» и «увлечениями социалистическими эфемерными теориями», которые, несмотря на свою «эфемерность», особенно пугали мин. вн. дел. Неудача карательной кампании на почве нового цензурного устава побудила правительство и в данном случае перейти от обороны к наступлению, т.-е. к принятию целого ряда мер «в развитие» нового закона. Конечно, контр-реформа пошла по пути вытравления из устава 1865 г. последних формальных гарантий «подобия свободы» при безграничном расширении полномочий административных органов. Уже в 1867 г. печатание отчетов о земских собраниях было обусловлено разрешением губернатора, а в 1873 г. была введена практика конфиденциального воспрещения обсуждать в печати те или иные вопросы или даже полемизировать с официозными публицистами. В 1879 г. ген.-губернаторы получили право прио-

становивать и закрывать «вредные» издания, а перед этим, в 1872 г., были введены более строгие правила об аресте и уничтожении «опасных» книг и изданий в момент их выхода. В 1879 г. была установлена дополнительная карательная мера в виде воспрещения печатания объявлений «вредным» изданиям, в придачу к новелле 1868 г. о временном воспрещении розничной продажи подобных изданий. Воспрещено также было приостановленным изданиям, в период приостановки, заменять себя для подписчиков каким-либо другим изданием. Так обстояло дело с печатным словом.

Столь же неудачны оказались преобразовательные шаги и в сфере *народного просвещения*, где также вопрос о «направлении общественного мнения согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства» всегда выдвигался особенно настойчиво. А мы знаем, что «обстоятельства», создавшие в период реформаторских начинаний правительства временный подъем общественного движения, «несбыточных надежд» и дерзких «домогательств» крайних элементов, должны были вызывать всякого рода страхи, а затем и соответствующие мероприятия со стороны того же самого правительства, нашедшего затем — по мере роста радикальной оппозиции — достаточно широкую поддержку в лагере «консерваторов с прогрессом» и в большинстве либеральной буржуазии, поспешившей, в свою очередь, остановить «раскачку», вызванную в обществе историческим сдвигом.

В порядке декларированной серии «свобод» эпохи «великих реформ» не могла быть обойдена, конечно, и проблема народного просвещения в ее целом. Общественное оживление конца 1850-х и начала 1860-х гг. всколыхнуло, как известно, учащуюся университетскую молодежь. Результаты «новой эры», провозглашенной еще

гр. Уваровым и усиленной в ее охранительных тенденциях после 1848 г. новым подъемом политической реакции, к 1850-ым гг. обнаружилось уже в полной мере как в общем упадке русских университетов, с одной стороны, так и в росте недовольства среди учащихся — с другой, недовольства, вылившегося в студенческие волнения 1857—1859 и 1861—1862 гг., повлекшие за собой временное закрытие университетов. Последние события и послужили ближайшим толчком для ускорения академической реформы, повливав в то же время и на самый характер ее. Прелюдией к окончательному преобразованию университетов, вылившемуся в Устав 18 июня 1863 г., послужил целый ряд частных мероприятий 1856—1858 и 1861 гг. (отмена комплекта, восстановление заграничн. командировок, расширение доступа в университет лиц из низших классов и т. п., с временным допущением даже студенческих организаций), а затем, с призывом на пост мин. нар. просв. либерала Головнина (*см.*), началась и разработка общей реформы. Все эти факты вызвали в обществе надежды в смысле насаждения в рус. университетах начал академического самоуправления с свободой преподавания, научного исследования, корпоративной автономией, которые должны были явиться на смену полицейского режима и попечительской опеки по Уставу 1835 г. (*см. университеты*, XLII, 329 сл.). Был выдвинут целый ряд проектов унив. реформы со стороны видных представителей либерального общества (Пирогов, Чичерин, Андреевский, Пыпин и др.), и даже попечитель С. П. Б. округа И. Д. Делянов (*см.*), тогда еще прогрессист, не уступал в этом отношении общему хору голосов, высказавшись даже за допущение женщин в университет. Однако, и на этот раз правительство осталось верно себе. Об академической свободе

в ее истинном, т.-е. буржуазно-либеральном смысле, говорить не приходилось. Университетская «автономия» столь же мало могла ужиться с безответственным режимом самодержавия, как и прочие свободы. В результате и здесь должен был получиться жалкий компромисс, еще одно «временное положение», которому суждено было также вскоре испытать целый ряд поправок и, в конце концов, стать постоянным поводом для революционизирования русских университетов. Характернее всего, что самое восстановление «автономии» послужило в «видах» правительства Александра II одним из орудий борьбы со студенчеством и его стремлениями к корпоративной организации и взаимному общению, суррогатом которого являлись частные «кружки» и «салоны» николаевской эпохи. Унив. устав 1863 г., возвращаясь к началу устава 1804 г., ограничился лишь реставрацией профессорской автономии, в смысле внутри-универ. управления, построенного на выборном начале (ректор, совет, факультеты, унив. суд), от участия в котором, однако, были отстранены так наз. «младшие преподаватели», оказавшиеся пасынками автономного университета. Но и привилегированная часть унив. корпорации не получила свободы преподавания: наука попрежнему была связана со службой, системой экзаменов и обязательными учебн. планами. Сохранился и надзор, и широкая власть попечителя (§ 26), обеспечено было и министерское «вмешательство». Объяснялось это тем, что главная цель правительства заключалась не в реформе самой по себе, а в том, чтобы дарованием автономии профессорской корпорации привлечь эту последнюю на свою сторону в борьбе со студенчеством. Уже врем. правила 31 мая 1861 г. решительно ликвидировали зародыши корпоративного устройства студенчества, незадолго перед тем фактически разре-

шенного начальством. Никаких коллективных прав за студенчеством, как особым «сословием», не было признано и новым унив. уставом, который третирует учащихся как «отдельных посетителей» и не разрешает им никакого действия, носящего на себе характер корпоративный, даже в виде обращения в отдельных случаях через своих депутатов к унив. начальству. Так реагировало правительство на студенческие беспорядки, под знаком которых протекала выработка самой реформы 1863 г. Академическая свобода тут была не при чем. Обеспечить же себе, в лице унив. профессуры, за счет ее авторитета, необходимое орудие воздействия на студенческие массы, было тем более настоятельной задачей для правительства, что самый состав учащихся к этому времени уже начал сильно демократизироваться и «умственный пролетариат» среди университетской молодежи уже в нач. 1870-х гг. составлял от 70 до 78%. Недаром поэтому начало 1860-х гг. отмечено подъемом революционного настроения в рядах «молодой России», на почве которого начинает развиваться затем и массовое революционное движение и возникают первые террористические выступления. Все эти явления, как и польское восстание 1863 г., подготовили вскоре решительное торжество реакции и в данном направлении, особенно ярко отмеченное вступлением гр. Д. Толстого (см.) в 1866 г. в мин. нар. просв. в качестве его главы. Новые студенческие волнения 1869 г. послужили ближайшим поводом для гр. Толстого начать кампанию против «республиканского» устройства университета и «самовластия» советов. С этого и начинается усиление подчинения последних власти попечителя и министра, а одновременно особой комиссии поручается выработка нового устава университета, получившего, однако, верховную санкцию лишь

в 1884 г., хотя ряд мероприятий в отмену Устава 1863 г., заимствованных из толстовского проекта, был частично осуществлен уже «инструкцией» 1879 г. Но дело было, по существу, не в «букве» устава, а в способах его применения. Устав 1863 г. в силу его двойственного характера уже открывал достаточные возможности для правительственного нажима и воздействия на унив. автономию. Толстовский режим, по существу, на практике предварял порядки 1884 г., не посягая формально на унив. конституцию. Бюрократическая опека в этом смысле над рус. университетами уже в полной мере торжествовала свою победу в 1870-х гг. Пирогов был прав, когда предсказывал, что «коренное преобразование наших университетов без разрешения вопроса о свободе мысли и слова невозможно. Автономия и чиновничество не идут вместе».

Но если такова была судьба высшей школы, то еще менее каких-либо существенных перемен можно было ожидать в сфере постановки дела образования среднего и особенно низшего. Конечно, совсем обойти эту область народного просвещения не представлялось никакой возможности. Освобождение крестьян ставило на очередь вопрос о миллионах неграмотного народа, введенного в гражданский оборот. По существу, приходилось создавать целую систему «народной школы», а вместе с тем перестраивать и среднюю школу применительно к новым образовательным задачам, выдвинувшимся в связи с социальной перегруппировкой общественных элементов. Вопросы реформы школы в целом, воспитания молодежи, в частности вопрос об эмансипации женщин становятся в эти дни боевыми «вопросами жизни» и, по почину Н. И. Пирогова, приобретают характер жгучей темы, оживленно и страстно дебатруемой в широких общественных

кругах, в печати и собраниях. Но прежде чем правительство ответит, наконец, на эти острые требования времени своими преобразованиями, возбужденная общественность начнет уже проводить свою реформу. На поприще народообразовательных опытов и проповеди новых начал в деле воспитания новых поколений и ревизии семейного быта выступают такие силы, как Пирогов, К. Ушинский, Л. Толстой, Добролюбов, Стоюнин, бар. Корф и др. Уже в 1857 г. в С.-Петербурге возникает «Педагогич. об-во», а в 1861 г.—первый Комитет грамотности при Вольно-экономическом о-ве, там же (см. XI, 177). Но дело не ограничивается одной разработкой просветительной проблемы. Молодежь и либеральное общество устремляются прежде всего на помощь трудовым массам, и возникает (1859) широкое движение по насаждению так наз. «воскресных школ» (см.). Общественная инициатива, предупреждая правительство, тем самым вызывает последнее на решительные меры «пресечения» опасного вмешательства добровольцев-просветителей в дело, которое бюрократия всегда крепко держала в своих руках. Шеф жандармов кн. Долгоруков поднимает целое дело о революционной пропаганде воскресников-учителей, и уже в 1862 г. по высоч. повелению все воскресные школы закрываются, а процесс, возбужденный по их поводу, кончается рядом грозных приговоров для учащихся и учащихся—от каторги до наказания розгами. Лишь в 1866 г. воскресные школы впервые возрождаются, впрочем при одних лишь духовных семинариях.

Восстановив таким образом свою «монополию», правительство с тем большей решительностью приступило к очередной реформе школы, результатом которой и явились два «Положения» 1864 г. (см. *школьное дело*, L, 135/42). Уже характерная увер-

тура к школьной реформе мин. нар. просв., разыгранная правительством в 1862 г., достаточно красноречиво говорила о том, под каким углом зрения будет проводиться последняя. Основная директива ее была уже намечена в докладе шефа жандармов, полагавшего необходимым «обратить все народные школы в учреждения государственных». Мин. нар. просв. именно и последовало указанным путем, задавшись целью взять в свои руки и под свою опеку все дело «воспитания юношества», которое к тому времени успело уже достаточно ярко демонстрировать свою «неблагонадежность». Под знаком борьбы с учащейся молодежью и началась реформа. 19 ноября 1864 г. последовало утверждение нового устава средней школы. Как реформа университетская, так и эта последняя началась в условиях широкой гласности с рассылкой «проектов» ее даже за границу. Кризис сословной дворянской школы, начавшийся еще при Николае I, под влиянием общего «оскудения» дворянства, уже в значительной мере привел к преобразованию закрытой дореформенной школы в открытую и всеобщую, куда все шире стал открываться доступ различным элементам, особенно детям буржуазии, финансировавшей эту школу. Настоятельная необходимость готовить людей для всех поприщ и для всякой деятельности стимулировала названную тенденцию, хотя при этом и оговаривалось в проекте 1863 г., что в планы правительства вовсе не входило «уничтожение господствующее у нас разделение сословий». Последняя мысль, несомненно, нашла свое отражение в установленном в Уставе 1863 г. разделении гимназий на классические, с двумя древними языками (латин. и греческ.), и реальные, из коих доступ в университет был прегражден; эти реальные школы и предназначались главным образом для лиц «среднего

сословия», т.-е. детей торговцев и промышленников по-преимуществу. При этом, несмотря на то, что гимназии эти, согласно официальному признанию, должны были являться общеобразовательными, однако — по своим программам — они не получили такого характера. Первые из них оказались школой филологической грамматического направления, школой умственной гимнастики, изолирующей учащихся от окружающей жизни, вторые — школой технико-математической узко прикладного типа, в целях того же отвлечения молодежи от опасных «умствований» и «разрушительных теорий». При таких условиях новая школа, по существу, продолжала традиции старой «уваровской» учебы и ее «хранительных» начал. Впрочем, этот старый ее «дух» не столько даже сказывался в ее «программах», сколько в ее полицейско-бюрократической организации, ставившей педагогов в совершенно бесправное и безгласное положение перед директором, неограниченным начальником учащихся и учащихся, обязанных ему «беспрекословным повиновением». Понятно, что в школе с первых же дней ее существования должен был водвориться самый гнетущий режим. Лучшие деятели школы (Пирогов, Ушинский, Водовозов, Вышнеградский) вынуждены были удалиться со своих руководящих постов. Всякое влияние на школу со стороны общества при этом было отстранено.

Судьбы мужской школы должна была разделить и женская, несмотря на то оживление, которое «женский вопрос» вызвал в кругах широкой общественности. Как известно, женские учебные заведения, не найдя себе места в общей школьной системе имп. Екатерины II, с 1796 г. поступили вместе с воспитательными домами и разного рода благотворительными учреждениями под «покровительство» имп. Марии Федоровны, жены Павла,

образовав в 1828 г. особое IV отд. е. и. в. канцелярии и окончательно объединившись в 1854 г. в особое «Ведомство учреждений имп. Марии», для которого в 1860 г. было издано затем и отдельное «Положение». Это ведомство распространило затем свое заведывание и на целый ряд аналогичных заведений, открытых женами имп. Александра I и Николая I. Таким путем создался резко выраженный тип женских учебных заведений — закрытых «институтов», с ярко сословной физиономией (отдельно для дворян и мешан), призванных в атмосфере строгой изоляции в четырех стенах готовить девушек к «тихим семейным добродетелям» в качестве будущих «верных жен и матерей». Правда, и эта полумонастырская, телличная школа в нач. 1860-х гг. подверглась значительному разложению в смысле сословной замкнутости и внутренней изолированности, как школа закрытая. Однако, освежающая струя, ворвавшаяся было в ее стены с введением новых учебных планов, выработанных при участии Ушинского, оказалась настолько скромной, что при всей новизне введенных программ она не смогла вытравить специфический «дух» ведомственных преданий «мариинской» школы, тем более, что либеральные деятели, подготовлявшие ее реформу, были вскоре же заменены настоящими чиновниками определенно реакционной марки, с усердием принявшимися наполнять «новые мехи» преобразованной школы «старым вином» в духе «Наставления» герц. Ольденбургского (1852), полагавшего во главу школьного воспитания «правила благочестия, добродетели и непоколебимой преданности престолу и отечеству».

Как ни мало реформа 1864 г. вносила нового, прогрессивного в дело и жизнь средней школы, однако правительство Александра II не удержалось даже и в этих крайне узких

пределах. Выстрел Каракозова и в данной области вызвал новый резкий реакционный поворот. Компромиссы Головнина не удовлетворяли более, и его министерство пало. Рескрипт 13 мая 1866 г. и назначение Д. Толстого мин. нар. просв., при сохранении им полномочий обер-прокурора Синода, отбрасывали ведомство «просвещения» далеко назад к «голицынским» традициям, хотя и без их мистических гримас. Толстой решительно приступает к немедленной переработке головнинского наследства, заостряя завуалированные в нем реакционные тенденции и послушно идя на поводу официозных публицистов — Каткова и Леонтьева, — требования которых, в форме «мнений» меньшинства Гос. совета, систематически санкционируются Александром II. Объявляется решительная война всяким «умствованиям» и «разрушительным понятиям», и война эта ведется испытанными старыми средствами, путем «притупления умственных способностей» учащихся и утверждения полицейского режима в школе. Либеральный устав 1864 г. заменяется новыми уставами женских (1870) и мужских (1871) гимназий и реальных училищ (1872), при чем на ряду с законодат. актами во втор. полов. 1870-х гг. особенное значение приобретают министерские циркуляры, агитирующие учительский персонал в целях борьбы с «социалистической пропагандой» среди молодежи. Уваровская идея «умственных плотин» возрождается вновь с прежней силой. Во имя ее проводится ряд соответствующих мероприятий: 1) учебные программы подвергаются урезке с их общеобразовательной стороны (история и литература), и главная ставка делается на классицизм. Классическая гимназия превращается в ученую «школу грамоты» и грамматизма, реальные гимназии упраздняются. В 1877 г. семилетний курс гимназии увеличен до

8 лет; 2) усиливается сословное начало, а с ним устанавливается более резкое разделение типов школ. Гимназия предназначается для дворянства, «высших классов»; для среднего сословия устраиваются реальные училища (с 6-летним сокращенным курсом), из которых не только не было доступа в университет, но даже и переход в специальные высшие учебные заведения был затруднен. Это была школа коммерческо-техническая в узком смысле слова.

Завершением этой системы являлась начальная школа, предназначенная для низших «промышленных классов», из которой переход в среднюю школу сделался почти невозможным. В довершение всего в школе вводился режим арестантских рот, с суровой дисциплиной, целым кодексом взысканий, мелочной регламентацией всего поведения учащихся, как классного, так и внеклассного. Особые «классные наставники» из учителей наделяются полицейскими функциями по наблюдению за учениками и для воздействия на их мирозерцание. Разумеется, всякое влияние общества на школу при этом отстранялось, и от родителей требовалось лишь, чтобы они не «противодействовали» в семье «воспитательным» задачам новой школы. Наконец, чтобы выравнять «просветительный» фронт, Толстой пытается прибрать к своим рукам многочисленные учебные заведения других ведомств, объединяя в то же время в своей особе мин. нар. просвещения с духовным ведомством и усиленно покровительствуя церковной школе и православному направлению светской. Однако, маринская школа и военная сохранили и при Толстом свою ведомственную самостоятельность, при чем последняя, с преобразованием прежних кадетских корпусов в военные гимназии (14 мая 1863 г.), при министре Д. Милютине, резко контрастировала

с толстовской по своей программе, общему режиму и подбору лучших педагогических сил своего времени. Впрочем, в 1882 г. это ненормальное положение вещей было решительно ликвидировано, и либеральный дух милютинских заведений с реставрацией корпусов был вырван с корнем (см. X, 662/63). Толстовская система окончательно восторжествовала. Но централизируя в своих руках казенную школу, Толстой обратил свое внимание и на частную и даже не оставил без должного воздействия и сферу домашнего воспитания. Так, в 1868 г. им устанавливается, вместе с отменой запрещения открывать частные учебные заведения, тщательный контроль за этими последними, при чем им навязываются казенные программы и учебники, а их учредители и руководители официально призываются «к содействию видам правительства». Таким образом, под предлогом предоставления якобы полной свободы частным училищам, в действительности правительство на этот раз задалось целью санкционировать стремление общества к созданию собственной школы с тем, чтобы еще более расширить сферу своего влияния на воспитание юношества и семью «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка», как гласил рескрипт 13 мая 1866 г., формулировавший программу толстовского министерства. В том же 1868 г. был издан и закон о домашнем обучении, устанавливавший порядок получения звания домашних наставников и учителей с неизменным указанием, что последние учреждаются «для содействия общим видам правительства в отношении к народному просвещению». Толстовское министерство таким образом запускало свои щупальцы в самые глубины русского общества, стремясь всеми способами поставить

его на службу своей «просветительской политике» и наложить свою цензуру на всю область образования и воспитания молодежи. Завершением этой полицейской системы явилось, наконец, введение нового вида настоящей цензуры для всех книг, употребляемых в учебных заведениях (учебников и библиотек). Параллельно с основной реформой общей школы в том же направлении был проведен ряд аналогичных мероприятий в отношении школы так наз. «инородческой» и окраинной — Польши, Западного и Прибалтийского края (1869—1871). Общая тенденция этих преобразований сводилась к обрусительной политике. Борьба с «национальной» школой велась при открытом признании, что «православное духовенство и русская школа являются вернейшей опорой правительства» и лучшим средством «сближения инородцев с коренным русским народом». Под этим флагом и была проведена полная руссификация польской школы, под свежим впечатлением восстания 1863 г., а также и на других окраинах. Таким путем Толстой вводил национальную школу в систему общегосударственного управления.

По тому же общему руслу было направлено и начальное образование. «Положение о начальных народных училищах» 1864 г. явилось первым актом образования у нас народной школы. Как и следовало ожидать, правительство с особой осторожностью приступило к этой реформе, храня в данном случае завет Шишкова, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру» и что поэтому «обучить грамоте весь народ» было бы опасно и вредно. Положение 1864 г., выработанное при Головине, действительно, не задаваясь широкими целями, превращало народную школу по ее программе в упрощенную «школу грамоты» и ставило

ее, с одной стороны, под ближайшее наблюдение духовенства, с другой — под контроль вновь организованных училищных советов, возглавляемых губернатором, в состав которых входил также и представитель мин. внутр. дел. Эти советы, в большинстве своего состава подобранные из чиновников, призваны были объединять дело начального народного образования на местах, согласуя интересы отдельных ведомств. Правда, открытие и материальное обеспечение народной школы теперь, главным образом, возлагалось на земские учреждения, но управление школьным делом оставалось в руках училищных советов и мин. нар. просвещения. Земство лишь через своих уполномоченных, выбираемых в выше названные советы, получало весьма скромное право участия в организации самой школы. Но несмотря на столь умеренный характер реформы, она все же немедленно по ее введении попала под обстрел реакции, а ее проводником в жизнь явился уже гр. Толстой. Двумя рескриптами (1866 г. и 1873 г.) монарха новому министру были предуказаны основные директивы, долженствовавшие направить школьную политику на утверждение охранительных начал, при чем вторым из них «верное дворянство» призывалось «стать на страже народной школы» с тем, чтобы «бдительным наблюдением на месте» содействовать правительству «к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний». Толстой и приступил решительно к насаждению этих так наз. «истинно-русских народных начал» в народной школе, приняв за образец современную ему реакционную прусскую систему. Главная тенденция толстовских мероприятий сводилась к борьбе с земством за начальную школу. Как ни ограничены были права последнего в данной области, правительство стремилось вырвать из его рук всякую возможность влияния на

народные массы через школу. Не имея достаточных средств для насаждения, согласно министерскому проекту, образцовых казенных школ, мин. нар. просв. не могло просто упразднить «земские» школы и школы, возникшие в 60-х гг. на средства сельских обществ, за которыми уже последовало земство со своей инициативой. Таким образом, сохраняя тип «общественной» народной школы, Толстой решил окончательно прибрать ее к своим рукам. Уже в 1869 г. им учреждается институт инспекторов начальных училищ, которые и становятся неограниченными распорядителями последних. Училищные советы, утратившие теперь свой прежний авторитет, вскоре также меняют свой состав. По новому «Положению» о нач. училищах 1874 г., явившемуся взамен головнинского, уч. советы возглавляются председателями дворянства, в них вводятся, кроме инспекторов, еще и вновь установленные директора народных училищ; роль же губернатора сводится к общему надзору за направлением школьного дела, которое впредь должно было вестись, главным образом, в религиозном духе. При этом компетенция советов оказалась ограниченной хозяйственно-административными вопросами, тогда как учебная часть целиком отошла к инспекторам. Одновременно из советов были изгнаны попечители училищ, учредителям же школ (земству и др.) предоставлялось лишь право приискания кандидатов на учительские должности. С 1875 г. все участие земств в деле строительства начальной школы по новому закону было ограничено лишь отпуском средств, а еще раньше они были совершенно устранены и от подготовки учительского персонала, с каковой целью министерством были учреждены особые казенные питомники, в виде учит. семинарий и институтов. Вместе с тем путем упразднения уездных училищ и введением Положения о го-

род. училищах 1872 г. между школой начальной и средней была вырыта пропасть, затруднявшая доступ низшим классам к дальнейшему образованию. Таким образом, министерство Толстого сделало целый ряд энергичных усилий к тому, чтобы овладеть народной школой. Все эти попытки свелись, однако, к чисто отрицательным мерам, к созданию обширной системы всяческих, преимущественно полицейских, препятствий на пути роста земской школы. Дальнейшие судьбы этой последней тем не менее доказали, что фактически победа осталась все же не за крепостнической реакцией, наиболее ярким отражением которой явилось министерство Толстого.

Но толстовский режим имел и другие, *общеполютические* последствия. Он до крайней степени обострил своей откровенной политикой на культурном фронте оппозиционные и революционные настроения в обществе, особенно после того как завершился цикл «великих» реформ, громкие названия которых, по выражению Щедрина, оказались «псевдонимами», а ожидаемого «увенчания здания» и вовсе не последовало. Героический вызов, брошенный правительству «реформы», оказавшемуся правительством злой реакции, партией «Народной воли», однако лишь на короткий момент заставил было Александра II еще раз пойти на компромисс с общественной оппозицией. Правительство, впрочем, вскоре вновь спохватилось, и дело кончилось так же, как и в начале 1860-ых гг., когда среди общего брожения общественных сил самодержавная бюрократия почувствовала впервые «конституционный» нажим и справа и слева и когда даже в ее собственной среде послышались голоса, предупреждавшие, что «правительству трудно будет постоянно отклонять просьбы о некотором участии общества в делах законодательства» (Валуев). Раздав-

пились тогда со всех сторон заявления о настоятельной потребности созыва то всероссийского «дворянского собрания», то «земского собора», то «земской думы», то, наконец, «собрания выборных от всего народа» или «всей русской земли», вместе с появлением первых прокламаций с открытым требованием «конституции» и угрозой «кровавой революцией», как известно, побудили мин. вн. дел Валуева (в 1863 г.) и в. кн. Константина Николаевича (в 1865 г.) обратиться к царю-освободителю с призывом «стать откровенно на путь прогресса» и, в целях предупреждения дальнейших домогательств общества, пойти ему навстречу, не умаляя, однако, прерогатив самодержавия. При этом и тот и другой выступили с весьма близкими друг к другу проектами псевдо-конституций, согласно которым при Гос. совете предполагалось организовать совещательные съезды так наз. «государственных гласных» из представителей земства, фактически дворянства, с допущением их в лице особых уполномоченных и к участию в общих собраниях Гос. совета. Однако, проекты эти не получили движения, когда правительство успело оправиться после некоторой растерянности. То же самое повторилось и в конце 1870-ых гг., когда новая волна «недовольства» и революционный террор, создав панику в высших сферах, подсказали ему новый «предупредительный» ход путем провозглашения временного перемирия, так наз. «диктатуры сердца» гр. Лорис-Меликова (см.), возглавившего сначала «Верховную распоряд. комиссию», а затем — с ее закрытием — мин. вн. дел. Незадолго до назначения Лорис-Меликова конституционные проекты 1863—1865 гг. вновь выступили на сцену и в середине 1880 г. подверглись обсуждению в особом совещании при государе, при чем опять вопрос был поставлен в той же безнадежной фор-

ме, в смысле необходимости обеспечить «дохождение всей правды до государя, но без малейшего прикосновения к священным правам самодержавия», и, конечно, вновь был провален. Взрыв Зимнего дворца 5 февр. 1880 г., вызвавший обнародование указа 12 февр. с чрезвычайными полномочиями Лорис-Меликову, послужил вместе с тем новым толчком к воскрешению только что брошенной мысли о привлечении «выборных» к участию в работах Гос. совета. Усилив, с одной стороны, меры репрессий в борьбе с крамолью и вредными лжеучениями (казнь Молодцкого), в чем правительство и получило необходимую ему поддержку со стороны «благомыслящей части общества», оно, с другой стороны, поспешило сделать несколько успокоительных, обещающих жестов в сторону последнего в целях разъединения оппозиции. Отставка Д. Толстого, упразднение III отделения (слитого с мин. вн. дел), назначение сенаторских ревизий, заигрывание с представителями печати и т. п. меры, вместе с призывом к обществу за «поддержкой», с намеками на предстоящее «возвращение на путь дальнейшего мирного преуспевания, указанного благими предначертаниями августейшего вождя», были поняты либеральными и умеренными слоями общества как провозглашение возобновления прерванных реформ и предстоящего их завершения. Пошли слухи о готовящемся объявлении конституции. Слухи эти находили некоторое оправдание в факте представления Лорис-Меликовым «Записки» императору, где развивался проект, лишь несколько видоизменявший все те же проекты Валуева и в. кн. Константина, в чем автор его видел «законный исход» из создавшегося напряженного положения. Все дело сводилось и на этот раз к учреждению ряда подготовительных и общей комиссий, в состав

которых входили, на ряду с членами правительственных ведомств, выборные от земств и городов, которым поручалось составление законопроектов в порядке совещательном, для внесения их на рассмотрение Гос. совета. Таким образом, несчастное детище Сперанского — Гос. совет, один из обломков его конституционного проекта 1809 г., привлекался и на этот раз в качестве средства для отвода политических притязаний либерально-демократических элементов русского общества. Но этим жалким проектам не суждено было осуществиться. Государственное здание самодержавной империи в его целом продолжало оставаться во всей своей неприкосновенности. Ничего существенно нового так и не было внесено в положение учреждений государственного аппарата. Учреждение в 1861 г. Совета министров для предварительного рассмотрения в «высочайшем присутствии» всякого рода «предположений к устройству и усовершенствованию разных частей» управления и законодательства и для придания деятельности министров большего единства и солидарности, как бы воскрешая все те же проекты Сперанского, и на этот раз, при сохранении Комитета министров и общего строя государства, ничего нового внести не могло, и Совет министров оказался мертворожденным учреждением, не оказав заметного влияния на преобразования Александра II. В качестве факультативного совещательного органа, состоящего при монархе, Совет, заключения коего не подлежали опубликованию, занял в колеснице высших гос. установлений место какого-то «пятого колеса» без власти, без влияния и почти без дела. Не трудно понять, что проектировавшаяся Лорис-Меликовым пристройка к Гос. совету целой кучи «комиссий» ничего не меняла в общей системе бюрократического гос. аппарата. Все должно было оста-

ваться на своих местах, а главное — никаких обязательств «власть монаршая» на себя и в данном случае принимать не предполагала, как это резко подчеркивал проект «диктатора». Такова была знаменитая конституция Лорис-Меликова, долго остававшаяся секретом правительственных архивов и послужившая основанием для создания легенды о конституционалист-диктаторе, павшем жертвою после-мартовской реакции. Как известно, в своем проекте Лорис-Меликов категорически высказался против «учреждения в Р. народного представительства либо в формах, заимствованных с Запада, либо на началах древне-русских». Признав и те и другие нововведения «несвоевременными и вредными», он прямо апеллировал к «твердой самодержавной воле». В таком виде проект Лорис-Меликова был утвержден Александром II 17 февр. 1881 г. и 4 марта должен был быть заслушан в Совете министров вместе с проектом правительственного сообщения о созыве общей комиссии; но 1 марта император был казнен народолюбцами.

Так закончились конституционные шатания эпохи реформ. На них так же, как и на всех преобразованиях этой поры, лежала та же печать жалкого компромисса, с той лишь разницей, что там, где речь шла о судьбах самого самодержавия, государственная власть оказывалась особенно неподатливой. Нечего и говорить, что подарок, который готовило стране правительство по почину Лорис-Меликова, все равно никакого успокоения в общество, конечно, не внес бы. «Совещательные комиссии» при законосовещательном Гос. совете явились бы новым вызовом оппозиции в момент наивысшего напряжения общественной борьбы. Половинчатость и двойственность политики правительства, «не уяснившего себе своих видов», по выражению Ники-

тенко, и подвигавшегося по пути преобразований характерной поступью «шаг вперед и два назад», вызывала все возрастающее недовольство и озлобление и в массах и среди образованных слоев. Неизбежная развязка, обусловленная всем ходом исторического процесса, произошла 1 марта 1881 г. К судьбам этого так наз. «общественного движения» эпохи Александра II мы теперь и обратимся.

Новая экономика и вызванная ею классовая перегруппировка «эпохи реформ» должны были глубоко отразиться в быту, культуре и идеологии русского общества в его различных слоях. Они привели в движение и столкновение общественные силы страны, возбудили в обществе самые оживленные надежды и аппетиты, привели в резкое противоречие многообразные интересы борющихся социальных групп, вовлеченных в водоворот событий и стремящихся самоопределиться в новых условиях жизненных отношений. Уже с середины 1850-ых гг. сознание неотвратимости близкого переворота проникает в русское общество вплоть до бюрократических верхов. «Просыпающаяся Р.» 1855—1857 гг. заговорила всеми своими головами. По свидетельству Герцена, «русская мысль воспрянула и ожила». Началась «весна» русской общественности в годы исторического «накануне». «Камень от могилы» Николаевской Р. «был отвален». Над до-реформенной империей был произнесен окончательный приговор. Вместе с западником Герценом и славянофилом Самариным, Валуев, будучи мин. вн. дел, в своей «Думе русского» громит «пагубную систему» господствующего государственного строя, где «сверху блеск, снизу — гниль и повсюду царствует всеобщая официальная ложь». Весь уклад дворянско-крепостнической Р. вызывает теперь беспощадную критику. Старая

традиционная идеология господствующего класса рушится в самом своем основании, старому быту объявляется война, начинается ревизия всех установленных ценностей и выработка нового миросозерцания, новой морали, и вновь встает вопрос о правах «личности». Именно бунтом этой личности против устоев колеблющегося здания дворянской, барской, рабовладельческой культуры и начинается идейное движение бросившегося навстречу преобразованиям с полной верою в благие начинания правительства русского общества в лице его интеллигенции. Мы уже знаем, что в рядах этой последней теперь тесно перемешались представители кающегося дворянства с широкой волной разночинной демократии «мыслящего пролетариата». Отречение от старого мира и его позорных привилегий со стороны одних, «детей» его, и отрицание и жажда разрушения этого мира со стороны других, его «пасынков», вылились прежде всего в то отрицательное направление, которое получило затем популярное название «нигилизма». На смену «людей сороковых годов» с их углубленной рефлексией, разлагающей волю к действию, с их идеализмом и отвлеченным гуманизмом, «любившим гуманность, но не живых людей», обломовской психологией «лишних людей», по признанию Герцена, «отважных и смелых только в области мысли», — явились люди 1860-ых гг., «мыслящие реалисты», волевые натуры с жаждой живого дела, чуждые всякому «прекраснодушию», поборники труда и положительного знания, разрушители всяких авторитетов, предрассудков и мистических верований, провозгласившие окончательную эмансипацию личности от гнета и рабства средневекового крепостнического быта и его идеологии. Нигилизм, как последнее порождение разлагающейся феодальной формации, таким образом прокламировал рево-

люцию быта, полный разрыв с культурой прошлого. Одного понимания и обличения глубокой лжи последней ему было мало, он стремился в корне ее изменить. Правда, поднимая борьбу за индивидуализм, он на первых порах был чужд политики. Его первой задачей было разрушение старых кумиров, отжившего разлагающегося бытового уклада с его вековой неправдой. Отсюда вызывающий, боевой тон воинствующего — особенно разночинного — нигилизма, его нарочитый «цинизм» и резвость выступлений, так возмущавшая Герцена при его столкновении с «желчевиками». В последнем случае сказывалось различие «породы»: там, где кающийся дворянин проклинал, с грустью оглядываясь на прошлое, разночинец отрицал начисто, ненавидя это прошлое. С изумительным художественным глазомером и проникновением Тургенев воспроизвел в лице Базарова это новое идеологическое явление, противопоставив новую психологию нигилизма психологии умиряющего дворянства, в то время как Д. Писарев (см.) дал не менее блестящее принципиальное обоснование «базаровщине». Его знаменитый лозунг: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится в дребезги, то хлам: во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» — является классической формулировкой раннего нигилизма с его апофеозом «эгоистической» личности, отвергающей всякие теории, идеалы и заповеди, провозглашающей разрушение эстетики и морали и всех «возвышающих обманов», в которые веровали «отцы» и на место которых теперь утвердились принципы утилитаризма и материализма. Таким путем, в лице Писарева, нигилизм объективировал индивидуалистические тенденции наступающего буржуазного общества, апеллируя к раскрепощению личности,

разумному эгоизму, науке, руководящей роли интеллигенции, как единственного орудия прогресса. Это был момент, когда, по словам Гончарова, «нарождалось трезвое сознание необходимости дела, труда, знания». Кающийся дворянин, превратившийся в разночинца, — Писарев (см.), главным образом, и выступает в роли разрушителя старого паразитного быта, как обличитель «ветхого человека» дворянской культуры, прежде чем ту же «страсть разрушения» неистовый Бакунин перенесет в политику во имя торжества всемирной анархии. Начав с радикальной реформы личности, ее убеждений, верований, морали, семейных традиций, манер, костюма и прически, нигилизм кончил провозглашением «социальной революции», эмансипации поработенных и эксплуатируемых масс. Распря «отцов и детей» выросла, к концу концов, в мировую социальную проблему. Писаревский «нигилизм, — по справедливому свидетельству Кропоткина, — с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только переходным моментом к появлению новых людей, не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших вместе с тем для великого дела» революции, в которую не верил автор «Реалистов», как не верил он и в политическую активность масс, возлагая все свои надежды на культурную миссию интеллигенции, «критически мыслящей личности». Возникшее при таких условиях широкое общественное брожение привело в движение все культурные силы страны, вызывая усиленную творческую работу мысли и обостренную идейную борьбу, и больше и прежде всего в рядах того общественного класса, которому до тех пор принадлежала гегемония на культурном фронте. Поэтому процесс отмирания дворянской культуры, ее исторический декаданс, вместе с тем оказался и моментом ее высшего последнего расцвета.

«Предчувствие смерти своей среды, своего слоя создало — по верному заключению Е. Соловьева — всю мудрость и красоту нашей барской литературы». И действительно, целая блестящая плеяда первоклассных художников слова, публицистов, философов, революционеров выдвинулась в 1860 — 1870 гг. из рядов умирающего сословия, выступив одновременно и с торжественным «реквиемом» в память уходящего мира и с не менее торжественным «*morituri te salutant*» во имя «мира» нового. Достаточно напомнить наиболее яркие манифестации кающегося дворянства и назвать великие имена его представителей. Знаменитый адрес тверского дворянства 1862 г., где последнее отрекалось от «неправедного порядка вещей» и своих «позорных преимуществ», «считая кровным грехом жить... на счет других сословий», может считаться манифестом кающегося дворянства. И в том же стиле раздаются голоса отцов и законоположников русского народничества, создавших целую теорию о «долге» интеллигенции народу и расплате с ним за грехи предков, звавших эту интеллигенцию покаяться перед мужиком и слиться с ним в единой трудовой жизни ради его окончательного освобождения. Таковы были блестящие пропагандисты: А. И. Герцен (см.) с его призывным «Колоколом», первый бросивший исторический покаянный лозунг: «в народ, в народ» во имя «земли и воли» (1861), или П. Л. Лавров (см.), автор «Исторических писем», творец теории «критически мыслящей личности», призванной, по его словам, «выкупить» путем освобождения страждущего большинства народа «кровавую цену своего развития», или, наконец, Н. К. Михайловский (см.), создатель знаменитой «формулы прогресса» на основе «двуединой» правды (правды-истины и правды-справедливости), введенной путем «субъективного мето-

да» и вылившейся в законченную доктрину «кающегося дворянина», самое наименование которого и было пушено в обращение автором «Вперемежку» (1876 — 1877). Так от Писарева до Михайловского совершила полный круг своего развития эта интеллигентская теория с культом критически мыслящей личности, поставленной в центре народнической идеологии ее основоположниками, которые, однако, сами, в качестве теоретиков радикальной мысли, остались далеки от революционного действия. По существу не будучи призваны к нему, они, в конце концов, и отошли в сторону от революционного пути, утратив на закате своей жизни свою «веру» и свои позиции «властителей дум» и «вождей» молодой Р. Рядом с ними резко выделяются на ярком фоне эпохи броские фигуры двух великих анархистов, двух кающихся «бунтарей». Один — это энтузиаст разрушения и международного заговора — М. А. Бакунин (см.), метавшийся по всей Европе в погоне за мировой революцией и вдохновлявший на героический поход в деревню наших «активных народников», «бакунистов» 1870-ых гг., которые в качестве «коллективного Пугачева» должны были зажечь пожар народной «мужичьей революции»; другой — Л. Толстой (см.), объявивший свой «непротивленский» бойкот всему миру ради спасения человека личным подвигом внутренней моральной революции, путем отказа от «великого греха» исторической цивилизации и через «опрошение» в общей трудовой жизни с народом. В конце этих двух апостолов, провозгласивших анафему старому миру, движение кающегося дворянства достигло своих полярных вершин, а вместе с тем сказало и свое последнее слово.

Параллельно ему и вперемежку с ним шло другое течение, почерпавшее свои силы из иного, свежего

источника, из недр демократических низов разночинной массы, выдвинувшей из своей среды на смену «детям декабристов» новых людей, на которых из герценовского и тургеневского лагеря смотрели не без аристократического пренебрежения, как на «дантистов нигилизма и базаровскую беспардонную вольницу». В качестве вождей этого нового течения, вскоре отеснивших на второй план «последних из могикан» отцветавшего барского радикализма, выступили Н. Г. Чернышевский (см.) и Н. А. Добролюбов (см.). Правда, Чернышевский, воспитавшийся смолоду под двойким влиянием — помещичьей среды, проникнутой настроениями «угрызения совести», и разночинного нигилизма — сначала заметил было себе «путь Герцена»; но вскоре пути их разошлись, и «московский барин», как и все его сверстники и единомышленники, попал под обстрел «Свистка» и обличительной критики «Современника», окончательно похоронивших «лишних людей», «страшно отставших» от своего времени. Однако, несмотря на неизбежность столкновения этих двух классовых психологий и ориентаций, и то и другое течение шло, то встречаясь, то расходясь, в одном русле — широкой народнической идеологии и такого же движения. При этом и тех и других объединяло общее чувство уязвленной совести за судьбы «разутых и раздетых людей», идея «уплаты за прогресс» тому народу, за счет которого интеллигенция получила возможность подняться на высоту «критически мыслящих личностей». При таких условиях для данного периода является возможность говорить не только о каком-то дворянине, но и о каком-то разночинце, хотя социально-психологические предпосылки пока являлись в том и другом случае были глубоко различны. То же следует сказать и об идейных источниках *народничества*, по существу также

общих для тех и других. Мы уже знаем, что «выход из абстракции» идеалистических построений мира и переход от «резиньяции» к «негации», через левое гегельянство и утопический социализм, совершились еще в 1840-х гг. Дворянско-разночинная интеллигенция (уже в лице петрашевцев), говоря словами Н. Огарева, жаждала «поступка», искала выхода от «праздного слова» к конкретному делу и, порывая с метафизической схоластикой, спешила опереться на реальное знание. Материализм Л. Фейербаха и величайшие завоевания естествознания под знаком дарвинизма явились теперь для нее новым евангелием. Переоценка ценностей закончилась; основная директива сознанию была дана, дело было за поступками, и вопрос «что делать?» был поставлен ребром. Но ответ был уже предрешен всей совокупностью объективных условий переживаемого исторического момента. Страна была накануне великих событий, в центре всеобщего внимания встал крестьянский вопрос, а с ним на первый план выдвигалась «загадка сфинкса», как назвал Тургенев русского мужика, устами Герцена провозглашенного «героем дня» и «человеком будущего». Многомиллионная масса земледельческого населения, естественно заслоняла в глазах интеллигенции всю остальную страну с ее меняющейся экономикой, поскольку уже и в то время более чуткие наблюдатели обращали свое внимание на сторону нарождающегося промышленного пролетариата и успехов русского капитализма, тем более, что результаты хозяйственного переворота стали выясняться более или менее четко лишь в 1890-ых гг., когда контрверза «русского капитализма» получила, наконец, свое разрешение. Народническая идеология с ее верой в «особый путь» развития Р., не в пример Западу, минуя капиталистическую стадию, с ее пере-

оценкой архаического пережитка — крестьянской общины, в которой мелко-буржуазные идеологи народничества видели готовую основную ячейку грядущего социалистического строя, с одной стороны, и «благодетельный принцип...», который ограждает нас от страшной язвы пролетариата» — с другой, находила, таким образом, известное оправдание в фактах действительности эпохи реформ. Не мало содействовала расцвету этой утопии и та пропасть, которая отделяла образованные классы, особенно дворянство, от народа и его быта и благодаря которой этот народ оказывался «прекрасным незнакомцем» для большинства интеллигенции. Этим обстоятельством и объяснялась широкая идеализация крестьянского «мира» и народного «духа», а также и самая установка отношений интеллигенции к народным «идеалам», на место которых каждая общественная группа подставляла свои собственные *desiderata*, поскольку свои интересы она тесно связывала с судьбами народа, у которого одни хотели учиться его «высшей правде» и который другие — напротив — хотели «учить», «просвещать», чтобы раскрыть его «темную» сознанию скрытый для него самого высший смысл примитивного уклада его жизни, расцениваемого как наше счастливое и великое «преимущество». Поскольку, наконец, народническая интеллигенция делала ставку на мужика, которого она замыкала в общем недифференцированном понятии «народ», она и свою тактику строила на тех же предпосылках. Ее боевой лозунг «в народ» с призывом «умереть» за общину и крестьянский мир во имя ближайшей (для бакунистов, бунтарей) или более или менее отдаленной (для «лавристов», пропагандистов) социальной революции базировался на очевидных фактах крестьянских волнений, вспыхнувших на другой день после осво-

бождения, в которых она и видела начало подлинной народной революции, воскресавшей традиции Разина и Пугачева. Однако, приходится признать, что призыв этот был проникнут тем же утопизмом, как и вся теория активного народничества, и в данном случае переоценившая революционную стихию деревни. Тактика революционного народничества 1860-1870-ых гг. оказалась, по существу, попыткой практического приложения принципов утопического социализма в условиях российской действительности, созданной переходным периодом эпохи реформ. Народникам, даже в лице Чернышевского, так и не удалось отрешиться от того философского рационализма, который не позволил им преодолеть «антропологизм» Фейербаха и доработаться до материалистической социологии, как ни были некоторые из них близки к доктрине научного социализма, благодаря ли непосредственному знакомству с учением К. Маркса (Лавров, Бакунин), или самостоятельной работе мысли (Чернышевский). В последнем счете здесь же находит свое оправдание и то усиленное выдвигание роли личности, интеллигенции в историческом процессе, согласно народнической теории, той критической мыслящей личности, на которую возлагалась высокая миссия «разложения масс мыслью», говоря словами умеренного левого гегельянца Т. Н. Грановского (*см.*), к которому с достаточным основанием может быть возведена своими истоками и столь популярная в 1860 — 1870-х гг. теория «Исторических писем» Лаврова. Таким образом, не разгадав тайны исторического процесса, создав себе идеологический фетиш из отвлеченного понятия «народ», «сфинкса-мужика», народники 1860 — 1870-х гг., поскольку в их рядах в конце концов возобладала разночинная мелкобуржуазная струя и боевое настроение, роковым обра-

зом должны были подготовить свою собственную катастрофу, проиграв ставку на крестьянскую революцию.

Но поражение революционного народничества, подготовившее затем крах его идеологии, было обусловлено вместе с тем и состоянием общественного «тыла». Если в первый момент «весеннего» подъема в общем приветственном хоре, обращенном к правительству по поводу его освободительных посулов, слились воедино голоса всех заинтересованных в судьбах новой Р. и недовольных отжившим уже режимом, начиная наиболее умеренными, консервативными элементами русской общественности (славянофилы, Катков и т. п.), включительно до фрондирующей бюрократии, близких двору салонов (в. кн. Елены Павловны), и кончая Герценом, Бакуниним и Чернышевским, то после того как «раздел добычи» совершился и характер реформаторства определился окончательно, временная непроизвольная коалиция распалась, и началась группировка «направлений». Вопрос, поставленный М. Катковым уже в 1862 г., «к какой мы принадлежим партии», встал как общий очередной вопрос для всех и каждого. Группировка эта обозначалась и отчасти была уже подготовлена еще в николаевскую эпоху, но прежние деления на «западников» и «славянофилов» теперь оказались уж слишком общими и отвлеченными. Злободневный, практический характер, какой реформы сообщили теперь недавним кружковым спорам, в условиях далеко не определившегося еще в своих конечных результатах процесса перестройки общественных сил, придавал значительную пестроту разноголосице сталкивающихся течений и «программных» высказываний, способствуя в то же время текучести, неустойчивости и иногда поразительной трансформации «миросозерцаний» на протяжении одного-двух десятиле-

тий. О партиях пока еще, поэтому, говорить не приходится, но можно уже различить отдельные направления, оформляющие ее тенденции. Так, на ряду с радикальным и революционным народничеством прежде всего приходится отметить либерально-демократическое течение буржуазного конституционализма, проходящего через весь период александровского правления тремя последовательными вспышками: в момент проведения первой крестьянской реформы (1859—1861), в виде кампании дворянских кадров; затем во время подготовки и введения земской реформы (1862—1865), когда конституционное движение перемещается из дворянских собраний в земские учреждения; и, наконец, в эпоху «диктатуры сердца» и ближайшие предшествующие годы, когда вопрос о «политической» борьбе получает особую остроту (конец 1870-х гг.). Оставляя в стороне олигархические замыслы безобразовской группы реакционного дворянства, легальный конституционализм 1860—1870-х гг. оказался в достаточной степени робким, просительным, с одной стороны, и весьма неопределенным — с другой, не выходя за пределы самых общих заявлений на счет «увенчания здания». Не было выработано соответствующих проектов, не было произнесено даже самое «страшное» слово. Далее общего заявления о необходимости собрания выборных от всего народа без различия сословий дело не шло. На всем движении лежит печать нерешительности и боязливая оглядка на революцию. Либералы-конституционалисты при этом решительно сторонились движения слева. Попытка группы «Великорусс» путем выпуска подпольных прокламаций (1861) объединить все либеральные элементы «просвещенных людей» для оказания давления на правительство в целях завоевания «истинно-конституционной монархии», для чего ею

предлагалась подача государю адреса, составленного в самом умеренном духе, и организация тайных комитетов пропаганды, как известно, успеха не имела. Таким образом почин блока с либералами, исходивший со стороны кружка «Современника», ставившего вопрос в плоскость альтернативы — реформа или революция, последними не был поддержан. Рука, протянутая из лагеря радикалов, повисла в воздухе. Одинокая попытка Н. Серно-Соловьевича (см.) подать Александру II изготовленный им «проект уложения», т.-е. конституции, написанный в умеренно-либеральном стиле (с сохранением сословий), им осуществлена не была. Неудивительно, что при таких условиях ни в одном из политических процессов данного периода не обнаружилось никаких связей между революционными организациями и «просвещенными людьми». Нарождающаяся дворянская и городская буржуазия, не чувствуя за собой реальной силы, а затем запуганная «красным» призраком социализма и революции, легко покидала свои оппозиционные позиции и спешила протянуть свою руку самодержавию. Совет Герцена, высказанный в ответ на обращение «Великорусса», что прогрессивному «меньшинству ... при его бессилии» нужно «соединиться с народом», менее всего был приемлем для либералов. Последние до конца остались верны себе, и в этом отношении весьма характерным является обращение «25 имениных граждан», столичной интеллигенции Москвы, к Лорис-Меликову с ходатайством о созвании «независимого собрания из представителей земель» для «участия в управлении наций». Земский конституционализм, сторонившийся пока всякой конспирации, являлся крайним выражением данного течения, и лишь в самом конце 1870-х гг. в земской среде обнаруживаются первые завязи слагающейся нелегальной организации, так наз.

«Земского союза», зародившегося на киевском съезде конституционалистов 1878 г., которые тогда же пытались вступить в переговоры через Михайловского с революционерами, хотя и безрезультатно. Но и эта вполне легальная оппозиция оказалась в решительном меньшинстве в стане оформлявшейся буржуазии. Ее большинство пошло, по выражению одного из ее идеологов, путем «преобразовательно-охранительным» (А. Градовский, см.), образовав партию «консерваторов с прогрессом», поставивших своей задачей, в качестве «правительственной партии русских либералов», как она себя квалифицировала, «охрану реформ», которые она объявила законченными и вполне отвечающими интересам общества и государства. Партия эта втянула в свои ряды крупнейших представителей науки и общественности своего времени, сблизив на этот раз, особенно в области практической политики, недавних еще антагонистов и, казалось, таких непримиримых противников, как бывшие «западники» и «славянофилы». В процессе взаимного трения, как уже было отмечено выше, между этими двумя основными течениями мысли произошла своеобразная идейная диффузия, и, сталкиваясь, враги становились друзьями. Уже в лице Герцена, отца русского народничества, мы констатируем наличие идеологического синтеза, в котором оригинально сочетались и «шуйца» и «десница» двуединой дворянской философии. И это возможно сказать одинаково как о «народничестве» в самых его радикальных конструкциях (община, особый путь Р. и социализм), так и о представителях охранительно-либерального направления, к числу которых приходится отнести как К. Кавелина (см.), наполовину западника, наполовину славянофила, так и А. Градовского (см.) и Б. Чичерина (см.), несмотря на «принципиальную»

оппозицию последнего славянофилам, и, наконец, последышей славянофильства, как И. Аксаков (см.) и А. Кошелев (см.). Расходясь по целому ряду отдельных вопросов в маскировке своих классовых тенденций, они — с известными вариациями — поддерживали по существу одну программу, били по общему врагу и солидаризировались с общими союзниками. Все они принадлежали к одному и тому же слою среднего поместного дворянства, той дворянской буржуазии, которая, в качестве руководящей группы землевладельческого класса, учитывала все выгоды хозяйственного прогресса с превращением новой Р. в «мировую житницу», с ее все возрастающим хлебным экспортом. Но, приветствуя рост аграрного капитализма, они в то же время со страхом и явной неприязнью смотрели на развитие промышленного капитализма и на развитие среднего сословия, с его неминуемой угрозой «пролетариата», социализма и революции, сулившей неминуемую гибель их отмиравшего сословного верховенства. Приемля капитализм, но без его последствий, буржуазное равноправие, но с сохранением (de facto) «исторических позиций» дворянства, они одной ногой ступали на путь прогресса, тогда как другой старались удержаться на ускользавшей из-под них почве дореформенных феодальных традиций. Отсюда непримиримые противоречия их дуалистической идеологии, утопические чаяния, прославление реформ и бешеная атака против «уличного либерализма», демократии и «всяких измов» и отчаянные усилия остановить дальнейшее движение вперед, законсервировать status quo, положить предел «мечтательным нововведениям». Идеологи переходной эпохи и отмирающего сословия, они все обречены были завершить свою историческую карьеру тяжелым разочарованием в своих кумирах и надеждах, но сдать свои

позиции без боя они не могли. Последним обстоятельством и объясняется, почему и Градовский, и Кавелин, и Чичерин, являясь принципиальными противниками внесения политики в науку, оказались горячими публицистами, нередко обращавшими университет. кафедру в трибуну для проповеди своих партийных взглядов. О публицистической агитации И. Аксакова и Кошелева нечего и говорить. Всех этих «консерваторов с прогрессом» объединяла прежде всего защита реформ от всякого их дальнейшего распространения. Поэтому они спешили поставить решительную «меру и границу» какой-либо попытке возможного их «извращения» в духе западно-европейского оппозиционно-радикального «либерализма», выдвигая те стороны преобразований, которые открывали для них возможность «освежить союз царя с народом» посредством превращения дворянства в правительствующий землевладельческий класс, поставленный «во главе народа», согласно формуле Градовского: «общины и владельцы, слитые тесно в общий земский строй, и особа великого земского царя!». С редким единодушием, во имя поставленной цели, повели эти горячие «патриоты» нового отечества ожесточенную атаку против «лжелиберальной» и, особенно, радикальной интеллигенции, зараженной западными теориями и революционным духом. Поход этот превратился в настоящую травлю как заграничных эмигрантских кругов, во главе с Герценом, так и «доморожденных» врагов «русского народа и государства». Чичерин выпускает даже целые книги, где ведет беспощадную войну против «буйного разгула мысли, умственного и литературного казачества», объявляя, что злоба дня состоит в борьбе с социализмом. И в этой борьбе союзники не знают никакой сдержки и границы. По мере того как разгоралось революционное дви-

жение и грозный призрак социальной революции наводил панику на «лучших, достойнейших представителей народа», как называли сами себя «истинные либералы», их озлобление переходило в дикую ненависть, которая ставила их в ряды самых злостных реакционеров (Каткова и К^о). «Бешеные собаки», «отребье», «обноски Европы», «гадины» — таковы эпитеты, расточаемые ими по адресу «нигилистов», «социалистов», «террористов» и всей русской интеллигенции, обвиняемой в «духовной измене» русскому народу и национальным основам русского государства. Отсюда дружный призыв к сильной, «твердой» власти, «честной и грозной», как во времена опричнины, власти, на которую возлагается миссия очистить «русскую землю» от «позорного гнета тайных злодеев и всяческих крамольников и истребить извергов». В этой безудержной травле Чичерин оспаривает лавры у И. Аксакова, Аксаков — у Каткова. Угроза самым основам буржуазного строя заставляет идеологов его выступить на его защиту во всеоружии буржуазной науки и ее исторической критики. Градовский и в особенности Чичерин выступают на защиту национального государства, собственности и религии, как «краеугольных начал общежития». Последний дает при этом «уничтожающую» критику системы К. Маркса и социалистической доктрины вообще. Аксаков и Кошелев обосновывают те же положения преимущественно с историко-бытовой точки зрения и вместе с тем с редким согласием развивают практическую программу своего «сегодня». Таким образом, параллельно ниспровержению позиций противника ведется и обоснование «положительного» идеала сторонников «охранительно-преобразовательной» политики. В центре всех этих построений, конечно, и здесь стоит «мужик», как главный герой того «мужицкого царства»,

каким, естественно, представляется Р. защитникам дворянского землевладения, и они спешат, в свою очередь, утвердить свой главный тезис, что «так наз. крестьянское дело есть в то же время дворянское дело», что «в русской общественной жизни» искони действовали «два начала — община крестьянская, начало коллективное, и начало личное, с формой личного землевладения», т.-е. дворянство. Правда, авторам приходится оговориться, что за последнее время начал развиваться на «святой Руси» промышленный капитализм, городская буржуазия, обслуживаемая профессиональной интеллигенцией разночинной масти, что земли стали переходить в руки «кулаков» и капиталистов и «капитал как бы готовится возобладать и в нашей жизни», подобно Западу, но пока доктринеры дворянского землевладения предпочитают отмахнуться от неприятной конкурента ссылками на «особый путь» развития русского народа, который имеет прочную гарантию от заразы «европейской буржуазии» и опасного «пролетариата» в крепком быту крестьянской общины. Оглядываясь с беспокоейной неприязнью на «чужакого» и с пренебрежением третируя молодую городскую буржуазию как грубую, невежественную силу, которая «лезет вперед» и жадно тянется к «влиятельному положению», идеологи обновленного дворянства решительно отказывают ей в признании ее политической силы. Поэтому они ставят ее в подчиненное положение «высшему классу», единственно достойному править русской землей, т.-е. организованному на новых началах «союзу» земледельцев-дворян. Они даже прямо высказывают мысль, что их призвание — заменить отсутствующее в Р. «среднее сословие». На этом основании и воздвигается новая теория «местного самоуправления», как основы самодержавной империи, главная задача

которого, как ее формулирует Кавелин, «управлять народом посредством высшего класса», так как власть в государстве всегда должна принадлежать «не толпе, а образованнейшему и зажиточному сословию». Консерваторы с прогрессом так же, как и народники, делают ставку на мужика и его общину и в ней видят «наше спасение», поскольку ее еще не коснулась зараза «европейского прогресса» и она сохранила в неприкосновенности свой истинно-русский быт и дух. Но только в их глазах это был не тот быт (социалистический) и не тот дух (революции), в который верили народники, а крепкий дух «косности» и «консерватизма», на который возлагали все свои упования эти народники наизнанку.

Крестьянская реформа 19 февр. и Земское положение 1864 г., с их сословным обособлением крестьянского мира и гарантированным господством дворянского землевладения в «местном» так наз. самоуправлении, и послужили прочной базой для последней организованной попытки дворянской буржуазии и бывших помещиков нащупать под своими ногами новую опору не только для сохранения своего прежнего положения, но и для расширения и пополнения своих прав и реальной власти. Поэтому они и заговорили о новом назначении, которое должно было получить теперь, при изменившихся условиях, старое сословие «господ», призванное вновь встать «впереди и выше всех». Всячески затушевывая противоречия классовых интересов и настаивая на прочной «гармонии сельского быта», якобы господствующей в отношениях между помещиками и их бывшими крепостными, идеологи пореформенной деревенской Аркадии, однако, высказались категорически против «слияния» крестьянской массы и землевладельцев в единое всесословное местное общество. Со всей настойчи-

востью они отстаивали полную обособленность крестьянского мира от дворянского «состояния» как личных землевладельцев, при чем одни (Чичерин, Кавелин) считали необходимым сохранить и сословную организацию дворянства; другие же (Аксаков, Кошелев, Градовский) призывали свою братию к великому подвигу — отказаться от своих «пустых» привилегий, «лоскутьев нашего барского халата», в каковые, по их справедливому мнению, после отмены главной привилегии дворянства («перла» дворянской грамоты) — крепостного права, превратились его сословные прерогативы. Взамен «сословной» организации теперь выступила новая (цензовая) организация землевладельцев, которая и возглавила собой, согласно Земскому положению, местное самоуправление, реставрируя de facto прежнюю власть дворянства на местах. С ничем не стесняемой откровенностью защитники интересов нового «реставрированного» дворянства «открывают свои карты». Новая «гармония» интересов строится ими на принципе полного подчинения «святой скотинки», запертой в ее мирском, общинном быту, власти и опеке «лучших людей», т.-е. землевладельцев, которые призваны руководить темной массой русского народа и «обуздывать своеволие» мужика, который, несмотря на то, что наши идеологи нового «земского строя» старались установить глубоко «охранительный», консервативный дух «крепкого уклада» крестьянского мира, представлялся им все же не вполне благонадежным. Охранять этот дух и должно новое дворянство в качестве самостоятельной и сильной власти на местах, которой и должно быть вверено управление кораблем пореформенной Р., в коем народ призван, в качестве «пассивного» начала, играть роль «балласта», так как он ни в какой мере не способен управ-

лать страной. И не только в земстве дворянству должна принадлежать руководящая роль, то же влияние ему должно быть обеспечено и в городах, чтобы оно могло и здесь «предохранить русское общество от растлевающего духа западной буржуазии» и влияния того особого класса людей так наз. «либеральных профессий, который открыто объявляет войну всякому историческому преданию... и людям, повинным, благодаря злему року, в дворянском происхождении». Провозглашая так. обр. новую «дворянскую эру», либерально-охранительная партия в виде заключительного аккорда провозгласила теорию «русского правового порядка» (Градовский), которая, отвергая, как «великую ложь», западно-европейский конституционализм, высказывалась за «честное самодержавие» (Чичерин) при полном подчинении народа интересам и власти дворянской аграрной буржуазии, объявлявшей себя выразительницей не только истинно-русских, но даже и «всеславянских» народных начал. Во имя этих последних она вместе с тем громко прокламировала свои симпатии к балканским «братушкам», под видом освобождения которых из-под турецкого ига она мечтала стать господином в Царьграде и открыть свободный выход русскому хлебу на мировые рынки. Такова была эта последняя утопия русско-дворянства.

С тревогой оглядываясь на грядущий капитализм с его «страшилищем социализма» и на беспокойные движения крестьянского «мира», дворянство не без основания полагало, что для него «не столько страшен Мирабо, сколько страшен Емелька Пугачев». Вот почему пореформенное дворянство, с одной стороны, апеллируя к «сильной власти» стремилось обуздать того «homo novus», который бросил решительный вызов именно дворянской Р., ее культуре и госу-

дарству, с другой — напрягало все усилия, чтобы законсервировать в неподвижном быту принудительной общины крестьянские массы, в недрах которых уже шла опустошительная работа на почве новой экономики. При всем различии во взглядах на прошлое и будущее крестьянской общины славянофилов (Аксакова и Кошелева) и Чичерина, последняя в их расчетах одинаково рассматривалась как орудие утверждения политической власти дворянства при новой исторической конъюнктуре. Таково было истинное значение формулы: община, дворянское землевладение и самодержавие, провозглашенной либералами-охранителями на той компромиссной позиции между крепостнической и буржуазной империей, которую они заняли в переходный период эпохи реформ и откуда не так далеко было уже перебраться, особенно с момента обострения революционной борьбы, достигшей кульминационного своего пункта 1 марта, в стан открытой реакции. Не случайно поэтому наиболее яркими представителями последней оказались как раз такие англоманствующие «консерваторы с прогрессом», как знаменитый вождь и вдохновитель реакции 1880-ых гг. М. Катков (см.), или такие эпигоны славянофильства, как Н. Данилевский (см.), К. Леонтьев (см.) или так наз. «почвенники» «Времени», «Эпохи» и «Зари». Начав с панегирика англичанам за их искусство делать реформы без революций и объявив свободу «началом консервативным», уже в 1861 г. Катков, при первых же зарницах радикально-оппозиционного движения, выступил в поход против «нигилистов» и главы эмиграции Герцена, провозгласив вместе с тем «польскую интригу» главным источником русской революции. Выкинув знамя русского национализма, издатель «Московских Ведомостей», в конце концов, становится

идеологом дворянской реакции, правительственных репрессий, направленных против либеральной и революционной интеллигенции (после 1866 г.), а затем и гонителем реформ 60-х гг. В конце 1870-ых гг. он окончательно уже порывает с своими прежними воззрениями и главной своей миссией избирает травлю либералов, «легальных служителей крамолы» и «панургова стада» интеллигенции. Заняв наблюдательный пост добровольного жандарма, он смело диктует свою программу реставрации старого режима правительству Д. Толстого, пока, наконец, не раздастся его победоносный оклик в 1884 г.: «встаньте, господа, правительство идет!». На пушкинских празднествах 1880 г. Катков демонстративным поцелуем с И. Аксаковым запечатлел свой наступательный союз с последними славянофилами против пореформенной Р. Реакция вступает в свои права, и воинствующий национализм, в лице Данилевского и Леонтьева, открыто и с редким цинизмом провозглашает эру «ретроградных реформ». «Пора учиться делать реакцию» — заявляет Леонтьев. В результате острой схватки между революционерами и охранителями истинно-русских основ последние воздвигают целую философско-политическую доктрину русского национализма, так наз. теорию «культурно-исторических типов», получившую свое обоснование в книге Данилевского «Россия и Европа» и «пророчествах» Леонтьева. Р. и Европа объявляются двумя чуждыми и враждебными друг другу культурами в истории человечества, при чем последняя находится уже в процессе своего полного разложения под знаком индустриализма, буржуазии и «пожирающего рабочего вопроса». Катастрофический «закат Европы» есть роковой результат торжества ее «гуманитарного либерально-эгалитарного прогресса» с его обманами конституционализма, социализма, про-

поведью свободы и равенства, материального благоденствия и «грубо-невежественной рабочей республики». Эта Европа с ее «страшными социальными вопросами» и социальными реформами и революциями, «самообманом демократии» и «утилитарного прогресса» успела заразить своим тлетворным влиянием русскую интеллигенцию, в лице «дворянского пролетариата» и «семинаристов-недоучек», и, оторвав ее от исторических «народных начал», создала угрозу для нашего национального развития. Правда, счастье Р. заключается в том, что сам народ — в образе мужика — еще уцелел от западной заразы. «Европейщина» развратило лишь поверхностный слой образованного класса, «дичок»-народ продолжает свято хранить «национально-исторические русские основы» своего «культурного типа», сложившегося на почве «византизма», «восточных» начал самодержавия, православия и «духа смирения». Идеологи реакции особенно подчеркивают последнюю добродетель русского народа, его дар повиновения и глубокий консерватизм, который, с одной стороны, сказался в том, что народ этот никогда не искал власти, сознавая свою неспособность к «общему управлению», и с другой — в том, что он не знал «политич. революций», т. е. революций, направленных против царя и самодержавия. Оплотом этих свойств русского народа являлся «охранительный консерватизм» его религии, сказавшийся даже в его религиозных шатаниях (раскол), и поземельная община — оплот священной собственности и твердого «смирного» быта, не имеющего ничего общего с социализмом, который хотят ей навязать русские западники. Но поскольку все же угроза с этой стороны остается, Западу и внутренним врагам русского народа — либералам, нигилистам и социалистам — должна быть объявлена война. «Борьба

с Западом» и «западничеством» — вот лозунг дня. С этой целью необходимо объявить настоящую (победоносную) войну Европе, с которой уже давно столкнулись наши интересы на Ближнем Востоке, где проблема овладения мировыми путями тесно связана с вопросом о судьбах балканского славянства. Отсюда возникает утопический план создания под гегемонией Р. всеславянского союза, который бы образовал вместе с другими народами Ближнего Востока «политическую систему государств в противовес Европе», а вместе с тем путем ближайшей войны против Европы отвлек бы силы русского народа от внутренней опасности (ср. *панславизм*). Но помимо этого внешнего «лекарства», необходимо принять меры внутреннего порядка, пресечь возможность распространения западной «болезни» вглубь народного организма. Для этого необходимо «свернуть круто с пути эмансипации», пути, который послужил толчком к движению в обществе. Охранительная реформа 1861 г. предупредила у нас революцию и создала все необходимые условия для спокойного существования. Надо остановить всякое дальнейшее движение, уменьшить подвижность общественного строя путем «введения хронического деспотизма» и укрепления «привычного принудительства всего строя жизни». «Надо подморозить Р., чтобы она не жила» — резюмирует Леонтьев основную мысль откровенной крепостнической реакции, для которой якорем спасения являлось консервирование тех полукрепостнических отношений, установленных реформой 19 февраля, которые она ближайшим образом связывала с крестьянской общиной, как орудием обуздания мужика и гарантией от «безземельного пролетариата». С величайшим откровенным цинизмом, дающим ключ ко всей философии реакционной партии, Леонтьев проговаривает до конца «испо-

ведание веры» последней, говоря о величайшей заслуге Екатерины II, «которая усилила неравенство и мудро охраняла крепостное право (цельность мира, общины поземельной)». Идеологи реакционного застоя в данном случае уже открыто подавали руку публицистам «Вести», смело выступившей в это время на защиту крепостного права. Таково было последнее слово охранительного направления, слово, от которого сторонники его, в пору мрачного безвременья 1880-ых гг., поспешили перейти к делу «ретроградных реформ», после того как новое правительство, покончив с крамолой, бросило в «лицо всей конституционной Европы и всей республиканской Америки» манифест 29 апреля 1881 г., изъявив полную свою готовность «делать реакцию». Таким образом, общественная реакция кончила самым диким обскурантизмом, перейдя от охранительной обороны в воинственное наступление. В процессе своего развития она отразила в себе, по контрасту, трагические судьбы оппозиционного и революционного движения 1860—1870-ых гг., завершившего в пределах двух десятилетий александровского царствования свой полный цикл с тем, чтобы уступить свое место периоду глубокой общественной страсти 1880-ых гг. Однако, далеко не вся интеллигенция сдала свои позиции без боя. Расставшись со своими надеждами на царя, она, в лице «молодой Р.», сделала героическую попытку своими силами, сначала вместе с народом, а затем в одиночку, опрокинуть ненавистный режим романовской империи. От бесплодных адресов она перешла к революционной агитации, открыто провозглашая в нелегальных прокламациях наступление «революционного периода» в истории Р. Правда, эти прокламации обращались к представителям «образованного общества», к демократи-

ческой, радикальной, социалистической интеллигенции, но целью обращения был призыв к организованному массовому походу в «народ» с тем, чтобы поднять беспощадный «бунт» во имя «земли и воли», а вместе с тем, чтобы и расплатиться с этим народом в своих долгах за «грехи» отцов. «Все для народа и через народ» — таков был лозунг революционного народничества, одушевленного бакунинской пропагандой и нетерпеливо отбросившего «академическую» программу и тактику «лавризма». Своим боевым выступлением «молодые» оставляли далеко позади себя своих первых учителей, Герцена и Лаврова. Так началось в 1876 г. великое паломничество народников-пропагандистов в деревню. Известно, чем кончился этот «крестовый поход» энтузиастов «землеольцев» в обетованную землю общинного мира. Надежды народников на революционность «прирожденного социалиста», казалось, только и ждавшего сигнального призыва к восстанию, не оправдались. Они разбились о народную веру в царя, косный быт деревни, которая к тому же далеко не представляла в себе того единого «народа», который свято хранил, как полагали землеольцы, бунтарские заветы Разина и Пугачева. «Словом «народ» — как это блестяще разъяснил В. И. Ленин в своей исторической полемике с «друзьями народа» — у народников «прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа». Идеологический народ «деревенщиков» оказался, таким образом, совсем не тем в действительности, каким рисовался он в утопических и в этом смысле реакционных построениях народников, положительная заслуга которых заключалась в их непримиримой борьбе с феодально-крепостническим укладом пореформенной Р. Потерпев при таких условиях роковое поражение в своей попытке «особым путем»,

не в пример буржуазному Западу, провести крестьянскую Русь в «царство свободы и труда», народники потерпели и второе поражение, так сказать с тыла, от преследовавшего его шаг за шагом царского правительства, обрушившего на революционную интеллигенцию жесточайшее гонение и казни и дезорганизовавшего его кадры целым рядом политических процессов 70-ых гг. Разочаровавшись в своем «народе», землеольцы, в конце концов, должны были отказаться от своих прежних иллюзий. После исторического Липецкого съезда (1879) единый фронт бунтарей распался, выделив из своего состава, в противовес правоверным «чернопередельцам», боевую фракцию, образовавшую затем партию «Народной воли», по существу отбросившую народническую программу с ее «русским социализмом» и поставившую себе задачу чисто политическую — низвержение самодержавия путем организованной террористической борьбы с правительством Александра II, подписав смертный приговор самому «царю-освободителю». Финал этой неравной борьбы известен. 1-е марта 1881 г. оказалось вместе с тем и самоубийственным актом «Народной воли». Но героические усилия народовольческой когорты не пропали даром.

В истории русского революционного движения выступление народовольцев сыграло крупную и положительную роль, покончив с народническим аполитизмом и анархизмом. Своим резким поворотом против твердынь «самодержавия» и самой своей жертвенной гибелью они вдвойне запечатлели все огромное значение поставленной ими на очередь задачи. Народовольческие рабочие организации, в связи с подчеркиванием у народовольцев политической борьбы, послужили благоприятной почвой для успешного восприятия социал-демократических идей, отчетливо выраженных уже в

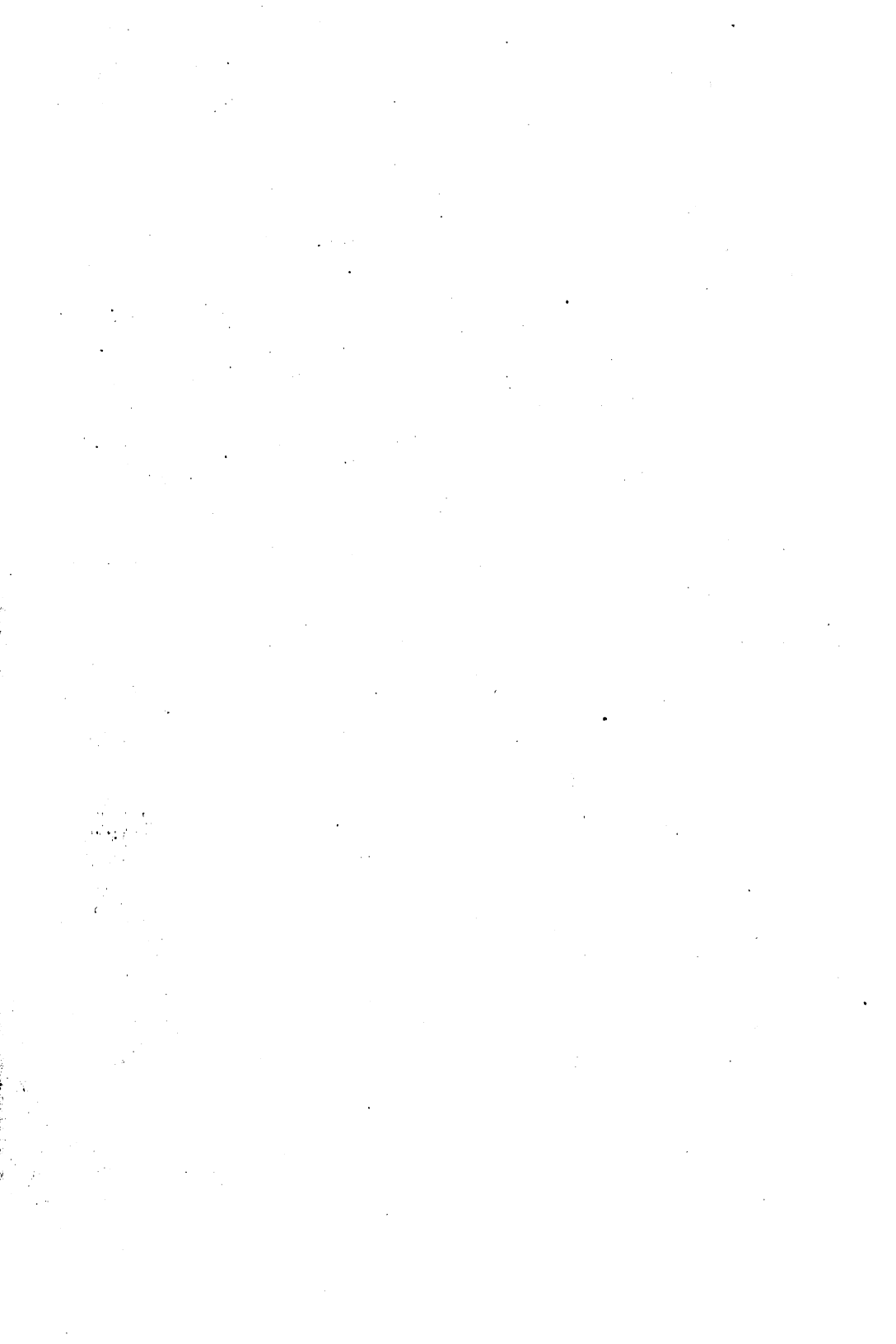
«Группе освобождения труда», (см. XL, 555 сл.), родоначальнице революционного марксизма в Р. (см. ниже — *революционное движение в Р.*).

Однако, прежде чем произойдет и завершится этот исторический поворот в судьбах русского революционного движения и его идеологии, русскому обществу, как было выше сказано, суждено было пережить мертвую полосу реакции 1880-х гг. эпохи «царя-миротворца», ставшего «бодро на дело правления... с верою в силу и истину самодержавной власти», как гласил манифест 29 апр. 1881 г. Мы уже знаем, что реакция эта была лишь продолжением и окончательным завершением тех «охранительных» течений, которые все более и более овладевали как правящими сферами, так и большинством общества, и, наконец, под влиянием кризиса «в стане погибающих за великое дело» народного освобождения, захватили и широкие круги радикальной интеллигенции, среди которой начался разброд, получивший самое разнообразное выражение и так художественно зарисованный в литературе в творениях Чехова. Одни впали в мрачный пессимизм и тяжелое разочарование, будучи отброшены событиями или отойдя «в сторону» с пути борьбы; другие, подчинившись народной стихии, перешли к мирной работе в деревне, кончив панацеей «малых дел» («Неделя» Гайдебурова, Юзов-Каблец и «легальное» народничество); третьи ударились в устройство интеллигентских трудовых колоний, увлеченные опытами Н. Энгельгардта, организовавшего в конце 1870-х гг. поселения «тонконогих», «интеллигентных мужиков», поставивших своей

целью жить вместе с народом и по его примеру «трудами рук своих»; четвертые, покончив со всякими «социальными» вопросами, выступили с проповедью «личного самоусовершенствования» путем религиозно-нравственного перевоспитания личности, начиная «предтечей» Л. Толстого А. Маликовым (см.), увлекшим за собой в свой «скит» и Н. Чайковского (см.), и кончая Л. Толстым, Достоевским и В. Соловьевым; наконец, последние, решительно покончив с своими прежними роковыми увлечениями, перебрались во «вражеский стан», протянули руку примирения правительству и в качестве «ренегатов» активно вступили в борьбу против «лжи» своих прежних «идеалов» (В. Кельсиев, Л. Тихомиров, см., и др.). Таким образом, вместе с правительственной реакцией росла и реакция общественная. Крушение «народничества» и революционного движения 1860—1870-х гг. вновь выдвигало на очередь вопрос о коренном пересмотре общественных лозунгов и популярной господствующей идеологии передовой интеллигенции, зашедшей в тупик. Почва для генеральной ревизии была в достаточной степени подготовлена как объективными условиями развития пореформенного хозяйства, бурными успехами наступающего капитализма, так и идейным кризисом, отразившим в себе неумолимый ход «судеб Р.». «Передышка» реакции 1880-х гг. и переломные 1890-е гг. образовали тот новый исторический этап, на который ступила страна с воцарением Александра III.

Б. Сыромятников.

(Продолжение в следующем томе).



РОССИЯ

до 1914 года
ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Масштаб

- Границы государственные
губернские и областные
Центры государственные
губернские и областные
уездные
Города с насел. свыше 50.000
менее

от Гринича 30 40 50 60 70 80

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ
ОКЕАН



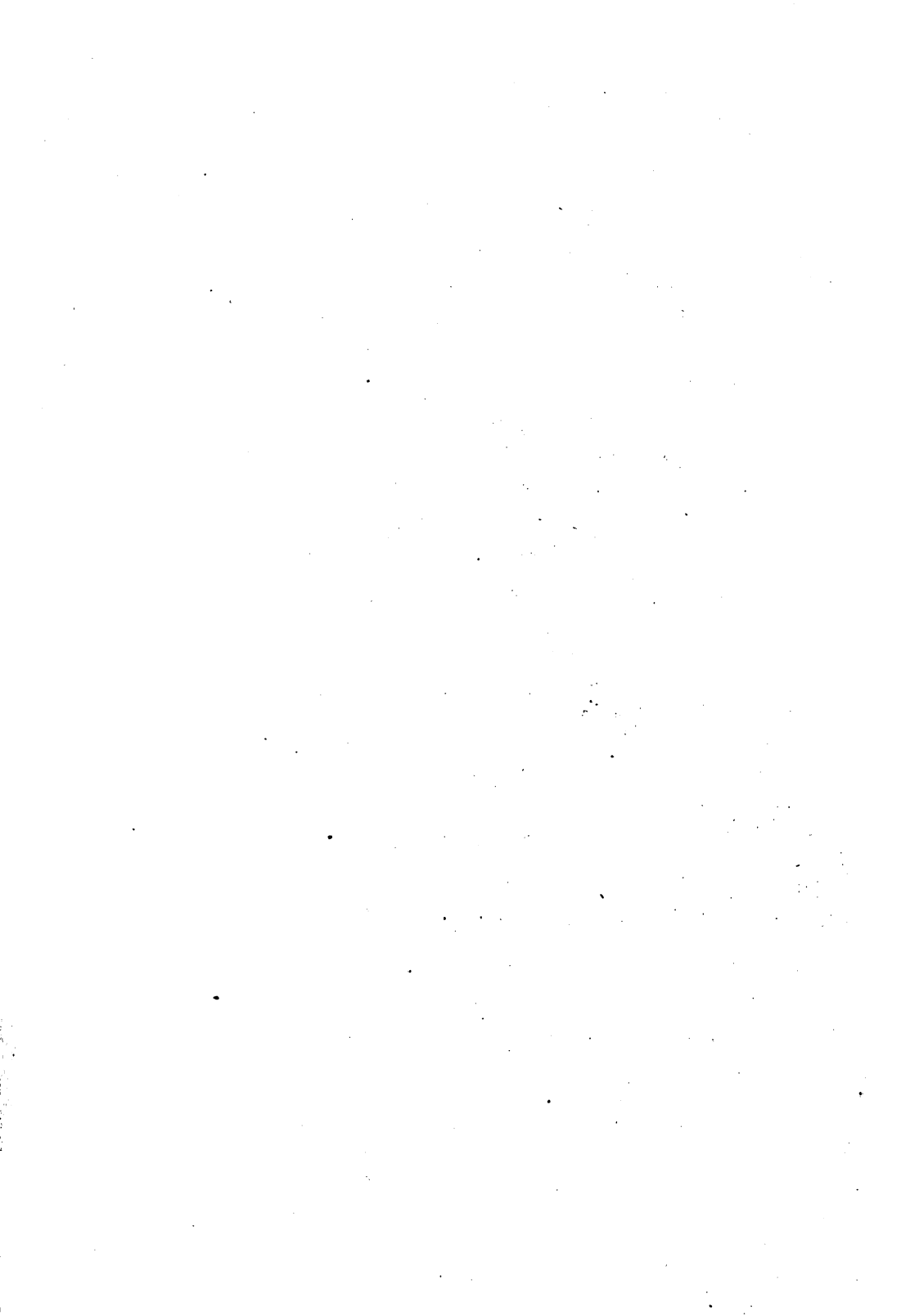
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

- I Центрально-земледельческие губернии**
Курская, Орловская, Тульская
Рязанская
- II Средне-Волжские**
Саратовская, Симбирская, Пензенская,
Казанская, Нижегородская, Уфимская.
- III Нижне-Волжские**
Самарская, Оренбургская, Астраханская.
- IV Новороссийские:**
Бессарабская, Херсонская, Таврическая,
Екатеринославская, Область Войска Донского
- V Северо-Западные**
Киевская, Волынская, Подольская.
- VI Московские**
Харьковская, Полтавская, Черниговская
- VII Промышленные**
Московская, Тверская, Ярославская.

- Лодзинская, Владимирская, Калужская
- VIII Белорусские**
Смоленская, Могилевская, Витебская,
Минская
- IX Литовские**
Ловенская, Виленская, Гродненская.
- X Приуральские**
Петербургская, Олонечкая

- Новгородская, Ивановская
- XI Прибалтийские**
Эстляндская, Лифляндская, Курляндская
- XII Приуральские**
Вятская, Пермская.
- XIII Северные**
Архангельская, Вологодская

- XIV Привисляньские**
- XV Предкавказские**
Кубанская обл., Ставропольская, Терская обл.
- XVI Закавказские**
Бакинская, Елизаветпольская, Тифлисская,
Зриванская, Кавказская обл., Кутаисская, Теркоморская, Батумская обл., Дагестанская обл.



КАРТА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

до 1914 года



СВЯТЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Центры губерний, области Иркутск нас. свыше 50 т. ж. Томск
 уездов м. ж. Нерчинск
 прочие населенные пункты с границы государственные
 границы районов губерний, области

АДМИНИСТРАЦИЯ — ДЕЛЕНИЕ

I Степные

Области Уральская Тургайская Акмолинская Семипалатинская

II Тургестанские

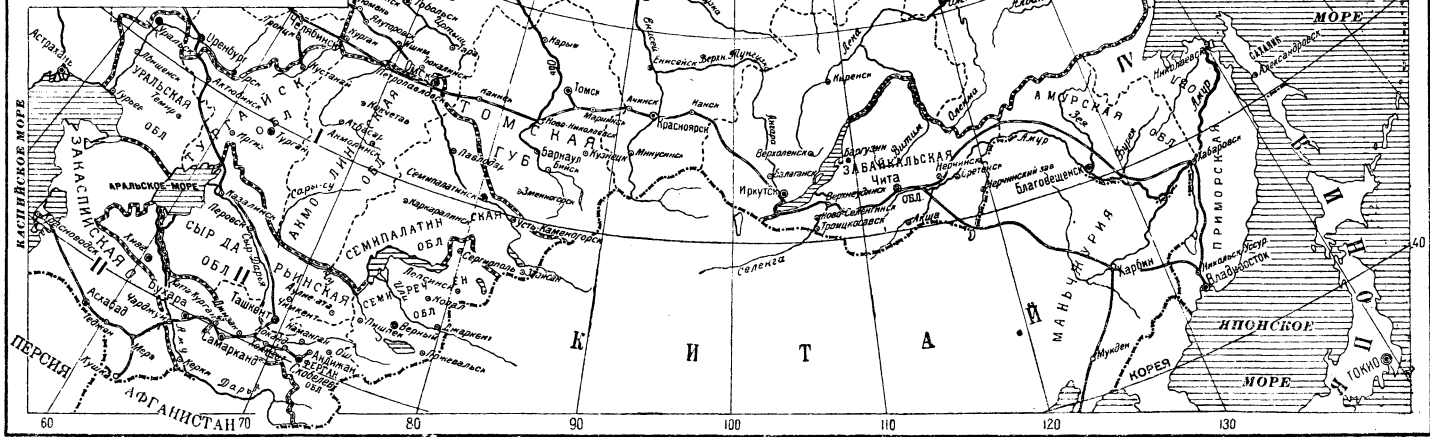
Области Закаспийская Сыр-Дарьинская Семипалатинская Самаркандская Ферганская

III Сибирские

Губернии Тобольская Томская Сибирская Якутская Читинская

IV Дальне-Восточные

Области Забайкальская Амурская Приморская Камчатская



The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This not only helps in tracking expenses but also ensures compliance with tax regulations.

In the second section, the author outlines the various methods used for data collection and analysis. These include surveys, interviews, and focus groups. Each method has its own strengths and weaknesses, and the choice depends on the specific research objectives.

The third section delves into the statistical analysis of the collected data. It covers topics such as descriptive statistics, inferential statistics, and regression analysis. The goal is to identify patterns and trends in the data that can inform business decisions.

Finally, the document concludes with a summary of the findings and recommendations. It highlights the key insights gained from the research and provides practical advice for implementing these findings in a business context.

2. Основные показатели по губерниям и районам бывш. Российской империи

Районы и губернии	Площадь (тыс. кв. км)	Население 1914 г. (тыс.)	Плотность населения (жителей на 1 кв. км) в 1914 г.	Состав населения по данным переписи 1897 года											
				Все население в тыс.	Общее число занятых рабочих и прислуги	% населения, получ. главн. средства к жизни в след. отраслях занятий			% главных народностей насел. губ. ко всему их населению (в рубр. «русские» включены также украинцы и белоруссы)						
						В сельском хозяйстве	В промышленности	В торговле и транспорте	по численности:			Наименование	% населения	Наименование	% населения
									Первая	Вторая	Третья				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
(XIII) Северный	1247	2146	—	1689	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Архангельская	845	460	0,5	347	21	79,69	4,74	4,33	—	—	Фин.	—	—	—	
2. Вологодская	402	1 685	4,2	1342	37	89,85	2,50	1,51	Русск.	85,2	—	13,2	—	—	
(X) Приозерный	335	5917	—	4965	642	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Петербургская	45	2 387	53,1	2112	517	25,26	22,98	14,24	Русск.	82,5	Фин.	9,9	Герм.	3,4	
2. Олонекная	128	451	3,5	384	18	83,16	3,81	2,93	—	—	—	21,4	—	—	
3. Новгородская	119	1 665	14,0	1 367	69	81,20	4,64	3,53	—	—	—	1,7	Лит.	0,5	
4. Псковская	43	1 414	32,9	1 122	38	86,62	2,95	2,31	—	—	—	2,6	—	1,0	
(XI) Прибалтийский	83	4 153	—	2 386	521	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Эстляндская	20	480	24,0	413	76	80,30	12,37	6,00	—	—	—	—	—	—	
2. Лифляндская	46	2 916	63,4	1 299	297	55,36	16,01	7,34	Фин.	43,9	Герм.	5,4	Русск.	5,1	
3. Курляндская	27	757	28,0	674	149	58,88	12,12	8,04	Лит.	77,8	Герм.	39,9	Русск.	7,7	
(VII) Моск.-Промышл.	298	11 545	—	9 307	1 269	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Московская	33	2 921	88,5	2 431	661	27,89	32,93	14,06	Русск.	97,9	Герм.	0,8	Пол.	0,5	
2. Тверская	65	2 232	34,3	1 769	120	39,98	6,62	3,20	—	—	—	6,8	—	—	
3. Ярославская	36	1 277	35,4	1 071	108	72,86	9,27	5,40	—	—	—	0,2	—	—	
4. Костромская	84	1 749	20,8	1 387	112	79,47	8,41	2,58	—	—	—	—	—	—	
5. Владимирская	49	1 934	39,5	1 516	199	58,32	21,58	4,46	—	—	—	—	—	—	
6. Калужская	31	1 432	46,2	1 133	69	77,32	8,49	3,53	—	—	—	0,2	Евр.	0,1	
(I) Центр. Землед.	299	16 843	—	12 941	668	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Курская	46	3 027	65,8	2 371	149	82,83	5,49	3,26	Русск.	99,7	Евр.	0,2	Пол.	0,1	
2. Орловская	47	2 585	55,0	2 034	116	79,78	6,81	4,21	—	—	—	0,3	—	0,2	
3. Тульская	31	1 808	58,2	1 419	85	78,41	8,20	3,68	—	—	—	0,2	—	—	
4. Рязанская	42	2 455	58,5	1 802	116	78,70	7,54	4,85	—	—	—	0,3	—	—	
5. Тамбовская	67	3 552	53,0	2 684	112	84,03	4,80	3,84	—	—	—	—	—	—	
6. Воронежская	66	3 418	51,8	2 531	90	85,17	5,17	2,98	—	—	—	—	—	—	
(II) Ср.-Волжский	409	16 023	—	11 357	504	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Саратовская	84	3 165	37,7	2 406	142	77,34	7,18	5,12	Русск.	83,1	Герм.	6,9	Фин.	5,2	
2. Симбирская	49	2 024	41,3	1 528	66	84,28	4,78	2,87	—	—	—	19,3	—	12,5	
3. Пензенская	39	1 931	49,5	1 470	59	85,71	4,10	2,46	—	—	—	12,8	Фин.	4,0	
4. Казанская	64	2 801	43,8	2 171	60	86,05	4,08	2,64	Т.-тат.	54,3	Русск.	38,4	Фин.	7,1	
5. Нижегородская	51	2 060	40,4	1 585	107	89,63	12,87	5,63	Русск.	93,2	Фин.	3,8	Т.-тат.	2,6	
6. Уфимская	122	3 042	24,9	2 197	70	86,99	4,71	2,10	Т.-тат.	55,1	Русск.	33,2	Фин.	6,4	
(XII) Приуральский	484	7 694	—	6 025	356	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Вятская	154	3 852	25,0	3 031	110	89,22	4,84	1,45	Русск.	77,5	Фин.	17,6	Т.-тат.	4,9	
2. Пермская	330	3 832	11,6	2 994	246	71,77	14,38	4,94	—	—	—	5,3	Фин.	4,1	
(III) Нижн.-Волжский	677	7 208	—	5 355	306	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Самарская	151	3 670	24,3	2 751	130	85,99	3,98	3,33	Русск.	68,9	Т.-тат.	13,9	Фин.	8,8	
2. Оренбургская	190	2 264	11,9	1 600	90	78,90	7,42	5,11	—	—	—	23,7	—	2,4	
3. Астраханская	236	1 269	5,4	1 004	86	73,70	5,19	6,27	—	—	—	30,5	Монг.	13,9	
(VI) Малороссийский	156	9 649	—	7 566	426	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Харьковская	54	3 280	60,7	2 492	138	78,60	8,20	3,80	Русск.	98,7	Евр.	0,8	Герм.	0,4	
2. Полтавская	50	3 481	69,6	2 778	160	81,60	6,50	4,00	—	—	—	4,0	—	0,2	
3. Черниговская	52	2 898	55,5	2 298	128	78,90	9,20	4,81	—	—	—	5,0	—	0,3	
(V) Юго-Западный	165	12 477	—	9 568	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Киевская	51	4 534	88,9	3 559	227	70,30	9,70	8,10	Русск.	85,3	Евр.	12,2	Пол.	1,9	
2. Волынская	72	4 029	56,0	2 989	134	74,90	8,20	6,70	—	—	—	13,2	—	6,2	
3. Подольская	42	3 914	93,2	3 018	139	75,40	7,40	7,00	—	—	—	12,3	—	2,3	
(IV) Новороссийский	403	14 782	—	10 795	838	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1. Бессарабская	44	2 527	57,4	1 935	96	75,70	7,00	7,40	Молд.	47,6	Русск.	27,8	Евр.	11,8	
2. Херсонская	71	3 573	50,3	2 734	237	64,60	10,40	9,60	Русск.	75,4	Евр.	11,8	Герм.	4,6	
3. Таврическая	60	1 948	32,5	1 448	137	67,60	9,81	7,90	—	—	—	18,8	—	5,4	
4. Екатеринославская	63	3 142	50,0	2 114	180	74,00	11,00	6,30	—	—	—	4,7	—	3,9	
5. Донская обл.	165	3 592	21,7	2 564	188	75,40	9,60	6,20	—	—	—	1,4	Монг.	1,3	

Районы и губернии	Площадь (тыс. кв. км)	Население 1914 г. (тыс.)	Плотность населения (жител. на 1 кв. км) в 1914 г.	Состав населения по данным переписи 1897 года													
				Все население в тыс.	Общее число населяющих рабочих и прислуги	% населения, получ. главн. средства к жизни в след. отраслях занятий			% главных народностей насел. губ. ко всему их населению (в рубр. «русские» включены также украинцы и белорусы)			по численности:					
						В сельском хозяйстве	В промышленности	В торговле и транспорте	Первая	Вторая	Третья	Наименование	% населения	Наименование	% населения	Наименование	% населения
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
(XV) Преднавазский	222	5575	—	3726	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Кубанская обл.	95	2985	31,4	1919	185	79,00	8,20	4,90	Русск.	90,6	Горцы	3,5	Т.-тат.	2,0			
2. Ставропольская	54	1329	24,6	873	44	85,70	5,80	2,90	»	92,0	Т.-тат.	4,4	Монг.	1,2			
3. Терская обл.	73	1261	17,3	934	44	81,20	5,30	4,40	Горцы	40,2	Русск.	33,7	Т.-тат.	10,5			
(VIII) Белорусский	239	7389	—	6849	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Смоленская	56	1987	35,5	1525	78	83,50	4,80	3,10	Русск.	98,4	Евр.	0,7	Поляк.	0,5			
2. Могилевская	48	2168	43,9	1687	69	79,50	7,10	6,30	»	86,1	»	12,1	»	1,0			
3. Витебская	44	1802	41,0	1489	89	74,40	8,20	7,20	»	66,3	Лит.	17,9	Евр.	11,7			
4. Минская	91	1442	75,9	2148	115	74,80	8,90	7,10	»	80,4	Евр.	16,4	Пол.	3,0			
(IX) Литовский	121	5826	—	4739	417	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Ковенская	40	1829	45,7	1545	197	68,64	6,86	6,97	Лит.	68,3	Евр.	13,8	Пол.	9,0			
2. Виленская	42	1987	47,3	1591	117	73,38	7,38	6,41	Русск.	61,2	Лит.	17,6	Евр.	12,3			
3. Гродненская	39	2010	51,5	1603	103	68,94	10,05	7,01	»	71,2	Евр.	17,4	Поляк.	10,1			
(XIV) Привислинский	113	12248	—	9404	181	56,80	15,40	8,40	Пол.	71,8	»	13,5	Русск.	6,7			
(XVI) Закавказский	248	7346	—	5563	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Бакинская	39	1100	28,2	827	62	67,98	7,96	9,73	Т.-тат.	53,8	Тат.	10,8	Русск.	9,4			
2. Батумская	7	183	26,1	—	—	—	—	—	»	—	»	—	»	—			
3. Дагестанская	30	724	24,1	571	15	79,08	5,14	2,75	Горцы	79,1	Т.-тат.	15,0	Русск.	2,8			
4. Елисаветпольск.	44	1098	25,0	878	39	79,50	5,44	4,61	Т.-тат.	60,8	Армян.	33,2	Горц.	2,6			
5. Карская обл.	19	396	20,9	291	9	82,30	2,00	2,79	»	35,9	»	25,3	Курд.	14,8			
6. Кутаисская	21	1068	50,9	1068	44	83,81	2,81	3,64	Картв.	82,1	Горцы	5,7	Т.-тат.	4,5			
7. Сухумский окр.	7	146	20,9	—	—	—	—	—	»	—	»	—	»	—			
8. Тифлисская	41	1360	33,2	1051	75	68,73	6,63	7,34	Картв.	44,5	Армян.	18,7	Т.-тат.	12,6			
9. Закатальск. окр.	4	100	25,0	—	—	—	—	—	»	—	»	—	»	—			
10. Черноморская	8	153	19,1	57	12	40,57	12,10	17,49	Русск.	60,1	Армян.	10,9	Грек.	10,4			
11. Эриванская	28	1018	36,4	830	21	86,47	2,45	3,37	Арм.	53,2	Т.-тат.	37,8	Курд.	6,0			
(XVII) Степной	2216	5226	—	3454	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Тургайская	440	698	1,6	453	9	97,17	0,53	0,62	Т.-тат.	91,8	Русск.	7,7	Фин.	0,5			
2. Акмолинская	583	1524	2,6	683	22	87,70	2,30	3,88	»	64,4	»	33,1	»	1,3			
3. Семипалатинск.	462	868	1,9	685	26	89,10	2,73	2,78	»	89,9	»	10,0	Пол.	0,1			
4. Семыреченская	374	1269	3,4	988	21	91,24	1,91	2,79	»	88,5	»	9,7	Монг.	1,6			
5. Уральская	357	867	2,4	645	29	87,73	2,41	3,19	»	74,3	»	25,4	»	0,2			
(XVIII) Туркестанск.	1325	5878	—	4292	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Закаспийская	609	534	0,8	382	22	79,17	3,20	6,46	Т.-тат.	85,8	Русск.	8,7	Арм.	1,1			
2. Сыр-Дарьинская	503	2012	4,0	1478	42	82,54	5,44	5,01	»	96,0	»	3,0	»	—			
3. Ферганская	144	2134	14,8	1572	53	70,53	14,05	6,30	»	91,7	»	—	»	—			
4. Самаркандская	69	1198	17,4	860	39	76,95	7,11	6,67	»	70,9	Тадж.	26,8	Русск.	1,6			
(XIX) Сибирь и Д. Вост.	11213	9960	—	5768	404	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
1. Енисейская	2542	990	0,4	570	60	72,69	8,94	5,01	Русск.	86,2	Т.-тат.	8,2	»	—			
2. Иркутская	869	750	0,9	514	48	72,96	6,31	5,02	»	73,6	Монг.	21,2	Т.-тат.	2,0			
3. Тобольская	1388	2054	1,5	1433	77	86,48	4,13	2,28	»	91,6	Т.-тат.	4,6	Фин.	2,5			
4. Томская	847	3999	4,7	1928	96	82,18	5,71	3,11	»	91,4	»	6,4	»	0,9			
5. Забайкальская	617	946	1,5	672	37	83,36	4,27	2,94	»	66,3	Монг.	27,2	»	—			
6. Якутская	3821	330	0,8	270	28	72,96	6,31	5,02	Т.-тат.	82,9	Русск.	11,4	»	—			
7. Амурская	401	250	0,6	120	17	58,16	12,06	9,37	Русск.	86,4	Монг.	8,0	»	—			
8. Приморская	543	607	1,1	223	38	56,48	4,10	8,32	»	—	»	—	»	—			
9. Сахалин	185	34	0,2	28	3	52,57	5,26	1,48	»	—	»	—	»	—			
Итого по 50 губерни.	4826	120636	—	93442	6855	—	—	—	Русск.	65,5	Т.-тат.	10,6	Пол.	6,2			
Европ. Россия	5161	133469	—	108572	8257	—	—	—	»	—	»	—	»	—			
Всего по Европ. Россия	15002	28410	—	19067	944	—	—	—	Территории, отошедшие при оформлении границ СССР, указанные в XL, прилож. 9/11,100								
Всего по Азиат. Россия	20161	166869	—	125633	9201	—	—	—	Русск.	86,4	Монг.	8,0	»	—			
Финляндия	326	3241	—	—	—	—	—	—	»	—	»	—	»	—			

3. Естественное движение населения

в Европейской России с 1861 по 1913 г., по губерниям
(на 1000 жителей)

Районы и губернии	Браков				Ролившихся				Умерших				Естеств. прирост			
	1861—1870	1891—1900	1912	1913	1861—1870	1891—1900	1912	1913	1861—1870	1891—1900	1912	1913	1861—1870	1891—1900	1912	1913
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
I. Курская	12	8	8	7	57	42	46	45	40	33	28	28	17	9	18	17
Орловская	13	9	8	8	62	50	45	44	48	38	29	27	14	12	16	17
Тульская	13	8	6	7	61	48	46	44	48	41	31	33	13	7	15	11
Рязанская	12	8	7	7	55	43	41	41	39	33	23	23	16	10	18	18
Тамбовская	11	9	11	11	53	47	49	49	37	40	30	30	16	7	19	19
Воронежская	12	9	8	8	59	48	51	49	44	41	28	31	15	7	23	18
II. Саратовская	10	9	8	8	56	49	48	48	42	42	32	30	14	7	16	18
Симбирская	10	9	8	9	52	46	47	50	42	40	32	32	10	6	15	18
Пензенская	12	9	8	9	55	45	52	52	42	40	33	34	13	5	19	18
Нижегородская	11	9	7	8	58	48	47	46	48	39	30	32	10	9	17	14
Казанская	11	10	9	9	51	44	44	44	41	36	30	30	10	8	14	14
Уфимская	12	11	10	10	51	50	46	49	39	34	31	31	12	16	16	18
III. Самарская	14	10	9	9	72	51	54	55	54	45	36	32	18	6	18	23
Оренбургская	10	9	9	10	55	51	53	56	42	40	33	33	11	18	16	23
Астраханская	10	12	6	7	54	68	38	39	37	56	22	23	17	12	16	16
IV. Бессарабская	13	13	8	8	55	66	40	39	34	44	31	30	21	22	9	9
Херсонская	11	8	8	8	52	52	44	44	30	29	26	26	22	23	18	18
Таврическая	8	11	7	9	45	66	44	44	27	37	22	24	18	29	22	20
Екатеринославская	13	10	8	9	61	54	50	49	77	38	23	24	23	21	27	25
Донская обл.	13	9	7	9	58	53	45	45	31	36	22	26	27	17	23	19
V. Киевская	11	10	8	8	50	54	39	38	33	37	20	22	17	17	19	16
Подольская	13	10	8	8	52	48	37	34	37	35	19	22	15	13	18	12
Волынская	12	11	7	7	50	55	39	36	34	35	18	21	16	20	21	15
VI. Харьковская	13	9	8	9	58	47	45	45	40	32	22	25	18	15	23	20
Полтавская	10	8	8	8	48	45	37	35	37	28	18	19	11	17	19	16
Черниговская	12	9	8	8	54	49	38	36	39	32	20	20	15	17	18	16
VII. Владимирская	9	8	7	8	52	47	44	46	42	36	29	31	10	11	15	15
Московская	9	9	7	7	50	55	41	40	46	48	28	30	4	9	13	10
Калужская	11	8	9	9	54	48	48	47	40	37	31	32	14	11	17	15
Тверская	11	8	6	8	52	43	37	41	44	31	25	28	8	12	12	12
Ярославская	8	8	7	9	45	42	40	41	40	31	28	31	5	11	12	10
Костромская	9	8	8	9	46	47	44	45	37	33	30	31	9	14	14	14
VIII. Могилевская	12	9	7	8	58	51	37	37	38	27	18	19	22	24	19	18
Минская	11	10	7	8	47	56	38	37	29	31	18	19	18	25	20	18
Витебская	8	8	6	5	47	47	34	30	29	27	18	17	18	20	16	13
Смоленская	11	9	9	9	58	56	44	46	47	40	27	28	11	16	17	18
IX. Виленская	11	9	6	6	53	44	31	29	30	26	18	17	23	18	13	12
Ковенская	9	9	5	5	40	46	27	27	29	32	17	17	11	14	10	10
Гродненская	13	10	6	7	50	51	32	30	31	34	13	18	19	17	19	12
X. Петербургская	6	8	7	7	42	51	32	31	41	42	25	23	1	9	7	8
Псковская	9	7	8	8	48	48	41	41	36	25	25	25	12	16	16	16
Новгородская	8	9	7	8	43	52	42	43	36	36	28	29	7	16	14	14
Олоецкая	11	7	9	9	47	41	46	45	36	33	34	37	11	8	12	8
XI. Лифляндская	8	6	8	8	39	26	23	23	27	18	18	18	12	8	5	5
Курляндская	9	6	6	6	38	23	19	19	27	17	14	15	11	6	5	4
Эстляндская	8	5	7	7	41	25	23	24	27	17	18	19	14	8	5	5
XII. Вятская	11	9	8	9	58	50	49	48	46	36	36	35	12	14	13	13
Черская	10	9	8	9	55	49	53	51	44	38	43	39	11	11	10	12
XIII. Вологодская	9	8	8	9	47	45	45	45	36	30	31	31	11	15	14	14
Архангельская	9	7	8	8	45	38	44	44	35	25	26	26	10	13	18	18
В среднем по 50 губ.	11	9	8	9	52	48	43	43	38	35	26	28	14	13	17	15

4. Состав населения по сословиям в 1853 г. и по классам в 1897 г.

I. Сословный состав населения б. Российской империи по данным X ревизии 1853 г.

(с иждивенцами)

С о с л о в и я	Европ. Россия (49 губ.)	Азиатская Россия и Предкавк.	В с е г о	
				в т ы с я ч а х
1. Дворяне потомственные	610	115	1002	
2. Дворяне личные и чиновники	277			
3. Духовенство разных исповеданий	602	65	667	
4. Почетные граждане и купцы	421	264	4564	
5. Мещане	3553			
6. Цеховые и рабочие люди	328	3748	53000	
7. Крестьяне государственные	20050			
8. Колонисты	450			
9. Крестьяне уральные	2070			
10. Крестьяне горнозаводские	267			
11. Крестьяне других ведомств	2450			
12. Крестьяне помещичьи	21164			
13. Дворяне люди	1382			299
14. Военно-поселенцы	1119			
15. Войска регулярные	620			923
16. Войска иррегулярные	542			
17. Бессрочно отпускные	479			
18. Отпускные солдаты	292			
19. Капитаны и солдатские дети	271			
20. Женщины военного сословия	1563			
21. Иностранцы	227	1915		
22. Разночинцы	503	—		
23. Иностранцы	61	—	61	
Итого	59300	7329	66629	

II. Население России в 1897 г. на основании расчетов В. И. Ленина

(по данным переписи 1897 г.)

(с иждивенцами)

	(в миллионах)	
I. Сельское население		
1. Пролетарские и полупролетарские слои	48,5	—
2. Беднейшие мелкие хозяева	29,1	—
3. Зажиточные мелкие хозяева	19,4	97,0
II. Торгово-промышленное население		
4. Пролетарские и полупролетарские слои	13,2	—
5. Нуждающиеся мелкие производ.	4,8	—
6. Зажиточные > >	2,2	—
7. Крупная буржуазия	1,5	21,7
III. Не участвующее в хоз. деят. население		
8. Рантье и высшие чины	1,5	—
9. Служащие пролетарского и полупролетарского типа	2,0	—
10. Служащие и свободные профессии типа беднейших мелких хозяев	1,9	—
11. > > > > зажиточных хозяев	1,5	6,9
Всего	—	125,6

Число и состав рабочих по расчету В. И. Ленина

(без иждивенцев)

1. Сельско-хозяйственные рабочие	3,5
2. Фабрично-заводские, горные и железнодорожные	1,5
3. Строительные	1,0
4. Рабочие в лесном деле, в земляных работах и чернорабочие	2,0
5. Рабочие, занятые на дому	2,0
	<u>10,0</u>

Б. Переселения крестьян из Европейской России за Урал с 1886 по 1914 г.

(тысяч чел.)

Губернии	Проследовало за Урал		Вернулось обратно	Губернии	Проследовало за Урал		Вернулось обратно
	1886—1895	1896—1914	1889—1914		1886—1895	1896—1914	1896—1914
	1	2	3		1	2	3
1. Курская	83	28)	68	28. Московская	—	1	—
2. Орловская	15	189	50	29. Калужская	—	33	7
3. Тульская	4	46	13	30. Тверская	—	5	2
4. Рязанская	17	62	17	31. Ярославская	—	—	8
5. Тамбовская	48	221	78	32. Костромская	—	25	8
6. Воронежская	34	265	84	33. Могилевская	1	271	81
7. Саратовская	13	126	48	34. Минская	1	115	37
8. Симбирская	8	78	29	35. Витебская	2	179	39
9. Пензенская	32	124	40	36. Смоленская	1	80	22
10. Нижегородская	7	20	7	37. Виленская	—	47	12
11. Казанская	10	59	17	38. Ковенская	—	4	1
12. Уфимская	—	65	17	39. Гродненская	1	35	10
13. Самарская	10	192	66	40. Петербургская	—	4	1
14. Оренбургская	—	33	8	41. Псковская	—	28	5
15. Астраханская	—	3	2	42. Новгородская	—	6	2
16. Бессарабская	—	65	29	43. Олонекская	—	—	—
17. Херсонская	1	195	60	44. Лифляндская	—	19	3
18. Таврическая	—	143	38	45. Курляндская	—	5	1
19. Екатеринославская	—	257	71	46. Эстляндская	—	5	1
20. Донская обл.	1	66	20	47. Вятская	32	165	48
21. Киевская	—	237	61	48. Пермская	24	60	14
22. Подольская	—	101	33	49. Вологодская	—	20	4
23. Вольнская	—	76	22	50. Архангельская	—	—	—
24. Харьковская	16	255	70				
25. Подтавгская	68	441	109	Всего по 50 губ.	461	5046	1409
26. Черниговская	32	334	81				
27. Владимирская	—	2	1				

6 Распределение земли по категориям владельцев в 1905 г. по районам в 50 губерниях Европ. России и площадь дворянского и крестьянского землевладения в 1862, 1902 и 1911 г.

(в тыс. десят.)

Районы	Землевладение в 1905 г.					Изменение площадей частного дворянского и крестьянского землевладения						
	Частновладельческих		Казени. и уделы.	Проч. учрежд.	Всего	Принадлежало части, земель						
	Всего	В т. ч. крестьянских				1862 г.		1902 г.		1911 г.		
			Дворянам	Крестьянам	Дворянам	Крестьянам	Дворянам	Крестьянам				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Центр.-Земледельч.	14294	9418	2178	1330	578	25620	8665	512	5877	1895	4076	3333
II. Средне-Волжский	18249	10362	3164	5607	560	34778	5733	196	3568	1431	2051	2142
III. Нижне-Волжский	19736	5783	1472	4005	1856	31489	8056	1498	4475	2865	8068	5030
IV. Новороссийский	18491	12715	4195	2053	2878	36137	8596	716	4932	3435	3468	4091
У. Юго-Западный	6180	6538	825	971	384	14053	6180	95	5066	853	4501	1241
VI. Малороссийский	7188	5326	1744	314	251	13079	5100	259	3117	1577	2260	2189
VII. Моск.-Промышленный	11337	10128	3532	3402	522	25389	12656	1259	5719	4753	4328	5446
VIII. Белорусский	7095	12338	2432	1225	235	20943	8865	94	6811	1520	9491	2612
IX. Литовский	4406	4464	472	913	250	10033	4145	48	3757	718	—	—
X. Проверный	9238	9396	3119	9308	459	28401	7198	706	2824	2802	2837	3073
XI. Прибалтийский	2494	4054	5	697	204	7439	—	—	—	—	—	—
XII. Приуральский	18056	9678	216	16049	345	42128	10281	136	6565	286	6810	315
XIII. Северный	4034	1544	793	71912	239	77729	1376	226	167	741	315	917
Итого по 50 губ.	138768	101744	24147	117786	8911	367209	87181	5745	52878	22879	43205	30439

7. Распределение крестьянского землевладения на общинное и подворное и группировка частного землевладения по размерам и видам

(в тыс. десятин).

Р а й о н ы	Общинное и подворное землевладение у крестьян				Частное землевладение						
	Число дворов		Количество земли		До 50 дес.	50—100 дес.	100—500 дес.	500—1000 дес.	Свыше 1000 дес.	И т о г о	В том числе товарищ. и обществ.
	Общ.н.	Подворн.	Общ.н.	Подворн.							
I. Центр.-Земледельч.	1 724	188	12 580	1 671	863	535	2 639	1 420	3 961	9 418	987
II. Средне-Волжский	1 774	20	17 948	156	379	270	1 797	1 490	6 426	10 362	2 135
III. Нижне-Волжский	634	3	19 616 ^{а)}	81	57	67	685	631	4 345	5 785	1 276
IV. Новороссийский	1 076	237	16 680 ^{б)}	1 807	356	473	3 072	2 075	6 748	12 724	1 881
У. Юго-Западный	40	1 095	225	5 935	359	184	1 008	1 114	3 875	6 540	488
VI. Малороссийский	609	570	4 086	3 094	695	402	1 300	737	1 890	5 324	299
VII. М.-Промышленный	1 356	10	11 211	82	1 317	807	2 647	1 190	4 168	10 129	1 408
VIII. Белорусский	449	319	3 917	3 177	818	570	2 270	1 335	7 336	12 329	1 572
IX. Литовский	—	296	8	4 399	510	274	1 014	640	2 027	4 465	150
X. Приволжский	535	4	9 216	19	882	509	1 691	966	5 339	9 337	945
XI. Прибалтийский	—	62	—	2 484	298	35	93	258	3 247	3 931	4
XII. Приуральский	999	4	15 930	17	35	24	83	55	9 482	9 679	118
XIII. Северный	284	9	3 973	55	421	105	226	102	690	1 544	148
Итого по 50 губ.	9 480	2 817	115 390	22 977	7 290	4 255	18 525	12 013	59 534	101 617	11 411

8. Группировка крестьянства по размерам наделов в Европейской России

(в тыс. ревизских душ при освобождении).

Р а й о н ы	Крестьяне бывшие помещичьи							Крестьяне бывшие государственные и удельные						
	Количество ревиз. душ с наделом на рев. душу:							Количество ревиз. душ с наделом на рев. душу:						
	1 дес. и менее	1—1/2 дес.	1 1/2—3 дес.	3—4 дес.	4—6 дес.	Свыше 6 д.	Итого	1 дес. и менее	1—1/2 дес.	1 1/2—2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	Свыше 6 д.	Итого
I. Центр.-Землед.	145	99	176	1 443	55	5	1 923	4	8	23	640	941	371	1 987
II. Средне-Волжский	171	170	55	639	206	11	1 252	7	11	11	442	761	816	2 048
III. Нижне-Волжский	25	20	5	18	38	15	119	1	4	—	11	63	1 003	1 082
IV. Новороссийский	32	30	32	155	75	84	408	8	12	9	34	175	572	810
У. Юго-Западный	10	52	278	939	129	68	1 476	11	2	11	173	117	45	362
VI. Малороссийский	82	121	136	323	73	2	737	19	40	67	626	338	127	1 217
VII. Моск.-Промышлен.	22	26	60	1 060	522	55	1 745	4	19	26	388	384	173	994
VIII. Белорусский	2	2	8	469	509	99	1 089	—	1	1	39	115	112	268
IX. Литовский	2	6	17	297	192	37	551	2	1	1	47	155	122	827
X. Приволжский	1	1	3	69	336	69	479	8	6	6	97	196	199	512
XI. Прибалтийский	6	5	14	215	233	86	559	1	—	1	20	43	62	127
XII. Приуральский	69	24	19	55	65	87	319	17	20	25	267	372	809	1 510
XIII. Северный	—	—	1	10	67	18	96	20	25	29	80	48	200	402
Итого по 50 губ.	567	556	804	5 692	2 498	636	10 753	102	148	210	2 864	3 708	4 614	11 646

а) В том числе земель казаков — 5 420.

б) » » » » » — 2 270.

9. Дифференциация крестьянских хозяйств в 1893 и 1900 гг.
% безземельных и безлошадных дворов и среднее количество пашни на 1 двор.

Губернии по районам	% безземель- ных (1893)	На 1 земель- ный двор десятин пашни	% безлоша- дных дворов (1893—1901)
	1	2	3
I. Центр.-Земледельческий			
Курская	2,1	7,3	25,6
Орловская	3,4	7,0	29,0
Тульская	3,9	6,4	27,8
Рязанская	3,5	5,8	37,4
Тамбовская	2,9	8,5	29,4
Воронежская	3,8	9,5	27,8
II. Средне-Волжский			
Саратовская	5,4	9,0	25,9
Симбирская	4,8	6,8	29,3
Пензенская	4,2	7,2	26,3
Нижегородская	11,6	7,1	42,3
Каванская	3,3	7,8	24,9
Уфимская	6,5	11,7	22,9
III. Нижне-Волжский			
Самарская	6,1	17,3	18,9
Оренбургская	9,5	27,2	13,4
Астраханская	14,1	15,2	—
IV. Новороссийский ¹⁾			
Бессарабская	22,9	7,8	44,5
Херсонская	8,4	9,1	34,4
Таврическая	6,4	16,3	37,0
Екатеринославская	5,6	11,1	28,7
Донская обл.	—	—	—
V. Юго-Западный ¹⁾			
Киевская	14,7	6,1	59,8
Подольская	7,5	4,8	54,0
Волынская	6,5	8,6	37,3
VI. Малороссийский ¹⁾			
Харьковская	6,4	7,6	35,8
Полтавская	11,4	5,4	48,8
Черниговская	3,9	6,4	28,2
VII. М.-Промышленный			
Владимирская	7,6	6,4	37,5
Московская	8,6	4,9	33,4
Калужская	6,1	7,4	18,6
Тверская	9,8	6,7	19,5
Ярославская	7,3	5,8	34,9
Костромская	9,1	6,6	25,6
VIII. Белорусский			
Могилевская	6,7	7,3	11,7
Минская	8,3	11,9	21,0
Витебская	9,7	9,9	14,1
Смоленская	5,6	7,6	13,3
IX. Литовский			
Вилненская	9,7	14,4	12,4
Ковенская	17,3	11,5	20,8
Гродненская	7,5	7,9	25,9
X. Приозерный			
Петербургская	6,8	6,5	23,0
Псковская	3,2	8,3	18,8
Новгородская	9,0	8,6	19,4
Одонецкая	1,2	15,6	22,0
XI. Прибалтийский			
Лифляндская	—	—	12,1
Курляндская	—	—	6,9
Эстляндская	—	—	19,2
XII. Приуральский			
Вятская	3,2	12,7	14,5
Пермская	9,7	11,2	19,1
XIII. Северный			
Вологодская	4,2	6,4	14,6
Архангельская	5,0	2,5	—
В среднем по 50 губ.	7,0	8,7	29,3

¹⁾ В районах Новороссийск., Юго-Западн. и Малороссийском высокий % безлошадн. дворов объясняется применением рабочих волов.

10. Дифференциация крестьянских хозяйств в 1917 г.

(По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

(в тысячах)

Районы и губернии	Всех хозяйств	Постоянное население				Из числа наличных хозяйств						
		Мужчины		Женщины		С наемными рабочими	С промысл.	Без пшеницы скота	Без рабоч. скота	Без коров	Безземельн.	Беспосевн.
		Всего	В т. ч. отсутств.	Всего	В т. ч. отсутств.							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Центр.-Землед.												
1. Курская	421	1373	883	1355	14	3,6	73	39	107	75	16	30
2. Орловская	355	1107	307	1108	28	6,7	66	34	67	56	17	50
3. Тульская	282	822	239	839	52	5,1	79	28	73	49	10	18
4. Рязанская	390	1119	332	1147	52	4,9	93	47	133	74	23	35
5. Тамбовская	572	1725	441	1735	24	3,0	89	93	201	137	43	63
6. Воронежская	506	1659	408	1614	18	—	—	97	—	—	—	95
Средне-Волжский												
1. Саратовская	465	1363	324	1356	119	12,1	63	80	152	120	50	93
2. Симбирская	332	916	229	937	9	1,9	61	47	103	73	30	41
3. Пензенская	311	882	210	866	11	1,6	53	45	101	64	13	45
4. Казанская	483	1295	316	1290	19	—	37	68	105	99	26	35
5. Нижегородская	321	840	227	891	13	2,3	99	75	164	98	36	49
6. Уфимская	538	1546	342	1482	10	16,4	92	59	114	132	76	75
Нижне-Волжский												
1. Самарская	535	1661	389	1664	7	17,7	49	77	107	114	93	97
2. Оренбургская	243	695	165	668	3	—	53	26	47	41	53	57
3. Астраханская	105	308	71	295	6	3,6	42	27	43	40	34	61
Юго-Западный												
1. Киевская	588	1549	413	1575	27	9,5	186	117	325	259	45	73
2. Волынская	225	645	—	637	—	0,8	39	18	81	37	—	28
3. Подольская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малороссийский												
1. Харьковская	462	1461	369	1419	31	9,5	126	86	158	168	44	104
2. Полтавская	463	1416	367	1398	43	26,6	—	63	179	180	25	85
3. Черниговская	379	1167	299	1160	26	11,5	216	23	95	65	16	20
М.-Промышленный												
1. Московская	291	742	240	818	50	6,6	140	62	105	76	45	55
2. Тверская	368	946	310	1048	72	12,3	135	44	69	50	20	54
3. Ярославская	232	521	178	594	25	5,4	63	29	80	75	17	23
4. Костромская	305	785	229	856	24	6,4	117	42	91	52	34	50
5. Владимирская	280	751	218	812	33	4,7	101	37	106	52	16	40
6. Калужская	215	642	216	697	37	4,2	82	17	88	26	14	18
Белорусский												
1. Смоленская	291	875	247	920	44	11,4	92	15	34	30	6	20
2. Могилевская	252	868	239	862	11	—	—	16	35	23	20	26
Приазерный												
1. Петербургская	153	388	56	410	18	4,2	61	27	49	33	16	34
2. Олонецкая	73	196	60	207	5	1,3	23	6	16	8	4	5
3. Новгородская	273	733	207	773	24	—	95	32	60	39	25	35
Приуральский												
1. Вятская	541	1644	441	1722	21	6,7	97	36	81	63	19	27
2. Пермская	385	994	191	119	10	8,9	101	53	99	69	58	97
Северный												
1. Архангельская	69	187	54	197	8	—	20	7	22	10	2	6
2. Вологодская	295	782	225	823	17	6,7	67	25	73	31	9	22
Итого по 35 губ.	11970	34602	9139	35195	811	216	2703	1594	3343	2472	980	1677
Степной	184	599	143	542	4	11,7	19	12	29	19	—	21
Сибирский	1380	2993	948	3838	35	26,8	247	78	160	134	101	165
Д.-Восточный	89	284	68	246	7	5,2	18	11	23	28	4	12

Нет сведений по районам: Новороссийскому, Литовскому, Прибалтийскому, Привислинскому краю, Предкавказскому, Закавказскому и Туркестанскому (в целом) и губерниям: Подольской, Витебской, Минской, Исковской и Уральской.

Примечание. В районах Новороссийском, Юго-Западном и Малороссийском широко применялись рабочие волы, взамен лошадей.

11. Укрепление крестьянских земель в частную собственность и выход на отрубные участки.

I. Общие итоги землеустроительных работ с 1907 по 1914 г.

Годы	Поступило холатайств		Утверждено землеустроительных проектов								
	Число земельных единиц	Число домохозяйств	По единоличному землеустройству			По групповому землеустройству			Всего		
			Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в десятинах	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в десятинах	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в десятинах
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1907	4486	219332	566	8315	88358	123	4296	44090	685	12611	132448
1908	8697	380691	1541	42350	434624	406	17664	136816	1934	60014	671440
1909	23738	704964	4196	119380	1215729	1348	85702	642715	5503	205082	1858444
1910	26792	650347	5903	151814	1447125	1678	110625	853720	7528	262439	2300845
1911	27057	673143	7239	206723	2031507	2150	112361	920926	9319	319084	2952433
1912	47228	1228225	5202	122532	1294439	2677	125642	837689	8219	248164	2132123
1913	39809	1105742	7572	192988	1833556	3149	193586	1144023	10462	386574	2977579
1914	30426	828096	7816	203915	1980273	4086	268201	1925868	11568	472116	3906141
Итого	208233	5793540	40535	1048007	10325611	15617	918077	6505347	55218	1966084	16831458

II. Виды землеустройств

(отвод земель в единоличное или общинное владение)

За весь период землеустройства с 1907 по 1912 г.

(в тысячах)

Работы	Холатайства		Утверждено землеустроительных проектов							
	Число дворов (тысяч)	% итога	Число дворов (тысяч)	% итога	Из числа дворов было единолично устроенных (тыс.)	% итога	Площадь (в тыс. десят.)	% итога	Из площади было единолично устроенной (в тыс. десят.)	% итога
I. Разверстание на хутора и отруба пельих селений	1741	30,1	677	34,4	674	64,3	6651	39,5	6624	64,6
II. Выдел отдельных домохозяйств	823	14,2	308	15,6	308	29,4	3209	19,1	3207	31,3
III. Отвод земель в общинное или общественное владение	3230	55,7	981	50,0	66	6,3	6971	41,4	423	4,1
Итого	5794	100	1966	100	1048	100	16831	100	10254	100

12. Покупка крестьянами земли через Крестьянский поземельный банк (1883—1915).

Годы	Число выданных ссуд и количество десятин кушленной земли							
	Сельским обществам		Товариществам		Отдельным домохозяйствам		По всем трем разрядам покупателей	
	Число ссуд	Количество десятин земли	Число ссуд	Количество десятин земли	Число ссуд	Количество десятин земли	Число ссуд	Количество десятин земли
	1	2	3	4	5	6	7	8
1883—85	616	271766	1114	272340	211	2180	1941	546286
1886—90	1628	459524	2821	559423	977	14169	5426	1033116
1891—95	956	204574	4611	600039	1991	27850	7558	832463
1896—1900	1645	597467	13169	2028614	5064	63872	19878	2689953
1901—05	1411	401298	18539	2699884	5429	74195	25379	3174377
1906—10	2953	997446	19523	2709472	125824	1544530	148300	5251448
1911—15	1032	169252	15911	1522650	172555	2517653	189548	4209555
За все время	10291	3101327	75688	10391422	312051	4244449	398030	17737198

12 а. Задолженность частного землевладения во всех учреждениях земельного кредита на 1 января 1916 г.

Число именовий	Количество земли		Оценка земли	Сумма ссуды	Остаток долга	В среднем на 1 десят., в рублях	
	тысяч	тыс. десятин				Оценка	Ссуда
	В миллионах рублей						
1	2	3	4	5	6	7	
572	66790	6336	4001	3724	95	60	

13. Распределение земель по угодьям в 1887 г.

в 47 губерн. Европейск. России, по районам (тыс. десят.)

Районы	Пахотной			Сенокосной и пастбищной			Лесной			Остальной удобной			Неудобной			Общее количество земли
	Число тысяч	десятин	% всей земли	Число тысяч	десятин	% всей земли	Число тысяч	десятин	% всей земли	Число тысяч	десятин	% всей земли	Число тысяч	десятин	% всей земли	
I. Центр.-Земледельч.	17526	66,0	2648	10,0	3720	14,0	1345	5,1	1311	4,9	2655	9,8	1811	7,4	32261	
II. Средне-Волжский	14904	46,2	4067	12,6	10022	31,1	870	2,7	2398	7,4	32261	10,2	3410	11,1	30543	
III. Нижне-Волжский	12680	41,5	9395	30,3	4695	15,4	363	1,2	3410	11,1	31501	10,2	1243	5,8	21501	
IV. Новороссийский	14731	68,6	3714	17,3	731	3,3	1082	5,0	1243	5,8	14954	4,7	1159	8,1	14954	
V. Юго-Западный	7743	53,9	14,7	9,9	2694	18,3	1331	9,3	835	6,2	13525	4,7	640	8,1	13525	
VI. Малороссийский	9052	66,9	1356	10,0	1642	12,2	640	4,7	2129	8,1	26119	3,0	797	8,1	26119	
VII. Промышленный	7407	28,4	4694	18,0	11092	42,5	679	3,0	3472	16,9	20555	3,0	3472	16,9	20555	
VIII. Белорусский	5716	27,9	2951	14,4	7737	37,6	369	3,5	1173	11,3	10431	3,5	1173	11,3	10431	
IX. Литовский	4064	39,0	2225	21,3	2690	24,9	369	3,5	4649	15,7	29606	3,5	4649	15,7	29606	
X. Приозерный	3224	10,0	3212	10,9	15732	53,1	2789	9,4	452	11,1	34073	9,4	452	11,1	34073	
XI. Прибалтийский	963	23,3	1492	36,6	1112	27,3	49	1,2	2528	5,9	42668	1,2	2528	5,9	42668	
XII. Приуральский	8321	19,5	3953	9,3	23254	54,5	4612	10,8	40859	37,8	108222	10,8	40859	37,8	108222	
XIII. Северный	933	0,9	2304	2,1	63983	59,1	147	0,1								
Итого	107269	28,2	43438	11,4	149014	39,2	15073	4,0	65618	17,2	380412	4,0	65618	17,2	380412	

13 а. Распределение пашни по ее составным частям в 1887 г.

в 47 губерн. Европейской России, по районам (тыс. десят.)

Районы	Общее количество пахотной земли	В том числе										
		Незанятая площадь										
		В том числе										
		Пашенная площадь	% ее к общему количеству земли		Всего десятин		% ее к общему кол. пах. земли		Сенокос		Залежи лососки и прот.	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Центр.-Земледельч.	17526	11298	64,5	6228	35,5	4877	78,3	465	7,5	886	14,2	
II. Средне-Волжский	14904	8889	59,6	6015	40,4	4314	71,7	645	10,7	1056	17,6	
III. Нижне-Волжский	12680	4535	35,8	8145	64,2	2142	26,3	1278	15,7	4726	58,0	
IV. Новороссийский	14731	8730	59,3	6002	40,7	814	13,6	1905	31,7	3282	54,7	
V. Юго-Западный	7697	5028	65,3	2670	34,7	1832	68,6	242	9,1	595	22,3	
VI. Малороссийский	9052	5604	61,2	3448	38,8	704	20,4	804	23,3	1939	56,3	
VII. Промышленный	7407	4463	60,3	2944	39,7	2265	77,0	260	8,8	419	14,2	
VIII. Белорусский	5716	3469	60,7	2247	39,3	1534	70,5	231	10,3	431	19,2	
IX. Литовский	4064	2642	62,5	1522	37,5	1173	77,1	154	10,1	195	12,8	
X. Приозерный	3224	1726	53,5	1498	46,5	799	53,3	173	11,6	528	35,1	
XI. Прибалтийский	963	643	66,4	325	33,6	156	47,9	84	25,7	86	26,4	
XII. Приуральский	8304	4943	59,5	3360	40,5	2592	77,1	288	8,6	490	14,3	
XIII. Северный	932	581	62,4	351	37,6	272	77,6	37	10,6	41	11,3	
Итого	107205	62451	58,3	44755	41,7	23254	52,5	6566	14,7	14662	32,8	

14. Изменения в составе угодий с 1887 г. по 1917 г.

(Распределение земель по угодьям по 6 районам Европ. России в 1887 и 1917 гг.)

(в тысячах десятин)

Районы	Годы	Пашотной		Сенокосной и пастбищн.		Лесной		Прочей удобной		Неудобной		Общее количество земель
		Количество десятин	% ко всему	Количество десятин	% ко всему	Количество десятин	% ко всему	Количество десятин	% ко всему	Количество десятин	% ко всему	
Центрально-Земледельч. (без Воронежской губ.)	1887	13 439,1	64,9	2 052,1	10,0	3 258,3	15,7	979,6	4,7	966,3	4,7	20 695,3
	1917	12 883,1	67,6	1 894,5	9,9	2 695,6	14,1	846,9	2,0	586,4	3,0	19 053,1 ^{*)}
Средне-Волжский (без Нижегородской и Пензенск. губ.)	1887	12 968,3	46,8	3 616,1	13,0	8 278,2	30,0	786,9	2,8	2 061,6	7,4	27 711,1
	1917	15 768,2	53,8	3 090,7	10,6	7 867,8	26,9	564,2	1,9	1 470,3	5,0	29 264,9 ^{*)}
Нижне-Волжский (без Астраханской губ.)	1887	6 657,9	48,5	3 975,3	28,9	1 351,0	10,0	219,8	1,6	1 515,2	11,0	13 719,2
	1917	9 525,5	68,0	2 234,2	15,9	1 089,9	7,8	280,3	2,0	605,6	4,3	14 012,8 ^{*)}
Центрально-Промышл. (без Московской губ.)	1887	6 477,0	28,0	4 072,7	17,6	9 949,9	42,9	702,6	3,0	1 882,7	8,5	23 162,9
	1917	6 028,2	25,6	4 686,2	20,0	10 321,9	44,1	426,3	1,8	918,3	3,9	23 387,4 ^{*)}
Прозерный (без Олонекской и Псковской губ.)	1887	1 668,7	12,0	1 896,2	13,7	7 274,8	52,4	465,6	3,4	2 569,1	18,5	13 874,4
	1917	1 491,6	10,1	2 241,2	15,2	8 875,8	56,9	519,4	3,5	1 884,0	13,5	14 716,7 ^{*)}
Северный (без Вологодской губ.)	1887	91,3	0,1	156,6	0,2	32 649,8	45,4	4,2	0,0	38948,4	54,3	71 850,3
	1917	86,4	0,1	250,4	0,4	31 651,8	44,5	6,5	0,0	26 346,2	37,0	71 179,8 ^{*)}
Итого по 19 губерн.	1887	41 302,3	25,7	15 769,0	9,9	62 761,0	33,6	3 158,7	1,3	48 023,3	29,5	171 014,2
	1917	45 783,0	28,9	14 397,2	9,5	62 002,6	39,8	2 743,6	1,4	31 890,8	20,4	171 614,7

В том числе не распределено на угодья: ¹⁾ 66,6 тыс. десят., ²⁾ 503,7 тыс. десят., ³⁾ 277,4 тыс. десят., ⁴⁾ 1 006,9 тыс. десят., ⁵⁾ 104,7 тыс. десят., ⁶⁾ 12 838,5 тыс. десят.

15. Посевные площади зерновых хлебов и картофеля в 1881 г. и в 1913 г.

(в тыс. десятин)

Районы	1881 год						1913 год							
	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Проч. хлеба	Картофель	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Проч. хлеба	Картофель	Итого	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Центр.-Земледельч.	4877	723	2947	165	1981	257	10 550	4609	818	2728	307	1306	594	10362
II. Средне-Волжский	4498	660	2073	171	2007	100	9 509	4644	1719	2417	94	1389	285	10 558
III. Нижне-Волжский	1100	1892	630	77	586	32	4 317	1 225	3 200	353	138	316	44	5 256
IV. Новоросийский	1942	4 855	534	1 489	1 580	144	10 604	1 712	7 451	680	4 606	572	226	15 247
V. Юго-Западный	1 290	978	834	404	867	89	4 462	1 388	1 146	1 030	589	923	283	5 359
VI. Малоросийский	1 841	959	575	593	1 013	63	5 044	1 689	1 584	786	890	592	259	5 800
VII. Моск.-Промышл.	2 214	62	1 357	277	477	157	4 544	1 349	38	1 095	183	107	323	3 685
VIII. Белорусский	1 599	49	716	314	459	178	3 315	1 781	48	791	279	210	427	3 536
IX. Литовский	1 136	81	501	255	298	175	2 446	1 290	97	639	301	164	345	2 836
X. Прозерный	836	6	603	135	163	58	1 771	802	7	512	139	24	111	1 595
XI. Прибалтийский	364	34	242	252	119	94	1 105	332	39	363	245	24	120	1 123
XII. Приуральский	2 049	349	1 683	404	307	24	4 816	2 147	658	1 941	368	174	61	5 349
XIII. Северный	249	25	183	97	41	7	602	294	17	240	118	10	21	700
Итого по 50 губ. Европ. России	23 985	10 673	12 938	4 633	9 898	1 378	63 485	23 852	16 822	13 555	8 257	5 821	3 099	71 406
XIV. Привислинский	} Св. еде ний нет							1 986	486	1 049	475	185	984	5 165
XV. Предкавказский								1 90	3 797	408	1 603	697	72	6 767
XVI. Закавказский								55	1 114	15	559	379	18	2 140
XVII. Сибирский								1 018	2 746	1 728	225	138	110	5 965
XVIII. ДВК								211	326	315	20	78	25	975
XIX. Степной								121	1 704	267	87	318	34	2 529
XX. Туркестанский							114	1 713	154	416	266	11	2 674	
Всего по империи								27 547	28 708	17 491	11 642	7 880	4 353	97 621

16. Средний по 5-летиям сбор зерновых хлебов, с 1886 по 1915 г. по районам.

(в миллионах пудов)

Р а й о н ы	1886—1890		1891—1895		1896—1900		1901—1905		1906—1910		1911—1915	
	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Центрально-Землед.	243	228	210	199	232	205	263	223	239	237	277	258
II. Средне-Волжский	181	163	176	147	210	194	229	191	222	207	240	209
III. Нижне-Волжский	34	74	35	78	99	117	36	95	36	103	46	139
IV. Новороссийский	94	197	110	306	87	303	124	432	121	497	153	513
V. Юго-Западный	94	84	107	114	122	116	191	154	149	173	190	186
VI. Малороссийский	75	88	86	118	89	122	108	166	89	165	126	199
VII. Моск.-Промышлен.	94	83	89	73	94	72	95	71	70	66	94	69
VIII. Белорусский	56	51	62	59	76	62	72	58	62	57	91	61
IX. Литовский	41	30	50	36	56	38	53	53	60	49	72	53
X. Приозерный	33	36	29	34	35	40	30	33	33	33	42	32
XI. Прибалтийский	23	28	22	32	29	33	26	36	56	30	28	37
XII. Приуральский	63	93	101	105	96	16	87	144	88	149	102	151
XIII. Северный	11	13	12	16	11	13	12	19	12	17	14	17
По 50 губ. Европ. России	1017	1168	1087	1317	1176	1331	1331	1675	1217	1783	1475	1929
XIV. Привислинский							130	95	157	111	—	—
XV. Предкавказский							107	126	122	174	143	231
XVI. Закавказский							25	58	26	67	29	62
XVII. Сибирский							25	122	24	170	30	212
XVIII. ДВК							—	—	—	—	—	48
XIX. Степной							1	51	1	61	3	85
XX. Туркестанский							—	—	23	45	2	91
Всего по империи							1625	2127	1570	2411	1707	2646

17. Посевные площади и сборы хлебов с 1861 по 1900 г. по 50 губерниям.

Показатели	1861—70			1871—80			1881—90			1891—1900		
	Крестьянск. ляска.	Вла-дельц.	Итого	Крестьянск. ляска.	Вла-дельц.	Итого	Крестьянск. ляска.	Вла-дельц.	Итого	Крестьянск. ляска.	Вла-дельц.	Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Посевная площадь (тыс. десят.)												
Озимых	18702	5543	24245	19003	6205	25208	18410	7157	25567	18550	7376	25926
Яровых	25304	6714	32018	24848	7718	32566	25309	9219	34528	25827	10746	36573
Итого	44006	12257	56263	43851	13923	57774	43719	16376	60095	44377	18122	62499
Картофеля	666	190	856	856	261	1117	1074	313	1387	1639	560	2199
Всего	44672	12447	57119	44707	14184	58891	44793	16689	61482	46016	18682	64698
На 1000 душ об. поля в десят.	825	—	—	717	—	—	616	—	—	547	—	—
II. Сбщий сбор хлебов (млн. пуд.)												
Озимых	585	202	787	658	251	909	695	342	1037	795	377	1172
Яровых	697	203	900	782	258	980	797	342	1139	955	478	1433
Итого	1282	405	1687	1380	509	1889	1492	684	2176	1750	855	2605
Картофеля	177	574	751	270	105	375	318	125	443	644	252	896
III. Сбор хлебов на десятину (пуд.)												
Озимых	31	36	—	35	40	—	38	48	—	43	51	—
Яровых	27	30	—	29	33	—	32	37	—	37	45	—
Вообще хлебов	29	33	—	31	37	—	34	42	—	39	47	—
Картофеля	267	302	—	316	402	—	296	398	—	393	448	—
Урожай «сам» (против посева)	3,4	3,8	—	3,7	4,3	—	3,9	5,0	—	4,6	5,8	—
IV. Сб.р хлебов на 1000 душ												
Хлебов вообще	23673	—	—	22152	—	—	—	—	—	20813	—	—
Картофеля (в перев. на хлеб: 3 п.—1 п.)	1092	—	—	1443	—	—	20505	1459	—	2554	—	—
Хлебов и картофеля	24765	—	—	23595	—	—	21964	—	—	23367	—	—

17а. Посевные площади и сборы отдельных зерновых хлебов и картофеля с 1901 по 1915 г.

(отдельно в границах бывш. Империи и СССР)

	Г О Д Ы	в том числе										Картофель
		Все зерновые хлебы	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень	Гречиха	Просо	Кургузга	Горох	
I. Посевные площади (в тыс. дес.)												
50 губ. Европ. России	1901—1910	69814	23900	3182	13909	14075	7516	1933	2524	1054	777	2759
	1911—1915	71434	23650	3380	15153	13843	8757	1697	2225	1175	746	3009
	1913	73163	24253	3407	15301	14094	9096	1829	2301	1254	839	3209
Терр. Европ. части СССР	1901—1910	60111	21459	2525	12288	12290	6299	1779	2438	418	615	2197
	1911—1915	62782	21619	2837	13585	12325	7467	1619	2178	510	642	2479
	1913	63400	21732	2799	13760	12351	7617	1705	2231	515	690	2553
Привислиньские губ.	1901—1910	4142	1885	458	5	1031	443	102	31	—	155	884
	1911—1915	н. с.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1913	4289	1973	477	9	1071	475	93	30	—	136	966
Кавказ	1911—1915	8355	191	3131	1599	416	2027	8	381	599	3	83
	1913	8760	223	3237	1673	409	2161	8	401	644	4	90
Азиатская Россия	1911—1915	11370	763	564	5646	2440	672	96	539	54	32	180
	1913	11964	872	630	5840	2465	748	97	551	57	32	181
Всего по бывш. империи	1911—1915	91159	24604	7075	22398	16699	11456	1801	3145	1828	781	3277
	1913	93176	27321	7801	22823	18039	12480	2027	3283	1955	1011	4468
Терр. всего СССР	1901—1910	69781	22309	4511	16543	14335	7451	1843	3139	650	650	2374
	1911—1915	79007	22649	5263	20467	15197	9356	1662	2924	813	676	2722
	1913	80035	22902	5342	20782	15137	9565	1751	3008	827	721	2798
II Сборы (млн. пуд.)												
50 губ. Европ. России	1901—1910	3209	1120	202	531	674	384	57	104	66	32	1163
	1911—1915	3573	1260	234	535	708	463	61	105	92	35	1433
	1913	4263	1344	275	816	878	582	65	127	93	45	1452
Терр. Европ. части СССР	1901—1910	2786	1000	161	472	593	321	53	102	26	26	92
	1911—1915	3162	1147	202	524	636	392	58	103	40	30	1186
	1913	3707	1206	230	716	772	486	61	123	39	37	1154
Привислиньские губ.	1901—1910	249	114	33	0,3	56	30	4	2	—	9	510
	1911—1915	н. с.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1913	314	141	39	1	75	40	4	2	—	10	618
Кавказ	1911—1915	452,6	10	163	77	25	119	0,4	19	39	0,2	33
	1913	532,6	13	208	96	27	142	0,4	13	33	0,2	33
Азиатская Россия	1911—1915	494	34	26	236	115	31	3	21	4	1	69
	1913	524	35	29	242	129	34	3	22	4	1	69
Всего по бывш. империи	1911—1915	4519,6	1304	423	898	848	613	64,4	145	135	36,2	1535
	1913	5633,6	1533	551	1155	1108	798	72,4	164	130	56,2	2192
Терр. всего СССР	1901—1910	3326	1040	264	650	1375	386	55	125	41	27	977
	1911—1915	3938	1189	338	810	764	504	60	134	66	32	1279
	1913	4625	1258	408	1048	922	622	62	151	62	38	1245

18. Средний урожай с 1 десятины главных зерновых хлебов и картофеля
(отдельно у крестьян и части влад.) по районам Европ. России за периоды 1883—1900 и 1901—1910 гг.
(в пудах с 1 дес.)

Районы	Рожь озимая				Пшеница озимая				Пшеница яровая				Овес				Ячмень				Картофель			
	1883—1900		1901—1910		1883—1900		1901—1910		1883—1900		1901—1910		1883—1900		1901—1910		1883—1900		1901—1910		1883—1900		1901—1910	
	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
I. Центрально-Землед.	47	57	52	67	52	61	55	71	37	47	49	53	40	50	49	64	38	42	48	59	374	428	442	527
II. Средне-Волжский .	45	53	52	62	41	42	—	52	36	39	39	45	37	45	43	51	35	38	42	45	311	354	360	400
III. Нижне-Волжский .	26	33	34	41	—	—	—	39	33	35	32	38	35	38	33	39	31	38	32	89	252	243	298	329
IV. Новороссийский .	33	44	45	56	33	42	47	62	33	40	40	51	35	44	49	59	42	52	52	63	210	212	267	272
V. Юго-Западный . .	49	58	70	79	55	63	74	84	41	49	51	60	45	53	65	77	45	52	63	72	381	414	499	559
VI. Малороссийский .	43	50	55	69	43	53	59	74	41	46	53	60	41	49	54	66	45	50	58	67	385	428	495	561
VII. Моск.-Промышлен.	46	58	45	57	43	54	—	—	45	49	43	49	41	49	50	59	38	45	48	52	351	399	393	436
VIII. Белорусский . . .	39	48	42	52	45	54	43	57	41	47	42	46	39	49	46	53	38	44	46	51	378	450	415	489
IX. Литовский	39	47	46	55	46	56	50	60	38	45	42	47	34	39	43	49	39	45	46	53	336	405	382	446
X. Приозерный	44	57	47	56	45	60	—	58	41	52	43	49	44	52	49	56	43	51	50	58	369	414	400	448
XI. Прибалтийский . .	60	77	68	77	70	84	71	80	57	67	58	60	46	61	54	64	57	70	62	70	468	583	585	621
XII. Приуральский . .	44	49	58	57	—	—	—	—	44	49	52	57	46	50	55	58	47	51	56	58	351	385	388	388
XIII. Северный	47	50	48	53	—	—	—	—	—	—	48	54	49	48	52	57	47	50	56	59	351	378	425	438
По 50 губ. (средн.) . .	43	52	50	61	47	53	57	64	41	47	45	51	41	48	50	58	42	48	51	57	342	390	410	455
XIV. Предкавказский .	—	—	55	59	—	—	60	65	—	—	50	56	—	—	61	64	—	—	63	67	—	—	301	297

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НАР. ХОЗ. ДОРЕВОЛ. РОССИИ.

19. Продовольственная обеспеченность населения отдельных губерний зерновыми хлебами с 1888 по 1914 г.

Остаток (за посевом) зернов. хлебов на 1 душу населения (в пудах)

Губернии по районам	Всех зерновых хлебов на 1 душу сельского населения								Всех зерновых хлеб. на 1 душу всего населен.				Продовольств. зернов. хлебов (без овса) на 1 душу всего населен.						
	в среднем				в неурожайные годы				в среднем в 5-летнем периоде	в неурож. г.	в среднем			в неурожайные годы					
	1888—1889	1890—1894	1895—1899	1891	1892	1897	1898	1899			1893	1899—1903	1901	1903	1903	1903—1907	1908—1912	1913—1914	1905
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I. Курская	23	26	27	15	19	14	33	33	32	32	28	25	21	20	20	21	17	19	18
Орловская	26	24	22	18	15	13	21	35	31	25	19	22	16	14	13	12	12	10	14
Тульская	37	27	27	19	11	14	23	48	43	33	23	31	17	14	14	12	7	7	18
Рязанская	30	20	23	10	12	12	17	37	34	27	14	23	17	13	14	11	7	9	12
Тамбовская	31	29	35	12	21	20	33	48	44	38	21	36	31	23	21	20	15	15	17
Воронежская	27	25	27	2	10	11	31	35	32	32	19	36	27	21	23	24	9	12	18
II. Саратовская	31	26	25	12	25	26	21	50	43	33	20	32	38	21	22	28	11	7	8
Симбирская	28	22	29	8	18	23	9	52	48	32	15	29	36	20	20	11	12	3	7
Пензенская	35	21	29	11	16	10	28	46	42	32	18	27	34	18	23	18	6	6	12
Казанская	22	18	26	4	13	23	3	48	35	26	15	26	28	17	17	10	13	2	6
Нижегородская	22	15	20	12	15	14	14	27	25	19	14	12	20	13	13	15	5	8	8
Уфимская	19	21	22	11	27	20	7	38	36	22	12	24	38	22	23	20	24	5	4
III. Самарская	20	21	29	6	15	25	9	37	34	32	13	39	51	27	32	44	21	2	4
Оренбургская	43	22	24	2	43	14	21	28	25	24	11	27	30	29	18	29	58	6	3
Астраханская	10	10	14	8	6	5	18	12	6	6	3	6	9	6	4	14	6	2	1
IV. Бессарабская	40	50	42	56	22	62	55	17	14	44	68	58	18	44	46	48	40	63	57
Херсонская	42	63	56	33	34	56	66	20	14	37	55	56	29	44	40	44	32	61	37
Таврическая	57	86	58	35	72	53	74	39	32	47	42	73	55	57	49	53	56	49	42
Екатеринославская	33	52	42	36	59	39	57	33	29	37	19	45	61	48	48	36	49	38	42
Донецкая обл.	52	59	38	37	42	16	45	40	35	37	22	47	48	37	43	54	36	18	24
V. Киевская	24	26	27	26	21	18	31	31	27	26	23	25	22	21	19	22	21	19	21
Рованская	17	22	22	22	23	19	23	28	24	22	21	27	19	17	17	16	17	14	18
Подольская	21	27	30	24	16	20	31	36	27	29	33	32	26	27	24	25	24	29	24
VI. Харьковская	24	26	26	19	21	20	34	24	20	25	16	23	28	26	28	21	19	26	26
Полтавская	23	29	28	26	15	24	38	33	30	32	27	31	29	28	26	31	30	24	26
Черниговская	13	18	18	15	19	16	21	22	20	17	16	16	14	12	11	16	12	9	13
VII. Московская	12	11	8	10	9	6	10	11	6	5	5	4	4	3	2	3	4	2	3
Тверская	15	16	16	17	17	19	15	14	13	14	12	9	8	7	7	8	6	7	7
Ярославская	16	20	20	20	22	23	21	18	15	14	14	16	10	8	7	10	5	9	9
Костромская	18	19	19	22	19	22	18	19	17	15	16	13	13	10	10	11	7	10	9
Владимирская	17	15	14	17	15	14	14	16	14	13	10	11	11	9	7	8	9	8	9
Калужская	17	14	14	13	10	6	16	18	17	12	10	9	12	9	7	7	11	5	10
VIII. Смоленская	24	22	19	19	24	17	23	21	20	18	18	16	12	11	10	11	13	8	12
Могилевская	17	18	15	14	20	14	17	18	16	15	14	14	12	10	10	12	11	8	11
Витебская	15	16	15	14	17	18	18	13	11	11	10	9	8	7	9	9	7	7	10
Минская	16	18	17	17	21	15	20	18	16	15	14	15	13	11	12	12	10	8	12
IX. Ковенская	17	18	18	18	14	20	20	17	15	19	19	19	15	14	17	16	14	14	16
Вилненская	15	17	17	16	19	18	21	16	14	15	12	15	13	10	12	12	10	9	12
Гродненская	13	18	17	14	20	16	20	17	15	14	12	15	12	11	11	12	10	10	12
X. Эстляндская	26	22	23	25	19	25	26	19	16	17	16	17	14	13	15	11	13	14	13
Лифляндская	23	20	20	20	17	18	20	12	11	13	15	11	10	8	12	12	10	11	13
Курляндская	30	29	32	28	26	35	38	31	24	28	27	30	20	19	18	16	18	16	16
XI. Петроградская	15	14	13	15	14	15	15	11	4	4	4	3	2	2	2	2	2	2	2
Одонецкая	12	13	18	11	10	13	14	7	6	11	13	11	3	5	6	6	6	7	7
Новгородская	17	17	15	20	17	16	16	11	10	14	15	11	6	6	7	8	6	7	7
Псковская	18	18	16	20	17	18	20	12	11	13	15	11	10	8	12	12	8	9	10
XII. Вятская	22	26	31	12	24	24	14	40	39	27	15	19	26	16	15	17	14	11	10
Пермская	18	22	26	14	19	26	17	28	26	23	11	26	23	20	16	19	22	16	6
XIII. Архангельская	7	5	6	3	5	7	7	4	3	5	6	6	3	5	5	4	5	5	5
Вологодская	13	17	15	17	17	17	14	16	15	15	16	14	9	9	9	8	10	9	9
Итого по 50 губ.	24	25	26	17	21	22	25	29	25	24	20	25	23	20	19	21	17	14	15

19 (Продолжение)

Губернии по районам	Всех зерновых хлебов на 1 душу сельского населения								Всех зерновых хлеб. на 1 душу всего населения				Продовольств. зернов. хлебов (без овса) на 1 душу всего населения									
	в среднем			в неурожайные годы					в среднем	в среднем в неурож. год	в среднем	в среднем			в неурожайные годы							
	1888—1889	1892—1893	1895—1899	1891	1892	1897	1898	1899				1889	1899—1903	1901	1903	1903	1902—1907	1908—1912	1913—1914	1905	1906	1911
XIV. Привислинские	18	25	22	18	26	20	26	25	19	18	15	18	14	14	16	—	14	15	16			
XV. Кубанск.	—	38	48	—	96	27	48	41	38	48	51	52	49	56	60	61	70	57	41			
Староп.	—	73	41	—	65	8	46	51	46	51	38	66	59	47	51	77	45	45	38			
Герокая	—	22	28	—	18	21	28	31	24	23	19	26	26	25	30	35	27	25	23			
XVI. Черноморск.	—	—	10	—	—	—	—	10	11	10	9	9	9	7	5	4	8	7	4			
XVII. Тургайск.	—	—	16	—	—	7	22	17	16	16	13	18	2	17	15	27	45	7	0			
Акмолин.	—	—	10	—	—	7	8	18	16	10	4	24	21	13	8	27	14	—	4			
Семипалат.	—	—	8	—	—	10	8	5	4	1	8	7	4	6	13	4	5	6	6			
Семреч.	—	—	21	—	—	18	25	24	19	19	17	20	16	17	20	19	17	24	24			
XIX. Енисейск.	—	—	29	—	—	28	17	41	37	22	7	29	23	22	12	18	22	21	10			
Иркутск.	—	—	24	—	—	23	14	33	29	18	16	18	15	18	13	15	17	19	13			
Тобольск.	—	—	36	—	—	34	31	45	42	25	9	38	27	20	13	23	20	14	1			
Томск.	—	—	37	—	—	43	33	38	31	21	7	33	21	20	20	27	20	26	19			

19а. Остаток продовольственных хлебов (без овса)

на 1 душу всего населения

Губернии по районам	В среднем 1910—1914	Неурож. год 1911	Губернии по районам	В среднем 1910—1914	Неурож. год 1911
XVI. Баянск	6	8	XIX. Якутск.	2	2
Батумск.	29	12	XX. Забайк.	10	9
Тифлисок.	10	7	Амурск.	32	33
Дагест.	6	6	Приморск.	13	10
Елисавет.	7	4	Сахал.	—	—
Кутаисск.	12	12			
Эриванок.	12	10			
Карокая	14	11			
XVII. Уральск.	14	0			
XVIII. Закасп.	9	8	По всей России		
Сыр-Дар.	15	16	(Европ. и Азиат.) . .	20	15
Ферганск.	8	8			
Самаркандск.	13	10			

20. Технические сельско-хозяйственные культуры.

(Посевная площадь, сбор и урожайность льна, конопли, подсолнуха, свеклы, табака, хлопка и риса).

А. Нечерноземные районы Европейской России.

Районы губернии	Посевная площадь под техническими культурами в 1914 г. (тыс. деснт.)		Средний ежегодный сбор за 1901—1910 гг. (тыс. пудов)				Средний урожай за 1901—1910 гг. на 1 десятину (в пудах)			
	Лен	Конопля	Лен (зерно)	Лен (во- локно)	Конопля (зерно)	Конопля (волокно)	Лен (зерно)	Лен (во- локно)	Конопля (зерно)	Конопля (волокно)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Московск.-Промышл.										
Владимирская	39,4	0,2	812	1197	10	10	24	32	30	29
Московская	19,2	1,1	370	393	49	58	26	25	30	34
Калужская	21,7	20,2	466	466	705	615	29	25	33	27
Тверская	106,6	1,0	1933	2562	62	55	21	28	27	25
Ярославская	35,4	—	965	805	11	7	22	20	—	23
Костромская	45,8	—	814	782	—	—	21	18	—	—
Белорусский										
Могилевская	34,9	13,0	767	755	544	518	31	28	32	31
Минская	22,3	4,5	736	773	185	212	33	34	31	34
Витебская	49,5	1,0	700	1027	44	42	15	21	23	22
Смоленская	130,1	19,0	2110	3082	893	810	25	34	35	33
Литовский										
Виленская	20,5	2,1	500	498	72	72	25	23	24	24
Ковенская	41,1	1,4	1228	1137	58	51	28	25	27	23
Гродненская	10,5	1,0	340	297	44	41	34	30	30	27
Приозерный										
Петроградская	13,8	0,2	209	254	6	6	21	22	—	21
Псковская	101,2	0,2	1233	2046	11	11	14	19	20	22
Повгородская	28,1	0,3	481	611	18	18	22	27	21	20
Олонецкая	2,3	0,6	32	36	10	11	15	16	16	17
Прибалтийский										
Лифляндская	54,2	0,3	1617	2060	18	18	23	28	24	27
Курляндская	11,5	—	449	448	8	8	31	28	29	32
Эстляндская	2,7	—	103	102	1	1	26	25	—	18
Приуральский										
Вятская	116,5	10,9	1943	1192	320	270	20	15	24	24
Пермская	49,4	14,2	875	930	512	348	21	19	32	24
Северный										
Вологодская	23,8	1,2	582	571	34	31	22	20	25	27
Архангельская	0,2	0,3	13	13	12	11	23	24	29	29
Привислинский	32,3*)	5,6*)	1304	—	259	317	38	—	30	42

*) По 1913 году.

Б. Черноземные районы и Северный Кавказ.

Районы и губернии	Посевная площадь под техническими культурами в 1914 г. (тыс. дес.)					Средний ежегодный сбор за 1901—1910 гг. (тыс. пудов)						Средний урожай за 1901—1910 г. на 1 десятину (в пудах)						
	Лен	Конопля	Подсолнух	Свекла	Табак*	Лен (зерно)	Конопля (зерно)	Конопля (волокно)	Подсолнух	Свекла	Табак	Лен (зерно)	Конопля (зерно)	Конопля (волокно)	Подсолнух	Свекла	Табак	
																		1
Центр.-Земл.																		
Курская	4,9	52,6	19,1	92,2	—	192	3006	2042	—	880	5592	80	41	45	32	46	109	131
Орловская	6,7	71,6	—	4,1	0,8	173	3016	1991	—	221	—	31	30	38	25	—	60	100
Тульская	3,8	16,9	—	—	3,4	140	698	620	—	103	—	4	31	32	31	—	64	81
Рязанская	9,9	5,0	—	—	3,4	261	215	278	—	—	—	200	29	25	32	—	—	124
Тамбовская	6,7	18,6	53,6	12,6	6,6	379	766	843	2453	498	574	29	28	30	46	85	119	
Воронежская	3,8	24,5	233,7	17,8	1,4	524	928	1046	12167	734	116	32	33	37	52	98	130	
Ср.-Волжский																		
Саратовская	4,5	9,7	174,8	—	н. с.	253	379	513	5704	—	—	1	23	24	32	33	—	65
Самбирская	4,9	12,4	—	—	—	153	528	501	—	—	—	6	25	34	30	—	—	157
Пензенская	6,0	39,2	4,0	—	—	148	1419	1431	128	—	—	23	26	33	33	—	—	210
Казанская	18,2	11,5	—	—	н. с.	373	340	342	—	—	—	н. с.	27	30	29	32	—	—
Нижегородская	33,7	10,0	—	—	—	647	416	411	—	—	—	1	25	32	30	—	—	81
Уфимская	13,2	14,2	—	—	н. с.	337	412	342	—	—	—	н. с.	28	33	27	—	—	—
Н.-Волжский																		
Самарская	5,4	11,7	—	—	1,6	231	317	297	—	—	138	22	27	29	—	—	—	76
Оренбургская	42,6	8,8	—	—	н. с.	642	249	209	—	—	—	22	29	24	—	—	—	—
Астраханская	0,5	—	—	—	—	8	2	6	—	—	—	1	—	34	—	—	—	60
Новороссийский																		
Бессарабская	6,2	5,4	—	1,5	2,4	275	186	217	—	97	143	31	34	46	—	98	—	49
Херсонская	4,1	4,4	9,3	15,0	0,3	247	204	271	659	674	9	28	29	49	71	79	—	38
Таврическая	22,7	0,5	2,0	—	2,9	336	15	90	145	—	205	22	—	37	73	—	—	60
Екатеринославская	20,8	6,0	10,8	—	—	576	258	420	655	—	1	27	34	47	61	—	—	25
Донская обл.	11,9	6,8	46,3	—	—	394	241	328	2030	—	4	20	29	38	45	—	—	51
Юго-Западный																		
Подольская	2,3	5,8	—	160,1	—	61	352	393	—	8273	28	30	41	43	—	76	—	43
Киевская	1,5	5,4	—	201,8	—	128	342	453	—	12306	3	31	40	43	—	92	—	131
Волынская	9,2	8,7	—	36,1	0,2	857	387	468	—	2448	36	39	39	44	—	93	—	99
Малороссийский																		
Харьковская	4,2	16,8	37,9	76,7	—	291	674	710	2889	6790	21	35	35	36	60	128	—	92
Черниговская	22,8	41,5	—	33,5	7,8	640	1742	1360	—	2147	1509	35	35	27	—	106	—	115
Полтавская	8,6	25,0	6,4	31,7	7,9	763	1154	1051	510	724	1009	41	33	38	80	84	—	112
Предкавказский																		
Кубанская обл.	88,7	4,6	272,6	3,5	11,6	280	248	386	21074	465	873	35	—	34	77	157	—	69
Ставропольская	16,9	0,1	6,7	—	—	565	39	74	403	—	4	25	—	25	60	—	—	89
Терская обл.	12,0	1,4	—	—	—	202	44	48	—	—	1	27	—	23	—	—	—	75

В. Азиатская часть России.

Районы, губернии, области и округа	Посевная площадь под технич. культурами в 1914 г. (тыс. десят.)						Средний ежегодный сбор за 1901—1910 гг. (тыс. пудов)							Средний урожай за 1901—1910 гг. на 1 десятину (в пудах)							
	Лен	Копыля	Подсолнух	Табак	Хлопок	Рис	Лен (зерно)	Лен (волокно)	Копыля (зерно)	Копыля (волокно)	Подсолнух	Табак	Хлопок	Рис	Лен (зерно)	Копыля (волокно)	Подсолнух	Табак	Хлопок	Рис	
																					1
Закавказский																					
Бакинская	—	—	—	—	8,0	5,8	—	—	1	—	—	4	401	562	—	—	—	—	95	32	54
Батумская	—	—	—	1,0	—	0,1	—	—	—	—	—	26	—	27	—	—	—	—	61	—	99
Давидовская	—	—	—	—	0,2	—	—	4	5	—	—	1	9	22	—	—	—	—	52	24	60
Елисаветп.	1,4	0,4	—	0,2	30,9	11,9	—	—	5	—	—	14	1015	554	—	—	—	—	92	34	50
Карская	1,3	—	—	—	50,0	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кутаисская	—	—	—	0,4	20,6	—	—	—	—	—	—	11	1	—	—	—	—	—	95	31	—
Сухумский	—	—	—	13,1	30,0	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	44	26	—
Тифлисская	1,4	—	—	1,3	5,3	4,6	—	—	—	—	—	384	1	—	—	—	—	—	63	17	—
Закавказский	—	—	—	0,4	—	—	—	—	1	—	—	52	183	—	—	—	—	—	70	55	—
Черноморская	—	—	—	4,6	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	98	—	—
Эриванская	3,1	—	—	0,2	23,7	3,7	78	—	2	—	—	10	1007	551	—	—	—	—	53	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51	42	154
Сибирский и ДВК																					
Енисейская	4,5	7,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31	—	—
Иркутская	0,8	1,9	—	—	—	—	—	70	—	236	216	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тобольская	20,3	10,6	—	—	—	—	—	357	383	393	331	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Томская	40,7	35,3	—	—	—	—	—	544	591	952	862	—	—	—	—	—	—	—	22	26	—
Забайкальская	—	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Жутовская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Амурская	0,5	0,5	0,6	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Приморская	5,7	1,2	—	—	—	—	—	68	—	28	—	31	—	—	—	—	—	—	—	53	—
Степной																					
Тургайская	13,3	0,8	8,7	—	—	—	189	—	12	16	228	—	—	—	—	—	—	—	—	28	26
Акмолинская	20,5	2,2	—	—	—	—	—	226	49	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—
Семиреченская	1,5	0,6	2,2	—	—	—	—	7	7	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	36
Уральская	1,7	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Туркестанский																					
Закаспийская	—	—	—	—	43,3	—	—	—	—	—	—	—	3177	—	—	—	—	—	—	—	79
Сыр-Дарьинск.	7,6	2,1	—	—	73,8	—	—	438	—	50	—	—	3484	—	—	—	—	—	—	—	51
Ферганская	9,2	—	—	—	277,6	—	—	228	—	31	—	—	18240	—	—	—	—	—	—	—	71
Самаркандск.	14,6	0,5	—	—	42,0	—	—	406	—	12	—	—	1776	—	—	—	—	—	—	—	48
Оеширеченск.	3,7	1,7	6,5	—	—	—	—	111	33	40	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	75

Урожай подсолнуха по 1914 г.
 » хлопса » 1911 »
 » риса » 1911 »

21. Состав посевных площадей у крестьян и частных владельцев в 1916 г., по районам (по данным с.-х. переписи 1916 г.) (тысяч десятин).

Районы и владельцы	в т о м ч и с л е															
	Вся площадь	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень	Гречиха	Просо	Картофель	Подсолнух	Лен	Копыль	Свекла и корнеплоды	Табак	Сенные травы	Бахчевые
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
I. Центр.—Землед.																
крест.	9447	4021	126	491	2407	211	295	733	456	250	26	187	15	11	81	27
влад.	1322	387	95	37	396	10	19	54	52	19	3	3	83	—	144	4
II. Средне-Волжский																
крест.	6387	4001	7	1432	2028	91	341	534	201	127	62	80	—	—	27	19
влад.	845	268	6	65	190	4	9	24	14	4	3	1	—	—	42	—
III. Нижне-Волжский																
крест.	6658	1110	32	3847	844	269	63	162	65	28	31	14	—	—	44	43
влад.	461	76	14	257	34	10	9	10	3	2	2	—	—	—	40	1
IV. Новороссийский																
крест.	19953	1555	2033	3177	487	4481	19	191	151	161	68	11	11	—	101	267
влад.	2190	227	581	263	259	606	4	34	13	13	15	1	19	—	58	9
V. Юго-Западный																
крест.	3528	1003	579	19	592	412	262	176	198	4	6	10	42	—	61	3
влад.	1341	98	374	9	274	73	31	47	21	2	1	1	202	—	105	1
VI. Малороссийский																
крест.	5012	1463	305	814	560	643	432	143	198	52	24	74	25	8	147	44
влад.	836	118	127	113	143	55	18	23	16	3	2	1	102	—	87	3
VII. М.-Промышлен.																
крест.	3165	1339	5	28	780	161	40	6	271	—	30	27	—	—	168	3
влад.	120	33	—	—	37	2	1	—	8	—	3	—	—	—	35	—
VIII. Белорусский																
крест.	3972	1581	17	26	789	410	163	28	351	—	298	34	—	—	197	—
влад.	403	129	5	1	130	21	7	1	30	—	5	1	—	—	79	—
IX. Литовский¹⁾																
крест.	229	101	1	—	45	39	—	1	—	17	—	6	1	—	7	—
влад.	29	12	—	—	8	2	—	—	2	—	—	—	—	—	3	—
X. Приозерный																
крест.	1702	631	6	4	443	154	6	—	113	—	171	1	—	—	136	1
влад.	67	16	—	—	16	5	—	—	4	—	2	—	1	—	23	—
XI. Прибалтийский²⁾																
крест.	799	153	6	9	217	128	3	—	61	—	43	—	10	—	465	—
влад.	251	49	2	1	64	35	—	—	18	—	3	—	2	—	76	—
XII. Приуральский																
крест.	5315	1807	1	671	1939	346	99	8	50	—	192	20	—	—	96	—
влад.	20	5	—	4	7	1	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—
XIII. Северный																
крест.	677	256	—	16	214	113	—	—	21	—	40	1	—	—	3	—
влад.	4	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Итого по 47 губ. Европ. части																
крест.	63744	19023	3118	10535	11345	7401	1724	1931	2153	622	1267	460	102	19	1233	406
влад.	7688	1419	1204	755	1555	824	93	193	181	42	40	7	409	—	692	18
XIV. Предназвье																
крест.	557	38	1893	783	225	1253	4	268	37	320	23	3	3	14	68	61
влад.	—	3	109	46	21	59	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—
XV. Заповязье																
крест.	859	—	242	89	3	165	—	11	10	1	3	—	—	14	15	3
влад.	34	—	11	—	1	7	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
XVI. Степной																
крест.	2647	69	4	1879	374	147	1	63	21	18	19	2	—	—	1	25
влад.	39	—	—	32	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
киргизск.	632	4	9	321	90	7	—	225	—	—	—	—	—	—	—	—
XVII. Сибирск. и Д.-Восточн.																
крест.	7110	599	2	3208	2044	204	99	79	109	29	82	54	—	1	56	24
влад.	23	1	—	10	9	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—

¹⁾ Литовский р. — без Ковенской и Гродненской губ.

²⁾ Прибалтийский р. — без Курляндской губ.

22. Количество скота и площадь лугов по районам в 1883, 1900 и 1914 гг.

(скот в тыс. голов)

Районы	Лошадь			Крупн. рогат. скот			Овцы и козы			Свиньи			Площадь лугов, тыс. дес.
	1883	1900	1914	1883	1900	1914	1883	1900	1914	1883	1900	1914	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Центр.-Землед.	2961	2949	2914	2186	3283	3016	7141	8405	6548	1365	1450	1273	1294
II. Средне-Волжский	2451	2677	2823	2045	3260	3293	5661	7769	7422	723	794	895	1647
III. Нижне-Волжский	1693	1686	2124	1710	2525	2738	4501	4376	6008	267	283	355	2638
IV. Новороссийский	1726	2711	3260	4438	5595	4748	14190	9302	5216	1452	1663	2164	1863
V. Юго-Западный	1208	1700	1681	1755	2497	2350	2400	2559	1713	1336	1319	1805	842
VI. Малороссийский	1075	1337	1684	1630	2354	2168	3852	3512	2413	1053	1192	1547	989
VII. Моск.-Промышл.	1372	1384	1465	2105	2518	2131	2150	2600	1713	231	526	565	2766
VIII. Белорусский	1225	1484	1472	1635	2959	2737	1620	2918	2361	1086	1733	1742	2364
IX. Литовский	729	761	742	1351	1933	1729	1379	1860	1454	1022	1041	1071	1296
X. Приволжский	601	664	683	1064	1473	1418	647	1122	949	158	249	231	1799
XI. Прибалтийский	393	413	375	807	1195	1038	816	1363	790	317	591	539	1146
XII. Приуральский	1673	1619	1592	1818	2545	2243	2558	3190	2958	540	480	609	2691
XIII. Северный	265	298	326	596	771	648	505	666	497	52	49	65	945
Итого по 50 губ. Европ. России	17373	19683	21161	23190	32913	30257	47420	49642	39642	9602	11370	12902	22290
XIV. Привислинский			1008			2007			681			492	857
XV. Предкавказский			1698			3047			5038			933	1089
XVI. Закавказский			368			3400			8724			336	630
XVII. Сибирск. и ДВК			5314			6687			6316			1696	5826
XVIII. Степной	нет	сведения		нет	сведения		нет	сведения		нет	сведения	203	4102
XIX. Туркестанский			1213			1507		9899				17	
Всего по империи	—	—	34310	—	—	51080	—	—	84001	—	—	16579	34784

23. Распределение скота по районам в 1900 г.

(относительные данные)

Районы	На 1 кв. версту				На 100 дес. общ. посевн. площ. 4)				На 100 душ сельск. насел. 5)				На 1 двор 6)			
	Общее количество голов скота		Крупного рогатого скота		Общее количество голов скота		Крупного рогатого скота		Общее количество голов скота		Крупного рогатого скота		Общее количество голов скота		Крупного рогатого скота	
	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего	Лошадей	Прочего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I. Центрально-Землед.	61	11	13	37	153	28	31	94	136	25	28	83	8,5	1,5	1,7	5,3
II. Средне-Волжский	40	7	9	24	144	27	32	83	138	25	31	82	8,2	1,6	1,9	4,7
III. Нижне-Волжский	26	5	7	14	164	31	46	87	197	37	56	104	14,7	2,9	4,1	7,7
IV. Новороссийский 4)	55	8	16	31	133	19	38	76	216	30	63	123	8,8	1,8	2,5	4,5
V. Юго-Западный	56	12	17	27	157	33	49	75	93	19	29	45	6,2	1,2	1,8	3,2
VI. Малороссийский	61	10	17	34	150	24	42	84	124	20	35	69	7,3	1,2	2,0	4,1
VII. Моск.-Промышл.	27	5	10	12	167	33	60	74	91	18	33	40	5,3	1,0	1,9	2,4
VIII. Белорусский	43	7	14	23	221	36	72	113	147	24	48	75	10,5	1,7	3,2	5,6
IX. Литовский	63	7	18	28	197	27	68	102	135	18	47	70	10,8	1,4	3,5	5,9
X. Приволжский	12	2	5	5	198	38	83	77	102	19	43	40	6,1	1,2	2,5	2,4
XI. Прибалтийский	44	5	15	24	277	32	93	152	199	23	67	109	20,2	2,2	6,4	11,6
XII. Приуральский	19	4	6	9	156	32	51	73	135	28	44	63	8,8	1,8	2,9	4,1
XIII. Северный	1,7	0,3	0,7	0,7	264	42	108	114	116	18	48	50	7,1	1,1	2,9	3,1
По 50 губ.	28	5	8	15	160	23	46	86	139	24	40	75	8,3	1,5	2,3	4,5

4) Посевная площадь — по данным 1900 г.

5) Население — по переписи 1897 г.

6) Число дворов по данным конской переписи 1893—94 и 1896 гг.

7) Без Донской области.

24. Убой скота по районам в 1914 г.

Районы	На 100 всех жителей (городских и сельских) в 1914 г. было голов скота				Убито скота на бойнях и др. местах убой в 1914 г. (тысяч голов).					
	Лошадей	Крупного рогатого	Овец	Свиней	Крупного рогатого			Овец и коз	Свиней	Лошадей
					Взросло- лого	Телят	Всего			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Центр.-Землед.	16,3	16,9	36,5	7,1	468,4	12,0	480,4	447,9	153,3	0,8
II. Средне-Волжск.	18,5	21,5	46,8	5,9	299,3	15,8	315,1	351,4	67,6	26,3
III. Нижне-Волжский	29,1	37,6	73,7	4,9	227,1	5,7	232,8	609,4	14,2	3,8
IV. Новороссийский	21,8	31,5	33,6	14,4	934,6	16,6	951,2	982,1	395,5	2,4
V. Юго-Западный	12,9	18,0	13,0	13,8	439,5	13,6	453,1	158,4	241,8	0,8
VI. Малороссийский	16,3	21,0	23,2	15,0	411,9	—	411,9	385,6	247,4	—
VII. Промышленный	13,5	16,7	15,7	5,2	679,9	62,4	742,3	172,0	114,9	1,7
VIII. Белорусский	15,3	28,5	24,3	18,1	492,1	115,3	607,4	122,3	85,5	0,1
IX. Литовский	12,4	28,9	23,9	17,9	295,6	65,7	361,3	89,5	54,0	—
X. Привольный	15,1	31,4	20,9	6,2	414,6	85,4	500,0	49,1	75,4	7,4
XI. Прибалтийский	12,3	34,0	25,4	17,4	282,6	171,0	453,6	208,2	219,3	0,6
XII. Приуральский	19,9	28,0	36,5	7,6	205,9	3,9	209,8	3,6	10,5	6,6
XIII. Северный	14,6	29,0	22,2	2,9	140,3	—	140,3	89,3	22,5	1,0
Итого по 50 губ.	16,5	23,6	30,2	10,1	5291,8	567,4	5859,2	3694,8	1701,9	51,5
Привислинский	11,0	18,2	6,2	4,6	685,7	425,8	1111,5	245,4	793,8	3,5
Кавказский	16,0	50,0	97,5	9,8	580,5	20,2	600,7	1284,4	128,8	1,6
Средне-Азиатск.	42,0	51,2	185,1	2,0	385,2	8,2	393,4	1164,3	2,6	17,0
Сибирский	53,1	66,9	60,3	17,0	508,2	31,9	540,2	263,3	65,9	1,2
Всего	19,7	29,3	44,9	9,5	7451,5	1053,5	8505,0	6652,2	2692,9	74,8

25. Лесное хозяйство Европейской России в 1913 г.

(тыс. дес.)

Районы	Вся лесная пло- щадь	Казенные леса в ведении Лесного департамента				Леса, состоявшие под надзором Лесоохранного управления				
		Общая площадь	в том числе			Общая площадь	в том числе			
			Удобная почва	Устроен.	Исследо- ван.		Ведомств. и учрежд.	Крестьян. надел.	Крестьян. общ.	Частн. влад.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Центрально-Землед.	4552	1183	997	1133	—	3369	1138	520	146	1565
II. Средне-Волжский	13673	3186	2809	2998	—	10507	4277	582	2432	3216
III. Нижне-Волжский	4601	846	726	639	—	3755	995	344	1555	891
IV. Новороссийский	1015	170	127	159	—	845	188	78	126	453
V. Юго-Западный	3481	142	614	612	—	2759	715	1	3	2020
VI. Малороссийский	1538	209	177	192	—	1339	204	192	53	899
VII. Промышленный	12367	2389	2053	2210	—	9978	3174	1019	662	5183
VIII. Белорусский	7393	1179	836	933	—	6214	889	8	369	4949
IX. Литовский	3036	829	703	793	—	2207	812	—	34	1361
X. Привольный	19993	8507	5247	3178	2509	11486	5742	421	2063	3260
XI. Прибалтийский	2360	552	379	552	—	1808	421	1	—	1388
XII. Приуральский	37814	13562	11763	4326	6331	24252	18531	1895	137	6689
XIII. Северный	103888	72287	57621	4255	42382	31601	29885	399	2	1315
Итого по 50 губ.	215711	105612	84051	21979	51224	110099	61970	5460	7522	35147
Привислинский	2056	735	630	677	—	1321	619	13	106	583
Кавказ	7577	4894	3083	733	12	2683	1675	13	162	833
Всего	225344	111241	87814	23389	51236	114103	64264	5436	7790	36563

26. Экспорт за границу лесных материалов в 1800—1913 г.
(за период с 1891 по 1913 г. по сортам; с 1800 по 1885 г.—в общей сумме)

Сортименты	Общий размер вывоза за год:													
	в миллионах рублей								в миллионах пудов					
	средн. за 1891—1895	средн. за 1896—1900	средн. за 1901—1905	средн. за 1906—1910	1910	1911	1912	1913	средн. за 1901—1905	средн. за 1906—1910	1910	1911	1912	1913
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Доски	26,5	31,2	40,1	67,8	84,1	86,7	94,0	96,4	118,5	168,6	195,8	191,5	211,6	216,9
2. Брусля	3,3	5,4	5,8	8,5	8,6	7,8	7,8	6,9	24,3	24,8	23,7	22,3	18,9	15,9
3. Бревна сосновые	5,0	7,5	7,7	10,8	7,9	7,5	7,3	7,1	36,3	50,9	34,5	36,9	33,5	34,4
4. » еловые	1,3	1,4	1,7	2,0	1,7	2,9	5,6	4,6	14,7	10,1	8,1	19,9	23,5	18,3
5. » дубовые	0,3	0,5	0,4	1,8	2,5	3,1	4,3	3,1	1,2	3,8	4,8	6,4	7,5	5,9
6. » прочих пород	0,7	1,0	2,5	4,3	4,8	4,4	4,1	4,9	11,9	17,9	25,0	15,0	14,8	15,7
7. Всего бревен	7,3	10,4	12,2	18,9	16,8	18,0	21,4	19,6	63,5	82,6	72,3	78,2	79,3	74,3
8. Столбы, валы, шахтов, подпорки	0,6	0,8	1,4	5,5	8,8	8,3	8,0	10,4	11,7	34,9	42,9	47,1	39,4	45,6
9. Дерево для спичек и бумажн. прован.	—	—	1,5	4,6	6,8	6,2	11,6	21,4	4,2	25,7	36,3	32,1	57,8	91,9
10. Дрова	0,5	0,7	0,9	2,1	1,8	1,5	1,3	1,1	9,9	18,3	15,2	13,0	9,3	7,8
11. Жердняк	0,3	0,4	0,5	3,4	5,1	5,7	0,2	0,3	2,8	14,8	22,3	23,8	1,1	1,3
12. Клепка и подолочн. дерево	—	—	3,4	4,1	5,2	6,2	8,7	8,2	7,1	7,6	6,6	7,2	9,5	9,2
Всего лесного товара	42,5	54,2	65,7	116,4	136,2	142,4	153,4	164,9	242,4	379,1	417,0	416,9	428,0	463,8
В средн. за 1800—1805—1,3 млн. руб. всего лесного товара														
» 1861—1865—6,9														
» 1871—1875—25,5														
» 1881—1885—32,9														

27. Рыбный промысел в морских и приморских районах в 1912—1915 гг.

Районы	Д о б ы т о р ы б ы															
	Красной				Сельдей				Прочих пород				И т о г о			
	1912	1913	1914	1915	1912	1913	1914	1915	1912	1913	1914	1915	1912	1913	1914	1915
I. Наспийский	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
тыс. пуд.	331	159	98	107	3030	2652	3198	4041	644	853	891	861	4005	3664	4187	5009
млн. штук	1,6	1,8	1,2	1,0	529	905	790	966	564,4	653,2	646,8	1098,0	1095	1560	1439	2065
то же в тыс. пуд.	1272	1488	849	776	6971	12434	11742	12150	19580	20850	17284	27528	27823	34772	29875	40454
Всего, тыс. пуд.	1603	1647	947	889	10001	15086	14940	18191	20224	21703	18175	23389	31828	38436	34062	45463
II. Аральский																
Всего, тыс. пуд.	1,4	1,1	—	15,3	—	—	—	—	471,6	707,9	—	1570,7	473	709	—	1586
III. Азовский																
тыс. пуд.	13	18	14	—	—	—	—	—	238	643	872	—	251	661	886	—
млн. штук	—	—	—	—	3,6	4,3	7,0	—	10,4	8,7	5,0	—	14	13	12	—
то же в тыс. пуд.	—	—	—	—	43	52	84	—	327	278	204	—	370	330	288	—
Всего, тыс. пуд.	13	18	14	—	43	52	84	—	565	921	1076	—	621	991	1174	—
IV. Черноморский																
Всего, тыс. пуд.	17	17	16	17	39	45	64	59	176	400	280	207	232	462	360	283
V. Беломорский																
Всего, тыс. пуд.	—	—	—	—	375	241	158	70	1301	1065	616	555	1676	1306	774	625
VI. Дальне-Вост.																
тыс. пуд.	22	7	9	4	—	—	—	—	60	33	127	58	82	40	136	62
млн. штук	—	—	—	—	51	30	65	50	56	73	95	78	107	103	160	128
Всего без Д.-Вост.	1634	1683	977	—	10458	15424	15246	—	22738	24797	20147	—	34830	41904	36370	—
Всего без Д.-В. и Азовск.	1621	1665	963	915	10415	15372	15162	16320	22173	23876	19071	30722	34209	40913	35196	47957

28. Число рабочих в крупной промышленности.

I. Число рабочих на фабриках и заводах, кроме обложенных акцизом и горных, в Европ. России с 1863 по 1912 г. (в тысячах)

Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих	Годы	Число рабочих
1863 ..	858	1869 ..	428	1875 ..	501	1881 ..	688	1887 ..	657	1893 ..	860	1912 ..	1812
1864 ..	355	1870 ..	442	1876 ..	491	1882 ..	682	1888 ..	707	1897 ..	1124	—	—
1865 ..	381	1871 ..	463	1877 ..	500	1883 ..	669	1889 ..	716	1900 ..	1343	—	—
1866 ..	397	1872 ..	492	1878 ..	559	1884 ..	665	1890 ..	720	1902 ..	1372	—	—
1867 ..	407	1873 ..	498	1879 ..	608	1885 ..	616	1891 ..	738	1910 ..	1544	—	—
1868 ..	414	1874 ..	487	1880 ..	648	1886 ..	635	1892 ..	742	1911 ..	1705	—	—

II. Число всех фабрично-заводских и горных рабочих (включая завод., обложенные акцизом, и горные промыслы) по губерниям и областям в 1910 г. по всей России (в тысяч.)

Районы и губернии и области	Число рабочих	Районы и губернии и области	Число рабочих
I. Центрально-Земледельческий		X. Прибалтийский	
Курская ..	14,7	Эстляндская ..	22,4
Орловская ..	21,4	Лифляндская ..	61,7
Тульская ..	12,6	Курляндская ..	13,8
Рязанская ..	20,1	XI. Приозерный	
Тамбовская ..	15,5	Петербургская ..	154,6
Воронежская ..	7,5	Одонецкая ..	6,3
II. Средне-Волжский		Новгородская ..	16,4
Саратовская ..	21,3	Псковская ..	2,7
Самарская ..	13,0	XII. Приуральский	
Симбирская ..	11,8	Вятская ..	37,6
Пензенская ..	13,7	Пермская ..	248,4
Казанская ..	40,2	XIII. Северный	
Нижегородская ..	31,7	Архангельская ..	12,5
Уфимская ..	31,7	Вологодская ..	8,8
III. Нижне-Волжский		XIV. Привислинский	
Самарская ..	6,0	Привислинский ..	290,7
Оренбургская ..	33,7	XV. Предкавказский	
Астраханская ..	9,7	Кубанская ..	3,8
IV. Новороссийский		Ставропольская ..	1,2
Бессарабская ..	4,4	Терская ..	7,3
Херсонская ..	36,5	XVI. Закавказский	
Таврическая ..	8,8	Бакинская ..	37,8
Екатеринославская ..	186,9	Ватумская ..	0,7
Донская обл. ..	83,5	Тифлисская ..	10,8
V. Юго-Западный		Черноморская ..	1,7
Киевская ..	56,0	Проч. закавказ. ..	8,8
Волынская ..	15,6	XVII. Степной	
Подольская ..	27,4	Тургайская ..	0,2
VI. Малороссийский		Акимовская ..	4,4
Харьковская ..	51,1	Семипалатинская ..	12,2
Полтавская ..	11,8	Семиреченская ..	0,6
Черниговская ..	22,9	Уральская ..	—
VII. Промышленный		XVIII. Туркестанский	
Московская ..	307,2	Закаспийская ..	0,5
Тверская ..	34,3	Сыр.-Дарьинск ..	0,8
Ярославская ..	31,1	Ферганская ..	4,6
Костромская ..	79,3	Самаркандская ..	0,6
Владимирская ..	184,9	XIX. Сибирь	
Калужская ..	26,1	Енисейская ..	5,3
VIII. Белорусский		Иркутская ..	13,5
Смоленская ..	13,7	Тобольская ..	3,7
Могилевская ..	7,8	Томская ..	9,2
Витебская ..	6,3	Якутская ..	2,3
Минская ..	11,8	XX. Д. Восток	
IX. Литовский		Забайкальская ..	8,4
Ковенская ..	7,1	Амурская ..	33,6
Виленская ..	7,1	Приморская ..	10,6
Гродненская ..	15,2	По всей России ..	2568,4

29. Группировка промышленных заведений по числу рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1901, 1910 и 1914 гг.

Число рабочих в 1 заведении	Число заведений						Число рабочих					
	1901		1910		1914		1901		1910		1914	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
До 50	12740	70,5	9909	65,7	8929	63,5	243615	14,3	219665	11,6	199922	10,2
51—100	2428	13,4	2201	14,6	2088	14,9	171170	10,1	158704	8,2	148954	7,6
101—500	2288	12,6	2213	14,7	2253	16,1	492095	23,9	507886	26,7	504440	25,7
501—1000	403	2,2	433	2,9	432	3,1	269133	15,8	302840	15,9	298347	15,1
свыше 1000	243	1,3	324	2,1	344	2,4	525637	30,9	713648	37,6	811197	41,4
Всего	18102	100,0	15080	100,0	14046	100,0	1701650	100,0	1902743	100,0	1960860	100,0

30. Группировка промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции (без горной промышленности), и рабочих в отдельных отраслях в 1914 г.

(в %/о к общему числу заведений и рабочих)

Отрасли промышленности	До 100		101—500		501—1000		св. 1000		Среднее число рабочих на 1 заведение
	Заведений	Рабочих	Заведений	Рабочих	Заведений	Рабочих	Заведений	Рабочих	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Обработка хлопка	37,2	1,6	26,1	9,3	11,5	10,5	25,2	78,6	739
2. » льна, пеньки, джута	47,7	4,7	29,7	17,7	11,7	20,9	10,9	56,7	405
3. » шерсти	56,5	7,8	27,7	27,1	8,8	24,8	7,0	40,3	250
4. » шелка	65,4	14,6	27,2	29,6	4,3	15,0	8,1	40,8	193
5. » смешан. волокон	71,6	21,1	22,5	31,5	4,4	19,0	1,5	27,8	143
6. Бумагообработка	84,6	39,2	13,5	36,0	1,3	12,4	0,6	12,4	73
7. Деревообработка	88,9	50,3	10,0	35,1	1,0	11,4	0,1	3,2	54
8. Обработка животн. продуктов	88,0	33,8	15,1	34,5	1,0	9,1	0,9	22,6	87
9. Обработка металл. и машин	74,5	14,7	19,9	24,0	2,8	11,2	2,8	50,1	176
10. Химическ.	69,5	13,9	24,1	30,0	4,8	18,1	1,6	38,0	174
11. Минерал.	71,3	26,0	25,1	45,2	2,6	15,6	1,0	13,2	117
12. Добывающая промышленность	69,2	22,5	27,9	57,2	2,6	15,4	0,3	4,9	110
13. Пищевая промышленность	87,4	28,1	9,0	30,0	2,8	23,2	0,8	18,7	78
14. Прочие отрасли	84,6	40,2	14,7	53,2	0,7	6,6	—	—	52
По всей промышленности	78,4	17,8	16,1	25,7	3,1	15,1	2,4	41,4	139

31. Фабрично-заводская промышленность по отраслям

А. Вся крупная промышленность по отраслям (включая обложен. акцизом и горную) по всей России в 1887, 1897 и 1910 гг.

Число заведений, число рабочих и сумма производства

Отрасли	Число заведений			Число рабочих (тыс.)			Сумма производства (млн. руб.)		
	1887	1897	1910	1887	1897	1910	1887	1897	1910
1. Обработка хлопка	932	1415	883	247,2	375,4	466,1	299,8	638,7	883,6
2. > шерсти	1001	1507	912	77,0	137,1	132,3	105,2	192,3	211,0
3. > шелка	801	394	309	20,7	37,6	27,1	14,5	29,5	29,5
4. > льна, джута, пеньки	411	747	282	46,8	75,4	94,0	35,8	64,0	106,9
5. > разн. волоки. веш.	202	386	481	7,5	17,2	38,3	7,8	21,8	48,2
6. Произв. бумаги и полиграфич.	242	532	1382	19,5	46,2	86,2	21,0	45,5	105,2
7. Обработ. дерева	1283	2643	1988	34,5	92,3	92,1	28,7	112,9	130,4
8. > металлов	1377	2412	2230	103,3	214,3	527,9	112,6	310,6	745,9
9. > минер. веш.	2890	3413	1912	67,3	143,3	150,6	29,0	82,6	101,2
10. > животи. продук.	4425	4238	1157 ⁴⁾	38,9	64,4	43,6 ⁴⁾	79,5	132,1	110,0
11. > пит. прод. не облож. акцизом	737 ⁴⁾	904 ⁶⁾	1249 ⁶⁾	46,8	86,4	51,9 ⁴⁾	187,3	384,8	161,5
12. Химич. произв.	380	630	347	13,0	30,6	42,3	26,1	78,7	142,6
13. Прочие произв.	5	190	93	0,2	8,2	7,0	0,1	8,0	15,4
Итого необлож. акциз.	20313	27553	24472	722,7	1323,4	1764,4	947,4	2101,5	2791,4
14. Произв. облож. акцизом	7919	8064	8726	204,4	225,8	276,0	231,1	344,0	—
15. Горн. и горноразв. пром.	2656	3412	—	390,9	544,3	562,0	156,0	393,7	442,6
Всего	30888	39029	—	1318,0	2098,5	2602,4	1334,5	2839,2	—

Б. Главные отрасли промышленности, облагаемые акцизом, по всей России, с 1885 по 1917 г. (сумма производства в натур. выражении)

Годы	Сахар, млн. пуд.	Табак вешн., тыс. пуд.	Махор. а, тыс. пуд.	Спички, миллиардов штук	Спирт, млн. ведер	Пиво, млн. ведер	Годы	Сахар, млн. пуд.	Табак, тыс. пуд.	Махорка, тыс. пуд.	Спички, миллиардов штук	Спирт, млн. ведер	Пиво, млн. ведер																			
														1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
1885	—	—	—	—	78,6	—	1902	58,6	1276	2896	234	77,9	46,4																			
1886	29,0	910	2664	—	74,7	32,6	1903	64,3	1335	2609	239	77,8	54,3																			
1887	26,0	893	2667	—	88,4	32,2	1904	63,5	1377	3771	236	85,3	54,8																			
1888	23,7	909	2607	—	84,9	34,0	1905	52,1	1281	3643	224	86,8	59,3																			
1889	28,4	950	2579	140	79,1	35,3	1906	53,3	1586	3937	245	100,0	71,5																			
1890	24,6	959	2556	123	75,9	35,9	1907	78,1	1389	3783	252	98,7	75,6																			
1891	28,5	945	2595	145	71,1	34,2	1908	76,7	1406	4319	275	106,2	71,2																			
1892	29,7	1040	2293	147	67,0	34,9	1909	68,9	1278	4427	274	113,8	75,2																			
1893	24,4	982	2558	137	69,1	35,2	1910	63,0	1277	4515	295	106,4	82,9																			
1894	35,3	997	2518	157	74,8	38,5	1911	114,9	1312	4516	306	123,3	89,3																			
1895	32,3	1059	2840	167	78,2	40,4	1912	—	—	—	—	—	—																			
1896	41,5	1104	2780	167	79,7	43,6	1913	109,8	653	4807	—	—	—																			
1897	38,7	1092	2756	183	77,1	46,0	1914	128,1	659	5167	—	—	—																			
1898	39,9	1177	2813	193	73,7	43,7	1915	158,6	659	4471	—	—	—																			
1899	41,7	1201	2857	186	79,3	48,1	1916	152,5	775	5014	—	—	—																			
1900	48,5	1233	3033	209	86,5	47,7	1917	97,6	—	4978	—	—	—																			
1901	49,2	1293	3203	232	82,6	46,7																										

⁴⁾ Сокращение числа заведений, рабочих и суммы производства в 1910 г. по сравнению с 1897 г. обусловлено тем, что по некоторым отраслям в 1897 г. регистрировалось много мелких заведений, которые не вошли в регистрацию 1910 г.

32. Основные элементы, характеризующие фабрично-заводскую промышленность
А. По Европейской России (без обложенной акцизом и горной) в 1900 и 1903

Группы производства	Число заведений			Общая сумма произ-водства (в млн. р.)				Число рабочих (в тысячах)			Число механических двигателей				
	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %
I. Хлопок	730	762	+ 4,3	531	891	+ 67,7	400	506	+ 26,4	1912	2039	+ 6,6			
II. Шерсть	916	1016	+ 11,1	180	240	+ 33,3	137	148	+ 8,6	976	1037	+ 6,2			
III. Шелк	309	189	- 39,9	31	35	+ 13,0	32	30	- 6,2	184	201	+ 21,1			
IV. Лен	403	273	- 32,5	67	94	+ 40,9	79	93	+ 14,0	279	269	- 3,5			
V. Смешан. волокн. матер.	341	382	+ 12,0	34	52	+ 54,8	27	36	+ 32,0	205	387	+ 91,0			
VI. Бумага	1069	1302	+ 21,9	80	131	+ 63,4	72	87	+ 20,4	1289	3281	+ 154,4			
VII. Дерево	1430	1832	+ 31,6	98	122	+ 25,0	74	91	+ 24,8	1539	2257	+ 46,9			
VIII. Металлы 4)	1804	1920	+ 6,4	374	428	+ 14,4	241	247	+ 2,3	2966	3326	+ 12,1			
IX. Минералы, вещества	1591	1480	- 7,2	81	96	+ 19,2	128	133	+ 3,7	2089	1774	- 15,0			
X. Животные продукты	1254	1015	- 19,1	112	159	+ 41,8	51	61	+ 19,3	704	697	- 0,9			
XI. Питательн. вещества	2501	2721	+ 8,8	369	653	+ 77,1	72	83	+ 21,9	3834	3966	+ 3,4			
XII. Химические продукты	354	379	+ 0,7	93	163	+ 81,0	30	41	+ 36,3	789	980	+ 27,4			
Итого	12702	13321	+ 4,9	2048	3070	+ 44,5	1343	1559	+ 16,0	16726	20214	+ 20,8			

Группы производства	Сала двигателей (тыс. лощ. сил)			Сырые материалы (в млн. руб.)			Топливо (в млн. руб.)			Заработ. плата (в млн. руб.)		
	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %	1900	1903	Прогресс или уменьш. в %
I. Хлопок	280	378	+ 35,1	374	599	+ 60,1	23,3	32,0	+ 37,3	65,8	108,3	+ 64,5
II. Шерсть	62	94	+ 52,4	115	147	+ 37,6	7,7	8,3	+ 7,8	22,9	33,7	+ 46,8
III. Шелк	5	8	+ 5,0	19	21	+ 7,1	0,8	1,0	+ 21,3	5,0	5,8	+ 17,6
IV. Лен	32	51	+ 61,0	40	53	+ 31,9	2,4	3,0	+ 27,4	10,4	15,3	+ 47,8
V. Смешан. вол. матер.	7	12	+ 78,4	19	27	+ 38,2	1,1	1,4	+ 32,6	5,9	9,7	+ 65,4
VI. Бумага	63	85	+ 34,9	38	57	+ 50,5	6,3	8,5	+ 34,6	14,7	25,9	+ 76,2
VII. Дерево	44	76	+ 72,6	65	74	+ 13,7	0,7	1,5	+ 117,1	15,4	20,9	+ 36,1
VIII. Металлы 4)	167	206	+ 23,0	211	209	- 0,9	23,9	23,9	+ 0,2	81,5	93,1	+ 15,5
IX. Минералы, вещества	38	44	+ 13,0	17	19	+ 10,1	17,0	15,9	- 0,6	26,5	28,3	+ 10,3
X. Животные продукты	9	18	+ 110,0	88	119	+ 35,1	2,5	3,1	+ 26,2	9,7	14,8	+ 52,6
XI. Питательн. вещества	124	185	+ 49,3	306	543	+ 77,3	10,1	11,5	+ 14,1	13,0	19,2	+ 47,4
XII. Химические продукты	24	50	+ 108,5	59	89	+ 49,8	6,2	8,6	+ 39,3	7,6	13,3	+ 73,7
Итого	854	1206	+ 41,2	1353	1957	+ 44,0	101,7	118,7	+ 16,6	278,1	339,0	+ 39,9

Б. По всей России по всей промышленности, кроме горной, в 1903 г. (включ. облож. акц., ж.-д. мастерск., горнораз. обр. металлов и нефти)

Группы производства	Число заведений	Сумма произ-водства (в млн. р.)	Выручка по заказам (в млн. р.)	Всего р.-сечек (в тысяч.)	Число ме-ханических двигат.	Сала дви-гателей (тыс. л. с.)	Сырые ма-териалы (в млн. р.)	Топливо (в млн. р.)	Заработная плата (в млн. р.)	Прочие рас-ходы (в млн. р.)	Расходы в пользу риб (в млн. р.)
I. Хлопок	986	928,5	30,0	519,9	2303	384,1	658,1	32,2	109,0	96,5	9,8
II. Шерсть	1037	225,3	16,4	149,8	1041	94,1	147,8	8,3	33,8	28,5	1,5
III. Шелк	277	34,6	3,0	33,8	260	8,3	22,8	1,1	6,2	4,4	0,2
IV. Лен	275	93,6	0,7	90,5	269	51,3	53,2	3,0	15,3	12,4	0,9
V. Смешан. вол. матер.	384	49,0	2,9	86,4	387	11,9	27,0	1,4	9,7	8,6	0,3
VI. Бумага	1333	126,9	5,2	88,0	3300	85,6	58,0	8,5	26,3	25,4	1,2
VII. Дерево	1902	119,5	4,0	93,7	2232	76,8	74,3	1,5	21,2	14,7	0,7
VIII. Металлы 4)	1949	4,6-8	2,7	248,5	3947	205,3	209,9	24,0	93,8	66,7	3,6
	357	330,1	1,1	303,2	3527	383,5	119,8	6,0	99,8	62,1	4,3
IX. Минеральные вещества	1517	97,4	0,1	135,1	1806	44,1	19,5	16,2	29,3	18,4	1,4
X. Животные продукты	1153	159,2	3,6	82,9	756	18,4	122,1	3,2	15,3	12,7	0,4
XI. Питат. веществ., не обл. акциз. Обл. акц. и казен. вым. склад.	4905	675,4	6,8	82,9	4301	196,2	563,1	12,3	20,6	43,1	0,7
XII. Химич. производства	477	176,4	6,8	293,8	7833	188,0	415,7	36,0	39,1	114,6	3,2
Нефтян. пром. в Баку	323	211,7	0,2	42,6	3929	113,1	87,9	21,0	18,4	18,4	1,6
XIII. Разные производства	65	23,3	-	4,8	422	157,5	0,7	5,1	2,4	7,0	0,2
Всего	19983	4565,2	85,4	2253,8	36850	2072,0	2873,8	243,3	555,6	578,2	31,1

4) Группа производства по обработке металлов до 1903 г. (табл. Б) разбита на две подгруппы: подгруппа а включает производства, учтенные в 1900 г., следов. сравнимая с соотв. группой за 1900 г.; подгруппа б — производства, которые в 1900 г. не учтены (сюда входят: жел.-дор. мастерские, горнозаводская обработка металлов и заводы морского ведомства).

33. Распределение рабочих по продолжительности рабочего дня и размеру дневного заработка в ‰‰‰ и общему числу по отраслям промышленности в 1914 г.

I. На 100 рабочих своего пола приходилось занятых в течение полного рабочего дня:

Группы производств	Менее	3 час.	3 час.	3—9 ч.	9 ч.	9—10 час.	10 час.	10—11 часов	11 час.	более 11 час.	Всего рабочих
	8 час.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Предприятия, подчиненные фабричной инспекции.											
I. Обработка хлопка	0,39	1,36	0,93	67,71	0,56	17,09	9,93	1,55	1,64	100	
II. Обработка шерсти	0,19	3,25	0,55	13,83	2,13	50,46	9,77	2,77	17,05	100	
III. Обработка шелка	1,03	2,30	0,02	35,68	1,04	34,30	12,40	3,54	9,61	100	
IV. Обработка льна, пеньки и джута	2,64	3,35	2,52	32,59	0,10	15,55	28,73	5,51	9,00	100	
V. Смешан. произв. по обработке волоки, веществ	0,17	2,25	2,18	17,83	4,34	52,10	7,13	5,72	8,23	100	
VI. Произв. бумажное и полиграфическое	0,64	20,24	0,35	88,67	4,54	19,92	4,77	2,76	8,11	100	
VII. Механич. обраб. дерева	—	1,20	0,41	6,61	10,64	36,69	25,14	6,15	13,16	100	
VIII. Обраб. метал., произв. машин, аппаратов и орудий	0,42	3,68	0,36	22,40	13,48	47,95	6,05	2,09	3,57	100	
IX. Обработка минеральн. веществ	3,51	12,51	0,46	3,34	2,91	25,49	8,56	9,45	33,78	100	
X. Обработка животных продукт.	0,34	4,40	0,10	13,93	3,77	50,21	9,01	8,15	10,09	100	
XI. Обраб. пищевых и вкусов. веществ	0,28	12,90	0,16	3,33	5,36	17,97	7,00	4,42	48,58	100	
XII. Химические производ.	2,30	10,78	2,82	4,32	4,82	47,71	9,29	6,29	11,67	100	
XIII. Добыча нефти и подрядное бурение	—	82,80	—	3,60	—	—	—	—	13,60	100	
XIV. Проч. произв., не вошед. в предш. групп.	0,04	41,00	5,36	18,20	1,40	27,29	2,19	0,39	4,13	100	
Предприятия, подчиненные горной инспекции.											
I. Добыча руд: подземные работы	0,68	32,00	1,90	18,30	0,93	33,80	5,46	3,26	3,67	100	
поверхностные работы	0,08	11,52	0,28	2,69	—	5,41	20,26	1,21	5,56	100	
II. Добыча ископ. углей: подземные работы	0,52	11,93	—	0,43	—	58,73	11,66	0,91	15,82	100	
поверхностные работы	0,21	19,79	—	1,59	0,27	58,27	13,36	1,17	4,94	100	
III. Добыча соли: подземные работы	—	—	—	—	—	82,02	—	15,20	2,78	100	
поверхностные работы	13,24	11,75	0,23	1,39	—	63,51	—	6,36	6,52	100	
IV. Добыча золота и платины: подземные работы	35,07	29,27	—	7,27	—	26,23	—	1,90	0,21	100	
поверхностные работы	0,16	10,05	—	1,73	—	49,22	5,43	1,45	16,42	100	
V. Прочие ископ. металы: подземные работы	0,68	16,25	—	—	7,83	60,53	6,48	8,25	—	100	
поверхностные работы	0,11	4,25	—	4,82	1,05	44,42	3,77	38,66	2,92	100	
VI. Обработка полезн. ископ.	5,83	17,96	—	0,27	0,49	21,78	1,56	1,74	50,37	100	
Всего	1,13	7,90	0,47	25,39	4,27	31,78	9,94	3,89	15,23	100	
VII. Фабрично-заводские предприятия при гора. предпр.	9,89	19,86	0,04	2,47	2,80	37,98	1,21	2,27	23,38	100	

II. На 100 рабочих в июне 1914 г. приходилось с дневным заработком (в копейках):

Группы производств	Заработок								Итого
	До 50	51—75	76—100	101—150	151—200	201—300	301—400	401 и более	
I. Обработка хлопка	14,41	36,05	26,24	18,29	3,34	1,36	0,22	0,09	100
II. Обработка шерсти	38,21	25,42	19,03	15,34	2,87	0,98	0,07	0,09	100
III. Обработка шелка	27,33	34,26	21,01	13,75	2,60	0,99	0,05	0,01	100
IV. Обработка льна, джута	35,53	35,05	17,35	9,53	2,01	0,47	0,05	1,01	100
V. Смешан. произв. по обработ. волокнист. веществ	3,28	19,61	23,40	18,01	18,73	9,14	0,84	0,89	100
VI. Производства бумажное и полиграфическое	18,74	22,85	17,68	18,62	10,78	8,57	2,22	1,14	100
VII. Механич. обработка дерева	7,35	15,55	18,64	29,14	16,27	10,73	1,60	0,72	100
VIII. Обраб. металов, произв. машин, аппар. и орудий	4,58	8,20	9,69	22,58	19,24	23,09	7,91	4,72	100
IX. Обраб. минерал. веществ	24,17	19,47	17,56	21,18	10,14	5,33	0,78	0,97	100
X. Обработка животных продуктов	14,96	17,20	16,36	21,15	12,44	13,30	3,17	0,92	100
XI. Обработка пищевых и вкусовых веществ	22,79	28,77	20,81	17,17	6,69	2,88	0,56	0,33	100
XII. Химические производства	14,67	19,25	16,28	30,66	10,03	7,21	1,42	0,48	100
XIII. Добыча мин. промышлен.	0,20	1,45	46,12	29,26	9,45	8,24	3,60	1,68	100
XIV. Проч. производ., не вошед. в предшествующ. группы	0,34	4,43	16,16	33,18	16,77	16,89	6,46	2,27	100
Во всех отраслях	16,41	25,99	20,53	19,40	7,95	6,71	1,93	1,08	100

34. Добыча ископаемых и выплавка металлов по всей России

А. Добыча каменн. угля и нефти и выплавка чугуна, с 1810 по 1912 г.

Годы	Каменный уголь (млн. пуд.)							Чугун (млн. пуд.)					Нефть (млн. пуд.)	
	Всего	в том числе						Всего	в том числе				Всего	в т. ч. Бакинск.
		Донецк.	Польск.	Полг-моск.	Урал	Зап. Сибирь	Даль. Восток		Урал	Полг-моск.	Полг-моск.	Южный		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1810	0,2	—	—	—	—	—	4,7	—	—	—	—	—	—	
1820	0,2	—	—	—	—	—	9,3	—	—	—	—	—	—	
1856	9,0	3,8	4,7	—	0,4	—	14,0	12,8	1,2	—	—	—	—	
1860	18,3	6,0	10,8	0,6	0,4	0,1	20,5	14,5	1,3	—	—	—	—	
1870	42,4	15,6	20,1	5,1	0,4	0,4	0,1	21,9	14,8	1,8	3,5	0,3	—	
1880	200,8	86,3	78,4	25,1	7,2	0,5	0,5	27,4	18,5	2,7	3,3	1,3	50,0	
1890	367,2	183,2	150,8	14,3	15,2	1,1	0,9	56,6	27,7	5,7	5,8	13,4	226,0	
1891	380,5	191,7	158,8	11,0	15,0	1,1	1,1	61,3	29,9	7,7	6,2	15,5	275,0	
1892	424,1	218,1	176,0	11,0	15,4	1,2	0,8	65,4	30,6	9,2	6,4	17,2	286,0	
1893	464,8	239,8	193,4	10,9	15,9	1,0	0,8	70,0	30,8	10,9	7,2	20,1	325,0	
1894	534,9	285,9	204,7	11,8	17,0	1,2	1,1	81,3	33,1	11,0	7,7	27,4	270,0	
1895	555,5	288,3	224,8	10,2	17,6	1,2	1,1	88,7	33,1	11,6	7,7	34,0	377,0	
1896	572,5	311,8	228,6	9,6	22,3	1,4	1,1	99,0	35,7	13,6	8,4	39,2	386,0	
1897	683,9	414,7	229,8	12,3	21,7	0,6	2,7	114,8	40,7	13,9	10,9	46,3	449,8	
1898	751,4	461,9	249,5	9,9	23,6	1,2	2,8	136,8	44,2	16,0	11,3	61,5	503,9	
1899	853,1	582,8	242,5	18,7	22,1	3,0	5,0	165,4	45,2	18,9	14,9	82,7	550,4	
1900	986,3	671,7	251,8	17,6	22,7	4,6	8,6	179,1	50,2	18,2	14,3	91,9	601,4	
1901	1009,0	664,8	256,7	15,6	32,2	8,3	21,1	175,0	48,8	19,8	11,0	92,0	736,1	
1902	1005,2	654,9	259,3	12,9	33,4	9,4	28,1	158,6	44,6	17,3	8,5	84,8	636,4	
1903	1090,9	707,1	292,4	13,3	30,0	13,7	28,7	151,9	40,4	18,8	6,0	83,5	770,2	
1904	1197,1	798,6	288,1	13,1	31,5	17,4	41,2	181,4	39,6	23,0	5,8	110,9	656,4	
1905	1139,7	785,3	217,7	13,1	30,1	24,8	62,6	166,8	40,7	14,9	5,6	103,2	455,9	
1906	1326,5	869,4	282,3	19,6	42,6	28,0	77,7	164,2	38,0	18,6	5,8	102,3	491,3	
1907	1587,4	1061,4	330,2	21,2	42,7	31,4	46,8	172,0	36,8	17,4	4,8	109,8	637,7	
1908	1581,4	1091,9	338,8	20,0	42,7	36,3	42,0	171,1	36,6	12,8	4,2	115,9	528,6	
1909	1587,6	1079,7	343,9	15,5	48,8	33,2	57,5	175,3	36,6	13,2	5,0	122,0	563,3	
1910	1526,3	1018,7	341,1	13,9	48,8	30,8	66,8	165,6	36,6	15,5	5,7	128,1	588,4	
1911	1734,7	1213,9	361,2	10,8	42,7	32,0	67,3	219,4	42,7	21,1	5,5	146,4	460,3	
1912	1903,8	1305,4	393,7	13,8	54,8	41,8	82,2	256,3	48,8	23,9	8,3	170,8	565,3	

Б. Добыча золота, железн. и марганц. руды, меди и соли с 1880 по 1912 г.

Годы	Золото (пуд.)				Жел. руды (млн. пуд.)			Марганц. руды (млн. пуд.)		Медь (млн. пуд.)		Соль (млн. пуд.)					
	Всего	в том числе			Всего	в том числе		Всего	в том числе	Всего	в том числе		Всего	в том числе			
		Вост. Сибирь	Урал	Зап. Сибирь		Юг	Урал				Закавказье	Никополь		Урал	Кавказ	Каменная	Самоса-очная
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
1880	2202	1617	457	128	48,8	2,4	36,6	0,9	0,8	—	—	—	47,6	3,0	29,3	15,3	
1890	2397	1598	640	159	91,5	24,4	54,9	11,2	10,5	0,5	0,3	0,2	0,1	84,8	13,4	47,6	23,8
1900	2373	1677	537	159	355,5	207,4	97,6	45,9	40,3	5,4	0,5	0,2	0,2	120,2	26,8	68,9	24,5
1901	2385	1665	549	171	262,3	146,4	109,3	27,2	23,8	4,3	0,5	0,2	0,2	104,3	29,9	49,4	24,4
1902	2312	1659	637	176	225,7	134,2	79,3	29,8	25,9	3,5	0,5	0,3	0,2	112,9	29,9	54,8	22,6
1903	2433	1867	508	110	244,0	164,7	67,1	25,3	22,9	2,1	0,6	0,3	0,3	101,3	32,3	44,5	24,4
1904	2666	2025	519	122	292,8	210,6	67,1	24,2	20,3	3,7	0,6	0,3	0,3	116,5	28,1	61,0	27,4
1905	2385	1775	494	116	280,6	189,1	79,3	30,4	20,8	9,2	0,5	0,2	0,2	112,2	23,8	61,6	26,3
1906	2611	2025	470	116	305,0	219,6	73,2	60,0	50,1	9,6	0,6	0,3	0,3	109,2	33,6	48,2	26,3
1907	2721	2178	433	110	317,2	244,0	67,1	57,6	40,8	16,4	0,8	0,4	0,3	114,1	29,3	59,2	25,6
1908	3044	2495	439	110	317,2	244,0	67,1	22,1	7,0	14,8	1,0	0,5	0,3	112,9	31,1	54,9	26,2
1909	3465	2727	573	165	311,1	231,8	67,1	40,6	36,5	4,0	1,1	0,5	0,4	136,6	31,1	78,0	27,5
1910	3880	3001	641	238	352,1	262,3	73,2	44,7	33,8	10,9	1,4	0,7	0,5	126,3	32,3	64,7	29,3
1911	3733	2861	616	256	428,7	305,2	97,6	44,1	32,8	12,3	1,6	0,8	0,5	122,6	34,8	66,7	31,1
1912	3550	2678	671	201	501,2	353,8	109,8	0,0	35,3	14,6	2,0	1,1	0,6	114,7	32,3	49,4	32,9

35. Добыча ископаемых и выплавка металлов с 1913 по 1917 г.

Продукты	Р а й о н ы	Г о д ы				
		1913	1914	1915	1916	1917
		1	2	3	4	5
Золото (пуд.)	Уральский	3714,6	4066,0	2936,0	1858,0	1835,5
	Западно-Сибирский	455,2	—	282,9	216,7	—
	Восточно-Сибирский	200,9	—	—	—	—
Платина (пуд.)	Уральский	2859,2	—	—	—	—
	Уральский	299,5	299,5	206,0	150,0	115,7
	Уральский	259,5	288,5	266,0	15,0	1,5,7
Серебро (пуд.)	Уральский	736,0	705,0	—	—	—
	Уральский	495,0	569,0	—	—	—
	Кавказский	241,0	136,0	—	—	—
Свинец (тыс. пуд.)	Уральский	84,3	66,2	—	—	—
	Уральский	3,0	2,6	—	—	—
	Западный	0,6	0,3	—	—	—
Цинк (тыс. пуд.)	Кавказский	8,07	63,5	—	—	—
	Западно-Сибирский	—	—	—	—	—
	Уральский	681,0	397,0	—	—	—
Медь (тыс. пуд.)	Западный	501,0	250,0	—	—	—
	Кавказский	180,0	147,0	—	—	—
	Уральский	1972,5	1898,0	1533,5	1269,0	—
Чугун (млн. пуд.)	Уральский	986,5	1087,0	1044,0	943,0	—
	Кавказский	628,0	512,0	233,5	269,0	—
	Западно-Сибирский	348,0	339,0	259,0	53,0	—
Готовое железо и сталь (млн. пуд.)	Уральский	283,0	64,3	225,3	234,9	190,6
	Южный	189,7	186,2	167,5	176,1	137,6
	Уральский	55,8	52,4	50,3	46,0	43,9
	Подмосковный	11,8	10,6	7,4	9,7	9,0
	Приволжский	—	—	—	—	—
	Северный	0,1	0,1	0,1	—	—
	(Польша)	25,6	14,9	—	—	—
	Уральский	246,6	240,0	199,4	205,9	155,6
	Южный	141,0	144,2	125,7	130,3	96,0
	Уральский	40,8	40,6	40,2	41,0	38,8
Железные и стальные полупродукты (млн. пуд.)	Подмосковный	11,1	11,9	11,2	11,0	—
	Приволжский	10,1	10,1	9,4	9,1	—
	Северный	16,4	15,3	13,0	14,5	—
	(Польша)	27,1	17,3	—	—	—
	Уральский	350,2	294,1	251,4	260,9	—
	Южный	166,6	171,4	151,7	161,6	—
	Уральский	55,3	56,9	57,6	57,9	—
	Подмосковный	12,9	14,4	12,8	11,6	—
	Приволжский	13,0	13,2	12,0	11,9	—
	Северный	16,1	16,8	17,2	17,8	—
Наменный уголь (млн. пуд.)	(Польша)	36,3	21,6	—	—	—
	Уральский	22,0,1	2175,4	1905,5	1964,7	1746,9
	Донецкий	1543,4	1683,8	1626,6	1738,5	1510,0
	Домбровский (Польша)	426,3	231,0	—	—	—
	Уральский	73,5	84,2	78,7	79,4	97,5
	Подмосковный	18,3	20,0	27,1	42,3	42,9
	Кавказский	4,4	4,1	3,8	3,6	—
	Туркестанский	8,4	9,4	10,3	12,3	11,3
	Западно-Сибирский	53,6	60,5	78,2	78,6	85,2
	Восточно-Сибирский	71,8	82,5	80,9	—	—
В том числе добыто антрацита						
Нефть (млн. пуд.)	Уральский	292,8	313,6	—	—	—
	Донецкий	291,5	312,2	310,0	378,0	355,0
	Уральский	0,2	0,4	—	—	—
	Восточно-Сибирский	1,1	1,3	—	—	—
	Уральский	563,4	556,9	568,1	492,1	422,6
	Бакинский	474,6	436,1	453,8	479,9	403,8
	Грозненский	73,7	98,4	88,2	2,7	7,8
	Кубано-Черноморский	5,3	4,0	7,6	2,0	3,3
	Урало-Эмбенский	7,2	16,6	16,5	5,5	5,6
	Ферганский	2,6	1,8	2,0	2,0	2,1
Поварен. соль (млн. пуд.)	Уральский	122,0	114,1	—	—	—
	Южный	90,6	86,5	—	—	—
	Уральский	24,2	22,9	—	—	—
	Северный	0,2	—	—	—	—
	(Польша)	0,3	—	—	—	—
	Кавказский	1,5	—	—	—	—
	Западно-Сибирский	1,2	2,0	—	—	—
	Восточно-Сибирский	0,9	—	—	—	—
	Туркестанский	0,7	2,7	—	—	—
	Закаспийский	2,2	—	—	—	—

36. Число рабочих, занятых в 1911 году на горных промыслах и заводах.

Отрасли горного дела	Урал	Подмосковн.	Ц. Польское	Южная Россия	Кавказ	Закаспийск. и Туркестан.	С.-Зап. Россия	Западн. Сиб.	Вост. Сиб.	Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
На золотых и платиновых приискаx	37170	—	—	—	—	—	—	10074	44900	92144
» » » рудниках	—	—	—	—	350	—	—	129	—	479
На серебряноцинковых заводах	6750	—	—	—	27	—	—	84	—	111
» » » рудниках	—	—	—	—	4724	47	7	879	360	12767
На медных заводах	4903	—	—	—	2214	—	—	700	117	7834
» » » рудниках	—	—	—	—	42	—	—	—	878	2121
На цинковых заводах	14662	4580	2693	15755	86	—	—	—	—	809
На железных рудниках	120097	31522	14328	59735	18	—	207	—	44	37874
На чугуноплав. и железодел. заводах	5347	1774	23841	136724	616	1077	—	4933	6230	243522
На каменноугольных копях	43	—	—	1253	2127	—	—	—	—	180542
На марганцевых рудниках	1506	—	—	—	71	—	—	—	—	3423
При добыче серн. колчедана и хром. железняка	3020	—	—	—	976	198	—	—	—	1577
На нефтяных промыслах	6643	—	—	8119	—	32844	1265	—	—	34109
При добыче поваренной соли	3572	245	331	432	73	—	132	6070	216	18731
» » » асбеста	4265	8859	7924	12802	2039	55	—	1940	17	6665
» » » и приготовл. огнеупорных материалов	131	378	—	1059	106	192	—	—	34	10283
Прочие отрасли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39027
Итого	298314	47358	50956	235878	46361	2835	25213	23423	53892	693929

37. Производство, ввоз, вывоз и потребление продуктов горной и горнозаводской промышленности и доля в производстве отдельных районов в 1912 г.

Продукты горной и горнозаводской промышленности	Добыто или произведено	Привоз из-за границы	Вывоз из-за границы	Видимое потребление	% условит. спосл. про-дуктов	Доля отдельных районов в % к общей добыче России.										
						Урал	Север и Сев.-Запад	Пол.-Сиб. р.	Пол.-Моск.-инд.	Южный	Кавказ	Закаспийск.	Туркестан.	Зап.-Сиб.	Вост.-Сиб.	Всего
						6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Золото, пуд.	—	—	—	—	—	18,8	—	—	—	—	—	—	—	10,2	71,0	100,0
2. Платина, пуд.	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0
3. Серебро »	—	—	—	—	—	36,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0
4. Свинец, тыс. пуд.	104	2723	—	2827	3,7	5,8	—	0,9	—	—	—	—	—	—	—	100,0
5. Цинк »	715	1167	—	1882	38,0	—	—	74,8	—	—	—	—	—	—	—	100,0
6. Медь »	2047	262	—	2309	81,4	54,9	—	—	—	—	—	—	—	14,9	0,0	100,0
7. Чугун, млн. пуд.	256	7	—	263	97,5	19,7	0,0	9,3	3,3	67,7	—	—	—	—	—	100,0
8. Сталь »	228	3	1	229	59,3	17,3	6,8	10,8	8,9	56,2	—	—	—	—	—	100,0
9. Уголь и кокс, млн. пуд.	1887	306	10	2183	85,8	3,4	—	22,3	0,7	67,3	0,2	0,3	—	2,3	3,5	100,0
10. Поварен. соль »	116	4	1	120	95,8	22,2	0,1	0,2	—	2,4	0,1	2,7	0,5	1,3	0,5	100,0
11. Нефть »	565	—	—	565	100,0	—	—	—	—	0,2	97,0	2,1	0,7	—	—	100,0
12. Марганц. руды »	50	—	59	12	—	0,3	—	—	—	29,2	70,5	—	—	—	—	100,0

38. Отхожие промыслы.

Количество паспортов (сроком не более года), выбранных в течении года,

по 50 губерниям Европ. России с 1861 по 1910 г.

Губернии в порядке районов	Количество выбранных паспортов в среднем за год (в тыс.)						На 1000 жителей было выдано паспортов					
	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1902	1906—1910	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1902	1906—1910
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. 1. Курская	32,1	101,1	165,0	245,4	272,7	240,0	18	53	70	92	119	100
2. Орловская	35,5	85,3	122,7	193,3	221,6	267,9	26	53	67	92	116	122
3. Тульская	46,1	109,3	139,8	221,7	267,1	293,8	42	88	99	143	201	200
4. Рязанская	74,2	203,1	262,8	363,5	399,4	419,3	54	127	143	175	227	205
5. Тамбовская	34,9	88,9	115,3	167,3	235,9	251,3	19	42	47	59	88	82
6. Воронежская	24,3	127,7	165,8	214,4	222,5	252,4	13	57	61	74	85	80
II. 1. Саратовская	14,4	69,4	107,3	143,9	176,1	143,7	9	33	52	61	77	60
2. Симбирская	15,6	92,5	133,5	137,8	166,1	171,5	14	75	93	86	108	100
3. Пензенская	24,0	77,9	91,1	123,8	153,3	147,9	21	61	62	76	106	100
4. Казанская	15,0	89,4	108,9	145,6	199,5	219,2	10	58	56	67	92	92
5. Нижегородская	33,2	116,1	143,4	183,7	203,9	210,6	31	88	96	110	131	120
6. Уфимская	6,1	23,5	35,2	57,2	90,8	112,9	5	17	32	80	89	43
III. 1. Самарская	6,8	31,6	34,6	51,4	129,6	111,0	4	16	15	19	46	34
2. Оренбургская	7,1	38,8	40,3	39,1	62,6	75,7	12	56	49	41	39	43
3. Астраханская	4,2	29,0	53,6	71,9	77,3	90,8	19	108	159	176	83	50
IV. 1. Бессарабская	5,7	21,4	30,1	40,7	36,4	42	36	40	41	23	18	40
2. Херсонская	12,1	40,3	65,8	89,5	103,3	113,9	12	33	44	48	48	50
3. Таврическая	5,7	21,5	31,8	42,8	49,0	65,4	14	42	48	49	38	50
4. Екатеринославская	11,5	29,7	66,1	71,0	135,5	80,8	12	24	37	59	63	32
5. Донская обл.	0,7	8,1	20,0	51,3	92,6	112,4	1	5	11	23	37	40
V. 1. Киевская	10,1	46,8	138,6	235,9	244,4	295,1	6	25	61	85	72	78
2. Волынская	8,0	31,6	61,2	85,7	15,5	110,5	6	20	32	37	5	32
3. Подольская	6,4	30,6	78,8	109,0	117,9	132,6	4	17	36	42	39	41
VI. 1. Харьковская	18,6	63,9	122,9	175,7	281,2	244,4	12	36	59	72	99	92
2. Полтавская	24,6	83,7	139,0	193,8	221,4	195,5	14	42	59	70	82	64
3. Черниговская	19,4	65,1	102,7	149,5	188,1	201,1	14	42	57	69	83	80
VII. 1. Московская	108,1	199,9	236,9	374,9	458,0	536,9	100	180	204	299	339	342
2. Тверская	110,9	223,5	248,6	324,9	391,0	442,1	80	146	144	167	226	230
3. Ярославская	71,9	142,4	149,7	189,7	233,9	239,8	91	170	164	189	241	231
4. Костромская	39,7	133,4	171,8	183,5	104,9	282,1	39	123	138	131	76	200
5. Владимирская	54,9	200,3	231,2	294,7	368,9	388,7	48	169	167	191	261	242
6. Калужская	78,1	172,3	205,4	257,2	284,2	313,5	86	172	183	205	258	254
VIII. 1. Смоленская	58,6	115,6	123,5	157,2	191,2	219,6	63	112	103	112	126	130
2. Могилевская	12,7	42,8	58,5	89,0	109,2	178,3	16	45	50	60	85	91
3. Витебская	22,7	39,2	57,5	97,0	143,4	166,7	35	50	60	83	108	109
4. Минская	8,7	27,6	57,5	77,8	94,7	99,3	11	28	46	49	100	41
IX. 1. Ковенская	10,0	26,4	50,5	68,6	72,5	81,0	14	31	50	59	49	52
2. Виленская	8,4	16,2	35,5	61,8	99,0	90,5	11	17	32	47	67	55
3. Гродненская	8,4	19,1	60,1	79,6	82,9	75,9	12	23	52	69	57	50
X. 1. Эстляндская	3,1	5,0	6,7	21,8	39,5	51,9	10	15	18	54	115	143
2. Лифляндская	9,1	13,1	16,9	57,3	107,9	179,7	11	14	17	52	51	177
3. Курляндская	7,5	12,6	16,9	46,3	33,5	112,4	15	23	28	70	62	204
XI. 1. Петербургская	40,3	84,0	104,5	151,2	193,3	175,2	86	179	218	289	276	230
2. Олонекская	8,9	27,6	32,5	46,3	48,1	51,9	32	91	96	124	134	132
3. Новгородская	34,1	95,9	98,0	141,7	182,6	214,1	45	116	105	131	134	142
4. Псковская	13,4	25,8	32,1	64,0	98,3	128,3	20	33	36	62	87	104
XII. 1. Вятская	31,8	143,6	174,1	220,2	268,4	310,7	15	58	61	69	85	88
2. Пермская	13,8	80,8	121,0	192,0	228,9	252,4	6	32	43	61	75	70
XIII. 1. Архангельская	14,0	34,1	33,7	42,9	49,0	52,1	59	130	113	126	147	138
2. Вологодская	16,2	63,0	70,4	109,0	140,2	160,2	18	61	60	82	104	107
Итого по 50 губ.	1285,6	3684,5	4937,8	6952,0	8345,6	9399,4	24	60	69	83	95	94

39. Кустарная промышленность.

Количество сельских мелких промышленников.

(в тыс.)

Губернии	Годы обследований	Всего промышленников	В том числе занятых обработкой следующих материалов								
			Дерево	Прут. корб., плет. меб. и пр.	Кожа	Раст. волокно (хлопок, лен, пенька)	Животное вол. (шерсть, мех)	Кожа	Рог. кость, греб.-ни, пугов. и пр.	Минералы	Металлы
I. 1. Курская	1904	61,3	10,6	0,1	—	35,7	2,6	7,4	—	2,2	0,9
2. Орловская	1913	62,4	8,2	0,3	1,1	37,3	1,0	4,8	—	2,4	2,9
3. Тульская	1912—13	16,8	2,2	0,1	0,7	0,2	0,5	2,2	—	0,2	8,3
4. Рязанская	1912	95,8	7,7	2,7	9,5	58,5	1,7	8,9	—	2,9	1,8
5. Тамбовская	1899	28,5	7,0	0,7	1,6	4,2	5,0	6,3	—	0,9	2,2
6. Воронежская	1885—91	50,8	9,3	0,2	0,1	6,2	2,8	15,3	0,1	2,6	3,7
II. 1. Саратовская	1904—13	56,5	10,9	1,3	2,2	18,2	1,8	9,0	0,1	3,6	4,4
2. Симбирская	1910—11	37,7	10,9	—	6,9	1,4	4,1	5,0	0,1	1,4	3,8
3. Пензенская	1909—13	40,3	8,4	0,2	12,8	0,6	3,9	3,2	0,2	3,1	2,5
4. Казанская	1910	64,1	12,8	1,9	22,5	1,9	6,7	4,3	—	3,4	3,7
5. Нижегородская	1917	198,7	30,0	1,6	24,9	25,8	15,8	14,7	—	0,9	22,0
6. Уфимская	1910—11	28,3	9,7	0,3	6,0	0,1	1,3	3,6	—	0,8	3,0
III. 1. Самарская	1893—99	19,9	3,9	0,4	0,3	0,3	2,6	5,9	—	0,3	2,3
2. Астраханская	1898	8,0	0,2	0,1	—	6,5	0,5	0,3	—	—	0,3
IV. 1. Херсонская	1904	56,0	5,0	0,9	—	36,0	0,1	5,1	—	0,4	4,8
2. Екатеринославская	1903	5,4	1,5	—	—	0,4	—	0,8	—	1,1	1,0
V. 1. Киевская	1912	3,5	6,7	0,3	—	5,6	0,1	8,5	—	3,5	2,2
2. Волынская	1913	71,2	15,0	6,4	0,1	23,3	0,3	12,4	0,2	2,6	6,2
3. Подольская	1912	88,5	14,2	2,0	1,0	41,9	0,1	16,7	—	3,7	4,4
VI. 1. Харьковская	1912	34,4	7,9	1,4	—	8,8	0,2	6,4	—	1,3	3,4
2. Полтавская	1910	67,4	6,8	0,2	—	27,3	0,2	11,6	0,4	1,3	5,3
3. Черниговская	1913	79,7	12,8	5,7	0,4	16,9	1,0	18,9	0,1	2,3	4,3
VII. 1. Московская	1898—900	183,6	10,6	2,9	0,5	91,8	22,0	10,4	2,3	5,6	18,1
2. Тверская	1913	51,7	8,8	1,4	0,2	8,8	3,3	24,2	—	1,5	2,4
3. Ярославская	1897—901	16,8	5,7	0,6	—	1,7	2,2	2,1	—	0,6	3,7
4. Костромская	1912	62,4	10,1	3,2	8,5	13,0	11,0	2,7	0,3	2,0	8,0
5. Владимирская	1897—900	95,2	13,6	0,6	5,0	50,2	1,7	7,1	—	2,4	7,0
6. Калужская	1918	9,2	4,2	0,1	2,2	0,7	—	1,8	—	0,1	0,1
VIII. 1. Смоленская	1909—12	13,8	8,5	0,4	0,7	0,3	1,0	0,7	—	1,2	0,8
2. Могилевская	1908	19,8	10,0	0,9	0,1	2,9	0,9	2,1	0,3	2,0	0,7
3. Витебская	1807	6,3	2,1	—	—	—	—	1,2	—	1,5	1,4
4. Минская	1900	3,8	1,8	1,2	0,1	0,2	0,4	0,1	—	0,9	—
XI. 1. Петроградская	1897—908	38,2	7,3	3,6	9,4	3,6	0,2	4,4	—	1,0	3,4
2. Олонецкая	1900—903	14,3	3,1	0,2	4,2	1,2	0,3	2,5	—	0,6	0,9
3. Новгородская	1909	38,4	13,4	1,3	0,1	11,5	1,2	5,2	—	1,1	3,5
4. Псковская	1912	18,6	9,6	0,9	0,9	0,2	0,3	0,6	—	1,0	0,1
IX. 1. Вятская	1884—909	210,2	45,1	2,2	30,0	37,7	25,4	19,1	0,4	9,5	14,5
2. Пермская	1909—916	50,0	8,1	0,2	1,5	5,6	6,4	8,8	0,1	8,7	7,4
XIII. 1. Архангельская	1900	6,5	4,3	0,1	—	0,1	—	0,7	—	0,9	0,5
2. Вологодская	1900—915	72,7	14,7	1,2	3,9	33,6	3,9	5,6	0,6	2,2	2,5
Всего по 40 губ.	—	2051,7	382,7	47,8	157,4	620,2	132,5	265,9	5,2	83,7	168,4
Литовск. и Прибалт. край.	1900	300,5	2,7	—	—	150,8	145,5	0,4	—	0,4	0,4
Привислинский край.	1900	50,8	4,2	2,1	0,1	34,2	0,8	4,0	—	1,2	2,4
Итого	—	851,3	6,9	2,1	0,1	185,0	146,3	4,4	—	1,6	2,8
1. Тобольская	1900	24,9	5,1	0,1	7,5	4,0	3,1	2,2	0,1	1,3	1,0
2. Томская	1914	76,7	30,4	0,4	—	3,4	6,0	14,2	—	5,2	11,1
3. Енисейская	1913—14	7,5	2,7	0,2	0,1	2,0	0,4	0,8	—	1,1	0,2
4. Туркестан.	1900	16,1	1,5	—	—	4,2	4,2	2,9	—	0,9	1,7
Итого	—	125,2	39,7	0,7	7,6	13,6	13,7	20,1	0,1	8,5	14,0

40. Железные дороги, построенные казной и частными обществами с 1833 по 1913 г.

Открыто для движения жел. дор. (верст) за годы:

Годы	Казной			Годы	Частными обществами			Годы	Частными обществами		
	1	2	3		1	2	3		1	2	3
1833—1853 . . .	954	25	979	1899	2904	1950	4914	1908	991	322	1313
1857—1864 . . .	—	2379	2379	1900	1364	1592	2756	1909	345	489	834
1865—1874 . . .	1204	12367	13571	1901	998	2340	3333	1910	371	432	803
1875—1890 . . .	—	4294	4294	1902	861	194	1055	1911	65	1710	1775
1881—1894 . . .	5541	5816	11357	1903	35	633	673	1912	682	750	1412
1895	195	1691	1886	1904	—	1213	1213	1913	881	917	1788
1896	2352	449	2801	1905	645	1382	2027				
1897	535	1402	1937	1906	1279	2335	3614				
1898	1295	1597	2892	1907	2153	1593	3736	Всего . . .	25690	47667	73457

41. Прогон главнейших грузов по железным дорогам и внутренним водным путям за 1897—1913 годы

(Общий прогон и средний прогон 1 тонны)

Годы	А. Общий прогон всех грузов в сотнях млн. тонно-километров (в среднем за год)							Годы	Б. Средний прогон 1 тонны груза в километрах (в среднем за год)						
	Все грузы	Главные хлебные грузы	Соль	Нефтепродукты	Каменный уголь	Лесные строгальн. матер.	Прочие грузы		Главные хлеба	Соль	Нефтепродукты	Каменный уголь	Лесные строгальн. матер.	Прочие товары	Всего товаров
	По железным дорогам б. Российской империи								По железным дорогам б. Российской империи						
1897—1901 . . .	314,1	57,2	6,1	26,7	35,4	21,2	167,5	1897—1901 . . .	625	477	663	336	281	383	412
1902—1906 . . .	363,0	74,7	6,9	29,4	53,2	28,9	169,9	1902—1906 . . .	559	437	669	393	309	539	492
1907	429,3	77,6	6,9	19,6	78,4	39,8	207,0	1907	609	431	583	431	265	552	501
1908	435,8	72,1	7,6	20,8	80,6	44,5	210,2	1908	585	437	561	434	323	556	498
1909	486,6	107,4	7,6	22,6	76,5	53,0	219,5	1909	644	444	590	426	366	562	513
1910	507,3	104,2	8,2	23,6	72,0	57,4	241,9	1910	598	402	525	385	381	565	504
1911	549,2	91,2	8,7	26,3	83,8	65,8	273,4	1911	459	437	542	394	383	529	436
1912	600,3	86,7	8,6	26,7	100,0	73,9	304,3	1912	572	415	591	423	414	514	490
1913	656,6	90,3	9,6	27,8	132,6	74,3	322,0	1913	540	474	636	472	384	526	500
	По внутр. водным путям Европ. России								По внутр. водным путям Европ. России						
1897—1901 . . .	260,7	35,9	8,7	71,0	0,5	97,4	47,2	1897—1901 . . .	991	1166	1711	327	609	771	844
1902—1906 . . .	316,4	42,6	8,6	92,0	1,0	111,9	60,4	1902—1906 . . .	871	1037	1771	483	643	871	898
1907	301,6	24,7	9,3	83,5	0,9	136,7	46,5	1907	737	1143	1847	439	656	756	840
1908	313,6	28,2	10,8	83,1	0,6	137,7	53,2	1908	809	1170	1902	330	655	795	878
1909	386,9	45,2	8,9	111,9	0,6	151,2	69,1	1909	901	1185	1948	179	837	1019	885
1910	367,4	54,4	8,6	91,7	0,5	144,2	68,0	1910	942	888	1797	94	629	831	845
1911	425,2	47,8	12,4	101,9	0,7	182,9	73,9	1911	892	1208	1795	158	699	849	885
1912	345,3	20,2	18,0	89,5	1,0	171,2	50,4	1912	670	1301	1778	174	663	572	782
1913	369,6	42,3	10,2	91,7	1,6	169,2	54,6	1913	815	1082	1716	178	597	542	729

42. Динамика грузооборота железных дорог с 1876 по 1913 г.

Г о д ы	в т о м и с л е																
	Весь грузооборот		Продовольственные						Кормовые			Продукты лесоводства		Продукты горнодобывающ. промышлени.			
			Рожь		Пшеница		Крупяные	Овес	Ячмень	Дрова	Лесные строгил. матер.	Каменный уголь	Нефтегрузы	Соль	Рыбный товар	Прочие грузы	
			Зерно	Мука	Зерно	Мука											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
В а б с о л ю т н ы х в е л и ч и н а х (тыс. декатонн)																	
1876	1501,9	805,6	—	100,1	112,0	58,3	67,3	176,7	24,4	212,4	4,8	178,5	3,9	63,1	46,7	186,9	
1878	1905,1	822,4	146,8	138,5	191,7	81,2	73,2	111,2	33,3	209,2	135,2	168,1	12,3	79,6	24,4	651,4	
1880	1969,7	452,6	101,2	57,7	98,6	49,3	—	44,7	22,8	—	—	250,3	—	—	29,5	1237,3	
1882	2250,2	585,6	86,5	54,2	194,8	52,6	70,8	132,0	36,0	236,5	214,4	282,3	27,0	109,4	32,4	764,5	
1884	2383,0	609,7	106,1	46,4	169,4	63,7	92,9	143,2	47,3	—	—	317,4	34,1	154,3	42,5	1224,4	
1887	2785,4	721,5	121,0	59,5	228,2	68,6	73,7	148,3	60,1	—	—	—	—	—	—	2063,9	
1890	3222,6	719,9	95,5	52,7	214,4	76,2	35,9	142,0	46,4	234,2	222,6	430,0	187,6	91,7	—	1336,6	
1893	3662,3	870,4	89,8	63,1	225,0	104,0	41,8	159,4	98,4	234,2	251,6	567,9	256,2	96,6	44,4	1341,0	
1896	4499,2	1049,1	129,2	77,5	318,3	133,8	50,5	172,4	66,5	232,6	220,5	728,9	322,7	108,1	42,9	1794,4	
1899	6056,6	1050,0	146,1	78,5	239,8	156,9	61,6	171,7	72,2	314,5	454,5	1087,6	398,0	136,0	52,7	2563,3	
1900	6483,9	1187,9	183,0	95,8	265,2	184,3	62,4	223,6	51,3	368,6	487,6	1195,7	443,9	134,3	52,3	2613,6	
1901	9537,7	1249,0	164,6	90,3	304,5	191,0	59,3	206,5	79,3	386,6	349,7	1218,7	455,4	139,3	56,7	2682,4	
1902	9864,4	1476,2	198,4	95,3	386,9	201,5	68,1	219,8	118,2	399,7	381,5	1215,4	445,5	150,7	64,0	2731,4	
1903	7507,8	1515,6	181,2	109,9	470,7	218,7	67,5	200,2	140,7	393,1	408,7	1348,1	509,4	150,7	61,8	3079,6	
1904	7563,5	1532,5	185,0	125,0	475,2	225,5	59,3	217,4	123,3	411,1	389,7	1366,1	534,0	155,6	69,5	3115,0	
1905	6914,5	1499,1	163,8	112,2	481,6	227,7	56,2	264,0	122,2	393,1	374,9	1280,9	375,1	159,7	80,0	2780,7	
1906	8039,5	1551,3	228,3	96,3	463,7	264,4	65,0	211,3	148,9	486,5	405,7	1590,5	344,0	181,8	73,4	3295,8	
1907	8596,3	1571,5	211,5	109,9	469,5	239,2	79,4	204,3	139,9	588,5	434,7	1824,7	335,8	159,9	77,0	3605,7	
1908	3779,2	1463,2	152,7	121,4	342,3	240,1	78,0	203,1	154,8	673,2	445,9	1849,3	370,2	173,6	80,8	3723,0	
1909	9397,1	1935,1	160,7	133,5	630,9	256,7	82,6	258,6	214,9	615,9	494,0	1801,8	393,1	172,0	88,6	3896,6	
1910	10085,3	1955,8	139,5	126,0	682,2	279,9	73,2	256,5	231,8	566,7	583,8	1793,8	440,6	186,7	92,4	4475,5	
1911	11345,9	1961,1	163,5	124,2	493,2	295,0	84,2	276,5	245,5	648,6	647,8	2124,5	489,8	198,2	89,3	5186,6	
1912	12286,3	1822,5	162,0	115,5	472,7	296,3	86,6	259,2	185,4	704,3	652,1	2389,0	155,4	191,6	93,2	5969,0	
1913	13178,8	2030,4	145,6	126,6	585,5	388,9	96,0	224,1	242,4	717,4	687,1	2799,3	440,6	203,1	110,4	6230,5	
Т о ж е в % к о б щ е м у р а з м е р у г р у з о о б о р о т а																	
1876	100,0	53,6	—	6,7	7,5	3,9	4,5	11,8	1,6	14,1	0,3	11,9	0,3	4,2	3,1	12,2	
1878	100,0	32,7	7,7	7,2	10,3	4,3	3,8	5,8	2,0	10,9	7,3	8,8	0,6	4,2	1,3	34,4	
1880	100,0	23,0	5,1	2,9	5,0	2,5	—	2,3	1,2	—	—	12,7	—	—	1,5	62,8	
1882	100,0	26,0	3,8	2,4	8,7	2,3	3,1	5,9	1,6	10,5	9,5	12,5	1,2	4,9	1,4	34,0	
1884	100,0	25,6	4,5	1,9	7,1	2,7	3,9	6,0	2,0	—	—	13,3	1,4	6,5	1,8	51,4	
1887	100,0	25,9	4,3	2,1	8,2	2,5	2,6	5,3	2,2	—	—	—	—	—	—	74,1	
1890	100,0	22,3	3,0	1,6	6,7	2,4	1,1	4,4	1,4	7,3	6,9	13,3	5,8	2,8	—	41,5	
1893	100,0	23,8	2,5	1,7	6,1	2,8	1,1	4,4	2,7	6,4	6,9	15,5	7,0	2,6	1,2	36,6	
1896	100,0	23,3	2,9	1,7	7,1	3,0	1,1	4,0	1,5	5,2	4,9	16,2	7,2	2,4	1,0	39,9	
1899	100,0	27,3	2,4	1,3	4,0	2,6	1,0	2,8	1,2	5,2	7,5	18,0	6,6	2,2	0,9	42,3	
1900	100,0	18,3	2,8	1,5	4,1	2,8	1,0	3,4	0,8	5,7	7,5	18,4	6,8	2,1	0,8	40,3	
1901	100,0	19,1	2,5	1,4	4,7	2,9	0,9	3,2	1,2	5,9	5,3	18,6	7,0	2,1	0,9	41,0	
1902	100,0	21,5	2,9	1,4	5,6	2,9	1,0	3,2	1,6	5,8	5,6	17,7	6,5	2,2	0,9	39,8	
1903	100,0	20,7	2,4	1,5	6,2	2,9	0,9	2,7	1,9	5,2	5,4	18,0	6,8	2,0	0,8	41,0	
1904	100,0	20,3	1,8	1,7	6,3	3,0	0,9	2,9	1,6	5,4	5,2	18,1	7,1	2,1	0,8	41,2	
1905	100,0	21,7	2,4	1,6	6,2	3,3	0,8	3,8	1,8	5,7	5,4	18,5	5,4	2,2	0,9	40,2	
1906	100,0	20,6	2,8	1,2	6,0	3,3	0,8	2,6	1,9	6,1	5,1	19,8	4,3	2,3	0,9	41,0	
1907	100,0	18,3	2,5	1,3	4,3	2,8	0,9	2,4	1,6	6,8	5,1	21,2	3,9	1,8	0,9	41,9	
1908	100,0	16,7	1,7	1,4	3,9	2,7	0,9	2,3	1,8	7,7	5,1	21,2	4,2	2,0	0,9	42,4	
1909	100,0	20,6	1,7	1,4	6,7	2,7	0,9	2,8	2,3	6,6	5,3	19,2	4,2	1,8	0,9	41,5	
1910	100,0	19,4	1,4	1,2	6,8	2,7	0,7	2,5	2,3	5,6	5,8	17,7	4,4	1,9	0,9	44,4	
1911	100,0	17,3	1,4	1,1	4,3	2,6	0,7	2,4	2,2	5,7	5,7	18,7	4,3	1,7	0,8	45,7	
1912	100,0	14,8	1,3	0,9	3,8	2,4	0,7	2,1	1,5	5,7	5,3	19,5	3,7	1,6	0,8	48,6	
1913	100,0	15,4	1,1	1,0	4,4	2,6	0,7	1,7	1,8	5,4	5,2	21,2	3,3	1,5	0,8	47,0	

43. Динамика грузооборота внутренних водных путей с 1876 по 1913 г.

Годы	В том числе																
	Весь грузооборот	Все хлебные грузы	Продовольственные						Кормовые		Продукты лесоводства		Продукты горнодобывающей промышленности				
			Рожь		Пшеница		Крупяные	Овес	Ячмень	Дрова	Лесные строительные материалы	Каменный уголь	Нефтегрузы	Соль	Габный товар	Прочие грузы	
			Зерно	Мука	Зерно	Мука											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
В абсолютных величинах (тыс. дека тонн)																	
1876	—	207,9	46,5	51,4	54,4	8,7	11,0	34,9	1,0	212,3	72,7	3,1	3,3	28,0	11,3	—	
1878	—	164,1	30,0	29,0	63,7	7,5	7,4	23,6	2,9	260,4	45,0	1,5	11,1	29,3	12,8	—	
1880	—	172,3	41,4	35,9	27,5	5,4	12,1	47,8	2,2	285,5	94,8	2,9	18,0	33,4	15,6	—	
1882	—	184,4	25,7	30,0	68,4	7,4	12,4	39,8	5,7	254,1	97,3	7,4	25,7	41,4	19,3	—	
1884	—	210,8	27,4	15,2	95,5	9,3	—	54,1	6,2	193,4	95,3	3,1	45,2	39,6	21,5	—	
1887	—	278,6	69,9	40,6	83,1	11,6	—	53,1	9,3	—	—	—	—	—	—	—	
1890	1806,8	231,1	38,0	39,3	80,1	13,8	—	44,9	10,6	340,2	796,2	6,4	102,2	88,5	23,9	268,1	
1893	1935,0	256,7	33,7	33,9	89,8	12,2	13,1	35,7	31,0	330,2	772,6	8,5	198,7	84,4	21,9	191,8	
1896	2544,4	384,6	77,8	56,7	130,9	28,0	14,4	47,2	27,0	389,8	1044,2	12,4	262,7	57,3	15,6	377,8	
1899	3085,5	237,3	56,0	21,1	98,8	37,5	10,8	28,2	27,2	419,2	1234,7	15,2	336,1	78,8	27,2	637,0	
1900	3322,7	339,0	90,7	38,0	106,5	35,7	17,4	77,6	18,7	440,5	1293,5	14,9	465,5	78,3	26,4	614,6	
1901	3355,1	449,1	87,3	51,9	123,4	48,8	22,3	90,6	23,2	534,2	1192,5	14,9	451,4	70,8	34,7	607,5	
1902	3231,6	388,0	83,9	45,5	110,4	51,9	12,0	41,1	32,6	515,2	996,7	16,1	591,5	82,2	33,7	609,5	
1903	3650,3	509,1	85,5	51,9	171,5	60,1	27,8	50,0	56,3	499,4	1294,2	21,9	548,1	75,0	32,8	686,2	
1904	3899,2	541,0	96,8	55,0	204,3	69,6	25,6	35,4	61,1	540,7	1422,3	24,2	575,9	84,5	30,8	679,8	
1905	3494,4	626,7	103,2	63,2	208,7	62,6	14,9	19,6	43,1	513,8	1147,7	19,2	502,5	84,0	32,9	667,7	
1906	3395,2	478,6	79,9	39,3	140,9	62,2	17,0	95,2	40,9	533,8	1273,9	21,3	337,6	89,0	30,8	573,0	
1907	3600,7	383,6	70,4	28,9	126,8	62,9	8,8	87,4	42,4	619,2	1567,2	21,0	454,2	85,3	31,3	438,5	
1908	3611,8	411,0	61,4	46,2	129,9	65,5	13,3	29,8	60,1	697,1	1513,7	28,3	439,8	96,3	40,0	385,6	
1909	4180,2	571,0	86,8	55,2	209,2	75,5	17,7	54,4	68,3	756,1	1707,5	34,1	514,2	78,8	37,5	481,4	
1910	4361,5	650,8	78,1	56,2	224,2	93,7	22,1	187,8	91,6	617,0	1790,0	50,9	520,2	110,6	30,5	602,1	
1911	4821,0	614,9	77,1	40,0	215,7	87,3	13,3	83,7	86,2	699,5	2232,8	49,1	574,6	113,7	29,2	597,2	
1912	4427,4	379,5	49,6	24,6	130,2	74,7	9,7	32,9	53,9	657,5	2038,8	64,0	510,2	109,7	29,2	638,5	
1913	5083,5	610,3	93,4	48,2	180,7	92,0	20,8	53,4	17,8	730,4	2250,1	92,9	541,0	100,7	35,7	727,4	
То же в ‰ к общему размеру грузооборота																	
1876	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1878	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1882	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1884	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1887	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1890	100,0	12,8	2,1	2,2	4,4	0,8	—	2,5	0,6	18,8	44,1	0,4	5,7	2,1	1,3	14,8	
1893	100,0	13,3	1,7	1,8	4,6	0,9	0,7	1,8	1,6	17,1	39,9	0,4	10,3	2,9	1,1	15,1	
1896	100,0	15,1	3,0	2,2	5,1	1,1	0,6	1,9	1,1	15,3	41,0	0,5	10,3	2,3	0,6	14,8	
1899	100,0	9,3	1,8	0,7	3,2	1,2	0,4	0,9	0,9	13,6	40,0	0,5	12,5	2,6	0,9	20,6	
1900	100,0	11,7	2,7	1,1	3,2	1,1	0,5	2,3	0,6	13,3	38,5	0,4	14,0	2,4	0,8	18,5	
1901	100,0	13,4	2,6	1,5	3,7	1,5	0,7	2,7	0,7	15,9	35,9	0,4	13,5	2,1	1,0	18,1	
1902	100,0	12,0	2,6	1,4	3,4	1,6	0,4	1,3	1,0	15,9	30,8	0,5	13,3	2,5	1,0	18,8	
1903	100,0	13,9	2,3	1,4	4,7	1,6	0,8	1,4	1,5	16,7	35,5	0,6	15,0	2,1	0,9	18,3	
1904	100,0	13,9	2,5	1,4	5,2	1,8	0,4	0,9	1,6	13,9	36,5	0,6	15,8	2,2	0,8	17,4	
1905	100,0	17,9	3,0	1,8	6,0	1,8	0,7	3,4	1,2	14,7	30,0	0,5	14,4	2,4	0,9	19,1	
1906	100,0	14,0	2,4	1,2	4,1	1,9	0,5	2,8	1,2	15,8	37,7	0,6	11,4	2,6	0,9	16,9	
1907	100,0	10,7	2,0	0,7	3,5	1,7	0,2	1,0	1,2	17,2	43,5	0,6	12,6	2,4	0,8	12,8	
1908	100,0	11,4	1,7	1,3	3,6	1,8	0,4	0,8	1,7	19,3	41,9	0,8	12,2	2,7	1,1	10,7	
1909	100,0	13,7	2,1	1,3	5,0	1,8	0,4	1,3	1,6	18,1	40,8	0,8	12,3	1,9	0,9	11,5	
1910	100,0	14,9	1,7	1,3	5,1	2,1	0,5	2,0	2,1	14,1	40,3	1,2	11,9	2,5	0,7	13,8	
1911	100,0	12,8	1,6	0,8	4,5	1,8	0,3	1,7	1,8	12,6	46,3	1,0	11,9	2,4	0,6	12,4	
1912	100,0	8,6	1,1	0,6	2,9	1,7	0,2	0,7	1,2	14,9	46,0	1,4	11,5	2,5	0,7	14,4	
1913	100,0	12,0	1,8	0,9	3,6	1,8	0,4	1,0	2,3	14,4	44,2	1,8	10,6	2,0	0,7	14,3	

44. Число и вместимость судов каботажного плавания. 1)

	Число судов			Вместимость судов (тыс. регистр. тонн)			Число судов			Вместимость судов (тыс. регистр. тонн)		
	1893—1902	1908—1912	1913	1898—1902	1908—1912	1913	1893—1902	1908—1912	1913	1898—1902	1908—1912	1913
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Дальний каботаж												
Белое и Северное												
{ прих.	—	6	8	—	3,9	5,9						
{ отх.	—	8	6	—	1,8	3,7						
Балтийское												
{ прих.	—	107	100	—	179,3	166,4						
{ отх.	—	57	55	—	102,0	90,3						
Черное и Азовское												
{ прих.	—	75	64	—	170,1	150,4						
{ отх.	—	129	125	—	206,2	273,5						
Тихий океан												
{ прих.	—	40	52	—	97,0	126,3						
{ отх.	—	30	25	—	77,3	71,3						
Итого												
{ прих.	—	228	224	—	450,3	449,0						
{ отх.	—	219	211	—	447,3	438,3						
Малый каботаж												
Белое и Северное												
Балтийское												
Черное и Азовское												
Дунай												
Тихий океан												
Всего по внешн. морям и Дунаю												
Каспийское море												
Всего по малому каботажу												
{ прих.	—	62293	74521	—	81798	30877						
{ отх.	—	62293	74521	—	81798	30877						

45. Число и вместимость морских судов заграничного плавания по отдельным морям. (в отходе)

М о р я	Число судов					Вмест. судов (в тыс. рег. тонн)				
	1893—97	1898—1902	1903—1907	1908—1912	1913	1893—97	1898—1902	1903—1907	1908—1912	1913
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Белое	670	769	852	1015	1159	278	393	519	792	1004
Балтийское	5511	5856	5930	7265	8032	3233	3560	4067	5464	6362
Черное	3870	3911	4450	4337	4496	4377	3919	6276	6434	7031
Азовское	1298	1026				1149	938			
Итого	11279	11562	11282	12617	13737	9087	8810	10862	12690	14447
Р. Дунай	—	—	481	975	987	—	—	88	182	206
Тихий океан	—	—	337	646	661	—	—	387	859	1009
Итого	—	—	12100	14238	15365	—	—	11337	13731	15662
Каспийское	—	—	1276	1337	1414	—	—	378	486	620
В С Е Г О	—	—	13376	15625	16779	—	—	11715	14217	16282

1) Под «дальним каботажом» подразумевается внутреннее сообщение (на судах) между разными морями; под «малым каботажом» — внутреннее сообщение (на судах) в пределах одного какого-нибудь моря.

46. Вывоз и ввоз всех хлебных грузов по районам в среднем за год, в период 1909—1913 гг.

(в млн. пудов)

Р а й о н ы	В ы в о з				В в о з				Среднее ежегодное превышение			
	По железным дорогам	По внутренним водным путям	Через порты и таможи (заграничный вывоз, дальний и малый каботаж)	Итого	По железным дорогам	По внутренним водным путям	Через порты и таможи (заграничный ввоз, дальний и малый каботаж)	Итого	Вывоза над ввозом		Ввоза над вывозом	
									В абсолютных величинах	По расчету на душу населения об. пола	В абсолютных величинах	По расчету на душу населения об. пола
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Центрально-Земледельч.	206,8	3,0	—	209,8	74,8	0,9	—	75,7	133,1	7,74	—	—
II. Средне-Волжский	118,8	104,3	—	223,1	63,1	58,5	—	121,6	101,5	6,85	—	—
III. Нижне-Волжский	98,7	54,9	6,5	160,1	44,1	16,4	2,6	63,1	97,0	13,73	—	—
IV. Новоросийский	396,0	102,1	469,9	878,0	300,0	103,5	30,5	434,0	444,2	29,62	—	—
V. Юго-Западный	72,9	4,6	6,6	84,1	34,9	4,9	—	39,8	44,3	3,53	—	—
VI. Малоросийский	101,3	3,4	—	104,7	37,3	1,8	—	39,1	65,6	6,51	—	—
VII. Моск.-Промышленный	45,9	8,4	—	54,3	111,3	57,5	—	168,8	—	—	114,5	9,54
VIII. Белорусский	13,2	0,9	—	14,1	29,9	3,2	—	33,1	—	—	19,0	2,07
IX. Лятовский	9,0	0,5	0,5	10,0	16,8	0,4	0,2	17,4	—	—	7,5	1,30
X. Приволжский	9,5	2,1	53,7	65,3	81,7	46,8	3,0	131,5	—	—	66,3	10,22
XI. Прибалтийский	7,6	0,9	71,0	79,5	88,1	1,1	3,2	92,4	—	—	12,8	4,67
XII. Приуральский	17,5	14,4	—	31,9	28,4	4,6	—	33,0	—	—	1,1	0,15
XIII. Северный	0,7	6,9	5,1	12,7	12,8	7,4	1,5	21,7	—	—	9,0	4,19
Итого по 50 губерниям Европейской России	1007,9	306,4	613,3	1927,6	923,2	307,0	41,0	1271,2	895,7	6,79	230,2	1,94
XIV. Привислинский	40,1	2,5	83,1	125,7	126,0	2,5	7,8	136,3	—	—	10,2	0,84
XV. Предкавказский	137,6	—	80,7	168,3	22,6	—	0,6	23,2	145,0	27,19	—	—
XVI. Закавказский	10,6	—	89,5	100,1	89,9	—	18,7	108,6	—	—	6,0	0,86
XVII. Степной	15,0	5,4	0,1	20,5	5,4	2,4	0,1	7,9	12,6	2,58	—	—
XVIII. Туркестан	11,2	—	2,4	13,6	2,8	—	4,9	29,7	—	—	16,1	2,88
XIX. Сибирский	32,6	15,7	0,1	48,4	16,1	18,6	0,1	34,8	13,7	1,79	—	—
XX. Дальне-Восточный	11,7	7,7	2,7	22,1	15,1	13,5	13,1	41,7	—	—	19,7	11,98
Итого по империи	1266,7	337,7	821,9	1426,3	1223,1	344,0	86,3	1653,4	1057,0	6,63	282,2	2,00

47. Привоз товаров из-за границы с 1802 по 1913 г.

Годы	I. В миллионах рублей													
	в том числе													
	Общий итог	Фрукты	Чай	Рыба	Уголь каменный	Кокс	Каучук	Краски	Металлы	Метал. изделий.	Машины	Хлопок	Шерсть	Прочая всякая
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1802 (в ассигн. рубл.)	45,8	1,4	1,9	0,7	—	—	—	3,0	0,9	0,6	—	1,2	0,1	—
1820	245,2	5,6	5,5	3,7	0,2	—	—	14,1	2,9	4,8	0,2	1,7	0,7	27,5
1830	198,1	4,9	6,3	2,3	0,8	—	—	12,1	2,8	3,5	0,2	2,4	0,2	34,3
1840	78,1	3,0	2,6	1,5	0,6	—	—	6,2	1,6	1,5	0,4	2,6	0,2	11,2
1850 (в крепяги. рубл.)	93,9	3,6	7,1	2,0	—	—	—	5,5	1,9	1,7	2,2	8,7	0,2	6,4
1860	159,3	5,2	6,9	4,1	3,0	—	—	9,2	5,7	4,2	8,6	20,0	3,7	—
1870	335,9	7,5	24,1	4,4	7,8	—	1,5	13,6	31,2	26,7	26,0	32,1	13,1	—
1880	622,8	11,4	86,1	8,8	17,8	—	2,3	16,7	63,9	17,4	68,8	53,4	24,4	—
1890	406,7	8,8	32,8	9,9	12,5	—	4,0	15,0	28,3	13,5	21,3	81,5	14,4	22,7
1900 (в золот. рубл.)	626,4	15,2	47,2	15,7	33,9	8,2	21,9	11,2	37,0	39,7	76,7	68,0	12,6	15,8
1901	593,4	16,9	49,8	15,9	17,8	3,6	19,9	11,9	30,6	28,3	57,0	63,8	18,1	23,5
1902	599,2	14,8	49,8	15,7	19,2	3,4	18,6	11,8	29,7	27,5	52,6	68,1	20,7	21,9
1903	681,7	17,8	48,3	20,1	8,4	3,5	20,0	12,5	30,1	27,1	62,1	107,1	22,2	21,3
1904	651,4	17,9	47,4	21,4	22,2	4,6	21,7	11,0	32,4	28,4	55,5	108,4	15,9	13,1
1905	635,1	15,0	47,2	20,4	23,4	3,6	21,5	10,5	34,5	34,1	55,9	73,0	22,1	15,9
1906	800,7	23,2	77,4	23,9	26,1	3,7	27,7	13,7	32,0	42,5	59,8	78,2	24,5	23,1
1907	847,4	20,9	76,6	31,1	26,6	3,8	25,0	13,3	29,1	38,3	69,0	91,4	30,9	28,5
1908	912,7	22,6	67,8	29,0	28,2	3,5	26,4	13,0	25,3	39,3	81,4	119,5	32,6	25,2
1909	906,3	24,7	59,2	29,9	28,6	3,4	24,1	12,6	23,9	38,7	96,9	97,1	34,5	29,2
1910	1084,4	28,3	59,4	28,2	30,3	3,8	40,0	13,3	30,4	47,2	114,0	129,6	54,4	34,5
1911	1161,7	29,5	59,2	32,6	38,8	6,0	27,8	13,7	27,3	52,7	147,3	116,8	49,5	41,7
1912	1171,8	30,5	59,3	36,8	48,0	7,9	34,2	12,9	46,5	53,3	150,5	94,3	49,8	31,7
1913	1374,0	38,2	62,2	38,2	76,1	11,3	40,2	15,0	56,3	62,1	169,3	114,0	60,4	32,6

II. В тысячах пудов														
Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1820	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	—	37	5	254
1830	—	—	155	—	—	—	—	—	—	—	—	116	11	454
1840	—	—	219	—	—	—	—	—	—	—	—	398	29	539
1850	—	—	317	—	—	—	—	—	—	—	—	1201	77	223
1860	—	—	461	—	—	—	—	—	—	—	—	2840	—	244
1870	—	2926	1070	—	51579	—	100	1427	22558	8551	—	2801	—	513
1880	—	3444	2145	—	118112	—	123	1863	33332	2141	7320	5223	—	914
1890	—	3820	1917	6874	106673	—	217	3147	17016	1570	2498	8566	535	424
1900	—	7053	3493	8736	240042	33874	526	3057	14332	3486	9587	10289	927	646
1901	—	7288	3487	10465	192498	31063	654	3355	12782	3119	7235	10375	1409	646
1902	—	7606	3755	10504	178780	26974	622	2745	11008	2995	7356	10866	1601	674
1903	—	8662	3674	12266	183214	30233	398	3336	10648	3002	8552	14055	1768	634
1904	—	8367	3369	13990	201564	35648	362	2935	9874	2888	8083	12022	1390	388
1905	—	7397	3254	13648	226128	26662	358	2223	9833	3408	7777	10473	1757	448
1906	—	10010	5747	13337	236991	30983	463	2799	8275	4511	8356	10020	1796	656
1907	—	9674	5669	17935	221171	28392	416	3323	7473	3854	9340	10867	2213	864
1908	—	11218	5320	19807	243871	25364	462	2937	8189	3405	9824	14560	2006	684
1909	—	11504	4496	20683	240963	24690	438	2501	7825	3480	11956	11222	2651	715
1910	—	13516	4284	19383	259348	27732	449	2936	9679	4255	13967	12056	8090	830
1911	—	13161	4245	21611	280580	42784	412	3109	13119	5134	18506	12379	2913	898
1912	—	14180	4182	23180	324246	46910	570	3116	16377	5463	20110	10981	2774	783
1913	—	16231	4628	22099	473612	59407	779	3401	15580	6122	20161	12022	3388	807

48. Вывоз товаров за границу с 1802 по 1913 г.

Годы	I. В миллионах рублей													
	в том числе													
	Общий итог	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Все хлеба	Масло кор.	Яйца	Лесные матер.	Семена масл.	Лен	Руда	Металлы	Нефть
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1802 (в ассигн. рубл.)	63,3	4,1	5,6	1,0	0,2	11,1	0,3	—	1,4	2,5	5,8	—	4,7	—
1820	222,5	24,8	6,1	2,4	4,0	88,2	0,5	—	3,9	12,8	23,2	—	18,1	—
1830	272,3	50,9	9,8	2,4	1,5	67,9	0,5	—	8,3	15,9	26,7	—	13,6	—
1840 (в кредитн. рубл.)	85,4	11,1	0,6	0,7	0,9	14,8	0,1	—	2,7	7,8	8,3	—	2,5	—
1850	98,1	14,3	2,4	0,7	1,0	20,6	0,2	—	2,8	7,8	11,2	—	2,2	—
1860	181,4	37,5	12,1	3,7	6,2	64,6	0,7	—	5,0	15,9	15,6	—	2,1	0,1
1870	360,9	96,6	20,6	9,4	16,8	166,5	1,4	0,1	13,2	30,0	57,1	0,1	2,1	0,1
1880	498,7	89,1	65,3	13,7	36,7	231,8	2,0	1,0	33,0	46,6	55,6	0,9	8,8	0,1
1890	692,2	179,4	50,6	36,3	35,5	339,1	1,1	12,4	53,2	42,9	57,2	3,3	1,4	27,6
1900 (в золот. рубл.)	716,4	104,3	65,0	33,7	49,7	306,4	18,5	81,1	58,4	38,0	43,8	6,5	1,2	46,5
1901	781,6	122,7	58,0	48,0	58,5	345,0	28,4	35,4	57,3	16,7	44,3	5,0	1,7	53,1
1902	860,3	162,2	69,9	64,2	49,8	433,0	28,4	38,6	55,7	18,9	51,4	6,5	2,9	42,4
1903	1001,2	218,4	56,8	86,5	40,7	480,2	32,0	51,1	66,3	13,5	72,6	7,7	2,0	52,7
1904	1006,4	253,4	42,1	86,0	36,8	497,0	29,9	54,3	73,2	10,9	45,4	7,9	1,7	59,6
1905	1077,3	281,9	45,7	88,7	90,5	569,1	31,5	60,9	76,9	12,7	68,3	6,1	2,0	29,2
1906	1094,9	205,7	43,9	100,5	51,5	472,9	44,8	56,2	98,2	15,1	61,3	10,0	6,0	24,5
1907	1053,0	155,8	44,8	111,4	22,7	431,2	48,0	53,2	107,8	13,0	58,0	15,2	15,2	29,6
1908	998,3	113,1	26,0	132,7	24,5	380,3	45,7	54,9	111,2	20,3	58,2	11,0	8,7	31,8
1909	1437,7	384,3	34,1	165,9	61,8	750,1	48,9	62,2	126,6	14,8	60,8	11,1	10,6	34,8
1910	1449,1	405,2	29,9	158,5	63,7	748,0	51,3	63,7	138,2	24,8	67,2	13,2	6,5	29,7
1911	1591,4	258,8	42,6	214,8	73,3	739,5	71,1	80,8	142,4	28,8	63,8	13,7	7,0	30,4
1912	1518,8	192,2	29,0	153,1	51,8	551,9	68,5	84,7	153,4	31,3	107,5	17,5	3,4	38,4
1913	1520,1	225,2	32,9	186,2	32,0	594,5	71,6	90,6	164,9	21,2	86,8	19,6	3,6	50,1

Годы	II. В миллионах пудов													
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1820	—	14	4	2	2	—	—	—	—	—	1,4	—	—	—
1830	—	25	9	2	1	—	—	—	—	—	2,3	—	—	—
1840	—	18	1	1	2	—	—	—	—	—	2,7	—	—	—
1850	—	26	6	2	3	—	—	—	—	—	4,3	—	—	—
1860	—	42	20	6	11	—	0,1	1	—	—	4,0	—	0,9	0,1
1870	—	95	27	15	25	—	0,2	12	—	—	10,4	0,4	1,0	0,1
1880	—	614	484	112	260	—	0,2	78	—	—	9,6	1,0	7,7	0,2
1890	—	1821	688	486	311	—	0,3	—	—	—	12,1	8,6	0,3	48,1
1900	—	117	93	54	80	420	1,2	1777	—	24,3	10,6	27,8	0,3	88,0
1901	—	139	83	78	80	467	2,0	1997	225	9,4	8,5	21,0	1,3	95,1
1902	—	186	98	104	63	580	2,3	2229	212	13,4	10,7	31,2	3,8	93,6
1903	—	255	82	146	60	652	2,5	2775	254	11,4	15,7	47,3	0,6	108,8
1904	—	281	60	152	54	649	2,4	2753	250	9,6	9,1	46,7	0,5	112,1
1905	—	294	60	138	127	698	2,4	2994	270	9,8	14,8	36,7	1,0	57,7
1906	—	220	65	149	70	591	3,2	2833	338	10,8	13,8	64,4	3,4	40,3
1907	—	142	45	133	26	470	3,7	2608	344	9,1	13,6	93,5	15,2	44,7
1908	—	90	25	161	29	405	3,1	2589	373	14,2	14,5	63,0	7,5	48,6
1909	—	314	35	219	75	762	3,5	2845	424	8,5	14,4	69,7	10,3	48,6
1910	—	375	41	245	84	849	3,4	2998	417	12,6	13,3	93,7	5,8	52,4
1911	—	241	54	263	85	824	4,7	3682	417	15,4	11,9	94,5	5,0	52,2
1912	—	161	31	169	52	552	4,5	3397	428	17,8	19,3	103,4	1,9	51,2
1913	—	203	39	240	37	651	4,8	3572	464	15,3	16,6	102,9	2,3	57,8

49. Общие обороты внешней торговли России с отдельными странами с 1846 по 1913 г.

(в млн. руб.)

Страны	Общий оборот					Вывоз					Ввоз				
	1846—1848	1896—1898	1908—1912	1912	1913	1846—1848	1896—1898	1908—1912	1912	1913	1846—1848	1896—1898	1908—1912	1912	1913
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1. Англия	96,5	260,9	437,8	470,2	440,8	59,3	150,6	297,9	327,8	267,8	37,2	110,3	130,3	142,4	173,0
2. Германия	32,8	370,3	863,5	977,1	1105,8	12,8	179,6	400,2	453,8	453,6	20,0	190,7	463,3	523,3	652,2
3. Франция	28,3	88,6	139,2	154,5	157,9	16,6	63,5	87,3	98,2	100,9	11,7	25,1	52,0	56,3	57,0
4. Китай	19,4	46,1	105,4	107,0	115,4	9,7	5,8	24,3	30,7	31,5	9,7	40,3	81,1	76,3	84,1
5. Голландия	17,6	84,0	181,7	173,2	193,8	8,2	76,8	164,4	154,0	177,4	6,4	7,2	17,3	19,2	21,4
6. Дания	17,4	12,6	41,4	44,5	49,3	17,0	9,4	33,7	38,1	36,4	0,4	3,2	7,7	6,4	12,9
7. Турция	14,4	20,3	39,1	46,3	54,2	8,4	13,9	28,4	30,1	35,8	6,0	6,4	10,7	16,2	18,4
8. Италия	12,0	51,0	70,7	68,3	90,6	8,2	40,8	55,6	52,5	73,8	3,8	10,2	15,1	15,8	16,8
9. Австрия	10,7	59,1	91,4	106,1	101,0	6,5	37,1	60,2	73,4	65,3	4,2	22,0	31,2	32,7	35,7
10. САСШ	8,9	57,0	91,4	105,4	93,3	2,6	2,4	11,1	18,0	14,2	6,3	54,6	80,8	87,4	79,1
11. Испания и Португалия	4,4	9,7)))	0,7	5,6)))	3,7	4,1)))
12. Швеция и Норвегия	4,3	22,2)))	2,2	12,9)))	2,1	9,3)))
13. Бельгия)	50,9	55,9	58,5	64,7)	28,2	51,9	68,5	64,7)	22,7	—	—	—
14. Персия)	35,0	65,1	88,4	101,3)	15,8	38,9	57,7	57,7)	19,2	26,2	35,4	43,3
15. Румыния)	—	18,7	20,3	21,7)	—	18,7	20,3	21,7)	—	—	—	—
16. Египет)	25,6	12,7	8,4	14,6)	5,5	3,7	5,3	8,7)	20,1	9,0	3,1	5,9
17. Финляндия)	—	85,4	92,2	106,3)	—	49,3	49,6	55,3)	—	86,1	42,6	51,0
18. Ост-Индия)	—	23,9	29,8	34,6)	—	—	—	—)	—	23,9	29,8	34,6
19. Прочие страны	21,1	111,8	148,1	200,4	143,6	8,1	68,1	67,5	115,5	55,3	13,0	43,7	80,6	84,9	88,3
Всего	287,8	1305,1	2471,5	2750,6	2894,1	160,3	716,0	1397,1	1578,8	1520,1	127,5	589,1	1074,4	1171,8	1374,0

*) Включены в итог по «прочим странам».

50. Средний ежегодный привоз и вывоз главнейших товаров по странам отправления и назначения в 1909—1913 гг.

(в тыс. пудов)

Т о в а р ы	В т о м ч и с л е															
	В с е г о	Германия	Великобритания	Голландия	Франция	Италия	Бельгия	Австро-Венгрия	Япония	Персия	Турция	Китай	Финляндия	САСШ	Ост-Индия	Египет
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		П р и в о з														
1. Апельсины и померанцы свежие	3263	575	—	—	—	1157	—	230	—	—	—	565	—	—	—	—
2. Лимоны свежие	2573	124	—	—	7	1822	—	176	—	—	—	379	—	—	—	—
3. Сухие фрукты и ягоды	3004	133	—	—	38	—	—	70	—	2439	—	85	—	15	—	—
4. Кофе сырой в зернах	721	453	55	40	—	—	—	23	—	—	—	10	—	9	—	—
5. Чай всякий	4367	—	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	572	—
6. Сельди соленые и копченые	17612	3503	3415	1243	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. Удобрительные вещества	24211	16426	2865	2126	236	—	894	311	189	—	—	—	—	55	—	—
8. Кожи невыделанные	3155	2301	128	53	76	—	119	125	35	—	—	4	94	89	—	—
9. Лесной товар	47310	1674	—	—	—	—	—	6201	—	366	—	377	2515	34619	—	—
10. Семена всякие	7596	—	1177	91	185	—	—	74	97	—	—	442	—	55	—	—
11. Уголь каменный	31 5 750	119415	169539	3827	1719	—	—	85	3740	292	—	64	—	262	—	—
12. Кокс	40305	8600	6403	1636	—	—	—	14700	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Химические продукты и матер.	12082	8987	1053	303	252	467	60	226	—	—	—	44	—	57	—	—
14. Дубильн. вещ. всякие (в т. ч. дуб. экстр.)	7424	2624	335	—	182	82	—	163	—	—	—	478	—	822	—	—
15. Краски и красяльн. вещ.	3013	1239	269	86	440	—	—	102	—	—	—	—	26	222	39	—
16. Медь	379	202	83	—	8	—	—	—	3	—	—	—	—	65	—	—
17. Свинец	2893	1077	991	163	160	—	78	—	128	—	—	—	—	—	—	—
18. Цинк	1103	878	101	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19. Железн. и стальные изделия	1877	1384	245	27	23	—	—	41	—	—	—	—	30	21	31	—
20. Машины фабрично-завод. всякие	7525	5430	1294	—	54	—	24	186	57	—	—	—	—	41	250	—
21. Сельскохозяйств. маш. простые (всего)	3749	1963	272	—	—	—	—	354	12	—	—	—	—	8	901	—
22. Сельскохозяйств. маш. сложные (всего)	3546	772	609	—	—	—	—	42	120	—	—	—	—	4	1819	—
23. Части машин и аппаратов	1163	738	186	—	—	—	—	5	30	—	—	—	—	32	123	—
24. Всего машин и аппаратов	16941	9252	2848	53	93	—	44	653	257	—	—	—	—	89	8141	—
25. Писчебумажный товар	7067	280	25	—	—	—	—	26	—	—	—	—	6690	—	—	—
26. Хлопок-сырец	11732	2 278	1193	—	—	—	—	—	—	1532	—	148	—	5083	—	521

51. Динамика облагаемого товарооборота в сопоставлении с ростом населения, денежной массы и высотой урожая хлебов, с 1885 по 1913 г.

Г о д ы	Товарооборот, облагаемый промышленным налогом						Население		Денежная масса в обращении		Урожай «саиз» (во сколько раз больше посева)
	Промышленных предприятий						Миллионов душ	В %/о к 1885 году	Миллионов рублей	В %/о к итогу товарооборота (гр. б)	
	Фабрично-заводск.	Кустарно-ремесл.	Итого	Торговых предприятий	Всего (гр. 3 + гр. 4)	В %/о к 1885 году					
							1	2	3	4	
1885	1155	204	1359	3053	4862	100	103,8	100	907	18,7	3,55
1886	1203	204	1407	3554	4941	102	111,0	102	917	18,6	4,28
1887	1326	220	1546	4111	5657	117	113,2	104	867	17,1	4,87
1888	1469	227	1696	4025	5721	118	115,3	106	1001	17,5	4,67
1889	1596	241	1837	3950	5787	119	116,6	107	961	16,6	3,65
1890	1544	272	1816	4033	5849	121	117,8	108	924	15,8	4,14
Средн. за 5 лет	1427	233	1660	3931	5591	115	114,8	105	954	17,1	4,32
1891	1561	282	1843	4010	5853	121	119,0	109	1001	17,1	3,26
1892	1602	280	1882	4110	5992	124	120,2	110	1095	18,2	4,00
1893	1749	320	2069	4438	6507	134	121,5	112	1089	16,8	5,63
1894	1950	346	2296	4854	7150	147	122,7	113	1069	15,0	5,68
1895	2189	372	2561	5184	7745	159	123,9	114	1078	13,9	5,04
Средн. за 5 лет	1810	320	2130	4519	6649	137	121,5	112	1066	16,2	4,72
1896	2410	374	2784	5332	8116	167	125,1	115	1096	13,6	5,04
1897	2669	391	3060	5518	8578	177	126,4	116	1106	12,8	4,12
1898	2999	396	3395	5737	9132	189	128,4	118	1217	13,3	4,76
1899	3503	453	3956	7305	11261	231	130,3	119	1295	11,5	5,40
1900	3761	515	4276	6995	11271	231	133,0	122	1347	11,9	5,01
Средн. за 5 лет	3068	426	3494	6177	9671	199	128,6	117	1212	12,6	4,87
1901	3906	489	4395	7197	11592	238	134,8	124	1413	12,2	4,08
1902	4029	472	4501	6838	11339	233	136,6	126	1427	12,6	5,77
1903	4162	444	4606	6944	11550	238	139,1	128	1496	12,9	5,20
1904	4217	483	4700	7264	11964	246	141,4	129	1604	13,4	6,13
1905	4230	483	4713	7475	12188	251	144,0	133	1833	15,0	4,86
Средн. за 5 лет	4109	474	4583	7144	11727	241	139,2	128	1555	13,2	5,21
1906	4136	449	4585	7279	11864	244	146,4	134	2089	17,5	4,05
1907	4621	448	5069	7339	12408	255	149,0	137	1990	16,1	4,88
1908	4800	497	5297	7813	13110	270	152,5	140	1832	14,0	5,04
1909	4982	511	5493	7852	13345	275	157,1	144	1874	14,0	6,33
1910	4977	535	5512	8847	13859	285	160,7	148	1954	14,1	5,87
Средн. за 5 лет	4703	488	5191	7826	13017	266	153,1	141	1950	15,1	5,23
1911	5451	550	6001	9447	15448	318	163,9	150	2115	13,7	4,17
1912	6194	711	6905	10160	17065	352	167,0	154	2264	13,2	6,24
1913	6882	790	7672	10855	18527	381	170,9	157	2381	12,8	6,75

52. Число торговых и промышленных заведений и оборот их, по отраслям, в 1900 г.

	Число заведений (в тыс.)				Оборот (в млн. руб.)				% по обороту	То же, за исклч. Петербурга и Москвы	Оборот на жителя в руб.	То же, за исклч. Петербурга и Москвы	Средн. обор. заведен. в тыс.	То же, за исклч. Петербурга и Москвы
	50 губ.	Предкавказск.	Привислицск.	Всего по Европ. России	50 губ.	Предкавказск.	Привислицск.	Всего по Европ. России						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Торговые заведения														
I. Земледельч. и растительные продукты . . .	27,8	1,7	3,0	32,5	1048,0	55,4	51,8	1155,2	19,2	20,6	10,0	7,9	35,6	28,8
II. Продукты животноводства и охоты	20,7	0,8	3,6	25,1	444,3	8,6	41,3	497,2	8,2	7,0	4,3	2,7	19,8	14,0
III. Лесные материалы и деревян. изделия	9,1	0,4	0,9	10,4	201,3	4,3	13,8	219,4	3,6	4,1	1,9	1,6	21,2	18,4
IV. Минеральные продукты и метал. изделия	14,9	0,6	3,0	18,5	478,1	11,6	65,5	555,2	9,2	8,4	4,8	3,2	30,0	21,9
V. Мануфактурные изд. и галантерея	55,3	2,3	8,1	65,7	1136,2	31,9	124,6	1292,7	21,4	18,6	11,3	7,1	19,7	13,2
VI. Питейно-трактирные	80,9	3,1	7,7	91,7	724,2	21,5	69,1	814,8	13,5	15,5	7,1	5,9	8,9	7,8
VII. Смешанно-хозяйственные	194,8	8,9	30,6	234,3	1321,5	32,8	145,0	1499,3	24,9	25,8	13,1	9,8	6,4	5,0
В с е г о	403,5	17,8	56,9	478,2	5353,6	166,1	514,1	6033,8	100,0	100,0	52,5	38,2	12,6	9,6
Промышленные заведения														
I. Питательн. прод. и вкусовые вещества . . .	10,8	0,6	1,5	12,9	920,7	20,0	93,6	1034,3	28,2	30,7	9,0	8,1	80,1	73,2
II. Животные прод. (не питательные)	2,0	—	0,2	2,2	122,6	0,4	16,8	139,8	3,8	3,3	1,2	1,0	65,0	52,0
III. Дерево и деревян. изделия	4,3	—	0,4	4,7	146,1	0,2	14,6	160,9	4,4	4,8	1,4	1,3	34,1	31,5
IV. Полевые ископаемые и их обработка	8,8	0,2	1,2	10,2	848,6	8,5	127,3	984,4	26,8	27,2	8,6	7,1	97,0	89,5
V. Волокнистые вещества	3,3	—	1,2	4,5	774,6	1,2	225,4	1001,2	27,3	27,1	8,7	7,1	229,7	200,6
VI. Химические продукты	1,0	—	0,2	1,2	194,3	0,2	25,1	219,6	6,0	4,5	1,9	1,2	178,1	135,8
VII. Различ. мастерск., ремесл. завед. и артели.	5,8	—	0,4	6,2	117,7	0,5	10,7	128,9	3,5	2,4	1,1	0,6	20,7	16,3
В с е г о	36,0	0,8	5,1	41,9	3124,6	31,0	513,5	3669,1	100,0	100,0	31,9	26,4	87,5	80,3

53. Денежное обращение и кредит с 1870 по 1914 г.

(Общие суммы денег, обращавшихся, в среднем, в течение каждого года, даны в графе 2, а также в таблицах 53 и 59).

Годы	Общий уровень цен (1913 г. за 100)	Вся денежная масса в обращении в млн. рублей	Денежное обращение после введения золотой валюты (на 1 января)				Государственный банк					Акционерные коммерческие банки			
			В млн. рублей			Учетный процент	В миллионах рублей				В млн. рублей				
			Золото в Госуд. банк	Золото в обращении	Кредит. билеты в обращении		Баланс	Учет и спис. тек. счета	Суды под товары	Выдачи и тек. счета	Всего учетно-судан. операций ¹⁾	Баланс	Учетная операция	Выдачи и тек. счета	Переучет ч.резактов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
1870	—	—	—	—	—	1009	50,9	2,3	198,8	99,6	—	31,4	77,7	1,2	
1871	—	—	—	—	—	1008	54,7	1,8	171,2	91,2	—	63,5	99,4	4,1	
1872	—	—	—	—	—	1005	30,2	1,2	174,1	73,4	—	109,9	170,2	4,3	
1873	—	—	—	—	—	1004	50,6	0,9	193,4	85,1	—	170,1	234,8	19,5	
1874	—	—	—	—	—	1036	52,7	0,5	206,0	97,7	517,6	209,0	274,5	30,3	
1875	—	—	—	—	—	1062	71,0	0,8	224,7	116,5	595,3	240,4	292,7	29,8	
1876	—	—	—	—	—	1103	93,7	1,4	261,5	173,8	582,9	239,1	277,7	48,1	
1877	—	—	—	—	—	1105	98,4	3,0	229,5	210,9	498,7	193,4	227,3	37,1	
1878	—	—	—	—	—	1386	66,0	3,9	265,6	185,6	515,9	157,1	274,6	8,8	
1879	—	—	—	—	—	1520	73,4	2,7	253,0	194,8	491,7	133,8	254,3	5,3	
1880	—	—	—	—	—	1463	93,4	4,5	224,8	264,6	431,4	138,0	197,0	24,9	
1881	—	—	—	—	—	1470	101,3	5,9	223,4	225,6	439,6	146,3	206,9	21,7	
1882	—	—	—	—	—	1420	89,8	4,7	229,1	218,6	491,1	151,5	227,0	20,5	
1883	—	—	—	—	—	1363	100,7	5,0	259,7	243,7	487,5	166,3	210,5	27,0	
1884	—	—	—	—	—	1380	110,7	3,3	264,7	243,4	484,0	162,0	213,6	27,4	
1885	86,2	907	—	—	—	1331	104,9	3,6	290,7	222,1	504,9	157,2	219,2	20,8	
1886	74,9	917	—	—	—	1368	85,7	5,0	319,7	187,1	549,0	152,1	264,2	10,7	
1887	74,0	967	—	—	—	1424	86,9	6,3	288,0	185,8	568,5	147,1	255,1	23,2	
1888	76,7	1001	—	—	—	1469	153,1	8,6	263,6	264,1	557,3	139,7	235,0	31,9	
1889	78,0	961	—	—	—	1480	170,7	8,9	249,5	277,5	583,8	139,6	211,6	42,1	
1890	76,7	924	—	—	—	1393	152,5	11,5	224,6	259,7	575,3	143,0	230,1	30,3	
1891	75,8	1011	—	—	5,40	1406	103,0	8,5	223,9	193,8	656,6	176,5	287,7	25,4	
1892	73,9	1095	—	—	4,90	1569	119,1	6,4	231,8	218,1	698,9	155,3	319,5	31,7	
1893	76,1	1099	—	—	4,70	1547	90,8	5,8	226,5	167,3	723,7	134,5	285,4	40,7	
1894	70,5	1069	—	—	1,35	1583	184,4	25,3	207,3	297,6	714,3	175,3	267,8	51,7	
1895	66,9	1078	—	—	5,10	1691	217,8	35,1	197,7	363,0	864,7	204,7	307,7	44,1	
1896	66,5	1098	—	—	6,00	1724	215,3	48,6	185,7	406,4	955,0	213,4	305,2	53,6	
1897	69,0	1106	904,8	36,0	6,00	1751	207,9	29,0	199,3	373,1	1084,7	241,8	354,0	56,2	
1898	74,3	1217	1146,8	147,8	5,57	1719	155,6	23,0	205,8	230,1	1223,6	316,2	448,1	40,9	
1899	77,3	1295	990,3	451,4	5,61	1469	169,8	22,2	204,2	274,3	1382,9	413,1	551,3	67,0	
1900	81,9	1347	833,4	641,3	5,56	1432	260,9	29,4	195,6	406,2	1380,2	406,4	547,9	47,5	
1901	83,6	1413	708,2	633,1	5,16	1352	271,3	42,1	167,6	479,8	1382,2	432,5	536,1	85,4	
1902	80,1	1427	682,2	694,2	4,56	1412	329,3	46,8	183,9	561,1	1385,3	454,9	544,9	90,4	
1903	77,9	1496	708,5	731,9	4,50	1405	269,7	45,9	257,5	485,5	1522,6	541,1	613,3	76,2	
1904	80,8	1604	734,0	774,8	5,38	1559	272,3	52,3	231,0	490,9	1773,7	631,2	722,1	71,3	
1905	83,8	1833	830,4	633,6	5,64	1629	190,3	51,3	255,1	410,4	1866,4	632,2	775,6	52,4	
1906	90,9	2089	716,0	837,8	7,27	1950	373,4	66,4	263,8	776,8	1913,8	555,3	671,4	161,9	
1907	95,7	1990	889,9	641,9	7,12	1919	242,8	58,4	249,3	530,4	1883,6	549,2	760,9	68,1	
1908	91,5	1832	943,5	622,4	5,99	1933	292,7	62,3	231,1	595,8	2007,3	612,4	813,1	93,1	
1909	92,9	1874	1079,0	561,1	4,99	1922	251,4	59,5	209,7	501,6	2280,0	715,8	976,8	85,1	
1910	93,7	1954	1173,6	580,9	4,50	2046	225,5	83,3	273,7	466,2	2611,6	837,5	1262,2	68,0	
1911	95,2	2115	1231,6	641,7	4,50	2297	336,1	116,4	261,3	667,1	3325,4	1032,9	1675,0	202,1	
1912	100,9	2264	1259,3	655,8	5,06	2533	505,4	144,0	258,3	924,1	4476,6	1240,5	1817,3	275,9	
1913	100,0	2381	1327,9	828,7	6,00	2782	539,0	126,6	266,0	964,6	5498,1	1453,4	2293,1	329,0	
1914	—	—	1527,9	494,2	1664,7	—	3040	595,7	160,4	263,1	1072,0	5759,2	1514,6	2445,8	295,7

¹⁾ Цифры графы 11 превышают суммы цифр гр. 8 и 9, так как в нее входит также суды под %/о бумаги.

54. Главные статьи баланса крупных кредитных учреждений

(в млн. руб.)

на 1 января 1909 и 1914 гг.

Учреждения	1901	1914	Учреждения	1901	1914
I. Государственный банк			Б. Общества взаимного кредита		
Актив			Актив		
Золото в банке	576,8	1367,0	Учет	138,4	605,3
Учетно-ссудные операции	461,1	1072,0	Ссуды	23,8	27,8
			Спец. текущие счета	59,8	1348,2
Пассив			Пассив		
Кредитные билеты в обращении	630,0	1775,0	Капиталы	41,1	150,9
Вклады и текущие счета	169,3	277,0	Вклады	177,9	869,0
Текущий счет казны	479,8	951,2	Переучет	18,9	177,8
II. Учреждения краткосрочного кредита			III. Сберегательные кассы		
А. Акционерно-коммерческие банки			IV. Учреждения долгосрочного кредита		
Актив			А. Дворянский земельный банк		
Учет	450,0	1546,4	Остаток ссуд под залог земель	631,4	791,8
Ссуды	84,0	154,1	Б. Крестьянский земельный банк		
Спец. текущие счета	945,5	1531,3	Остаток ссуд на покупку земель	221,0	1326,6
Пассив			В. Акцион. земельные банки		
Капиталы	230,4	836,3	Остаток ссуд под залог земель	773,9	1337,8
Вклады	560,2	2528,9	» » » » городск. недвижим. имуществ.	422,8	383,8
Переучет	88,9	334,7	Г. Городские кредитные общества		
			Остаток ссуд под залог городск. недвижим. имущества	622,7	1301,9

55. Движение основных статей балансов кредитных учреждений в 1913—1917 гг.

(в млн. рублей)

	1913		1914		1915		1916		1917			
	1 янв.	1 июля	1 янв.	1 июля	1 янв.	1 июля	1 янв.	1 июля	1 янв.	1 июля	1 сент.	1 нояб.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Государственный банк												
Актив												
Золото в России	1328	1423	1528	1600	1560	1579	1614	1543	1475	1481	1293	1293
Золото за границей	228	184	167	144	173	100	646	1633	2150	2119	2399	2309
Векселя и др. срочные обяза- тельства	539	485	596	406	619	413	382	368	251	403	333	500
Краткоср. обязат. Госуд. Казн. Суды под % бумаги	211	171	203	116	254	557	635	538	554	1332	1488	1572
Пассив												
Кредитн. билеты в обращении .	1495	1469	1665	1630	2917	3756	5617	6628	9097	13055	15398	18917
Капиталы банка	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55
Текущ. счет Госуд. Казн.	528	528	608	491	230	226	271	207	245	219	210	207
Спец. средства и депозиты	345	318	343	333	370	372	429	475	583	626	653	688
Тек. счета разн. лиц и учрежд. .	201	183	207	185	441	656	936	1290	1629	2199	2455	2492
II. Учреждения коммерч. кредита (Акц. банки, О-ва взаимн. кред., Гор. банки)												
Учет и суды	3759	3915	4125	4276	4000	4027	4036	4767	5772	6775	7103	—
Капиталы	931	—	1047	—	1064	1154	1042	1082	1133	1227	1225	—
Вклады и текущие счета	2895	3106	3231	3591	3519	4105	4346	5748	7566	9007	9289	—

На 1 января.

	1913	1914	1915	1916	1917
	1	2	3	4	5
III. Учреждения мелкого кредита					
A. Кредитные товарищества					
Суды	184,5	263,3	310,9	355,4	—
Капиталы	29,6	37,8	45,8	50,9	—
Вклады и займы	164,4	239,2	299,6	369,6	—
B. Ссудо-сберегат. товарищества					
Суды	212,8	253,0	263,1	269,8	—
Капиталы	44,3	62,3	68,1	72,0	—
Вклады и займы	190,1	230,9	239,4	249,6	—
B. Союзы кредитн. и ссудо-сберегат. т-в					
Суды и спец. тек. счета	1,83	3,87	5,10	7,19	—
Капиталы	0,33	0,62	0,99	1,30	—
Вклады и текущ. счета	1,24	2,73	4,58	7,41	—
Г. Земские кассы мелк. кредита					
Суды	37,4	55,2	64,4	59,9	—
Капиталы	9,6	13,8	17,8	20,6	—
Вклады и займы	33,3	50,1	65,2	82,1	—
Д. Крестьянск. общ. учрежд.					
Суды	90,0	100,5	103,5	—	—
Капиталы	42,4	44,9	43,8	—	—
Вклады и займы	55,7	64,5	71,7	—	—
IV. Сберегательные кассы.					
Счет вкладчиков	1594,9	1685,4	1835,0	2448,6	3769,0
V. Ломбарды					
A. Городские ломбарды					
Суды	14,3	15,5	15,0	13,0	13,8
Капиталы	12,0	12,5	12,6	12,8	12,6
Займы	9,7	10,4	11,3	10,8	9,2
B. Петрогр. и Московские ссудные кассы					
Суды	20,8	22,2	26,4	23,0	25,5
Капиталы	8,1	8,6	9,1	9,6	10,5
Дога Гос. банку	14,1	15,5	19,3	14,9	17,1
B. Акц. о-ва для залога движимостей					
Суды	28,3	30,6	29,4	22,1	28,8
Капиталы	24,0	25,7	28,3	26,1	28,3
Разные займы	14,0	16,4	18,2	14,1	16,6

56. Динамика народного хозяйства России

с 1802 по 1914 г.

Годы	Население (млн.)	Валовой сбор хлебов (миллиарды пудов)	Чистый сбор на душу населения (пуд.)	Экспорт хлебов за границу (млн. пуд.)	Выплата чугуна (млн. пуд.)	Погребение железа в пудах на душу	Добыча угля (млн. пуд.)	Добыча нефти (млн. пуд.)	Погребение хлопка (млн. пуд.)	Производство сахара (млн. пуд.)	Грузооборот по жел. дорогам (млн. тонн)	Грузооборот по рекам (млн. тонн)	Ежегодный прирост железнодорожной сети (верст)	Оборот внешней торговли (млн. руб.)	Угнетный внутр. грузооборот (миллиарды рублей)	Денежная масса в обращении (млн. руб.)	Баланс Государственного банка (млн. руб.)	Баланс коммерческих банков (млн. руб.)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
1802	38,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	167,0 ⁴⁾	—	—	—	—	
1808	40,0	—	—	17,3	4,7	—	0,2	—	—	—	—	—	—	126,3	—	—	—	—	
1825	52,3	—	—	—	9,3	—	0,2	—	—	—	—	—	—	435,9	—	—	—	—	
1856	71,6	—	—	—	14,0	—	9,0	—	—	—	—	—	—	282,7 ⁵⁾	—	—	—	—	
1870	84,5	—	—	—	19,2,8	0,76	42,4	—	2,80	—	—	—	2612	695,0	—	1009	—	—	
1871	85,4	2,3	—	—	21,3	0,42	50,7	—	4,20	—	—	—	2428	737,3	—	1008	—	—	
1872	86,6	2,6	—	—	147,6	0,57	66,4	—	3,60	—	—	—	—	832	762,2	—	1005	—	
1873	87,9	1,8	—	—	190,3	0,63	71,4	—	3,50	—	—	—	—	1740	807,4	—	1004	—	
1874	89,9	2,1	—	—	243,9	0,67	78,8	—	4,70	—	—	—	—	1675	903,2	—	1036	517,6	
1875	90,2	1,5	—	—	210,6	0,72	104,3	—	5,20	—	—	—	—	758	912,9	—	1062	595,3	
1876	91,4	1,8	—	—	235,3	0,70	111,3	—	4,70	—	15,0	—	—	558	873,3	—	1103	582,8	
1877	92,2	2,1	—	—	271,7	0,80	109,1	—	4,40	—	—	—	—	1320	849,0	—	1105	495,7	
1878	93,0	2,2	—	—	378,3	0,70	154,0	—	7,10	—	19,0	—	—	1182	1214,0	—	1886	518,9	
1879	95,4	1,8	—	—	353,7	0,71	178,2	—	6,40	—	—	—	—	289	1216,0	—	1520	491,7	
1880	97,7	1,7	—	—	201,1	0,66	200,3	50,0	5,70	—	19,7	—	—	120	1121	—	1463	431,4	
1881	100,1	1,8	—	—	207,9	0,60	213,9	—	9,10	—	—	—	—	213	1024	—	1470	439,6	
1882	102,4	2,0	—	—	301,8	0,59	230,6	66,7	7,70	17,50	—	—	—	312	1185	—	1420	491,1	
1883	104,7	2,1	—	—	343,5	0,58	242,8	—	8,90	19,00	—	—	—	629	1203	—	1363	487,5	
1884	106,7	2,3	—	—	320,4	0,62	239,9	—	7,40	21,10	—	—	—	808	1127	—	1380	484,0	
1885	108,8	1,9	—	—	343,6	0,53	260,6	120,5	7,60	28,90	—	—	—	975	973	4,9	907	1331	504,9
1886	111,0	2,3	—	—	278,4	0,57	279,4	123,0	8,40	26,10	—	—	—	1237	911	4,9	917	1368	549,0
1887	113,2	2,6	—	—	392,9	0,50	276,8	156,0	9,00	23,70	—	—	—	845	1017	5,6	967	1424	568,5
1888	115,3	2,5	26,44	547,9	40,7	0,52	316,6	182,0	10,60	28,40	31,6	17,2	1109	1270	5,7	1001	1489	557,3	
1889	116,6	1,9	21,19	466,4	45,6	0,61	379,4	192,0	10,70	24,60	31,9	18,8	493	1183	5,8	961	1480	583,8	
1890	117,8	2,3	23,91	417,9	56,6	0,71	367,2	226,0	11,40	28,40	32,2	18,1	596	1099	5,9	924	1393	575,3	
1891	119,0	1,8	17,12	391,2	61,3	0,67	380,5	275,0	9,30	29,60	32,0	17,0	117	1079	5,9	1001	1406	656,6	
1892	120,2	2,1	20,59	196,4	65,4	0,70	424,0	286,0	9,98	24,30	31,8	16,7	445	875	6,0	1095	1569	698,9	
1893	121,5	3,0	32,10	403,9	70,0	0,81	464,8	325,0	11,40	35,40	36,6	19,4	1663	1063	6,5	1089	1547	728,7	
1894	122,7	3,2	30,31	639,5	81,3	0,97	534,9	297,0	11,60	32,20	42,7	23,7	2238	1228	7,2	1069	1588	714,3	
1895	123,9	3,0	26,42	574,7	88,7	1,03	555,5	377,0	12,30	39,00	42,7	23,8	1794	1228	7,7	1078	1691	884,7	
1896	125,1	3,2	26,71	508,8	88,5	1,15	572,5	403,2	13,71	39,10	45,0	25,4	2285	1278	8,1	1098	1751	955,0	
1897	126,4	2,3	21,61	489,2	114,8	1,28	683,9	449,8	13,70	39,70	48,4	27,8	1684	1286 ⁶⁾	8,6	1106	1751	1084,7	
1898	128,0	3,3	25,09	466,0	136,8	1,46	751,4	503,9	14,20	41,40	53,7	29,5	2809	1350	9,1	1217	1710	1223,6	
1899	129,5	3,7	29,06	352,1	165,4	1,69	853,1	550,4	16,10	49,10	60,6	30,9	4983	1277	11,3	1295	1469	1332,9	
1900	131,7	3,5	23,30	418,8	179,1	1,56	1003,1	631,1	16,00	48,10	64,8	33,2	3178	1343	11,3	1347	1432	1380,2	
1901	133,1	3,1	19,81	466,0	175,0	1,46	1009,0	706,3	16,10	59,10	65,4	33,6	3049	1355	11,6	1413	1352	1382,2	
1902	134,4	4,2	28,07	579,1	158,6	1,27	1005,2	670,5	17,40	64,10	68,6	32,3	1003	1459	11,3	1427	1412	1385,3	
1903	136,4	4,0	25,80	650,4	151,9	1,19	1090,9	630,2	18,00	63,40	75,1	36,5	608	1683	11,6	1496	1405	1522,6	
1904	138,1	4,4	28,60	647,6	180,0	1,38	1197,1	656,4	18,24	57,00	75,6	39,0	1213	1653	12,0	1604	1559	1773,7	
1905	140,2	3,8	33,40	695,1	165,5	1,25	1139,7	455,9	16,70	53,30	69,1	34,9	1382	1712	12,2	1833	1620	1865,4	
1906	142,0	3,3	18,90	588,9	164,2	1,20	1326,5	491,3	18,00	79,00	80,3	33,9	2335	1895	11,9	2089	1590	1913,8	
1907	145,1	3,7	22,10	467,9	172,0	1,10	1587,4	523,7	19,60	75,80	85,6	36,0	1583	1900	12,4	1990	1919	1833,6	
1908	146,9	3,8	22,50	399,6	171,1	1,16	1531,4	528,6	21,20	69,20	87,8	36,1	322	1911	13,1	1832	1930	2007,3	
1909	150,8	4,7	27,60	760,7	175,1	1,15	1587,6	563,3	21,30	64,00	94,0	41,8	489	2334	13,9	1874	1922	2280,0	
1910	153,8	4,6	26,00	747,1	185,6	1,27	1526,3	588,4	22,00	115,00	100,8	43,6	432	2533	13,9	1954	2046	2611,6	
1911	156,2	5,8	19,80	821,2	219,4	1,51	1734,7	569,2	23,70	112,00	113,4	43,2	2170	2753	15,4	2115	2297	3825,4	
1912	159,5	4,8	26,40	548,5	256,3	1,73	1903,8	565,3	23,20	78,00	122,9	44,3	750	2690	17,1	2264	2593	4476,6	
1913	161,7	5,4	30,20	647,8	283,0	1,82	2196,3	561,7	24,70	92,00	131,8	50,9	917	2641	18,5	2381	2782	5498,1	
1914	165,1	—	—	264,1	—	—	2176,5	556,9	—	—	—	—	—	—	—	3040	5759,3	—	

4) В ассигнац. рублях.

5) В кредитн. рублях.

6) В золот. рублях.

57. Размеры народного дохода по отдельным отраслям хозяйства по 60 губерни. Европ. России в 1900 и 1913 г.

Отрасли народного хозяйства	Годовой доход (в млн. рублей)			Доход 1913 г. в % к доходу 1900 (1900 г. = 100)		Доход на душу (в рубл.)		% годового дохода в 1913 г.
	1900 г.	1913 г. по ценам 1913 г.	1913 г. по ценам 1900 г.	1913 г. по ценам 1900 г.	1913 г. по ценам 1900 г.	1900 г.	1913 г.	
	1	2	3	4	5	6	7	8
I. Сельское хозяйство								
1. Зерновые хлеба	1458,4	2696,1	2023,9	185	139	—	—	27,5
2. Технические культуры	384,1	729,9	554,8	190	144	—	—	51,9
3. Окопничество	831,5	1729,7	1053,3	208	127	—	—	33,0
4. Осы и солома	27,5	35,1	30,7	128	112	—	—	100,0
5. Виноград	11,5	20,2	9,4	176	82	—	—	95,0
6. Садоводство и огородничество	261,2	404,2	311,0	155	119	—	—	18,1
7. Шелководство	0,01	0,10	0,06	985	656	—	—	100,0
8. Пчеловодство	10,9	14,9	11,8	137	108	—	—	100,0
Сельское хозяйство в целом	2985,1	5630,2	3995,0	189	134	30,51	43,34	32,6
II. Лесоводство								
II. Рыболовство	478,6	632,1	478,6	132	100	—	—	23,3
	147,6	97,9	119,8	66	81	—	—	75,5
Итого	626,2	730,0	598,4	117	96	6,40	6,27	—
IV. Промышленность								
1. Горное дело	249,0	531,9	457,6	214	184	—	—	100,0
2. Фабричн.-зав. пром.	506,4	1003,3	897,9	198	177	—	—	100,0
3. Пром., облож. акции	105,3	123,8	142,9	123	136	—	—	100,0
4. Ремесл. пром.	337,9	611,6	547,4	181	162	—	—	100,0
5. Кустарн.	203,5	289,9	236,5	143	116	—	—	100,0
Промышленность в целом	1402,2	2666,6	2282,3	183	163	14,33	22,03	100,0
V. Транспорт								
1. Жел. дороги	317,1	607,0	439,1	191	139	—	—	100,0
2. Речн. судоходство	46,9	90,8	61,2	193	131	—	—	100,0
3. Морск. судоходство	40,8	109,4	73,9	268	181	—	—	100,0
4. Гуж. явнов	98,0	177,5	158,9	181	162	—	—	100,0
5. Почта и телеграф	28,3	70,4	70,4	249	249	—	—	100,0
Транспорт в целом	531,2	1055,1	803,5	199	151	5,43	9,06	100,0
VI. Строительство								
1. Доход с домов	253,5	434,5	338,4	171	134	—	—	100,0
2. Стронт. работы	219,6	403,2	865,4	186	164	—	—	100,0
Строительство в целом	473,1	842,7	703,8	178	149	4,84	7,23	100,0
VII. Торговля								
1. Товарн. торг.	547,8	950,4	780,0	174	139	—	—	100,0
2. Казенн. винн.	14,0	30,6	27,4	219	196	—	—	100,0
Торговля в целом	561,8	981,0	787,4	174	140	5,74	8,42	100,0
Итого народного дохода	6579,6	11805,5	9170,4	179	139	67,25	101,35	88,5

58. Влияние войны 1914—1917 гг. на народное хозяйство.

Влияние войны, кроме приведенных ниже таблиц, видно также из таблиц, характеризующих горную и горно-заводскую промышленность и кредит, в таблицах 34 и 55.

I. Призыв в войска и потери армии

Статьи прихода и расхода	Людей в тыс.
Приход (взято на службу)	15 798,0
1) В армии ко дню объявления войны	1 423,0
2) За время войны к 1 мая 1917 г. мобилиз.	14 375,0
Расход	8 737,3
а) Боевые потери	4 467,8
1) Потери убитыми и без вести пропавшими	775,4
2) Тяжело ранеными и уволенными от службы	348,5
3) Пленных	3 343,9
б) Санитарные потери	4 269,5
4) Эвакуир. во внутрени. округа	
Больных	1 425,0
Рашенных	2 844,5
Должно было состоять в войсках	7 060,7

II. Число взятых в армию составляло:

по отношен. ко всему населению	11,2%
> > к числу лиц мужского пола	22,6%
> > > > трудоспособн. мужчин	47,4%

III. Число призванных в войска по полугодиям (в тыс.)

Численный состав армии мирного времени	1 423
1914 г. второе полугодие	5 115
1915 > первое >	2 330
1915 > второе >	2 880
1916 > первое >	1 475
1916 > второе >	1 270
1917 > первое >	630
Всего	16 023

IV. Мобилизация конского состава в войну 1914—1918 г.

Численность лошадей, мобилизованных за время войны 1914—1918 г.

	Число лошадей
В войсках на 1 января 1915 г.	1 035 682
В 1915 г. пополн. действ. армии	554 227
В 1916 г. > > >	214 908
В 1917 г. > > >	955 183
Всего	2 760 000

Общая численность лошадей по переписям 1912 и 1916 г.
 В 1912 г. всего по 78 губ. и областям по военно-конской переписи 32 835 963
 В 1916 г. (78 губ.) по сел.-хоз. переписи 33 538 047

V. Расходы на войну

Кредитные операции	Капит. сумма в млн. р.	Проценты
1. Выпущено кред. билет.	17 812,3	—
2. 5% обзат. Госуд. казнач.	4 685,7	234,3
3. 4% > > >	850,0	34,0
4. 5% внутрени. займы > > >	1 000,0	50,0
5. 5 1/2% > > >	10 025,9	551,4
6. 5 1/2% заграничн. займы	6 675,7	367,2
Всего	41 049,6	1 236,9

VI. Количество денежных знаков в обращении

Годы, полугодия	Млн. руб.	В % к 1914 г.
1914 г. 1 июля	2 335,4	100,0
1915 г. 1 января	3 226,5	138,2
1915 г. 1 июля	4 048,1	173,4
1916 г. 1 января	5 656,6	242,4
1916 г. 1 июля	6 712,3	287,5
1917 г. 1 января	9 231,7	395,3
1917 г. 1 июля	13 228,0	566,4
1917 г. 23 октября	19 117,3	818,6

VII. Изменения во внешней торговле во время войны
 А. Привоз

Годы, месяцы	Европ. границ.	Азиат. границ.	Обе границы.
1909—1913 гг. (в средн. за год)	1 003,7	136,0	1 139,7
1913—1914 гг. >	1 366,8	103,4	1 470,2
1914 г. июль—декабрь	229,7	67,8	297,5
1915 г. январь—июнь	181,2	187,1	368,3
1915 г. июль—декабрь	510,5	252,7	763,2
1916 г. январь—июнь	470,6	394,9	865,5
1916 г. июль—декабрь	1 245,9	571,1	1 817,0
1917 г. январь—июнь	853,4	401,7	1 255,1
1917 г. июль—23 октября	777,2	192,7	969,9

Б. Вывоз

Годы, месяцы	Европ. граница	Азиат. граница	Обе границы
1909—1913 гг. (в средн. за год)	1 422,8	78,6	1 501,4
1913—1914 гг. >	1 534,6	162,8	1 697,4
1914 г. июль—декабрь	188,5	39,9	228,4
1915 г. январь—июнь	94,2	34,8	129,0
1915 г. июль—декабрь	219,7	48,5	268,2
1916 г. январь—июнь	168,8	53,3	222,1
1916 г. июль—декабрь	307,5	49,7	357,2
1917 г. январь—июнь	112,2	33,0	144,2
1917 г. июль—23 октября	225,6	16,9	242,5

4) Цифры приблизительные.

VIII. Курс рубля за время войны в Лондоне⁴⁾

Месяцы	1914—15 г.	1915—16 г.	1916—17 г.	1917 г.
Июль	—	66,1	60,4	42,9
Август	—	70,0	62,9	36,6
Сентябрь	80,4	68,6	63,1	31,8
Октябрь	84,3	66,8	60,6	27,3
Ноябрь	80,6	64,6	59,4	—
Декабрь	80,6	61,2	59,2	—
Январь	82,8	58,9	57,2	—
Февраль	83,3	62,7	56,2	—
Март	82,9	62,1	56,7	—
Апрель	81,4	61,3	55,5	—
Май	76,9	60,7	52,5	—
Июнь	74,3	60,9	45,7	—

4) В ‰ к золотому паритету по отношению к фунту стерлингов.

IX. Цены внешней торговли.

(Принимая цены 1913—14 г. за 100, мы получим след. числа-показатели).

	Май 1915 г.	Декабрь 1915 г.	Июнь 1916 г.
Жизненные припасы (80 продукт.)	155	199	242
Сырье и полуфабрикаты (8 прод.)	128	154	178
Изделия (только 1-ый продукт)	154	160	213
В среднем	146	171	211

X. Сельское хозяйство.

А. Имененно за годы войны посевных площадей озимых (с озимым ячменем) и яровых (с овсом и картофелем)—в млн. десятин

Годы	Озимые	Яровые	Все хлеба	В %/о
1913 г.	35,7	67,0	102,7	100,0
1914 г.	34,2	65,4	99,6	97,0
1915 г.	29,7	59,3	89,0	86,6
1916 г.	27,8	56,1	83,9	81,7
1917 г.	28,6	57,2	85,8	83,5

Б. Общий сбор хлебов (без картофеля)—в млн. пудов.

Годы	Озимые	Яровые	Все хлеба	В %/о
1909—13	1763,6	2978,5	4642,1	160,0
1914	1766,7	2722,1	4488,8	96,7
1915	1847,8	2678,5	4526,3	97,5
1916	1694,2 ⁴⁾	2243,7 ⁴⁾	3941,5 ⁴⁾	84,9
1917	1434,5	2377,6	3812,1	82,1

⁴⁾ Цифры приблизительные.

XI. Промышленность.

Число рабочих и количество добытого каменного угля и шпатацита (в млн. пудов) в среднем за месяц

Годы	Добыто	Число рабочих в тысячах	Прод. на 1 раб. в пудах
1913—14	140,2	185,5	756,0
1914—15	131,4	173,3	756,4
1915—16	141,0	201,5	700,0
1916—17 до револ.	150,5	262,1	574,2
1917 март—июнь	131,4	282,6	465,0
1917 июль—октябрь	112,8	271,5	414,5
1917 ноябрь—декабрь	113,5	—	407,0 ⁴⁾

⁴⁾ За ноябрь.

XII. Производство чугуна, число рабочих и произв. на 1 рабочего, в средн. в месяц.

Годы	Ежемес. произ-во чугуна, млн. пуд.	Число рабочих, тыс. чел.	Произв. на 1 раб., пуды
1913—14 г.	16,2	89,6	181
1914—15 г.	14,3	87,5	163
1915—16 г.	13,9	97,4	143
1916—17 до револ.	14,5	121,6	119
1917 г. март—июнь	11,9	129,8	92
1917 г. июль—октябрь	10,9	127,0 ¹⁾	90 ¹⁾
1917 г. ноябрь—декабрь	8,5 ²⁾	—	—

¹⁾ За один июль месяц.

²⁾ В январе выплавл. 5 м. п., в феврале 4 м. п.

XIII. Общие размеры военных расходов и %-ное отношение их к народному доходу по годам, в миллионах рублей.

Годы	Военные расходы на внутренн. рынок	Средние годовые цены	Военные расходы в полноте, в рублях	% народ-ного до-хода
1914—15	4,9	115	4,3	27,2
1915—16	9,0	158	5,7	39,6
1916—17	15,4	216	7,1	49,3

В первом столбце—сумма расходов на нужды войны, за исключением расходов за границу.

Во втором—средние цены каждого года войны.

XIV. Сокращение размеров народного потребления. (в миллионах рублей)

Годы	Потребл. в собств. хозяйстве	Сохран. на селенем на поступл. на рынок	Всего по-требл. на-селенем	В %/о
До войны	6,0	9,4	15,4	100,0
1914—15	5,8	5,7	11,5	74,7
1915—16	5,3	3,4	8,7	56,5
1916—17	5,3	2,0	7,3	47,4

XV. Падение производ. сельского хоз-ва, промышленности и народа. дохода в целом в годы войны.

Годы	Сельское хозяйство	Промышленность	Народный доход
1913—14	100,0	100,0	100,0
1914—15	100,5	100,0	100,0
1915—16	98,3	92,6	98,5
1916—17	90,7	70,9	84,5
1917—18	93,2	50,0	80,0

XVI. Доход народного хозяйства в золотых рублях.

До войны	16,4 млрд. руб.
I-й год войны	15,3 >
II-й >	13,9 >
III-й >	12,2 >

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦАМ.

В таблицах, за исключением второй (погубернской), данные приведены в старых мерах в виду того, что при справках и сопоставлениях в дороволюционной статистической литературе читателю придется иметь дело со старыми мерами:

1 пуд = 16,38 кг, или 0,01638 т;

1 верста = 1,0608 км;

1 кв. верста = 1,138 кв. км;

1 десятина = 1,09 га.

Деление Р. на районы взято из Сборников мин. земледелия. Это деление удачнее всех других и группирует более или менее однородные губернии (по почве, климату, по истории их заселения, экономическим условиям).

В основу этого районирования принято деление, предложенное в 1871 г. П. П. Семеновым (добавлен Средне-Волжский район). Схема Семенова вообще легла в основание большинства других делений на районы и с некоторыми более или менее значительными поправками была принята в статистических изданиях правительственных учреждений. Вариант этой схемы, принятый в последние десятилетия в трудах Центр. стат. комитета, весьма неудачен, так как объединяет неоднородные губернии (промышленные с земледельческими, черноземные с нечерноземными). Варианты в изданиях Мин. фин. и Пром. и торг. дают односторонние группировки. Схема, предложенная Д. И. Рихтером, не получила общего признания в литературе. Схема проф. А. Н. Челленда охватывает только территорию СССР.

Район, называвшийся «Малороссийским», отнюдь не совпадает с Украинной, так как другие части Украины входила в Юго-Западн. и Новорос. рр.

И в таблице 1. Сведения о населении Р. даны по разным источникам: по ревизиям — с V-ой по X-ю, по исследованиям Центр. стат. комитета, исправленным на основании других источников, и по единственной переписи населения 1897 г. Таблица эта дает приблизительное представление о динамике населения Р. в XIX веке и в XX в. до мировой войны. Районы за разные годы совпадают лишь приблизительно; данные ревизий и исследований весьма неточны.

Требуется специальная научная работа для изучения динамики населения Р. по районам.

Источники: 1) *Герман*, «Статистические исследования относительно Росс. Империи», СПб. 1819; 2) *В. Э. Дел*, «Население России по 5 ревизиям»; 3) рукопись, хранящаяся в библиотеке ЦУНХУ; «Сравнительное исследование ревного населения народонаселения в губерниях за 1835 г.»; 4) *Коррен*, «Russlands Gesamtbevölkerung im Jahre 1838», СПб. 1843; 5) *Келлен*, «Деятельная ревизия», СПб. 1857; 6) «Статистич. таблицы Росс. Империи за 1858 г.», изд. 1893 г.; 7) Статист. Временник Росс. Империи, сер. II, вып. X: «Население империи за 1870 г.»; 8) Стат. Вр., сер. III, вып. VIII, «Сборник сведений по Р. за 1883 г.»; 9) «Перв. всеобщая перепись населения 1897 г. Окончательные итоги»; 10) Ежегодник Р. за 1914 г. (изд. 1915 г.); 11) Сборник «Влияние неурожаев на народное хозяйство Р.», часть 2, Москва, 1927, статья *В. Зайцева*, «К вопросу о численности населения Европ. Р.»; 12) *Е. З. Волков*, «Динамика народонаселения СССР за 80 лет», М., 1930. Для внесения поправок в исследование населения ЦСК использованы две последние работы, *В. А. Зайцева* и *В. З. Волкова*.

И в таблице 2. Таблица 2-я дает общую характеристику губерний, входящих в состав районов. — Группировка населения по народностям (П. С. К.) (по переписи 1897 г.) объединяла в общие группы «славяно-русские» (русские), «малороссы» (украинцы) и белорусы под именем «русские» и «турко-татарские племена под именем «турко-татар».

Источники: 1) Статистич. Ежегодник Р. за 1914 г., изд. 1915 г.; 2) «Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Общий свод по империи», т. II; 3) отд. выпуск, «Распределение рабочих и прислуги на основе данных первой всеобщей переписи», изд. 1905 г.; 4) «Статистич. таблицы Российской Империи за 1858 г.», изд. 1863 г.; 5) сборник «Влияние неурожаев на народное хозяйство Р.», М. 1927 (статья *В. А. Зайцева*); 6) *Е. З. Волков*, «Динамика народонаселения СССР за 80 лет», М. 1930.

Последние две работы использованы для внесения поправок в данные о населении за 1914 г. Сведений о социальном составе населения перепись 1897 г. не дает.

И в таблице 3. Сведения о числе браков, родившихся и умерших имеются за самые ранние годы, но по б. ч. для одного православногo населения. Точных данных о численности всего населения по годам за более ранние годы нет, поэтому относительные величины можно иметь лишь за более поздние годы.

Источники: 1) Статистика Росс. Имп. за ряд лет. Выпуски «Движение населения»; 2) «Материалы высоч. учред. комиссии по исследованию благосост. сельского населения», СПб. 1903, I часть; 3) «Статистический Ежегодник Р.» за 1914 г.; 4) то же, за 1915 г.; 5) «Влияние урожаев и хлебных цен», СПб. 1897, т. 2.

И в таблице 4. За 1858 г. даны сведения о распределении населения по сословиям до освобождения крестьян (по данным X ревизии).

Данные переписи 1897 г. не разработаны по социальному составу населения. Были разработаны только занятия населения и затем отдельно — число рабочих по отраслям. Для характеристики классового состава населения в 1897 г. приведены расчеты *В. И. Ленина*, помещенные в его книге «Развитие капитализма в Р.», относительно всего населения и расчеты о количестве и составе всех наемных рабочих.

Источники: 1) «Статистические таблицы за 1858 г.», СПб. 1863; 2) «Первая всеобщая перепись населения 1897 г.», Общий свод по империи, т. 2; 3) отд. выпуск: «Распределение рабочих и прислуги», СПб. 1905; 4) *В. И. Ленин*, «Развитие капитализма в Р.», М., 1931.

И в таблице 5. Перепись крестьян за Урал.

Источники: 1) «Материалы высоч. учреденной комиссии по исслед. благосост. сельского населения», СПб. 1903, I часть; 2) *И. В. Чернышев*, «Аграрный вопрос».

И в таблицах 6, 7 и 8. Переписи землевладений производились в 1877—78, в 1887 и 1905 гг.

Источники: 1) «Сборник сведений по Р. за 1882 г.», изд. Центр. стат. ком.; 2) «Статистика землевладения 1905 г.», СПб. 1907; 3) «Сельское хозяйство Р. в XX веке», М. 1924; 4) «Статистический сборник» за 1913—1917 гг. Изд. ЦСУ, том 1.

И в таблице 9. Настоящая таблица характеризует дифференциацию крестьянства в 1893 и 1900 гг.

Источники: *И. В. Чернышев*, «Аграрный вопрос».

И в таблице 10. Таблица характеризует дифференциацию крест. хозяйств в год революции, в 1917 г.

Источники: «Сборник статист. сведений за 1913—1917 гг.», т. 1.

И в таблице 11. Итоги землеустройства после реформы Столыгина, с 1907 по 1914 г.

Источники: «Статистич. Ежегодник Р.» за 1915 г.

И в таблице 12. Позем. кредит и мобилизация земель.

Источники: «Сборник статист.-эконом. свед. по сельск. хоз.», год 10-й, 1917.

И в таблицах 13 и 14. Распределение земель по угодьям. Исчерпывающие данные о распределении земель по угодьям имеются только за 1887 г. За последующие годы имеются только неполные сведения.

Источники: 1) «Сельское хозяйство Р. в XX веке»; 2) «Статистический сборник за 1913—1917 гг.». Изд. ЦОУ, том I.

В таблицах 15, 16, 17, 18. Статистика посевных площадей, урожаев и сборов хлебов удовлетворительно была поставлена лишь в начале 80-х годов XIX века. В 1881 г. впервые была точно определена посевная площадь в 50 губ. Европ. Р., и в 1882—83 гг. сведения об урожае систематически собирались Центр. стат. комитетом и ежегодно публиковались в издании «Статистика Росс. Империи» особыми выпусками, озаглавленными «Урожай (такого-то) года». За более ранние годы (до 80-х годов) имеются след. сводные работы:

Грасс, «Страхование сельск.-хоз. посевов от неурожаев (1857—1866)»; «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народн. хозяйства», СПб. 1897, 2 тома; «Материалы высоч. учрежденной комиссии по исследованию благосостояния сельского населения», СПб. 1903.

Сводные данные за последующие годы имеются в следующих изданиях: 1) «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству Р. к концу XIX века», СПб. 1902, вып. I; 2) «Сельское хозяйство Р. в XX веке», М. 1923; 3) «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству», томы 1—10, СПб. 1907—1917; 4) названные выше «Материалы комиссии» 1903 года.

Кроме порайонных сведений о посевных площадях, сборах и урожаях (табл. 14, 15, 16), даны еще две сводные таблицы: 1) Движение посевной площади и сборов с 1861 по 1903 г. отдельно у крестьян и частных владельцев; 2) Посевные площади и сборы отдельных хлебов за 3 последние 5-летия как по бывшей империи, так и по территории СССР. — После 1900 г. до 1916 г. во всей статистической литературе нет сводных данных о посевных площадях и сборах отдельно у крестьян и частных владельцев. В статистических сборниках даются сведения об урожае с десятилетия отдельно у крестьян и частных владельцев, но данных о посевной площади отдельно у крестьян и частных владельцев нет; поэтому нет и данных о сборах со всей площади.

В таблице 19. Сведения о продовольственной обеспеченности населения в среднем на душу ваты на сборниках Ц. С. К. «Урожай (такого-то) года» за соответствующие годы. Сначала печатались данные о среднем сборе *всех* хлебов на душу *сельского* населения; в дальнейшем годы публиковались данные о среднем сборе *всех* хлебов на душу *всего* населения; наконец, в последние годы печатались данные о среднем сборе *продовольственных* хлебов на душу *всего* населения (городского и сельского вместе).

В таблице 20. Сведения о технических культурах даны по губерниям, а не по районам в виду того, что по отдельн. губерниям наблюдаются очень резкие различия в составе культур; составить представление о географическом размещении техн. культур можно только по губерским данным. Сведения по техн. культурам обобщались аккуратно лишь в последние десятилетия.

Источники: «Сборник статистико-экон. сведений по сельск. хоз.», томы 1—10, СПб. 1907—1917.

В таблице 21. Настоящая таблица дает состав всех культур посевной площади отдельно у крестьян и частных владельцев в 1916 г., накануне революции (по данным осл.-хоз. переписи 1916 г.).

Источники: «Сборник статист. сведений за 1913—1917 гг.». Изд. ЦОУ, том I.

В таблицах 22, 23, 24. Сведения о скоте имеются за равные годы: 1) в «Статистич. таблицах» за 1849 и 1856 гг.; 2) в «Сборниках сведений по Р.» за 1867, 1870, 1882, 1883, 1885, 1890, 1896 гг.; 3) в «Статист. Ежегодник Р.» (1904—1914); 4) в «Сборниках стат.-экон. свед. по Р.» (1905—1915). Томы 1—10. Здесь даны сведения за время, о которого имеются статист. данные о посевах и сборах.

Источники: 1) «Сборник сведений по Р. за 1883-7. Статистика Росс. Империи»; 2) «Сборник стат.-экон. свед. по сельск. хоз.» за 1917 г.; 3) Свод статист. сведений по сельск. хоз. в конце XIX века, СПб. 1902.

В таблице 25. Сведения о лесных площадях постепенно уточнялись, так что динамику их установить нельзя.

Источники: 1) «Ежегодник Лесного департамента за 1914 г.»; 2) «Статистич. Ежегодник Р.» за 1915 г. В таблице 26. Основные сведения об экспорте лесных товаров за границу имеются в изданиях Деп. тамож. сборов, в «Обзорах внешней торговли по европ. и азиат. границам» за соотв. годы.

Источники: 1) «Обзоры внешней торговли», 2) «Материалы по перемоту торговых договоров: Касперович, «Лесное дело, лесная торговля и лесопромышленность Р.», Петр. 1916.

В таблице 27. Статистика рыболовства находилась в Р. всегда в крайне неудовлетвор. состоянии. Сведения по отдельным годам и районам неполны и часто даны не в духах, а в стихах рыб. Сводных таблиц, в которых подводился бы полный итог рыбного промысла, нет. В сборниках Мин. земледелия в последние годы публиковались довольно обширные, но крайне неудовлетворит. и несогласованные сведения по отдельным рыболовн. районам. Данные по речным промыслам очень неудовлетворительны и неполны. В настоящей таблице приведенные сводки по морским и приморским районам, какие оказались возможным дать.

Источники: 1) «Статистич. Ежегодник Р.» за 1913 г.; 2) «Сельское хозяйство Р. в XX веке»; 3) «Статистический Ежегодник» за 1915 г.

В таблицах 28—35. Статистика фабрично-заводской промышленности была поставлена в Р. крайне неудовлетворительно. Хотя сведения о числе промышленных заведений и рабочих имеются за очень ранние годы, но они страдают огромными дефектами и только в последние десятилетия являются более или менее точными. В ранние годы сведения эти охватывали то большее, то меньшее количество предприятий. На počе такого неудовлетворительного учета в экон. литературе в 90-х годах возникла даже полемика по вопросу о том, равнялась ли наша крупная промышленность. По этому вопросу имеются указания в следующих работах: 1) М. И. Тузан-Варановский, «Русская фабрика», первое изд. 1898; 2) В. И. Ленин, «Развитие капитализма в Р.», первое изд. 1899; 3) А. В. Попова, «Учет численности и состава рабочих в Р.».—Горная и горно-заводская промышленность учитывалась отдельно, более полно и удовлетворительно. Из остальной промышленности лучше и полнее учитывалась промышленность, обложенная акцизом, по которой имеются ежегодные сведения о количестве продукции. По промышленности, не обложенной акцизом, сведения о продукции имеются за некоторые годы. В 1900 и 1908 гг. были произведены переписи промышленных предприятий, которые охватили все главнейшие элементы производства. —Рабочие железных дорог и вообще транспорта вовсе не учитывались, равно как и рабочие строительной промышленности, по лесозаготовкам, по рыболовству. Таким образом, полного учета промышленного пролетариата в Р. не было. Перепись населения 1897 г. также не дала полного и удовлетворительного учета. Расчеты общей численности промышленного пролетариата были сделаны В. И. Лениным в его «Развитии капитализма»; эти расчеты приведены в таблице № 4.

Источники: 1) «Свод данных о фабрично-заводской промышленности за 1897 г.», СПб. 1900; 2) «Статистический Ежегодник» за 1914 г., изд. Сов. съездов представит. пром. и торговли; 3) «Материалы высоч. утв. комиссии по исследованию благосостояния сельского населения», СПб. 1903; 4) А. В. Попова, «Учет численности и состава рабочих», СПб. 1906; 5) «Народное хозяйство в 1916 г.». Выпуск VII. Сводн. стат. таблицы за 1913—1916 гг.; 6) «Статистич. сборник за 1913—1917 гг.», I выпуск. Изд. ЦОУ. М. 1921; 7) «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г.», Петр. 1915; 8) «Фабрично-заводская промышленность Европ. Р. в 1910—1912 гг.»; 9) «Статистические сведения по обработке фабрично-завод. промышленности Росс. Импер. за 1908 г.»; 10) «Ежегодник министерства финансов» 1889—1917 гг.; 11) «Статистика бумаго-прядающего и ткацкого производства в 1900—1910 гг.»; 12) «Статистический Ежегодник Р.» за 1910, 1913, 1915 гг.; 13) «Статистика производ., облагаемых акцизом, 1900—1915 гг.»; 14) «Атлас промышленности СССР», изд. ВСНХ СССР; 15) М. Тузан-Варановский, «Русская фабрика», М. изд. 1926 г.

В таблицах 36, 37. Сведения по горной промышленности являются наиболее полными в сравнении с остальными отраслями промышленной статистики; проблема

только в отношении числа промышленных заведений и стоимости продукции.

Сведения о стоимости продукции представляют собой лишь суммарные расчеты, а не точные данные. Данные о числе рабочих в горной промышленности сильно отстаивали, так что последние дореволюционные данные (полные) есть только за 1911 г. (по южн. району — в более поздние).

Источники: 1) «Сборники стат. сведений о горной и горно-заводской промышленности» за 1886—1911 гг.; 2) «Сборн. стат. сведений по горной и горно-заводской промышленности СССР» за 1911—1924—25 гг., Лж., 1923; 3) «Сборн. стат. свед. по горной пром. 1884 г.»; 4) «Общий обзор главн. отраслей горной и горно-заводской промышленности. Особое приложение к смете Горн. департ. за 1916 г.», Петр. 1915; 5) «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», изд. ЦСУ, М., 1924; 6) «Стат. Ежегодник Р.» за 1915 г., II, 1917; 7) *Адамелек-Лазарев*, «Вопросы о недрах и развитии горной промышленности с 1808 по 1908 г.», СПб., 1910; 8) «Статистический Ежегодник за 1914 г.» Изд. Совета съездов предст. пром. и торг., СПб., 1914 г.; 9) «Атлас промышленности СССР», изд. ВСНХ СССР; 10) *Таблице 38. Отхожие промыслы.*

Сведения о числе отхожих промышленников имеются только по отдельным губерниям за отдельные годы по данным земских подворных переписей. Поэтому здесь даны, взамен их, имеющиеся за ряд лет сведения о числе выданных паспортов на срок не свыше 1 года. В виду того, что проценты отношения числа паспортов к населению очень резко колеблется в разных губерниях и в разные годы, здесь приведены погубернские, а не порайонные сведения.

Источники: 1) «Материалы вьс. учр. комиссии по исследованию благосостояния сельск. населения», СПб., 1908; 2) *Л. Е. Мичи*, «Отход крестьянского населения на заработки в СССР», М., 1926.

Таблице 39. Кустарная промышленность. Статистические сведения о числе кустарей (мелких сельских промышленников) имеются по данным подворных переписей за разные годы в разных губерниях. В виду большого разнообразия промыслов в разных губерниях, равномерности данных и отсутствия сведений по некоторым губерниям, сводки даны по губерниям, а не по районам.

Источники: 1) *А. А. Рыбников*, «Мелкая промышленность Р.», М., 1923; 2) *Н. А. и З. М. Савошкин*, «Земские подворные переписи 1880—1900 гг.»

Таблицам 40—46. Транспорт. Статистика жел.-дор. транспорта дает точный учет перевозок. Статистика внутреннего водного транспорта дает лишь приблизительную картину грузооборота, с очень значительными недочетами.

Источники: 1) «Статистические сборники Мин. Путей Сообщения», 1877—1916 г.; 2) «Жел.-дор. транспорт в 1913 г.»; 3) *Петрусович*, «История развития грузовых потоков с 80-х годов», М., 1930; 4) «Материалы к пролов. плану. Производства, перевозки и потребление хлебов в Р. 1909—1913 гг.»; 5) «Материалы к пересмотру торгов. договора с Германией». Распределение перевозок хлебных грузов, ч. I; Распр. перевозок других грузов, кроме хлебных, ч. II; 6) «Товарное движение на внутрен. водных путях», М., 1929; 7) «Сводная статистика перевозок», изд. жел.-дор. деп. Мин. Фин. (корреспонденция станций отправления и назначения); 8) «Журнал «Путь сообщения», 1914, 1915, 1916; 9) *Мертене*, «30 лет русск. ж.-д. политики»; 10) «Историч. очерк развития жел. дор. с их основания по 1897 г.»; 11) «Краткий очерк развития ниней ж.-д. сети в 1904—1913 гг.»; 12) «Сборник сведений о железных дорогах в Р. (1867—1875)».

Таблицам 47—50. Внешняя торговля. Статистика внешней торговли отличается наибольшей достоверностью и полнотой из всех отраслей нашей статистики. Сведения в весовых единицах вообще вполне удовлетворительны, что же касается сведений в денежном выражении, то в виду постоянных колебаний курса наших бумажных денег и за отсутствием показателей этих колебаний, они имеют условную ценность — для характеристики погодной динамики торговли (но не для определения роста оборотов торговли за длинные периоды). Только с введением золотой валюты (с 1897 г.) данные о торговле в ценностном вы-

ражении являются вполне сравнимыми (за весь период с 1897 по 1913 г.).

Источники: 1) «Сборник сведений по истории внешней торговли», СПб., 1902; 2) «Обзоры внешней торговли по Европ. и Азиат. границам» (1897—1914); 3) «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 2-й, изд. ЦСУ; 4) «Материалы по пересмотру торгового договора с Германией I: Привоз иностранных товаров. II: Вывоз российских товаров за границу»; 5) «Сведения о внешней торговле по Европ. границам (1885—1918).

Таблицам 51 и 52. Внутренняя торговля. Статистика внутренней торговли чрезвычайно неудовлетворительна. Группировка торговых заведений по районам, облагаемым разным торгов. сборами, с течением времени изменялась, так что установить движение во времени числа торговых заведений невозможно (данные за разные годы не сравнимы). Учет оборотов торговли тоже неудовлетворителен; учитываемые обороты далеко не соответствовали действительным (значительно ниже их), но для характеристики торговли по годам данные об оборотах все же пригодны — за отсутствием других данных.

В таблице 51 приведены цифры денежной массы в обращении, так как из сопоставления этих цифр с учетом товарооборота видно, что денежная масса составляла все время более или менее определенный процент учетного товарооборота — приблизительно от 12 до 18%. Резких колебаний за смежные годы почти не наблюдается, а колебания по периодам, повидимому, обусловлены в значительной степени тем, в какой мере изменялся учет товарооборота.

Источники: 1) «Торговля и промышленность «Европ. Р. по районам за 1900 г.»; 2) «Ежегодник Мин. Финансов» (1904—1914); 3) «Стат. материалы к проекту об изменении Полож. о госуд. пром. налогах», СПб., 1909 г.; 4) «Статистика прямых налогов и пошлин, госуд. промысл. налог за 1912 г.», Петр., 1915 г.; 5) Журнал «Плановое Хозяйство», 1925 г., январь.

Таблицам 53, 54 и 55. Кредит. Источники: 1) «Ежегодник Мин. Финансов» за ряд лет (1889—1914); 2) «Сборник 1913—1917 г.», вып. 2; 3) *С. Перушин*, «Хозяйственная конъюнктура», М., 1925; 4) *З. Качемелеbaum*, «Война и финансово-экономическое положение Р.», М., 1917.

Таблице 56. Источники: 1) *Mulhall*, «Industries and Wealth of Nations», 1896; 2) *В. Прокопович*, «К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли»; 3) *С. Н. Прокопович*, «Опыт исчисления народного дохода 60 губ. Европ. Р. в 1900—1913 гг.»; 4) «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по его источникам и размерам», СПб., 1906; 6) *Г. Гуллиамбаров*, «Сравнит. статистика Р. в мировом хозяйстве».

Таблице 57. Источники: 1) *С. Перушин*, «Хозяйственная конъюнктура», М., 1925; 2) *З. Качемелеbaum*, «Война и финансово-экономическое положение Р.», М., 1917; 3) «Статистический ежегодник Р. за 1914 г.»; 4) «Влияние неурожая на народное хозяйство», М., 1927 (статья *В. А. Зайцева*); 5) *Е. В. Волков*, «Динамика народонаселения Р.», М., 1927; 6) «Сборник сведений по истории внешней торговли», СПб., 1902; 7) «Обзоры внешней торговли по европ. и азиат. границам» (1897—1914); 8) *Адамелек-Лазарев*, «Вопросы о недрах и развитии горной промышленности с 1808 по 1908 г.», СПб., 1910; 9) «Статистический ежегодник на 1914 г.», изд. Съезда предст. пром. и торг.; 10) «Промышленный Атлас», изд. ВСНХ СССР; 11) «Общий обзор главн. отраслей горной и горнозаводской промышленности. Особое приложение к смете Горн. деп. на 1916 г.»; 12) «Товарное движение на внутренних водных путях», М., 1929; 13) «Ежегодник Мин. Финансов» (1889—1914).

Таблице 58. Источники: 1) *С. П. Прокопович*, «Война и народное хозяйство», М., 1918; 2) *В. Асмолов*, «Население и будущее народного хозяйства Р.», Петр. 1916; 3) *З. Качемелеbaum*, «Война и финансово-экономическое положение Р.», М., 1917; 4) «Статистический сборник 1913—1917 г.», вып. I и II, изд. ЦСУ; 5) «Р. в мировой войне 1914—1917 гг.», М., 1925; 6) Атлас промышленности СССР, Вып. V, ч. 2 (статья *В. В. Асмолова*), 1931; 7) *А. Е. Лоцицкий*, «Урожай хлебов в Р. в 1917 г.».

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ *).

№№ таблиц

I. Население.

1. Численность населения России с 1794 по 1914 г.	I
2. Основные показатели по губерниям и районам	II—III
3. Естественное движение населения	IV

II. Аграрный строй.

6. Распределение земли по категор. владельцев	VI
7. Распределение крестьянского землевладения на общинное и подворное и группировка частного землевладения	VII
8. Группировка крестьянства по раам. наделов	VII
9. Дифференциация крестьянских хозяйств в 1893 и 1900 гг.	VIII
10. Дифференциация крест. хозяйств в 1917 г.	IX
11. Укрепление крестьянских земель в частную собственность и выход на отрубные участки	X
12 и 12а. Покупка крест. земли через Крест. банк и задолженность частн. землевл.	X—XI
* 4. Состав населения по сословиям в 1858 г. и по классам в 1837 г.	V
* 5. Переселение крестьян за Урал	VI
* 39. Кустарная промышленность	XXXIV
* 38. Отхожие промыслы	XXXIII

III. Сельское хозяйство.

13 и 13а. Распределение земель по угодьям в 1887 г.	XI
14. Изменение в составе угодий с 1887 по 1917 г.	XII
15. Посевные площади зерновых хлебов и картофеля в 1881 и 1913 гг.	XII
16. Средний по 5-летиям оборот хлебов с 1836 по 1915 г.	XIII
17. Посевные площади и сбор хлебов по 10-летиям с 1861 по 1900 г.	XIII
17а. Посевные площади и сбор отдельных хлебов с 1901 по 1915 г.	XIV
18. Средний урожай с десятины главных зерновых хлебов и картофеля	XV
19 и 19а. Продовольственная обеспеченность отдельных губерний с 1888 по 1914 г.	XVI—XVII
* 46. Вывоз и ввоз хлебных грузов (в млн. пудов) по районам в 1909—1913 гг.	XXXIX
* 20. Технические сельскохозяйств. культуры	XVIII—XX
21. Состав посевных площадей крестьян и у частных владельцев в 1916 г.	XXI
22. Количество скота и площадь лугов	XXII
23. Распределение скота (относит. данные) в 1900 г.	XXII
24. Убой скота по районам в 1914 г.	XXIII
25. Лесное хозяйство Европ. России в 1913 г.	XXIII
26. Экспорт за границу лесных материалов	XXIV
27. Рыбный промысел	XXIV

IV. Промышленность.

28. Число рабочих в крупной промышленности	XXV
29. Группировка всех промышленных заведений по числу рабочих	XXVI
30. Группировка промышленных заведений в отдельных отраслях по числу рабочих	XXVI
31. Фабр.-заводская промышленность по отраслям	XXVII
32. Основные элементы, характеризующие фабрично-заводскую промышл. в 1900 и 1908 гг.	XXVIII
33. Продолжительность рабочего дня и размер заработка рабочих в 1914 г.	XXIX
34. Добыча ископаемых и выплавка металлов с 1810 по 1913 г.	XXX
35. Добыча ископаемых и выплавка металлов с 1913 по 1917 г.	XXXI
36. Число рабочих в горной промышленности по отраслям и районам	XXXII
37. Производство, ввоз, вывоз и потребление продуктов горной и горнозав. промышл.	XXXII

V. Транспорт.

40. Железные дороги, построенные с 1838 по 1913 г.	XXXV
41. Пробеги главн. грузов по жел. дорогам и внутренним водным путям (1897—1913)	XXXV
42. Динамика грузооборота железных дорог (1876—1913)	XXXVI
43. Динамика грузооборота внутренних водных путей (1876—1913)	XXXVII
44. Число и вместимость судов кабот. плавания	XXXVIII
45. Число и вместимость морских судов заграничного плавания по отдельным морям	XXXVIII

VI. Торговля.

47. Привоз товаров из-за гран. с 1802 по 1913 г.	XL
48. Вывоз товаров за границу с 1802 по 1913 г.	XLI
49. Общие обороты внешней торговли с отдельными странами с 1846 по 1913 г.	XLII
50. Привоз и вывоз по странам и главным группам товаров (1909—1913)	XLIII—XLIV
51. Динамика облагаемого товарооборота с 1885 по 1913 г.	XLV
52. Число торговых и промышленных заведений и оборот их по отраслям в 1900 г.	XLV

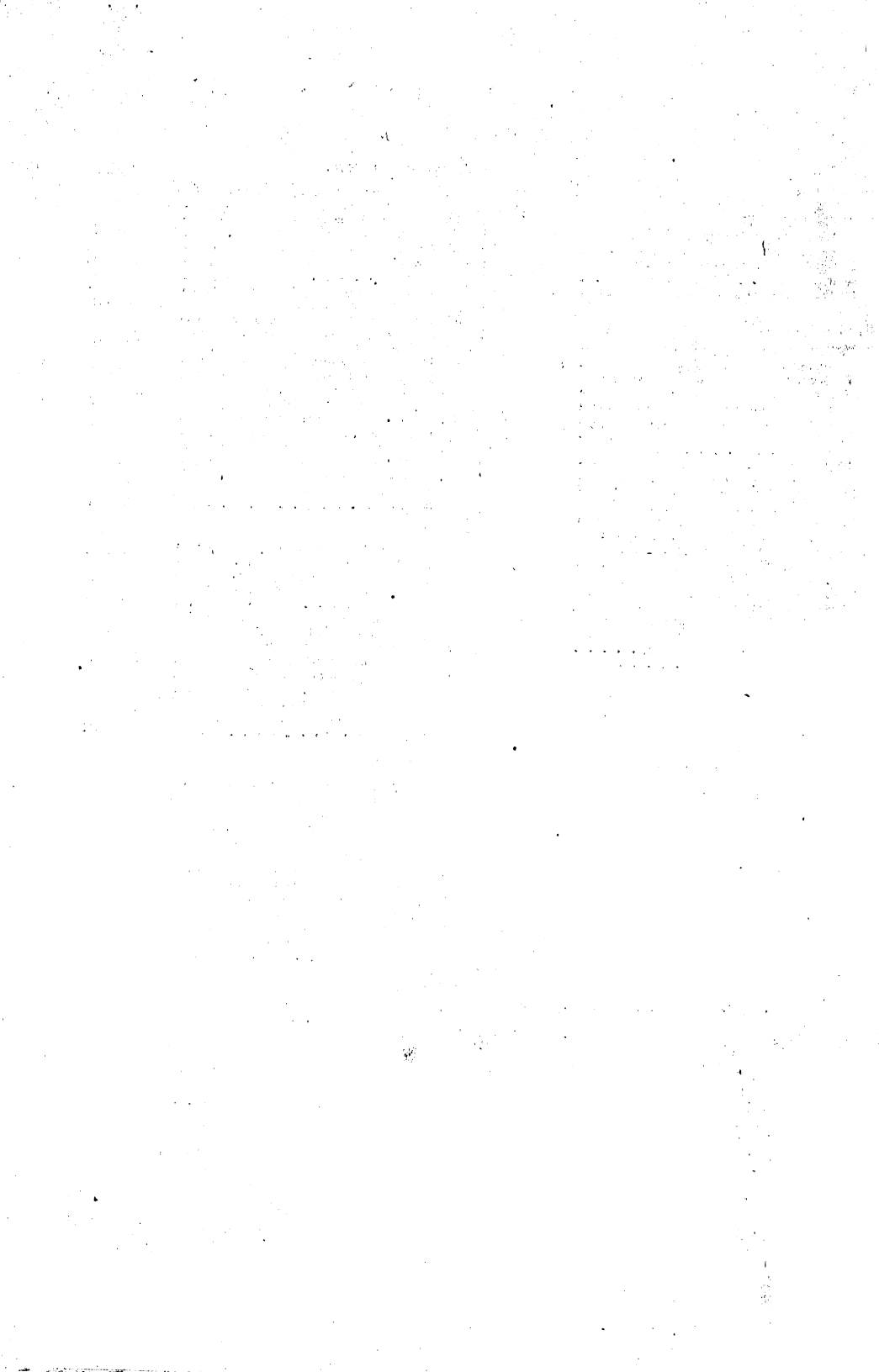
VII. Кредит.

53. Денежн. обращение и кредит (1870—1914)	XLVII
54. Главные статьи баланса крупных кредитных учреждений на 1 янв. 1901 и 1914 гг.	XLVIII
55. Движение основных статей балансов кредитных учреждений в 1913—1917 гг.	XLIX

VIII. Общие итоги народного хозяйства.

56. Динамика народн. хозяйства (1802—1913)	L
57. Размеры народного дохода (1900—1913)	LI
58. Влияние войны 1914—1917 гг. на народное хозяйство	LII—LIII

* По техническим условиям ряд таблиц помещен не в порядке их содержания.






Энциклопедический
СЛОВАРЬ

7^e Издание
Русского Библиографического
Института "Гранат"

Пастернак



Энциклопедический
СЛОВАРЬ

7^e Издание
Рязского Библиографического
Института „Транзит“

Пастернак

